МВД России
Санкт-Петербургский университет

Петр Дмитриевич Николаенко

АНТОН ДЕВИЕР — ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ-ПОЛИЦМЕЙСТЕР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, ВОСПИТАННИК И СПОДВИЖНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Монография

Санкт-Петербург
2025

План-график 2025, поз. 103

УДК 929
ББК 67.3
Н63

Николаенко, Петр Дмитриевич

Н63 Антон Девиер — первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга, воспитанник и сподвижник Петра Великого : монография / П. Д. Николаенко. — Санкт-Петербург : СПбУ МВД России, 2025. — 492 с.

EDN:URVOIX

Монография посвящена жизни и государственной службе ближайшего сподвижника Петра Великого, первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга Антона Мануиловича Девиера. Автор сквозь призму трагической судьбы главного героя рассматривает зарождение и становление регулярной полиции в неразрывной связи с историей строительства Северной столицы России. Это первое расширенное повествование о жизненном пути бывшего юнги голландского флота, который лично был приглашен русским царем на службу в Россию и сделал успешную служебную карьеру.

Как показало время, среди многочисленных сподвижников Петра I А. М. Девиер оказался единственным, кто достойно пронес свое служебное звание преданного и неподкупного начальника регулярной полиции Санкт-Петербурга. Его образ и дела служат достойным примером для сотрудников правопорядка современной России.

Книга рассчитана на историков, юристов, преподавателей, курсантов, слушателей и адъюнктов, сотрудников правоохранительных органов и всех тех, кто интересуется отечественной историей.

УДК 929
ББК 67.3

Рецензенты:
Карнаушенко Л. В., доктор исторических наук, профессор
(Краснодарский университет МВД России);
Кожевина М. А., доктор юридических наук, профессор
(Омская академия МВД России)

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ 5
ОТ АВТОРА 7
ВВЕДЕНИЕ 9
ЧАСТЬ I 31
ГЛАВА 1. РОССИЯ В СУДЬБЕ АНТОНА ДЕВИЕРА. ДОЛГ И ЧЕСТЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО 31
1.1. От царского денщика до генерал-адъютанта Его Императорского Величества 31
1.2. Антон Девиер при Петре I во время Прутского похода 41
1.3. Участие Антона Девиера в реконструкции Ревельской гавани. Секретная миссия в Копенгаген 47
1.4. Прием и сопровождение в Ревель военных судов, купленных за границей 55
ГЛАВА 2. АНТОН ДЕВИЕР — СОЗДАТЕЛЬ РЕГУЛЯРНОЙ ПОЛИЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 67
2.1. От полицмейстерской канцелярии к регулярной полиции 67
2.2. Главный смотритель обустройства Северной столицы 78
2.3. Роль полиции в обеспечении тишины и спокойствия в городе 108
2.4. О результатах борьбы против казнокрадства и взяточничества в петровское время 122
2.5. Светский досуг под присмотром полиции 133
ГЛАВА 3. СМЕРТЬ ПЕТРА I И ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ГРАФА АНТОНА ДЕВИЕРА 147
3.1. Прежние милости и доверие к Антону Девиеру в период правления Екатерины I 147
3.2. Искусство быть самим собой: Антон Девиер — доверенное лицо семьи царя 152
3.3. Дипломатическое поручение Ее Величества генерал-полицмейстеру Антону Девиеру 168
ГЛАВА 4. БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ? К ВОПРОСУ О ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ А. Д. МЕНШИКОВА И А. М. ДЕВИЕРА 181
4.1. Открытый конфликт А. М. Девиера со своим шурином А. Д. Меншиковым 205
4.2. Где поставить запятую в решении сфабрикованного суда: «казнить нельзя помиловать»? 220
ГЛАВА 5. ССЫЛКА АНТОНА ДЕВИЕРА И ГРИГОРИЯ СКОРНЯКОВА-ПИСАРЕВА В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ 265
5.1. Ссыльный Антон Девиер — начальник строящегося порта в Охотске 274
5.2. Освобождение Антона Девиера из ссылки 285

ГЛАВА 6. ТРИ ВЕКА СПУСТЯ: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ 289
ЧАСТЬ II 295
ДОКУМЕНТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА И ВОСПОМИНАНИЯ 295
Донесения А. М. Девиера из Копенгагена Петру I 295
Переписка А. М. Девиера с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным (1714–1716, 1720 гг.). Ревель, Копенгаген, Санкт-Петербург 306
Высочайшие распоряжения о строительстве и бытоустройстве Северной столицы, доводимые генерал-полицмейстером Антоном Девиером до исполнителей (1718–1724 гг.) 334
Переписка генерал-полицмейстера Петербурга А. М. Девиера с вице-адмиралом К. Крюйсом (1718–1722 гг.) 364
РУССКИЙ ДВОР В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ ДИПЛОМАТОВ 393
Донесения Лефорта польскому правительству о положении дел Царского двора при Петре Великом и после его смерти (1724–1727 гг.) 393
Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон Мардефельда прусскому правительству (1721–1730 гг.) 410
Донесения французского посланника при русском дворе Кампредона и агента Маньяна (1726–1727 гг.) 423
Документы Верховного тайного совета — свидетельства о вражде сестры со светлейшим братом (Александр Меншиков и Анна Девиер) 440
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 447
ПРИЛОЖЕНИЯ 453
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 461
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 473

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ



Героем монографии П. Д. Николаенко не случайно стал Антон Мануилович Девиер, первый генерал-полицеймейстер Санкт-Петербурга, личность незаурядная и яркая, верный единомышленник Петра I, безупречно честный и способный деятель молодой Российской империи.

Актуальность исследования не только в том, что это одна из первых работ, где рассматривается процесс создания, развития института полиции как органа исполнительной власти, постепенно формирующегося в течение XVIII века, но значительно глубже. Автор попытался проследить, как органы полиции при Антоне Девиере становятся самостоятельным многофункциональным звеном государственного аппарата, охраняя не только безопасность и правопорядок в строящемся городе, но и решая многие организационно-хозяйственные задачи.

Темы монографии — Россия и ее герой — благодаря продуманной композиционной конструктивности и логичной обоснованности сливаются воедино, четко определяя две части исследования: 1) Антон Девиер и Россия и 2) документально-мемуарные материалы того периода.

Такой авторский подход к интерпретации тематики раскрывает сложные исторические фрагменты, тесно связанные с личностями, определяющими будущее Российского государства (Ф. М. Апраксин, адмирал К. И. Крюйс, Г. Г. Скорняков-Писарев, Ф. Я. Лефорт и др.).

Пожалуй, это одно из тех редких и многосторонних исследований, когда при сложности исторических нюансов П. Д. Николаенко с величайшим уважением и осторожностью относится к каждому персонажу эпохи, воссоздавая прежде всего личность, персоналию, а не эталонного представителя времени. Это и вызывающая противоречивость фигура Меншикова, и последовательное самоутверждение неподкупного Девиера, и дипломатичность осторожного П. Толстого, и самоуверенность

ловкого А. Ушакова, и т. д. Автору удается реально показать нравственно-психологическую мотивацию действий и поступков героев в определенную историческую эпоху.

Н. Д. Николаенко уделяет внимание тем проблемам, которые у исследователей часто вызывают споры и иногда даже граничат с недоказанными гипотезами (сложность ситуации и неоднозначность решения дополняют образ его героев в части I, главе 4, параграфе 4.2 «Казнить нельзя помиловать»). Именно поэтому в монографии так удачно сочетаются четкая логика ученого-историка и реалистическое мышление рационального аналитика, когда полотно художественного текста не отвергает, а утверждает историческую правду.

Научная новизна монографии — это не только комплексный анализ формирования и становления государственной личности А. М. Девиера как генерал-полицеймейстера Северной столицы, а создание основ регулярного государства, в том числе регулярной полиции, будущей системы правоохранительных органов современной России. Автор сумел избежать обезличенного изложения событий и наделил героев реальными действиями с нравственно-психологической мотивацией.

Новаторским, без сомнения, удачным композиционно-стилистическим приемом являются обобщающие ремарки, введенные в текст исследования, не только дающие объективную оценку, но и устанавливающие связь с современником.

Научное исследование П. Д. Николаенко заинтересует и привлечет внимание не только специалистов, оно будет востребовано различными силовыми ведомствами, их сотрудниками, курсантами и слушателями образовательных организаций системы МВД России и всеми, кто искренне чтит и любит свою Отчизну.

Уверен, изучение и применение в учебно-воспитательной работе книги о первом генерал-полицмейстере Санкт-Петербурга А. М. Девиере будет способствовать формированию знаний об истории российской полиции, ее героях и традициях, пониманию ее роли в жизни Российского государства и общества, а также выработке на этой основе профессионально значимых нравственных качеств: верности служебному долгу, Присяге, гордости за принадлежность к органам внутренних дел[1].

Начальник Санкт-Петербургского университета МВД России
генерал-лейтенант полиции И. Ф. Амельчаков

[1] *Приказ* МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024 (дата обращения: 03.06.2025).

ОТ АВТОРА

В книге не только освещается история зарождения регулярной полиции по инициативе и при непосредственном участии Петра Великого, но и воссоздан исторический портрет ее первого начальника. При этом в монографии наряду с главным героем перед читателем предстают портреты и других «птенцов гнезда Петрова», что позволило кратко показать их усилия по осуществлению петровской перестройки России на европейский лад, избежать обезличенного изложения событий и фактов исследуемого времени.

В предлагаемой работе автор стремился уяснить специфические обстоятельства возникновения регулярной полиции, ее первые шаги службы в условиях строящейся Северной столицы сквозь призму жизни и деятельности А. М. Девиера — ее первого руководителя. В книге прослеживается жизненный путь генерал-полицмейстера[1]: от его службы в должности царского денщика, генерал-адъютанта Петра I до начальника регулярной полиции Санкт-Петербурга, а позднее как ссыльного и руководителя Охотского порта Дальнего Востока.

Читатель в исследовании встретит немало новых и интересных событий и фактов из жизни главного героя. Этому в значительной степени способствует привлечение неопубликованных архивных материалов и опубликованных малоизвестных источников и документов. На документальной базе автор предпринял попытку восстановить историческую справедливость, воздать должное нашему предшественнику Антону Мануиловичу Девиеру, стоявшему у истоков регулярной полиции и отличавшемуся редким для своего времени бескорыстием и преданностью делу, за что был особенно ценим Петром I. Антон Девиер был в числе тех приближенных царя Петра I, кто верой и правдой служил Государю и до конца жизни не запятнал свое имя

[1] В документальных источниках пишется «генерал-полицеймейстер». Автор, как и большинство современных исследователей, в своей работе придерживается общепринятой терминологии «генерал-полицмейстер».

противозаконными действиями. Именно такому верному стражу, первопроходцу в истории российской полиции, посвящено это исследование.

В книге достоверность исторического фона служит подробному реконструированию нравственно-психологического портрета первого генерал-полицмейстера Петербурга А. М. Девиера. Именно ему принадлежит заслуга реализации воли Петра Великого в создании регулярной полиции, которая вот уже более 300 лет стоит на страже закона и правопорядка Российского государства.

Автор благодарит сотрудников за содействие в поиске необходимых документов и материалов указанных в монографии архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Томска; выражает признательность старшему научному сотруднику Т. А. Базаровой и ведущему научному сотруднику Н. А. Башнину (НИА СПб ИИ РАН), а также своим коллегам по кафедре теории и истории государства и права: Н. С. Нижник, А. А. Удальцову, Е. С. Зайцевой, А. Л. Бредихину и др.

Благодарю И. А. Белорусцеву за профессиональные советы и неоценимую поддержку при написании монографии, сына Вадима Петровича и внука Матвея — за содействие в подготовке книги к изданию.

ВВЕДЕНИЕ

Биографический жанр в отечественной исторической науке пользовался высоким спросом во все времена. Но более преуспело биографическое направление историографии русской истории в XIX в. Классиком биографического жанра по праву считается русский историк и писатель Н. И. Костомаров[1]. Его дело в 1890–1915 гг. продолжил Ф. Ф. Павленков. В советское время с 1933 г. по инициативе Максима Горького вновь стала издаваться серия «Жизнь замечательных людей».

На рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии исследования биографического жанра заняли преобладающее место. Появились научные исследования о жизни и деятельности А. А. Аракчеева, М. М. Сперанского, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, генерал-прокуроров Правительствующего сената, царей династий Рюриковичей и Романовых[2].

В ряде работ, изданных по истории органов внутренних дел, появились достойные внимания биографические очерки о министрах внутренних дел, монографии о первых министрах МВД и полиции — князе В. П. Кочубее и министре полиции генерале А. Д. Балашове[3].

---

[1] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 3-х книгах : кн. 1. 2003. 640 с. ; кн. 2. 2004. 640 с. ; кн. 3. 2004. 672 с. М. : ОЛМА-ПЕРЕСС ОАО ПФ, 2003–2004.

[2] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и его время. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 430 с. ; *Архангельский А. Н.* Александр I. М. : Вагриус, 2000. 575 с. ; *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Российские прокуроры. М. : Молодая гвардия, 1999. 570 с. ; *Пчелов Е. В.* Романовы. История династии. М. : ОЛМА-ПЕРЕСС, 2002. 494 с. ; *Томсинов В. А.* Аракчеев. М. : Молодая гвардия, 2006. 429 с. ; *Его же*. Сперанский. М. : Молодая гвардия, 2006. 451 с. ; *Струков Д. Б.* Столыпин. М. : Вече, 2012. 544 с. ; *Серов Д. О., Федоров А. В.* Следователи Петра Великого. М. : Молодая гвардия,| 2018. 348 с.

[3] *Борисов А. В.* Министры внутренних дел России. 1802–октябрь 1917. СПб. : Изд-во СПбУ МВД России, 2001. 350 с. ; *Николаенко П. Д.* Князь В. П. Кочубей —

XXI век вызвал новый всплеск научного интереса к истории правоохранительных органов. Он был обусловлен широкомасштабной подготовкой к 300-летию российской полиции, которая в 2018 г. отметила свой трехвековой юбилей, а также празднованием 350-летия со дня рождения первого императора России Петра Великого. Поэтому, по нашему представлению, издание биографии о жизни и государственной службе бывшего царского денщика Антона Девиера, ставшего по высочайшей воле первым начальником регулярной полиции в строящейся Северной столице России, весьма своевременно и актуально.

Это позволит получить первое, более полное представление, основанное на документальной базе, включающей ряд новых архивных источников об одном малоизвестном современному читателю «птенце гнезда Петрова» — А. М. Девиере.

Многоплановая организаторская и практическая деятельность А. М. Девиера в должности генерал-полицмейстера Петербурга до сих пор не была предметом самостоятельного исследования. Отечественная историография располагает лишь немногими работами, в которых освещаются отдельные стороны деятельности А. М. Девиера.

Научный интерес к данной проблематике объясняется также тем, что Петр I своей масштабной реформаторской деятельностью по праву считается создателем российской регулярной полиции. Ему принадлежит заслуга не только в обосновании теоретических основ создания постоянно действующего государственного полицейского ведомства, но и в разработке главных направлений его практической деятельности по выполнению многофункциональных задач организационно-хозяйственного и политического характера в строящейся новой столице России.

В предлагаемом монографическом исследовании автор попытался показать зарождение российской полиции по высочайшему повелению и ее функционирование в Петровскую эпоху сквозь призму жизни и государственной службы ее первого руководителя А. М. Девиера.

Рассматривая степень научной разработанности интересующей темы, необходимо отметить, что в дореволюционной историографии личность А. М. Девиера получила определенное освещение. В работе

первый министр внутренних дел России. СПб. : Изд-во СПбУ МВД России, 2009. 780 с. ; *Его же*. Балашов А. Д. — первый министр полиции. СПб. : Изд-во СПбУ МВД России, 2016. 324 с.

Д. Н. Бантыш-Каменского, например, схематично показана его полицейская служба, участие в так называемой придворной оппозиции и, как результат, суд и ссылка в Сибирь[1].

Историк Н. И. Костомаров в очерке о Петре I пишет о чрезвычайной строгости петербургской полиции, особенно генерал-полицмейстера, который «ежедневно сек кнутом человек по шести». В то же время полиция занималась освещением улиц города, под ее присмотром устраивались ассамблеи столичной знати[2].

В работе русского историка и писателя Е. П. Карновича освещается дипломатическая поездка генерал-полицмейстера А. М. Девиера в Митаву в годы правления Екатерины I. Автор, опираясь на исторические документы, в увлекательной форме повествует об успешной миссии А. М. Девиера по недопущению заключения брачного союза между дочерью русского царя Ивана Алексеевича, митавской вдовой Анной Иоанновной, и графом Морицем Саксонском, побочным сыном короля Польши Августа II[3].

Русский историк С. М. Соловьев в своем сочинении по истории России лишь напоминает о создании полиции и назначении генерал-полицмейстера, не называя даже его имени[4].

Крайне скупая по содержанию информация о деятельности нашего героя содержится в работе М. И. Семевского «Тайная канцелярия при Петре Великом». Автор лишь трижды упоминает о А. М. Девиере, когда речь идет об аресте и казни камергера Виллима Монса и о «волокитстве полицейского» при допросе «солдатки Ирины Ивановой», которая при споре употребила «слово и дело». В связи с этим А. М. Девиер не решился сам расследовать это дело, препроводил виновницу в Тайную канцелярию. Там солдатка отсту-

---

[1] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей земли русской, содержащей в себе деяния знаменитых полководцев и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных императоров и ученых известных по участию в событиях отечественной истории : в 5 частях. М., 1836. Часть 2. С. 191.

[2] *Костомаров Н. И.* Петр Великий // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 3. М., 2004. С. 89–91.

[3] *Карнович Е. П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1884. Репринтное издание. Л., 1990. С. 3–46.

[4] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : [в одном томе]. М. : Эксмо, 2011. С. 567.

пила от «слово и дело», так как не знала, что по нему сказать. Провинившуюся «солдатку Ирину» побили «батогами нещадно» и отпустили, пре-дупредив: «Ничего не зная, не сказывай за собой государева слова».

Во время следствия по делу В. Монса упоминается «обер-полицмейстер Девиер», который, по утверждению М. И. Семевского, хлопотал за камергера царицы в покупке для него еще одного двора на Васильевском острове. Но покупка не состоялась из-за строгого запрета Государя продавать или закладывать там дома, «доколе этот остров не удовольствуется строением». Извещая В. Монса о неудаче хлопот по этому делу, А. М. Девиер, как пишет историк, тут же «в письмо вложил писанную своей рукой безымянную цидульку: „Объявляю вашей милости: имею… две лошади — коня да рыскучаю лошадь, и, ежели которая вам будет угодна, изволь ко мне отписать, куда ее к вашей милости прислать”»[1].

Не располагая документами по этому вопросу, мы не знаем, состоялась ли эта сделка между начальником полиции Северной столицы и доверенным лицом императрицы Екатерины Алексеевны. Мы лишь предполагаем, что сделка «в качестве подарка» не должна состояться, так как в объяснительной записке В. Монса среди многочисленных дарителей презентов камергеру императрицы фамилия А. М. Девиера не значится. То ли должность, то ли совесть, а может, все вместе, уберегли нашего героя от связи с этим человеком, погрязшим во взятках.

Последний случай участия А. М. Девиера уже в судебном деле В. Монса был связан с выполнением генерал-полицмейстером чисто полицейской обязанности по отношению к любимцу императрицы. Он должен был заблаговременно оповестить обывателей столицы о предстоящей публичной казни. С этой целью по распоряжению начальника полиции 15 ноября 1724 г. по улицам Петербурга на стенах домов появились публикации: «… завтра, то есть 16-го числа сего ноября, в 10 часу пред полуднем, будет на Троицкой площади экзекуция бывшему камергеру Виллиму Монсу… А подлинное описание вин [его] будет объявлено при экзекуции» [2].

---

[1] *Семевский М. И.* Тайная канцелярия при Петре Великом. М. : Эксмо, 2008. С. 526.
[2] Цит. по: *Семевский М. И.* Указ. соч. С. 575, 576.

Заметный след в отечественной историографии дореволюционного периода оставил российский историк и писатель генерал-майор С. Н. Шубинский, который на доступной для того времени широкой источниковой базе написал научный очерк о А. М. Девиере и опубликовал его в журнале «Русский вестник» под названием «Первый Петербургский генерал-полицмейстер»[1].

В советский период, особенно в 1920–1940-е гг., личность А. М. Девиера интереса не вызывала. Первой солидной работой того времени, в которой нашлось место для оценки полицейской деятельности А. М. Девиера, стала монография С. П. Луппова. Труд С. П. Луппова, написанный на базе новых архивных документов и критически оцененных работ своих предшественников, стал базовым для последующих исследователей петровского времени[2].

В монографии С. П. Луппова впервые освещается участие полиции Северной столицы в контроле за ходом строительства и благоустройства города. По высочайшему повелению с учреждением должности генерал-полицмейстера в распоряжение столичной полиции были отданы контрольные функции по поддержанию городского хозяйства: регламентация городской застройки, содержание в исправном состоянии мостов и мостовых, набережных, контроль за соблюдением правил торговли, соблюдение установленных цен на съестные продукты, охрана общественного порядка и борьба с преступностью.

Работа С. П. Луппова пробудила заметный интерес многих исследователей к истории Петербурга и вообще к эпохе Петра I. В 80–90 гг. прошлого века в изучении истории Петровской эпохи заметных успехов достигли Н. И. Павленко и Е. В. Анисимов, зарекомендовав себя ведущими специалистами российской истории XVIII в.

Признанный классик историко-биографического жанра и знаток Петровского времени историк и писатель Николай Иванович Павленко написал классическую биографию Петра Великого. Привлекая опубликованные и неопубликованные источники, автор рассматривает жизнь и деятельность Петра на широком фоне социально-

---

[1] *Шубинский С. Н.* Первый Петербургский генерал-полицмейстер. // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448 ; *Его же*. Девиер Антон Мануилович, граф // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 7. С. 370–376.

[2] *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л. : Изд-во Академия наук СССР. 1957. 192 с.

экономической и общественно-политической жизни страны, воссоздает портрет царя-реформатора и тем самым дает ответ на сегодняшние споры: благом или трагедией для России стали петровские преобразования.

В отношении А. М. Девиера он приводит два аргумента: напоминает, кто имел право являться с докладами в домик Петра, перечисляя посетителей, называет генерал-полицмейстера и указывает на учреждение регулярной полиции и Полицмейстерской канцелярии во главе с А. М. Девиером[1].

В других работах биографического жанра Н. И. Павленко более подробно освещает некоторые сюжеты службы А. М. Девиера при дворе и в полиции[2].

В исследовании о царствовании малолетнего императора Петра II историк в приложении приводит текст документа о ходе следствия и решении суда по делу А. М. Девиера и его сообщников[3].

Из дела А. Девиера ясно видно, что единственной причиной ареста и ссылки генерал-полицмейстера Северной столицы и так называемых его сообщников была ненависть к ним князя А. Д. Меншикова, так как они стояли на пути его утверждения у царского трона в качестве регента малолетнего императора Петра II.

Широкую портретную галерею русских правителей и их приближенных первой половины XVIII в. представляют труды известного петербургского историка и писателя Е. В. Анисимова[4].

В работе о петровских реформах он, в отличие от других, становлению и задачам регулярной полиции посвятил целую главу «Полиция есть душа гражданства». Столь неординарное название автор решил позаимствовать из регламента Главного магистрата. Приступая к анализу основных положений главы X «О полицейских делах», историк подводит читателя к мысли, что полиция понималась царем не только как учреждение, но и как система отношений, пронизывающая

---

[1] *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 2010. С. 579, 730, 731.

[2] П*авленко Н. И.* Меншиков: полудержавный властелин. М., 2017. С. 405–406, 431 ; *Его же*: Екатерина I. М., 2017. С. 171–178, 183, 185.

[3] *Павленко Н. И.* Петр II. М., 2017. С. 242–270.

[4] *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л. : Лениздат, 1989. 496 с. ; *Его же*. Россия без Петра: 1725–1740. СПб. : Лениздат, 1994. 496 с. ; *Его же*. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб.: «Норинт», 2004. 462.

все гигантское здание российской государственности, «фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности»[1].

Далее освещается комплекс проводимых мероприятий по воплощению в жизнь представления Петра по созданию российской государственности, вдохновленной полицейской идеей. Это насильственное внедрение «регулярства» в повседневную жизнь подданных: преобразование быта, обычаев, формы одежды, бритье бород, новые нормы поведения женщины, развлечения — ассамблеи. Произошла коренная реорганизация системы образования, утверждается светский характер новой культуры.

Автор напоминает, что рельефнее всего эта унификация, пронизанная «полицейским духом», проявляется в городах, особенно в строящейся Северной столице. Здесь же создана Полицмейстерская канцелярия, ставшая первым профессиональным полицейским ведомством в России. Во главе ее был поставлен генерал-полицмейстер. Далее автором перечисляются обязанности полиции, которые были весьма обширны[2].

В книге «Россия без Петра» автор освещает печальные для России итоги царствования Екатерины I, восседавшей на царском троне два года и три месяца (1725–1727), малолетнего Петра II (1727–1730) и десятилетнее правление племянницы Петра I, дочери царя Ивана, императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). В книге нашлось место и для А. М. Девиера. Во дворце умирающей Екатерины I показаны последние аккорды многолетнего конфликта между А. Д. Меншиковым и его зятем графом А. М. Девиером. Последний выступал против вступления на престол Петра II и его женитьбы на дочери князя Марии Меншиковой, так как это вело к растущей власти Меншикова у трона малолетнего царя.

По утверждению Е. В. Анисимова, близкая опасность «обострила политический нюх» не только «беспородных птенцов» Петра Великого, но и бывшего сподвижника светлейшего графа П. А. Толстого. В сложившейся не безопасной для него обстановке он присоединился к А. М. Девиеру и его соучастникам. И хотя было известно, что в среде «птенцов» не зрел заговор, а лишь велись разговоры о буду-

---

[1] *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. С. 352–353.

[2] *Анисимов Е. В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. С. 363–364.

щем, А. Д. Меншиков добился от умирающей Екатерины I сурового наказания мятежников. Суд был скорым и несправедливым. Все дело, как заключает Е. В. Анисимов, «шито белыми нитками», но 6 мая 1727 г. за несколько часов до кончины Екатерина подписала Указ о наказании П. А. Толстого, А. М. Девиера и других. И хотя императрица отменила смертный приговор П. А. Толстому и А. М. Девиеру, их ждала пожизненная ссылка.

Отвечая на вопрос, всегда возникающий у читателей, почему императрица Анна Иоанновна не предоставила в числе других свободу ссыльному А. М. Девиеру, историк Е. В. Анисимов объясняет весьма убедительно и близко к истине: некоторые ссыльные для людей, пришедших к власти, являлись соперниками, поэтому Девиер, Скорняков-Писарев не увидели свободы и в правление Анны Иоанновны. Они были освобождены в правление Елизаветы Петровны[1].

Другие исследователи, в частности Н. М. Голь, утверждают, что Анна Иоанновна мстила А. М. Девиеру за расстроенный брак ее с графом Морицем Саксонским и поэтому комендантом Охотска назначила Г. Г. Скорнякова-Писарева, а бывшего генерал-полицмейстера столицы «не заметила». Последнему пришлось ждать этого назначение почти 10 лет[2].

Заметно активизировалась научно-исследовательская работа в связи с подготовкой к 300-летию основания Санкт-Петербурга. Коллектив авторов к юбилею Северной столицы подготовил энциклопедическое издание «Три века Санкт-Петербурга» в трех томах. Первый том «Осьмнадцатое столетие» в двух книгах представляет собой, по утверждению авторов, первый в отечественной энциклопедической практике опыт издания, посвященного всем сторонам жизни Санкт-Петербурга в пределах одного хронологического историко-культурного периода. В нем освещается история государства и общества, науки и техники, архитектуры и различных видов искусства (музыки и театра, литературы и языка), городского быта. Статьи снабжены библиографией, книга богато иллюстрирована, содержит приложения, таблицы, карты.

---

[1] *Анисимов Е. В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. С. 416.

[2] *Голь Н. М.* Первоначальствующие лица: история одного города. СПб. : Журнал «Нева», 2001. С. 74.

В первой книге «Осьмнадцатое столетие» помещена статья Г. В. Калашникова о служебном пути А. М. Девиера «Девьер Антон Мануилович, граф», в которой использован материал двух историков: Д. Н. Бантыш-Каменского[1] и Е. В. Анисимова[2].

Автор лишь фрагментарно обозначил вехи жизненного пути генерал-полицмейстера А. М. Девиера[3].

Должного внимания заслуживает коллективный труд, вышедший в юбилейном для города году — в 2003 г., в котором рассматривается трехсотлетняя история Северной столицы через судьбы ее фактических руководителей — от генерал-губернатора А. Д. Меншикова до мэра А. А. Собчака и губернатора В. А. Яковлева[4].

Во второй главе юбилейного издания помещена статья об А. М. Девиере, интересная по содержанию и емкая по информации (автор-составитель Д. В. Митюрин)[5]. В частности, описано происхождение А. М. Девиера из «древнего рода испанских евреев, ведущих свою родословную от Иехаиила бен-Додаша из Виейры»[6].

Затем по установившейся схеме освещается его приезд в Россию по приглашению Петра I, служба при царском дворе, потом в должности генерал-полицмейстера Северной столицы. Автор статьи утверждает, что «Пункты» для генерал-полицмейстера А. М. Девиера написаны царем, что новая полицейская структура не только следила за порядком в городе, но и «выполняла ряд хозяйственных функций». Характеризуя деловые и нравственные качества А. М. Девиера, автор статьи заключает, что генерал-полицмейстер, в отличие от генерал-

---

[1] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей земли русской. СПб., 1836. Часть 2. С. 191.

[2] *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ.

[3] *Три* века Санкт-Петербурга. Энциклопедия : в 3-х томах. Т. 1. Осьмнадцатое столетие : в 2-х кн. Т. 1 : А–М / отв. ред. П. Е. Бухаркин. 2-е изд., испр. СПб. : Филологический факультет СПб ГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2003. С. 301–302.

[4] *Градоначальники*. Петербург-Петроград-Ленинград-Петербург / автор-сост. Д. В. Митюрин. СПб : Гуманитарный издательский центр «Новое культурное пространство» при содействии ЗАО «Ежедневная газета «Вечерний Петербург», 2003. 912 с.

[5] Там же. Антон Эммануилович Девиер (1672–1745), генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга в 1718–1727 и 1744–1745 гг. // Градоначальники. Петербург-Петроград-Ленинград-Петербург / автор-составитель Д. В. Митюрин. С. 77–88.

[6] Там же. С. 79.

губернатора А. Д. Меншикова, обладал «несравненно большими трудолюбием и честностью» и «внес огромный вклад в создание аппарата петербургской администрации»[1].

Сложившаяся при А. Д. Меншикове и А. М. Девиере традиция двух властей (генерал-губернаторской и генерал-полицмейстерской) оказалась настолько устойчивой, что, несмотря на все административные изменения, отчетливо прослеживалась в Петербурге вплоть до второй половины XIX века[2]. Вместе с тем отсутствие научного аппарата снижает ценность статьи Д. В. Митюрина.

К юбилею Санкт-Петербурга коллектив авторов-составителей Санкт-Петербургского института истории в составе Е. А. Андреевой, Т. А. Базаровой, Г. А. Победимовой и Ю. Б. Фоминой в 2003 г. издал каталог «Петербург в эпоху Петра I». Каталог обозначил содержание почти четырех тысяч документов со сведениями обо всех сторонах жизни Северной столицы на протяжении первой четверти XVIII в.[3]

В каталог включены сведения из 99 архивных дел, в которых содержится информация о государственной службе генерал-полицмейстера Петербурга А. М. Девиера[4]. Авторы-составители и ныне продолжают исследовать проблемы Петровской эпохи.

Так, Е. А. Андреева в 2006 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Начало строительства Петербурга: обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг.». В 2011 г. вышло в свет ее монографическое исследование, посвященное рождению северной столицы; в 2013 г. издана ее книга о трагической судьбе первого генерал-губернатора Петербурга князя А. Д. Меншикова[5].

---

[1] *Градоначальники* ... С. 88.

[2] Там же. С. 88.

[3] *Петербург* в эпоху Петра I / Е. А. Андреева, Т. А. Базарова, Г. А. Победимова, Ю. Б. Фомина. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Каталог. Часть 1. СПб. : Наука, 2003. 790 с.

[4] Подсчитано автором.

[5] *Андреева Е. А., Тронь А. А.* Рождение Петербурга. СПб., 2011. 184 с. ; *Андреева Е. А.* Следственное дело и ссылка А. Д. Меншикова 1727–1729 гг. : исследование и документы. СПб., 2013 ; *Андреева Е. А.* Следственное дело и ссылка А. Д. Меншикова 1727–1729 гг. : исследование и документы. 2-е изд., исправл. и доп. СПб. : Историческая иллюстрация. 2021. 348 с.

По нашему мнению, автор, хотя и невзыскательно, но справедливо напоминает об участии князя А. Д. Меншикова в аресте и ссылке своего зятя А. М. Девиера в Сибирь. «Не без активного участия шурина, — пишет автор, — 24 апреля 1727 г. А. М. Девиер был взят под караул. Якобы за намерение устранить Петра II от престола, бит кнутом и сослан в Сибирь»[1].

В ряде работ, посвященных внешней политике России в петровское время, существенно выделяется фундаментальное исследование Т. А. Базаровой, в котором прослеживается деятельность русских послов П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева в 1711–1712 гг. в Стамбуле, их усилия по установлению и развитию дипломатических связей с послами европейских стран, созданию сети информаторов и агентов в столице Турции.

В своей работе автор предваряет публикацию документов аргументированным исследованием, построенным на широкой научной базе, посвященной русско-турецким мирным переговорам, а также жизни и работе петровских послов в столице Османской империи в условиях антирусских настроений.

Среди документов, опубликованных в монографии, приводится малоизвестный факт о том, что от Петра I были присланы адъютанты Антон Виер (Девиер) и П. И. Ягужинский с целью, чтобы участвующие в русско-турецких переговорах в 1711 г. Петр Шафиров и генерал-майор граф Михаил Шереметев «оной договор скоряя скончать и разменятца», ибо царское войско уже к маршу готово и «токмо ожидают присылки трактату»[2].

Об успешном окончании русско-турецких переговоров и подписанном относительно выгодном для России договоре сообщает П. П. Шафиров царю письмом, которое доставляет адъютант Антон Виер (Девиер). В нем написано: «Всемилостивейший государь, Вашему Величеству поздравляю совершением миру турецкого и исполнением в походе ваших войск, дай Вышний благополучное слышать»[3].

---

[1] *Андреева Е. А.* Следственное дело и ссылка А. Д. Меншикова 1727–1729 гг. С. 25.

[2] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе: статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (исследование и тексты). СПб. : Историческая иллюстрация., 2016. С. 167.

[3] Там же. С. 167.

Как видно из официального донесения посла П. П. Шафирова об итогах русско-турецких переговоров, можно заключить о весьма доверительном отношении Петра I к Антону Девиеру, а не к П. И. Ягужинскому, который вместе с ним был послан в турецкий лагерь к русским послам. Кроме того, этот факт свидетельствует о нахождении А. М. Девиера при царе Петра I во время Прутского похода.

Из работ других петербургских историков конца XX — начала XXI вв. следует отметить исследования П. А. Кротова, речь в которых идет об основателе Северной столицы Петре I и его победе над шведами под Полтавой и в первом морском сражении русского флота у мыса Гангут[1].

Важно заметить, что в подготовительных мероприятиях к проведению первого решающего сражения русских войск на суше при Петре I и А. Д. Меншикове в качестве связного неотлучно находился А. М. Девиер. В период подготовки к морской битве при мысе Гангут он сопровождал в Ревель купленные за границей военные суда, строил гавань и крепость в этом районе для русского флота.

В работе, посвященной основанию Северной столицы, автор пытается ответить на один из вопросов, вызывающих спор до сих пор: закладывал ли Петр I Санкт-Петербург лично? На этот вопрос историк П. А. Кротов отвечает положительно.

Как известно, наводнения приносили петербургскому населению бесчисленные бедствия. Только за петровский период с 1703 г. по 1725 г. в Петербурге было 11 больших наводнений. Первое из них произошло 19 августа 1703 г., т. е. через три месяца после основания города. Вода затопила лагерь русских войск и причинила большие убытки[2].

Петербургский историк Ю. Н. Беспятых, продолжая традицию дореволюционных ученых по исследованию данной проблемы в жизни жителей Северной столицы, в 2013 г. издал монографию «Наводнения в Петербурге при Петре I». В книге в борьбе с наводнениями первостепенное значение отводится войскам и полиции. Автор приводит извлечение из письма Петра I генерал-полицмейстеру

---

[1] *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. 248 с. ; *Его же*. Битва при Полтаве. СПб., 2009. 416 с.; *Его же*. Основание Санкт-Петербурга. СПб., 2006. 160 с.

[2] *Каратыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений. 1703–1879. СПб., 1889. С. 5.

А. М. Девиеру, в котором царь выражает особую озабоченность тяжелыми последствиями возможного наводнения для города: «не испортило [бы] плотины и тем паки на год не приключила работы»[1].

Царь обеспокоенно написал начальнику полиции столицы о предстоящем наводнении, которое может «уничтожить масштабных трудов целого города», но удивительно, заключает Ю. Н. Беспятых, это было, насколько известно, «единственное признание государя об опасных последствиях этой стихии»[2].

Об этом своеобразном восприятии царем последствий наводнений заметил еще в начале 50-х годов XX в. советский историк С. П. Луппов: «Петр хорошо знал о наводнениях с первых месяцев существования Петербурга, но со всей своей энергией продолжал строительство новой столицы»[3].

Как показало время, предпринимаемые правительством меры по избежанию значительного ущерба городу от повторяющихся наводнений оказались малоэффективными. И только с завершением строительства в конце XX в. плотины в районе Кронштадта удалось оградить Петербург от этого периодически повторяющегося стихийного бедствия.

XXI век вызвал новую волну научного интереса у исследователей к истории правоохранительных органов. Она обусловлена подготовкой к празднованию 200-летия МВД и Министерства полиции, 150-летия министра-реформатора П. А. Столыпина и 250-летия со дня рождения первого министра внутренних дел России В. П. Кочубея, 300-летия российской полиции, 350-летия со дня рождения Петра Великого.

К этим памятным датам были изданы монографии, справочники, очерки и статьи, в которых имелась информация о государственной службе А. М. Девиера[4].

---

[1] *Беспятых Ю. Н.* Наводнения в Петербурге при Петре I. СПб., Историческая иллюстрация. 2013. С. 127.

[2] *Беспятых Ю. Н.* Указ. соч. С. 127.

[3] *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л., 1957. С. 144.

[4] *Голь Н. М.* Первоначальствующие лица: история одного города. СПб., 2001. С. 55–76 ; *Кудин В. А., Николаенко П. Д.* Неподкупный генерал-полицмейстер (страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А. М. Девиера // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (73) 2017.

Известные историки-правоведы (А. В. Борисов, А. Я. Малыгин и Р. С. Мулукаев) в 2016 г. подготовили коллективный труд, аккумулировавший многолетнюю их исследовательскую работу по истории российской полиции дореволюционного периода[1].

В юбилейном издании прослеживается история становления и развития российской полиции от Петра I до 1917 г. Следует отметить новизну в изложении содержания книги: авторы, отказавшись от традиционных структурных начал в написании исследований, в юбилейном издании активно и оригинально добавляют извлечения из документов и воспоминаний, что, несомненно, оживляет его текст и вызывает интерес у читателя и поддержку в научном мире[2].

В главе 1 «Регулярное государство и регулярная полиция» речь идет о предпосылках образования и становления в петровское время регулярной полиции, об учреждении в Петербурге должности генерал-полицмейстера и назначении 27 мая 1718 г. на эту должность генерал-адъютанта А. М. Девиера, который возглавлял Канцелярию полицмейстерских дел, учрежденную 7 июня 1718 г. В «Пунктах», собственноручно написанных Петром I и врученных А. М. Девиеру, были изложены основные направления деятельности полиции, ее роль и место в реформированной российской государственности[3].

Из трудов зарубежных авторов последних лет, которые исследуют эпоху Петра Великого, его реформаторские преобразования, в том числе упоминают полицейскую деятельность А. М. Девиера, стоит назвать исследование Линдси Хьюз. Профессор кафедры русской истории Лондонского университетского колледжа, автор ряда

С. 13–22 ; *Федорченко В. И.* Императорский дом: выдающиеся сановники : в 2-х т. Т. 2. М., Красноярск, 2001. С. 370–371 ; *Кротов П. А., Акишин М. О.* Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738). СПб. : Историческая иллюстрация, 2022. 308 с.

[1] *Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С.* Три века российской полиции. М. : РИПОЛ классик, 2016. 608 с.

[2] Сейчас стало весьма популярно издавать научные труды, состоящие из двух частей одного тома: исследования и тексты архивных документов. Например: Б*азарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе: статейные записки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (исследование и тексты). СПб., 2016. 864 с. ; *Андреева Т. В.* На дальних подступах к великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Николая I : исследование и документы. СПб., 2019. 788 с.

[3] Б*орисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С.* Три века российской полиции. С. 82–85.

работ по истории России, Линдси Хьюз в 2008 г. издала на русском языке монографию «Петр Первый. У истоков Великой Империи»[1].

Автор книги весьма скромно, чуть больше четырех страниц, посвятила деятельности генерал-полицмейстера строящейся новой столицы. При этом первой обязанностью начальника полиции города профессор Л. Хьюз посчитала довести требования указа государя от 20 марта 1720 г. к горожанам: кто имеет своих лошадей в марте в указанное место на Васильевском острове привезти каждой лошади навозу по возу; в октябре 1721 г. начать благоустраивать скотобойни в устье реки Мьи (Мойки. — П. Н.); одновременно принимать меры для «лучшего вида и чистоты», установление новых полотняных палаток, а также против засорения улиц «отбросами общества»; нищим милостыню не просить и никому не давать». В таком ключе автор изложила обязанности полиции, ее начальника генерал-полицмейстера А. М. Девиера по поддержанию порядка и общественной безопасности в Петербурге во времена правления Петра I[2].

Книга другого зарубежного автора, посвященная Петровской эпохе, вызвала у нас неподкупный интерес. В 2015 г. португальский исследователь Жозе Мильязеш издал книгу на португальском языке «Антонио де Виейра. Португальский фаворит Петра Великого»[3]. Книга посвящена жизни и государственной службе Антонио де Виейра и его потомкам, проживающим в России. В первой части рассказывается о приезде португальского юноши Антонио в Россию, назначении его генерал-полицмейстером и, как пишет автор, «участии де Виейра на строительстве Санкт-Петербурга». Следующая глава озаглавлена «Взлет и падение де Виейра», и последняя, четвертая глава первой части, названа «Приключения де Виейра в Сибири». Для нас непонятно, что подразумевает португальский исследователь под «приключением» нашего героя, отбывавшего ссылку в Сибири. Во второй части книги автор рассматривает генеалогическое дерево де

---

[1] *Хьюз Л.* Петр Первый. У истоков Великой Империи. М. : Омега, 2008. 528 с. (Серия «Йельский университет. Опыт объективного исследования») / пер. с англ. Михаила Колесникова (главы I–X) и Марка Юсима (главы XI–XII).

[2] *Хьюз Л.* Указ. соч. С. 272–276.

[3] *Мильязеш Ж.* Антонио де Виейра. Португальский фаворит Петра Великого / на порт. яз. Лиссабон, 2015. 125 с. ; *Ругль У. П.* Антонио Мануэль де Виэйра при российском дворе XVIII столетия. М. : Голос-Пресс, 2003

Виейра в России, художественную ветвь этого рода, связи с другими русскими дворянскими родами.

Книга написана на базе опубликованных широко известных литературных источников, а также двух работ на португальском языке: Роукле Виллиант «Антонио Мануэл де Виейра при российском дворе XVIII века», Лиссабон, 1983; Милгацес Иозе «Сказание о португальцах в России», Лиссабон, 2011.

Таким образом, историографический обзор позволяет сделать следующий вывод: несмотря на наличие некоторых исследовательских работ, затрагивающих отдельные аспекты рассматриваемой проблемы, она остается слабо изученной.

Отечественная историческая наука до сих пор не располагает монографическими исследованиями о жизни и государственной деятельности генерал-полицмейстера Петербурга А. М. Девиера — ближайшего сподвижника Петра Великого. Актуальность и недостаточная изученность данной проблемы послужили основой для определения ее в качестве предмета комплексного исследования.

Цель настоящей работы — комплексное изучение жизненного пути и государственной службы первого генерал-полицмейстера северной столицы Антона Мануиловича Девиера в контексте реформаторских преобразований Петра I и в послепетровское время первой половины XVIII в. Исходя из этого автор поставил следующие исследовательские задачи:

— на базе извлеченных из архивов материалов и опубликованных документов по возможности уточнить родословную А. М. Девиера и полнее уяснить историю его рода, корни которого уходят в историю Португалии;

— выявить причины его долговременной придворной службы и проследить этапы карьерного роста от денщика царя до генерал-адъютанта Петра I;

— осветить основные направления деятельности А. М. Девиера в качестве генерал-адъютанта в ходе Северной войны 1700–1721 гг.;

— показать Петра Великого как вдохновителя регулярной полиции в России и роль первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга А. М. Девиера в ее становлении и развитии;

— реконструировать исторический портрет первого начальника полиции Северной столицы, по оценке современников, жесткого

и неподкупного, достойно пронесшего высокое звание преданного и честного сподвижника Петра Великого;

— установить истинные причины расправы, учиненной верховной властью накануне смерти Екатерины I, над любимцем Петра I генерал-полицмейстером А. М. Девиером и его ссылки в Сибирь;

— осветить мероприятия, посвященные празднованию 300-летия российской полиции, по увековечиванию памяти первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга графа, генерал-аншефа А. М. Девиера.

Методологической основой исследования стали общенаучные принципы объективности и историзма, которые предполагают всесторонний критический анализ всех процессов в их становлении и развитии, в непрерывной связи с другими событиями. Использование принципа историзма позволило реконструировать многие неизвестные и малоизвестные страницы из жизни и деятельности А. М. Девиера, особенно в период его придворной службы.

При написании исследования, наряду с общенаучными методами, применялись специальные исторические методы: проблемно-хронологический, сравнительно-правовой, системный методы, метод периодизации, а также метод параллелей и личностно-психологический метод.

Научная новизна исследования: впервые в отечественной историографии комплексно изучены государственная деятельность и жизненный путь А. М. Девиера, первого начальника регулярной полиции Петербурга, созданной Петром Великим и ставшей начальным периодом становления и развития российской правоохранительной системы в первой четверти XVIII в.

В исследовании рассмотрена совокупность факторов, способствовавших карьерному росту А. М. Девиера, его становлению как руководителя первого регулярного государственного полицейского ведомства европейского образца в строящейся новой Северной столице России.

Новым является изучение участия полиции и ее руководителя генерал-полицмейстера А. М. Девиера в контроле за ходом строительства и бытоустройством Санкт-Петербурга. Впервые показано участие ссыльного А. М. Девиера в роли начальника поселка Охотска и его порта.

В научный оборот введены некоторые новые архивные документы, а также опубликованные, но в недостаточной степени проанали-

зированные в контексте исследуемой проблемы или до сих пор остававшиеся вне поля зрения, в том числе материалы книги о А. М. Девиере, изданной Жозе Мильязешем в 2015 г. в Португалии. С их помощью удалось выявить новые факты из служебной деятельности А. М. Девиера в должности генерал-адъютанта Петра I и подробнее показать его деловые и моральные качества как неподкупного человека и государственного деятеля, всегда ставившего общественные интересы выше личных.

Теоретическое и практическое значение монографического исследования состоит в том, что в ходе научного анализа разнообразных источников и их обобщения полученные данные позволили показать многоплановую служебную деятельность А. М. Девиера по выполнению царских поручений и задач государственной важности в должности генерал-адъютанта на посту генерал-полицмейстера Петербурга. Однако любимец Петра Великого испытал жестокие удары судьбы, был незаслуженно оклеветан и, как и другие «питомцы» царя-реформатора, оказался в ссылке в Сибири.

Источниковую базу монографии составили архивные и опубликованные документы. Основные архивные материалы извлечены из фондов Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН), Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург), Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ, Санкт-Петербург), Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Москва), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ, Москва), Государственного архива Томской области (ГАТО, г. Томск).

Основной массив документов для разработки интересующей нас проблемы был извлечен из фондов Российского государственного архива Военно-Морского флота и Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

Важным подспорьем в изучении деятельности А. М. Девиера на посту генерал-полицмейстера Петербурга стали законодательные акты, основная масса которых включена в Полное собрание законов Российской империи[1].

[1] *Полное* собрание законов Российской империи (ПСЗ-I, СПб., 1830. Т. 1–45).

Для понимания реформаторских воззрений Петра I на становление и развитие регулярной полиции Петербурга, ее участия прежде всего в городском строительстве и управлении, первостепенное значение имеют его многочисленные указы, письма и устные распоряжения, которые, по соизволению государя, оформлялись в письменном виде за подписью А. М. Девиера и затем доводились до исполнителей.

По неполным данным, только с 1718 г. по 1724 г. на имя А. М. Девиера или за его подписью было объявлено высочайших указов и распоряжений более 100, из которых более 50 касались участия полиции в городском строительстве и благоустройстве города.

Многоплановость исследуемой проблемы, а также ограниченный объем информации вынуждали автора активно использовать письма и распоряжения Петра I в адрес генерал-адъютанта А. М. Девиера. Такая форма оперативного общения царя активно применялась им в условиях ведения Россией боевых действий в 1708–1714 гг.

Благодаря эпистолярным источникам, впервые удалось осветить малоизвестные страницы служебных командировок генерал-адъютанта А. М. Девиера в 1713–1716 гг. по заготовке леса и камня для строительства Ревельской гавани и крепости, а также его поездки в Данию для сопровождения в Ревель купленных в Англии и Голландии военных кораблей, обеспечения продовольствием русских войск и моряков во время участия их в боевых действиях в Северной Померании[1].

После назначения А. М. Девиера на пост генерал-полицмейстера число писем и распоряжении Петра I в его адрес значительно возросло. Они касались в большинстве своем непосредственного участия регулярной полиции и ее начальника в контроле за ходом строительства и благоустройства северной столицы, а также пригородов, прежде всего острова Котлин, Стрельны и Петергофа. По нашим подсчетам, через генерал-полицмейстера было опубликовано более 50 петровских указов и распоряжений, которые относились к строительству жилых и общественных зданий, бытоустройству новой столицы. Остальные царские указы касались других вопросов: борьбы с нищенством и преступностью (15 указов и распоряжений), соблюдения правил судоходства по рекам и протокам, строительства новых судов,

[1] *Собрание* писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Часть I–II. СПб., 1829. С. 174–175, 189, 219, 224, 243, 334, 372, 373, 374, 375, 379, 380, 381, 382, 463,464, 560, 576; Часть IV. С. 2, 3.

рекрутских наборов на службу моряков. Полиция осуществляла контроль за прибытием иностранных судов с товарами в новый порт Петербурга, вместо Архангельска и др.[1]

Из проведенного анализа можно заключить, что по воле Петра I правовой статус генерал-полицмейстера учреждался и рассматривался как должностное лицо центрального управления, которое было уполномочено от имени его величества издавать за своей подписью высочайшие повеления всем государственным ведомствам. Первоначально компетенция генерал-полицмейстера в основном ограничивалась Петербургом. Только делами Северной столицы занималась Полицмейстерская канцелярия во главе с генерал-полицмейстером. Она действовала самостоятельно от Петербургского губернского управления, и ее начальник А. М. Девиер не был формально подчинен губернатору.

Таким образом, противореча процедуре присвоения гражданским лицам должности с приставкой «генерал» только к тем, которые служат в центральных ведомствах (генерал прокурор), должность А. М. Девиера «генерал-полицмейстер» лично Петром была приравнена к лицам общегосударственного масштаба, хотя она была включена в Табель о рангах в 5 класс, то есть ниже поста президента коллегии, но выше чиновника местного значения.

В эпистолярном наследии сохранилась переписка А. М. Девиера не только с царем, но и с некоторыми другими корреспондентами: адмиралом Ф. М. Апраксиным, вице-адмиралом К. Крюйсом, кабинет-секретарем его величества А. В. Макаровым. Часть сохранившихся писем А. М. Девиера опубликованы в Русском архиве за 1865 г. В журнале помещено 70 писем и выписок из писем зятя А. М. Девиера к своему шурину А. Д. Меншикову. При этом уместно заметить, что в годы царствования Петра I генерал-полицмейстер в адрес А. Д. Меншикова отправил 58 писем. А после кончины императора всего 5: в 1725 г. — 4 и одно письмо и записку в феврале 1727 г. В последнем письме А. М. Девиер советует светлейшему взять в службу некого

[1] Подсчитано автором по: *Комиссия* по изданию писем и бумаг Петра I // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 270. 1719–1725 ; *Письма* и бумаги императора Петра Великого. Т. 1–13. СПб., М. 1887–1975 ; *Петербург* в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Каталог. Часть 1 / авторы-составители А. Е. Андреева, Т. А. Базарова, Г. А. Победимова, Ю. Б. Фомина. СПб. : Наука, 2003, 790 с.

курляндского шляхтича Клокмана, по характеру доброго и который знает «искусно немецкий, французский и латинский языки»[1].

В письмах А. М. Девиера, адресованных в 1720 г. А. Д. Меншикову, трудно заметить по их содержанию теплые родственные отношения между корреспондентами (таких писем имеется около 19). Письма А. М. Девиера светлейшему князю скорее больше похожи на канцелярские отчеты, чем на переписку близких людей.

Письменные сообщения А. М. Девиера как генерал-адъютанта царя больше касаются увеселительных мероприятий с участием царской четы. Например, 19 февраля 1720 г. «их величество праздновали день супружества и все гораздо веселились» или 28 февраля «царское величество… масленицу провожали», 16 марта «его величество и ее величество… царица — при марциальных водах». В начале мая А. М. Девиер информирует своего шурина о спуске корабля в 96 пушек в присутствии царя. О доброте и внимании к людям царя А. М. Девиер свидетельствует 9 августа: «Вчерашнего числа царское величество изволил крестить у Алексея Васильевича Макарова (кабинет-секретарь Петра I — П. Н.) и царица изволила кушать, а затем посетила дочь А. Д. Меншикова»[2].

И лишь четыре письменных сообщения А. М. Девиера светлейшему князю касаются полицейской службы. Это выявление дворовых служителей в знатных домах, распространявших «непристойные слухи». Солдат Селезнев, по распоряжению генерала-полицмейстера посещая дворы, опознал замешанных в этом деле 14 человек, в том числе 8 женщин.

Другое письмо касается освещения улиц и содержания в хорошем состоянии фонарей в столице. Находящегося в Москве А. Д. Меншикова генерал-полицмейстер письменно просит ускорить отправление дьяка Артамона Наврoцкого из московской военной канцелярии в полицию Северной столицы. В январе 1723 г. А. М. Девиер неоднократно напоминает А. Д. Меншикову и, наконец, добивается при поддержке императора «установления незавышаемых цен на продовольствие в Петербурге»[3].

---

[1] *Русский* архив. 1865. Стлб. 1275–1276.
[2] *Русский* архив. 1865. Стлб. 1237, 1238, 1240, 1243, 1246.
[3] *Русский* архив. 1865. Стлб. 1251, 1252, 1259.

При написании книги автором были привлечены также воспоминания, дневники и переписка современников, содержащие различные оценки личности и деятельности А. М. Девиера. Эти документы по отношению к нашему герою содержат порой диаметрально противоположную характеристику — от искренней симпатии до нескрываемой неприязни.

Таким образом, критический анализ разнообразных источников, привлеченных для исследования данной темы, дает основание для объективной интерпретации исторических фактов и создания научной биографии о жизни и государственной службе первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга А. М. Девиера.

Автор выражает надежду, что данная книга послужит подспорьем в разработке тех аспектов интересующей проблемы, которые остались за рамками исследования.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1
РОССИЯ В СУДЬБЕ АНТОНА ДЕВИЕРА. ДОЛГ И ЧЕСТЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

1.1. От царского денщика до генерал-адъютанта Его Императорского Величества

Появление в России будущего первого начальника регулярной полиции Петербурга португальца Антона Девиера связано со случайной, но, как оказалось для него, судьбоносной встречей с русским царем в 1697 г. в Амстердаме.

Прежде чем продолжить повествование о нашем герое, предупредим читателя о том, что до сих пор расходятся мнения русских исследователей и зарубежных ученых о годе и месте рождения Антона Девиера. Отечественый историк С. Н. Шубинский считал, что он родился в 1682 г. в Амстердаме в семье бедного еврея, приехавшего из Португалии. Д. Н. Бантыш-Каменский предполагает, что Девиер родом из Португалии[1]. Прусский посланник при дворе Петра I барон Мардефельд сообщает, что Антон Девиер родился в Неаполе,[2] а Ф. В. Берхгольц называет его итальянцем[3]. Португальский профессор У. П. Ругль, подтверждая рождение А. Девиера в Португалии, пишет: «Граф Виейра, Антониу Мануэл де Виейра, португалец, уроженец провинции Миньо…»[4].

Ни один из этих авторов не ссылается на документы, так что подтвердить или опровергнуть их утверждения весьма трудно. Мнение

---

[1] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 2. С. 1.

[2] *Сборник* Российского исторического общества (далее — РИО). 1875. Т. 15. С. 184.

[3] *Дневник* камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. М., 1902. С. 64.

[4] *Ругль У.* Антониу Мануэл де Виэйра при российском дворе XVIII столетия. М. : Голос –пресс, 2003. С. 12.

современных русских исследователей,[1] в том числе и автора данной монографии, сводятся к мысли, что ближе других к истине по данному вопросу подошел С. Н. Шубинский.

Остается спорным вопрос, где встретил царь Петр юнгу А. Девиера: то ли в Англии, то ли в Амстердаме. Изучая документы о пребывании Петра I в заграничной поездке в составе Великого посольства в 1697–1698 гг., нам не удалось документально подтвердить ту или иную бытующую до сих пор версию о месте встречи русского царя с нашим героем. В исследуемых нами документах такие факты не встречались.

Как утверждает С. Н. Шубинский, после приезда Петра I в Голландию в августе 1697 г. бургомистр Амстердама Николай Витсен (Витзен), чтобы сделать ему приятное, организовал на реке учебное морское сражение под командованием вице-адмирала Джеймса Шея. Оно началось рано утром 22 августа и продолжалось большую часть дня, при этом так увлекло русского царя, что он перешел с яхты, на которой находился, на один из кораблей, участвовавших в сражении, и повел его в бой. По утверждению С. Н. Шубинского, на борту этого корабля русский царь увидел уверенно действовавшего загорелого юнгу: «Командуя кораблем, Петр I заметил юного моряка, почти отрока, с иудейскими чертами лица, довольно красивого и хорошо сложенного. Он ловко передвигался по палубе и натягивал паруса, быстро и правильно выполнял все его команды. Когда закончились маневры, царь приказал позвать этого юнгу, похвалил его сноровку, дал ему талер и спросил его, кто он и откуда. Моряк быстро ответил, что зовут его Антон Девиер и он сын португальского еврея, эмигрировавшего в Голландию и обратившегося там в христианство, и что отец его умер, оставив его безо всяких средств к существованию, вследствие чего он, не находя себе более легкого занятия, стал моряком. Императору[2] настолько понравились умные ответы юноши

[1] *Граф* А. М. Девиер и его полицейская деятельность // Р. В. Очкур, Д. В. Кудрявцев, В. Ю. Пиотровский. Полиция России, век XVIII–век XX. М. : АСТ: Полиграфиздат, СПб. : Астрель. СПб., 2010. С. 11–32 ; *Кудин В. А.*, *Николаенко П. Д.* Неподкупный генерал-полицмейстер Петербурга А. М. Девиер // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России 2017. № 1. С. 11–28.

[2] За границей Петра I уже в те годы величали в некоторых странах императором. — П. Н.

и приятная наружность, что он предложил ему поступить к себе на службу, обещав заботиться о нем в обмен на его честность и преданность»[1].

Точку зрения перечисленных нами отечественных и зарубежных историков о времени и месте рождения Антона Девиера поддерживает лиссабонский историк Жозе Мильязеш[2], подтверждая ее самим названием своей книги.

В начале первой главы он пишет, что хотя доподлинно неизвестно, в какой части Португалии и в каком году родился Антониу де Виейра, но не вызывает сомнений, что он был португальским евреем. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона указывает годом его рождения 1682, хотя некоторые российские ученые называют 1673 или 1674 годы. Энциклопедия ближе к истине, потому что в 1697 г., когда португальский юнга впервые встретился с русским царем Петром I, де Виейра был еще очень молод. Об этом свидетельствует и историк С. Н. Шубинский: «Петр I заметил юного моряка, почти отрока»[3]. В примечаниях С. Н. Шубинского к книге «Записки фельдмаршала графа Миниха» читаем: «Девьер Антон Мануилович, сын крещеного португальского еврея, переселившегося в Голландию, вступил в услужение к Петру Великому во время пребывания его в Амстердаме в 1697 г.»[4]. Позицию С. Н. Шубинского по данному вопросу разделяют современные историки и юристы России, изучающие проблемы истории российской правоохранительной системы XVIII в. Мы присоединяемся к этим утверждениям, полагаясь на тот факт, что португальский юноша владел только голландским и немецким языками[5], а приехав в Россию, изучил и русский язык. Поэтому, на наш взгляд, не зная английского языка, он вряд ли мог служить матросом на кораблях флота Англии. Г. В. Калашников полагает, что фамилия нашего героя также писалась по-разному: Девьер, Дивьер, Де-Вейра даже Виера, отчество — Эммануилович, имя при рождении Антон. Родился в 1673/1674 или 1682 в Голландии[6].

---

[1] *Шубинский С. Н.* Исторические очерки и рассказы. СПб., 1903. С. 87–88.

[2] *Мильязеш Ж.* Антон де Виейра. Португальский фаворит Петра Великого / на порт. яз. Лиссабон, 2015.

[3] *Шубинский С. Н.* Указ. соч. С. 87.

[4] *Записки* фельддмаршала графа Миниха. Редакция издания и примечания С. Н. Шубинского. СПб. : Типограф. В. Безобразова, 1874. С. 141.

[5] *Калашников Г. В.* Девиер А.М. // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. В 3-х т. Т. 1. М., 2003. С. 301.

[6] Там же. С. 301.

Случайная встреча с русским царем и предложение ехать с ним в Россию для безродного португальского юноши стали судьбоносными. Девиер с восторгом принял предложение и отправился в Россию в штате царской прислуги. Совершенно справедливо историк Лев Бердников в данной ситуации ставит вопрос: почему Петр, приложивший столько усилий к строительству флота и ощущавший острую нехватку в морских кадрах, не использовал Девиера по его прямому назначению в качестве моряка или корабела. И тут же предполагает, отвечая на свой вопрос: «Видимо, проницательный венценосец угадал в нем более высокое предназначение, а потому сразу же взял Антона ко двору»[1].

В России Антон Девиер поначалу служил у светлейшего князя Александра Меншикова, выполняя обязанности скорохода — домашнего человека, занятого хозяйскими делами. Свои обязанности юноша исполнял быстро, прилежно и качественно. Деловой и быстрый в исполнении всех поручений, к тому же веселого характера, Антон Девиер завоевал у светлейшего князя уважение. А. Меншиков неоднократно нахваливал Антона царю Петру. Вскоре, по-видимому, и сам Петр I убедился в том, что бывший юнга голландского флота наделен природным умом, обладает веселым характером, в делах проявляет рвение, быстр и точен в исполнении поручений. Такие качества пришлись по душе царю, и он взял его к себе денщиком.

Первое двадцатилетие жизни португальского юнги Антонио Девиера в России крайне слабо освещено в документах и воспоминаниях. Единственной научной базой для исследования этого периода является эпистолярное наследие. Это письма и распоряжения Петра I к денщику Антонио Девиеру и его ответы и донесения своему государю. Сохранившаяся переписка позволяет заключить, что наш герой достиг своей карьеры во время военных кампаний Северной войны (1700–1721). Как писал Г. фон Гельбиг, царь Петр сделал Антона Девиера офицером гвардии и вскоре своим денщиком. В качестве денщика А. Девиер еще более укрепился в милости государя[2].

---

[1] *Бердников Л. И.* Первый российский полицмейстер А. Девиер // Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи. М. : Издательство АСТ, 2018. С. 88.

[2] *Русские* избранники и случайные люди / сост. Георг фон Гельбиг, секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II. 1787–1796 ; перевод с нем. И приложения В. В. Тюбинген. 1809. С. 76.

Нам известно, что в июле 1708 г. А. Девиер был уже майором, затем подполковником драгунского гренадерского полка. В боях против шведов Антон Девиер набирался опыта и, как можно заключить из писем и бумаг Петра Великого, он быстро рос в воинских званиях. По утверждению португальского историка Жозе Мильязеша, в качестве командира кавалерийского эскадрона Антон Девиер принимал участие в боевых действиях при Калише, Головчине, Лесной, Опошне и взятии Батурина[1]. Нас смущают такие утверждения, так как автор не делает ссылки на использованный источник, который свидетельствовал бы о непосредственном участии нашего героя в боевых действиях в перечисленных сражениях. Известно, что русский царь 6 июля 1708 г. первым узнал от Антона Девиера о причинах поражения русских войск от шведов под Головчиным.

Журнал, или поденная записка, повествует об этом событии так: «...и между тем на дороге, отъехав от Пскова, получена ведомость чрез ротмистра Антона Девиера, что король шведский через реку Березу под местечком Головчиным перебрался и наши от того паса отступили»[2].

Как царский связной своим рвением в службе посодействовал строгому наказанию князя А. И. Репнина

Устное изложение Антоном Девиером хода событий, связанных с отступлением дивизии князя А. И. Репнина в районе Головчина, заставило царя усомнится в достоверности информации, изложенной в реляции, полученной от князя А. И. Репнина. Петр решил удостовериться, как же на самом деле произошло и чем закончилось это столкновение со шведами, тем более, что царь высоко ценил преданную службу князя А. И. Репнина, и головчинский случай, происшедший с ним, весьма огорчил государя Петра.

Известно, что в декабре 1707 г. шведы начали передислокацию своих войск на белорусской земле. До лета 1708 г. по велению Петра I русские войска избегали участия в «генеральном сражении» со шведами. Маневрируя, они уклонялись от открытого столкновения со шведами и к лету сосредоточили свои силы численностью около 40 тысяч под командою Б. П. Шереметева и А. Д. Меншикова в районе Могилева —

---

[1] *Мильязеш Ж.* Указ. соч. С. 7.

[2] *Журнал* или Поденная записка Петра Великого. СПб., 1770. С. 154 ; *Походный* журнал 1708 г., СПб., 1853. С. 11.

Гнездено и Головчина. По утверждению специалистов, более двух третей всех русских войск сосредоточилось против Головчина. Русский царь находился в Горках.

Расположение русских войск в данном регионе было следующее. В районе Головчина находились полки дивизии князя А. И. Репнина, конница генерала Гольца и конная пехота генерала Голицына. Другие были еще на марше. Войска начальников Алларта и Пфлуга шли в сторону Климовичей, а Б. П. Шереметева направлялись в направлении Головчина.

Появление шведов, как утверждают западные исследователи, численностью в 4 тысячи человек во главе с Карлом XII, застало русских в расплох и привело в крайнюю растерянность. В спешке оборона Головчинского «пасса» была возложена на дивизию Репнина и конницу Гольца. Выбор позиции для пехоты был определен А. И. Репниным неудачно, особенно путей отхода на Могилев, где из-за болот и лесов было «такое худое место, что ничего не можно управить». Оборонительные укрепления не удалось достроить из-за недостатка шанцевого инструмента. Отражение наступления шведов для полков дивизии Репнина происходило в одиночку, без помощи соседей. Хотя Репнин неоднократно просил помощи у Шереметева, Гольца и других ближайших начальников. Но помощь вовремя не подоспела. Сам же Репнин, сохраняя пути отступления, не ввел все свои части в бой. Вся тяжесть сопротивления легла на плечи гренадеров. Когда шведам удалось форсировать переправу и двинуться в обход фланга, «прямо на отрез», то есть на окружение, А. И. Репнин счел дальнейшее сопротивление невозможным и отдал приказ отступать, хотя главные силы дивизии еще не были введены в бой. Это решение имело самые пагубные последствия. К этому моменту начальник А. И. Репнин от крика потерял голос и не мог осуществлять управление частями дивизии. В результате начальники полков, не имея общего руководства, стали беспорядочно отступать.

Войска князя А. И. Репнина избежали полного разгрома лишь благодаря шведам, которые не проявили «достаточной энергии» и свое наступление «вели крайне вяло». В результате частям дивизии генерала А. И. Репнина без больших потерь удалось воссоединиться с войсками Б. П. Шереметева и продолжить отступление по Шкловской дороге в сторону местечка Горки. Потери дивизии князя А. И. Репнина в Головчинском бою в живой силе достигали 16 %

от личного состава: офицеров — 3 убито, 14 ранено, 2 взято в плен; нижних чинов убито 113 человек, ранено 272, без вести пропавших — 408 человек. Значительный был материальный урон, в том числе девять пушек.[1] Проигранный бой под Головчиным был обусловлен ошибками князя А. И. Репнина. Однако он умалчивает об этом в реляции, отправленной царю Петру в Горки. Искусно составленная реляция свидетельствовала о «нечаянной атаке фланга А. И. Репнина, жестоком отпоре, который встретили шведы, крупных потерях неприятеля; отступления, совершенное, по словам реляции, «в добром порядке», оправдывалось тем, что теснота места мешала сикурировать, а вести бой одними своими силами А. И. Репнин считал ненужным, так как «важности никакой не было, чего б ради сей пасс до крайней меры держать» и жертвовать ради этого людьми; тем более, что «при сем бою усмотрено, что неприятель с отравою и с конскими волосами сочиненными пулями противно всех христианских народов обычаю, стрелял, дабы раны от оных неисцелимы были»; орудия же потеряны были потому, что «бросив их в болотах, сами потом не захотели подобрать»[2].

Реляцию, составленную в столь оптимистичном духе для царя Петра, находившегося в Горках, было поручено доставить его адъютанту капитану Антону Девиеру. Являясь участником боя под Головчиным, Антон Девиер, встретив в дороге царя и передав письменное донесение, в словесном докладе его величеству изложил реальную картину боевых действий дивизии А. И. Репнина. Перед этим Петр I от своих ближайших сподвижников получил письменное объяснение происшедших событий под Головчиным, которое расходилось в оценке боя с докладом царского адъютанта.

Так, 4 июля 1708 г. фельдмаршал Б. П. Шереметев, А. Д. Меншиков и министры Г. И. Головкин и Г. Ф. Долгорукий о бое под Головчиным донесли следующим образом: «Всемилостивейший государь, пред тремями днями доносили мы вашему величеству, мы при пасе при Головчине от неприятельского войска чрез одну речку стояли и оной пас от него конницею и пехотою держать намерили… Но неприятель о 3-м часу пополуночи всею пехотою своею на дивизию генерала князя Репнина пошел… темному и в большой туман

[1] *Русский* биографический словарь (РБС). Рейтерн–Рольцберг–СПб. : типография Императорской Академии наук. 1913. Т. 16. С. 79.
[2] Там же. С. 79.

и дождь, а большею частью артиллерии начал жестоко стрелять… войско Репнина принуждено … уступить к лесу». В жестоком бою, который длился 3–4 часа, генерал Репнин отступил и пришел в случание к нам без великого урону… И переправлясь через Днепр, разрядя все войски, будем неприятеля еще держать по возможности»[1].

Такого оптимистичного и искусно завуалированного содержания полученные реляции заставили царя усомниться в их достоверности. Петр I своим указом от 16 июля 1708 г. назначил военный суд под председательством А. Д. Меншикова в составе 13 человек, который на следующий день притупил к работе. Заседания суда проходили в Горках под присмотром царя в течение недели. Суд признал князя А. И. Репнина виновным. «Имея доподлинное известие» о предстоящей атаке, читаем в решении суда, он (Репнин) не принял мер охранения и не отдал диспозиции в том, что не проявил достаточной стойкости и преждевременно отошел «в тесное неудобное, где непорядочно бой учинил и отступил, не указав именно место», наконец, не дал знать о своем отступлении ни начальнику артиллерии, ни Гольцу, который вследствие этого, двинувшись на выручку уже отошедшего Репнина, ввязался в совершенно бесцельный и ненужный бой. Спасение дивизии Репнина было приписано комиссией исключительно оплошности шведов, «не искавших далее своей пользы». Вынесенный приговор гласил: «по тому злому поступлению и знатному погрешению господин генерал Репнин по воинским многих потенгатов артикулам достоин быть жизни лишен. Но, понеже из дела является, что он… уступление не из робости принял…, то ж его погрешение не из злости, но из недознания происходит, он же сим случаем, в перве, аки генерал , при потребе обретался, того ради он от смертного наказания освобождается; однако ж, по содержанию римского государственного права, в 89-м артикуле изображенного, да будет он от чину своего и команды, которую таким худым поведением управлял, публично, ему в штраф другим же на приклад отставлен». Помимо этого, предписывалось взыскать с Репнина стоимость потерянных при Головчине пушек, рогаток и других предметов в размере до 3000 рублей. Следует заметить, что за утраченную амуницию князь А. И. Репнин сразу же уплатил указанную сумму.

[1] *Мышлаевский А. З.* Материалы для истории военного искусства в России. СПб., 1901. С. 32–33.

1 августа А. И. Репнин подал царю всеподданнейшее прошение, в котором опровергал обвинения в его небрежности, указывая на упорство боя за мост на Бабиче, на отсутствие помощи со стороны соседей, просил о помиловании. Но приговор, вынесенный военным судом, царь конфирмовал, и 5 августа 1708 г. в 10 часов вечера он был объявлен в окончательной форме в назидание сторонникам, выступавших против реформирования русской армии на новых началах.

Опала князя А. И. Репнина длилась недолго. В его реабилитации главенствующая заслуга принадлежит князю М. М. Голицыну. В битве при Лесной князь М. Голицын своими отличными действиями способствовал победе. Государь Петр I за это расцеловал М. Голицына, поздравил генерал–поручиком, пожаловал ему свой портрет, усыпанный бриллиантами и предоставил ему право просить чего пожелает. Михаил Голицын воспользовался этим случаем, чтобы испросить прощение князю Аниките Репнину «Прийми в прежнюю милость Репнина — сказал Голицын. Как! — удивился царь, разве ты не знаешь, что он смертельный враг тебе?» — Знаю, Государь, и прошу, но знаю и то, что Репнин сведущ в ратном деле, чтит Бога, любит Отечество, предан Тебе; и что значит вражда личная между нами, когда Отечество, Ты государь, нуждаетесь полезными людьми? Вот причина, принуждающая в враге своем видеть достойного россиянина и просить за него». А. И. Репнин был прощен.

В сентябре 1708 г. в бою у Лесной он командовал драгунским полком, проявив умение управлять войсками, а в октябре возглавил дивизию[1].

В сентябре 1708 г. после неожиданного ухода шведов на юг, царь Петр, не зная намерений противника, делит свою армию на две части. Одна под командованием Б. П. Шереметева следует параллельным курсом с войском шведского короля, соблюдая высочайшее повеление ни в коем случае не ввязываться в крупное сражение. При этом казаки разоряют деревни и уничтожают все съестное на пути шведов.

Вторая часть русской армии, включая лучшие части, гвардию и кавалерию, идет налегке на перехват 16-тысячного корпуса генерала Левенгаупта и его обоза с продовольствием и вооружением, которого с нетерпением ждет Карл XII. Эту часть войска возглавил

[1] *Военная* энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др. Петербург : Тов-во И. Д. Сытина, 1912. С. 364.

А. Д. Меншиков. С ним находился царь Петр I и их связной Антон Девиер. Победой у Лесной русских войск над шведами под командованием Левенгаупта и соединением остатков его корпуса с главной армией Карла XII заканчивается белорусская кампания 1708 г.

Победу у Лесной Петр I позже назвал матерью Полтавской баталии, которая была рождена ровно через 9 месяцев. В течение этого девяти месячного срока события разворачивались стремительно и Антон Девиер все время находился в движении в качестве связного между Петром I и А. Д. Меншиковым. Вот несколько примеров.

Царь 22 января 1709 г. сообщает А. Д. Меншикову, что письмо от него через господина Виера (Девиера. — П. Д.) он получил, на которое ответствует, что «запорожцам, изъявившим служить России, он послал указ», чтоб к вам шли и выполняли все ваши приказы. Далее царь рекомендует Меншикову в целях укрепления полтавской артиллерии и амуниции из Ахтырки «поспешить… несколько пушек послать или как пойдете, вам взять с собою из Ахтырок».

В этот же день, 22 января, А. Д. Меншиков из Ахтырки доносит царю: «Сего моменту получил я еще от вашей милости письмо чрез господина Виера (Девиера) и буду чинить против и при сем предлагаю: понеже от взятых языков имеем мы ведомость, будто неприятель намерен идти к Полтаве, то мне мнитца, чтобы ваша милость по отходе нашем отсюда изволили сюда податца, понеже отсюды до самого Белгорода по всей реке лес…»[1]. Из письма просматривается забота А. Д. Меншикова о безопасности царя.

Кроме выполнения обязанностей царского связного, Антон Девиер уже будучи в звании подполковника возглавлял кавалерийский эскадрон, который участвовал в Полтавской битве. В ходе боя драгун эскадрона Степан Волговский захватил шведское знамя[2].

В день победоносной Полтавской баталии перестала существовать непобедимая шведская армия. И в этом первостепенная заслуга Петра I. Новаторство русского царя проявилось в том, что он первым применил в большой битве комбинацию из отдельно стоящих редутов. Это облегчило маневры на поле боя, способствовало организации не пассивной, а активной обороны. Как справедливо заключает исто-

[1] *Письма* и Бумаги Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. М. 1950. С. 41–43.
[2] *Мильязеш Ж.* Указ. соч. С. 7.

рик П. А. Кротов в победоносном исходе Полтавской битвы «значение редутов было ключевым»[1].

1.2. Антон Девиер при Петре I во время Прутского похода

Победоносный исход битвы летучего отряда русских войск под руководством царя Петра и А. Д. Меншикова у Лесной и гибель регулярной армии Карла XII под Полтавой, а также приобретение прибалтийских городов (Выборг, Пернов (Пярну), Ревель, Рига) вскружили голову от успехов у Его величества. По-другому нельзя объяснить столь опрометчивый шаг царя Петра, который в октябре 1710 г. в ультимативной форме потребовал от властей Константинополя немедленно выдворить шведского короля из Турции. Если этого не произойдет, говорилось в грамоте, то Россия прибегнет к силе оружия.

В ответ на столь недружеское содержание царской грамоты 20 ноября 1710 г. султан объявил русскому царю войну. Для России наступила опасность вести войну на два фронта — на северо-западе продолжать боевые действия против шведов, на юге — против турок и их союзников крымских татар.

Прутский поход русских войск во главе с Петром I оказался неподготовленным для ведения боевых действий в сложных условиях и в отрыве от российской территории, что затрудняло снабжение войск и конницы продовольствием боеприпасами и фуражом. Русский царь возлагал большую надежду на помощь новых союзников в лице Валахии и Молдавии. Однако господари этих стран не выполнили взятых обязательств по оказанию помощи русским войскам. А валашский правитель К. Бранкован вероломно изменил России, перейдя на сторону турецкого визиря и выдав ему все планы подготовки русских к предстоящим военным действиям.

Помощь молдавского господаря Д. Кантемира оказалась значительно скромнее того, на что рассчитывал русский царь. Отряды Кантимира оказались неполностью укомплектованы, но главное, он не организовал продовольственных магазинов в Яссах[2].

Как всегда, Петра I волновала медлительность движения войск Б. П. Шереметева. «О замедлении вашем зело дивлюсь», — едко

---

[1] *Кротов П. А.* Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М. : Яуза-каталог: Якорь 2018, С. 270.

[2] *Павленко Н. И.* Петр Первый. М. : Проспект, 2018. С. 181.

высказывал царь фельдмаршалу. Турецкая армия 12 июня уже навела мосты через Дунай и готова была двинуться навстречу русским, которые только приступали к строительству переправы через Днестр. К тому же к этому времени русские войска стали испытывать потребность в продовольствии. Правда, господарь Дмитрий Кантимир заявлял о готовности поставить на пропитание 10 тысяч волов и коров, 15–20 тысяч овец. Но оставалась острая нужда русской армии в хлебе, которого не было и в Молдавии[1]. В связи с этим встал вопрос, возвращаться ни с чем или продолжить поход. На совете большинство его участников высказывалось за движение к Пруту. Это решение, как показали дальнейшие события, было ошибочным. О катастрофических последствиях Прутского похода для России писали иностранные дипломаты, государственные сановники и отечественные историки[2].

В конце июня русская армия переправилась через Прут и первую неделю июля медленно двигалась по нестерпимой жаре и безводной степи. Первые столкновения с неприятелем произошли 7 июля. И, как удалось установить, турок вместе с татарами насчитывалось примерно 270 тысяч человек, а не 60–70 тысяч, как полагал царь Петр. У него было 38 246 человек, т. е. в 4,5 раза меньше[3].

При Петре I находилась Екатерина Алексеевна, представлена царем перед Прутским походом своим близким родственникам как законная жена и в будущем русская царица. Так как сейчас, ввиду необходимости ехать в армию, он обвенчаться не может, то увозит ее с собой, чтобы совершить это в свободное время. При этом царь дал понять, что если он умрет, не успев жениться, то все же они должны смотреть на нее как на его законную супругу[4].

Следовательно, напоминание царя в случае его преждевременной смерти об устройстве в будущем и в почитании ее как законной жены свидетельствует о том, что Петр не рассматривал как молниеносную и легкую победу над турками в результате Прутского похода.

---

[1] Там же. С. 181.

[2] [Юль Ю.]. *Записки* Юста Юля, датского посланника при Петре Великом // Петр I. СПб. : Изд-во «Пушкинского фонда», 2020. С. 348–400 ; *Ключеский В. О.* Сочинения. В 8 т. Т. 4. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1958. С. 58 ; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей. В 3-х книгах. Кн. 3. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 79–84 ; *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 182–188.

[3] *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 478.

[4] *Записки* Юста Юля. С. 397.

Кроме супруги при царе во время Прутского похода находились два преданных ему генерал-адъютанта — А. М. Девиер и П. И. Ягужинский.

Первый бой с турками, который длился более трех часов, состоялся 9 июля 1711 г. Русские войска выдержали натиск первой атаки, а затем и второй. Турки снова были вынуждены отступить. Однако стало ясно, что пробиться через превосходящие силы противника невозможно, кормить солдат нечем, боеприпасы на исходе. Царь с ужасом понял, что он по своей вине вместе с армией угодил в западню. Датский посланник Юст Юль так описывает этот критический эпизод: «Петр пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова»[1].

Еще 9 июня Петр предложил Екатерине оставить армию и отправиться в Польшу и, находясь в безопасности, дождаться окончания похода. Но теперь, став законной женой, а не любовницей русского царя, она наотрез отказалась это сделать. Она как бы чувствовала необходимость быть рядом и в трудную минуту поддержать любимого мужа. Как видим, такое время настало, когда царь Петр нуждался в ее поддержке. Казалось бы, русские войска, попав в плотное кольцо окружения, были в безвыходном положении. И тут Екатерина Алексеевна проявила силу воли, твердость характера и, как всегда это делала, женскую находчивость. До сего времени бытуют слухи, что в подкупе везира немаловажная роль принадлежит Екатерине Алексеевне. Якобы жена царя для подкупа везира отдала все свои драгоценности, а затем «с шапкой по кругу» обратилась к женам офицеров и генералов, которые со своими мужьями оказались в походе, с призывом последовать ее примеру в сдаче своих драгоценностей для подкупа везира и других турецких начальников, для свободного выхода из окружения русского войска. Насколько достоверна эта версия, периодически оживающая на страницах издаваемой литературы, сегодня трудно подтвердить, но о каких-то загадочных действиях своей жены Екатерины Алексеевны вспоминал Петр I в кругу своих приближенных накануне присуждения ей достоинства «Ее императорское величество» в 1724 г. В книге И. Чистовича «Феофан Прокопович и его время» читаем: «Накануне коронования Екатерины [1724] Петр зашел с некоторыми сопровож-

[1] Там же. С. 371.

дающими его сенаторами к одному английскому купцу, нашел много знатных духовных особ, между прочим архиепископа Новгородского и Феофана Псковского. Великий канцлер [Г. И. Головкин] также пришел. Среди угощений хозяина разговор оживился и император сказал обществу, что назначенная церемония гораздо важнее, нежеле думают; что он коронует Екатерину, для того чтоб дать ей право на управление государством, что, спасши империю, едва не сделавшеюся добычею турок на берегах Прута [сняв все драгоценности с себя и передав везиру, она выкупила из плена Петра I], она достойна царствовать в ней после его кончины. Все присутствовавшие так держали себя, что он остался в убеждении, что никто не порицает его намерениям»[1].

Каждая версия имеет право на существование. Как известно, от короля Карла XII и польского короля Понятовского пошла молва, что Прутский договор великий везир Балтаджи Мехмед-паша подписал только из-за огромной взятки, заплаченной ему русскими. Взятку везиру П. Шафиров действительно обещал, и немалую. Везир и его помощники должны были получить до 300 тысяч рублей. Кроме везира, другим были назначены денежные вознаграждения: кегае 50 тысяч левков, чауш-баше 5 тысяч червонных, кегаиву брату 1000 червонных и 3 меха собольих, конюшему 1000 червонных, переводчику 500 червонных, секретарю, который трактат писал 1000 червонных, на прочих канцелярии 1000. «Сие число, Ваше величество, — просит Шафиров, — извольте приказать и прислать немедленно»[2]. Ведь в те времена в дипломатии без взяток обойтись было невозможно. И деньги в серебряной монете, уложенные в бочонки, русские доставили в турецкий лагерь уже после выхода их армии из окружения. Но везир отослал их обратно, ибо знал, что либо крымский хан, либо Понятовский обязательно донесут об этом султану. Заключая Прутский договор, везир Балтаджи действовал исходя из интересов Турции. Получить обратно Азов и другие русские завоевания, отрезать Россию от Черного моря, закрыв ей устья Дона и Днепра. Такая цель и была достигнута турками. Султан Ахмед III ко всем своим титулам прибавил

[1] [*Чистович И.*] Феофан Прокопович и его время. Изд-е Императорской Академии Наук. СПб., 1868. С. 148.

[2] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при Османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). С. 169.

звание «Гази» — победитель. В целом же турки Прутским договором остались весьма довольны, чего нельзя было сказать о русских[1].

Однако же вернемся ко времени, когда более 38-тысячная армия Петра I в районе Прута оказалась в окружении многократно превосходящими турецкими войсками.

В это тревожное время, 9–11 июля, по несколько раз в день заседал военный совет с участием царя Петра, обсуждая единственный вопрос, как благопристойно поступить русским войскам, оказавшимся в невыгодных условиях своего окружения. И всегда, в том числе на последнем расширенном заседании генералитета и министров, совет высказался только за два варианта выхода из окружения, категорически исключая третий — сдачу в плен. Одни предлагали с боем вырваться из окружения налегке, оставив обозы, ослабших лошадей и других животных; другие советовали пойти на переговоры и предложить прекратить военное столкновение и вернуться в состояние «прежнего покоя». В противном случае, совершится «крайнее кровопролитие». К везиру с этим предложением от фельдмаршала Б. П. Шереметева был направлен парламентер. Со стороны турок ответа не последовало. Тогда отправили новое послание, в котором в любезной форме обещали «полезнейшие кондиции», то есть условия, выгодные для турок. На сей раз везир выразил согласие послушать кондиции и просил прислать важного человека. Русские отрядили на переговоры подканцлера Петра Шафирова, хитрейшего и умнейшего из петровских дипломатов. Петр Шафиров появился в турецком лагере в сопровождении подьячего, трех переводчиков и двух офицеров для связи. Этими офицерами были самые доверенные лица Петра I — генерал-адъютанты Антон Девиер и Павел Ягужинский. В переговорах с турками вместе с П. Шафировым участвовал сын фельдмаршала генерал-майор Михаил Шереметев[2].

На переговоры и оформление мирного договора потребовалось менее двух дней. Договаривающиеся стороны знали истинное положение в своем лагере, но не были знакомы с положением в стане противника. Это позволило П. Шафирову заключить мир с относительно минимальными уступками. Ведь царь Петр, чтобы избежать плена,

---

[1] *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. 3-е изд. М. : Международные отношения, 1990. С. 289, 290.

[2] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711–1712 гг. (Исследование и тексты). С. 167.

соглашался вернуть все приобретенное за годы Северной войны, за исключением одного Петербурга, и взамен его готов был отдать даже исконно русский город Псков. Но требования турок оказались скромнее, чем предполагали русские. По договору Россия обязывалась вернуть Азов, уничтожить все построенные вокруг него крепости, не вмешиваться в польские дела, а шведскому королю Карлу XII не мешать вернуться в его владения.

Пока шли переговоры, царь Петр форсированно готовился к возвращению в Россию. С этой целью он послал своих двух адъютантов в турецкий лагерь, чтобы участвующие в переговорах Петр Шафиров и граф Михаил Шереметев «оной договор скоряя скончать и разменяться, ибо царское величество войскам повелел уже к походу быть готовица, которые уже к маршу и готовы и токмо ожидают присылки трактату»[1].

Наконец, переговоры окончены, и подписан договор, относительно выгодный для России. Об этом сообщает П. П. Шафиров царю письмом, которое доставляет его величеству генерал-адъютант Антон Виер [Девиер. — П. Н]. В нем говорится: «Всемилостивейший государь, вашему Величеству поздравляю совершением миру турецкого и исполнением в походе ваших войск, дай Вышний благополучное слышать»[2].

Как видно из официального донесения посла П. П. Шафирова об итогах русско-турецких переговоров, можно заметить весьма доверительное отношение Петра I к Антону Девиеру: именно ему царь поручил доставить в русский лагерь письмо о долгожданном договоре о мире между Россией и Турцией. Кроме того, этот факт позволяет нам достоверно считать нахождение А. М. Девиера при Петре I во время Прутского похода.

В заключение следует отметить, что Прутская эпопея оставила у царя неприятные воспоминания. Об этом в «Истории Северной войны» указано, что сей поход против турок «зело отчаянно учинен» и что этот случай весьма «бедственен… и печален», самокритично признается царь[3].

Петр I хорошо запомнил горький урок, полученный им из Прутского похода, и в последующие годы старался не рисковать. Хотя ра-

[1] Там же. С. 167.
[2] *Базарова Т. А.* Указ. соч. С. 167.
[3] Цит. по: *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 189.

ди справедливости следует заметить, что царь организовал в 1722 г. еще один поход — Персидский. Правда, в результате этого похода он не потерял, а прирастил к России новые территории с городами Дербент и Баку. Петр представил российское вторжение не как войну, а как помощь законному государю Персии против бунтовщиков.

1.3. Участие Антона Девиера в реконструкции Ревельской гавани. Секретная миссия в Копенгаген

После печально завершившегося Прутского похода Петр I уехал за границу поправлять свое пошатнувшееся здоровье и восстанавливать распавшуюся антишведскую коалицию России с европейскими странами. А наш герой, получив чин генерал-адъютанта[1] и совершая заграничные поездки, продолжал выполнять особо важные царские поручения, связанные с продолжением Северной войны на море.

В 30 лет Антон Девиер обзавелся семьей. В июле 1712 г. его женой стала 22-летняя Анна Даниловна, старшая сестра А. Д. Меншикова.

Несмотря на то, что в семье генерал-адъютанта А. Девиера появился первый ребенок (1713 г.), он, как и государь, всегда был в движении и непрестанных заботах о том, как своевременно и качественно исполнить очередное царское поручение. Иными словами, критерием годности генерал-адъютанта Антона Девиера к исполнению заданий Его величества являлись его профессиональные, а также деловые и нравственные качества. В очередной раз после Прутского похода у Антона Девиера появилась возможность продемонстрировать перечисленные нами качества во время поездки в Ревель по высочайшему повелению. Там ему предстояло продолжить строительные работы по реконструкции и расширению гавани для стоянки российских военных и торговых судов, прибывающих в этот морской город, освобожденный в 1710 г. от шведов.

До предстоящей поездки в Ревель, до ноября 1713 г., А. Девиер занимался заготовкой и сплавом корабельного леса из Ладоги в Петербург. Затем по велению Его величества Антона Мануиловича командируют в Ревель в целях ускорения заготовки леса и камня для строительства гавани. До ноября 1713 г. контроль за строительством

[1] В июле 1711 г. по распоряжению Петра I для его двух любимцев и самых доверенных денщиков, Антону Девиеру и Павлу Ягужинскому, был специально учрежден чин «генерал-адъютант», который по тогдашнему воинскому уставу равнялся чину полковника.

Ревельской гавани и крепости осуществлял светлейший князь А. Д. Меншиков, но «по семейным обстоятельствам» (заболели дети царя) срочно был отозван в Петербург. Его должен был заменить зять светлейшего князя Антон Девиер. Петр I Именным указом от 12 ноября 1713 г. повелел генерал адъютанту А. М. Девиеру отправиться в очередную командировку: «Ехать тебе в Ревель, — говорилось в указе, — и, приехав туда с совету тамошнего коменданта и Ландратов разложа (по данной ведомости, которая учинена по пропорции гаков[1] эстляндскими обывателями, которые к Ревелю ближе) собрать по первому Указу 500 сажень камня (который надобно для строения Ревельского гавена), и по зимнему пути…свозить оное каменье ближе к пристани; буде же за разорением тамошним от войны и от мору толикаго числа собрать невозможно, то хотя б половину, а лес для того строения двадцать тысяч бревен в указанную меру вырубить и вывозить обывателями… Дерптского и Рижского дистриктами, тако ж и Ревельского дистрикта дальними крестьянами, кроме тех, на которых положен будет камень к февралю месяцу, разложено тако ж по пропорции гаков. Буде же к тому времени и лесу всего за помянутым разорением вывозить… невозможно, то тако ж хотя б половину велеть к тому времени вывозить и в том крепко… смотреть, чтоб все как лифляндские, так и эстонские обыватели положены были работою в равенстве; дабы отнюдь один перед другим изобижен в том не был и чтоб все готово было в последних числах января, буде ранее нельзя»[2]. Петр I, готовясь к победоносным сражениям на море со шведами, планировал превратить Ревель в крупный оборонный и торговый центр. В этих целях распорядился «для обороны того города и пристанища российского военного флота и для торговых кораблей делать гаванье». Уже строились такие гавани в Санкт-Петербурге и на острове Котлин.

Государь считал, что строительство и укрепление гавани Ревеля могло приостановиться из-за нехватки заготовленных стройматериалов — леса и камня, поэтому Петр I в один день, т. е. 12 ноября 1713 г., одним именным указом отправляет своего генерал-адъютанта

---

[1] Гак от нем. Haken — соха. Окладная единица, по которой в те времена в Прибалтике определялись повинности; различалась в зависимости от качества почвы. Например, крестьянский гак в Северной Эстонии равнялся 8–10 га.

[2] *Собрание* писем Императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Часть первая. Санкт-Петербург. 1829. С. 175.

А. М. Девиера «для лутчаго исправления в том деле». А другой именной указ был послан обер-коменданту Ревеля В. Н. Зотову. В нем требовалось от коменданта добиваться от крестьян, живущих недалеко от Ревеля, обязательного выполнения данного указа о собирании каменья для строительства «безопасного пристанища нашему флоту». Царь настаивал, чтобы комендант убедил обывателей в необходимости в полном объеме выполнить данное задание, «хотя мы знаем, говорилось в царском указе, что от бывшей войны и мору сия провинция зело разорена, однако ж генеральное сохранение превосходит партикулярных дел». Его величество требовал исполнения всего объема работ, предусмотренных указом, а если невозможно, то «хотя бы каменья приготовили». При этом Петр I напоминал коменданту о справедливом распределении между крестьянами объема работ с учетом «препорции гаков, чтоб одним перед другими обиды не было». Заготовка леса была возложена на «крестьян дальних», которые были освобождены от собирания камня, на обывателей Дерптского и Рижского дистриктов. И о том к рижскому губернатору и к дерптскому коменданту указы тоже были посланы[1].

В примечании к «Указу генерал-адъютанту нашему господину Девиеру» от 12 ноября 1713 г. Петр I предписывает А. М. Девиеру конкретный объем работ, которые должны быть выполнены на период его командировки в Ревель: «Лесу указано уе[з]дами свесть двадцать тысяч бревен, старова с пять тысяч; драгунами велено изготовить шесть. Итого тридцать одну тысячу бревен, камня 1000 сажен. Из чего употребить на ситадель [цитадель] пятнадцать или шестнадцать тысяч бревен и шестьсот сажен камня, а остальные бревны и камень на прибавку [расширение] гавана. И смотреть над сею работою и приготовлением чтоб с помощью божиею сею зимою справить»[2].

Содержание указа на имя А. М. Девиера свидетельствует о беспокойстве Петра I из-за медленного хода строительных работ по расширению и усовершенствованию Ревельской гавани для «пристанище боевых русских кораблей», которые должны участвовать в первом крупном сражении на море против шведского флота в 1714 г., получившее потом название Гангутская битва.

Общий контроль за ходом строительства Ревельской гавани Петр I возложил на Правительствующий сенат. 13 октября 1713 г. из

[1] Там же. С. 175.
[2] Там же. С. 174–175.

Сената в адрес Ревельскому обер-коменданту В. Н. Зотову был направлен Указ, предписывающий следующие виды строительных работ: «Господин обер-комендант. Сего октября 12 дня царское величество указал… для укрепления Ревельского гаваня приготовить больше камню и лесу»… В связи с тем, что «деловая пора уже миновалась»… крестьяне Лифляндии и Эстляндии должны к январю месяцу «изготовить лесу четырех саженного двенадцать тысяч [бревен], пяти и шести саженного восемь[е] тысяч, камня пятьсот сажен трехаршинных кубических», если же столько невозможно, «то…четыреста сажен». И пока камень снегом «не запало», то его собирать близ гавана «по сажено» и по первому зимнему пути свозить ближе к стройке. Камни должны собирать крестьяне пешие, без лошадей, которые живут не далеко от Ревеля. А крестьяне, живущие далее от гавани, им следует определить места близ Ревеля для рубки и возки леса лошадьми в указанные места. Все работы распределить по гакам, «дабы одним через другими не было обиды».

Помимо этого, сенаторы рекомендовали обер-коменданту пристально следить, чтобы те, которые приставлены смотреть за ходом работы, «прихотей своих не исполняли».

Крестьяне Ревельского уезда из ближних мест проживания должны «камень готовить… как наискорее», чтобы из-за снега «к большой работе не допустить». А чтобы определить, какое количество камня следует собрать «крестьянами близлежащеми к Ревелю», необходимо составить и срочно представить в Сенат ведомость, в которой указать число мыз и гаков в Ревельском уезде, в которых живут обыватели.

В качестве совета обер-коменданту В. Н. Зотову сенаторы князь Яков Долгорукий и граф Иван Мусин-Пушкин наказали: «изволь трудица, не упуская времени, и под жестким страхом вели указать, чтоб никто от того не скорыстовались».

На конверте присланного указа надпись: «Господину обер-коменданту Зотову. В Ревель. Из Нарвы сослать с нарочным немедленно, понеже письмо нужное. В Ревеле через казака Григория Коромышева получено 19 дня, октября 1713»[1].

Получив столь срочное распоряжение из Сената по выполнению Указа Петра I, комендант В. Н. Зотов незамедлительно продублиро-

[1] Там же. С. 464.

вал сенатское предписание местным органам власти для неукоснительного исполнения.

В своем письме от 25 октября 1713 г. обер-комендант прежде всего изволил напомнить ревельским ландратам о том, что он [В. Н. Зотов] 20 октября писал уже им «по указу царского величества и по предложению… господ сенаторов о приготовлении лесу и камня по укреплению ревельского гавана». С учетом национального состава местного населения края обер-комендант копию «сенаторского распоряжения послал по-русски и по-немецки. При этом В. Н. Зотов в своем письме сетует на местные органы власти за то, что они на его словесные просьбы о присылке работников для сбора камня «ответствия в присылке к нам…работных людей нет и по се число». Хотя, напоминает В. Н. Зотов, «по осмотру камня много… который забирать ныне удобнее. Того ради, вашему благородию, письменно повторно…предлагаю для того, ежели тот камень западет снегом…забирать будет невозможно, дабы то нам не причтено было к нерадению.

Вашего благородия высокопочтенных господ ландратов охотной слуга Василий Зотов. Ревель. 25 дня. Октября 1713 г.»[1].

Спустя неделю после письменного напоминания местным органам о необходимости привлечения крестьян для сбора камня и не дождавшись присылки работных людей, комендант В. Н. Зотов решился пойти на крайние меры. 12 ноября 1713 г. он донес Петру I о том, что до сих пор местная власть «из уезда не прислала работных людей, то «оскудя караулы» были назначены солдаты численностью в двести пятьдесят человек, которые за четыре дня «собрали сорок три сажени камня, в Ревельском гарнизоне хранимо». При этом дополнительно сообщил, что поветренная моровая болезнь пугасла мимошедшего октября с 9-го числа»[2].

Озабоченность и сомнения одолевали и генерал-адъютанта А. М. Девиера из-за несвоевременной заготовки стройматериалов для Ревельской гавани со стороны обывателей, особенно Рижского дистрикту. Так, ландраты городов Лифляндии под различными предлогами затягивали доставку леса для Ревельской гавани. Такая неисполнительность лифляндских властей заставила Антона Мануиловича Девиера выехать после 22 ноября из Ревеля в Ригу для разбира-

[1] Там же. С. 465.

[2] *Письмо* В. Н. Зотова Петру I от 2 ноября 1713 г. // Собрание писем Императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Часть I–II. СПб., 1729. С. 465.

тельства конфликта на месте. Прибыв в Ригу 30 ноября и изучив сложившуюся ситуацию с доставкой леса в Ревель, А. М. Девиер 4 декабря 1713 г. донес Петру I: «Прибыл я в Ригу…для того, чтобы рижские ландраты…указанные бревна в срок поставили без отставки». И оные они «по указу послали, однако ж при том просили, дабы я …вашему величеству донес: не изволит ли ваше величество с Рижского дистрикту взять деньги за поставленные в Ревель бревны талеров…80 тысяч битых, понеже за далностию пути на те сроки того числа бревен они поставить не могут». Поэтому генерал-адъютант спрашивает царя, «ежели ваше царское величество на оное соизволит», то повеление определите Указом.

На письмо генерал-адъютанта Петр I уже через неделю дал ответ, запрещающий А. М. Девиеру делать уступки рижанам.

В ответе Петра I на письмо А. М. Девиера от 11 декабря читаем: «Господин генерал-адъютант. Письмо твое, писанное из Риги от 4 декабря, до нас дошло, в котором пишете, что рижские ландраты за Рижской, Перновской и Вендемской уезды вместо работников, которые надобны к Ревельской пристани для рубки и вывоза леса, обещают дать деньгами 8 тысяч ефимков.

Итого отнюдь вам чинить не надобно. Но взять работников, разложа по препорции гаков так, как вам первым указом повелено»[1].

Выполнив указания Петра I о посылке лифляндских работных людей в Ревель, «разложа по препорции гаков», А. М. Девиер 22 декабря 1713 г. донес об этом Петру I. В донесении сообщалось, что ландраты обещали ему «поставить рабочих согласно царскому указу» и просили «отсрочить доставку леса к ревельской гавани до конца января 1714 г. При этом А. М. Девиер признается государю, что он рискнул на свое усмотрение предоставить им отсрочку, так как «подводы здешних [крестьян] возили лес, который на них положен, от того помарены».

Первую уступку А. М. Девиера на отсрочку леса лефляндцами царь воспринял, как видно из писем, сдержанно. Но когда А. М. Девиер к 18 декабря 1713 г. заготовил 4433 бревна и 470 саженей камня и донес царскому величеству, что «…привезено бревен к пристани Ревельской разныя руки четырех и пети и шести сажен 4433…и камня в сборе четыреста сажен кроме тех, которыя солдаты собирали наперед сего…, а именно семьдесят сажен…из рижского дистрикта ни жадного бревна не привезено». И далее Девиер сообщил Его Величе-

[1] Там же. С. 2, 560.

ству, что, когда он был в Риге, местная власть обещала ему «поставить бревна из дальности только к концу февраля 1714 г.» и что они «больше желали, чтоб с них взять деньги [в] место бревен».

На донесение А. М. Девиера от 18 декабря последовал ответ Петра I в последний день 1713 г. Государь 31 декабря писал: «Господин генерал-адъютант, письмо твое…до нас дошло, в котором пишете, что с Рижского дистрикту обыватели положенного числа бревен ранее не могут к Ревелю поставить, как к последним числам февраля месяца. И на ту их отговорку смотреть не надобно, насколько возможно надобно их склонять, чтоб лес прежде того времени был поставлен, а именно: в первых числах февраля, а по нужде, что к половине помянутого же месяца, ибо ежели привозом лесу опоздают, то время оттого в работе пристани потеряеца»[1].

Царь Петр I форсирует строительство Ревельской гавани, которая должна стать базой для военных русских кораблей в предстоящем морском сражении со шведским флотом[2].

В отличие от проволочек с доставкой леса на пристань лифляндскими обывателями, более старательно к решению данного вопроса отнеслось руководство Дерптского уезда. Так, 22 октября Сенат потребовал донести в его Канцелярию о количестве заготовленного леса обывателями Дерптского дистрикта. При том требовалось «вышеупомянутый лес расположить…на гаки… кому какого леса на гак достанется», и о том донести в Канцелярию Правительствующего сената. 25 октября 1713 г. ландрихтер Мануков донес, что по справке в Санктпетербургской канцелярии, по присланному ведению из Дерпта от майора Бока с товарищами за их руками в Дерптском уезде публичных государевых мыз 83 в них ныне гаков в остатке живущих 410, пустых 602, шляхетских живущих 337, пустых 367. В итоге публичных и шляхетских живущих 747 гаков, пустых 969, всего 1716 гаков. И если оный лес «положить на живущие гаки [гак — по нем. соха; понимается «живущие гаки» — земля, которая обрабатывается живущими владельцами, а не пустующая целина — П. Н.], но все равно, как на публичные, так и на шляхетские, и имеются на гак 4-х са-

[1] Там же. Часть I. С. 243.

[2] *Письмо* Петра I из Санкт-Петербурга от 31 декабря 1713 г. было получено генерал-адъютантом А. М. Девиером в Ревеле 7 января 1714 г. Письмо было сложено и запечатано черной сургучной печатью. Копия с подлинника хранится в архиве СПб ИИ РАН в фонде «Комиссия писем и бумаг Петра Великого».

женного по 17,5-ти и 6-ти саженного по 11, всего по 28 дерев; переходу будет 4-х саженного 699, 5-ти и 6-ти саженного 217; всего необходимо заготовить 916 бревен.

25 октября в Сенате состоялся Приговор: «из Дерптского уезду на Ревельскую гавань леса готовить по вышеписанному расположению, чтоб те леса были в готовности и в указанную меру против прежняго его великого государя именного указу. О том посланы указы в Санкт-Петербургскую губернию вице-губернатору Якову Никитичу Римскому-Корсакову 28 ноября [1713 г.], 13 октября и 11 ноября Нарвскому обер-коменданту К. А. Нарышкину, а 11 ноября — Рижскому губернатору П. А. Голицыну[1]. Заготовка необходимого количества камня и леса для строительства гавани в Ревеле была сопряжена с большими трудностями. Причиной тому были, во-первых, разорение края войной, во-вторых, стремление местной администрации откупиться от новой обременительной повинности. Преодолевая всевозможные препятствия как объективного, так и субъективного характера, уже к концу января 1714 г. было заготовлено сверх установленной нормы 15 793 бревен и 600 кубических саженей камня, из которых 226 саженей уже подвезено к пристани.

Не прерывая работы по заготовке леса и камня, Петр I именным указом от 10 января 1714 г. откомандировал в Ревель майора-инженера барона Людвига Любераса. Государь повелел ему, приехав в Ревель, явиться к генерал-адъютанту Девиеру, представиться ему и с его ведома приступить к рубке из привозного леса режи, также сваи и прочее по Указу, как мы словесно тебе приказали». Было повелено, чтобы через генерал-адъютанта Девиера, плотников и работников «к тому делу брать из гарнизонных солдат»[2].

Барон Иоганн Людвиг Люберас фон Потт (? –1752) — сын шотландца. Год вступления на русскую службу неизвестен. Но уже в 1714 г. Петр I направляет его на строительство Ревельской башни [крепости] и реконструкции гавани в распоряжение генерал-адъютанта А. М. Девиера. Талантливый барон И. Люберас учавствовал в сооружении Ревельской гавани лишь до июля месяца. 12 июля 1714 г. капитан-командор П. И. Сиверс был послан с инженер-майором И. Л. Люберасом и несколькими штурманами согласно распоряжению Петра I, прибыв 14 июля к га-

[1] *Письма* и бумаги Петра Великого Т. 13, вып. 2 (июнь–декабрь). С. 219, 243, 464, 560, 576.

[2] *Собрание* писем Императора Петра I к разным лицам. Часть. 1. С. 189.

лерному флоту занимались поиском прохода в шхерах для корабельного флота, а 23 июля 1714 г. был рядом с царем и лично мерил протяженность пути для устройства волока через это узкое место полуострова Гангут[1]. После заключения Ништадского мира И. Люберас строил балтийский порт. В январе 1727 г. был произведен в генерал-майоры. Главная его заслуга — создание доковой системы в Кронштадте[2].

Одновременно под неусыпным контролем А. М. Девиера продолжалась заготовка леса и сбор камня. В итоге 18 марта 1714 г. он рапортовал Петру I об успешном окончании строительных работ. «Всепокорно доношу Вашему Величеству, — писал А. М. Девиер, — сего дня положили мы все каменья, которые надлежит быть на весь Гавань, так же и 52 пушки. Из того числа поставили на лафеты 7, и из них выпалили, а значит то, что поспело»[3].

В фундаментальной научной работе Павла Александровича Кротова «Российский флот на Балтике при Петре Великом» читаем: «Гавань Ревеля…по наблюдениям шведов. Вполне могла стать надежной базой и убежищем в случае необходимости для российского флота в кампании 1714 г.»[4].

1.4. Прием и сопровождение в Ревель военных судов, купленных за границей

Готовящиеся маштабные боевые действия русских на море заставляли Петра I предпринимать решительные меры по пополнению молодого русского военного флота военными судами как отечественного производства, так и купленными в заморских странах. В числе государств, которые продавали суда России, выступали, прежде всего, Англия и Голландия. Генерал-адъютанту А. М. Девиеру, кроме контроля за реконструкцией и расширением Ревельской гавани, укрепления в военном отношении ее цитадели, также повелевалось прини-

---

[1] *Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С. 377, 378, 381.

[2] Подробнее об этом: *Калинина Е. М. Слепенкова О. В.* Петровский. Петербург: город на островах. СПб., 2016. С. 210–215 ; *Берх В. Н.* Жизнеописание генерал-аншефа барона Людвига Иоанна Потт фон Любераса, знаменитого строителя известного Кронштадского канала. СПб., 1829.

[3] *Собрание* писем Императора Петра I. Часть II. С. 224.

[4] *Кротов П. А.* Указ. соч. С. 369.

мать купленные за рубежом военные суда и сопровождать их из Копенгагена в Ревель.

Инструктаж и предписание о предстоящей поездке в Копенгаген Антон Девиер получил 16 августа 1715 г. лично от Петра I, который в это время находился в Ревеле:

1. Генерал-адъютанту царь повелевал ехать вместе с капитаном Бредалем за английским флотом до Копенгагена, там остаться на корабле «Оксфорд» и дожидаться возвращения капитана (Бредаля) из английских портов в Копенгаген.

2. Когда упомянутый капитан (Бредаль) с фрегатами, а также с новыми кораблями, изготовленными в Голландии, возвратится в Копенгаген, тогда тех офицеров и матросов с новых кораблей, заплатя им жалования по учиненным с ними контрактам князем Куракиным, отпустить. Но те, которые «добрые похотят в Нашу службу», их принять. И о том «к Нам писать», а без Указу от Копенгагена не ходить.

3. Иметь смотрение о наших людях. Ежели им не достанется провианту, то брать из того, который привезен будет капитаном Иваном Синявиным[1]. А что останется, можно продать. Тако ж ежели понадобится на отправление кораблей, то держать «из тех денег, которые с вами отправлены». Если же Сенявин по какой-то причине не привезет. А людям будет нечем кормиться. То держать из наличных денег с…возможным манжиром»[2].

Прождав безрезультатно более трех недель в Копенгагене возвращения капитана П. П. Бредаля из Англии, А. М. Девиер вынужден был 10 сентября 1715 г. доложить Петру I о своем бедственном положении. «Всеподданнейше доношу Вашему Величеству за противным ветром капитан Бредаль еще из Зунда не поехал. Ежеле…Иван Синявин за каким случаем…не прибудет, то нам провианту не на что купить». Объяснив сложившуюся ситуацию, А. М. Девиер напомина-

[1] Павел Кротов, ссылаясь на Д. Дена, англичанина — офицера, служившего на российском флоте в Петровское время, утверждает, что И. А. Сенявин писал свою фамилию через букву «И» еще в 1723 г., но со следующего года изменил подпись: Иван Сенявин (*Кротов П. А.* Российский флот на Балтике, при Петре Великом. СПб., 2017. С. 186) ; Правило написание своей фамилии, установленное Иваном Сенявиным, высказанное современником Д. Деном, не соблюдалось и ранее, до 1723 г. См.: *Собрание* писем Императора Петра I к разным лицам. Часть I –II. СПб., 1829. С. 334, 374, 375.

[2] *Собрание* писем Императора Петра I к разным лицам. Часть I. С. 334.

ет государю, что хотя у него есть «посланные деньги», но их вряд ли хватит на зарплату матросам и офицерам тех кораблей…, кои в Голландии деланы». Оказавшись в столь трудном положении со своей командой корабля «Оксфорда», А. М. Девиер просит царя «приказать дать письмо сюда для векселей…, продать рожь», которая находится на их корабле. К тому же он добавляет, что у них в течение трех дней был шторм, то «немалое число и сухарей подмочило»[1]. Через 10 дней А. М. Девиер, находясь в Копенгагене, вынужден был донести его царскому величеству о том, что 20 сентября «прибыл сюда капитан М. Грись с кораблем «Перл», который потерял все четыре машты 13 сентября… от того, что машты гнилы были, хотя и новые… Когда «Перл» сюда прибыл, тотчас приказал я приготовиться капитану Екгофу с кораблем «Оксфордом». Дабы не упустить английского флота, который еще у Зонда… также доношу… машты, ванты и парусы на «Перл», также и другие припасы стоют 6000 ефимков. И на оной припас ни денег, ни векселей не имею: кроме того, что я взял из Ревеля 6000 ефимков и то мало, когда придется выдавать зарплату команде тех кораблей, которые прибудут, чаю надобно 12000 ефимков».

Хотя Иван Синявин, пояснял А. Девиер, прибудет с хлебом и даже с продажей ржи, все равно «более не будет 8000 ефимков, что будет недостаточно для выплаты зарплаты «морским служащим и на покупку вышеписанного». При этом и ежели, что нужно «провиант купить… И того ради прошу Ваше Величество… приказать дать векселя», ежели случится крайняя нужда, без чего пробыть [здесь] невозможно[2].

Новые возникшие трудности заставили А. М. Девиера, не дождавшись ответа от Его Величества, 1 октября 1715 г. отправить очередное донесение. В нем А. М. Девиер поведал царю о возможных трудностях с ремонтом корабля «Перл», потерпевшего аварию во время шторма. Генерал-адъютант русского царя, не теряя времени, через первого министра Дании письменно обратился к датскому королю с просьбой для ремонта «Перл» «дать взаймы» необходимые материалы. Ему было отказано в ремонте судна на условиях «дать взаймы», но, благодаря находчивости Девиера выход был найден. Ремонт судна был начат. В связи с этим А. М. Девиер решил уточнить у царя, «как

[1] Там же. Часть II. С. 374.
[2] Там же. Часть II. С. 372, 373.

ему поступить, если не поспеет восстановление «Перла», а указ от Вашего Величества будет направлен к нам, то как нам… дожидаться окончания ремонта или оставить здесь судно».

Затем А. М. Девиер уведомляет царя, что купленные английские суда еще не пошли от Зунда из-за противного ветра, что шведская эскадра вышла в море по донесению фрегата датского, «токмо подлинно нельзя верить», так как в море ее не видали; Иван Сенявин до сего времени не бывал».[1]

О недостойном решении, связанным с нежеланием датского короля дать России в «займы» материалы для ремонта корабля, потерпевшего крушение во время шторма, генерал-адъютант незамедлительно поведал своему государю. «Прежде писал я, — сообщал 16 октября А. М. Девиер Петру I, — о маштах», как Его Величество нам в том отказал. «Однако же его же королевские машты достали через г. Обер-Комиссара за деньги, и чаем можно скоро «Перл» изготовить.[2] Оказывается, за деньги можно «купить» даже первых служителей короля Дании, заключает А. М. Девиер.

После он информирует Петра I об английском флоте, который «обретается в Норвегии, несколько судов из них пропало, которых прибыло к шведской стороне к Готенбургу. А шведский флот, когда пришел к Штральзуну, то датской [флот] отошел. Следовательно, можно достоверно предположить, что А. М. Девиер, занимаясь сопровождением купленных судов, одновременно собирал информацию разведовательного характера о боевом состоянии шведского военного флота. Антон Девиер доносил царю, что когда фрегат доставил «о семь известии, что шведы в составе 24 кораблей стоят в вышеуказанном есте, тогда гильдер-Лев, подняв якори, пошел к ним, что у них учинится, о том буду писать». Из ходивших разговоров А. М. Девиер сообщал Петру I, что шведы, имея 8000 тыс. человек, хотят их «осадить на остров Руген»[3].

Наконец, 27 ноября 1715 г. прибыл в Копенгаген капитан Иван Сенявин, которого А. М. Девиер ждал с большим нетерпением из-за

---

[1] Там же. Часть II. С. 374, 375.

[2] По нашему мнению, случай купли у датчан за деньги детали для ремонта российского корабля еще раз подтверждает наплевательское «отношение датской верховной власти к договору, подписанному Россией, Данией и Саксонией, о совместной борьбе против шведского короля Карла XII».

[3] *Собрание* писем Императора Петра Великого. Часть II. С. 378.

нехватки продуктов для кормления его людей. 29 ноября 1715 г. он донес царю о том, что два дня назад «прибыл сюды капитан Иван Сенявин с двумя кораблями в добром состоянии, третий…, который был в Норвегии, ожидаем…с часу на час. Бредаль и Екгоф еще не прибыли (которые сопровождают купленные корабли из Англии. — П. Н.)[1]. Далее А. М. Девиер с грустью поведал царю о том, что капитан Сенявин сообщил ему, что он не привез для продажи ржи и «не имеет более провианту» для кормления людей, и, таким образом, «немалая нам есть трудность». И если, поясняет Антон Мануилович, «от Вашего Величества и… посла Долгорукова не будет векселей», то мы окажемся…на пустом. Прошу… приказать дать вексель на Гамбург или где соизволите для прокормления наших людей»[2].

Затем посол Б. И. Куракин 6 декабря 1715 г. направил письмо А. М. Девиеру, в котором предписывал ему исполнить распоряжение в отношении морских служилых людей, которое не входило в его служебные обязанности. Об этом А. М. Девиер незамедлительно известил Петра I: «доношу Вашему Величеству, сего числа получил я письмо от князя Бориса Ивановича Куракина, в котором повелевает: когда капитан Бредаль сюда прибудет, чтобы его в феврале [1716 г.]… опять в Англию послать для приема корабля Марбурга. По которому я без указу Вашего Величества чинить не смею. И о том, как Ваше Величество укажете»[3].

Анализ переписки Петра I с разными людьми, в частности с А. М. Девиером, свидетельствует о жестком подходе государя к выполнению его всевозможных повелений. Фактически без его информированности со стороны сподвижников и его согласия ни один вопрос, то ли военной, политической, хозяйственной или социальной сферы не решался. Все его ближайшие соратники, «птенцы гнезда петрова» неукоснительно исполняли его повеления».

---

[1] Посол князь Б. И. Куракин 17 ноября 1715 года доносил Петру I о том, 9 и 15 октября капитаны Бредаль и Екгоф благополучно прибыли в Англию. Ныне им определили идти до Копенгагена с двумя кораблями, которые от Гутфеля, а Марбург принужден будет остаться в Англии для ремонта, так как в походе из Голландии от великого шторму «повредился». Наум Синявин, пишет посол, еще не «бывал», а как приедет, то его отправят для продажи товара в Голландию (*Собрание* писем Императора Петра Великого. Часть II. С. 379, 380).

[2] *Собрание* писем Императора Петра Великого. Часть II. С. 282.

[3] Там же. С. 381.

При комплектовании новыми судами Балтийского флота царь нередко при покупках их возмущался небреженой тратой казенных денег служилыми людьми. Упрек царя однажды коснулся и А. М. Девиера по вопросу закупки по высокой цене предметов для ремонта корабля «Перл». В ответ на «несправедливые упреки царя», как считал А. М. Девиер, он в донесении Петру I от 14 ноября 1716 г., наряду с обстоятельной информацией о найме офицеров и унтер-офицеров для русского флота и оплате их перевозки в Ревель, вынужден был высказать свою обиду. «Ваше Величество в своем указе упрекаете, что я купил мачты дорого» и чтоб впрядь, не писав, ничего «не чинил». В этом деле, вопрошал Девиер, не разумею, чтоб я был виноват? Да, ежели б я покупал все что надобно на корабль «Перл» против обыкновения, то не токма б 6000. но еще и две или три тысячи ефимков надобно было». При этом А. М. Девиер приложил роспись цен «почему здесь покупают», из чего можно уяснить «каково дешево», и заключил, что если о вышеупомянутом деле у государя «какое сомнение имеется на меня», то извольте приказать Комиссию [для расследования. — П. Н.] выдать господину послу или кому [другому][1].

В подтверждение настоятельных справедливых просьб А. М. Девиера к царю Петру в отношении улучшения «прокормления людей», служивших на флоте, явилась жалоба Ивана Сенявина государю на его генерал-адъютанта. 7 апреля 1716 г. он донес Петру I о том, что ему, Ивану Сенявину, подали офицеры и унтер-офицеры о жалованье, провианте и о квартирных челобитную, которую он послал его Величеству. Затем Иван Сенявин поясняет, что за квартиры следует платить за 4 месяца 120 ефимков, а ему платить за их нечем, так как на корабль всего выделили 1000 ефимков, и он просит повелеть «генерал-адъютанту Девиеру хотя бы малое число матросов обмундировать, в истину обносилось все», а А. М. Девиер, выдавая денежное жалование, и из иного за мундир вычитает, а «мундиру не делает».

Нам не удалось найти документа, который свидетельствовал бы о реакции государя и самого А. М. Девиера на эти серьезные упреки в отношении указанных упущений. Правда, как мы представляем, в условиях военного времени таких серьезных недостатков в социальной защите военнослужащих, в том числе и полицейских кадров, было немало.

[1] Там же. Часть IV. С. 2–3.

Так, в Петровскую эпоху одной из первоочередных задач верховной власти являлось поддержание высокого уровня боеготовности армии и флота. Это, как известно, зависит от материального обеспечения военнослужащих, их физического состояния и, конечно, высокой профессиональной подготовки. Однако, как видно из донесений царю Петру генерал-адъютанта Антона Девиера, находившегося в Копенгагене, в 1715–1716 гг. моряки испытывали острую нужду в продовольствии, что вело к массовым заболеваниям и высокой смертности среди нижних чинов. Существенному увеличению смертности среди матросов способствовало низкое качество продовольствия и пресной воды. Из-за долгого плавания «даже свежая солянина покрывалась, как и сухари, зеленой плесенью, дурно пахнувшая вода в бочках принимала цвет жидкого кваса, а вкус и запах тухлых яиц»[1]. Англичанин Поддон, один из лучших адмиралов Петра I, утверждал, что русский флот вследствие дурного продовольствия терял людей вдвое более любого иностранного флота[2].

В связи с этим будет уместно рассказать о благородном поступке Антона Девиера, оказавшегося в непредвиденных обстоятельствах во время пребывания в Копенгагене. Будучи страстным сторонником справедливости и непримиримым поборником бездушия начальников к своим подчиненным, Антон Девиер нередко попадал в неприятные истории. Так, летом 1716 г. в Копенгагене он стал очевидцем недостаточного внимания к памяти умерших моряков со стороны капитана 4-го ранга Наума Акимовича Сенявина. Как известно, Антон Девиер поддерживал с ним всегда ровные служебные отношения, но как ответственно выполняющий свои обязанности человек через кабинет секретаря Алексея Макарова он должен был сообщить в мае 1716 г. Его Величеству следующее: «Здесь мы заслужили такую славу, что она не исчезнет и через тысячу лет. Из его команды умерло где-то 150 человек. Многих выкинули за борт в воды канала, а 12 человек брошены около домов… Увидев это, я приказал, хоть то не были мои люди, чтобы их достали из воды и похоронили. Местное население жа-

[1] *Князьков С. А.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 138.
[2] Там же. С. 138.

ловалось. А некоторые министры, говоря об этом, хотели донести обо всем королю»[1].

Неугодная реакция на благородный поступок Девиера не заставила себя долго ждать. Антон Девиер 16 июня 1716 г. прибыл на корабль Наума Сенявина, чтобы объясниться с ним по этому неприглядному случаю, однако взаимопонимание не было достигнуто.

Неоднократно в ряде исследований мы встречаем упоминание о конфликте между А. Девиером и Н. Сенявиным, произошедшем в Копенгагене. Но о причинах скандала обычно в большинстве исследований умалчивается. Не упоминает об этих причинах историк П. Кротов, он лишь констатирует, что последствия этой ссоры «были печальны для А. Девиера».

Казалось бы, один из ординарных бытовых эпизодов эксцентричного непредсказуемого окружения Петра I. При этом тайное лишь частично стало явным — драка и избиение весьма достойного и уважаемого человека. Это внешняя фабула. Но «тайное» не раскрылось до конца: в чем причина, где побудительные мотивы? Отчего такая жестокая озлобленность на Девиера? Это внутренняя фабула, о которой не только никогда не стремились говорить, но даже наоборот, предпочитали просто забыть или упоминали вскользь, мимоходом. И это объяснимо. Во–первых, важно учитывать, что столкновение было между двумя представителями власти, именитыми чиновниками (шаубенахтом Н. Сенявиным и генерал-адъютантом А. Девиером). Во-вторых, можно предположить, и это самое главное, спор касался важного социально-государственного вопроса, определяющего идейно-нравственную позицию каждого из них как гражданина Отечества.

По всей вероятности, Девиер сообщил Сенявину о жалобах местных жителей побережья по поводу часто всплывающих трупов матросов, захороненных в море после сражения или болезни. Несомненно, для генерал-адъютанта А. Девиера, человека не только рьяно и необычайно ответственно относящегося к своим обязанностям, но и строго соблюдающего нравственно-этические нормы ритуалов, это рассматривалось как чрезвычайное и недопустимое явление. Очевидно, в своем собеседнике он не только не нашел понимания, но и столкнулся с явным неприятием своих убеждений. Полемический

[1] *РГАВМФ.* Материалы для истории русского флота. Часть II. СПб., 1865. С. 82–83. Цит. по : *Князьков С. А.* Указ. соч. С. 138.

спор стремительно перерос в потасовку, так как если Девиер умел доказывать и убеждать, то его оппонент не умел слушать и соглашаться.

Отсюда унизительно-оскорбительный финал для одного и уверенная безнаказанность для другого. Именно этим объясняется, что замалчивались детали ссоры (так как «правда» осталась за Девиером), и никто не распространялся о ее последствиях (так как Сенявин выглядел в финале весьма постыдно).

Вместе с тем вопрос о «погребении в море» всегда был актуален для морских держав, среди которых Россия занимает ведущее место, формируя и закладывая при Петре I свои законодательные основы. Именно под его непосредственным руководством разрабатывался первый Морской устав (24/I. 1720 г. — 5 книг, 1724 г. переиздан, действовал до 1797 г.). Флот в это время не только стремительно растет, но и набирает силу. Так, в 1725 г. уже на Балтике насчитывалось 48 линкоров, 787 галер, общая численность морского флота достигала 28 тысяч моряков.

Пожалуй, никто не относился с таким трепетным чувством ко всему, что было связано с морем, кораблестроением, ритуальными обрядами и обычаями, отражающими загадочную и не подчиняющуюся никаким правилам стихию Посейдона, как русский император. Правда, в Морском уставе не было отдельного раздела о погребении, но русский флот следовал общечеловеческим принципам и традициям, которые четко соблюдались среди моряков в мире: умершего обязательно зашивали в парусину, привязывали груз, чтобы тело не всплывало, и по приподнятой доске медленно опускали в воду. Как правило, это все совершал «морской гробовщик» (должность на корабле).

При захоронении присутствовала вся команда (матросы и офицеры, свободные от службы), приспускали Андреевский флаг, и происходило отпевание — молитва «Со святыми упокой», и затем обязательно следовал троекратный залп — дань уважения и прощание с воином.

Преклонение перед водой для Петра I всегда было священным ритуалом, ведь выбранная им столица была окружена морем, проливами, заливами, и на воде рождалась новая Россия, которой предстояло не отвоевывать землю у воды, а делать ее своей союзницей, помощницей, просить у нее пощады и защиты, а значит, стать ее другом, а не повелителем… Но и его Стихия обрекла на вечное служение ей и строгое подчинение и исполнение ее законов. Это прекрасно понимал сам император и делал все, чтобы рождающаяся столица гармонично,

воедино сливалась с величием и непокорностью расступившейся перед ней пучиной.

Именно Петру I принадлежит неповторимая по своей смелости фраза: «приручение к воде». Она становится его движущим стимулом при строительстве «города на воде», как Венеции, его жизненным кредо, утверждающим независимость и непобедимость будущей столицы.

Окружение царя не только знало, но и неоднократно могло слышать и наблюдать его «взаимообщение» с морем. Именно Наум Сенявин, еще будучи поручиком, на всю жизнь запомнил случайно услышанные слова, сказанные Петром I Ф. М. Апраксину: «Я приручаю семейство мое к воде, чтобы не боялись впредь моря и чтобы понравилось положение Петербурга, которое окружено водами. Кто хочет жить со мною, тот должен бывать часто на море»[1].

Если исходить из нравственного кодекса Девиера и Сенявина, то многое становится объяснимо. Один искренно был предан своему властелину и строго следовал установленным законам — отсюда безупречность исполнения порученных обязанностей. Другой, Сенявин, купался в лучах безнаказанности, исходя из права дозволенности, подчас полностью игнорируя даже общепринятые и утвержденные указы. Поэтому возникшая между ними ссора была как обыденное событие того времени.

Завершая рассмотрение деятельности генерал-адъютанта А. М. Девиера по комплектованию судами Балтийского флота, приведем последнее донесение разведовательного характера Антона Мануйловича Девиера царю. Продолжая находиться в Копенгагене, А. М. Девиер 1 мая 1716 г. докладывал Его Величеству: «29 апреля шведский флот вышел в море, а за день до его отходу пошла датская эскадра в Норвегию под командою Шаубехта Коса в составе 8-линейных кораблей и двух фрегатов». Капитан И. Сенявин из-за неимения указа за ними не последовал. В связи с этим А. М. Девиеру прислали от имени датского короля письмо, по которому он вынужден был явиться к первому Министру и объявить, что он не командир над кораблями, поэтому чинить не может без указа Его Величества и предъявил капитана Сенявина. Первый Министр сказал ему: «Я желаю,

[1] 25 апреля адмирал Апраксин салютовал на буерах в честь сестер Петра I: царевен Натальи, Марии и Феодосьи.

чтобы ты шел за Косом в Норвегию и не отставал от него». В ответ И. Сенявин «требовал на то указ на свое имя».

При отправлении донесения царю А. М. Девиер спросил у И. Сенявина: «Когда пойдешь?» Он сказал, что «еще указу не получал», и при этом требовал «пороху и прочаго». Все это дано ему было от здешних министров, заключает на этом А. М. Девиер свое донесение Петру I. И буквально через 4 дня, 5 мая 1716 г., донес Его Величеству, что «вчера пошел Иван Синявин с двумя кораблями в Норд-зе к той эскадре, которой командует вице-адмирал Габель». Про шведский флот он не слыхал, «где он есть, с того времени, как отсюда пошли»[1].

В феврале 1716 г. в Ревеле продолжалось форсированное строительство цитадели [крепости]. Велась забивка свай. Но строители встретились с непредвиденными трудностями. Забив на три сажени, «лед мгновенно и с большой силой выталкивал сваи наружу. Решили ящики на воду [нагруженные камнями — П. Н.] опускать без свай. Затем забивать сваи через нагруженные ящики. Но пока работы таким способом еще не велись в феврале месяце.[2]

Таким образом, Антон Мануилович Девиер с 1713 по 1716 гг. в качестве генерал-адъютанта Его Величества непосредственно был связан со строительством и укреплением балтийского флота России. С 1713 г. по 1715 г. по велению Петра руководил заготовкой леса и камня для реконструкции Ревельской пристани и крепости, осуществлял своевременную отправку в Ревель, купленных военных кораблей в Англии и Голландии, содействовал ремонту в иностранных портах русских судов, поврежденных в результате шторма и при других обстоятельствах. Наконец, А. М. Девиер проявил исключительную заботу о продовольственном обеспечении личного состава русских боевых кораблей, которые находились в водах союзнических стран с Россией.

Небезынтересно мнение русского историка П. Н. Милюкова о строительстве русским царем новой гавани поблизости Ревеля. Историк об этой стройке писал следующее: «За несколько лет до смерти Петр находит новое место: Рогервик, недалеко от Ревеля. Правда, шведы остановились перед страшными расходами и физическими препятствиями для укрепления этой бухты, но Петра такие пустяки не могли остановить. Снова люди десятками тысяч идут на новую

[1] *Собрание* писем императора Петра Великого. Часть IV. С. 42.
[2] Там же. С. 8.

работу: «все леса в Лифляндии и Эстляндии сведены» для деревянных ящиков, в которых погружают на морское дно камень, наломанный в соседних скалах. А неумолимые бури из года в год при Петре и Екатерине разносят всю людскую работу, так что, наконец, и этот проект, «стоивший невероятных сумм, приходится бросить»[1].

Действительно, русский историк П. Н. Милюков прав в том, что Петру Великому и Екатерине I, несмотря на огромные материальные и людские затраты, не удалось создать новую бухту в районе Рогервика. Но в последующие годы верховной власти Российской империи удалось воплотить в жизнь планы Петра Великого, построив в Рогервике морскую гавань, которая стала накануне Великой Отечественной войны главной военно-морской базой Балтийского флота.

[1] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3. С. 164.

ГЛАВА 2
АНТОН ДЕВИЕР — СОЗДАТЕЛЬ РЕГУЛЯРНОЙ ПОЛИЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

2.1. От полицмейстерской канцелярии к регулярной полиции

До сих пор не утихают споры о времени возникновения полицмейстерской канцелярии в Петербурге: то ли это начало 1710-х гг., то ли 1718 г., ознаменовавшийся введением должности генерал-полицмейстера. Анализируя различные точки зрения, попытаемся представить и наше видение данной проблемы.

Начало этому спору было положено надворным советником Иваном Петровичем Высоцким, автором исторического очерка, посвященного 200-летию Санкт-Петербургской столичной полиции. Рассматривая деятельность петербургской полиции в царствование Петра I, И. П. Высоцкий утверждает: «Из указа от 20 мая 1715 года мы видим, что в то время существовала уже Полицмейстерская Канцелярия, которая испрашивает разрешение Государя по вопросам строительной части»[1].

Спустя более века эту дату подтверждает историк Валентина Григорьевна Чернуха, которая пишет: «…примерно в 1715 г. по высочайшему распоряжению создается полицмейстерская канцелярия, а в 1718 г. утверждается и должность генерал-полицмейстера»[2].

Советский историк С. П. Луппов заявляет, что нет достаточных оснований считать, что Полицмейстерская канцелярия существовала до 1718 г., хотя полицейская команда уже была. Только в 1718 г. полиция была окончательно оформлена организационно[3].

Авторы коллективной монографии «Три века российской полиции» свою позицию по данному вопросу выразили весьма категорично. Они заявили, что встречающееся в некоторых публикациях мне-

---

[1] *С.-Петербургская* столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. Краткий исторический очерк. С.-Петербург. Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. Переиздание 2013. СПб. : ООО «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА». С. 8.

[2] *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб. : «Лики России», 2008. С. 26.

[3] *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л., 1957. С. 159.

ние об образовании полицмейстерской канцелярии тремя годами ранее — в 1715 г., не находят документального подтверждения[1].

Подготовка к празднованию 300-летнего юбилея российской полиции вызвала значительный интерес исследователей к данной проблеме. В ряду исследователей, интересующихся вопросами становления полицмейстерской канцелярии в северной столице, оказались не только историки и правоведы, но и журналисты, и известные писатели России. В их числе И. В. Гурлев, В. В.Черных, А. В. Лучинин, А. В. Шмонин, писатель А. Бушков и др.

Так, И. В. Гурлев на основе анализа современных литературных источников и архивных документов приходит к выводу, что полицмейстерская канцелярия как городское учреждение существовала в Петербурге уже в 1715 г. Свой вывод автор подтверждает следующими указами, опубликованными в ПЗС-I: от 20 мая 1715 г. № 2909: «Высочайшая резолюция на доклад по делам по Полицмейстерской Канцелярии — «О каменных и деревянных строениях»[2]; от 14 сентября 1715 г. № 2932 — «Именный Обер-Комиссару Князю Черкасскому. О смотрении, чтоб никто противу указу и без чертежа Архитекторского нигде не строился»[3]; от 30 апреля 1716 г. № 3019 — Высочайшая резолюция на доношение по делам Полицмейстерской Канцелярии. О строении в Санкт-Петербурге[4].

Автор И. В. Гурлев совершенно справедливо заключает, что полицмейстерская канцелярия «ведала строением деревянных и каменных домов». Других более точных сведений о дате создания полицмейстерской канцелярии и сферах её деятельности в литературных или архивных источниках по его утверждению не найдено[5]. По мнению И. В. Гурлева, надзор за исполнением полицейских функций в городах осуществляли органы местной власти, а полицейскую повинность несли солдаты и унтер-офицеры расквартированных полков совместно с местными жителями, назначаемыми по графику.

---

[1] *Борисов А.* Три века Российской полиции : монография / А. Борисов, А. Малыгин, Р. Мулукаев. М. : РИПОЛ классик, 2016. С. 83.

[2] ПЗС-I. Т. 5. 1715. № 2909. С. 157–158.

[3] ПЗС-I. Т. 5. 1715. № 2932. С. 169.

[4] ПЗС-I. Т. 5. 1716. № 3019. С. 465–466.

[5] *Гурлев И. В.* О дате учреждения полиции в России (к 300-летию полиции) // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 7–10.

Что же касается полиции как государственного органа, ведавшего общественной безопасностью и правопорядком Северной столицы, по словам И. Гурлева, он не существовал до мая 1718 г.

По данному вопросу аналогичную позицию имеют и другие исследователи. Правда, некоторые из них, например В. Черных, не ссылаясь на документальную базу, считает, что еще 20 мая 1715 г. была образована полицмейстерская канцелярия, которая в 1718 г. преобразована в генерал-полицмейстерскую. В качестве аргумента В. Черных заявляет: «… факт наличия и функционирования полицмейстерской канцелярии не подлежит сомнению, следовательно, дата образования российской полиции может быть сдвинута на 3 года ранее»[1].

Точку зрения В. В. Черных разделяет исследователь А. В. Лучинин. В статье «Создание и развитие специализированных полицейских органов России в первой половине XVIII века» автор без доказательства лишь подтверждает, что в Петербурге в 1715 г. учреждается полицмейстерская канцелярия, в состав которой входили солдаты и унтер-офицеры.

Александр Бушков по-своему комментирует вопрос возникновения полицмейстерской канцелярии. В одной из своих книг он подтверждает уже известный факт о том, что в 1715 г. указом Петра I была создана Главная полицмейстерская канцелярия Санкт-Петербурга, но она, заключает писатель, существовала исключительно на бумаге — как будущий орган управления полиции, которую ещё только предстояло создать[2].

Согласно указу Петра I, в 1715 г. уже существовала, а не была создана, как утверждает А. Бушков, полицмейстерская канцелярия. Кроме этого, трудно согласиться с утверждением автора, что полицмейстерская канцелярия бездействовала, то есть оставалась лишь на бумаге в течение трех лет, с 1715 г. по 1718 г. Важно учитывать, что уже в это время полицмейстерская канцелярия не «оставалась лишь на бумаге», а была активным хозяйственно-административным органом, пытаясь определить свое функционально-правовое начало.

---

[1] *Черных В. В.* Первый генерал-полицмейстер России А. М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 161–171.

[2] *Бушков А.* Русский Шерлок Холмс. История русской полиции. М. : ООО Издательство «Эксмо», 2021. С. 3.

Как свидетельствуют документы, в указанное время полицмейстерская канцелярия была призвана непосредственно заниматься контролем выполнения деревянного и каменного строительства в Петербурге.

Знаменателен и еще один факт. Полицмейстерская канцелярия получила статус Главной лишь после учреждения в 1722 г. Полицмейстерской канцелярии в Москве, которая стала подчиняться Санкт-Петербургской как главному, уже существующему почти четыре года первому государственному полицейскому учреждению.

Важно, что от данной полемики не остались в стороне и компетентные службы МВД России. Их официальный представитель — генерал-майор полиции помощник министра внутренних дел Ирина Волк в августе 2018 г. поддержала сообщение исследователей о том, что в 1715 г. в Северной столице уже существовала полицмейстерская канцелярия, при этом уточнив, что она состояла из офицеров и солдат Преображенского и Семеновского полков.

На основании научных изысканий, проведенных историками-экспертами, было документально установлено, что (25 мая) 5 июня 1718 г. указом Петра I учреждена должность Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера — начальника главной полицмейстерской канцелярии. Одновременно были сформулированы его обязанности по должности, представляющие собой программу деятельности полиции, и четко обозначены ее роль и место в Российском государстве.

Как заявила Ирина Волк, это событие легло в основу сегодняшней знаменательной даты, когда приказом МВД России от 5 марта 2018 г. № 121 Днем образования полиции России было объявлено 5 июня[1].

Узаконив установление Дня образования российской полиции с Петровской эпохи, мы тем самым восстановили историческую память и справедливость по отношению к нашим предшественникам, их славным делам во имя процветания нашего общества и государства. Именно к этому в своих выступлениях призывает всех граждан, особенно молодых, Президент РФ Владимир Путин.

Глава государства В. В. Путин в своих выступлениях нередко проводит параллель и говорит о сходстве нашего времени с эпохой Петра I — стремлении страны к суверенитету и утверждении ее лидерства. Эти две составляющие, без которых немыслимо утверждение

[1] День полиции: История создания (RATNIKTV).

приоритета государства, исходя из того, что базовые ценности составляют основу нашего существования, Россия должна знать и всегда помнить людей, которые имели ключевое значение в ее истории[1].

Возвращаясь к обсуждению проблемы, мы полностью поддерживаем точку зрения о времени возникновения Полицмейстерской канцелярии в Петербурге и вместе с тем, опираясь на результаты анализа новых архивных документов и публикаций, позволим себе высказать свое видение данного вопроса. Прежде всего, начнем с уточнения времени начала существования Полицмейстерской канцелярии в Санкт-Петербурге. Действительно, трудно найти четкий ответ на поставленный вопрос. Архивные документы свидетельствуют о существовании Полицмейстерской канцелярии в Петербурге уже с 1714 г. Правда, в то время ее обязанности сводились лишь к контролю за ходом строительных работ в городе[2].

Уже первые законодательные и административные шаги свидетельствовали о непреклонности и четко обозначенном стремлении государства занять достойное место в Европе, а чаяния и действия верных сподвижников царя Петра I стали судьбоносными для потомков.

В указанных материалах имеются два указа по полицмейстерской канцелярии за 1714 г.: указ от 4 апреля № 2792 и Именный указ о строении при С.-Петербурге на городском и Адмиралтейском островах по большой Неве и большим протокам мазанок и о внутреннем распоряжении строения домов по данному плану от Архитектора.

24 августа этого же года указ от 4 апреля был продублирован с грозным предупреждением: «Ныне Его Царское Величество указал тот вышеозначенный указ подтвердить, дабы в строении домов чинили по тому Его Царского Величества указу под опасением жестокого штрафу»[3].

---

[1] *Встреча* Президента В. Путина с молодыми предпринимателями на ВДНХ. 9 июня 2022 г. URL: https://iz.ru/1347539/2022-06-09/putin-provel-vstrechu-s-molodymi-predprinimateliami-glavnoe (дата обращения: 05.06.2024).

[2] *Именные* указы и высочайшие повеления Сенату (коллекция). Указы Главной полицмейстерской канцелярии с 1714 по 1720 гг. // РГИА. Ф. 1329. оп. 2. Д. 15. Л. 6, 7.

[3] *РГИА*. Ф. 1329. оп. 2. Д. 15. Л. 7. Кстати, указанное дело выбыло, но сохранился микрофильм имевшихся в нем всех документов, изготовленный 26 сентября 1961 г. оператором Степановым. С 1951 по 2021 г. материалы дела просмотрены 32 исследователями. Из них документы дела изучали: историк С. П. Луппов трижды: май

Россия в Петровское время превращается в «регулярное государство», система управления которого пытается не только найти, но и определить четкую структуру, обозначить положение, и, как следствие этого, узаконить статус человека на фоне его социально-общественной значимости.

При этом важно заметить, что, изучая архивные документы Петровской эпохи, особенно указы Его Величества, мы пришли к выводу о продолжительном поиске «путем проб и ошибок» со стороны верховной власти наиболее эффективных мер борьбы с преступностью и пожарами в строящейся Северной столице России.

По мнению некоторых исследователей, страшный пожар, случившийся 28 июля 1710 г., в результате которого всего за час сгорели все 70 деревянных лавок первого Гостиного Двора в Петербурге, ускорил поисковую работу в целях более интенсивной и результативной борьбы с пожарами и грабителями имущества погорельцев. Впрочем, виновников этого пожара вскоре поймали и жестоко наказали. По жребию были отобраны четыре из двенадцати преступников и повешены на четырех виселицах, установленных на углах сгоревшего Гостиного двора[1].

Уже в документах 1710–1711 гг. мы встречаем назначаемых органами власти лиц, так называемых надзирателей, занимавшихся городским благочинием. При этом в обязанности некоторых из них входит не только наблюдать за противопожарными мерами, но и «смотреть» за прекращением драк на улицах, покрытием крыш черепицею и дерном, строительством печей, отслеживать просящих милостыню нищих и т. д.

Исследователь О. Агеева в своей статье о петербургских «смотрителях» 1710-х годов заключает, что потребность в лицах, ведающих в новой столице благочинием, с 1711 г. была постоянной. Их назначение в разные места города осуществляли на первых порах Губернская и Адмиралтейская канцелярии и Ратуша, но при этом

1952, декабрь 1956, февраль 1957; И. А. Потемкин, сотрудник Академии управления МВД России, четырежды: сентябрь 2016, март, апрель 2017, февраль 2018. Автор данной книги работал с документами указанного дела в сентябре 2021 г.

[1] *Первый* Гостиный двор. URL: https://dzen.ru/a/ZW7An6zreD2pC5bB (дата обращения: 05.06.2024).

обязательно согласовывали между собой круг обязанностей тех, кто определялся в «надзиратели»[1].

Империя Петра I, благодаря титаническим усилиям многомиллионной армии поданных, в короткое время становится не только огромным, но и стремительно развивающимся государством, именно поэтому на первых порах многое в ее устройстве подчас архаично и по темпам экономического и технологического развития ее опережает Европа.

На основе изучения архивных документов нам удалось обоснованно предположить, что верховная власть уже в начале 1710-х годов предпринимает первые попытки организации централизованного руководства полицейской службой в Петербурге. Подтверждением этому служит именной указ Его Величества, данный в июле 1711 г., который стольнику Степану Петровичу Нелединскому-Мелецкому[2] повелевал «ведать все дворы при Санкт-Петербурге обретающиеся и чинить свою работу по следующим пунктам:

1. Хозяевам, которым под дворовое строение места отведены на берегу Невы, а если в доме их нет, то людям, которые в тех дворах живут, объявить им под расписку, что они таков государев указ от 24 июля 1710 г. «слышали и исполнять должны».

2. Смотреть «прилежно, дабы помянутый указ во всем был исполнен». А именно: все хоромные и дворовые строения, крытые тесом и дранью должны быть к 25 августа 1711 г. перекрыты черепицею или дерном, а также переделаны и печи, которые «против указу зделаны».

3. Впредь, с 25 августа 1711 г. никакого хоромного и дворового строения не крыли тесом и дранью, а только черепицею или дерном. Печи же ставить только согласно указу: на расстоянии от стены на фут (т. е. в два кирпича, кстати, это норма расстояния соблюдается и в настоящее время) [размером] больше, прорубать отверстие и выкладывать эзразцами или кирпичом.

4. На дворах, где хоромное или дворовое строение крыто тесом или дранью, печи сделаны против указу от 24 июля 1710 г., хозяев тех

---

[1] *Агеева О. Г.* Чиновники — полицейские Петербурга. 1711–1718 годов // Петровское время в лицах. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа. 2004. С. 3–7.

[2] Нелединский-Мелецкий (Лединский) Степан Петрович (1666–1737) — стольник, в числе других подписал смертный приговор царевичу Алексею Петровичу 25 июня 1718 г.

дворов переписать поименно и «допросить, для чего они против того ево великого государя указу делали», и об всем том подать доношение в Санкт-Петербургскую канцелярию. А кровли и печи, сделанные не по указу, немедленно разломать.

5. Ежели кто с сего числа впредь станет какое строение крыть и печи класть против «вышеупомянутого указу», такие дворы «отписывать на его великого государя безденежно» и описные книги подавать в Санкт-Петербургскую канцелярию.

6. По истечению установленного срока все дворы переписать «поименно», в которых во исполнение указа его величества на всех хоромных и дворовых строениях «крыши перекрыты и печи переделаны» и на которых «того учинено не будет». Об этом стольник Нелединский-Мелецкий из описных книг обязан подать в Санкт-Петербургскую канцелярию «за своею рукою доношение». А на тех дворах, где строение будут не перекрыты и печи не переделаны, «по тому же разломать».

7. Указом определялись жесткие меры противопожарной безопасности. Стольнику Степану Нелединскому-Мелецкому указом вменялось постоянно «смотреть, чтобы в домах «от пожарного случая» была надлежащая осторожность, особенно в летнее время, чтобы огня по ночам в хоромах и на поварнях ни у кого не было, в жаркие дни «хоромы не топили», а кому в этом возникнет нужда, особенно ради печенья хлебов и прочих домашних нужд, тем людям дозволяется топить хоромы на загородных дворах, а у которых их нет, то им «делать печи посреди дворов», а «хлебникам и калашникам для печенья хлебов и калачей делать печи в поле от дворов далее».

Из этих подробных и строгих велений видно насколько тщательная предусмотрительность органов власти просматривается в обеспечении противопожарной безопасности в строящейся Северной столице.

8. Чтобы во всех хоромах, которые хотя будут перекрыты черепицею или дерном ради опасения от пожарного времени, «на кровлях и под кровлями поставлены катки с водою».

9. В дополнение ко всему этому в обязанности Степана Нелединского-Мелецкого входило «непременно смотреть, чтоб по улицам драк никаких не было». Об этом письменно объявить всем петербургским жителям. И если на какой улице будет драка, ее жителям дерущихся «брать за караул» и отсылать дравшихся «военного чина» к генерал-лейтенанту и обер-коменданту Гресу, а невоенного чину, ма-

стеровых и работных людей обер-комиссару Канцелярия городовых дел У. А. Сенявину.

Ежели жители улицы, где «ученитца такая драка, не поймают дерущихся и не отведут в вышеуказанные места», то на всех жителей этой улицы «учинен будет штраф».

10. Многие, пришедшие из городов, будучи здоровыми, не хотят работать, а дряхлые не желают жить в богадельнях. Ходят по улицам, просят милостыни. Если дряхлые, слепые и безногие будут появляться в городе, отсылать в богадельни, а здоровых и чухню «ссылать за реку», задержанных работных людей «отсылать к обер-комиссару Сенявину».

11. Согласно государеву указу стольник Степан Нелединский-Мелецкий, получив назначение должен был «старатца во всей возможности чинить во всех сущую правду, никому не маня, ни на кого посягая», а если проявиться в чем его оплошности, за то ему будет учинено «жестокое истязание».

В заключение указ предостерегал и тех людей, у которых оставались непеределанные строения, и «ежели, отчего Боже сохрани, учинитца у кого от такова строения пожар, и такие люди, яко преступники ево великого государя указу жестоко будут истязаны». Сей указ в Санкт-Петербургской канцелярии записать и для «всенародного известия список с письма» прибить, где положено.

Подлинной великого государя указ за подписанием руки светлейшего князя [А. Д. Меншикова] июля 24 дня 710 году[1].

Вышеписанные пункты и сей указ, подписанные за кепою секретаря Алексея Волкова[2]. Мы встречаем первый документ, в котором предприняты меры комплексного изложения обязанностей надсмотрщиков, которые потом легли в основу обязанностей генерал-полицмейстера Антона Девиера и регулярной полиции Петербурга.

По свидетельству архивных документов стольник Степан Нелединский-Мелецкий обязанности надсмотрщика за строительством и безопасностью на правой стороне Невы, на Петербургском острове исполнял с июля 1711 г. по апрель 1714 г. По неизвестным причинам

---

[1] *РГАВМФ*. Ф. 176. Оп. 1. Д. 67. Л. 47-48.

[2] Волков Алексей Яковлевич (?–1733), секретарь канцелярии князя А. Д. Меншикова. После падения Меншикова лишен чинов и сослан. Возвращен в 1731 г. См.: *Повседневные* записки делами князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727. С. 612.

16 апреля 1714 г. на его место был назначен подпоручик Преображенского полка капитан Федор Григорьевич Ефремов[1].

Ему предстояло исполнять широкий круг обязанностей: надзирать, чтоб строили по указу исправно как хоромы, так и печи, и кровли, и мосты, где указано, навозу и прочего помету не было. В течение года службы в качестве надзирателя обязанности Ф. Ефремова уточнялись и расширялись. Так, в наказе-пунктах от 25 мая 1714 г. ему дополнительно вменили наблюдать за выполнением указа о мазанках от 4 апреля 1714 г., за завершением строительства мостов деревянных к 10 апреля, каменных — к осени, следить за чистотой на улицах. Дополнительный наказ от 25 июня 1714 г. обязывал Ефремова обеспечить противопожарную безопасность, надежную службу дневных и ночных караулов. В помощь Ф. Г. Ефремову придавалась команда из шести солдат-преображенцев[2].

Как видно, расширяется круг полномочий назначаемых лиц на указанные посты, возрастает их роль и значимость в управленческой деятельности по строительству города.

В 1714 г. чиновником с полицейскими функциями на Адмиралтейском острове был А. Быков. Он обязан был смотреть, чтобы на вверенной ему территории деревянного строения никто не строил, а строить только мазанки…, а ежели кто не на указанных местах «учинит строить вновь деревянное строение, то ломать».

Вместе с тем в других местах разрешалось строить и деревянные дома, но только по чертежу архитектора, печи делать на фундаменте с «большими трубами, кровли крыть черепицею или дерном, не крыть по драни и по тесу, застраивать все места по указам «строением, а не заборами и не конюшнами».

Кроме кабаков всем обывателям запрещалось торговать вином и пивом, а также табаком. Заповедные леса на Адмиралтейской стороне ни на какие дела запрещалось рубить; скаредного помету по Неве, малым рекам, по берегам и по переулкам «нигде не было». На отводных местах (для строительства), «где будут леса, велеть чистить только под хоромное строение», а больше того лесов не губить, а если «являтца березовые леса», и их не рубить под опасением «жестокого штрафа».

---

[1] *Агеева О. Г.* Чиновники — полицейские Петербурга. 1711–1718 годов (до создания полиции) // Петербургское время в лицах. СПб., 2004. С. 4.

[2] *Агеева О. Г.* Указ. соч. С. 5.

Для отправления обязанностей дать А. Быкову «пункты». Адмиралтейский советник Александр Кикин[1].

Капитан А. Т. Быков 11 февраля 1716 г. получил пункты, которые дополнительно его обязывали переписать дворы всех чинов на Адмиралтейском острове и с самих жителей создать систему выборных должностей прежде всего для эффективной борьбы с пожарами. Для этого необходимо было от десяти дворов выбрать по одному ефрейтору, от пятидесяти — капрала, от ста — одного сержанта; от ста дворов назначать ночной караул в составе пяти человек. Если случится пожар на Адмиралтейской стороне, то от вышеупомянутых дворов направлять на борьбу с огнем тридцать человек с топорами, двадцать — с ведрами, десять — с двумя лестницами и вилами, а тридцать человек останутся при своих квартирах и т. п.[2]

Таким образом, истоки централизации управления полицейской службы берут начало с 1710-х годов. Частые пожары вынудили власти ускорить строительство в городе караулен со складами водоливных труб. Для извещения жильцов был сформирован отряд барабанщиков, который обходил близлежащие от пожара улицы и бил тревогу строго по инструкции.

Правительство стало назначать специальных лиц, которые следили бы за выполнением царских указов по противопожарной безопасности. Им поручался контроль за ходом строительных дел, поддержание в городе порядка, а также борьба с подозрительными для правительства элементами населения.

Говоря о трудностях управления отдельными частями (округами) в быстро растущих городах и поселениях Российского государства, нельзя не учитывать огромную пространственную масштабность по сравнению с той же «перенаселенностью» Европы.

Так, в начале XVIII в. в России насчитывалось, по условно приблизительным подсчетам, всего 17 млн человек (такое количество людей соответствует современной Москве). Отсюда, естественно, возникали многочисленные проблемы не только в управлении,

---

[1] *РГАВМФ*. Ф. 176. Оп. 1. Д. 97. Л 81; Кикин Александр Васильевич (?–1718), сын стольника В. П. Кикина, денщик Петра I, адмиралтейств-советник (1712), принадлежал к числу противников А. Д. Меншикова, казнен по делу царевича Алексея Петровича в 1718 г.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 176. Оп. 1. Д. 116. Л. 190 ; *Агеева О. Г.* Указ. соч. С. 7.

но и в непосредственной организации контроля и единстве вырабатываемых требований.

С середины 1710-х годов лиц, призванных осуществлять контроль за выполнением полицейских функций со стороны преображенцев и семеновцев, стал назначать сам царь. С 24 января 1715 г. Указ Петра I обязывал князя, петербургского обер-комиссара Алексея Михайловича Черкасского следить за ходом строительных работ в Петербургской крепости, на Петроградской стороне, Летнем саду, Петергофе, а также за укреплением берегов Невы и о разметке согласно указу мест для строительства домов обывателей столицы[1].

Итак, анализ архивных документов, а также ряд публикаций историков и правоведов позволяет с долей абсолютной достоверности заявить о существовании полицмейстерской канцелярии и полицейской команды уже в апреле 1714 г. Но единого руководящего лица над ними пока не имелось. Как справедливо считает историк С. П. Луппов, только в 1718 г. полиция стала окончательно оформлена организационно[2].

2.2. Главный смотритель обустройства Северной столицы

Полицейская контора и ее руководитель генерал-полицмейстер А. М. Девиер непосредственно участвовали в контроле за выполнением всех распоряжений Петра I, касавшихся строительства Санкт-Петербурга. Исследователь Е. Андреева справедливо утверждает, что в первые годы существования Петербурга контроль за ходом строительства осуществлял его первый губернатор А. Д. Меншиков. Он оставался главным распорядителем по вопросам строительства города, даже находясь в походах до 1711 г.[3]

Изучая архивные материалы, относящиеся к 1718–724 гг., нам не удалось встретить распоряжения Петра I на имя А. Д. Меншикова, которые касались бы вопросов жиличного строительства в Петербурге. Хотя известно, что с 1714 г. правительство Петра I принимает решительные меры по застройке северной столицы. Этому способство-

---

[1] *Научно-исторический* архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 78. Л. 26, 27, 28.

[2] *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л., 1957. С. 159.

[3] *Александр* Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга. Каталог выставки. СПб., 2003. С.19.

вали результаты победоносного разгрома шведского флота у острова Гангута (1714). Однако петербургский генерал-губернатор А. Д. Меншиков, занятый другими крупными делами, не мог уделять должного внимания строящемуся Петербургу. Все вопросы, относящиеся к строительству и хозяйственному управлению Петербургом, генерал-губернатор осуществлял через подведомственные ему учреждения. Например, строительством Северной столицы занималась Канцелярия городовых дел, образованная в 1706 г.[1] С учреждением губерний была создана Петербургская губернская канцелярия. Она ведала в основном строительными делами не северной столицы, а Петербургской губернии.

В первые годы существования Петербурга в строительстве Северной столицы значительная роль принадлежала военному коменданту Р. В. Брюсу. Под его руководством присылаемые из губерний работные люди строили оборонительные сооружения, в первую очередь Петропавловскую крепость. В отсутствие Петра I и А. Д. Меншикова комендант Р. В. Брюс оставался главным лицом в Петербурге, и без его разрешения не велись никакие строительные работы.

После учреждения в мае 1718 г. должности генерал-полицмейстера Петербурга и одновременно с назначением на нее генерал-адъютанта А. М. Девиера появилось еще одно государственное ведомство, имевшее непосредственное отношение к строительству Петербурга — полицмейстерская канцелярия «Пункты…», составленные Петром I. В качестве первоочередной задачи полиции являлось следить, чтобы все здания в городе строились в соответствии с установленными регламентами, чтобы постройки ставились в линию, а улицы и переулки были равны и изрядны[2].

Почему царь Петр I административный и даже хозяйственный контроль за ходом строительства Петербурга возложил на полицию, а не на Канцелярию городовых дел? Чем это объяснить? На наш взгляд, это диктовалось следующими соображениями. Прежде всего, Петр I видел в полиции структуру, которая занималась бы всем внутренним управлением в городах, в том числе в строящейся новой столице. Полиция должна была не только поддерживать благочиние и безопасность, но и обеспечивать благосостояние подданных. Поэтому

---

[1] По утверждению исследователя Е. А. Андреевой, Канцелярия городовых дел была заложена в 1703 г. // Родина. 2003. № 1. С. 21.

[2] *НИА* СПб. И И РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 87. Л.428, 429 об.

Петр I в строящемся городе Парадизе считал для полиции важной потребностью держать население под постоянным контролем, следить за выполнением городских повинностей и уплатой сборов, вести борьбу с подозрительными элементами, ведь среди работавших было много осужденных на каторгу, военнопленных шведов и т. д.

Во-вторых, полиция, обладая достаточным административным ресурсом, могла оперативно решать вопросы, связанные с выполнением всех указов по регламентации застройки, благоустройству и городскому хозяйству Петербурга, по обеспечению его противопожарной безопасности.

В-третьих, весьма важно было то, что столичную полицию возглавлял А. М. Девиер, доверенное и лично преданное лицо царю Петру I. Именно царь, как известно, будучи за границей, встретил и лично предложил португальскому юноше А. Девиеру службу в России, взрастил, воспитал и приблизил его к царскому двору. В ответ за столь милостивое отношение царя и членов его семьи Антон Девиер, как показало время, платил своей исключительной преданностью Петру I и всегда стремился как лучше исполнить любое высочайшее повеление.

Следовательно, созданная по воле Петра I регулярная полиция во главе с его генерал-адъютантом А. М. Девиером сразу же приобрела главенствующее влияние в строящейся Северной столице. Петр I установил своеобразную процедуру проведения в жизнь всех высочайших указов по вопросам строительства Петербурга только через генерал-полицмейстера А. М. Девиера и Канцелярию полицмейстерских дел.

Это позволяло полиции, следя за выполнением царских указов, вмешиваться в дела других учреждений, занимавшихся непосредственно строительством таких городовых дел, как Канцелярия и Адмиралтейство.

И хотя это вмешательство носило большей частью административный характер, так как Полицмейстерская канцелярия, не располагая соответствующими специалистами, не могла возглавить все дело строительства Петербурга. Все эти вопросы решала Канцелярия городовых дел. Но, с другой стороны, полиция, не располагая денежными средствами, кадрами рабочих и специалистов, не осуществляя крупных строительных работ в городе, постепенно по воле царя стала играть определяющую роль в контроле за выполнением этих строительных работ другими ведомствами.

Со стороны Полицмейстерской канцелярии контроль за ходом жилищного строительства в Петербурге осуществлялся по таким направлениям как проверка выполнения правительственных указов по планомерной застройке частей города[1].

О росте влияния в строительстве жилья в столице Канцелярии полицмейстерских дел свидетельствует тот факт, что с момента ее образования даже сам А. Д. Меншиков вынужден уже свои распоряжения по городу передавать не через губернскую канцелярию, а через генерал-полицмейстера А. М. Девиера.

19 марта 1721 г. Сенат по ходатайству генерал-полицмейстера А. М. Девиера в штат столичной полиции включил архитектора и трех подмастерьев. Архитектору была определена оплата 1000 рублей за год, а подмастерьям — по 150 рублей каждому[2].

В обязанности архитектора входило отвод под застройку земельных участков, разбивка на местности направлений будущих улиц и водоотводных канав, установление отметок, на уровне которых должны устраивать полы на первых этажах строящихся зданий, а также пристани, сооружаемые обывателями, дворы которых расположены на набережных рек.

Успеху полиции в этом деле непосредственно содействовал Петр I, который стремился лично вникать во все стороны строящегося Петербурга. В архиве сохранился доклад генерал-полицмейстера А. М. Девиера о строительстве жилых домов на Васильевском острове с пометками Петра I. Как известно, приступая к строительству новой столицы России, Петр I на первых порах планировал создание центра города на Васильевском острове. Нас поражает, с какой настойчивостью царь добивался воплощения в жизнь своего нереального плана. И, как следовало, его ждала неудача. Приведем содержание доклада полностью.

---

[1] В административном отношении город был разделен на 5 частей: Санкт-Петербургский остров, Адмиралтейский остров, Московская часть, Выборгская сторона, Васильевский остров. (*Башуцкий А.* Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. Кн. 3. С. 159).

[2] *ПСЗ–I*. Т. 6. № 3777. С. 382.

Доклад. Понеже Его Царского Величества указом запрещено всем, кроме подлых дворов, не продавать и никому не покупать, дабы строились на Васильевском острову. На что требуем указу.
На левой стороне
Его Царского Величества
Собственною Его Величества
Рукою написанное.

1. Кто на Васильевском острову построился и строица зачали, тем в других местах дворы покупать и продавать не позволители.
2. За ком указанного числа крестьян нет и на оном острову не подлежит строица, тем в покупке и в продаже дворов позволение чинить ли [?]
3. И ежели в покупке и в продаже дворов какое предложение будет и купчие будут писать, а иному должно строица на Васильевском острову, то никакова вида при том не будет. Для того при письме купчих о крестьянских дворах позволите ль брать сказки с подкреплением и буде за кем указанное число явитца дворов, а на Васильевском острову строица не зачал, то в продаже и в покупке дворов по первому указу запретить ли.

[Петр I]
Учинить решение
в Сенат, где пристойно
оному быть.

4. Понеже из канцелярии полицыймейстерских дел, где на Васильевском острову и в прочих местах чинитца отвод местам и на те места данные откуды давать и с тех данных мест указаны где собирать.

[Петр I]
Позволить тем
коим определено
на сем острове
жить.

5. По показанным вехам под улицы, которые сломаны дворы и тех домов жителям по прежнему указу дать позволение строить строение в линею по архитектуре.

Определю
Сам [т. е. А. М. Девиер]

6. По берегам Фонтанной речки под загородные дворы места почему метрою давать и чрез сколько мест оставлять и почему же мерою длины и ширины.

[Петр I]
Строить только назади рубленое,
а дощатое ежели назади неуместица, то
от того деревянного строения мочно загнуть
скобою по сторонам однако ж не более
трети двора длины, а что меньше то лутче.
Бани же позволить везде, а протчее по указу.

7. Где строица палаты и впредь построятца там
вол[ь]но ли строить деревянное по
сторонам или тол[ь]ко назади и по
сторонам сарая конюшни досками забивать
по прежнему указу вол[ь]но
ли и сколько далеко уступая от каменного.
8. Строение деревянное генерал[ь]но
всем запрещено строить, кроме
тех мест где указом повелено
также солдатам, матрозом и служителем
адмиралтейским, подлым позволено
ныне, изволите ли приказать старое
переправлять и бани строить всяких
нижних чинов, но до которого
ранга дать такое позволение.

Подлинные пункты Его Царскому Величеству подаваны февраля 22 числа 1720 году и на оных подписание его величества собственные руки.

И оные подлинные пункты у господина генерал-полицыймейстера его царского величества генерала-адьютанта и лейб-гвардии Преображенского полку капитана Антона Мануйловича Дивиера.

Записать в книгу, а в команды послать при письме копии, а в народ публиковать.

Февраля 22 дня 1720 году.

А в Сенате о чем надлежит подать доношение[1].

В интересах скорейшей застройки Васильевского острова царь Петр I еще 30 июня 1719 г. именным указом приказал А. М. Девиеру запретить куплю и продажу домов во всех четырех частях города: на Санкт-Петербургском и Адмиралтейском островах, на Московской и Выборгской сторонах. Настоятельно предлагалось для взятия места для строительства домов на Васильевском острову явиться в Канцелярию полицмейстерских дел и о том в Юстиц-Коллегию к крепостным делам послать указ[2].

Вместе с тем через год, 4 июля 1720 г., на имя генерал-полицмейстера А. М. Девиера поступил именной указ, которым разрешалось в указанных районах «дворцовым служителям, драгунам, солдатам, матрозам и адмиралтейским чинам, не имеющим поместий и вотчин», продавать дворы. Но к закупке и продаже дворов были

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 217, 217 об., 218, 218 об.

[2] Там же. Д. 90/6. Л.476, 476 об.

«не допущены чужестранные иноземцы и арестанты или порочные и другие тому подобные и ежели такие явятца и тем людям без присланного известия из Канцелярии полицмейстерских дел на дворы купчих не писать»[1].

Как видно, царь весьма осторожно и строго подходил к контингенту населения, заселяющему в качестве постоянных жителей строящейся северной столицы.

В этот же день, 4 июля 1720 г., Петр I через А. М. Девиера распорядился «о даче купчей на место генерала и губернатора князя Аникиты Ивановича Репнина, который на Санкт-Петербургском острову государственному подканцлеру барону Петру Павловичу Шафирову послать в Юстиц-Коллегию к крепостным делам из Канцелярии полицмейстерских дел указ, который по приказанию Его Величества был записан генерал-полицмейстером А. М. Девиером[2].

Все дома по велению Петра I должны были строится по планам, получившие письменное одобрение архитектора города. А если кто из застройщиков допускал такую непозволительную «вольность», то начальник полиции А. М. Девиер такие сооружения по указу царя велел разрушать. Забота власти о плановой застройке типовыми зданиями новой столицы свидетельствует тот факт, что царь Петр I еще в 1711 г. собственноручно заложил на городском острове стандартную мазанку для типографии и своим указом потребовал от жителей города в 1712 г. строить мазанки по этому типовому проекту[3].

Через два года жители города уже обязаны были строить свои мазанки по чертежам Д. Трезини, исполнявшего в то время по велению Петра I обязанности главного архитектора города.

Однако история строительства Петербурга показала, что даже всесильные указы не всегда приводят к ожидаемым результатам. Это бывает в тех случаях, когда намерения правительства не подкрепляются потребностями жизни, и они неизбежно терпят провал, например, планы Петра I строить новый город на острове Котлине или превратить Васильевский остров в центр Петербурга.

Кроме контроля за ходом строительства жилья, столичная полиция и ее начальник А. М. Девиер по велению Петра I решала практи-

[1] Там же. Д. 94/1. 1720. Л. 27, 27 об.
[2] *НИА* СПб. ИИ РАН. Ф. 270. Оп.1. Д. 94/1. Л.28.
[3] *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л. : Издательство Академия наук СССР. 1957. С. 47.

чески все вопросы, касавшиеся благоустройства Петербурга. Первоочередной задачей полиции в строящейся Северной столице являлся строгий контроль за выполнением жителями повинности по замощению улиц камнем. Так, например, жителям города была установлена трудовая норма. Каждый житель Петербурга в 1710 г. обязан был доставить 100 камней[1]. Но для мощения улиц этого оказалось мало. Поэтому 24 октября 1714 г. был издан указ о привозе камней из других мест в новую столицу. Каждому приезжающему в столицу предписывалось доставлять на возе 3 камня, на судне - от 10 до 30 камней (в зависимости от величины судна). Если из приезжающих, кто не доставлял один камень — брался штраф по 1 гривне за каждый[2].

Кроме контроля за доставкой камня в столицу, полиция наблюдала за качеством строительства дорог. Полицейские офицеры обязаны были следить, чтобы обыватели «мостили во всем против образцов, чтоб впредь не перемещивать было», и своевременно ремонтировать уже устроенную мостовую: «каменье, которое из своего места выломится, поправляли». Следовательно, недостаточно было вымостить улицу, но и поддерживать эту мостовую в хорошем состоянии.

За неисполнение царских указов виновники арестовывались, т. е. брались «за караул». При этом полиция весьма строго относилась к ослушникам царских указов, невзирая на исполнение ими срочных служебных обязанностей. В 1718 г. вице-адмирал Крюйс жаловался генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру, что полиция держит под арестом «за неисправностью мостов» работников адмиралтейства, вследствие чего «есть в адмиралтейской работе немалая остановка»[3].

«Кузнешнего дела мастер» Кондрат Билов в том же году подал жалобу в Адмиралтейство о том, что полиция, заставляя адмиралтейского плотника, занятого на изготовлении меха в новой кузнице, мостить улицу против своего двора, постоянно держит этого плотника под арестом и тем срывает окончание срочных работ по новой каменной кузнице, которая делалась по указу царя.

Таким образом, мастеровые люди Петербурга часто оказывались в совершенно безвыходном положении: полиция заставляла их мо-

---

[1] Там же. С. 115.
[2] *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 9.
[3] *РГА* ВМФ. Ф. 1234. Оп. 1. Д. 33. Л. 71а.

стить улицы, а выполнять царский указ они не могли, потому что, то ведомство, в распоряжении которого они находились, не отпускало их с работы.

Одновременно с замощением устраивались и водоотводные канавы. Уже в указе 1714 г. предписывалось жителям города при устройстве мостовых в сырых местах копать рвы и отводить по ним воду «куда пристойно»[1].

В инструкции 1718 г. Петр I вменил в обязанность полиции наблюдение за тем, чтобы «стоки с улиц к реке и протокам были твердо укреплены, дабы весною и в дожди землею не заносило и чтоб вода нигде не останавливалась, но всегда свою стечь имела всюду без остановки[2].

Царские указы настоятельно требовали скорого замощения улиц, но в силу ряда причин как объективного, так и субъективного характера, дело продвигалось не так быстро, как того хотела верховная власть. Приходилось об этом напоминать в очередных указах, строго наказывать ослушников, не выполнявших воли государевой. Правительство порой осуществляло замощение улиц за счет казны с последующей разверсткой расходов на жителей. Участки улиц и площадей против казенных зданий государство мостило за свой счет.

Однако принятые меры все же не давали желаемых результатов. По признанию современника, причиной тому в окрестностях города мало камня, но, преодолевая трудности, облагораживание города шло.

Замощение улиц изменило облик Петербурга, «придало городу, по признанию Вебера, совершенно другой вид»[3].

Не меньшее, а может еще большее значение для благоустройства города имело уличное освещение. Как известно, в допетровское время улицы русских городов в ночное время не освещались. Те жители, кому приходилось идти ночью, брали с собой фонари. Примерно так же обстояло дело и в городах Западной Европы. Уличное освещение там начали вводить с XVII века, а в ряде случаев и с XVIII века. Например, улицы Берлина стали освещаться с 1682 г., в Вене —

[1] *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 117.
[2] *ПСЗ-I*. Т. 5. № 3203. С. 569–571.
[3] *Записки* Вебера // Русский архив. 1872. Стлб. 1417.

с 1687 г., в Дрездене — с 1705 г., в Бирлингеме — с 1733 г., в Страсбурге — с 1779 г. и т. д[1].

В России первые 8 фонарей уличного освещения были установлены в 1698 г. в Москве, в Преображенском, у здания царского дворца. Однако это начинание не получило своего развития[2].

Поэтому царь Петр I, осуществляя мероприятия по благоустройству новой столицы, не мог пройти мимо вопроса освещения улиц в строящемся городе. Тем более практика установки осветительных фонарей у домов в дни праздников существовала в Петербурге чуть не с первых лет жизни города. Так, датский посланник Юст Юль пишет, что 19 октября 1710 г. по случаю победы над шведами в городе была устроена иллюминация. Многие дома «были увешаны снаружи сотнями фонарей»[3].

По распоряжению Петра I, устройство постоянного уличного освещения было возложено на генерал-полицмейстера А. М. Девиера. В 1720 г. по чертежу машинного дела мастера Ивана Петлинга был изготовлен первый образцовый уличный фонарь, который установили у Зимнего дворца. Стекла для этого фонаря были сделаны на Ямбургских заводах А. Д. Меншикова и обошлись очень дорого по ценам того времени — в 11 рублей 30 алтынь четыре деньги.

Антон Девиер предложил своему тестю А. Д. Меншикову такие же стекла для 595 фонарей изготовить тоже на Ямбургских заводах за счет Полицмейстерской канцелярии при условии несколько снизив цены на их производство. При этом 18 марта 1721 г. А. М. Девиер обратился в Сенат с просьбой об отпуске денежных средств, обосновав расчет необходимых затрат на постоянное уличное освещение[4].

Стоимость 595 фонарей со столбами — 15898 руб. 40 коп.

Стоимость содержания освещения в 1/3 года при условии горения 5 час в сутки: конопляное масло 1511 пудов по 1 руб. 50 коп. — 2286 руб.;

фитиль бумажный 213 пуд по 10 руб. — 2130 руб.;

содержание фонарщиков из солдат (64 чел.) — 1142 руб.

---

[1] *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1885. С. 123.

[2] *Сытин П. В.* По старой и новой Москве. М., 1947. С. 185, 209.

[3] *Записки* Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 250.

[4] *ПСЗ*–I. Т. 6. № 3777. С. 381–383.

К осени 1721 г. по царскому велению было приказано «вылить и выполировать таких стекол на сто фонарей»[1].

Таким образом, А. М. Девиер предполагал организовать уличное освещение Северной столицы с помощью постоянной команды фонарщиков в 64 человека, снабженной необходимым инвентарем (лестницы, малые ручные фонари, щипцы, ножи, кувшины, губки, мерки). Для освещения использовалось конопляное масло. Рассмотрев донесение А. М. Девиера, Сенат нашел возможным выплатить единовременно лишь 5000 рублей[2].

Остальную сумму запрошенных денег пришлось получать в течение последующих двух лет. Наконец, в 1723 г. были изысканы средства на уличное освещение, значительная часть фонарей была уже установлена[3].

По инициативе генерал-полицмейстера в 1721 г. наряду с освещением улиц были поставлены скамейки для отдыха. А. М. Девиер, ссылаясь на то, что жители города обременены многими повинностями, добился от Сената принятия компромиссного решения: расходы по освещению северной столицы поделить на все население России.

Полиция Северной столицы участвовала в озеленении улиц Петербурга. По велению Петра I был озеленен Невский проспект, вдоль которого было посажено 4 ряда молодых деревьев. Посадка деревьев производилась и на других улицах. Каждый домовладелец обязан был посадить деревья перед своим домом, или это делала за его счет полиция[4].

Распоряжением правительства от 17 августа 1721 г. предписывалось жителям столицы, «которым по указу надлежит садить клен по улицам, и из тех уже иные и посадили, тем, конечно, в сем месяце огородить те клены для збережения от проезжих и для охранения от скота ящиками таким обрасцом, как зделано на Адмиралтейском острову против новопостроенного каменного мытного двора»[5].

---

[1] *Письма* и выписки из писем С.-Петербургского генерал-полицмейстера Девиера к князю А. Д. Меншикову. 1719–1727. Ст. 1263 // Русский архив. 1865. № 1-12.

[2] *ПЗС-I*. Т. 6. № 3777. С. 381–383.

[3] *ПЗС-I* Т. 7. № 4391. С.186–187.

[4] *Записки* Вебера // Русский архив. 1872. С. 1417 ; *Сборник* РИО Т. XV С. 185 ; *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 120.

[5] *Высочайшие* указы и повеления императора Петра I // Сборник РИО. Т. XI. С. 427–428.

Таким образом, полиции вменялось в обязанность следить, чтобы жители города за счет своих средств озеленяли улицы возле своих домов и сберегали деревья от скота. Как видно из практики, решение этой задачи оказалось в то время делом не легким, потому что никакие грозные указы, запрещавшие выпускать на улицу скотину без пастухов, не помогали[1].

Еще в июне 1719 г. А. М. Девиером был объявленный указ Его Императорского Величесства, в котором предписывалось «скота, коров, коз и свиней и других без пастухов из дворов своих не выпускать…Ежели скот будет ходить по улицам без пастухов, будет взят безденежно в госпиталь, о том публиковать указами»[2].

За казенный счет озеленение производилось лишь в тех местах города, где не было никаких оснований для того, чтобы возложить эту работу на жителей. Это на улицах против казенных зданий, по дорогам, еще не застроенными домами (например, по Невскому проспекту) и т. д.

Жесточайшие меры принимались против тех, кто допускал порубку уже существующих зеленых насаждений. Так, острая потребность в топливе заставила жителей Петербурга вырубать деревья на дрова в березовой рощице, которая находилась на месте нынешнего Гостиного двора.

Разгневанный Петр I виновных сначала пытался повесить (каждого десятого из них). Затем, отменив смертную казнь, виновные были наказаны кнутом, морскими кошками и шпицрутенами. Воевода Иван Феофилатьев, допустивший порубку рощи, был бит кнутом и сослан на 10 лет с конфискацией его поместий[3].

Особую заботу проявлял Петр I о сохранении дубового леса вокруг Северной столицы. Зная о медленном росте дубов в Санкт-Петербургской губернии, государь издал указ, запрещающий под жестоким наказанием, «чтобы никто… не отважился рубить дубового леса без ведома Адмиралтейской Коллегии»[4].

---

[1] *ПЗС-I*. Т. 5. № 3386. С. 715 ; Т. 6. № 3589. С. 195–196.

[2] *ПЗС-I*. Т. 5. № 3386. С. 715.

[3] *Богданов А. И.* Историческое географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год. Издание первое. СПб., 1779. С. 203–204 ; ПСЗ-I, Т. 6. № 3509. С. 127.

[4] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. Т. 5. С. 72.

Сам же государь, по утверждению некоторых исследователей, напротив Кронштадта и Петергофа облюбовал небольшой дубовый лес, выстроил там увеселительный двор и назвал оный в честь дубового леса «Дубки»[1].

Многие по примеру государя, особенно кораблестроители и морские офицеры, в садах своих стали сажать дубы. Петр I тоже выбрал себе за городом на Петергофской дороге участок земли длинною в 200, а шириною в 50 шагов, для рассады дубового леса. Это место государь велел огородить частоколом и на оной прибить рукописный указ, чтобы никто не отваживался сих подростков обрывать или каким-либо иным образом портить под опасением жестокого наказания.

Спустя несколько лет, как молодые дубы выросли в рост человеческий, Петр I, проезжая мимо, по обыкновению своему остановился и пошел их посмотреть, но, к великому огорчению, нашел он ветви и множество листов, пучками разбросанные по земле, на что разгневался тем более, что оные, как легко приметить можно было, не ветром и погодою, но совершено из шалости и умыслу сорванные. Скоро, возвратившись в город, государь призвал генерал-полицмейстера А. М. Девиера и приказал поставить тайно напротив онаго в ближайшем лесу сторожей. Им строго наказать, чтобы крепко смотрели, кто коснётся до сей заветной дубовой рощи.

Спустя несколько дней замечена была целая щайка пьяных, большею частью господских людей, кои мимо идучи перелезали через огородку и, сорвав несколько ветвей и связав из листов пучки, накалывали оныя на шляпы. Они были схвачены, приведены в полицию и на рынке публично высечены. Накануне же сего было повещено с барабанным боем, чтоб кто-нибудь из каждого двора был непременно при наказании сих вредителей дубов[2].

Для строящегося города на заболоченной местности каналы также были необходимы для осушения территории, как мостовые, набережные, мосты и т. д. Прорытием каналов достигалось как пони-

---

[1] Автор описания Петербурга А. И. Богданов утверждает, что дубовый лес в «Дубках» «его же Великого Государя старанием насажден». См.: [*Богданов А. И.*] Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым. Изд. первое. СПб., 1779. 528 с.

[2] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. Т. 5. Изд. второе М., 1838. С.73–74.

жение грунтовых вод, так и подсыпка местности за счет вынутой из каналов земли. Играли роль также военные интересы, соображения противопожарной безопасности и стремление создать удобные водные коммуникации.

Архивные данные свидетельствуют, что с созданием регулярной полиции и введением должности генерал-полицмейстера, Петр I возложил на полицию контроль за ходом строительства каналов в Петербурге. Так, указом Петра I, от 19 июня 1719 г., предписывалось генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру выдать деньги на зарплату подрядчику С. И. Крюкову, строящему канал у Новой Голландии[1].

Через пять месяцев, во исполнение указа Петра I, генерал-полицмейстер А. М. Девиер 12 ноября 1719 г. отдает распоряжение об осушении Крюкова канала у Новой Голландии и начале строительства плотины и канала до Адмиралтейства[2].

С окончанием работ удалось соединить Крюков канал с каналом вокруг Адмиралтейства. Берега обоих новых каналов приказано было укрепить забивкой свай, за которые закладывались щиты из досок.

За ходом строительства неослабно следил Петр I. Стремясь ускорить сооружение центральных каналов, царь еще 19 июля 1719 г. своим указом предписывал: «Выдать из кабинетных денег генерал-полицмейстеру Девиеру на зарплату подрядчику Семену Крюкову за дело канала, который до Новой Голландии, другую половину – четыре тысячи пятьсот рублев да ему ж Крюкову, вместо вина и пива по особливому уговору, четыреста рублев, всего четыре тысячи девятьсот рублев выдать; только смотреть г. полицмейстеру, что, когда половина будет отделана, тогда другую выдать, чтоб, взяв денги, не истратил подрядчик, не доделав своего дела.

Подписано государевою рукою»[3].

Однако, как свидетельствуют архивные документы, строительство каналов явно затягивалось, что понуждало Петра I прибегать к изданию новых указов и угрозам строго наказывать ослушников царских распоряжений. По нашим подсчетам о ходе строительства этих каналов и облагораживании их берегов за два года издано шесть

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 90. Л. 421.
[2] Там же. Д. 91. Л. 269.
[3] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. (Письма и бумаги императора Петра I за 1719, июнь). Оп. 1. Д. 90/6. Л. С. 421.

императорских указов: 19 июня, 12 ноября 1719 г.; 23 января, 25 мая, 1 июля, 2 августа 1720 г.[1]

1 июля 1720 г. Петр I собственною рукою написал резолюцию на денежной ведомости, составленной А. М. Девиером:

«выдать половину в семь месяце, а другую в августе».

В Санкт-Петербурге, июля в 1 день 1720 г.

Деньги требовались «на достройку каналов, которые делает от адмиралтейства подрядом спице[аль]ной мастер, надлежит к первым взятым денгам донять, например, 14593 рубли да на достройку мытного двора 8900 рублев. Итого 23493 рубли.

И чтоб указано было помянутое число, денег выдавать без задержания, дабы не учинить в тех работах остановки, ибо подрятчики договорились те работы в августе или в сентябре отделать»[2].

Таким образом, проведение каналов содействовало осушению территории, на которой строился город. Были созданы удобные водные коммуникации, позволявшие доставлять строительные материалы по кратчайшему пути.

Большая работа была проведена по укреплению берегов каналов. Деревянные набережные устраивались не только по берегам каналов, но также и по берегам Невы и рек, протекавших через Петербург.

Устройство набережных было возложено Петром I на самих жителей Петербурга. Каждый хозяин дома должен был строить набережную против своего двора. Указом 3 марта 1715 г. вменялось работы начать в этом году и закончить в 1716 г. Однако строительство затянулось и продолжалось в разных районах города в 1720–1721 гг.

20 мая 1720 г. А. М. Девиер объявил жителям Санкт-Петербурга об укреплении речных берегов каждому обывателю против своего двора. При этом начальник полиции напоминал горожанам, живущим по берегам Невы и других рек, о том, что еще 13 июня 1718 г. Петр I своим указом обязывал указанных жителей, чтобы они «при своих дворах, где надлежит, сваи били и за них клали фашины и землею засыпали, (под опасением указанного штрафа)… а за фашины для засыпания класть всякой щебень и сор, а сверху усыпать землею же»[3].

---

[1] Подсчитано автором.

[2] *НИА* СПб ИИ РАН Ф.270. Оп.1. Д. 94/1. (1720, июль–август). Л. 10.

[3] *ПСЗ–I*. Т. 6. № 3585. С. 193-194.

Через год, 24 июня 1721 г., А. М. Девиер вновь напомнил жителям указ Петра I об укреплении берегов рек, чтобы, забивая сваи, фашины клали на пристанях мостили мосты и т. д.[1]

Чтобы ускорить ход работ, правительство взяло на себя строительство набережных против домов несостоятельных жителей, а также против незастроенных участков по берегу Мойки. Однако эти затраты верховная власть намеревалась восполнить за счет средств жителей, живущих в других местах, которые не участвовали в укреплении берегов рек[2]. И только на участках, принадлежавших царской фамилии или государственным ведомствам, набережные строились за казенный счет. Однако из-за спешности в строительстве деревянные набережные оказались недолговечными. В донесении полиции за февраль 1727 года о состоянии набережных говорилось: «при Фонтанной и Мье речках и при каналах сваи, доски, брусья и щиты попортило, и многие погнили, и землю водою вымывает, и оттого каналы заносит, и в тех местах и по берегу Невы реки, при обывательских домах берега и мосты весьма попортились, ибо оные берега от тех обывателей не так твердо были сваи набиты и фашинами и землею утверждены, как надлежит[3].

С первых лет существования северной столицы полиции приходилось уделять пристальное внимание устроительству мостов. Это было естественно, потому что территория строящегося города пересекалась в разных направлениях реками и каналами, которые с Невой составляли особый образ города. Именно реки и каналы делают Петербург неповторимым. Только река стала причиной рождения Петербурга. О роли реки в жизни города современник Петра I камер-юнкер Ф. В. Берхгольц в своих мемуарах писал, что, дабы избавиться от длинных переходов сухим путем, обыкновенно брали барки или верейки и водою доезжали «скорее и удобнее»[4].

Для обеспечения свободного проезда по рекам и каналам мосты делались подъемными. Однако по велению Петра I они были

---

[1] *ПСЗ–I*. Т. 6. № 3799. С. 402.

[2] *Луппов С. П.* Указ.соч. С. 131.

[3] *ПЗС–I*. Т. 7. № 5014. С. 739–741.

[4] *Калинина Е. М., Слепенкова О. В*. Петровский Петербург. Город на островах. СПб. : Паритет, 2016. С. 21.

настолько узки, что по ним мог проехать лишь один экипаж, запряженный парой лошадей[1].

Распоряжением генерал-полицмейстера А. М. Девиера от 23 января 1720 г. было приказано по указу Петра I строительство в Петербурге подъемных мостов через каналы у Почтового двора, у Зимнего дворца, в Новой Голландии и через реку Фонтанку[2].

Через шесть месяцев, 2 августа 1720 г., А. М. Девиер продублировал свое распоряжение, уточнив строительство подъемного моста через канал от Адмиралтейства и Новой Голландии и подготовку для этих работ леса и других материалов[3].

Как утверждает исследователь С. П. Луппов, несмотря на неоднократные оповещения в Петербурге, подрядчиков, желающих взяться за строительство мостов, не находилось. В результате работы пришлось вести хозяйственным способом, привлекая арестантов и военнопленных. Так, мост через канал у Почтового двора строили пленные шведы, а мост через Фонтанку — арестанты под руководством мастера фон Болеса. Эти работы продолжались еще в 1721 г[4].

В 1720 г. подъемные мосты через канал, проведенный вокруг Адмиралтейства строились с помощью привлекаемых солдат[5].

Столичная полиция отвечала не только за строительство мостов, но и за их содержание в исправном и чистом состоянии. В январе 1720 г. Петр I, будучи в Сенате, распорядился выделить 2000 рублей Полицмейстерской Конторе «на починку мостов и каналов, которые сделаны по речкам и каналам», впредь по требованиям этой Конторы отпускать деньги «на указанный предмет». Но задержка с перечислением денег вынудила царя напомнить Сенату, чтобы «впредь отпускать [деньги] в Канцелярию Полицмейстерских дел без умедления»[6].

Таким образом, в 1720–1721 гг. в Петербурге интенсивно велось строительство подъемных мостов, которые были деревянными, подъемная часть их приводилась в движение с помощью цепей. Деревянные мосты, несомненно, можно было построить скорее и значительно дешевле, чем каменные. Поэтому при строительстве мостов им отдава-

[1] *Головин Н.* Петербург в петровское время. С. 21.
[2] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 85.
[3] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 94. Л. 67.
[4] *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 133.
[5] *РГА* ВМФ. Ф. 1234. Оп. 1. Д. 37. Л. 128–130, 165–166.
[6] *ПЗС–I.* Т. 6. № 3513. С. 128.

лось предпочтение. И некоторые исследователи стали утверждать, что какой-либо попытки строить в Петербурге каменные мосты при Петре I не делалось, хотя в Москве каменный мост был построен еще в 1693 г.[1]

С подобными утверждениями трудно согласиться. Попытки строительства каменных мостов предпринимались, по-видимому, и при Петре I. Нам удалось найти архивный документ, в котором приводится распоряжение А. М. Девиера от 24 июня 1721 года по указу Петра I «о забивке свай, укладке фашин и мощение каменных мостов»[2].

Из записи в «Дневнике» Ф. В. Берхгольца от 7 августа 1721 г. можно узнать, что к этому времени уже было обеспечено беспрепятственное движение почти через все реки (кроме Невы) и каналы. В «Дневнике» Берхгольца читаем, что город «по правую сторону реки, там, где Адмиралтейство, прорезан многими каналами, через которые наведены мосты, исключая канал у Царского Летнего дворца[3].

Сам Петр I обращал особое внимание на развитие в городе водных путей сообщения. Он требовал от обывателей, живущих по набережной строить перед своими домами гавани (одну на два дома). Исполняя царское повеление пристани были сделаны, но большое наводнение 5 ноября 1721 г. разрушило их почти полностью. Вследствие этого указом от 16 декабря 1721 г. правительство потребовало перестроить пристани на Неве, значительно подняв их уровень. По распоряжению полиции, архитектор сделал замеры, чтобы определить, кому насколько нужно поднять свою пристань[4].

Особое внимание уделялось полицией поддержанию порядка на водных магистралях Петербурга, так как это вызывалось потребностями строящейся столицы. Суда, баржи, плоты, проходившие по Неве и ее протокам, задерживали движение друг друга, создавали аварийные ситуации. Особенно стесняли движение плоты, которые нередко приводили к столкновениям на воде. Много бед приносили суда старой конструкции. Они легко тонули, загромождая фарватер реки и причиняя большие убытки своим хозяевам. Поэтому не случайно, что в это время было издано много петровских указов, касавшихся

---

[1] *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 134.

[2] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 97. Л. 544.

[3] *Дневник* камер-юнкера [Ф. В.] Берхгольца. Ч. I. С. 141.

[4] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 90. Л. 445-446 ; *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 138.

внедрения судов новой конструкции и запрещения судам старого типа входить в Петербург. В связи с этим полиции предписывалось строго следить за исполнением петровских указов по данному вопросу. Так, генерал-полицмейстер А. М. Девиер по указу Петра I от 16 марта 1720 г. отдал следующее распоряжение: о перевозке грузов в Петербурге и окрестностях водой только на «новоманерных судах и эверсах, об орлении судов, о регистрации и переделке старых судов на Партикулярной (частной — П. Н.) верфи, а также о некоторых правилах судоходства по Неве и ее протокам до Шлисельбурга и по Ладожскому озеру[1].

В качестве служебной обязанности столичной полиции вменялось строго следить, чтобы не засорялись русла рек и каналов, не сбрасывали туда сор и нечистоты во избежание засорения водных протоков конским пометом, не разрешалась даже езда на лошадях по берегам рек и каналов. Категорически воспрещалась свалка материалов на пристанях. За нарушение этих правил взыскивались штрафы. Так, за задержку прохода судов из-за загромождения рек и каналов строительными материалами, взыскивался штраф: в первом случае — $^1/_3$ стоимости груза, во-втором случае — $^2/_3$, а в третьем случае конфисковывался весь материал[2].

Полиция следила за поддержанием чистоты не только на водных путях, но и на городских улицах. Все домохозяева обязаны были соблюдать чистоту на улицах против своих домов. Об этом неоднократно напоминалось в петровских указах с предупреждением о строгом наказании за ослушание. Так 6-й пункт петровских «Правил»… требовал от полиции наблюдать за чистотою улиц, переулков…и каждому жителю поставить в обязанность держать в чистоте улицу перед своим двором, убирать сор и отвозить его в указанное место, но отнюдь не в реку; виновных подвергать жестокому штрафу[3].

Однако добиться неукоснительного соблюдения обывателями чистоты на улицах перед своими домами оказалось делом весьма трудным. Сор нередко не вывозился в указанные места, а сваливался

---

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 404–405 ; *ПСЗ–I*. Т. 5. № 3139. С. 529–530 ; № 3191. С. 558 ; № 3238. С. 593–594 ; № 3387. С. 715 ; Т. 6. 3865. С. 464–466 ; № 3866. С. 466 ; и др.

[2] *ПСЗ–I*. Т. 5. № 3203. С. 569–571 ; Т. 6. № 3799. С. 402–403 ; № 3800. С. 403–404 ; № 3823. С. 433 ; *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 139.

[3] *ПСЗ–I*. Т. 5. № 3205. С. 569–571.

поблизости. Продолжалось засорение рек и каналов. Такое удручающее положение с поддержанием чистоты на улицах и засорением рек заставило начальника полиции А. М. Девиера, ссылаясь на именной царский указ, объявить городским обывателям о применении к виновным более строгих мер наказания.

В список виновных нередко попадали и знатные обыватели города. Генерал-полицмейстер А. М. Девиер 7 апреля 1719 г. уведомлял вице-адмирала К. Крюйса, что леса и прочее, лежащее близ угольного амбара, где будет строится канал, следует «убрать без замедления»[1].

Так, распоряжением от 1 июня 1719 г. А. М. Девиер от имени царя Петра I объявлял: «Санкт-Петербургским обывателям всяких чинов людям, кто б какова звания ни был, вышних персон служителям, а нижних самим объявить».

«Если будут продолжать, “презирая его царского величества указы…” на помянутые реки всякой сор и помет, какова б звания ни был, вывозить и метать…учинено будет наказание: биты кнутом и сосланы будут в вечную каторжную работу»[2].

Однако и в последующее время имели место случаи засорения городских улиц. Вследствие этого полиция предложила для содержания города в чистоте организовать специальную команду фурманов (возчиков), которые бы вывозили сор с улиц на места свалок. Это предложение было в 1723 г. принято. Была сформирована команда в составе 25 фурманов с 50 лошадьми и столькими же рабочими. На их ежегодное содержание определялось 5 тысяч рублей, которые предусматривалось собирать с жителей всего государства, так как «найдено неудобным обременять и без того обремененных обывателей столицы»[3].

Не меньшее беспокойство полиции вызывали торговые места и их санитарное состояние, где продавались продукты питания. Полиции вменялось в обязанность, чтобы на улицах, площадях и рынках «мертвечины не валялось». Виновные домовладельцы подвергались штрафу в 3 рубля. От торговцев продуктами питания требовалось, «дабы они отнюдь нездорового какого съестного харчу и мертвечины не продавали, а держали все здоровое»[4].

---

[1] *РГА* ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 35. Л. 79.

[2] *НИА* СПб. ИИ РАН Ф. 270. (Письма и бумаги императора Петра I за 1719, июнь). Оп. 1. Д. 90/6. Л. 363, 364 об.

[3] *ПЗС–I*. Т. 6. № 3777. С. 383; Т. 7. № 4391. С. 186–187.

[4] *ПЗС–I*. Т. 5. № 3226. С. 587.

При полиции состоял особый офицер, который обязан был осматривать пригоняемый на бойни скот и всякую привозимую в столицу живность, и без его свидетельства «бить таковых никому не позволялось»[1].

Именным указом 15 ноября 1718 г. было предписано всем торгующим съестными припасами «ходить в белых мундирах»[2].

При непосредственном участии полиции оборудовались торговые места в различных районах города. По указу Петра I через генерал-полицмейстера осуществлялось финансирование строительства Мытного двора близ Адмиралтейства. Нам удалось обнаружить в архивах ведомость, составленную А. М. Девиером 1 июля 1720 г., с резолюцией императора Петра I о выдаче денег на достройку Мытного двора и каналов у Адмиралтейства[3].

Другой Мытный двор в петровское время был построен на Петроградской стороне. Он представлял собой большое четырехугольное деревянное крытое дранкой здание, где можно было купить все, «что употребляется для домашнего хозяйства: горох, чечевицу, фасоль, крупу, муку, сало, деревянную посуду, горшки и тому подобные необходимые вещи». Рядом размещалась бойня[4].

Наиболее бойкая торговля продовольственными припасами велась на Адмиралтейском острове и других близлежащих территориях города. С завершением строительства здесь Мытного двора руководство полиции по велению Петра I принимало меры к закрытию торговли на улицах и в прочих «неуказанных местах»[5]. Поэтому 21 июня 1720 г. А. М. Девиер во исполнение указа Петра I своим распоряжением уведомлял: «лавочники, которые торгуют на Адмиралтейском острове, на Шлевенском и на других рынках…в лавках всякими съестными товарами и припасы также и харчевники и хлебники, явились в канцелярии полицеймейстерских дел для торгу о новостроящихся у Мытного двора лавках и харчевнях, которые на Адмиралтейском острову, близ подъемного моста в Морской слободе.

---

[1] *Высоцкий И. П.* Санкт-Петербургская Столичная полиции и градоначальство. 1703–1903. СПб. : Товарищество. Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 17.
[2] *ПЗС–I*. Т. 5. № 3236. С. 592.
[3] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 94. Л. 10.
[4] *Луппов С. П.* Указ.соч. С. 140.
[5] Там же. С. 141 ; *ПСЗ–I*. Т. 5. № 3236. С. 592–593.

В 1720 г. строительство Мытного двора «совсем отделаетца», то «лавки и харчевни в других местах везде запрещено и сломано будет». Если не прибудут на торги лавочники и харчевники…» с них взяты будут штрафы». И сей указ записать в книгу А. Девиер[у][1].

Особую озабоченность полиции вызывало санитарное состояние торговых мест, где продавались мясные изделия. Мясники забивали скотину тут же в местах торговли и сваливали внутренности животных поблизости рынка. В связи с этим полиция запретила мясникам бить скотину в мясных рядах, выделив другое специальное место у устья Мойки[2].

Так возникла вторая бойня в Петербурге, первая, как уже отмечалось, находилась на Петроградской стороне.

Были приняты конкретные меры по улучшению внешнего вида торговых палаток. Как известно, до этого было «многократно публиковано» именных указов, обязывающих торговцев поддерживать чистоту и санитарию на торгующих местах, чтобы шалаши «для лучшего виду и чистоты» вместо рогож были покрыты холстом. Но эти указания выполнялись формально, нередко лишь для отчета и во избежание штрафа. Не желая тратиться на покупку холста, торговцы делали свои палатки из «многих сшитых тряпиц и заплат скаредных завощалых, что человеческому зрению мерзско»[3].

Чтобы покончить со своеволием торговцев и придать торговым рядам и палаткам образцовый внешний вид, по царскому указу от 6 апреля 1722 г. Полицмейстерской канцелярии было поручено сделать «образцовую полотняную палатку и поставить на Адмиралтейском острову близ Петровского кружала»[4].

Далее предписывалось опубликовать указы, чтобы все, которые содержат продажу съестного в указанных местах сделали б палатки наподобие «обрасцовой в полтора или конечно в два месяца с того числа, как указ публикуетца»[5].

---

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 503.
[2] *ПСЗ–I*. Т. 5. № 3422. С. 732–733.
[3] *Высочайшие* указы и повеления императора Петра I // Сборник РИО. Т. 11. С. 458–459.
[4] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 100/1. Л. 351.
[5] Там же.

Царский указ требовал, чтобы «как палатки, так… и их продавцам съестного на себе мундир иметь и содержать во всякой чистоте под опасением… штрафа»[1].

Генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру приходилось принимать жестокие меры против завышения цен на продукты питания. Известно, что дороговизна ощущалась в Петербурге особенно сильно именно в петровское время. Так, в 1722–1723 гг. в отсутствие царя Петра I (находился в Персидском походе) в столице непомерно выросли цены на жизненные припасы. Генерал-полицмейстер еще в 1720 г. представил в Сенат свои соображения об упорядочении цен «на муку и прочие съестные товары». Но из Сената с того времени никакого решения по определению достойных цен на продажу «съестных товаров не учинено». Зато местные купцы «только цены повышают, хотя хлеб дешево покупают», — сообщал А. М. Девиер в письме от 24 апреля 1722 г. своему тестю А. Д. Меншикову. В условиях безмолвия Сената на просьбы полиции, ее генерал-полицмейстер взял на свой риск применить жесткие меры против спекулянтов хлебом. Он арестовал несколько купцов и их приказчиков «под караул» и определил количество нормального барыша на продаваемые товары столицы. «Сего ради, — напоминал А. М. Девиер в конце письма Меншикову, — прошу вашу светлость, дабы соизволили милостивое старание возыметь, чтоб предложение мое в Сенате обо всем было выслушано и определение положено, дабы такие необходимые дела для государственной пользы в продолжении далее не были оставлены и Его Императорскому Величеству, как уведает, во гнев не впасть, понеже третий год как пункты поданы: слушать время было довольное»[2].

Кризис на продовольственном рынке усилиями Главного магистрата и столичной полиции удалось преодолеть. Но крупные торговцы хлебом в дальнейшем добились поддержки у генерал-губернатора северной столицы. Это привело к очередному конфликту А. М. Девиера с А. Д. Меншиковым. Возвратившись из военного похода, царь Петр I вынужден был вмешаться в этот затянувшийся спор и в итоге принял сторону своего генерал-полицмейстера. В результате принцип рыночной экономики, установленный А. М. Девиером, соблюдался

[1] *РГИА* СПб. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 20. Л. 3.

[2] *Письма* и выписки из писем С-Петербургского генерал-полицмейстера Девиера к князю А. Д. Меншикову 1719–1727 // Русский архив. 1865. № 1-12. Стлб 1262.

в течение всего XVIII в.: до полудня твердые цены, после полудня — вольные[1]. Этот порядок соблюдался в Петербурге даже в XIX в.

В обязанность полиции вменялось наблюдать за правильностью весов и мер. Все торговцы обязаны были пользоваться лишь «орленными», то есть проверенными, мерами и весами.

К числу санитарных мер следует отнести строительство бань в Северной столице. Право строить свои бани имели только состоятельные люди, так как указом 2 марта 1720 г. «подлому народу» было запрещено строить бани[2].

Мы считаем, что это запрещение было вызвано чисто экономическими потребностями государства: частные бани подрывали доходы государственных торговых бань. Под неусыпным контролем А. М. Девиера весьма успешно велись строительные работы в столице. Но одно царское задание оказалось неисполненным. Это было последнее перед смертью распоряжение Петра Великого своему любимцу А. М. Девиеру. 10 июля 1724 г. Указом Петра I генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру было дано распоряжение об отправлении в Кронштадт 51 тыс. 116 руб., ассигнованных на устройство фундамента башни. Император подготовил план строительства под новым Кронштадтским каналом огромной башни, к воротам которой могли подходить линейные корабли с мачтами. Часовые, стоя на вершине этой башни, имели возможность замечать идущие корабли в отдаленнейшие пространства. Устроенный на самом шпиле маяк должен благоприятствовать ночному плаванию судов. Эта идея занимала царя-реформатора и перед его кончиной, последовавшей 28 января 1725 г. Вместе с тем в городе, где преобладали деревянные застройки, они были источником постоянных пожаров[3].

Пожары и наводнения приносили петербургскому населению неисчислимые бедствия. Только за петровский период с 1703 г. по 1725 г. в Петербурге было 11 больших наводнений[4].

---

[1] *ПЗС–I*. Т. 7. № 4634. С. 402–404.

[2] *ПЗС–I*. Т. 6. № 3535. С. 160. Термин «подлые люди» применялся к обывателям податных сословий в России XVIII в.

[3] Подробнее об этом: *Николаенко П. Д.* Неисполненное повеление Петра I // На страже закона. 2018. № 5 (19).

[4] Наводнения были: в 1703, 1705, 1706, 1707, 1710, 1715, 1716, 1721, 1723 (дважды), 1724 гг. ; *Беспятых Ю. Н.* Наводнения в Петербурге при Петре I. СПб. ; *Историческая* иллюстрация. 2013. 408 с.

Сильнейшее наводнение произошло на третьем году существования регулярной полиции — 5 ноября 1721 г. Один из современников об этом наводнении сообщал: «Невозможно описать, какое страшное зрелище представляло множество оторванных судов, частию пустых, частию наполненных людьми, они неслись по воде, гонимые бурею, навстречу неминуемой гибели...на улицах, почти везде можно было ездить на лодках. Ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш»[1].

После этого наводнения, как нами уже сообщалось, пришлось переделать пристани в Петербурге и принять другие охранительные меры в отношении строящегося города. Через генерал-полицмейстера А. М. Девиера 16 ноября 1721 г. Петр I приказал архитектору Гербелю, чтобы он на Адмиралтейском острову в Переведенской слободе осмотрел дома и замерял высший уровень подъема воды. И впредь ему предлагалось следить, чтобы жители строили полы домой «выше той прибылой воды»[2].

Однако, как показало время, принимаемые правительством Петра I меры оказались мало эффективными. Основным делом по защите города от наводнений считалась подсыпка грунта. В течение 65 лет (с 1714 года) действовал указ Петра I о том, чтобы каждый корабль, приходивший в Петербург, каждая въезжавшая телега доставляли в город камни определенного количества и веса. За каждый недовезенный камень брали штраф. Архитекторы разрабатывали проекты дамб, каналов, полагая, что налаженный сток вод Невы поможет избежать наводнений. Однако принимаемые меры оказывались малоэффективными. Эти непредсказуемые стихийные бедствия приносили много горя и невзгод жителям города и в последующие годы: в результате большого наводнения, случившегося 7 ноября 1824 г., погибло 480 человек, было уничтожено сахара 300 тыс. пудов, 300 тыс. пудов соли, 600 тыс. пудов муки, а также запасы вина общей стоимостью более чем на 500 000 тыс. рублей. В Санкт-Петербурге и уезде разрушено 462 дома, повреждено 3681, приведены в негодность все мосты, кроме каменных, погибло 3600 голов домашнего скота.

По инициативе правительства и при непосредственном участии императора Александра I была организована всесторонняя материальная помощь пострадавшим от наводнения. От царского дома

[1] *Дневник* камер-юнкера [Ф. В.] Бергольца. Ч. I. С. 217–218.
[2] *ПСЗ–I*. Т. 6. № 3853. С. 455.

в фонд благотворительной помощи жертвам наводнения поступил 1 млн рублей и от частных лиц более 1066,486 рублей[1].

7 ноября 1824 г. вошел в историю как день горести и благотворительности. Александр I лично осмотрел все места, пострадавшие от наводнения. Учрежденный Комитет безвозмездно снабжал нуждающихся медикаментами, пособиями для бедных, были открыты казенные пункты продажи соли, установлены твердые цены на хлеб и другие жизненные припасы, а также строительные материалы. Было организовано бесплатное питание бедной части населения города, а из военных поселений направили рабочих строителей, которые за работу получали вместо 6 рублей 1,5 рубля в день.

Таким образом, принятые меры помогли избежать голода и болезней среди населения столицы. Уже к 15 ноября 1824 г. во всех церквях города отслужен молебен, помиловавшему людей, а через неделю совершена панихида за упокоение душ тех, кои сделались жертвами природной стихии.

Но, к сожалению, принимаемые верховной властью меры по обеспечению безопасности жителей города от этих стихийных бедствий оказывались мало результативными. Как уже отмечалось, только в конце XX в. удалось принять решающие меры по недопущению этого катастрофического стихийного бедствия для Петербурга.

Не меньшим бедствием для Петербурга, чем наводнения, в петровское время были пожары. Первый большой пожар дал о себе знать жителям Петербурга уже спустя семь лет после основания города. 28 июля 1710 г. сгорел Гостиный двор. По сведениям датского посланника Юста Юля, во время этого пожара, «весь базар и суконные лавки, числом 70, обращены в пепел; на площади не осталось ни одного дома, все, что только могло сгореть, сгорело»[2].

С момента учреждения Главной полицмейстерской канцелярии проведение всех противопожарных мероприятий в Петербурге было возложено на нее.

В тушении пожаров в Петербурге участвовали сами жители города и войска. По сигналу пожарной тревоги (удары в набатный колокол, барабанный бой) жители должны были спешить на пожар, принося с собой инструмент: крючья, топоры, багры, вилы, ведра.

---

[1] *Башуцкий А.* Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. В 3-х книгах. Кн. 2. С. 57.
[2] *Записки* Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 229.

От пожарной повинности никто не освобождался, даже духовенство. Знатные и богатые люди могли лично не отбывать эту повинность, посылая вместо себя своих слуг. В тушении пожаров участвовали войска, и в 1711 г. было приказано в полках иметь пожарный инструмент[1].

В 20-е годы XVIII в. руководство полиции предпринимает конкретные меры по упорядочению пожарного дела в северной столице: 18 марта 1721 г. генерал-полицмейстер А. М. Девиер представил в Сенат «доношение» о некоторых мерах по урегулированию пожарного дела в Петербурге. В «доношении указывалось», что имеющиеся в Адмиралтействе (только там имелись) «пожарные заливные трубы медные с рукавами» не в состоянии быстро подвозиться в другие районы города в случае возникновения там пожара, поэтому на каждом острове следует иметь по одной такой трубе, а всего 4, которые будут выписаны из Голландии (по 400 руб. за штуку а всего 1600 руб.). Для наблюдения же за регулярной чисткой печных труб необходимо учредить должность мастера с подмастерьем. Сенат утвердил лишь первое предложение[2].

Предложение А. М. Девиера о создании специальной команды для чистки труб в печах сенаторы отклонили. Были утверждены только при полиции должности трубочистного мастера с подмастерьем, но с оплатой их за счет жителей[3]. А чистку труб продолжали сами обыватели.

В целях предотвращения пожаров на Васильевском острове А. М. Девиер, исполняя высочайшую волю, 21 июня 1723 г. приказал начать копать пруды там, где по плану должны быть прорыты каналы[4].

Еще более обременительной повинностью для жителей города была постойная. На постой в квартиры городских обывателей временно ставились военнослужащие, служащие иностранных миссий, низшие придворные служащие, учащиеся государственных учебных заведений, лица прибывающие по делам службы и т. д.

Распределением постоя ведала полиция. Как известно, согласно «Пунктов» Петра I, от воинского постоя не освобождался никто. «Солдат ставить всем на дворы по пропорции, какого б кто рангу ни был», —

[1] *ПСЗ–I*. Т. 6. № 2358. С. 677.
[2] *ПСЗ–I*. Т. 6. № 3777. С. 383.
[3] Там же.
[4] *НИА* СПб ИИ РАН Ф.270. Оп. 1. Д. 103. Л. 546.

собственноручно дописал Петр I в конце «Пунктов» (13 п.), выданных генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру в день его назначения[1].

Однако такое категоричное требование в отношении постоя «всем на дворы» со временем не соблюдалось самой верховной властью. Так, например, 1 апреля 1722 г. распоряжением Екатерины I было освобождено от постоя 123 человека из числа низших придворных служащих[2].

В 1724 г. освобождение от постоя получило духовенство[3].

Исследователи истории Петербурга в петровское время отмечают чрезвычайную строгость столичной полиции в поддержании благочиния в строящемся городе. Это вызывалось тем, что Петербург в первые годы своего существования вмещал в себе сборище людей, разнородных поколений и нравов, и местное положение, обстоятельства времени облегчало порочные пути к бесчинствам, все способствовало к беспорядкам. Петербург, окруженный лесами и болотами, состоявший из пустошей, среди которых пролегали местами улицы тесные, грязные, в ночное время совершенно темные. Наполненный тысячами лачуг, разбросанных на обширном пространстве, беспрерывно терпел от буйства стихий, людей и даже зверей[4].

Наводнения, пожары, кражи, насилия всякого рода побуждали полицию к решительным, нередко жесточайшим мерам по поддержанию порядка в городе. Поэт неудивительно читать воспоминания иностранца, что начальник полиции А. М. Девиер, ежедневно объезжая город, сек кнутом человек по шести и более обоего пола. А одну распутную женщину гоняли, постёгивая кнутом за то, что она, занимаясь

---

[1] *ППСЗ–I.* Т. 5. № 3203. С. 569. Некоторые исследователи, в частности И. В. Гурлев, эту дописку Петра I к п. 13 рассматривают как 14-й пункт задач полиции (*Гурлев И. В.* О дате учреждения полиции в России (к 300-летию полиции) // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2. С. 7–10).

[2] *Луппов С. П.* Указ.соч. С. 150.

[3] *ПСЗ–I.* Т. 7. № 4571. С. 350.

[4] В 1714 году часовой, стоявший у Литейного двора, был заеден волками. Солдат, прибежавший на крик несчастного, был мгновенно растерзан. Год спустя, на Васильевском острове возле самого дома Меншикова, волки загрызли одну из домовых его женщин; на кладбищах вырывали и съедали тела недавно похороненных (*Башуцкий А.* Указ. соч. Кн. 3. СПб., 1834. С. 154).

древней профессией, заразила много солдат лейб-гвардии Преображенского полка[1].

Уже 20 июня 1718 г. (спустя месяц после образования регулярной полиции. — П. Н.) издается петровский указ, чтобы брать под караул всех нищих, шатавшихся в Петербурге и допрашивать, откуда они и зачем бродят. Задержанных в первый раз наказывали батогами и отсылали в дворцовые волости, к старостам и сотстким или прямо к тем хозяевам, у которых они проживали до своего бродяжничества. С хозяев брали расписку о том, что они будут смотреть за этими людьми и кормить их. Если же за бродяжничество задерживались повторно, то били кнутом и мужчин посылали в каторжную работу, женщин — в шпингауз или прядильный дом, а малолетних, наказав батогами, на суконный двор в работу. С хозяев, у которых проживали нищие, брали штраф по 5 рублей за каждого человека. С февраля 1719 г. «всех задержанных за нищенство, по делам за вины свои наказаны» баб и девок стали направлять на полотняные фабрики, а с июля 1721 г. такое распоряжение распространено вообще на все предприятия, учрежденные компанейцами[2].

Неисполнение повелений верховной власти заставило ее в июне 1719 г. издать указ, по которому впервые было предписано брать подписку от жителей Санкт-Петербурга о том, что содержание указа до них доведено, чтобы «предь отнюдь никому неведением, отговорки иметь было не свободно, а ежели кто впредь презирать Его Царского Величества указы будет, то такие будут «биты кнутом и сосланы на вечную каторжную работу»[3].

В интересах охраны окружающей среды и защиты насаждений вокруг и внутри города полиция настойчиво добивалась, чтобы жители не выпускали из дворов скота без пастухов. Рекомендовалось в Полицмейстерской канцелярии получать места для выпаса домашних животных, осуществлять рубку строевого леса и заготовлять дрова строго в отведенных местах[4].

---

[1] *Кудин В. А., Николаенко П. Д.* Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А. М. Девиера) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1. С. 16.

[2] *ПСЗ*–I. Т. 5. № 3313. С. 669–670 ; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Романовы. М. : Эксмо, 2008. С. 247–248.

[3] *ПСЗ–I*. Т. 5. № 3382. С. 710–711.

[4] *ПСЗ–I*. Т. 5. № 3386, 3467. С. 770 ; № 3469. С. 771.

В феврале 1720 г. через Канцелярию полицмейстерских дел был объявлен указ «О наказании за рубку лесов заповедных». В нем напоминалось о том, что в минувшие годы, начиная с 1706 г. Его Величество указами, «опубликованными в народ о заповедных при Санкт-Петербургских рощах и лесах, которые были под ведением князя Юрия Хилкова, дабы оные никто рубить не дерзали под опасением смертной казни»[1].

Низкая исполнительность, не соблюдение предписаний обывателями заставляют власть по несколько раз дублировать указы. Поэтому 9 февраля 1720 г. через Канцелярию полицмейстерских дел до населения доводится содержание указа «О наказании за преступление против публикованных указов». В нем... «всем объявляется, что кто в какое преступление впадет противу публикованным указам... будет без пощады казнен или наказан, так как в тех публикованных указах за преступление объявлено... и чтоб впредь никто неведением не отговаривался»[2].

Столичной полиции приходилось выполнять задачи, казалось бы, совсем ей несвойственные. Так, генерал-полицмейстер извещал, что 20 марта 1720 г. «великий государь царь указал: санкт-петербургским жителям всяких чинов людям, имеющим в доме своем лошадей нынешнем марте месяце на Васильевский остров в показанное место, которое показано будет из канцелярии полицмейстерских дел, привезти навозу каждой лошади по возу, а ежели те люди этого не исполнят, и за то взят будет штраф за каждый воз по рублю. И о том при Санкт-Петербурге опубликовать барабанным боем»[3].

Другой пример. 13 апреля 1720 г. полицмейстерская канцелярия извещала «всяких чинов: люди, кто имеет у себя изношенные тонкие полотна и... прочие тому подобные, приносили... в Канцелярию полицмейстерских дел, за которые заплачены будут им деньги из Кабинета Его Царского Величества»[4].

Таким образом, на основе анализа архивных документов и публикаций того времени можно определенно сказать о вкладе регулярной полиции в строительство новой столицы России — Петербурга. Полицмейстерская канцелярия стала своего рода штабом стройки

---

[1] *ПСЗ–I*. Т. 6. № 3509. С. 127.
[2] *ПСЗ*–I. Т. 6. № 3510. С. 127.
[3] *Бумаги* императора Петра I, изданные академиком Бычковым. СПб., 1873. С. 401–402.
[4] *ПСЗ*–I. Т. 6. № 3569. С. 181.

Петербурга. По велению Петра I, именно ей принадлежит определяющая роль в регламентации городского строительства и городского управления: линейная застройка жилых зданий, строительство мостов и набережных, укрепление берегов рек и протоков, замощение камнем улиц, проведение мероприятий по планированию разбивки новых улиц и проспектов, контроль за санитарным состоянием рынков, мясных палаток и т. д.

2.3. Роль полиции в обеспечении тишины и спокойствия в городе

Проблемами борьбы с уличной преступностью и «низовой» коррупцией занималась общая полиция Северной столицы во главе с Антоном Девиером. В строящемся городе жизнь обывателей находилась в постоянной опасности не только от стихий и хищных зверей, но и от воров и разбойников, которые действовали с крайней наглостью и нередко жестокостью. Это вынуждало правительство принимать самые решительные меры в борьбе с таким злом, возложив при этом обязанности по охранению безопасности жителей столицы всецело на полицию. Такой мерой было учреждение в городе генерал-полицмейстером А. М. Девиером ночных караулов из обывателей и устройство шлагбаумов «от воровства и воровских проходов и прочих непотребных людей»[1]. Шлагбаумы устраивались по концам улиц с 11 часов вечера опускались и поднимались на рассвете «когда в гарнизоне будут бить в барабан зарю»[2].

Шлагбаумы охранялись вооруженными караулами, и в это установленное время хождение по городу приостанавливалось до наступления «зари». Разрешалось пропускать только команды солдат, знатных персон, докторов, лекарей, священников, приказных людей и повивальных бабок; «подлые» люди опускались разве «за крайнею нуждою» и притом не более трех за раз; в противном случае их брали под караул. Все улицы города в ночное время охранялись вооруженными караулами, которые ежесуточно выставлялись за счет жителей каждой улицы.

Списки, в которые для караульной службы заносились все мужчины от 20 лет и старше, хранились в Полицмейстерской канцелярии.

---

[1] *С.-Петербургская* столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборт. 1903. С. 10, 14.

[2] *Шубинский С.* Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 432.

Конечно, выборные от населения старосты, десятские, сотские и караульщики, несшие службу поочередно, вряд ли могли квалифицированно и профессионально решать задачи поддержания порядка и вести борьбу с преступностью, хотя, от них на первых порах только и требовалось «замечать» разные неисправности и несоответствие с требованиями петровских «Пунктов…»[1].

Важно подчеркнуть, что идея продолжить привлекать население к выполнению полицейских обязанностей совместно со штатной полицией принадлежит Петру I. Именно идея привлечения обывателей к охране общественного порядка в строящейся столице Петром I была включена в качестве практической задачи в последний, тринадцатый, из так называемых «Пунктов…», данных в руководство А. М. Девиеру. Царь повелевает «назначить в каждой слободе или улице старосту и с каждых десяти дворов десятского из тех же жителей»[2].

Принцип сочетания русской традиции по охране общественного порядка в Древней Руси и зарубежного опыта наиболее рельефно проявился в организационном построении регулярной полиции при Петре I, которая из двух элементов: штатного, содержащегося за счет казны, и выборного — от населения.

Петр I всю свою жизнь вел войну по искоренению нищенства, по данному вопросу он издал целый ряд указов, которые обязывали полицию «накрепко… смотреть, дабы бродячих нищих не было». Лица, которые позволяли себе подавать на улице нищим, вместе с ними приводились в полицмейстерскую канцелярию и платили штрафы. Так, генерал-полицмейстер А. М. Девиер доводил до обывателей очередной указ Его величества от 16 ноября 1720 г., в котором говорилось: «многие за леностями и молодые, которые в работы и наймы не употребляются, милостыни просят, от которых ничего доброго, кроме воровства показаца не можно, а ежели кто даст милостину нищему будет с него взят штраф пять рублей… а ежели, кто против сего указу приступить и за то по важности вин и против прежних его царского величества указов будут штрафоваться»[3].

В обязанности сотрудников Полицмейстерской канцелярии входило не только задержание воров с поличным и с учетом «важности дела» проведение расследования, а также затем «экзекуцию отправлять»

---

[1] *Вестник* полиции. 1909. Д. 39. С. 84.

[2] *НИА СПб ИИ РАН*. Ф. 270. Оп. 1. Д. 87. Л. 428–429 об.

[3] Там же. Л. 344.

и потом «воров с делами отсылать в Юстиц-коллегию и в прочие места куда надлежит»[1].

В интересах тишины и спокойствия в столице А. М. Девиер 4 августа 1718 г. объявил обывателям столицы царское повеление о запрещении стрелять из ружья на дворах и на улицах ни днем, ни ночью. Это касалось всех жителей города, всяких чинов, кроме тех, кому указом повелено будет». За нарушение сего указа… брать штраф за первую [стрельбу] 5 рублей, за вторую — по 10, за третью — по 15 рублей и о том при Санкт-Петербурге публиковать[2].

К этому следует добавить, что все спортивные и увеселительные игры в городе проводились под контролем полиции. Так, в 1726 г. генерал-полицмейстер вынужден был донести верховной власти о том, что «в кулачных боях, бывающих на Адмиралтейской стороне, на лугу, позади двора графа Апраксина и в других местах… многие, ножи выняв, за бойцами гоняются, иные, положа в рукавице ядра, каменья или кистени, бьют многих… смертными побоями». На столь страшные последствия для жизни участвующих в кулачных схватках обывателей, заявленных А. М. Девиером, незамедлительно последовало Высочайшее повеление о запрещении кулачных боев без позволения Полицмейстерской канцелярии. «А кто к бою будет иметь желание, должны выбрать между собою сотских, пятидесятских и десятских и явиться в Полицмейстерскую канцелярию для записи их имен». Место для боя указывается полицией. «Перед началом боя каждому (сотскому, десятскому, пятидесятскому)… осмотреть, чтобы у бойцов никакого оружия и прочих инструментов к увечному бою не было, да и во время того бою драк между собой бы не чинили…, и, кто упадет, лежащих никого не били б». Полицмейстерская канцелярия со своей стороны должна была командировать сотрудника, который обязан был «надсматривать» за ходом боя[3].

Важно заметить, что верховная власть России всегда проявляла заботу о безопасности городского населения и строго наказывала тех, кто не соблюдал установленных предохранительных правил, в частности, во время езды на лошадях. Именно об этом указ Петра I,

---

[1] Там же. Л. 202.

[2] *ПЗС–I*. Т. 5. № 3221. С. 581.

[3] *Именный* объявленный генерал-полицмейстером графом Девиером «О небытии кулачным боям без позволения Полицмейстерской Канцелярии» // ПСЗ–I. Т. 7. № 4939. 1726, от 21 июля. С. 682.

объявленный А. М. Девиером 26 августа 1720 г.: Кто… будет ездить на невзнузданных лошадях — «за первую вину будут биты кошками, за вторую — кнутом, а за третью — сосланы будут на каторгу»[1].

Эту меру безопасности во время движения любого вида транспорта по городу верховная власть во все времена требовала неукоснительно соблюдать всем, невзирая ни на чины, ни на заслуги.

В связи с этим сошлемся еще на один пример, который, правда, по времени выходит за рамки нашего исследования, но зато весьма убедительно подкрепляет наше заключение о социальной защите верховной властью даже простых обывателей. Так, в январский день 1805 г. на одной из улиц Петербурга под колеса быстро мчавшегося экипажа министра внутренних дел В. П. Кочубея по вине кучера случайно попал прохожий. Им оказался крестьянин Иван Андрианов, крепостной помещика майора Герасима Мицкого, проживавшего в Ярославской губернии. Крестьянин был изувечен и, несмотря на усилия врачей, остался калекой, полностью потеряв трудоспособность. Министр В. П. Кочубей на совете своей семьи решил выделить из своего дохода капитал в тысячу рублей для материальной помощи крестьянину И. Андреянову, ставшему калекой по вине его кучера. С местным руководством Ярославской губернии было оговорено, что потерпевший Иван Андреянов из внесенного капитала ежегодно в качестве пенсии будет получать проценты в размере 50 руб.[2]

Калека И. Андреянов 33 года получал так называемую Кочубеевскую премию. После его кончины, начиная с 1843 г., в день ангела жертвователя (11 ноября), тоже скончавшегося в июне 1834 г., Кочубеевскую премию на протяжении 17 лет, вплоть до 1860 г., ежегодно получал один из беднейших помещичьих крестьян Ярославской губернии. Кандидатом на премию мог стать лишь тот, кто отличался справедливостью и честностью, примерным попечительством о родителях и семействе своем, а также точным исполнением христианских заповедей.

После упразднения «Приказа общественного призрения» капитал, предназначенный для Кочубеевской премии, был использован по указанию руководства МВД для устройства ремесленного училища[3].

---

[1] *ПЗС–I.* Т. 6. № 3633. 1720, 26 августа. С. 233.

[2] *Николаенко П. Д.* Князь В. П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 427.

[3] *Трефолев Л. Н.* Исторические произведения. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1991. С. 230, 237.

В быстростроящейся новой столице Петр I форсированным путем стремился создать ядро основного населения. В этих целях он неоднократно прибегал к принудительному переселению в Петербург знати и рабочих людей, но жизнь в строящемся городе была столь трудна, что вызывала, в частности, у знати нежелание переезжать из Первопрестольной в новую столицу, а переселенные рабочие и работные люди, пришедшие на заработки, совершали массовые побеги. Все это вынуждало Петра I принимать решительные меры по усилению контроля за передвижением податного населения. Право передвижения имели только те, кто располагал «разрешительными документами», а следить за наличием таких документов у передвигавшихся возлагалось на полицию.

Особое внимание обращалось на усиление контроля за приезжающими в новую столицу, и подтверждением тому свидетельствуют два указа Сената, обнародованные 18 и 20 июня 1718 г. Так, 18 июня 1718 г. Сенат объявил его высочайшее повеление, чтобы каждый житель столицы подавал в Полицмейстерскую канцелярию ведомость собственноручно подписанную «о тех людях, которые у них будут стоять и отъезжать, и кто примет на работу или в службу или ночевать, и чтоб таких без свидетельств никого не принимать и без добрых по нем порук, понеже в том числе живут много воров и беглых солдат и матросов и прочих». Сенат предупреждал об ответственности тех, кто … против сего Указа… будут штрафованы… биты кнутом и сосланы на каторгу, а… их имение будет взято на Государя»[1].

Через два дня, 20 июня 1718 г., Сенат объявил очередной Указ, который ужесточал меры против тех, кто не соблюдал общественный порядок в столице: «забирание под караул праздношатающихся людей, о не пускании таковых в домы… без явного свидетельства, о не нанимании работников без поручных записей»[2].

Жалобы обывателей на приезжающих иноземцев в столицу из-за неуплаты долгов или за жилье заставили верховную власть ужесточить контроль за их приездом и отъездом из России. Решение этой задачи Петр I возложил лично на генерал-полицмейстера А. М. Девиера. Последний 16 августа 1721 г. объявил заинтересованным, что приезжающие и отъезжающие иноземцы у обывателей Санкт-Петербурга забирают в долг деньги и прочее, а не заплатя того и не

[1] *ПЗС-I*. Т. 5. № 3210. 1718, 18 июня. С. 575.
[2] Там же. № 3212. 1718, 20 июня. С. 577.

объявя заимодавцам, взяв пасы [паспорт], отъезжают, отчего те обыватели приходят в немалые убытки и разорение… «того ради… объявить, что иностранные иноземцы приезжие и отъезжие любого звания должны требовать для себя пасов или паспортов, которые должны регистрироваться в канцелярии Полицмейстерских дел с указанием до какого числа они находятся. Их информируют, когда явиться для «снятия с учета», «без подписки из Канцелярии… нигде не пропустят», публиковать тех, кто имеет долги у обывателей и доносить в канцелярию Полицмейстерских дел»[1].

Что же касается перемещения иностранцев по территории России, то они должны были получить разрешительные письма в Полицмейстерской Канцелярии для поездки в указанное место. Так, по высочайшему повелению в ноябре 1720 г. было разрешено жителю Санкт-Петербурга иноземцу Питеру Рутелгеллу и с холопцем его Ягоном Гидриксоном для свободного проезда до мызы Райкуме Ревельского уезда и обратно «дать пашпорт, в котором означить, чтобы их далее вышеписанной мызы без повелительного указа не пропускать»[2].

Таким образом, в институте полиции важнейшим инструментом контроля за передвижением населения явилось введение паспортной системы в России, основы которой были заложены Петром I[3].

Трехлетняя деятельность регулярной полиции позволила Петру I подвести первые результаты полицейской службы, уточнить ее функциональные обязанности и расширить круг задач, особенно нравственного характера, в отличие от начального периода, когда предписывались полиции меры запретительного характера. С принятием в январе 1721 г. Регламента или Устава Главного магистрата в числе других задач необходимо было «добрую полицию учредить». По тем временам какое содержание вкладывалось в идею «доброй полиции»? Прежде всего, в X главе «О полицейских делах» Регламента Главному магистрату важно было то, что полиция представлялась в понимании царя-реформатора не только как учреждение, но и как средство, выполнявшее позитивную, воспитательную роль в обществе.

---

[1] Там же. № 3812. 1721, 16 августа. С. 413.

[2] *НИА СПб ИИ РАН*. Ф. 270. Оп. 1. Д. 94. Л. 329.

[3] Подробнее об этом: *Анисимов Е. В.* Время Петровских реформ. Л. : Лениздат, 1989. С. 375–378 ; *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб. : «Лики России», 2007. С. 18–28.

В главе X «О полицейских делах» Регламента Главного магистрата закреплено: «Полиция особливое свое состояние имеет, а именно: оная споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и честному промыслу… вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности»[1].

Следовательно, верховная власть в указанное время рассматривала полицию не только как средство борьбы с преступностью и охраны внутренней безопасности в стране, но и как носителя «добрых порядков» и фундаментального подпора человеческой безопасности.

Именно Полицмейстерской канцелярии во главе с А. М. Девиером на новом этапе развития полиции входило в обязанности «рождать добрые порядки», а «непотребное житие отгонять», «принуждать каждого к труду и к честному промыслу». Ометим, что эти обязанности, возложенные на полицию триста лет назад, остаются главенствующими в числе других, и сегодня[2]. Из содержания «Регламента…» мы видим, что верховная власть рассматривает полицию не только как инструмент борьбы с преступностью, но и в качестве носителя добрых и созидательных начал[3].

Включение в «Регламент…» X главы о полиции свидетельствует о намерениях царя-реформатора дальше развивать и совершенствовать деятельность этого нового государственного органа, который будет поддерживать в обществе не только благочиние, но и обеспечивать благосостояние подданных. Предусматривалось создание и содержание полиции возложить на городские магистраты, но на деле оказалось всё наоборот: в петровское время полицейское дело широкого развития не получило, и тому в немалой степени помешала кончина царя. На основе указов в январе 1722 г. создается полиция в Москве, в сентябре 1722 г. — в Кронштадте и в мае 1723 г. объявляется о ее организации в Астрахани, но там она так и не была создана.

---

[1] *ПЗС-I*. Т. 6. № 3708. 1721, 16 января. С. 297.

[2] *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (глава 1, ст. 1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О чем подробно освещается в разделе монографии об участии полиции в строительстве Северной столицы.

В начале правления Петра II (внука Петра I) Главный магистрат в целях «удешевления государственного аппарата» был упразднен. Следовательно, институт магистратов как систему органов сословного городского самоуправления преемники Петра I отвергли.

Нельзя не акцентировать внимание и на том, какими средствами располагала полиция, решая задачи поддержания общественного порядка и безопасности в стране.

Однако встает вечный вопрос о соответствии цели и средств для ее успешной реализации. Во все времена для верховной власти эта проблема оставалась недоведенной до логического завершения, особенно если она касалась коренных преобразований, наподобие петровских реформ[1].

В петровское правление, как известно, Россия вела постоянные войны и одновременно в труднейших географических и климатических условиях строила современный европейский город, который должен стать новой столицей страны.

Следовательно, для Петра I в период его царствования вечным и трудно решаемым вопросом оставался один, где взять средства для реализации задуманного.

В непростых и сложных условиях создавалась и развивалась новая государственная структура, которая по желанию царя-реформатора названа нерусским словом «полиция»[2].

Петру I приходилось всячески экономить денежные средства, в том числе при учреждении регулярной полиции. В отличие от создания армии и флота, на которые тратились огромные денежные средства[3], строительство полиции оказалось «на обочине» государственной политики верховной власти. Прежде всего, это коснулось численного состава полиции в первые годы ее существования. К сожалению, первые полицейские штаты для новой столицы оказались малочисленными и явно недостаточными для успешного выполнения возложенных на них многопрофильных задач. Так, 4 июня 1718 г. на за-

---

[1] В силу объективных и субъективных факторов не удавалось завершить намечаемые реформы правительствами от Ивана Грозного до Михаила Горбачева.

[2] Эта идея возникла у автора после знакомства с содержанием вступления из книги Е. В. Анисимова «Время петровских реформ». Л., Лениздат, 1989. С. 8–14.

[3] Армия и флот в 1701 г. поглотили три четверти финансовых поступлений, в 1710 г. — четыре пятых, а в 1724 г., несмотря на то что война уже завершилась, — две трети. См.: *Массu Р. К.* Петр Великий: Ноша императора. СПб. : ООО «Торговый издательский дом «Амфора», 2015. С. 289.

прос А. М. Девиера из Сената сообщили, что для полицейской службы будет выделено 10 офицеров, 20 унтер-офицеров и 160 солдат «добрых»; для канцелярии — дьяка Степана Тихменова и 10 подьячих; для устройства шлагбаумов выделялось 200 рублей. По указанным штатам полиции столицы 11 июня 1718 г. был опубликован указ Сената. Однако из-за скудости денежных средств в государственной казне из предусмотренной Сенатом численности полицейской команды фактически в столице к концу 1718 г. в полиции имелся 41 человек личного состава, то есть в 4 раза меньше планируемого. Из них премьер-майор — 1, с жалованьем 168 руб. в год; капитанов — 2, по 96 руб. 99 коп. каждому в год; прапорщиков — 2, по 50 руб. каждому в год; вахмистра — 2, по 14 руб. 40 коп. в год; старший сержант — 1, по 10 руб. 8 коп. в год; сержант — 1, по 7 руб. 20 коп. в год; каптенармуса — 3, по 13 руб. 68 коп. в год; каптенармус — 1, по 9 руб. 72 коп. в год; капрала — 3, по 6 руб. в год; капрал — 1, по 6 руб. 96 коп. в год; писарь — 1, по 8 руб. 4 коп. в год; писарь — 1, по 6 руб. 96 коп. в год; рядовых — 2, по 7 руб. 20 коп. в год; рядовой — 1, по 6 руб. 84 коп. в год; рядовые — 19 чел. по 6 руб. в год каждому[1].

Катастрофическая нехватка личного состава отрицательно сказывалась на качестве выполнения полицейских задач в строящейся новой столице. Правда, усилиями руководства Полицмейстерской канцелярии, как это видно из рапорта А. М. Девиера в Сенат, в апреле 1723 г. численность столичной полиции удвоилась, достигнув 88 человек, в том числе 1 майор, 3 капитана, 4 поручика, 2 вахмистра, 3 сержанта, 2 каптенармуса, 15 фурманщиков и 10 «офицерских из холопцов денщиков»[2].

О денежном содержании столичной полиции можно судить по сохранившимся вышеприведенным данным: помощник генерал-полицмейстера майор Рыкунов, как мы уже сообщали, получал 168 руб. в год, остальные офицеры от 5 до 100 рублей, а общий годовой расход на содержание всей петербургской полиции равнялся 1059 руб., что было явно недостаточно для прожиточного минимума самому полицейскому, а тем более еще и для содержания своей семьи.

Следует полагать, что жалованье начальника столичной полиции А. М. Девиера в общую сумму 1059 руб., не входило. Вероятно,

---

[1] *С.-Петербургская* столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборт. 1903. С. 21.

[2] *Вестник* полиции. 1909. № 39. С. 842–843.

что он получал свое денежное содержание за придворную службу, так как и после назначения его на должность генерал-полицмейстера он по-прежнему по всем документам проходил одновременно и как генерал-адъютант Петра I[1].

Кроме майора А. Р. Рыкунова, являвшегося заместителем генерал-полицмейстера, остальные офицеры полиции не были закреплены на должностях и за определенными территориями столицы. Они выполняли всевозможные поручения А. М. Девиера. Одни наблюдали за рынками и торговлей, другие за чистотой и порядком на улицах, третьи осуществляли розыскные мероприятия. Из нижних чинов одни употреблялись для патрульной и караульной службы, а другие для решения внезапно возникающих полицейских задач (обеспечения порядка во время массовых праздников, крестных ходов или публичных казней и т. д.).

Полицейские чины жалованье и провиант получали в основном наравне с военнослужащими. Штаб и обер-офицеры Полицмейстерской канцелярии и их денщики жалование, провиант и амуницию получали из Главного комиссариата, с 1721 г. — из остаточных денежных средств Военной коллегии. Новое ведомство из-за скудости имущества нередко допускало годами нерегулярное обеспечение личного состава полиции.

Из сохранившегося рапорта от 24 апреля 1723 г. генерал-полицмейстера в Сенат мы узнаем, что унтер-офицеры и рядовые столичной полиции мундирных вещей не получали с 1719 г., а оружие и амуничные вещи с 1715 г. В результате люди обносились до такой степени, что вынуждены были сидеть дома, не выходя ни на работу, ни на службу в караулы[2].

Далее в рапорте А. М. Девиера идет перечисление необходимых вещей: башмаки, чулки, «рубахи с порты», галстуки, кафтаны, камзолы, штаны, картузы. Кроме перечисленных различных видов имущества, еще полагались епанчи василькового цвета, фузеи со

---

[1] 27 мая 1718 г. Петр I направил в Сенат указ: Господа сенат. Определили мы для лутчих порядков в сем городе дело генерала-полицымейстера нашему генералу адъютанту Девиеру и дали пункты, как ему врученное дело управлять и ежели против оных пунктов чего от вас требовать будет, то чинить также всем жителям здешним велите публиковать, дабы неведением никто не отговаривался. Петр // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп.1. Д. 87. Л. 440.

[2] *С.-Петербургская* столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборт. 1903. С. 22.

штыками, ледунки, барабаны, перевязи барабанные, струны барабанные и алебарды[1].

Обмундирование полиции того времени состояло из кафтанов, камзолов, коротких панталон, длинных чулок и башмаков. Кафтаны были василькового цвета с красными воротниками и обшлагами, а камзолы — зеленые. Головными уборами для полиции, в отличие от войск, носивших треугольные шляпы, служили особого рода картузы, высокие и круглые, старомодного, ещё стрелецкого образца.

Вооружение рядовых полицейских состояло из солдатской фузеи образца 1709 г. со штыком и короткой солдатской шпаги; унтер-офицеров — из алебарды и шпаги; офицеров — из протазана (род парадного копья) и более длинной шпаги. Пистолеты офицеры приобретали за свой счет. При несении службы по охране порядка рядовые часто вооружались вместо огнестрельного оружия алебардами[2].

При этом личный состав полиции петровского времени испытывал острую нужду в вещевом довольствии и вооружении.

Служащие Полицмейстерской канцелярии, а также выборные — старосты, десятские, сотские, караульные носили цивильное платье. Из-за низкой штатной численности столичной полиции к службе привлекались унтер-офицеры и солдаты местного гарнизона. Например, такая группа командированных военнослужащих несла полицейскую службу в 1720-е годы. Но вскоре по вине столичного коменданта Бахметова возник спор, вызвавший переписку между руководством гарнизона и Полицмейстерской канцелярией. Последняя вынуждена была об этом конфликте донести президенту Военной коллегии А. Д. Меншикову. В результате, между зятем (А. М. Девиером) и шурином (А. Д. Меншиковым) завязалась письменная тяжба из-за коменданта Бахметова, потребовавшего ежемесячно менять прикомандированных унтер-офицеров к Полицмейстерской канцелярии и солдат «для обучения… и для исправления их в ружье». Требования коменданта были изложены в официальном письме от 2 декабря 1723 г. на имя начальника Полицмейстерской канцелярии генерал-полицмейстера А. М. Девиера за подписью президента Военной коллегии.

---

[1] *Вестник* полиции. 1909. № 39. С. 343.

[2] *Кожемякин М. В.* История российского полицейского мундира // Полиция Российской Империи / А. В. Борисов, М. В. Кожемякин, А. А. Алькинская. М. : Студия писателей МВД России, 2012. С. 96, 98.

На это письмо, подписанное А. Д. Меншиковым, генерал-полицмейстер, отстаивая свою позицию, дал аргументированный ответ. Находящиеся при полицмейстерских делах унтер-офицеры и рядовые, присланные из гарнизона, — писал А. М. Девиер, — определены по сотням, которым даны каждому в команду сотские и десятские, и за ними они осуществляют «смотрение в караулах», «в чистотах и в показании отводом квартир» и в других полицейских делах, причем «в таких смотрениях они уже заобвыкли и жителей знают» и сверх того приобретают опыт в ходе смотрения работ по управлению делом, возложенного на них. И если им только для одной «экзерциции» иметь месячную перемену, то этим только будет вызвано «конфузия, неисправление и остановка [дела. — П. Н.], и жителей будет нескоро «познать». А те, которые постоянно находятся на закрепленных участках, то «всегда будут лучше и исправнее» знать свое дело, и с одного «будет спрашиваться» за его результаты.

Вместе с тем А. М. Девиер сообщал А. Д. Меншикову, что со служителями Канцелярии и прикомандированными тоже проводятся «экзерциции и смотрения». Но если этого недостаточно, то А. М. Девиер просил А. Д. Меншикова, чтобы он «повелел… коменданту Бахметову… заранее давать знать» о предстоящих занятиях в гарнизоне[1].

Возвращаясь к вопросу борьбы полиции с преступностью в Петровское время, кроме публичных казней, уместно напомнить и о других «технологиях», применявшихся к тем, кто совершил преступление. Так, на рубеже XVII–XVIII вв., чтобы обеспечить опознание опасных преступников им на лоб и щеки накладывали клеймо из трех букв «вор» или «кат» (каторжник). Кроме того, преступников стали «орлить» государственным символом: раскаленные металлические пластины прикладывались к лицу, а затем обожженное место затиралось порохом[2].

Одной из последних мер борьбы с преступностью в петровское время явилось высочайшее повеление, объявленное генерал-полицмейстером А. М. Девиером Сенату от 15 января 1724 г. «О вынимании у каторжных колодников ноздрей до кости».

---

[1] *Письма* и выписки из писем С.-Петербургского генерал-полицмейстера Девиера к князю А. Д. Меншикову 1719–1727 // Русский архив. 1865. № 1-12. Столб. 1267.

[2] *Смыкалин А. С.* История судебной системы России: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА: законы и право, 2010. С. 60.

Его Императорское Величество усмотреть соизволил, что у каторжных невольников, которые присланы в вечную работу, ноздри вынуты малознатны, того ради Его Императорское Величество указал: во всех местах, из которых в каторжную вечную работу присылаются, вынимать ноздри до кости, дабы, когда случится таким сбежать, чтоб везде утаиться было не можно, и для лучшей поимки были знатны; также, которые ныне есть при каторжных дворах такие же невольники, учинить тож[1].

От быстро угасающего императора Петра I это была последняя такая устрашающая мера наказания преступников, о которой донес в Сенат генерал-полицмейстер А. М. Девиер.

Задачи борьбы с пожарами, как уже отмечалось ранее, были изложены в знаменитых петровских «Пунктах…», определивших круг первостепенных обязанностей новоучрежденной регулярной полиции.

В числе 13-ти «Пунктов…», касавшихся задач полиции, три из них (1-й, 8-й и 12-й) непосредственно относились к полицейским обязанностям по обеспечению пожарной безопасности: «печи, камели и трубы печные — были бы также по указу» (п. 1.); «всякую четверть года осматривать печи, камели, в поварнях очаги и прочие места, где водится огонь, и предостерегать хозяев, чтобы с огнём обращались осторожно» (п. 8.); «для хранения от воров и пожаров определить со дворов караульщиков. Против воров надлежит иметь какое-нибудь оружие, а на случай пожаров ведра, топоры, войлочные щиты, лестницы деревянные, трубы, а в некоторых сборных местах крюки, парусы и большие водоливные трубы, по ночам караульщики должны ходить с трещотками» (п. 12)[2].

С зарождения Санкт-Петербурга охрана от пожаров была возложена на городское население, в том числе на царя. Петр I на пожар являлся первым и последним уходил. Исключение составляли «особые знатные». Им дозволялось выставлять вместо себя дворовых людей. Обязанностью участвовать в борьбе с огненной стихией всего населения было характерно для всей России. Пожарную повинность в петровское время несло даже духовенство. Когда в 1736 г. по ходатайству Синода священнослужители были освобождены от нарядов в полицейские ночные караулы, «дабы в церковной службе остановки не было», но участие в тушении пожаров и для них осталось обязательным.

---

[1] *ПЗС–I.* Т. 7. № 4417. 1724, 15 января. С. 204.

[2] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 87. Л. 428.

С 1711 г. в помощь населению при тушении пожаров стали привлекаться военнослужащие так называемых регулярных полков. Эта мера была закреплена законодательно указом Петра I «О неукоснительном прибытие войск на пожары». Для оснащения воинских гарнизонов были выделены необходимые пожарные инструменты. Общее руководство тушением пожаров осуществлял воинский начальник. Руководителем всей пожарной охраны был назначен князь Троекуров.

20 апреля 1718 г. был опубликован Указ Петра I, в котором предусматривались следующие меры противопожарной безопасности: печи делать с фундаментом, а не на полах; угол, где печь, вырублен был и фута на два кирпичом от конца отрубленных стен до печи заделаны были; трубы должны быть так широки, чтобы человеку пролезть было мочно; кровли чтоб были черепицею, дерном или гонтом крыты, не досками или дранью[1].

При Петре I стала проявляться забота о противопожарной защите не только новой столицы и Москвы, но и других городов, а также сел и деревень. В 1722 г. своим указом Петр I предписал, чтобы в селах и деревнях после пожаров дома строились лишь рядом по два и «в одну жилу», с разрывом между домами в 30 саженей, а гумна и овины рекомендовалось строить позади домов и за огородами не ближе 35 саженей от остальных построек, причем все постройки делать по чертежам, изданным в 1721 г.

Указы о противопожарных мерах полиция оглашала путем их чтения в городе «с барабанным боем». Кроме того, они вывешивались в наиболее видных местах. Некоторые из петровских указов весьма актуальны и сегодня, в частности, один из них призывает граждан беречь от огня богатство государства Российского.

В петровское царствование для всеобщего сведения во все города и села рассылались печатные указы о противопожарных мерах и соответствующие инструкции. Их читали в церквах по воскресеньям и праздничным дням, когда собиралось много народа.

---

[1] Для пропаганды огнестойкого строительства в Петербурге при личном участии Петра I на Городском острове была построена образцовая мазанка для размещения типографии. Эту первую мазанку должны были по Его Величества велению осматривать все обыватели города и по этому образцу сооружать только такие постройки. В 1721 г. при Полицмейстерской канцелярии Петербурга вводится должность городского трубочиста и его помощника. В их обязанности входило разъяснение населению правил постройки печей, дымоходов и очистки труб.

Перечисленные меры борьбы с огнем в петровское время позволяют нам засвидетельствовать кардинальные шаги верховной власти в пропаганде правил и требований пожарной безопасности, а также по совершенствованию противопожарной службы не только в городах, но и в сельской местности.

Из проведенного анализа документов видно, что для успешного выполнения многочисленных задач, возложенных на регулярную полицию Петербурга, ее штатный состав (до 88 чел. в 1723 г. без прикомандированных) был явно недостаточен. Поэтому Петр I активно привлекал к полицейской службе и местных жителей столицы. Царем был восстановлен институт сотских, пятидесятских, десятских из числа городского населения. Караульщики, поочередно выставляемые от дворов, хозяева которых не были освобождены от полицейской повинности. Эта полицейская повинность не могла быть эффективной, так как она выполнялась непрофессионально, а простыми обывателями города согласно очереди. Кроме того, жители пытались избегать дополнительных полицейских обязанностей. В связи с этим А. М. Девиер предложил Сенату для караульной службы нанимать за плату военнослужащих, которых будет содержать население, уплачивая в казну специальный налог. Сенат согласился на денежный налог с населения, но для других нужд — оплаты фонарщикам. Караульная служба осталась за обывателями города.

2.4. О результатах борьбы против казнокрадства и взяточничества в петровское время

Рассмотрение данной проблемы считаем весьма актуальным, так как коррупция и в настоящее время имеет значительные масштабы и превратилась в угрозу национальной безопасности. Как известно, корни коррупции уходят в далекие времена. Еще древние законодатели пытались ее искоренить силовыми методами. Но это социальное бедствие продолжало существовать и нередко процветать. Не избежало этой социальной трагедии и Российское государство, особенно в Петровское время.

Казнокрадство и взяточничество в эпоху Петра Великого становятся тотальным злом. К чести царя-реформатора следует признать, что он принимает всевозможные меры для беспощадной борьбы с расхитителями государственной казны. Начиная с 1713 г. до 1725 г., верховная власть практически ежегодно принимает правовые акты,

некоторые их них, направленные на ужесточение ответственности государственных чиновников за казнокрадство и взяточничество, несколько раз повторялись, так как эти виды преступления оставались социальным бедствием страны, Петр I без устали боролся с теми, кто стремился обогатиться за счет казны.

Так, Сенатский указ от 21 августа 1713 г. объявлял, что великий государь, «ревнуя искоренить неправедные, бедственные всенародные тягости и похищения»… призвал объявить всенародно… «всех преступников и повредителей государственных и народных интересов «искоренить»[1].

В целях эффективной борьбы с этим злом 23 октября 1713 г. из Сената был объявлен указ «О доношении всяким людям о Государственных интересах Царскому Величеству Самому». В указе от имени царя сенаторы призывали население быть добровольными доносителями «Самому Его Царскому Величеству», но доносы должны сообщать «истину». И кто на злодея «подлинно донесет», тому «богатство… преступника движимое и недвижимое отдано будет», а если доносителю положено, то «будет и чин», сие позволение дается всем от первых людей и до земледельцов»[2]. Срок действия такого указа по высочайшему повелению устанавливался всего на шесть месяцев.

Посулы добровольным доносителям самому государю, перечисленные в данном указе, действие которого рассчитано было только на 6 месяцев, существенной пользы не возымели, и верховная власть вынуждена была принимать более кардинальные меры: 24 декабря 1714 г. был обнародован очередной указ «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное».

В указе объявлялось: «понеже… лихоимства умножились»… в связи с этим все чиновники, которые у дел приставлены, «не дерзали никаких посулов казённых и с народа сбираемых денег брать торгом, подрядом и прочими вымыслы[ами] кроме жалования»[3]. А кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован и из числа добрых людей извержен или смертию казнен будет. То же следовать будет и тем, которые ему в том служили, и через кого делано, и кто ведали, а не известили… И дабы неведением никто не отговаривался, велеть всем у дел будучим к сему

[1] *ПЗС-I*. № 2707. 25 августа 1713. Т. 5. С. 51.
[2] *ПЗС-I*. № 2726. 23 октября 1713. Т. 5. С. 63.
[3] *ПЗС-I*. № 2871. 24 декабря 1714. Т. 5. С. 135.

указу приложить руку и впредь, кто к которому делу приставлен будет, прикладывать, а в народ везде прибить печатные листы»[1].

Рост преступлений среди государственных чиновников заставил верховную власть в мае 1720 г. издать сенатский указ об ужесточении мер наказания за взятки.

Опубликованный новый нормативный акт напоминал содержание указа от 24 декабря 1714 г., определял меры по неукоснительному его выполнению. Указ гласил: «Правительствующий Сенат приказал: во все губернии и провинции... послать Великого государя указы [ранее изданные — П. Н.], чтобы прислали в Сенат подписанные [чиновниками. — П. Н.] «кто ныне у дел», и тем, кто будет определен к делу, «руки прикладывать», чтобы никто неведением не отговаривался, и «те подписки впредь присылать в Сенат»[2].

Правительствующий Сенат 24 августа 1722 г. послал во все Коллегии, губернии и провинции указы, чтоб[ы] все, определенные к делам, также и впредь, кто определены будут, подписались под Его Императорского Величества указом 1714 г. о лихоимстве и, подписывая, «один указ с подпискою оставить в том месте, где они подпишутся, а другой такой же подпискою прислать в Сенат немедленно[3].

Ведя беспощадную борьбу с коррупцией служилых людей различных чинов, правительство Петра I вновь призвало общественность принять участие в искоренении «во всяких государственных делах неправды и тягости». С этой целью в июне 1720 г. был опубликован указ Сената о разных государственных сборах и наказании хищников за взятки. В нем, ведя беспощадную борьбу с коррупцией служилых людей различных чинов, правительство Петра I вновь призвало общественность принять участие в искоренении «во всяких государствен-

---

[1] *ПЗС-I*. № 2871. 24 декабря 1714. Т. 5. С. 136.

[2] *ПЗС-I*. № 3586. 21 мая 1720. Т. 6. С. 194.

[3] *ПЗС-I*. Т. 6. № 4077. 1722 от 24 августа. С. 761 ; Подписные листы государственных служащих, введенные в Петровскую эпоху, практиковали и другие правители России. При Императоре Александре I требовали подписные листы брать у чиновников, принадлежат ли или принадлежали они к каким-нибудь тайным сообществам (август. 1822 г.). Николай I продублировал этот указ старшего брата своего в 1826 г. Современные руководители стали требовать письменные отчеты у государственных служащих своих и членов их семей о доходах и расходах за каждый год, в том числе в одно время это коснулось и сотрудников правоохранительных органов. Ныне, например, запрещается государственным служащим совмещать свою службу с коммерческой деятельностью.

ных делах неправды и тягости». Для этого в июне 1720 г. был опубликован указ Сената о разных государственных сборах и наказании хищников за взятки. В нем напоминались требования, изложенные в Указе Его Царского Величества от 25 августа 1713 г., посланного в губернии в целях искоренения «неправедного бедствия всенародного» и «похищения государственной казны», и призывались «добрые праведные и умные» люди, которым можно верить и в службу годных». Они должны были при сборах государственных доходов «брать взяток и посулов», не допускали «иного грабительства и разорения». Сенатский указ предусматривал добросовестным сборщикам государственного дохода материальную помощь. «За труды радетельного сбора, — говорилось в указе, — с дохода брать с рубля по две деньги».

В заключение вменялось в обязанность руководителям губерний и провинций, «… дабы оной Его Величества указ всегда был в исполнении… везде смотреть накрепко», публиковать в народ, по церквам в воскресные дни и в праздники священникам читать… дабы… было всем ведомо»[1].

Мы не располагаем сведениями о том, насколько эффективно удалось верховной власти привлечь наиболее сознательную часть населения к участию в борьбе против коррупционных устремлений государственных чиновников во исполнение указа Сената от 22 июня 1720 г.

В последнее пятилетие царствования Петра Великого верховная власть в качестве устрашения других прибегла к публичным казням злостных казнокрадов и взяточников. В числе первых среди них оказался Сибирский губернатор князь Матвей Гагарин.

За десять лет своего владычества в Сибири он нажил огромные богатства для себя и своих близких. С другой стороны, он немало сделал и добрых дел для развития края: осваивал новые месторождения полезных ископаемых, поставлял в Государственную казну меха и «рибий зуб», твердую валюту того времени. Губернатор гуманно относился к плененным шведам, которые были сосланы в Сибирь в количестве девяти тысяч человек (в том числе 800 офицеров). Князь Гагарин в отношении офицеров проявлял особую заботу и истратил на их содержание более 15 тысяч рублей собственных средств. Привлекая пленников к различным видам работ, М. П. Гагарин доставлял

[1] *ПЗС-I.* Т. 6. № 3601. 22 июня 1720. Сенатский «О разных Государственных сборах, о наказании хищников за взятки лишением имения и живота». С. 205, 206, 208.

некоторые их изделия даже государю Петру I: так, для царя губернатор Сибири привез несколько колод игральных карт, изготовленных пленными шведами[1].

Сибирский губернатор князь М. П. Гагарин долгие годы ложным путем умел заслуживать благосклонность царя к себе и своему окружению, при этом с особым усердием заботясь о своём обогащении, обирая купцов, наживался на контрабандной торговле с Китаем и винных откупах, чем сколотил себе несметное богатство, «царствуя в Сибири».

Следствие по делу М. П. Гагарина проводилось дважды, в 1715 г. и с 1717 г. по 1718 г. И только в январе 1719 г. князь М. П. Гагарин был отстранен от должности губернатора Сибири и взят под караул. Не помогла и сильная поддержка, которой располагал злостный взяточник: дружеские связи с канцлером графом Головкиным, а также со светлейшим князем А. Д. Меншиковым, родственные отношения с подканцлером Шафировым и, наконец, покровительство самой государыни Екатерины I. Для расследования «худых поступков бывшего губернатора Гагарина»[2] по высочайшему повелению в Сибирь была направлена комиссия гвардии майора И. Лихарева. Сигналом для третьей комиссии по делу князя М. П. Гагарина послужил очередной донос царю от обер-фискала А. Нестерова. В нем сообщалось, что сибирский губернатор расхищает казну, берёт взятки с купца Карамышева, торговавшего с Китаем, и дозволяет купцам Евреиновым вести незаконный торг табаком в Сибири.

В ходе следствия комиссия гвардии майора И. Лихарева установила, что губернатор князь М. П. Гагарин скрыл хлеб, купленный для вывоза за границу, брал с купцов Гусятникова и Карамышева, торговавших с Китаем, подарки и товары, за которые платил не своими, а казенными деньгами, сверх того брал взятки с содержавших на откупе винную продажу и присваивал вещи, купленные для царских особ, например, взял три алмазных перстня и алмаз «в гнезде», купленные в Китае для царицы Екатерины Алексеевны[3].

---

[1] *Вебер Ф.-Х.* Преображенная Россия // Петр I / сост. вступ. ст., прим. Я. А. Гордин. СПб. : Издательство «Пушкинского фонда»., 2018. С. 428.

[2] *ПЗС-I*. № 3284. 18 января 1719. Т. 5. С. 616.

[3] *Манько А. В.* Коррупция в России. Особенности национальной болезни. М. : Аграф, 2012. С. 65.

Следствие тянулась более двух лет. С 17 февраля 1721 г. начались допросы содержащихся под стражей людей князя Гагарина, 11 марта было приказано допросить в застенке и самого бывшего губернатора. Князь М. П. Гагарин во всем признал свою вину и обратился к Петру I с просьбой о помиловании, заменить ему смертную казнь на отпущение в монастырь, где б «мог окончить живот свой». Царь не простил губернатора-взяточника. 14 марта 1721 г. сенаторы в составе 9 человек (кн. А. Меншиков, граф Ф. Апраксин, граф Г. Головкин, граф И. Мусин-Пушкин, П. Толстой, граф А. Матвеев, князь Д. Голицын, князь Д. Кантемир, барон П. Шафиров) приговорили князя М. Гагарина «казнить смертью»[1]. 14 марта 1721 г. Петр утвердил приговор Сената о смертной казни М. П. Гагарина, а 15 марта повелел взять в казну все его движимое и недвижимое имущество. На третий день, 16 марта 1721 г., бывший сибирский губернатор князь М. П. Гагарин был повешен перед окнами Юстиц-коллегии (для устрашения других сотрудников этого учреждения. — П. Н.) в присутствии Петра I, всех его родственников, при большом скоплении обывателей и служилых людей. Целых семь месяцев не разрешалось снимать труп с виселицы.

Устроенная Петром I показательная казнь губернатора-взяточника не остановила других в совершении казнокрадства, но зато превратилась в страшное зрелище для жителей столицы. На висевший труп казненного ходили зреть многие. В воспоминаниях одного, из числа посетителей, иностранца, читаем: «… я ездил с некоторыми из наших [иностранцев. — П. Н.] в Русскую слободу смотреть князя Гагарина, повешенного недалеко от большой новой биржи. Он был прежде губернатором всей Сибири… Его вызвали сюда, как говорят, за страшное расхищение царской казны… Он был повешен перед окнами Юстиц-Коллегии в присутствии государя и всех своих здешних знатных родственников. Спустя несколько времени, его перевезли на то место, где я видел его висящим на другой, большой виселице… Говорят, что тело этого князя Гагарина для большего устрашения будет повешено в третий раз по ту сторону реки и потом будет отослано

[1] *Акишин М. О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск : Автор. 1996. С. 198.

в Сибирь, где должно сгнить на виселице; но я сомневаюсь в этом, потому что оно теперь уже почти сгнило[1]».

Висевшее продолжительное время тело казненного князя Гагарина в центре столицы вызывало особое беспокойство городских властей. Как известно, в обязанности Санкт-Петербургского губернатора А. Д. Меншикова входило, наблюдение за санитарным состоянием города, и разлагавшийся труп повешенного сибирского губернатора мог вызвать «поветрие».

Такого рода обязанности должен был исполнять генерал-полицмейстер А. М. Девиер, но он не рискнул обратиться к царю с напоминанием об этом случае. Тем более что и сам А. Д. Меншиков не осмелился написать донесение Петру I, а счел возможным с этим вопросом обратиться к кабинет-секретарю Его Величества А. В. Макарову. К письму 22 апреля 1721 г. А. Д. Меншиков приложил писульку, в которой напоминал следующее: «Извольте его царскому величеству напамятовать о Гагарине, ибо приходят дни жаркие, и дабы здесь, в городе, не умножились духоты, и чтоб для оной причины, хотя за город тело ево вывесть»[2].

Ф. Берхгольц в своих записках оставил любопытное и, как мы считаем, справедливое замечание по случаю казни сибирского губернатора: «История несчастного Гагарина может для многих примером служить; она показывает всему свету власть царя и строгость его наказаний, которая не отличает знатного от незнатного»[3].

Прежде всего, по нашему мнению, царь сделал собственные выводы из казнокрадства М. П. Гагарина. По его высочайшему повелению указом от 25 октября 1723 г. должностные преступления стали квалифицироваться как государственные, а виновных в них предусматривалось «казнить смертью натуральною или политической».

Кроме того, Петр I своим указом от 1 июля 1720 г. запретил «всем вышних и нижних всяких чинов людям» покупать у бывшего сибирского губернатора князя Гагарина движимого и недвижимого ево имения, а именно дворов и поместий, и вотчин, и людей, и крестьян и четвертные пашни и всяких ево пожитков, а кто ослушается,

---

[1] [*Ф.-В. Берхгольц*]. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. С. 516, 517.

[2] Цит. по: *Павленко Н. И.* Меншиков: полудержавный властелин. М. : Проспект, 2017. С. 230.

[3] [*Ф.-В. Берхгольц*]. Указ. соч. С. 515.

то «учинено будет по военному артикулу, а движимое и недвижимое их имение взято будет на него, великого государя бесповоротно»[1].

Помимо казнокрадства князя М. П. Гагарина были вскрыты преступления бывшего красноярского воеводы Семена Дурново, работника тобольской таможни Павла Крупенникова, коменданта Сургута Якова Щетинина, комиссара Терсяцкой слободы Евтифия Левонова, зятя сибирского губернатора Ивана Траханиотова и его родственника Романа Траханиотова»[2].

Последнюю точку в службе князя М. П. Гагарина на посту Сибирского губернатора поставил обер-фискал Алексей Нестеров, возглавлявший фискальную службу при Сенате. Он провел ряд громких дел не только против князя Гагарина и его компании, но и других влиятельных вельмож. Петр I за это А. Нестерова ценил. И когда государю донесли в 1722 г. о мздоимстве и казнокрадстве самого начальника фискальной службы, то Петр I сначала засомневался в достоверности такой информации. Но донос поступил от подчиненного А. Нестерова, ярославского фискала Саввы Попцова. Следом и сам обвиняемый Нестеров принес повинную. Следствие длилось почти год. По делу проходил обер-фискал А. Я. Нестеров и многие его подчиненные.

Лишь в конце 1723 г. был объявлен приговор суда: А. Я. Нестеров за взятки приговорен к смертной казни через колесование, еще трое к смерти — через отсечение головы: доноситель Савва Попцов — за казнокрадство и взятки, сенатские Федор Борисов и Яков Попов — за взятки.

Еще восьмерых по делу А. Нестерова приговорили к битью кнутом и каторжным работам, четырем из них назначено было еще и вырвать щипцами ноздри[3].

В январе 1724 г., как обычно, на Троицкой площади приговор был приведен в исполнение. О нем снова поведал наш знакомый Берхгольц:

«24-го [января — П. Н.] в 9 часов утра я отправился на ту сторону реки, чтобы посмотреть на назначенные там казни. Под высокой виселицей (на которой за несколько лет сначала повесили князя Гага-

---

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 94/1. 1720, июль-август. Л. 1.

[2] *Константинов А.* Коррумпированная России. М. : ОЛМА Медиа Групп; ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 35.

[3] Подробнее об этом: *Шерих Д.* Город у эшафота. За что и как казнили в Петербурге. М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. С. 38-40.

рина) устроен был эшафот, а позади его поставлены четыре высоких шеста с колесами, спицы которых на пол-аршина были обиты железом. Шесты эти предназначались для воткнутия голов преступников, когда тела их будут привязаны к колесам».

Первым казнили Попцова: «Когда ему прочли его приговор, он обратился лицом к церкви в Петропавловской крепости и несколько раз перекрестился, потом повернулся к окнам Ревизион-коллегии, откуда император со многими вельможами смотрел на казни, и несколько раз поклонился; наконец один, в сопровождении двух прислужников палача, взошел на эшафот, снял с себя верхнюю одежду, поцеловал палача, поклонился стоявшему вокруг народу, стал на колени и бодро положил на плаху голову, которая отсечена была топором. После него точно таким же образом обезглавлены были два старика», т. е. подьячие Борисов и Попов. Следом за ними пришла очередь Нестерова: «Это был дородный и видный мужчина с седыми, почти белыми волосами… Перед казнью он также посмотрел на крепостную церковь и перекрестился, потом обратился лицом к императору, поклонился и будто бы по внушению священников сказал: я виновен. Его заживо колесовали и именно так, что сперва раздробили ему одну руку и одну ногу, потом другую руку и другую ногу. После того к нему подошел один из священников и стал его уговаривать, чтоб он сознался в своей вине; то же самое от имени императора сделал и майор Мамонов, обещая несчастному, что в таком случае ему окажут милость и немедленно отрубят голову. Но он свободно отвечал, что все уже высказал, что знал, и затем, как и до колесованья, не произнес более ни слова. Наконец его, все еще живого, повлекли тому месту, где отрублены были головы трем другим, положили лицом в их кровь и также обезглавили. Девять человек получили каждый по 50 ударов кнутом; кроме того, четырем приговоренным к вечной ссылке на галеры, были щипцами вырваны ноздри. Между этими 13 наказанными находилось только два молодых, остальные были седые старики… Напоследок «тела 4 казненных были привязаны на колеса, а головы их воткнуты на шесты»[1].

Последняя известная публичная казнь при жизни Петра I состоялось в Петербурге 16 ноября 1724 г. над Виллимом Монсом. Это был 36-летний камер-лакей императрицы Екатерины I. За полгода до смерти он удостоился звания камергера, всегда сопровождал царицу

[1] [*Ф.-В. Берхгольц*]. Указ. соч. С. 569–571.

во всех ее поездках, держал под контролем ее переписку и бухгалтерию. Все это сблизило императрицу с этим молодым человеком. Судили Монса с формальной стороны за взятки, но у современников не было сомнений относительно истинных причин приговора.

По утверждению историка М. И. Семевского, под влиянием В. Монса оказался и недоступный генерал-полицмейстер А. М. Девиер, который якобы хлопотал о продаже дома камергеру Екатерины I на Васильевском острове против воли царя.

Историк утверждает, что А. Девиер добивался покупки Монсом дома на Васильевском острове у флотского поручика Арсеньева. Однако государственные указы запрещали, кроме излишних, ни под каким видом не продавать. Двор поручика не был излишним, покупка не состоялась. А. М. Девиер, извещая письменно Монса о неудаче хлопот, в конверт вложил безымянную, якобы своей руки, цидульку: «Объявляю вашей милости: имею у себя две лошади — коня да рыскучаю лошадь, и ежели которая вам будет угодна, изволь ко мне отписать, куда ее… прислать»[1].

8 ноября 1724 г. Монс был арестован, через 5 дней вынесен смертный приговор, а еще тремя днями позже состоялась казнь. Вместе с ним были осуждены его сестра Модеста Балк, секретарь Столетов, шут Балакирев, некоторые другие лица.

После вынесения приговора «вышний судей» Иван Антонович Черкесов направил указ Антону Девиеру для «публикования заблаговременнаго», который был выведен на стенах домов. В нем сообщалось: «1724 года. ноября 15-й день по указу Его Величества императора и самодержца Всероссийского объявляется во всенародное ведение: завтра, то есть 16-го числа сего ноября, в десятом часу перед полуднем, будет на Троицкой площади экзекуция бывшему камергеру Виллиму Монсу да его сестре Балкше, подьячиму Егору Столетову, камер-лакею Ивану Балакиреву за их плутовство такое, что Монс, и сестра его, и Егор Столетов, будучи при дворе его величества не по своему чину и укрывали винных плутов от обличения вин их, и брали за то взятки, и Балакирев в том Монсу и прочим служил. А подлинное описание вин их будет объявлено при экзекуции»[2].

---

[1] Цит по.: *Семевский М. И.* Тайная канцелярия при Петре Великом. М. : Эксмо, 2008. С. 526.

[2] Там же. С. 575–576.

16-го, в 10 часов утра, на том самом месте, где когда-то повесили князя Гагарина, бывший камергер Монс был обезглавлен топором на высоком эшафоте. После того его сестре, генеральше Балк, дано по обнаженной спине 11 ударов кнутом; затем маленькому секретарю дано кнутом 15 ударов и объявлена ссылка на 10 лет на галеры для работы при рогервикской гавани [которую в 1713–1714 гг. строил А. М. Девиер. — П. Н.], а камер-лакею императрицы, также приговоренному к ссылке в Рогервик, — ударов 60 батогами»[1].

Это было последнее показательное судилище в центре Петербурга в царствование Петра. Устраивая такие публичные казни, верховная власть, по мнению Ф.-В. Бергхгольца, надеялась, что они возможно будут служить примером другим. В связи с этим, на наш взгляд, ближе к истине заключение историка Е. В. Анисимова по поводу публичных казней в Петровское время. Обывателями города казни рассматривались как любое театрализованное зрелище: «Люди устремлялись на площадь, протискивались к эшафоту, — пишет автор, — совсем не потому, что стремились получить, как думала власть, «урок на будущее». Ими двигало любопытство, «…стремление насладиться… зрелищем», ибо «в их повседневной серой жизни развлечений было так мало»[2].

При Екатерине I Верховный тайный совет своим решением от 17 сентября 1727 г. запретил публичные казни «внутри Санкт-Петербурга и Москвы», но вместе с тем повелевалось «чинить те экзекуции за городом, а именно: в Санкт-Петербурге в двух местах, на Московской, да на Выборгской сторонах». До этого Верховный совет по предложению князя Д. М. Голицына на своем собрании от 10 июля 1727 г. в составе генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, канцлера графа Г. И. Головкина, действительного тайного советника Д. М. Голицына при согласии отсутствующего А. Д. Меншикова единогласно постановил: «... на столбах головы (казненных) здесь в (Санкт-Петербурге и Москве) снять и столбы разрушить..., что не надлежит быть в резиденции в городе сем столбам, но (быть) в не города. А строены они и на них головы были взоткнуты по причине, что те персоны касались к измене против Его Императорского Величества блаженные и вечно достойные памяти»[3].

---

[1] [*Ф.-В. Берхгольц*]. Указ. соч. С. 580.

[2] *Анисимов Е. В.* Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века. СПб. : Норинт. 2004. С. 322.

[3] С*борник* РИО. 1889. Т. 69. С. 43.

Несмотря на то что верховная власть в 20-е годы XVIII в. вела жесточайшую борьбу по искоренению казнокрадства и вымогательства, однако принимаемые меры оказывались малоэффективными. Даже из числа ближайшего петровского окружения некоторые (в частности А. Д. Меншиков и др.) не устояли перед соблазном быстрого обогащения. По мнению историков, причиной роста злоупотреблений стали непродуманность петровских реформ и тот хаос, который творился в законодательстве. Становление государства только начиналось и максимально приближенная к обществу власть делала первые, не всегда успешные шаги в борьбе с коррупцией.

2.5. Светский досуг под присмотром полиции

Петровская программа «перелицовки» русской жизни с участием европейского опыта и стандартов коснулась вопросов частной жизни россиян, их увеселений, многолюдных зрелищ и собраний. Как всегда, Петр I лично взялся за насаждение среди русского высшего общества европейского образа жизни и отдыха. Анализ документов позволяет нам утверждать о том, что с первых лет существования города Петербурга наряду с решением коренных реформ энергично велась работа по переустройству быта русских людей. Эта работа наглядно демонстрировала энергичную деятельность Петра по преобразованию всей Российской державы. Русский царь, как всегда, стремился форсированным путем создавать новое, чтобы в кратчайшие сроки европеизировать Россию.

Первые шаги «новации» европеизации русских людей были направлены на изменение их вида и перехода на ношение одежды немецкого образца.

Возвращаясь из поездки по европейским странам в составе Великого посольства, едва переехав границу, царь Петр I стал «укорачивать» кафтаны и насильно резать бороды у именитых бояр. Право ношения бороды «лишь с большим трудом… удалось сохранить»[1] служителям или тем, кто готов «ежегодно за бороду платить сторублевую пеню»[2]. Крестьянам разрешалось носить бороду, но, приезжая на рынок, они обязаны были каждый раз платить налог или же опла-

[1] *Вебер Ф.-Х.* Преображенная Россия // Петр I / сост., вступ. ст., примеч. Я. А. Гордин. СПб. : Издательство «Пушкинского фонда». 2018 С. 456.

[2] *Шубинский С. Н.* Исторические очерки и рассказы. 6-е изд. СПб. : Тип А. С. Суворина, 1904. С. 52.

чивали на весь очередной год за право ношения бороды. В качестве подтверждения уплатившие налог «получали жетон, изготовленный из металла с надписью «уплачено за бороду». Продолжая политику «заморского этикета», Петр I в конце 1718 г. стал практиковать проведение вечеров отдыха, в которых принимали участие представители столичного общества обоего пола. Такие вечера вошли в обиход как ассамблеи. Только в ноябре–декабре 1717 г. такие вечера отдыха состоялись у адмирала Ф. М. Апраксина, Я. В. Брюса, А. В. Макарова. На последних двух ассамблеях присутствовали Петр I и царица Екатерина[1].

Предположительно ассамблеи были скопированы Петром I с французской практики. Указ об учреждении вечеров отдыха в частных домах по типу французских ассамблей вышел в 1718 г. Как считает известный советский и российский исследователь Петровской эпохи Н. П. Павленко, 1718 г. является годом официального введения ассамблей в светском обществе России. Однако, как полагает историк, они устраивались и ранее этой даты. По его мнению, 11 марта 1714 г. ассамблея состоялась у А. Д. Меншикова по случаю крестин его сына Александра; 17 марта — тезоименитство государя царевича Алексея Петровича. «Сей день государь был до обеда в Сенате, а после обеда были царское величество, и государыня царица, и Светлейший князь [А. Д. Меншиков. — П. Н.], и все сенаторы у именинника, где была ассамблея»[2]. Но эти вечера, как мы видим, были приурочены к юбилейным датам: день рождения, тезоименитство. Ассамблеи же, которые были официально обнародованы в 1718 г., стали проводиться как свободные вечера отдыха столичного избранного общества и необязательно приуроченные к знаменательным датам.

Несомненно, Петр I, как всегда, в новом деле сам составил правила проведения ассамблей и поведения на них гостей. Об этом пишет современник Ф.-Х. Вебер, что в Петербурге ассамблеи «...устраиваются зимой три раза в неделю. Царь издал на московском [русском — П. Н.] языке относящиеся к ним особый регламент...»[3]. Однако об организации таких вечеров - досуга по французскому образцу император Петр I повелел через своего генерал-полицмейстера А. М. Девиера. 26 ноября 1718 г. генерал-полицмейстер во исполнение высочайшей воли объявил «О порядке собраний в частных домах

[1] *Повседневные* записки делам А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727. С. 179, 182.
[2] Цит. по: *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 2010. С. 766.
[3] *Вебер Ф.-Х.* Преображенная Россия // Петр I. С. 471.

и о лицах, которые в них участвовать могут»[1]. И хотя объявление начальника санкт-петербургской полиции не говорит, что это новшество вводится по высочайшей воле, но, несомненно, можно предположить, что инициатива исходила от Петра I. Мы об этом уже выше упоминали, ссылаясь на утверждения Н. И. Павленко, и совершенно справедливо утверждает об этом А. В. Борисов, заключая словами: «Хотя документ называется «Объявление», по сути это было распоряжение власти, вводившее новый образ жизни... верхушки российского общества»[2]. О том, что все нововведения в России происходили по инициативе Петра I, категорично утверждает специалист по ранней истории Петербурга А. Башуцкий.

«Положив прочные основания благочиния, тишине и порядку города, царь желал дать большее развитие общественным увеселениям жителей и приступил к делу, важному в нравственном отношении, к учреждению тех собраний, которые под названием Ассамблей служили Петру Великому приятным отдохновением от трудов государственного управления и в которые он совершал не менее тяжкий труд, приучал своих подданных к общественности… предполагал сблизить дворян, поселить в них любовь к удовольствиям благородным… и, главное, изменить отношения, издавна существовавшие между обоими полами. Женщины, назначенные быть украшением общества, только со временем царя Алексея Михайловича начали пользоваться в России некоторою свободою, но и то ограниченною. Петр решил изменить это древнее положение». Какой же порядок соблюдался в проведении ассамблей в частных домах и кто мог в них участвовать?

«Ассамблея», как поясняет «Объявление», слово французское, на русском языке одним словом выразить невозможно, но, обстоятельно сказать, вольное, в котором доме собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела; ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, при том же и забава. А каким образом оные ассамблеи отправлять, то определяется ниже сего пунктами, покамест в обычай войдет.

---

[1] *Указ* Его Величества от 26 ноября 1718 г. «О порядке собраний в частных домах и о лицах, которые в них участвовать могут» // ПЗС-I. Т. 5. № 3246. С. 597–598.

[2] *Полиция* Российской империи. М., 2012. С. 21.

1. В котором дому имеет ассамблея быть, то надлежит письмом или иным знаком объявить людям, куда всякому вольно прийти как мужескому полу, так и женскому.

2. Ранее 5 или 4 часов не начинается, а далее 10 пополудни не продолжается.

3. Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни потчевать, и не точию [не только] вышеписанное не повинен чинить, но, хотя и дома не случится оного, нет ничего; но токмо повинен несколько покоев очистить, столы, свечи, питье, употребляемое в жажду, кто попросит, игры на столах, употребляемые.

4. Часы не определяются, в котором быть, но кто в котором хочет, лишь бы не ранее и не позже положенного времени; также тут быть сколько, кто хочет, и отъехать волен, когда хочет.

5. Во время бытия в ассамблее вольно сидеть, ходить, играть, и в том никто другому прешкодить [мешать] или унимать, также церемонии делать вставаньем, провожаньем и прочим отнюдь да не дерзает, под штрафом великого орла, но только при приезде и отъезде поклоном почтить должно.

6. Определяется, каким чинам на оные ассамблеи ходить, а именно: с вышних чинов до обер-офицеров и дворян, также знатным купцам и начальным мастеровым людям, также и знатным приказным, то ж, разумеется, и о женском поле, их жен и детей.

7. Лакеям или служителям в те апартаменты не входить, но быть в сенях или где хозяин определит; также в аустерии, когда и в прочих местах будут балы или банкет, также не вольно вышеписанным служителям в те апартаменты входить, кроме вышеозначенных мест[1].

«На сих ассамблеях, — повествует ганноверский резидент при дворе Петра I Ф.-Х. Вебер, — в одной зале устраиваются танцы, а в другой играют в шашки, но чаще в шахматы, каковой игре изощрены даже последние из москвитов. Третья комната отведена для курильщиков, а в четвертой развлекаются дамы и кавалеры, задавая друг другу всяческие вопросы и взимая с провинившихся в игре штрафы, а также производя и другие подобные увеселения, вызывающие смех всех присутствующих. На сих ассамблеях никого не принуждают пить вино, кроме тех случаев, когда нарушаются правила, что, впрочем, случается довольно часто. Многие москвиты пользуются таковой возможностью ублажить себя за счет других.

[1] *Петр I* / сост. вступ. ст., прим. Я. А. Гордин. С. 471–472.

Все придворные устраивают сии ассамблеи в своих домах хотя бы один раз за зиму. Если царь сам уберет для сего кого-либо из них, он оповещает оную персону через начальника полиции [А. М. Девиера. — П. Н.]»[1]. Известный знаток Петровской эпохи И. И. Голиков, отмечая роль Петра I в просвещении своих подданных, говорил, что «Великий Государь, почитая всегда обходительность и вежливость первою, так сказать, ступенью к просвещению подданных... учредил ассамблеи, а после привел он их в правило, расписаться в очереди у кого оным быть, не исключая из данных и себя»[2]. Введя в светское общество ассамблеи, Петр I сам часто присутствовал на них, проводя свой отдых за игрой в шахматы чаще со своим духовником Биткой.

По утверждению И. И. Голикова, 2 декабря 1718 г., т. е. спустя неделю после объявления, Петр I для всех знатных статских и военных особ обоего пола устроил у себя как бы показательную ассамблею, на которой со всеми ими веселился не яко государь, но яко равный с ними и яко друг»[3]. Первая ассамблея у Его Величества продолжалась до 11 часов вечера. Затем государь объявил очередность проведения таких танцевальных вечеров до конца 1718 г. в домах знати столицы: 6 декабря у гофмаршала своего г. Олсуфьева, 7-го — у графа Апраксина, 9-го — у графа Толстого, 11-го — у графа Головкина, 16-го — у графа Шафирова, 20-го декабря — у вице-адмирала Крюйса. До этого Петр I еще присутствовал на ассамблеи 4 декабря, которая тоже продлилась до 11 часов вечера.

Следовательно, по составленному царем графику в домах знатных вельмож Северной столицы с 4 по 20 декабря 1718 г. должно было состоятся шесть ассамблей[4]. На первых порах, пока петровское новшество было непривычно для знатных людей столицы, организующее начало проведения ассамблей исходило от полиции. Генерал-полицмейстер А. М. Девиер в день проведения ассамблеи был обязан через два или три часа после полудня явиться к хозяину дома и записать всех приезжающих. В 18 часов прибывал Государь и вдовствующая Царица с Царевнами. Танцы открывались польскими, потом следовал минует и уже за сим английский контр-дане. Пленные шведские офицеры некоторое время были учителями русских дам

[1] *ПСЗ–I*. Т. 5.-№ 3246. С. 597–598 ; *Вебер Ф.-Х.* Преображенная Россия. С. 472.
[2] *Голиков И. И.* Дополнение к седьмому тому «Деяния Петра Великого ...». С. 391.
[3] Там же. С. 391.
[4] Подсчитано автором по: *Голиков И. И.* Указ. соч. С. 391–394.

и их кавалерами в танцах. Между танцами дамам разносили чай, кофе, мед, варенье и прочее. Впоследствии, со времени пребывания в Петербурге Голштинского герцога (будущего зятя Петра I), по примеру его ассамблей вошли в моду шоколад и лимонад. Он же первый ознакомил петербургскую публику с приятной, стройной музыкой, выписанной им из Вены. До того на балах в Петербурге гремели трубы, фаготы, гобои и литавры, и, за неимением другой, эту грубую музыку находили прекрасною. Летом ассамблеи давались самим царем в Летнем саду[1]. Кто из посетителей отступал от самых близких правил, тот под присмотром распределителей, А. М. Девиера или П. И. Ягужинского, обязан был осушить кубок Большого Орла, наполненный вином. А если поведение присутствовавшего на таком вечере вызывало гнев у Петра I, то со стороны царя могли быть самые непредсказуемые действия. На одной из ассамблей, заметив, что А. Д. Меншиков танцует не сняв шпаги, Петр подошел к нему и с такой силой ударил его по лицу, что у того пошла из носа кровь[2].

Известно всем современникам, знавшим характерные свойства русского царя, что когда он желает что-то сказать в ходе общего разговора в компании, то следует сразу замолчать говорящим. На одном празднестве один иностранный артиллерист расхвастался своими познаниями, не давая Петру выговорить слово. Царь долго слушал его, наконец, не вытерпел и, плюнув ему в лицо, молча вышел из комнаты[3]. Главное назначение ассамблей, как уже отмечалось, состояло в том, что их введение по воле Петра I положило конец затворнической жизни светских женщин. Они вышли в свет наравне с мужчинами. Правда, приобщившись к светскому отдыху, к сожалению, не были ограждены от принудительного употребления содержимого Большого Кубка за неявку на ассамблею. Об этом наказании провинившихся камер-юнкер Берхгольц в своём «Дневнике» поведал следующее: «1 ноября 1721 г. была свадьба молодого князя Репнина..., на которой был Петр I, его супруга, Меншиков с женою и другие знатные особы. После окончания свадьбы Петр I приказал собраться у здания Сената

[1] *Башуцкий А.* Панорама Санкт-Петербурга. С. 177.
[2] *Петр I* // Российский Императорский Дом. С. 184.
[3] *Российский* Императорский Дом. М. : Олма Медиа Групп, 2012. С. 184.

всем маскам[1], которые не явились туда в прошедшее воскресенье, чтобы выполнить неисполненное ими, то есть выпить столько же, сколько выпили другие. Для этого были назначены два особых маршала: обер-полицмейстер [А. М. Девиер. — П. Н.] и денщик Татищев. Им было поручено смотреть, чтобы ни один из гостей кто бы он ни был, не возвратился домой трезвым, о чем эти господа, говорят, и позаботились как нельзя лучше»[2]. Там было до 30 дам, которые также должны были пить довольно много. Некоторые хотели отговориться, ссылаясь на болезнь, но это не помогло: они должны были обязательно явиться. При этом им наперед объявили, что их собирают единственно только для того, чтобы напоить за неявку в прошедшее воскресенье[3].

Олсуфьева-маршальша, будучи беременной в последнем периоде, приняла распоряжение царя так близко к сердцу, что сегодня [1.XI. 1721г. — П. Н.] утром преждевременно разрешилась от бремени» мертвым ребенком[4]. Строгие меры наказания тех, которые в силу ряда причин не посещали планируемые верховной властью увеселительные мероприятия, применялись и в последующие годы правления Петра I. Не меньший интерес и удивление вызывает содержание указа, составленного рукой императора 30 июля 1723 г. «О взыскании со всех С.- Петербургских жителей, не бывших на своих барках во время водяной ассамблеи, штрафа по 50 рублей, с строгим повелением впредь являться по сигналу, под наказанием штрафа и наказания»[5]. Указ обязывал генерал-полицмейстера А. М. Девиера: «Понеже неоднократно в ассамблеях водяных преслушание чинят, что и сегодни зело мало было, а особливо при возвращении нашем, того ради с тех, которые не были в своих баржах, кроме законных причин, взять по пятьдесят рублеф и штрафу[6] завтра, не давая сроку до другого дня.

---

[1] Камер-юнкер Ф. В. Берхгольц под «масками» подразумевает участников маскарада, который состоялся под руководством Петра I накануне свадьбы молодого князя Репнина.

[2] *Дневник* камер-юнкера Берхгольца. Часть первая. 1721 год. М., 1857. С. 209.

[3] 22 октября 1721 г. праздновали день мира со Швецией после окончания Северной войны. В этот день объявили титул Петра I: «Петр Великий», «Отец Отечества» и «Император Всероссийский». Празднование длилось в течение недели до 30 октября. Все участники маскарада находились в масках. См.: *Дневник* камер-юнкера Берхгольца. С. 202.

[4] Там же. С. 210.

[5] *НИА* СПб Института истории РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 103/3. Л. 638.

[6] В подлиннике указано «штрошу».

А будет скажут: денег нет, то взять другими вещми и при том объявить им по домам: ежели в другой раз так сделают, штрафъ вдвое, а будет в третий раз, то сосланы будут предильную работу. 30 день июля 1723 Петр».

В числе нарушителей оказались адмирал Апраксин, Джеймс Брюс, Корнелиус Крюйс, граф Петр Апраксин, граф Строганов, а также архиепископ Новгородский Феодосий. Впрочем, после того как объяснение последнего о неявке его на «морскую ассамблею» были признаны существенными, по специальному распоряжению 1 сентября того же года деньги ему возвратили[1]. Этот случай свидетельствует, что даже высшие сановники государства и священнослужители должны были неукоснительно подчиняться установленным правилам.

По замыслу Петра I, проведения ассамблей и других государственных праздников должно стать настоящей школой воспитания светских манер и даже светского образа жизни особенно молодежи. Именно для нее были изданы правила, как вести себя в общественных местах, прежде всего на ассамблеях. Они назывались «О достоинстве гостевом, на ассамблеях быть имеющем, перед появлением многонародным гостю надлежит быть» и включали в себя 16 пунктов, которые следовало посещавшим увеселительные мероприятия усвоить и строго соблюдать, чтобы не уронить свое достоинство:

1. Мыт старательно, без пропускания оных мест.

2. Бритту тщательно, дабы нежностям дамским щетиною мерзкой урон не нанести.

3. Голодну наполовину и пьяну самую малость, а то и вовсе.

4. Обряженным вельми, но без лишнего перебору, окромя дам прелестных. Последним дозволяется умеренно косметикою образ свой обольстительно украсить, особливо грацией, веселием и добротой от грубых кавалеров отличительными быть.

5. В освещенном зале, возникнув вдруг, духом не падай. Телом не дубей. Напротив, округлив руки и не мешкая в кипение гостевое со рвением включайся.

6. В гости придя, с расположением дома ознакомься заранее на легкую голову, особливо отметив расположение клозетов. А сведения эти в ту часть разума отложи, коя винищу менее остальных подвластна.

[1] *Бумаги* Императора Петра, изданные академиком Бычковым. СПб., 1837. С. 520–521.

7. Яства употребляй умеренно, дабы брюхом отяжелевшим препятствия танцам не учинять.

8. Зелье же пить вволю, понеже ноги держат. Буде откажут, пить сидя, лежащему не подносить, дабы не захлебнулся, хотя бы и просил. Захлебнувшемуся же слава, ибо сия смерть на Руси издревле почетна есть.

9. Ежели меры не знаешь, на друга положись. Оный страж поболее государственных бдений имеет.

10. Упитых складывать бережно, дабы не повредить и не мешали бы танцам. Складывать отдельно, пол соблюдая, иначе при пробуждении конфуза не оберешься.

11. Беду почуяв, не паникуй, но скорым шагом следуй в место упомянутое. По дороге не мешкая и все силы употребляя на содержание в крепости злодейски предавшего тебя брюха.

12. Будучи без жены, то не дай бог: холостым, на прелести дамские взирай не с открытой жадностью, но изподтишка, оне и это примечают. Не сомневайся, таким манером и их уважишь и нахалом не прослывешь.

13. Руками же действуй сильно, остерегаясь и только явный знак получив, что оное дозволяется, иначе конфуз свой на лице будешь носить долго, ибо пощады не знают.

14. Без пения нет веселья на Руси, но оное начинают по знаку хозяйскому. В раж не входи. Соседа слушай, ревя в одиночку уподобляешься ослице валламской. Музыкальностью и сладкоголосием, напротив, похвалы гостей.

15. Помни, сердце дамское вельми на музыку податливо, используй сие и обласкан будешь непременно.

16. Увидев на ассамблее особу знатную, а хотя бы и Царя, духом не падай, рот не разевай, но и не высовывайся: услужить вряд ли сможешь, а досадить спьяну втройне против обычного способней.

За сим с Богом вперед!!! Сию заповедь применять постоянно, а не вспоминать какой пункт, стоя чурбаном посреди веселья[1].

А против той части молодежи, которая преднамеренно игнорировала соблюдение правил поведения в общественных местах, ей была объявлена настоящая война. Народная молва приписывала царю указ, объявлявший эту «войну» недорослям отцов именитых, которые

[1] *Кабинет* Петра I от А до Я. Калининград, 2018. С. 40.

«этикет и регламент штиля в гишпанских камзолах и панталонах с мишурой щеголяют предерзко.

В связи с этим Петр I поручил генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру указанных щеголей «с рвением великим вылавливать», доставлять в Литейную часть и «бить кнутом, пока от испанских панталонов зело похабный вид не окажется. На звание и имени не взирать, так же на вопли наказуемых»[1].

В заключение следует заметить, что, несмотря на предполагаемую «неформальность», петровские ассамблеи были до определенной степени регламентированы, что проявилось и в том, как они были введены и как они проводились под неусыпным полицейским надзором. Генерал-полицмейстер А. М. Девиер накануне посещал дома, где должна устраиваться очередная ассамблея, чтобы убедиться, все ли в порядке и готовности к ее проведению. В ходе вечера-отдыха А. М. Девиер осуществлял контроль за соблюдением присутствующими установленных правил поведения. Перед завершением ассамблей он объявлял гостям, у кого им собираться в следующий раз. Выбор места очередного вечера отдыха определялся либо царским повелением, либо добровольным согласием кого-либо из присутствующих гостей. Положительно оценивая организацию досуга русской знати по западноевропейскому образцу, камер-юнкер Берхгольц не упустил отметить «изъяны» в организации этих вечеров-отдыха. «Что мне не нравится в этих ассамблеях, — замечает Берхгольц, — так это, во-первых, то, что в комнате, где дамы и где танцуют, курят табак и играют в шашки, отчего бывают вонь и скукотня, вовсе неуместные при дамах и при музыке, и, во-вторых, то, что дамы всегда сидят отдельно от мужчин, что с ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и слова. Когда не танцуют, все сидят, как немые, и только смотрят друг на друга»[2]. Однако тот же автор, спустя некоторое время, уже по-другому заключал, что «русские дамы мало уступают немкам и француженкам в тонкости обращения и светскости»[3].

В Петровскую эпоху светское общество веселилось не только на ассамблеях, но и на других увеселительных мероприятиях, проводи-

[1] *Россия* в эпоху Петра Великого. С. 130–131.

[2] *Предтеченский А. В.* Петербург петровского времени : сб. ст. под ред. Предтеченского. Л., 1948. С. 146.

[3] *Россия* в эпоху Петра Великого. Путеводитель путешественника во времени. М. : Издательство «Э», 2016. С. 236.

мых царским двором. Придворные праздники делились на летние и зимние. Первые давались в царском и царицыном саду; последние — сперва в царской австерии или гостинице, которая находилась у самого канала, окружающего Петропавловскую крепость; потом в Сенате, на Петербургской стороне. Иногда гостей созывали барабанным боем или афишами. Порой, после обедни в соборе св. Троицы, желтый флаг с изображением двуглавого орла, державшего в когтях четыре моря (Белое, Балтийское, Черное и Каспийское), выставленный на одном из бастионов Петропавловской крепости, и пушечные выстрелы возвещали жителям столицы, что должно собираться после обеда. Чиновные особы, дворяне, канцелярские служители, корабельные мастера, даже иностранные матросы имели право приходить туда с женами и детьми. В 5 часов пополудни являлись в сад государь и вся императорская фамилия. В то время, на том месте, где ныне находится решетка сада, построены были три галереи. Посетители приезжали к саду в лодках, привязав оные к кольям на берегу Невы, поднимались по узкой тропинке к средней галерее. Тут государыня и великие княжны, соблюдая старинный обычай, как хозяйки сада, подносили знатнейшим из гостей по чарке водки или по кружке вина. Император же, черпая большими деревянными ковшами из ушатов, несущимых за ним двумя гренадерами, угощал таким образом гвардейцев прославленных полков Преображенского и Семеновского, которые строились на Царицыном лугу. Прочим посетителям предоставлялось самим черпать из бочек с пивом, водкой и винами, которые стояли в стороне от главных аллей. После того каждый посетитель мог забавляться по собственному интересу. Одни гуляли по саду, другие оставались в галереях, где был приготовлен полдник: сахарные закуски для дам, холодные блюда для мужчин. Иные посетители садились в разных углах сада за круглые столы, на которых находились трубки с табаком и деревянными спичками или бутылки с винами.

На таких праздниках, устраиваемых царским двором во времена правления Петра I, всегда господствовали непринужденность и простота в обращении. Сам государь никогда не соблюдал установленного этикета, общался со всеми как с равными. Так, сидя с трубкою за столом с матросами, говорил он о трудностях морской службы или, прохаживаясь с некоторыми под руку по длинным аллеям сада, рассказывал о своих походах. В другое время рассуждал о богословских

приметах с представителями духовенства или вел переговоры с иностранными министрами.

С наступлением вечера сад освещался. Начинались танцы в аллеях или в дождливую погоду в галереях сада. Праздник заканчивался огненною потехою, т. е. фейерверком, который зажигался на судах, расположенных на Неве.

Важно заметить, что во все времена праздничного увеселения ворота сада были заперты и находились под контролем полиции. За общим порядком наблюдал генерал-полицмейстер Антон Девиер, и никто не смел уйти с праздника раньше государя без особого на то позволения.

В эпоху Петра Великого утвердились четыре главных победных праздника: 27 июня как дата о Полтавской битве, 9 августа как воспоминание о взятии Нарвы, 28 сентября в память сражения под Лесной и, наконец, 18 октября, в который торжествовали победу под Калишем. Здесь, по-нашему мнению, следует сказать о двух более значимых торжествах для Российского государства: 27 июня 1721 г. в честь одиннадцатилетней победы под Полтавой и 22 октября 1721 г. по случаю подписания Ништадтского мирного договора со Швецией.

Отмечая очередную годовщину Полтавской баталии в открытой палатке перед собором св. Троицы, у ее входа стоял государь, в руке держа простреленную шляпу. И одет он был в то же платье, которое носил во время сражения — зеленый мундир с небольшими красными обшлагами и старою лядункою через плечо, в зеленых чулках и башмаках на высоких каблуках. Позади государя находились подполковники гвардии: фельдмаршал князь А. Д. Меншиков, генерал-лейтенант И. И. Бутурлин. Императрица с царицею Прасковью Федоровной и придворными дамами расположились на балконе ближайшего дома. В течение дня производилась пушечная пальба с позлащеного царского фрегата, стоявшего на Неве против Летнего сада. К вечеру, после гулянья и танцев, в саду был дан фейерверк, в котором аллегорические картины изображали успех русского оружия против шведов.

Праздники 5 сентября и 22 октября 1721 г., проводившиеся в Санкт-Петербурге по случаю подписания Ништадтского мира, отличались необыкновенной торжественностью и всеобщим ликованием горожан. При получении о нем известия гвардейцы в рыцарском одеянии с белыми перевязями через плечо и белыми знаменами, на которых изображена была увенчанная лаврами масличная ветвь,

и музыканты с литаврами и трубами извещали на всех улицах с утра до вечера о предстоящем торжестве.

В день праздника собрались в соборе св. Троицы царь со всею фамилиею и знатнейшие чины. Кругом церкви выстроены были находившиеся в столице полки, а за ними толпились во множестве жители города. Когда закончилась обедня, царь в преображенском мундире с Андреевской лентой через плечо взошел на высокий помост, снял шляпу и, поклонившись народу, произнес громким голосом: «Здравствуйте, православные! Благодарите Бога!» Он кончил трудную войну, продолжавшуюся 21 год и даровал нам со Швецией счастливый вечный мир». Затем велел подать себе ковш вина из больших кадей, стоявших перед помостом, и повторил: «Здравствуйте, любезные! Да поможет нам Бог под сению мира трудиться для пользы и прибытка вашего и облегчит тягости, понесенные нами в войне, здравствуйте!». После чего выпил большой ковш с вином за здоровье народа, и весь этот день государь провел на Троицкой площади, участвуя в народных увеселениях.

Главные торжества по случаю мира со Швецией состоялись 22 октября 1721 г. В этот день после божественной литургии в Троицком соборе оглашен был текст мирного договора со Швецией. Феофан Прокопович произнес слово, в котором перечислил все славные дела Петровы, его военные подвиги и гражданские добродетели. Канцлер граф Г.И. Головкин как старший от имени всех подданных благодарил Петра за дарованное им России просвещение, за распространение ее владений, за силу и богатство, которым он положил начало, и заключил просьбою всех, чтобы он принял название «Петра Великого», «Отца Отечества» и «Императора Всероссийского», дабы потомки не упрекали нас в равнодушии к великим подвигам Петра»[1].

Едва он кончил, как громкие восклицания народа раздались в воздухе внутри и вне церкви: «Ура! Виват! Да здравствует император Петр!». Звуки труб и литавр, барабанный бой, пальба с Адмиралтейства, крепости и 125 галер, стоявших на Неве, выстрелы 23 полков, расположенных на Троицкой площади, включились во всеобщее ликование присутствующих.

По окончании торжества двор и все знатнейшие особы отправились в дом Сената, где был накрыт пышный стол на 1000 кувертов. По случаю мира были розданы золотые медали. Праздник закончился

[1] *Князьков С.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1909. С. 106.

великолепным фейерверком из 20 тысяч разноцветных огней, освещавших двух воинов, которые, затворив врата храма Януса, подали друг другу руки в знак примирения.

После правления Петра I вместо ассамблей в эпоху женского правления утверждается новая форма светского досуга. Уже при Екатерине I Именным указом от 11 января 1727 г. было велено еженедельно по четвергам в пятом часу пополудни собираться в доме ее Императорского величества на «курдаг, или съезд». Куртаги, судя по Указу Екатерины I, отличались от петровских ассамблей тем, что для них был установлен специальный день — четверг, в то время как ассамблеи не имели строгой периодичности; куртаги проводились при дворе императрицы, а ассамблеи поочередно в домах вельмож; ассамблеи по составу их участников, были более демократичными — от высших чинов до даже «начальных мастеровых». Уже при Екатерине I на придворные собрания приглашались лица не ниже 7 класса Табеля о рангах, то есть только до звания полковника; на куртаги же приглашались не только русские министры, но и иностранные дипломаты. Перечисленные требования к статусу участников куртагов сохранились до конца правления Екатерины II.

Что же касается дней в неделю для проведения светских вечеров, то каждый монарх устанавливал их по своему усмотрению: Екатерина I, как уже отмечалось, проводила куртаги по четвергам; Анна Иоанновна, Петр II и Елизавета Петровна — в воскресенье и четверг; Екатерина II — в воскресенье и среду.

Что общего было на ассамблеях и куртагах? Каждый участник по собственному усмотрению проводил свой отдых на таких вечерах: в беседе, играх или в танцах, обязательное присутствие дам и право находиться «кто сколько похочет»[1].

Таким образом, многогранная деятельность Петра I на благо России и те коренные преобразования, которые произошли за четверть века его правления во всех сферах жизни российского общества, коснулись и организации светского досуга под присмотром полиции. Генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру полагалось надзирать за соблюдением новых форм общественной жизни — «ассамблеями», посредством которых Петр I надеялся внедрить в российское общество разумные формы времяпрепровождения.

---

[1] *Павленко Н. И.* Меншиков: полудержавный властелин. М. : Проспект, 2017. С. 326–327.

ГЛАВА 3
СМЕРТЬ ПЕТРА I И ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ГРАФА АНТОНА ДЕВИЕРА

3.1. Прежние милости и доверие к Антону Девиеру в период правления Екатерины I

После кончины Петра Великого у генерал-полицмейстера А. М. Девиера на первых порах государственная служба протекала относительно успешно.

В результате напряженной деятельности на протяжении четверти века в качестве ближайшего помощника столь беспокойного и своевольного правителя, каким был Петр Великий, наступило затишье. О нем своеобразно, но справедливо заметил писатель Эдвард Радзинский: «Россию можно было сравнить с полем под паром, которое отдыхало после бесконечных насилий и опытов земледельца»[1]. Поэтому неудивительно, что с тех пор, как закрылись очи великого преобразователя России и его грозная дубина лишь как музейная реликвия стояла в углу, наш герой, как и другие царедворцы, стал больше отдыхать, отойдя от исполнения своих профессиональных обязанностей. Он сделался придворным человеком, проводя целые дни в дворцовых покоях, и этому весьма потворствовала сама хозяйка царского дворца. «Императрица Екатерина I, удалив из спальни портрет Петра и окружив себя любимцами, — замечает Эдвард Радзинский, — стала вести себя как развеселая вдова». Под влиянием «веселой вдовы» оказался и генерал-полицмейстер Антон Девиер. Польский посланник Лефорт в донесении королю Августу II 14 июля 1725 г., не сдерживая своих эмоций, взволнованно сообщает о тех переменах, которые наблюдаются после смерти Петра I при русском дворе: «Невозможно описать поведение этого двора: со дня на день… все ничего не делают… Жалуются, ропщут, все в бездействии… генерал-полицмейстер (Девиер) использует только должность адъютанта или камергера и пренебрегает государственными делами. Дворец делается недоступным, полным интриг, заговоров и разврата. Если это продолжится, как можно надеяться на счастливый исход»[2].

---

[1] *Радзинский Э. С.* Бабье царство. М., 2019. С. 189.

[2] *Дипломатические* документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Первое десятилетие со времени заключения Ништадтского мира 1721–1731 гг. // Сборник РИО. 1868. Т. 3. С. 415.

К сожалению, Лефорт в своих предвидениях оказался прав: веселье и попойки при дворе Екатерины I участились. Посланник Лефорт 26 марта 1726 г. информировал своего короля Августа II: «Был великолепный пир (во двоце Меншикова. — П. Н.). Под конец оставшиеся гости принуждены были выпить кубок вина, стоя на коленях перед Ее Величеством. В их числе… находился шведский посол»[1].

Через два месяца, 11 июня 1726 г., Лефорт доносит королю о том, что светлейший князь А. Д. Меншиков фактически полностью захватил в свои руки верховную власть и бразды правления и завладел «тем более умом Царицы». При дворе не пьют более ни за чье здоровье, как Царицы и князя Меншикова.

Как мы видим из этого донесения, к середине 1726 г. А. Д. Меншиков оказался фактически правителем России. Будучи человеком жестоким и самовластным, светлейший князь пока не мог окончательно расправиться со своим нелюбимым зятем Антоном Девиером, который продолжал еще пользоваться доверием двора в условиях нового царствования. Екатерина I, помня преданную службу Антона Девиера ее супругу Петру Великому, стремилась оградить генерал-полицмейстера от предвзятого отношения к нему его шурина А. Д. Меншикова. Как бы в противовес намерениям Светлейшего, Императрица Екатерина в день свадьбы своей дочери Анны Петровны 21 мая 1725 г. наградила Антона Девиера в числе первых 19 человек орденом Святого Александра Невского, задуманного Петром Великим.

Первыми кавалерами ордена Святого Александра Невского «за труды и Отечество» были Г. И. Бонн, П. П. Ласси, Н. М. Головин, Г. П. Чернышев, М. Я. Волков, А. И. Ушаков, И. И. Дмитриев-Мамонов, князь Г. Д. Юсупов, С. А. Салтыков, А. М. Девиер, И. Лихарев, С. К. Нарышкин, А. И. Сиверс, М. Х. Змаевич, Н. А. Сенявин, Штамке, Платер, Амфельд и граф Бонде. Последние четыре кавалера были придворные чины герцога Карла Фридриха Голштинского, который в день награждения указанных кавалеров женился на старшей дочери Петра I и Императрицы Екатерины Алексеевны. Как видно, в списке первых кавалеров этой высокой награды фамилии Светлейшего князя не значится[2].

---

[1] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 437.

[2] *Арсеньев К.* Царствование Екатерины I. СПб., 1856. С. 5.

Как при Петре I, так и после его кончины Антон Мануилович, будучи генерал-полицмейстером Северной столицы, продолжал оставаться домашним человеком царской семьи и пользоваться неизменным уважением у Императрицы Екатерины Алексеевны и ее детей. Как доверенному лицу царской семьи Антону Мануиловичу приходилось исполнять разнообразные задания, порой особо важные и весьма необычные. Прежде чем подробно рассказать о таком последнем задании государственной важности, полученном от Екатерины I, которое оказалось весьма трагичным для нашего героя, вспомним об отношениях шурина А. Д. Меншикова к своему нелюбимому зятю А. М. Девиеру.

Как известно, неприязненные отношения Светлейшего князя со своим зятем имели давнюю историю, еще с 1712 г., когда Антон Девиер осмелился у него просить дозволения жениться на его сестре Анне Даниловне Меншиковой. Однако брат в порыве гнева грубо отказал просителю руки его сестры и даже избил его. Окровавленный жених прямо явился к самому царю в признании вины своей. Государь встал на сторону своего адъютанта и приказал А. Д. Меншикову в течение трех дней отдать за него свою сестру. В июне 1712 г. состоялась свадьба Антона Девиера и Анны Даниловны Меншиковой. Князь А. Д. Меншиков казался примирившимся с зятем Антоном Девиером. Родившиеся в семье А. М. Девиера три сына были названы весьма рационально: первый — в честь Петра I, второй Александр — именем Светлейшего князя, и третий, Антон, получил имя отца. Единственная дочь Анна, фрейлина императрицы Екатерины Алексеевны, родившаяся у четы Девиеров, названа в честь сестры светлейшего князя Анны Даниловны, то есть получила имя своей матери.

Однако внешняя видимость благополучия в отношениях между шурином и зятем оказалась обманчивой. Оба они в душе остались врагами на всю жизнь. Даже в некоторые годы правления Петра I отношения между этими его ближайшими людьми оставались весьма натянутыми и отчужденными.

В начале 1719 г. А. Д. Меншиков тяжело заболел и находился под присмотром своей семьи. В «Повседневных записках делам князя Меншикова» написано: «26 февраля на дом к Меншикову приезжали по делам генерал-майор Голицын, деловой визит нанес генерал-полицмейстер Девиер, а также по делам военной коллегии генералы Вейде, Брюс и Гинтер». Их приезд в «Повседневных записках…»

отмечен так: «И по разговорам кушали, а его светлость ради болезни лежал подле кушанья; по разговорах разъехались»[1].

Обратите внимание на запись в «Повседневных записках…» в отношении А. М. Девиера — «деловой визит нанес генерал-полицмейстер…», а, как известно, он являлся зятем А. Д. Меншикова. У приближенных Светлейшего, даже у его секретарей, которые вели записки, бытовало мнение, что между шурином и зятем поддерживаются взаимоотношения лишь служебного характера.

Правда, были годы, когда между домами шурина Светлейшего князя и его зятя устанавливались мирные, но не близкородственные отношения. Например, в воскресенье 14 июля 1717 г. князь [Меншиков] утром из своего дворца, «сев в шлюбку, отъехал во дворец. И по прибытии изволил быть в комнатах у государя царевича и царевен государынь с час, изволил кушать. После кушанья мало бавясь отъехал к генерал-адъютанту Девиеру, у которого родился сын (племянник Меншикова Александр) и бавясь з два часа, отъехал в Адмиралтейство, где, осмотря всех работ, изволил быть у господ капитана Скляева и Гаврила Меншикова, у которых, забавляясь до 7 часу, прибыл во дворец»[2]. Чаще всего инициатором такого «мирного сосуществования» выступал Светлейший князь, когда он попадал в очередную историю, связанную с финансовыми махинациями. На его просьбы Антон Девиер нередко сообщал известия, что делалось при дворе во время отсутствия Светлейшего. И особенно весьма важная информация, получаемая от зятя, помогала А. Д. Меншикову избегать больших неприятностей, связанных со всевозможными махинациями при заключении различных торговых сделок, и оставаться на плаву. Князь, однако, никогда не ощущал избытка в богатстве. Об этом свидетельствует почепское дело, возникшее по вине А. Д. Меншикова в 1717 г. и тянувшееся более пяти лет. Город Почеп, что в Малороссии, вместе с округой принадлежал когда-то гетману-изменнику И. С. Мазепе. В 1709 г. Почеп был пожалован А. Д. Меншикову за заслуги в Полтавской баталии. Князь из года в год расширял свое Почепское владение, захватывая близлежащие земли казаков, при этом

[1] *Павленко Н. И.* Меншиков: полудержавный властелин. М. : Проспект, 2017. С. 254.

[2] *Повседневные* записки делам князя Меншикова. Российский Архив Истории Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв. Т. X. М., 2000. С. 143.

закрепощая их и взимая с них повинности. С 1717 г. казаки в массовом порядке начали жаловаться на незаконные захваты их угодий со стороны князя. Однако определенное время светлейшему удавалось не предавать гласности очевидный факт произвола угодникам ближайшего сподвижника царя. Наконец, жалобам был дан ход, но результаты расследования были в пользу А. Д. Меншикова. Поток челобитных продолжал поступать в Сенат и правительство. В почепское дело, наконец, вмешался украинский гетман Скоропадский и отправил царю Петру челобитную, которую рассматривали в 1723 г. в Сенате и коллегиях. Почепское дело грозило стать для Светлейшего роковым. Меншиков по почепскому делу стал обращаться к Императрице Екатерине Алексеевне, ее фавориту Виллиму Монсу и к другим лицам. С подобной просьбой он обращался и к своему зятю Антону Девиеру. Тот ответил: «Ваша светлость изволили упомянуть о почепском деле, и о сем Ее Величеству я доносил и стараться в том будем»[1].

По признанию самого Светлейшего почепское дело закончилось не в пользу князя. Он плачевно признался царю: «Ни в чем по тому делу оправдаться не могу, но во всем у вашего величества всенижайше слезно прошу милостивейшего прощения»[2].

После почепского дела, хотя царь не прерывает отношений со Светлейшим князем, но тех доверительных связей, которые были между ними до Полтавы, больше не наблюдается. До самой кончины царя Меншиков оставался с репутацией казнокрада, хотя государь уже на смертном одре простил его.

Неизвестно, какова бы была судьба А. Д. Меншикова, если бы Петр I прожил еще несколько лет. Скорее всего, он повторил бы участь князя М. П. Гагарина и других казнокрадов. Но 28 января 1725 г. грозного повелителя не стало. К власти приходит супруга Петра Великого, бывшая метресса А. Д. Меншикова.

У светлейшего начинается новая полоса взлета в государственной службе. У трона новый правительницы образовались две группировки. Одну возглавили представители старой знати во главе с Долгорукими и Голицыными, с надеждою ждавшие своего часа. В другую

---

[1] *Павленко Н. И.* Меншиков: полудержавный властелин. М. : Проспект, 2017. С. 298 ; Русский архив. М., 1865. С. 305.

[2] Цит. по: *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 298.

группировку входили беспородные люди из «гнезда Петрова», которые возвысились благодаря своим талантам и служебному рвению.

В первые два года правления Екатерины I лидерами группы соратников Петра выступали А. Д. Меншиков и П. А. Толстой. Что же касается нашего героя, то он на первых порах, как уже отмечалось, оставался доверенным лицом царского двора и пользовался всемерной поддержкой императрицы Екатерины I.

3.2. Искусство быть самим собой: Антон Девиер — доверенное лицо семьи царя

На наш взгляд, именно таким качеством обладал наш герой. Он никогда не сворачивал со своего жизненного пути, даже тогда, когда после смерти Петра I у него появилось немало недоброжелателей, прежде всего, со стороны ближайшего родственника, шурина А. Д. Меншикова, у которого оживилась ненависть и месть за его унижения со стороны государя. Несмотря на все это, Антон Девиер оставался прямым и открытым в своих действиях и нередко в крайних суждениях о тех, кто совершает порочащие человека проступки, безответственно относится к исполнению своих профессиональных обязанностей.

В годы царствования Петра Алексеевича и правления его супруги Екатерины I отношения между царской четой и Антоном Девиером были искренние и строились на полном доверии. Гарантом этому служила безусловно безграничная верность царскому дому и его бескорыстие, что так ценил в нем Петр I. Насколько высоко пользовался доверием Петра I наш герой, свидетельствует такой эпизод из жизни русского царя. Известно, что до официального признания Екатерины Алексеевны его супругой, о их совместной жизни широко не афишировалось среди высшего общества. Будущая императрица именовалась первые годы жизни с царем под различными именами и только в 1711 г. обрела православное имя Екатерина Алексеевна. Почему Алексеевна? Потому что в роли крещенного отца выступил сын царя Алексей Петрович. А пока в 1706 г. Петр I, направляясь в Москву, поручает уже капитану гвардии Преображенского полка Антону Девиеру «секретнейшее поручение». В тайне от всех доставить будущую императрицу, (а пока она именовалась поразному, то Катериной Трубачевой, или Василевской, то ли Скаврон-

ской)[1] Екатерину Алексеевну к царю в столицу. Как всегда, Антон Девиер с поручением справился успешно. Приехав в Москву, Екатерина Алексеевна находилась там около 3 лет. Вела замкнутый образ жизни, общаясь лишь с царем и министрами в его присутствии.

Во время добровольного московского заточения у Екатерины с Петром I родились две дочери: 27 января 1707 г. принцесса Анна Петровна и 18 декабря 1709 г. принцесса Елизавета, будущая русская императрица[2].

Антон Девиер был из людей, выдвинутых царем Петром Алексеевичем по «годности, а не по породе», и тем более иностранцем, да еще «жидовской породы».

Как известно, для Петра I при подборе кадров главным служило, чтобы поступающий на службу к русскому царю, прежде всего, был предан ему и обладал высокими деловыми и общечеловеческими качествами. В числе любимцев в ближайшем окружении оказался и Антон Девиер. Как известно, у царя Петра Алексеевича лишь немногие пользовались особым уважением: это Ф. Лефорт, А. Д. Меншиков и генерал-адъютант Антон Девиер. Признаком такого отношения его величества к своим любимым подданным служило царское обращение «мой брат»[3].

К этому следует добавить, что быть помощником столь беспокойного и нередко несдержанного и своевольного человека, как Петр I, не так-то просто. Временами казалось, например, что карьере Меншикова и даже Девиера наступил конец. Но проходили годы, а эти помощники царя оставались у своих дел. Это многих удивляло, особенно в отношении князя Меншикова, замешанного в казнокрадстве. Несмотря на тяжкие «погрешности» своего друга и ближайшего сподвижника А. Д. Меншикова, русский царь после смерти Ф. Лефорта в 1699 г. С грустью писал: «Осталась у меня одна рука вороватая, но верная».

Что же касается Антона Девиера, то он после смерти Франца Лефорта оказался единственным, кто преданно и неподкупно служил

---

[1] *Русская* старина. 1874. Т. 11. № 9–12. С. 367, 368 ; *Павленко Н. И.* Екатерина I. М. : Оригинал-макет, 2017. С. 12–13.

[2] *Виноградов А. Г.* Антон де Виер и создание полиции России. Первый полицмейстер. [Б. м.] : Издательские решения. По лицензии Ridero. 2023. 493 с.

[3] Мы не берем здесь во внимание обращение русского царя (императора) в письмах к своим союзникам, в частности к польскому королю Августу II, которого называл «мой брат», «союзник» и т. д.

не только своему покровителю Петру I, но и его супруге Екатерине Алексеевне и их дочери Елизавете Петровне.

На наш взгляд, высоконравственное отношение и личная преданность царской семье у генерал-адъютанта и генерал-полицмейстера Антона Девиера остались навсегда. Он по праву стал близким человеком семьи Петра I.

Антону Девиеру, наряду со служебными обязанностями, по велению царской четы часто приходилось выполнять поручения сугубо семейного характера.

В числе многочисленных царских семейных поручений по злой иронии судьбы Антону Девиеру пришлось участвовать в женитьбе, а затем и в суде над царевичем Алексеем Петровичем, вынесшем ему смертный приговор. Развязка этой трагедии с царевичем наступила летом 1718 г. А пока Царь Петр I накануне Прутского похода решил поскорее женить своего непутевого сына царевича Алексея на принцессе Шарлотте Вольфенбюттельской. Скоротечный брак был организован по приказанию Петра I. Царевич увиделся с невестой весною 1710 г., а 11 апреля 1711 г. был подписан контракт о бракосочетания. Проект брачного договора, подписанный Петром I, был доставлен подполковником Антоном Девиером в Германию к родителям невесты для получения согласия ее отца герцога Антона-Ульрих Брауншвегского на этот брак. Прибыв в Вольфенбютель, где проживали родители невесты и где в это время находился царевич, Антон Девиер передал ему высочайшее повеление о скорейшем подписании им и родителями невесты брачного контракта. О ходе подписания брачного контракта царевич Алексей сначала поведал своему духовнику Якову Игнатьеву[1].

Он сообщал, что на днях был от батюшки присланный Антон [Девиер], который привез статьи о браке его, который уже подписан его рукой, и он здесь подписал же, и сродники невесты его подписали же, а больше будет писать впредь[2].

Успешно выполнив поручение государя, Антон Девиер выехал из Вольфенбюттеля с подписанным всеми заинтересованными сто-

---

[1] Игнатьев Яков Игнатьевич, бывший протоиерей, духовник царевича около 12 лет, имел на него огромное влияние, поддерживал недовольство против отца и говорил на признание Алексея Петровича, что он желает смерти отцу: «Бог тебя простит, мы ему смерти желаем!». Казнен 8 декабря 1718 г. в Петербурге на Троицкой площади вместе с другими сторонниками царевича Алексея.

[2] *Виноградов А. Г.* Указ. соч.

ронами брачным договором, который представил лично Петру I, находившемуся с Екатериной Алексеевной в начале июня 1711 г. В Ярославле. Царь пишет письмо царевичу Алексею о приезде Антона Девиера от него с брачным договором, поздравляет в связи с этим его и предписывает держать с ним связь.

14 октября 711 г. в Торгау (Торгов) царевич Алексей обвенчался с принцессой Софией-Шарлоттой-Христиной Брауншвейг-Вальфенбюттельской. При рождении первого ребенка Петра II его мать умерла 12 декабря 1715 г. в возрасте 21 года[1].

К трагической судьбе семейства царевича Алексея еще дважды был причастен Антон Девиер. В июне 1718 г. в числе 127 человек он сорок пятым по счету поставил свою подпись под смертным приговором царевичу Алексею Петровичу, вынесенному высшим судом сановников за государственную измену. Но Алексей Петрович, измученный физическими страданиями и нравственными потрясениями, скончался раньше дня, назначенного для казни, 27 июня 1718 г.[2]

Антон Девиер, к сожалению и несчастью для себя, имеет непосредственно отношение к судьбе сына царевича Петра Алексеевича, в три года оставшегося круглым сиротой. Нередко в период отсутствия царской четы (Петр I и Екатерина I), генерал-адъютант присматривал за Петром и Натальей, детьми царевича Алексея Петровича.

В дни кончины Екатерины I генерал-полицмейстер Антон Девиер примкнул к тем, кто не желал вступления на престол Петра II, внука императора Петра Великого. Как известно, за это наш герой жестоко поплатился, оказавшись в Сибирской ссылке.

Возвращаясь ко времени царствования Петра I, можно с полной достоверностью заявить о том, что такого заботливого и теплого внимания, которое испытывал Антон Девиер в царской семье, немногие из ближних этому дому могут похвастаться. Из современников петровской эпохи лишь князь Александр Меншиков был близок к царской чете и их детям и особенно к царевичу Петру Алексеевичу.

Как известно, царь Петр I и его супруга с большим вниманием относились к своему ближайшему окружению, особенно к своим денщикам. Он практически у всех крестил новорожденных вместе

---

[1] *Российский* императорский дом. М. : ОЛМА Медиа Групп. 2012. С. 212.
[2] *Российский* императорский дом. М. : ОЛМА Медиа Групп. 2012. С. 169.

с царицей (императрицей) Екатериной Алексеевной или дочерью Анной Петровной. В числе крещеных Петром I были дети и Антона Девиера — первенец Петр Антонович и дочь Анна Антоновна.

Антон Девиер в письме от 18 марта 1723 г. к Светлейшему князю Меншикову не без гордости сообщал, что император «по высокой своей милости изволили быть у новорожденного моего сына воспреемником з государынею царевною Анной Петровной, другой был кум Иван Михайлович Головин з государынею Елизаветою Петровною и изволили посидеть с шестого часу до десятого по полудни, и потом изволили быть у Чевкина на ассамблее»[1].

Петр I стремился, как уже отмечалось, присутствовать на ассамблеях и других увеселительных мероприятиях, в том числе на свадьбах. Вместе с ним, как правило, на всех празднествах находился генерал-полицмейстер Антон Девиер. В августе 1724 г. намечалась свадьба кабинет-секретаря императора Алексея Васильевича Макарова, который 23 августа вступал во второй брак с вдовой княгиней Анастасией Ивановной Одоевской. Император Петр Алексеевич изъявил желание быть маршалом на свадьбе своего любимца, но внезапный очередной приступ болезни приковал его на несколько дней к постели.

Польский посланник Лефорт 9 сентября 1724 г. доносил своему правительству о том, что Его Величество большую часть прошлой недели не выходил из комнаты, только в воскресенье он вышел, но не был на свадьбе Макарова, секретаря кабинета, проходившей в этот день, так же, как и Ее Величество царица и принцессы[2].

Вместо заболевшего императора обязанности маршала на свадьбе Алексея Макарова исключительно организованно и весьма тактично исполнял его генерал-адъютант Антон Девиер. За свадебным столом посаженным отцом жениха был генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, посаженным братом — генерал-прокурор П. И. Ягужинский; со стороны невесты посаженным отцом выступал генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, посаженным братом — вице-адмирал П. И. Сиверс, посаженной матерью герцогиня Макленбургская Екатерина Иоанновна, посаженной сестрой — М. А. Брюс, жена генера-

[1] Письма и выписки из писем С.-Петербургского генерал-полицмейстера Девиера к князю А. Д. Меншикову 1719–1727 // Русский архив. 1865. № 1–12.
[2] Сборник РИО. 1868. СПб. Т. 3. С. 383.

ла-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса. Шаферами были 12 капитанов, поручики и прапорщики гвардии.

После всех обычных свадебных церемоний залу освободили от столов, подмели пол и затем начали церемониальные танцы. После их исполнения маршал свадьбы позволил танцевать что угодно. Танцы продолжались до 11 часов вечера. Невесту обычным порядком с церемониею проводили в спальню.

Вместо императора быть распорядителем свадебного пира у кабинет-секретаря Алексея Макарова для Антона Девиера было большой честью и высоким доверием к нему Петра Великого. Несомненно, он стал «своим человеком» среди членов царской фамилии и порой возникает вопрос, а не намеренно ли царская чета только для удовлетворения личных нужд, держала своего любимца двадцать лет в своих царских покоях. Время доказало обратное в ответ на наш риторический вопрос.

Любовь царской четы к нему, как известно, была столь велика, что Петр I вместе с женой Екатериной Алексеевной не только устроили его семейную жизнь по обоюдному желанию любящих друг друга жениха Антона Девиера и невесты Анны Меншиковой, но и крестили их детей, а двоих из них приблизили к трону[1].

Свидетельством близости нашего героя к семье Петра I служит и тот факт, что царская чета, уезжая в длительные путешествия, нередко своих детей, а также малолетнего внука Петра Алексеевича и его сестру Наталию оставляли на попечение не А. Д. Меншикова, а генерал-адъютанта А. М. Девиера.

Нам удалось в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН России обнаружить 13 писем Антона Мануиловича Девиера, адресованных Екатерине I во время ее коронации в Москве летом 1724 г.[2] В письмах Антон Девиер сообщает императрице о здоровье ее детей царевен Анны и Елизаветы, а также детей умершего царевича Алексея Петровича. Антон Девиер ежедневно проводил по несколько часов во дворце и в письмах подробно докладывал о протекании их болезни от оспы.

---

[1] Петр Антонович Девиер — камер-паж царевны Анны Петровны, а дочь Анна Антоновна Девиер — фрейлина Екатерины I.

[2] НИА Санкт-Петербургского института истории РАН России. Ф. 36. Оп. 1. Д. 687. Л. 150–151, 154, 158, 160, 168, 170, 178, 182, 184, 186, 188, 190, 192, 196, 198.

Так, 30 марта 1727 г. Антон Девиер доносил Екатерине I о том, что «ныне явилася у великой княжны воспа», правда, по свидетельству доктора «по опасению ничего не признали». У Великого князя «не явилось иной болезни кроме кашлю». Девиер поздравляет с наступающим Христовым воскресением «Ее и Его Императорское Величество и всю освященную фамилию».

При этом сообщает: «прилагаю Вашему Величеству при сем письмо от их высочеств за собственным их высочества ручкой подписанием»[1].

Однажды княжна Анна Петровна, решив похвалиться своими успехами в учебе, написала об этом в одном из своих писем матери. Екатерина Алексеевна в ответном письме свою радость за успехи любимой дочери выразила следующими словами: «Наставник твой и господин Девиер отписали мне, что ты, душа моя, прилежно учиться изволишь, я тому весьма рада и посылаю тебе презент — бриллиантовое кольцо, дабы к большему старанию поощрить. Выбери себе одно из них, кое тебе больше нравится, а другое отдай своей дорогой сестрице Елизавете и поцелуй ее за меня. При сем посылаю тебе ящик апельсинов и цитронов, кои только что доставлено на кораблях. Отбери несколько дюжин и отошли от своего имени Светлейшему князю [А. Д. Меншикову. — П. Н.] и адмиралу [Ф. М. Апраксину. — П. Н.]»[2].

В ответ на столь всеобщее уважительное отношение семьи Петра I к генерал-адъютанту Антону Девиеру он со своей стороны стремился неизменно быстро и точно исполнять не только все царские поручения по службе, но и также удовлетворять все запросы и пожелания его семьи, особенно любимца царевича Петра Петровича. Антону Девиеру удалось однажды вызвать всеобщее восхищение и радость малолетнего царевича, доставив ему из Копенгагена заводную игрушку, купленную им на свои деньги. В знак признательности за настолько интересный подарок царевичу Петр I незамедлительно 11 октября 1716 г. написал указ, в котором повелевалось незамедлительно оплатить 68 талеров «за кораблик маленькой серебряной с пружинками, которыми оный имеет движение и ходит по столу». Он куплен для государя царевича Петра Петровича и послан с гене-

---

[1] *НИА* Санкт-Петербургского института истории РАН России. Ф. 36. Оп. 1. Д. 687. Л. 190–190 об.

[2] Цит. по кн.: *Масси Р. К.* Петр Великий. Т. 3. Смоленск, 1996. С. 348.

рала-адъютантом Девиером[1]. Столь быстрая аккуратность государя в расплате за купленную игрушку любимому царевичу Петру Петровичу вызывает удивление. Мы располагаем документами, которые свидетельствуют о неуплате императором скульптору графу Б. Растрелли за изготовленные им для его величества портреты его персоны, рисунки, а также проведенные другие работы. Царская задолженность тянулась с 1720 г. по 1726 г. до кончины Екатерины I.

По признанию графа Растрелли превеликая нужда его семьи заставила его обратиться 21 октября 1732 г. с челобитной к Анне Иоанновне о награждении его за выполненные работы, и, если он «годен впредь», то «пожаловать… денежное жалование прежнее»[2].

По мнению назначенной комиссии в составе пяти человек из числа архитекторов и других специалистов, проделанная работа и разные вещи, изготовленные графом Растрелли (портреты, бюсты, маски «справедливо оценена в 3555 рублей». Однако 22 июня 1734 г. появился указ «За все вышеписанную работу выдать ему, Растрелия две тысячи пятьсот рублей из штатс-конторы. Анна»[3].

Действительно, Петр I был экономный государь, забывая заплатить, как видно из этого случая, даже за сделанную работу для него лично. С другой стороны, император был занят решением дел государственной важности. Как правило, все расчеты за изготовление предметов для государя и его семьи осуществлял генерал-адъютант Антон Девиер. Но с мая 1727 г. он оказался в Сибирской ссылке.

А пока вернемся ко времени правления Екатерины I. После смерти Петра I его бывший генерал-адъютант Антон Девиер продолжал оставаться доверенным человеком его осиротевшей семьи.

Он поддержал стремление вдовы Екатерины Алексеевны взойти на трон, за что она Антона Девиера весьма щедро отблагодарила. Дело в том, что Антон Девиер после смерти своего покровителя взбунтовался. На это были у него веские причины. Известно, что Антон Мануилович, исполняя одновременно обязанности генерал-адъютанта Его Величества и генерал-полицмейстера Северной столицы, не зная вины за собой, несколько лет ждал очередного воинского чина. И только за три недели до своей кончины Петр I произвел Ан-

[1] *Сборник* РИО. 1900. Т. 108. С. 239.
[2] Там же.
[3] *Сборник* РИО. 1900. Т. 108. С. 232.

тона Девиера в генерал-майоры. И Екатерина I это понимала и стремилась восполнить упущения своего супруга Петра I в поощрительных мерах по отношению к любимцу их семьи. За полтора года ее царствования Антон Девиер получил 21 мая 1725 г. в день свадьбы княжны Анны Петровны, дочери Петра I, и Карла-Фридриха, герцога Шлезвиг-Голштинского, орден Святого Александра Невского[1]. В феврале 1726 г. он стал сенатором[2], а 24 октября 1726 г. был возведен в графское достоинство[3]. Два месяца спустя, 27 декабря 1726 г., Екатерина I произвела Антона Девиера в генерал-лейтенанты[4].

Однако Девиер мечтал о дальнейшем росте, которому мешал его шурин. Известно, что зять Императрицы Екатерины Алексеевны герцог Голштинский пытался провести в Верховный тайный совет (учрежден в феврале 1726 г.) Антона Девиера, но Светлейшему князю А. Д. Меншикову удалось этому делу помешать. Польский посланник Лефорт сообщал своему правительству, что Меншиков, будучи «заклятым врагом» Девиера, сумел сорвать включение своего зятя в Верховной тайный совет. Это Девиера очень обидело, и он об этом открыто заявил в беседе с графом П. А. Толстым, осуждая действия Светлейшего князя. Чаша терпения друг другом этих ближайших соратников Петра I закончилась благодаря поездке Девиера в Митаву, результаты которой были не в пользу А. Д. Меншикова. Митавское дело явилось венцом затянувшейся вражды этих, несомненно, выдающихся людей своей эпохи.

Трагический закат их государственной службы закончился в период смертельной болезни Екатерины I. Для Антона Девиера он наступил в мае 1727 г., через четыре месяца — для А. Д. Меншикова. А пока они при дворе были во славе.

По характеру веселый и занимательный собеседник, особенно в женском обществе, Антон Девиер сопровождает императрицу на увеселительные мероприятия, именины, свадьбы и другие торжества.

О доверительных отношениях между ними свидетельствует непредвиденный случай для царской особы, чтобы императрица мог-

---

[1] *Записки* Василия Александровича Нащекина. СПб., 1842. С. 23–24 ; *Шубинский С. Н.* Русский биографический словарь. Т. VII. СПб., 1905. С. 370–376.
[2] *Сборник* РИО. 1900. Т. 108. С. 432.
[3] *Шубинский С. Н.* Указ. соч. С. 372.
[4] Там же. С. 372.

ла занимать у своего подданного, то есть Антона Девиера, или же он нередко выступал в роли ее кассира, выплачивая деньги за различные ей услуги. Так, 23 июня 1725 г. Екатерина Алексеевна возвратила долг Антону Мануиловичу Девиеру в размере пяти червонных, которые брала у него взаймы в Екатерингофе 20 июня, чтобы пожаловать латышкам за цветы, четыре червонных, за лимоны один червонец[1].

7 ноября 1725 г. императрица смотрела у Венгера, который приехал из Франции и показывал штуки [фокусы], и в барабан бил, и на голове стоял, которому государыня пожаловала тридцать червонных, а отдавал их «господин генерал-адъютант Антон Мануилович Девиер»[2].

Угасающая жизнь Екатерины I породила молву, что она была отравлена и к этому причастен Антон Девиер[3]. Якобы он угостил императрицу грушей, осыпанной сахаром с ядом. Столь нелепые утверждения о причастности Антона Девиера к отравлению Екатерины I сразу наводят на мысль, кому это было выгодно, чтобы дискредитировать имя честного и преданного царскому трону человека.

Как показало время, Девиер Антон Мануилович — личность незаурядная, которая всегда к себе привлекала современников и исследователей. Поэтому о нем в исследованиях так много, особенно в настоящее время, разноликих фактов, интригующих намеков, полемических спорных реалий, восхищенных и скептически недоверчивых ремарок. Но в то же время, как утверждается в данном исследовании, это тот редкий деятель, критерий жизни которого вызывает глубокое уважение спорящих и не подвергается сомнению — это высокая нравственная порядочность, сочетающаяся с искренним патриотизмом и любовью к своему новому Отечеству — России.

Хронология фактов и логичная последовательность действий, анализируемые исследователями, не всегда раскрывают личность: за кулисами часто остается то потаенное и незамеченное, что дает возможность по-новому взглянуть на героя, понять и объяснить то, что часто оставалось неясным, попытаться услышать «глубинное дыхание». Попробуем почувствовать и ощутить Девиера не только как «фигуру деятеля», но и как одного из многих любящих, сомневающихся, страдающих и ошибающихся — «человека своего времени».

---

[1] *Русский архив*. 1874. С. 557.

[2] Там же. С. 565–566.

[3] *Анисов Л. М.* Иноземцы при государевом дворе. М. : Воениздат. 2003. С. 179.

«…Он должен быть со звездой Давида»[1], — правомерно утверждают исследователи родословной Девиера, но он предстал истинным христианином. Принятие христианства евреями в эпоху Петра I было довольно типичным и в то же время жизненно оправданным поступком, но для семьи будущего генерал-полицмейстера это было единственно возможным и не подвергающимся никакому сомнению решением. Именно эта убежденность родителей навсегда заложила в душе Антона Девиера уверенность в правильности выбора, которая породила бескомпромиссное принятие новой веры и безупречное ей служение. Отсюда его беспредельное вживание во все, подчас и довольно спорные каноны нового Отечества — России. Внешне, как и большинство, — типичное порождение времени, но за этим «общим» скрывается свое, «частное», что отличает его от других и проявляется именно тогда, когда человеку предстоит сделать выбор и стать не таким, как все. Именно это он наблюдал в поступках и действиях своего отца Эмануила Девиера, который принял христианство, то есть стал марраном[2] и вынужден был бежать, спасаясь от португальской инквизиции, в Голландию. Небольшой бизнес — оружейное дело — не принес дохода, семья бедствовала и вскоре отца не стало, но упоминание об этом периоде его жизни осталось в списках Еврейской общины Амстердама[3].

С нуждой сын Антонио столкнулся фактически очень рано, но именно одновременно с этим он научился противостоять обстоятельствам и твердо идти к поставленной цели: уже с юношества он «делал себя сам». Антон категорически отказался продолжать бесперспективный и неинтересный для него бизнес отца и противопоставил ему свою модель «завоевания мира».

Красивый, высокий, прекрасно физически развитый, искренне влюбленный в море, он уже в 15 лет поражал современников блестящим умением править парусами, акробатическим лазанием по канатам и мастерским плаванием. Как мы ранее писали, счастливый

---

[1] *Бердников Л. И.* Евреи России в ливреях и без них. Т. 1–2. Книга очерков. Литературные портреты. Т. 1. М. : Вест-Консалдинг, 2022. 400 с.

[2] Марран — это насильно крещеные евреи Испании и Португалии в период XIV–XVII веков. К ним относились с осуждением, презрением, по-русски их называли «свиньи», а на иврите «анушмы», то есть принужденные.

[3] *Бердников Л. И.* Указ. соч.

случай определил его судьбу. Вернее, случайность просто ускорила осуществление его стремлений.

В 1697 г. в Голландию прибывает русское посольство из Московии. В угоду русскому молодому царю Петру в воскресный день, 22 июня, местные власти Амстердама устроили на море показные баталии, потехи, своеобразный морской карнавал. Как уже отмечалось выше, русский царь здесь присутствовал как инкогнито под именем Петра Михайлова. Он сразу заинтересовался смелым и ловким юнгой, который самозабвенно, казалось, решил своим искусством не только заинтересовать зрителей, но и покорить и восхитить самого знающего и опытного наблюдателя — царя будущей Российской империи. Петр оценил сразу потенциальные способности этого юноши-юнги, в свою очередь, Антонио мгновенно осознал: это то, о чем он подсознательно мечтал, жар-птица, которая промелькнула вдали, шанс, который бывает раз в жизни. Выбор был мгновенен. А у честного человека плата могла быть только одной — верность, преданность.

Отныне эти нравственные истоки четко определили дальнейшее жизненное кредо молодого юнги, который руководствовался им, прошел все скользкие и опасные ступени царедворческого лицедейства, ни в чем и никогда не предав своего покровителя. Это было так необычно в то время, но для Антона Девиера — это норма жизни, его «я».

Именно эгоцентричное «я» определяло все его действия и поступки, объясняя алогичность происходящего. Естественный вопрос, почему судьба человека, страстно любящего море, не оказалась связанной с флотом. Именно Петр, как известно, обозначил его судьбу. В блестящем и талантливейшем моряке он прозорливо увидел умного и честного политика, смышленого и ловкого дипломата, способного быстро мыслить и решительно действовать человека. Он предугадал его будущее, и Девиер это осознал и принял.

Внешне, казалось, он прошел все этапы становления петровской плеяды, подобно Александру Меншикову, Ивану Бутурлину, Павлу Ягужинскому, Никите Трубецкому, Василию Суворову и др.: от денщика до первых лиц государства. Но, в отличие от них, он твердо знал, к чему стремится, и, несомненно, многие решения были определены той атмосферой, которую диктовала позиция царя Петра Алексеевича по отношению к нему.

Знаменательно, что Девиер буквально с первых шагов придворной службы дает понять окружающим, что он не хочет, чтобы в Рос-

сии воспринимали его как чужестранца, и не собирается играть роль обрусевшего иноземца. Его задача совершенно необычна для того времени: укорениться по-настоящему в России и быть не только на словах, но и в действиях, и в мировосприятии истинным патриотом этого государства, ставшего для него новой Родиной.

Все действия Антона без колебаний и последовательны в осуществлении этой заветной мечты. Он сразу обращается, однозначно и не сомневаясь, к православию, в отличие от кальвиниста Франца Лефорта. Адаптируется в окружающую жизнь, приобретая черты истинно русского характера — упрямство и подчас даже настырность. Смиренно и с достоинством преодолевает азы восхождения к царскому окружению: от скорохода светлейшего князя Меншикова до денщика царя и т. д.

И все это для достижения того заветного «трамплина» роста, который завершился не только полнейшим доверием властелина, но и убедил в величайшей преданности и безукоризненной честности своего вассала, что было в то время большой редкостью.

С кем можно было бы сравнить и сопоставить судьбу Девиера? Пожалуй, это был достойный его современник Франц Лефорт, по-своему принявший и способствующий деяниям Петра, но шедший своим путем, подчас своеобразным и компромиссным.

Оба ревностные сподвижники русского царя — иноземцы, но иностранцем воспринимался только Франц Яковлевич Лефорт, женевец по происхождению и кальвинист по вероисповеданию. Сын крупного торговца, отказавшегося от профессии отца, увлеченный армией и флотом, и в итоге — глава военного флота Российского государства, адмирал. К тому же блестящий дипломат, красивый и хорошо образованный человек.

И тот и другой вносят по моде века и нюансы в свою фамилию: Antonio Manuel de Viera (1674, 1684 гг.)[1]. У одного, отголосок Италии с оттенком французского. И точно, безапелляционно фамилию прадеда Жана Антуана Лефорти сыновья переделали на французский лад и стали «Лефорт».

[1] Его португальский биограф Жозе Мильязеш считает годом его рождения 1673 или 1674 год, местом рождения называет портовую приморскую провинцию Минью. Имя, данное при рождении, Антониу Вийер (из семьи марранов).

Характерно, что именно иноземцы помогают русскому царю обустраивать и строить новое государство, а Девиер первым создает типологию российского законодателя. И это отмечают ни кто иные, как иностранцы.

Так, присутствующий при Дворе гольштинский камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц заявляет, что своей строгостью Девиер вызывал у петербургских обывателей такой страх, что те дрожали при одном упоминании его имени[1].

Эти слова звучат как принятие бескорыстно честного представителя власти. А вместе с тем, рядом с полицмейстером его тайный и постоянный неприятель Меншиков, который не может забыть и простить победы, одержанной над ним его нелюбимым зятем. Внутреннее неприятие друг друга этих двух незаурядных личностей было буквально предопределено с самого начала. Меншиков, при всей своей незаурядности, всегда для русской знати оставался «сыном конюха», и он это весьма болезненно воспринимал. Девиер также почувствовал подчеркнутую холодность новой аристократии, но встретил ее спокойно, внешне с полным безразличием, но внутренне собранным и готовым к самоутверждению.

Этим и объясняется не только развитие и формирование их противостояния, но и динамика статуса в отношении с окружающими. Меншиков вошел в историю как умный, хитрый, ловкий и беспринципный вельможа Петровской эпохи; Девиер — как безупречно честный и верный сподвижник, готовый не к закулисной, а открытой борьбе за интересы своего нового государства, рождающейся в муках и страдании молодой России.

На наш взгляд, совершенно неоправданно считать, что основной конфликт между этими необычными личностями — это история женитьбы будущего генерал-полицмейстера Петербурга на сестре князя «светлейшего».

Современники пытались представить это хитрой попыткой «пробиться наверх», шагом к «новой аристократии» и Анну Даниловну Меншикову рисовали, как «перезрелую» старую деву (ей было всего 22 года), некрасивую и недалекую. Но именно в этой истории

[1] *Дневник* камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М. : Кучково поле; Ретроспектива. 2018. С. 112.

и раскрываются принципы порядочности и незаурядности выбора Девиера как человека и как мужчины.

Увлечение старшей из трех сестер Меншикова логично и закономерно для Антона: несмотря на его внешнюю привлекательность, он никогда не слыл ловеласом и отличался серьезностью и обязательностью в личных отношениях. К тому же Анна Даниловна была личностью незаурядною. В отличие от брата и сестер, она слыла образованным человеком, владела несколькими иностранными языками, много читала, одна из первых заговорила об эмансипации и пыталась претворить свои идеи в жизнь[1]. О ней вспоминают как о необычайно интересном собеседнике, умеющим не только спорить, но и аргументированно убедить. К тому же она прекрасно ездила верхом, грациозно и изящно восхищала, как амазонка, петербургских дам. На нее обратили внимание при дворе, и она сближается с сестрами Арсеньевыми, Екатериной Трубачевой (будущей Екатериной I). На нее часто заглядывался и Петр I, который восхищался ее мудрыми суждениями и всегда прислушивался к ее советам. Не случайно закулисно звучали реплики об особой симпатии к ней царя и даже иногда проскальзывало слово «пассия»[2]. К тому же Анна, борясь за эмансипацию, явно была сторонницей «свободных отношений», поэтому вполне естественно ее частое присутствие среди приближенного женского окружения двора. Скорее всего, именно сам Петр I и ввел в круг общения с ней своего генерал-адъютанта Антона Девиера в первое десятилетие Северной войны со шведами. Так что увлечение сестрой Меншикова вполне логично, точно так же, как и последствия этой страсти: Анна ждала ребенка от Девиера. В этой запутанной и сложной ситуации Антон верен себе: кодекс его чести и порядочности, как всегда, однозначен: Анна Даниловна принимает его предложение, и он хочет на ней жениться.

Понятие о чести у бывшего денщика-братца иное: жених сестры не ко двору, а поэтому его жестоко избивают и выбрасывают за дверь. И только обращение невесты непосредственно к царю Петру Алексеевичу меняет ситуацию: свадьба состоится. Меншиков проиграл и наказан, но у генерал-полицмейстера России появляется пожизненно враг, затаивший ненависть и обиду, а может быть и зависть на всю жизнь.

---

[1] *Бердников Л. И.* Указ. соч. С. 56.

[2] Там же. С. 56–57.

Так что утверждение во многих исследованиях брака по расчету, кстати не делающая чести Девиеру, явно несостоятельно и искажает его морально-нравственные принципы. В этой истории четко просматривается, как на практике проявляются элементы новых отношений, пытающих утвердить первые истоки эмансипации на реальном примере. Анна защищает свою честь на правовом поле (обращается к самому царю), и он силой своей власти выносит приговор: решение об узаконенении семейных отношений. При этом следует напомнить о том, что Петр I со своей супругой Екатериной I лично устраивают свадьбу для молодых. Что касается Меншикова, то за его упрямство и нежелание видеть Девиера мужем своей сестры, Петр I в качестве наказания отправил его в длительную командировку в Малороссию. Варварский взрыв Меншикова — это отчаяние от бессилия и его позорное поражение. Физическая травма Девиера — это бесстрашие и призыв к открытому противостоянию. Чувство благородства никогда не присутствовало в жизненном кодексе вновь «испеченного» родственника Антона, но зато мстительность и озлобленность светлейшего князя Меншикова перенесены были и на все последующие отношения с когда-то любимой сестрой Анной, отныне ставшей Девиер.

Генерал-полицмейстер Северной столицы не ошибся в своем выборе: непокорная Анна Даниловна в течение всей жизни, к сожалению, не очень долгой, гордо и с достоинством встречала все трудности, а подчас драматические междоусобицы судьбы, оставаясь при этом любимой и любящей женщиной, нежной и заботливой, мудрым и образованным человеком. Следовательно, женитьба Девиера — это не корыстное и безнравственное деяние, как очевидно, не без участия «светлейшего» интерпретировалось в то время, а утверждение права нравственно-этической независимости в личных отношениях. Действия и поступки этого человека всегда отличались взвешенностью и логичностью, и не случайно люди, общающиеся с ним, испытывали к нему чувство уважения и симпатии.

Современники по-разному отзывались об Антоне Мануиловиче Девиере. Естественно, как любой человек, близкий к трону, он имел завистников и недоброжелателей. Заслуживает внимания тот факт, что в ту пору, когда многие оказывались замеченными в казнокрадстве, неизвестно ни одного случая противозаконного действия со стороны первого генерал-полицмейстера Северной столицы.

3.3. Дипломатическое поручение Ее Величества генерал-полицмейстеру Антону Девиеру

В конце 1726 г. Антон Девиер по личному повелению императрицы Екатерины I тайно отправляется в Курляндию. Ему предстояло решать довольно сложное и весьма необычное задание, которое напрямую затрагивало интересы взаимоотношений России с Польшей, Пруссией и другими странами. Как известно, при Петре Великом Россия в союзе, хотя не всегда прочном, с Польшей и Пруссией вела Северную войну против шведского короля Карла XII. Спустя семнадцать лет после победоносного окончания Северной войны со шведами новая Императрица Екатерина I на сей раз посылала своего доверенного представителя генерал-полицмейстера Антона Девиера в Курляндию отстаивать русские интересы уже в условиях мирного сожительства с западноевропейскими странами.

Почему именно на начальника полиции Северной столицы было возложено столь не свойственное его полицейской деятельности дипломатическое поручение, судить трудно. Можно лишь предположить, что это было вызвано тем, что Антон Девиер и после смерти Петра I оставался преданным и неподкупным служителем царскому дому и при новой правительнице. Подтверждением тому явилось поведение и действия Антона Девиера во время его секретной миссии в Курляндию. Непланируемая заранее поездка в Митаву была вызвана чрезвычайными обстоятельствами, которые возникли из-за конфликта между А. Д. Меншиковым и внебрачным сыном польского короля Августа II графом Морицем Саксонским.

Причиной скандала между ними послужила печальная история жизни вдовствующей курляндской герцогини Анны Иоанновны, дочери русского царя Ивана Алексеевича, сводного брата Петра I.

В октябре 1709 г. Петр договорился с прусским королем соединить в брачный союз русскую царевну с его племянником, молодым Фридрихом Вильгельмом, герцогом Курляндским[1]. В июне 1710 г. от герцога Курляндского в Россию прибыли послы, которые заключили договор на брачный союз. В договоре было установлено, что русская царевна Анна, став герцогиней Курляндской, будет иметь

[1] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Романовы. М. : Эксмо, 2008. С. 401.

право для себя и своей русской прислуги держать православную церковь с отправлением в ней богослужения; ее будущие дочери должны быть религии материнской, но сыновья будут воспитываться в лютеранской вере, исповедуемой их родителем; выходя замуж царевна Анна получит в качестве приданого 200 тысяч рублей, а если герцог умрет, не оставив по себе наследников, то вдова его будет получать ежегодно на свое содержание 400 тысяч рублей и ей передается в пожизненное владение имение с замком.

На этих условиях 31 октября 1710 г. в Петербурге состоялась свадьба, которая закончилась, как было принято в то время, многодневными шумными пиршествами в Меншиковском дворце на Васильевском острове. Шумно отпразднованный брак царской племянницы закончился несчастливым концом: по дороге в Курляндию, где новобрачные должны были жить, в 40 верстах от Петербурга 8 января 1711 г. молодой герцог вдруг скончался. Причиною скоропостижной смерти стало неумеренное употребление спиртных напитков. Овдовевшая в 17 лет Анна Иоанновна по велению своего строгого дяди царя Петра осталась жить, как и предусматривал договор брачного союза, во владениях своего мужа в Митаве (нынешняя Елгава, Латвия). Молодая вдова 15 лет тяготилась своим одиночеством. Правда, некоторые исследователи утверждают, что находившийся в Митаве русский резидент П. М. Бестужев не только скрадывал ее одиночество, но «через некоторое время стал делить с ней ложе»[1]. И вот, наконец, представился герцогине счастливый случай устроить свое семейное счастье. Герцогом Курляндским номинально числился шестидесятилетний герцог Фердинанд, который в результате неприязни к нему курляндского дворянства, жил в Данциге[2]. Ввиду старческого возраста Фердинанда, дворяне Курляндии еще при его жизни избирают себе нового герцога. Кандидатом на пост герцога Курляндского, за которого единогласно проголосовали дворяне Курляндии на собранном сейме в Митаве 28 июня 1726 г., оказался побочный сын короля польского и саксонского курфюрста Августа II граф Мориц Саксонский. При этом избиратели сейма предложили вдовствующей герцогине Курляндской Анне Иоанновне вступить с графом в брак, тем более что Мориц сразу понравился и ей самой.

---

[1] *Анисимов Е. В.* Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С. 212.

[2] *Русский* биографический словарь. Т. 7. СПб., 1905. С. 372.

Увлеченная на первых порах Морицем, она стала хлопотать не только через А. Д. Меншикова, но и через А. И. Остермана о получении согласия императрицы Екатерины I на брачный союз с ним[1]. Но этот намечавшийся брачный союз, которым так воспламенилась 33-летняя вдовствующая Анна Иоанновна, не устраивал Польшу, потребовавшую отменить решение Курляндского сейма. Мориц Саксонский как будущий супруг герцогини Анны Иоанновны и герцог Курляндии не устраивал и Россию.

В Гродно в срочном порядке был созван Польский сейм, который 9 ноября 1726 г. постановил не признавать избрание Морица герцогом Курляндским и вопрос о дальнейшей судьбе Курляндии отложить до смерти нынешнего герцога Фердинанда. В это время в Гродно находился российский генерал-прокурор граф П. И. Ягужинский, а такое решение Гродненского сейма, указывавшее на возможность присоединение Курляндии к Польше, вызвало беспокойство русского правительства. Тревога русского двора усиливалась еще и тем, что в Курляндии продолжал находиться граф Мориц Саксонский, единогласно избранный ее дворянством на Митавском сейме герцогом Курляндским.

Чтобы поправить в Курляндии дело в интересах России, нейтрализовать настойчивые домогания графа Морица на пост герцога Курляндского, туда был направлен князь А. Д. Меншиков. В помощники ему срочно отозван из Варшавы русский посол князь В. Л. Долгоруков, который рано утром 27 июня 1726 г. прискакал в Митаву. По его просьбе на встречу с ним явились президент ландтага Сакен и два депутата, Медем и Генин, из 40 человек, присутствовавших на Митавском сейме. Остальные, по заявлению президента Сакена, разъехались по своим местам жительства[2]. Обращаясь к прибывшим курляндцам, князь В. Л. Долгоруков сказал: «Я слышал, что ландтаг собирался отложить или уничтожить его решение, потому что русское правительство желает предложить курляндскому дворянству своих кандидатов — князя Меншикова или принца Голштинского и устранить графа Морица[3]. В ответ на это президент ландтага Сакен возразил

[1] *Карнович Е. П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб. : Издание А. С. Суворина, 1884. Репринтное издание. Л., 1990. С. 12.
[2] *Русский* вестник. Т. 25. С. 3.
[3] Там же. С. 31.

В. Л. Долгорукову, что избрание герцогом курляндским Морица — дело окончательно решенное, что делегаты разъехались и постановление сейма отменить никак нельзя. Что же касается князя Меншикова, то он избран быть не может, так как он «не немецкой нации, не нашего закона». А герцог Голштинский, которому только 13 лет от роду, еще долгое время будет бесполезен для страны. Все дальнейшие переговоры окончились упорным отказом[1]. Затем в Митаву прибыл Меншиков и стал убеждать курляндцев в необходимости новых выборов по избранию герцога вместо избранного Морица. В противном случае князь А. Д. Меншиков в беседе с сеймовым маршалом, канцлером и некоторыми депутатами пригрозил им Сибирью, а Курляндии — введением на ее территорию 20-тысячного отряда русского войска.

Когда 3 июля 1726 г. А. Д. Меншиков сообщил в Петербург о столь напряженных переговорах в Митаве, Императрица Екатерина I не на шутку встревожилась и рассердилась на Светлейшего князя за такой крутой поворот дела не в интересах России. В то же время в Петербург приехала герцогиня Анна Иоанновна, которая своими рассказами о встрече с князем А. Д. Меншиковым еще больше усилила раздражение Императрицы.

Рассказ герцогини ставил под сомнение некоторые положения Екатерине I из донесения светлейшего князя, находившегося по ее распоряжению в Митаве. Приведем полный текст этого донесения: «28 июня, уведав о моем прибытии, прибыла сюда (в Ригу. — П. Н.) царевна Анна Иоанновна в коляске с одною девушкою и, не быв в городе, стала за Двиною и прислала ко мне служителя своего, которой мне объявил о прибытии ее высочества и просил, дабы я к ее высочеству приехал туда повидаться, что я, выслушав, тотчас поехал и, когда прибыл в квартиру ее высочества, тогда изволила она принять меня благоприятным образом и, приказав всех выслать (из дома) и не вступая в дальние разговоры, начала речь об известном курляндском деле с великою слезною просьбою, чтоб в утверждении герцогом курляндским князя Морица и по ее желанию о вступлении с ним в супружество мог я исходатайствовать у вашего величества милостивейшее позволение, на что я с учтивостию Ее Высочеству ответствовал, что ваше величество оного Морица до герцогства Курляндского для вредительства интересов российских и польских допустить не изволите;

[1] *Карнович Е. П.* Указ. соч. С. 14.

третье, ее высочеству в супружество с ним вступать неприлично, понеже оной рожден от метрессы, а не от законной жены, что Вашему Величеству и ее высочеству и всему государству будет бесчестно; четвертое, что Ваше Величество изволите трудиться для интересов российских; которое мое предложение ея высочество, выслушав, рассудила все то свое намерение оставить, и настоящее желает, дабы в Курляндии быть мне (А. Д. Меншикову. — П. Н.) понеже она во владении своих деревень надеется быть спокойна; ежели кто другой избран будет, то она не может знать, ласково ли с нею поступать будет, дабы ея не лишил вдовствующего пропитания»[1].

Автор П. Щебальский в статье высказывает сомнения достоверности письма светлейшего князя в отношении того, что «едва ли доводы Меншикова заставили герцогиню мгновенно переменить свое мнение, отказаться от надежды стать владетельною герцогиней и супругой человека, который ей нравится»[2].

Получив столь печальную информацию о сумбурном поведении Светлейшего князя в Курляндии, которое могло привести к ухудшению отношений России с европейскими странами, Екатерина I решает прервать его пребывание в Митаве. Она не хотела ссориться с Польшей из-за курляндских дел. И под видом необходимости заняться решением «новых и важных дел» Екатерина I приказала А. Д. Меншикову срочно возвратиться в Петербург. Исполняя высочайшее повеление, Светлейший князь выехал из Митавы и 21 июля появился в столице. Через неделю, 28 июля, в Верховный тайный совет поступил указ Императрицы, повелевавший о том, что курляндские дела ныне находятся «в великой конфузии» и неизвестно, кто в этом деле «прав или виноват», поэтому надлежит немедленно расследовать, что было сделано по нашим указам тайным советником П. М. Бестужевым, который был в Курляндии (гофмаршал при вдовствующей герцогине Анне Иоанновне. — П. Н.), «все ли по указам чинил, у Светлейшего князя Меншикова и у действительного тайного советника князя Долгорукова взять письменные рапорта с их пояснением, что, будучи в Курляндии, они тако чинили, как те наши указы повелевали»[3].

---

[1] *Русский* вестник. Т. 25. М., 1860. С. 33–34.

[2] Там же. С. 34.

[3] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 19–20. М. : Мысль, 1993. С. 40.

Совет на заседании 20 августа 1726 г., рассмотрев письменное объяснение П. М. Бестужева, оправдал его. Но на другой день Императрица Екатерина Алексеевна сама присутствовала на заседании Совета и объявила, что, по ее мнению, «Петр Бестужев не без вины», но, несмотря на это, государыня «приказала дело прекратить». На заседании Верховного тайного совета 6 августа 1826 г. в присутствии Екатерины I рассматривался вопрос о результатах поездки Меншикова в Митаву с целью добиться своего избрания на пост герцога Курляндского.

Как известно, кандидатуру А. Д. Меншикова на пост герцога Курляндского предложила сама Екатерина Алексеевна, но, изучив по этому вопросу мнение короля польского Августа II и польских сановников, позицию свою резко изменила. На Совете императрица, рассуждая, заключила о том, что желание светлейшего князя, ее подданного, быть герцогом Курляндским несостоятельно, так как «ни король, ни поляки допустить [этого] не могут». Поэтому Екатерина I повелела послать российскому посланнику в Польше М. П. Бестужеву, чтобы он больше кандидатуру А. Д. Меншикова польскому двору не предлагал, но при этом «старался о других кандидатах». Но если польский двор их не примет, то предоставить ему возможность, кого сам захочет, кроме Морица и принца Гессен-Кассельского[1].

Провальная поездка А. Д. Меншикова в Курляндию и его срочный отзыв в Петербург послужили поводом для некоторых современников, в частности Х. Г. Манштейна, утверждать о намерениях императрицы Екатерины I, в большей мере верховников, отстранить светлейшего князя от службы и предать суду.

Дело происходило во время отсутствия Меншикова, находившегося в Курляндии, — пишет Х. Г. Манштейн. — Они [бывшие соратники Петра I] постарались и успели внушить императрице такое дурное о нём мнение, что ее величество подписала уже указ об арестовании Меншикова на пути его в Петербург. Но по какому-то особенному для Меншикова счастию, граф Бассевич, первый министр герцога Голштинского (зятя Екатерины I. — П. Н.) находил, что нужно непременно вступиться за этого любимца; он успел склонить к тому своего государя (герцога Голштинского. — П. Н.), который и выпросил у императрицы прощения Меншикову. Возвратясь ко двору,

[1] Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 19. С. 40.

Меншиков узнал о кознях своих врагов, приказал произвести разыскания и все… были арестованы и строго наказаны, заключает автор записок[1]. По предположению генерала Манштейна, в отношении А. Д. Меншикова это пытались осуществить его противниками в годы царствования Петра II в сентябре 1727 г.

Для «изглаживания неприятного впечатления», а также возникших «завалов» во взаимоотношениях России с Польшей, вызванных высокомерным и грубым поведением светлейшего с курляндским дворянством, в конце декабря 1726 г. был срочно отправлен в Митаву генерал-полицмейстер Антон Девиер. Во избежание широкой гласности дипломатическая миссия А. М. Девиера носила секретный характер. Его поездка по путевым документам предусматривалась в Кенинсберг, где следовало ему закупить для нужд двора разные товары: бархат, парчу, кавалерийские уборы, европейскую посуду. Проезжая мимоходом разрешалось ему посетить Митаву, где он согласно секретной инструкции, обязан был «… тайным образом разведать, кто из курляндцев желает присоединения Курляндии к Польше и кто этого не желает, кто относится доброжелательно к России и требует ее покровительства. Надобно вам искусным образом чины курляндские уговаривать, чтобы они крепко стояли при своих правах, чтоб быть им по-прежнему под особым своим герцогом. Доброжелательных курляндцев обнадежьте нашею милостию и прилежно трудитесь всякими способами им внушать, чтобы они и противную партию к себе склоняли, чтоб все сообща стояли при своих правах; при этом можно раздавать подарки и денежные дачи, также проведайте, нельзя ли склонить к принятию подарков тех польских вельмож, которые назначены будут в комиссию для решения курляндского дела, но так как это дело очень деликатное, то поступайте как можно осторожнее и скрытнее. Также разведайте о Морице, где он теперь и в каком положении находится, постарайтесь с ним повидаться и разузнать обо всех его намерениях, но чтоб это свидание происходило тайным образом и не могло возбудить подозрения ни в поляках, ни в курляндцах»[2].

---

[1] *Записки* о России генерала Манштейна. 1727–1744 / пер. с франц. Павловск, 1873–1874. С. 3.

[2] Цит. по: *Соловьев С. М.* Сочинения. 18 кн. Кн. 10. История России с древнейших времен. Т. 19–20. М. : Мысль, 1993. С. 40–41.

Оказавшись в Митаве, Антон Девиер попросил доверенное лицо [П. М. Бестужева] собрать вместе наиболее влиятельных представителей русской партии и устроить с ними беседу о будущем Курляндии. Сам же А. М. Девиер расположился в соседней комнате и принялся подслушивать разговор собравшихся. Убедившись, что большинство дворянства герцогства за дружбу с Россией, Девиер вошел к беседовавшим, будто только что приехал, и от имени Императрицы Екатерины I подтвердил, что Петербург не допустит присоединения Курляндии к кому бы то ни было, если, конечно, неравный брак между графом Морицем и Анной Иоанновной не будет заключен.

В то же время граф Мориц, продолжая оставаться в Митаве, 1 марта 1727 г. обратился к А. М. Девиеру с письмом, в котором изложил просьбу о помощи в устройстве своего будущего семейного счастья с герцогиней Курляндской. Автор письма прямо предложил русскому генерал-полицмейстеру 10 000 экю, за то чтобы он содействовал его браку с Анной Иоанновной и одобрению Россией уже избравшего его на пост герцога Курляндии. Сразу же последовал письменный ответ А. М. Девиера. Письмо настолько ярко раскрывает его высокие нравственные и гражданские качества как человека и как служилого чиновника в ранге генерал полицмейстера Северной столицы России, что мы приведем его содержание полностью, ибо оно спустя и три века весьма актуально.

«Полученное мною сего числа письмо, — отвечает Антон Девиер по-немецки, — повергло меня в удивление и чувствительное волнение, тем более, что, благодаря Богу, все мое предшествующее поведение может служить доказательством, что я неспособен не только за несколько тысяч рейхсталеров, но и за сокровища всего света сделать хотя самомалейшее отступление от поручения, возложенного на меня инструкцией моей всемилостивейшей государыни. Это странное предложение, равно как и тому подобные искушенья, предполагающие подлые и низкие чувства в том, к кому они относятся, оскорбительны для честного человека. В выше упомянутом деле, в котором Ее Величество удостоила меня избрать мелким орудием своей воли, я буду без всякого уважения к видам частных лиц и чуждым интересам, равно как и без всякого постороннего вознаграждения, исполнять свои обязанности, как следует честному человеку. Но если бы дело это обратилось и в вашу пользу, то всякий и без того

должен получить то, к чему приличие обязывает. Ваш почтительный и покорнейший слуга, граф Дивиер». Текст письма Морица к графу Девиеру, писанный его рукой на французском языке, и ответ Девиера на письмо Морица, написанный рукой Девиера на немецком языке[1].

О первых результатах пребывания А. М. Девиера в Курляндии мы узнаем из его письма на имя ее величества от 10 января 1727 г. В нем он подробно остановился на беседе с Морицем и о своих впечатлениях о нем, который, в свою очередь, весьма тепло и с большой нежностью говорил о русской императрице. «Вчерашнего дня, — доносит А. М. Девиер, — удалось мне видеть тайно господина Морица, и, сколько мог я приметить, желает он сильно быть под покровительством Вашего Величества и во всем полагается на вашу волю. Когда случилось в разговоре упоминать о имени Вашего Величества, то у него из глаз слезы выступали; заметив это раза два и три, я спросил у него, отчего он плакать хочет? И он отвечал: сердце у меня болит, что добрые люди обнесли меня государыне напрасно; много раз я писал Ее величеству, чтобы быть мне в Петербурге и донести обстоятельно, как дело было и как нас обнадеживали. Мориц хочет просить у Вашего Величества высокой милости и дать такое обещание в верности, какое угодно будет вашему величеству. А если Ваше Величество подозреваете, что он может поступить вопреки интересам русским, то это дело несбыточное, потому что курляндцы не обязаны никому помогать, в этом состоит их право; да хотя бы и хотели, то не могут по недостатку средств. Мориц говорит о здешнем герцоге, что он никакой власти не имеет, как будто кукла, и курляндцы не только помогать другим и самих себя едва прокормить могут»[2].

Далее А. М. Девиер, характеризуя Морица Саксонского, отмечает, что он, в отличие от князя А. Д. Меншикова, умеет нравиться местному дворянству не только своей внешностью, но и блистательными манерами в общении с людьми. Описывая внешность графа Морица Антон Мануилович заключает: «Персоною он походит много на отца, только выше его и пригожее; к тому же он брюнет, и носит свои волосы долгие»[3]. О популярности Морица среди курляндцев, А. М. Девиер, обращает внимание на тот факт, что «здесь все ради его

[1] *Русский* вестник. Т. 25. М., 1860. С. 68.
[2] Цит. по: *Соловьев С. М.* Сочинения. Т. 19. С. 41.
[3] *Русский* вестник. Т. 25. 1860. С. 58.

носят такое же платье, как и он…, и тем знать дают, что любят его»[1]. Граф Мориц часто ездит к дворянам по деревням, и они иногда говорят между собою в компаниях: «надобно-де нам за него умереть»[2].

Как видно из донесения А. М. Девиера, двадцатилетнее пребывание при семье Петра Великого научило его умению писать искусные послания Ее Величеству, подчеркивая при этом, каким она пользуется авторитетом даже среди тех, кто не симпатизирует русскому двору. Однако, несмотря на это, донесение А. М. Девиера, столь благоприятное как для Морица, так и для Екатерины I, в Петербурге рассудили не так, как хотел внебрачный сын польского короля. Русское правительство учитывало в этом деле возможно возникшую политическую ситуацию не в пользу России. Во-первых, если подержать Морица в его намерениях на власть в Митаве, то из-за него придется вступать в ссору с Речью Посполитой, что противоречит русским интересам, в возникшей ссоре с поляками русским помощи ниоткуда не будет, в том числе и от польского короля Августа II, который до сих пор никаких предложений об этом не сделал. Во-вторых, Петербург считал, что, принявши сторону Морица, русские нанесут обиду королю прусскому и вовсе могут лишиться добрососедских отношений с Пруссией.

Учитывая возможность возникновения политической ситуации не в интересах российских в отношениях с Польшей и Пруссией, 21 января 1727 г. Екатерина I повелела А. М. Девиеру: «Так как мы из реляций твоих усмотрели, что сейм отложен до 14 февраля, то, пользуясь этою отсрочкою, приезжайте сюда к нам на время, и хотя писал к вам нашим указом тайный советник Макаров, чтоб с известную персоною свидание отложить [Морицем Саксонским. — П. Н.], но так как мы усмотрели из вашей реляции, что свидание уже произошло, то быть тому так, только впредь свидание с ним больше не имейте и по возможности от него удаляйтесь, чтоб больше не нажить подозрения»[3].

Секретная миссия Антона Девиера вызвала всеобщий интерес в том числе и иностранных дипломатов. Секретарь французского по-

---

[1] *Историческая* хроника. М. : Современник. 1988. С. 284.

[2] *Русский* вестник. Т. 25. С. 58.

[3] Цит. по: *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 8. История России с древнейших времен. Т. 19–20. М.: Мысль, 1993. С. 42.

сланника г. Маньян 28 января 1727 г. сообщил первому министру графу де Морвилю о своей озабоченности в связи с тем, что дней 12 тому назад из столицы уехали два лица. Причина их отъезда «сильно занимает многих, — доносит г. Маньян, — хотя никому не удалось разгадать эту тайну». Одно из означенных лиц Мануил Девиер, поясняет Маньян, начальник полиции и зять князя Меншикова. Он уехал в сопровождении гвардейского офицера, но куда — никому достоверно неизвестно»[1].

Спустя неделю, 4 февраля, тот же Маньян информирует графа де Морвиля более достоверными сведениями о поездке М. Девиера и секретаря канцелярии. «Говорят, — пишет Маньян, — что они уехали в Митаву и будут оставаться там до приезда комиссии в Курляндию из Польши. Им велено объявить курляндцам, что Россия поддержит их независимость». О секретности поездки А. Девиера свидетельствует тот факт, что о ней не знал даже светлейший князь.

Посланник Маньян 18 февраля 1727 г. сообщал графу де Морвилю, что князь Меншиков весьма опечален, что от него скрыли цель «посольства Мануила Девиера, зятя его в Курляндию».

Князь так раздражен против его, заключает Маньян, что это «наводит на мысль, не касалась ли его миссия интересов графа Саксонского». Маньян признается, что ему «обо всем этом ничего не удалось узнать, равно как и о том, зачем А. Девиер возвращался сюда и, пробыв несколько дней, уехал опять»[2].

О секретной поездке А. Девиера в Курляндию беспокойство также одолевало польского посланника Лефорта. «Ходят различные слухи, доносил Лефорт своему правительству 22 февраля 1727 г. о поручениях графа Девиера в Курляндии. С тех пор, как он уехал, князь Меншиков послал адъютанта Ливена в Митаву за наблюдением над поручениями, даваемыми Девиером, и, может быть, чтобы их поддержать». Посланник примерно точно предполагал о политике Екатерины I в отношении курляндцев, что она намеренна «сохранить им их прежний образ правления». Польская комиссия хотела этому противиться, поэтому русская «Царица выберет герцога по своему желанию»[3].

[1] Сборник РИО. 1888. Т. 64. С. 495.
[2] Там же. С. 510.
[3] Там же. 1868. Т. 3. С. 460, 461.

В условиях усиления действий поляков, направленных на включение Курляндии в состав Речи Посполитой, русский двор внес коррективы в свою политику по курляндскому вопросу. Эти изменения были включены в новую инструкцию, которую получил Антон Девиер 4 февраля 1727 г., приехав на несколько дней из Митавы в Санкт-Петербург.

Новая инструкция обязывала Антона Девиера, чтобы он продолжал обнадеживать курляндцев, что Россия будет всемерно помогать «держаться при прежних правах и привилегиях», не упоминая при том ни о графе Морице, ни о каком ином кандидате. Все это «делать явно и тайно», но только словесно. Инструкция позволяла Антону Девиеру, двум или трём особам в «самом высшем секрете» высказать мнение России о том, что Мориц Саксонский, поспешив своим избранием на пост герцога Курляндского, сам виноват в том, что Польша на последнем сейме приняла такие «жестокие решения» [Морица Саксонского герцогом Курляндии не признавать, изгнать его оттуда и Польши. — П. Н.]. Поэтому в данной ситуации Антону Девиеру не следует «снова твердить о Морице», чтобы не «раздражать поляков», стараться «как-нибудь утишить дело», «немного нынешнюю их горячность уталить», а затем основательными доказательствами о справедливости прав курляндских склонить поляков, чтобы они отказались от своих намерений, так как герцог Фердинанд еще жив и до смерти его полякам Курляндию разделить нельзя». Поэтому не следует часто упоминать о графе Морице, чтобы России не ссориться с Речью Посполитой. В связи с этим Антону Девиеру необходимо убедить курляндцев, чтобы они на «своёем сейме теперь о Морице помолчали и выборов его не подтверждали и не уничтожали». «Инструкция…» рекомендовала Антону Девиеру с доверенными двумя или тремя особами договориться, чтобы с польским королем в деле о графе Морице «принимать… меры сообща»[1].

На день завершения своей поездки в Митаву Антон Девиер по праву считал, что курляндское дело им было успешно выполнено. Прежде всего, ему удалось сорвать намерение графа Морица утвердиться на посту герцога Курляндии или же светлейшего князя Меншикова. В то же время миссия А. Девиера не только сохранила добрососедские отношения России с Польшей, Пруссией и другими

[1] Цит. по *Соловьев С. М.* Сочинения. Т. 19. С. 19.

странами, но и заметно укрепила ее авторитет и влияние, увеличила число своих сторонников в Европе.

В то время как А. М. Девиер, находясь за пределами столицы, вел в Митаве переговоры с разными влиятельными государственными и прочими лицами, стараясь обеспечить авторитет и безопасность России, в Петербурге разворачивались события, которые по возвращению его в столицу роковым образом отразились на его судьбе.

11 марта 1727 г. французский посланник г. Маньян доносил своему правительству о возвращении в Петербург из Курляндии Антона Девиера. Три дня назад прибыл граф Девиер, «митавский» (так назвал он Девиера из-за его поездки в Курляндию. — П. Н.). «Через несколько дней, надеялся посланник, вся эта (миссия) выяснится, может быть; теперь же в ней так же темно, что не могу сказать ничего более»[1].

Однако дипломатическая миссия А. М. Девиера в Курляндию оставалась неизвестной общественности столицы до самого его ареста.

[1] *Донесение* от г. Маньяна к графу де Морвилю, Петербург, 11 марта 1727 г. // Сборник РИО. 1888. Т. 64. С. 520.

ГЛАВА 4
БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ? К ВОПРОСУ О ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ А. Д. МЕНШИКОВА И А. М. ДЕВИЕРА

Как известно, важнейшим качеством уникальной натуры царя Петра Алексеевича было умение угадывать таланты, выбирать соратников из разных слоев населения, в том числе из иностранцев, и использовать их на поприще, где они могли принести больше пользы общему делу. Среди них, несомненно, первое место занимал А. Д. Меншиков, отличавшийся своим полководческим талантом и преданностью царскому дому. Не меньшее доверие и милость у царя и его семьи вызывал их воспитанник, а затем верный сподвижник и будущий зять светлейшего князя Антон Девиер. До сих пор не утихают жаркие споры об этих двух ближайших и любимых соратниках Петра I, об их служебных и родственных отношениях.

Какие же на самом деле были отношения между этими, несомненно, выдающимися государственными деятелями своего времени? Как складывались в действительности отношения между родственниками — шурином А. Д. Меншиковым и его зятем А. М. Девиером?

На основе изучения документов «Повседневные записки А. Д. Меншикова 1716–1720. 1726–1727» нам удалось выявить и проанализировать систему формальных и неформальных связей между Меншиковым и Девиером, которая убедительно свидетельствует о сложных и противоречивых взаимоотношениях этих выдающихся личностей и в то же время раскрывает их трагические судьбы. Первый из них, Александр Меншиков, ставший с легкой руки Пушкина «полудержавным властелином», из-за прихоти малолетнего императора Петра II лишился всего, чем владел, и свою жизнь закончил окружении детей в глухом Березове, всеми забытый и обреченный на одиночество. Другой, Антон Девиер, по вине своего шурина А. Д. Меншикова более пятнадцати лет провел в ссылке в Сибири и вернулся в Петербург больным, незадолго до смерти. Но каждый из них — это не только страница истории, это судьба, порожденная временем и воплощающая в себе черты эпохи.

Как известно, Меншиков был уникальной личностью, его имя прочно утвердилось не только в отечественной, но и в мировой истории. Не случайно после его смерти было опубликовано несколько

биографий князя, осуществлены научные исследования, написаны сотни статей, установлены бюсты и его именем названы улицы.

Антон Девиер — человек тоже незаурядный, хотя и менее значительный, чем Меншиков. Он, как и Светлейший князь, весьма близок к царскому дому, тем более что фактически первые двадцать лет жизни в России являлся домашним человеком Петра I. Молодой русский царь, как известно, привез Антона Девиера в Россию в 1698 г. из Голландии во время своего первого заграничного путешествия. По утверждению некоторых исследователей, сначала царь отдал Антона Девиера в услужение А. Д. Меншикову, который принял его как скорохода, то есть служителя своего двора. Своей исполнительностью и расторопностью, а также живостью своего характера Антон Девиер очень быстро пришелся по душе Светлейшему князю, который неоднократно говорил об этом царю, отмечая его исключительную добросовестность и смышленость.

Царь несколько раз общался с Девиером, служившим пока при Меншикове, и убедившись лично в его способностях, взял его к себе денщиком. Не обладая великими дарованиями, Антон Девиер оказался способным, исполнительным и честным слугой царского дома. Кроме всего, он имел живой и веселый характер и к тому же был известным рассказчиком забавных историй, легенд и анекдотов, что так ценилось в женском окружении государыни Екатерины Алексеевны. Но царя Петра I более всего пленили неподкупность и бескорыстие Антона Девиера, столь редкое в ту пору в России. Как показало время, Антон Девиер не воровал, взяток не брал и руки в государственный карман не запускал, чего не скажешь о его будущем шурине А. Д. Меншикове.

Во время Прутского похода в июле 1711 г. Антон Девиер доставил царю Петру I в русский лагерь, окруженный превосходящими турецкими войсками, заключенный долгожданный мирный договор, позволяющий русским войскам выйти из окружения с оружием и техникой и благополучно вернуться в Россию. Это радостное событие сказалось и на дальнейшей карьере Антона Девиера. Петр I, внимательно и требовательно относившийся к отбору подчиненных, не мог не оценить не только самоотверженность поступка юного Девиера, но и его преданность России. Девиер по велению государя становится его генерал-адъютантом, причем это звание специально вводится для него. Насколько высоко ценил Петр I инициативу

и преданность Антона Девиера свидетельствует и тот факт, что царь приказал Меншикову в течение трех дней разрешить своей непокорной сестре Анне Даниловне выйти замуж за любимого ею Антона Девиера, против брака которого категорически выступал брат. Причина заключалась в следующем: Антон Девиер однажды пришел к своему прежнему господину просить руки его сестры, но Меншиков с презрением отклонил это предложение. Но Девиер не отказался от своего намерения. Получив согласие и желание Анны выйти замуж за него, Антон Девиер вновь явился к ее брату и несколько запальчиво заявил, что следует торопиться с заключением брака, если князь не желает видеть свою сестру незамужнею матерью. Возмущенный светлейший приказал своим людям избить батогами непрошеного зятя. Окровавленный Девиер бросился к императору с просьбой посодействовать ему в женитьбе на сестре А. Д. Меншикова. Царь пошел навстречу своему любимому генерал-адъютанту. Он не только принудил Меншикова удовлетворить желание его сестры, но лично сам вместе с царицей Екатериной Алексеевной в отсутствие светлейшего князя выдал Анну Даниловну замуж за Антона Девиера. Нам удалось документально установить ход событий и важные детали, зафиксированные современниками. Так, английский посланник Чарльз Уитворт (Витворт) в письме штатс-секретарю С. Джону от 3 июля 1712 г. сообщал: «Ко всему этому прибавлю, что в ночь перед отъездом государя из Петербурга (это было 28 июня 1712 г. — П. Н.) сестра князя Меншикова с царского разрешения вышла замуж за одного из царских генерал-адъютантов, который долго домогался ее руки вопреки воле князя»[1].

Допускаем, что из-за спешки царя и его супруги Екатерины Алексеевны к отъезду из Петербурга в Померанию через Ригу свадьбу генерал-адъютанта Антона Девиера и Анны Даниловны Меншиковой царская чета устроила в своем Летнем дворце. Во дворце Меншикова свадьба его сестры Анны естественно не устраивалась из-за недоброжелательного отношения к ней брата. Счастливые молодожены через семь месяцев после свадьбы дождались первенца. Анна Даниловна родила здорового мальчика, которого в знак признательности царю за его заботу о их счастье они назвали Петром Антоновичем.

Взаимоотношения Девиера и Меншикова не случайно до сих пор привлекают внимание исследователей, оставаясь до сего дня во многом необъяснимы и непонятны, что всегда случается, когда под-

[1] *Сборник* РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 235.

час вплотную соприкасаются государственно-политические деяния и родственно-бытовые мотивации. А вместе с тем судьбы этих двух людей при всей их индивидуальной разноликости непостижимо пересекаются и в чем-то даже едины.

Действительно, Девиера и Меншикова роднила общность начала их карьеры при Петре I и особенно ее драматический конец. Оба начинали денщиками царя Петра I. Обоих царь женил: Меншикова в 1706 г. в Киеве на Дарье Михайловне Арсеньевой, Девиера в июне 1712 г. в Санкт-Петербурге на сестре светлейшего князя Анне Даниловне Меншиковой. Оба являлись хозяевами северной столицы: Меншиков — губернатор, генерал-губернатор Петербурга, Девиер — генерал-полицмейстер северной столицы. Наконец, они находились не только в служебных, но и родственных связях. Однако, как показало время, отношения между шурином и навязанным ему силой зятем так и не стали более близкими. Их родственные связи, по мнению известного историка Н. И. Павленко, так и не переросли в приятельски доверительные[1].

Пока был жив Петр I, а затем и в годы правления его супруги Екатерины Алексеевны, имитация дружественных и родственных связей между Меншиковым и его зятем удачно демонстрировалась для столичной знати. На деле же Данилыч третировал родственника, держал его на расстоянии и, кажется, «снизошел» к нему единственный раз, когда униженно просил его «предстательствовать» перед царем и царицей в годы, когда разбиралось «почепское дело» и судьба князя висела на волоске. После смерти Петра I Светлейшему, наконец, удалось расправиться со своим зятем, навязанным ему царем. Как метко выразился Н. И. Павленко, Меншиков упек зятя в 1727 г. в ссылку в Сибирь, оставив сестру «соломенной вдовой»[2].

Нам известно, что вхожа была в дом брата А. Д. Меншикова и его сестра, супруга Антона Девиера. Правда, визит ее к брату упоминается только один раз, в июне 1724 г., то есть еще при жизни Петра I, который неоднократно сдерживал порывы Светлейшего унизить своего зятя. Вместе с тем тщательно проанализировав «По-

[1] *Павленко Н. И.* Петр I. М., 1994. С. 520.

[2] *Павленко Н. И.* Полудержавный властелин. Историческая Хроника. М. : Современник. 1988. С. 322. Выражение «соломенная вдова» обозначает замужнюю женщину, оставшуюся без своего супруга не потому, что он скончался, а потому, что его просто долго нет дома.

вседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг.», мы можем заключить, что взаимоотношения А. М. Девиера и А. Д. Меншикова не могут быть сведены к представлению о непрекращавшейся если не вражде, то недоброжелательству. Информация, имеющаяся в «Повседневных записках», свидетельствует, что А. М. Девиер нередко посещал дом своего шурина, считал своей обязанностью информировать Светлейшего о содержании городского хозяйства, о мерах по обеспечению порядка и благочиния в столице. Это неудивительно: ведь и другие так поступали в отношении А. Д. Меншикова, который занимал столь высокие посты в государстве.

Следует отметить, что пока Петр I и его семейство были у власти, жизнь и служба их воспитанника Антона Девиера протекала спокойно и весьма успешно. После появления у него первенца сына Петра, в конце декабря 1716 г. родилась дочь Анна. В это время Антон Девиер по велению царя находился в Копенгагене, решая вопросы государственной важности. Четвертого января 1716 г. в его дом изволил прибыть Петр I с царицей, чтобы крестить дочь. Потом забавлялись разговорами, где был Меншиков, Ф. М. Апраксин, канцлер граф Головкин, подканцлер барон Шафиров. «Бавясь» до 8 часов пополудня, разъехались по домам[1].

После возвращения А. М. Девиера из-за границы 31 октября 1716 г., его дом посетил А. Д. Меншиков, где «забавлялся до 9 часу пополудня»[2]. Через неделю, 7 ноября 1716 г., вечером к Меншикову «прибыли генерал-майор Чернышов, генерал-адъютант Девиер, господин Кикин и забавлялись» картами до 9-го часу[3]. Через два дня, 9 ноября, в пятницу, в 7 часов утра, к Меншикову приехали сенатор граф П. М. Апраксин, генерал-майор Чернышов, вице-губернатор Клокочев (Клокачев), генерал-адъютант Девиер, граф Растрелли. И «по разговорех» его светлость «купно с господином сенатором изволили кушать». Остальные, как видно, после решения служебных вопросов, их касающихся, разъехались. Потом, по-видимому, уже после обеда приезжает граф Матвеев, Александр Кикин, генерал-

[1] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. М. : Рос. архив. 2000. С. 18.
[2] Там же. С. 81.
[3] Там же. С. 82.

адъютант Девиер «и, забавляясь до 10-го часу», потом, покушав «вечернего кушанья, разъехались»[1].

Таким образом, можно отметить, что зять посещает дом своего шурина как официальное лицо. Секретари, ведущие подневные записи Меншикова, его зятя именуют только по должности «генерал-адъютант Девиер». Более того, в пасхальный день, 25 ноября 1716 г., А. Д. Меншиков в 4-м часу популудня в свою очередь приехал к генерал-адъютанту Девиеру, где «довольно бавясь, а именно до 10-го часу пополудня». Затем «купно» с господами генералами и офицерами Меншиков «отъехал в дом свой»[2]. Как мы видим, идет постоянное общение в жизни на уровне патернализма. Вполне закономерно в декабре 1716 г. Антон Мануилович дважды посетил дом Светлейшего князя на правах гостя: 4 декабря он присутствовал на именинах дочери Меншикова и его свояченицы Арсеньевой. После праздничного обеда «довольно изволили веселитца». 22 декабря также в доме Меншикова «при столе в числе других был Девиер и забавлялись до 10 часу пополудня». После вечернего кушанья отъехали. 27 декабря 1716 г. в 5-м часу вечера Светлейший «отъехал к генерал-адъютанту господину Девиеру, где быв с час». Затем посетил доктора Блюментроста, где «забавлялся до 8-го часу», потом прибыл во дворец[3].

Следовательно, в 1716 г. наблюдаются, может быть, «показные», но все же регулярные взаимопосещения Светлейшего князя и его зятя: из 8 встреч Меншиков навестил 4 раза дом Девиера, а последний 4 раза был у своего шурина.

«Повседневные записки» А. Д. Меньшикова позволяют не только проследить встречи и общение с Девиером, но и ощутить эволюцию их взаимоотношений, нарастающую, но пока глубоко скрытую неприязнь и антипатию к зятю, подчас лицедейство и блестящее коварство Светлейшего князя. Первые три с половиной месяца 1717 г. Антон Мануилович Девиер не посещал Меншикова. Нам известно, что только 14 апреля, в неделю Вай, Антон Девиер находился в доме князя в компании сенатора графа Апраксина, князя Долгорукова, генерал-майора Чернышова, полковника Денисова и прочих… И «покушанье по забавах оные разъехадись»[4].

---

[1] Там же. С. 84.

[2] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. ... С. 87–88.

[3] Там же. С. 90, 94, 96.

[4] Там же. С. 121.

В свою очередь, князь Меншиков 24 апреля 1717 г. посетил дом своего зятя Девиера, у которого «бавясь с час»[1] уехал к царице Парасковии Федоровне. У нее светлейший гостил до 7-го часу пополудня, затем прибыл во дворец.

В мае–июне 1717 г. Антон Мануилович Девиер лишь дважды встречался с Меншиковым. 29 мая, в среду после 12:00 часов дня, он обедал у Меншикова с другими гостями, а 19 июня Антон Девиер был на обеде у царевича, где при столе также были Меншиков, граф Матвеев, князь Черкасский и прочие[2].

Светлейший князь в воскресный день 14 июля 1717 г. после осмотра городских строений и слушания литургии в церкви, сев в шлюпку, посетил дворец, был в комнатах у государя царевича и царевен государен с час, изволил кушать. После …, «мало бавясь», отъехал к генерал-адъютанту Девиеру… у которого родился сын, и, «бавясь два часа, отъехал в Адмиралтейство...».

Через неделю, в субботу 20 июля, Антон Девиер посетил дом Меншикова, где вместе со светлейшим и другими придворными обедал. По нашему предположению, в этот день Антон Девиер договорился с Александром Даниловичем о крестинах его новорожденного сына в следующее воскресенье.

Крещение третьего ребенка, сына Александра, у четы Девиеров состоялось 28 июля 1717 года. Воспреемниками новорожденного сына «от святые купели» были князь А. Д. Меншиков и ее высочество государыня царевна Анна Ивановна. Потом был праздничный обед, на котором присутствовали государыня царица Прасковиева Федоровна, государыня царевна, графы Апраксин и Матвеев, сенатор Самарин. После обеда, «довольно забавясь» разъехались[3].

30 июля 1717 г. во вторник Светлейший князь, осмотрев работы в Адмиралтействе, «прибыл во дворец и с графами Апраксиным и Матвеевым, генерал-адъютантом Девиером изволил кушать»[4].

1 августа 1717 г. в Александровом монастыре [Александро-Невской лавре. — П. Н.] состоялись похороны жены графа Мусина-

---

[1] Столь кратковременное присутствие Меншикова в гостях у зятя Девиера, по нашему мнению, объясняется тем, что его сестра ждала очередного ребенка.

[2] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. ... С. 122–123, 132, 138.

[3] Там же. С. 143, 145,148.

[4] Там же. С. 148.

Пушкина, присутствовало «довольно знатных особ», в том числе Светлейший князь с супругой. Мы допускаем присутствие здесь и Девиера, который после похорон во дворце Меншикова «вместе с его светлостью кушал»[1].

В августе 1717 г. А. М. Девиер еще три раза встречался со светлейшим князем. 7 августа в его доме Антон Мануилович обедал вместе со светлейшим и графом <Матвеевым>, а 22 августа, в четверг А. Д. Меншиков, исполнив все *«ординарные дела»* и осмотрев работы, поехал к генерал-фельдцейхмейстеру господину Брюсу. Там кушать изволил в присутствии ее величества государыни царицы Прасковии Федоровны и их высочеств государынь царевен. При том же столе были сенатор граф Матвеев, генерал-адъютант Девиер и прочие. 25 августа 1717 г. светлейший князь принимал в своем доме высоких гостей: царицу Екатерину Алексеевну и царевен. При том же столе были генерал-майор Чернышов, брегадиры Кропотов, Порошин, генерал-адъютант Девиер, полковник Шамордин… «после кушанья довольно изволили веселитца»[2].

Характерно, что при всех этих встречах присутствовал и Девиер, но ему авторы записок не уделяют персонального внимания: он упоминается по ходу изложения, как бы вскользь, среди прочих, и нигде нет никакого акцента на личностную оценку. В субботу, 28 сентября 1717 г., светлейший князь торжественно отметил девятую годовщину победоносной битвы со шведами у деревни Лесной. (28.09.1708 г. — П. Н.). Отслушав литургию и благодарственную молебень, Меншиков прибыл в дом свой вместе с боевыми товарищами, иностранными посланниками и прочими. Долго разговаривали о минувших событиях, затем «купно кушали, после довольно изволили забавлятца и в 6-ом часу пополудни разъехались». Вечером вновь приехали к светлейшему князю генерал-майор Чернышов и генерал-адъютант Девиер. «И по довольных забавах и паки по кушанье оные разъехались»[3].

В октябре 1717 г. Девиер дважды посещал дом шурина Меншикова. 13 октября, в воскресенье, светлейший князь был у Петра I,

[1] Там же. С. 149.

[2] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. … С. 150, 153.

[3] Там же. С. 163, 164.

вместе слушали литургию в Троицкой церкви. После, Его величество изволил посетить дом Меншикова. Вместе с царем были: генерал-майор Чернышов, подканцлер Шафиров, корабельные мастера, генерал-адъютанты Ягужинский, Девиер, кабинет-секретарь Макаров, поп Битка и прочие. После кушанья царь уехал в Адмиралтейство, где состоялся спуск «невозделанного корабля «Святый Александр Невский» и вручен его светлости для кампаньи»[1].

Вечером, 31 октября 1717 г., в 7 часов Меншиков прибыл в свой дом вместе с генерал-адъютантами Ягужинским и Девиером, доктором Арескиным, Матвеевым и Алсуфьевым. По довольных разговорах кушали. По кушанье оные отошли[2].

В течение ноября 1717 г. шурин с зятем встречается лишь дважды. Так, 2 ноября Девиер вместе с братьями Апраксиными, генерал-майором Чернышовым, генерал-адъютантом Ягужинским в доме Меншикова обедал, после немного «забавлялся» ивсе разъехались. Хозяин дома, проводив гостей, отправился к царю, где пробыл до 8 часов вечера. 27 ноября Антон Девиер в доме Меншикова учавствовал в служебных разговорах вместе с вице-губернатором Клокочевым, инспектором Панкратовым и капитаном Лейном (англичанин на русской службе, заведовал постройкой гавани у Кронштлота. — П. Н.)

По нашему мнению, в этот день Девиер мог встречаться с Меншиковым и на ассамблее у генерала-адмирала Ф. М. Апраксина, где «были граф Головкин, сенатор граф Мусин-Пушкин, сенатор граф Апраксин, архиерей Бутурлин»[3].

В декабре 1717 г., по имеющимся данным, Девиер встречался с А. Д. Меншиковым дважды (10 и 12 декабря) на ассамблеях у Я. В. Брюса и А. В. Макарова, где присутствовала царская чета и другие члены царской фамилии. На этих вечерах в качестве наблюдателей правил этикета и порядка поведения выступали царские генерал-адъютанты А. М. Девиер и П. И. Ягужинский[4].

---

[1] Там же. С. 167.

[2] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. … С. 172.

[3] Там же. С. 179.

[4] Следовательно, ассамблеи стали проводиться регулярно в знатных домах сразу же по возвращению царя из зарубежного путешествия в 1716–1717 гг.

Юрнал 1718 г.

Утром 8 января 1718 г. А. М. Девиер наряду с другими (вице-губернатором Клокочевым, обер-офискалом Нестеровым, Бахмиотовым и прочими) имел служебный разговор с А. Д. Меншиковым[1].

В субботу 31 мая 1718 г. к 12 часу в дом Меншикова прибыли господа генерал Вейд (Вейде), генерал-майор Ягужинский, генерал-адъютант Девиер, маршал Алсуфьев, прусский посланник и мало разговаривая, «купно кушали». После изволили ехать в сад, куда приехали и генерал-адмирал Апраксин и «веселясь, в 7 часу разъехались»[2].

В июне–августе 1718 г. в «Повседневных записках» не зафиксированы деловые или семейные встречи Девиера с Меншиковым[3]. Лишь 3 июля имеется запись о посылке царем в 10:00 утра генерал-адъютанта Девиера к Меншикову, чтобы тот «ехал к Его Величеству, куда того ж часу отъехал»[4].

В субботу, 6 сентября, к Меншикову на служебные разговоры «прибыли генерал-майор и обер-штер-григс-комиссар Чернышов, генерал-полицмейстер Девиер (первый раз писарской рукой сделана запись новой должности Девиера. — П. Н.), после «довольных разговоров изволили кушать и мало бавясь, оные разъехались»[5].

Через три дня, во вторник А. Д. Меншиков навестил дом зятя и сестры Анны Даниловны, у которых «быв с час», «изволил заитить к генералу Вейду, Матвею Алсуфьеву затем отбыл к Адмиралтейскому каналу.

Как видно, такие посещения «наскоком» дома Девиера шурином свидетельствует о неблизких отношениях между ними.

В октябре лишь один раз, 14 октября, присутствует А. М. Девиер на совещании у А. М. Меншикова, в котором участвовали генерал-майор Головин, генерал-майор Чернышов, майор от гвардии Ушаков. Участники совещания «довольно разговаривали», затем кушали и разъехались[6].

---

[1] Там же. С. 198.

[2] Там же. С. 227.

[3] По нашему мнению, это вызвано новым положением А. М. Девиера, так как он, получив назначение на должность генерал-полицмейстера Петербурга, был загружен с утра до вечера службой.

[4] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. … С. 236.

[5] Там же. С. 256.

[6] Там же. С. 257, 265.

В ноябре 1718 г. встречи Девиера и Меншикова не зафиксированы в «Повседневных записках». Зато в последнем месяце уходящего года «Повседневные записки» свидетельствуют о двух встречах Меншикова и Девиера: во вторник, 23 декабря, зять Девиер обедал у Меншикова. При столе, кроме генерал-полицмейстера, были от гвардии майор Скорняков-Писарев (впервые за столом оказались будущие «подельники» по «делу Дивиера и его товарищи». — П. Н.), полковник Блеклой и прочие. После кушанья разъехались. Накануне нового года, 30 декабря 1718 г., А. Д. Меншиков посетил дом генерал-полицмейстера Девиера. После «по довольных разговорах» отъехал к дому маршла Алсуфьева[1].

Юрнал 1719 г.

Следует отметить, что записки «Юрнала» за 1719 год представлены более объемно и последовательно за все месяцы года. Это дает возможность не только ситуационно рассмотреть происходящее, но и ощутить растущую напряженность изложенных событий, отражающихся в динамике взаимоотношений двух именитых родственников.

В пятницу, 2 января 1719 г. Меншиков посетил генерала Вейда, где был царь Петр I. По довольных разговорах кушали. После прибыл к Девиеру и, мало мешкав, возвратился в дом свой[2]. В первые две недели происходили взаимные поздравления с наступлением нового и проведением старого года. Так, 11 января, в воскресенье, у Меншикова были в гостях генерал-майор и обер-сарвеер Головины, генерал-майор Чернышов, майор Скорняков-Писарев. После кушанья разъехались. В 3-м часу Меншиков отъехал в Адмиралтейство, куда прибыл Петр I, генерал-адмирал Апраксин, министры и генералы. И, заложа корабль, из Адмиралтейства палили из 15 пушек. Затем Меншиков, царь и прочие отправились к генерал-майору Чернышову «бавясь с 2 часа», царь и Меншиков поехали к епископу псковскому Феофану и там позабавясь, прибыли к господину генерал-полицмейстеру Девиеру, и «по разговорех» в 12-м часу разъехались[3]. 12 января 1719 г., в понедельник Меншиков в 6-м часу посетил Ивана Пушкина (зятя, женатого на сестре светлейшего Татьяне Даниловне — П. Н.), а затем «купно с генерал-полицмейстером Девиером отъехал к его царскому

[1] Там же. С. 279, 280.

[2] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. … С. 285.

[3] Там же. С. 285.

величеству и по прибытии, разговаривая с час, отъехал в дом свой»[1]. 24 января 1719 г. в субботний день был у государя царевича до 11 часов, затем «купно с господином генерал-полицмейстером Девиером отъехал в свой дом. Отправив письма к его царскому величесству, кушал. «По кушанье и по разговорех бывшие разъехались», а его светлость … лех опочивать»[2].

В воскресный день 1 февраля 1719 г. в доме генерал-полицмейстера состоялась ассмаблея, на которой были светлейший князь, господа министры и генералы. «И позабавах его светлость отъехал во дворец»[3]. 17 и 22 февраля 1719 г. генерал-полицмейстер Девиер посещал дом Меншикова в связи с его болезнью: 22 февраля в воскресенье Антон Девиер и генерал-майор князь Голицын в доме князя «по разговорех кушали, а его светлость ради болезни лежал». После кушанья разъехались[4].

Март, 1719 г.

1 марта, воскресенье к Меншикову «прибыли генерал-майор Чернышов, генерал-полицмейстер Девиер и «по разговорех разъехались». 14 марта, в субботу вновь проведует Меншикова его зять Девиер и «по довольных разговорех отъехал». Через два дня, 16 марта, светлейшего князя навещают генерал-майор Ягушинский и Девиер, «по довольных разговорех купно изволили кушать»[5].

Апрель 1719 г.

7 апреля, во вторник к Меншикову прибыли генерал-майор Чернышов, генера-полицмейстер Девиер и «по довольных разговорех купно изволили кушать. После оные разъехались»[6]. 10 апреля, в пятницу у Меншикова «при столе были Девиер, дому государева служитель Мошков и прочие»[7]. В воскресенье, 19 апреля 1719 г., царь прислал к Меншикову генерал-полицмейстера Девиера, чтобы «его светлость шол к его царскому величеству, с которым тот час отошел

[1] Там же. С. 286.
[2] Там же. С. 288.
[3] Там же. С. 290.
[4] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. … С. 293.
[5] Там же. С. 294.
[6] Там же. С. 301.
[7] Там же. С. 301.

во дворец». После разговора с царем вместе отъехали на Почтовый двор, а затем к Исаакию в церковь, где венчали лейб-гвардии прапорщика Головина[1]. Сюда прибыла царица Екатерина Алексеевна и господа министры. Затем «по довольных забавах пополудня в 9-м часу прибыли к генералу кавалеру его превосходительсву Головину и по разговорех в 11м часу разъехались»[2].

Май 1719 г.

10 мая, в среду, в 3-м часу дня, Меншиков после обеда с царицей Екатериной Алексеевной отъехал к Девиеру, и «по разговорех» прибыл к генерал-майору Ягушинскому, куда прибыли генерал-адмирал Апраксин, Толстой[3]. (П. Н. — не оконченная запись?). В июне–июле 1719 г. в «Повседневных записках» не значатся встречи Девиера с Меншиковым. Лишь 15 августа 1719 г., в субботу Меншиков вместе с Девиером в праздник Успения Пресвятые Богородицы посетили Троицкую церковь, где изволила быть царица Екатерина Алексеевна и прочие господа министры. После литургии, кушали вместе в Летнем дворце, затем купно с государынями царевнами гуляли в саду[4]. 26 августа, в среду отмечалось тезоименитство государыни царевны Наталии Петровны. У Меншикова собрались генерал Вейд, Девиер, от гвардии майор Ушаков и прочие; купно изволили отъехать к Троице, где изволили быть царица Екатерина Алексеевна и прочие господа министры. Прослушав святую литургию прибыли в Летний дом, где в разговорах кушали, гуляли в саду купно, в хоромах кустов забавлялись, в 11м часу разъехались[5].

В сентябре–ноябре 1719 г. в «Повседневных записках» информация о Девиере отсутствует. Лишь за декабрь 1719 г. в указанных записках имеются сведения о Девиере: 10 декабря Меншиков посещает дом генерал-полицмейстера «по разговорех» отъехал к маршалу

---

[1] Речь идет о венчании С. А. Головина и А. И. Бутурлиной. См.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. В 4-х ч. СПб., 1854–1857. Ч. 3. С. 108.

[2] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. М. : Рос. архив. 2000. С. 303.

[3] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. С. 310.

[4] Там же. С. 310.

[5] Там же. С. 325.

Алсуфьеву, затем к генерал-адмиралу Апраксину на ассамблею, где был царь и прочие господа. В 10-м часу разъехались. Мы допускаем обязательное присутствие здесь Антона Девиера, которому по указу было предписано следить за порядком на ассамблеях[1]. 13 декабря, в воскресенье, у Меншикова на ассамблее был царь с царицей, генерал-адмирал Апраксин и прочие господа. Присутствующие забавлялись с 4 до 10 часов пополудня[2]. Через четыре дня, 17 декабря, в четверг, Светлейший князь в 4 часа пополудня отъехал из своего дома «вкупно с Ягужинским и Девиером» на ассамблею к графу Головину. На ассамблеи был Петр I, Екатерина Алексеевна, генерал-адмирал Апраксин и прочие господа[3]. 20 декабря 1719 г., в воскресенье, после посещения службы в Троице, Светлейший князь возвратился домой вместе с Девиером и капитан-поручиком от флота Мишуковым, с которыми изволил кушать. В 4-м часу Меншиков отъехал на ассамблею к архиигуменье Ржевской, где находилась царская чета, граф Апраксин и прочие. Мы убеждены, что там, несомненно, находился и генерал-полицмейстер, обеспечивавший порядок и соблюдение установленных правил каждым участником вечера[4].

Юрнал 1720 г.

6 ноября 1720 г., воскресенье — день рождения А. Д. Меншикова. Светлейший князь отметил свой 47 год со дня рождения. В 8-м часу пополуночи изволил отъехать с пирогом к Его Царскому Величеству, где находился два-три часа. Возвратившись в дом свой, изволил пойти в церковь Воскресения Христова, где слушал литургию. Прибыв в дом свой изволил кушать. При столе были майор Писарев, капитан Карпов [Преображенского полка. — П. Н.], генерал-адъютант Девиер, капитан Мишуков, канцлей-директор Волков, обер-крикс-комиссар Степан Пятой, брегадир Зотов. После праздничного обеда «довольно изволили веселица»[5].

[1] *ПСЗ-I*. Т. 5. № 3246. С. 597–598.
[2] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. С. 346.
[3] Там же. С. 346.
[4] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. С. 348.
[5] Там же. С. 383.

Юрнал 1726 г.

6 января Меншикова поздравили с праздником господа: приехали Бассевич, адмирал Сиверс, генерал-майор Девиер, генерал-майор Лихарев, Шувалов кабинет-секретарь Макаров и др. 7 января 1726 г. у Меншикова были встречи служебного характера: Девиер и вице-канцлер Остерман вместе с генерал-майором Волковым, Лихаревым, Воейковым обсуждали чертежи, привезенные капитаном Павловым из Низавого корпуса Архангельского полка. В час дня был обед. При столе кушали оные Лихарев, Воейков, Девиер, Алексей Волков, Пашков, Степан Лопухин. Откушав, Меншиков «забавлялся в карты»[1]. 10 января 1726 г. Девиер имел персональный разговор служебного характера с Меншиковым (это первый зафиксированный такой разговор — П. Н.). В приемной в то время ожидали своей встречи ближайшие люди Меншикова: бригадир Леонтьев, Остерман, Фаминцын, прокурор Пашков, полковник Маврин, князь Василий Долгоруков, Колтовской, Шаховской[2]. 14 января 1726 г. мы предполагаем, что по вызову Меншикова «прибыл генерал-майор Девиер, его светлость изволил с ним разговаривать»[3]. 17 января 1726 г. Девиер был у Меншикова на докладе[4]. 23 января 1726 г. в 8-м утра у Меншикова были на докладе Алексей Волков, Антон Девиер, бригадир Фаминцын, бригадир Вяземский, Тараканов, Корчмин, полковник Сухотин, Шувалов, Ушаков, Волков, Маврин и др[5]. 24 января 1726 г. утром Меншиков имел разговор с прибывшими генерал-кригс-цалмейстером Бестужевым, бригадиром Вяземским, генерал-майором Девиером[6]. 25 января 1726 г. Девиер в 8:00 был на докладе у светлейшего первым, за ним отчитывались Петр Шафиров, князь Алексей Черкасской и др.[7]

Февраль 1726 г.

В феврале у А. Девиера состоялось восемь встреч с А. Д. Меншиковым, из них 5 служебного и 3 бытового характера. 2 февраля

[1] Там же. С. 387.
[2] Там же. С. 388.
[3] Там же. С. 389.
[4] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. С. 390.
[5] Там же. С. 391.
[6] Там же. С. 391.
[7] Там же. С. 392.

1726 г. у Меншикова утром были на докладе генерал-майор Долгорукой, Волков, князь Юрий Трубецкой, Антон Девиер, Алексей Волков, Юсупов, генерал-провиантмейстер Сукин, Петр Шафиров, Петр Бестужев и др. Совещание длилось один час. В 9:00 Меншиков отправился во дворец и слушал литургию. Прибыл в свой дом и в час дня сел кушать[1]. 6 февраля 1726 г. Антон Девиер в доме Меншикова в 8 вечера «при столе кушал»[2]. 8 февраля 1726 г. Антон Девиер присутствует у поручика флота Алексея Косенкова и Темкиной на свадьбе, которая проходила в доме Меншикова и на которой была вся семья светлейшего и гости: Семен Салтыков, Ульян Синявин, Алексей Волков, бригадир Вельяминов, князь Алексей Шаховской, полковник Тараканов, Егор Пашков, капитан Вильбоу и прочие[3]. Через 9 дней, 17 февраля 1726 г., рано утром в четверг у Меншикова в числе других на докладе присутствует генерал-майор Антон Девиер, а также генерал-лейтенант Миних, генерал-майор Порошин, князь Алексей Шаховской, Алексей Волков. В 8:00 утра светлейший поехал к Остерману[4]. 19 февраля 1726 г., в субботу, с утра у Меншикова на докладе были генерал-майор и генерал-полицмейстер Девиер, господин Макаров, генерал-майор Волков, князь Дмитрий Голицын, генерал-лейтенант Гинтер, генерал-майор Юсупов, генерал-провиантмейстер Сукин[5]. 24 февраля 1726 г. у Меншикова поутру были на докладе Антон Девиер, генерал-поручик Гинтер, Петр Шафиров, генерал-майор Лихарев. В 8-м часу светлейшей уехал во дворец[6]. 25 февраля 1726 г. в 5-м часу вечера у Меншикова находились Девиер, Петр Бестужев и прокурор Бибиков[7]. 27 февраля 1726 г., в воскресенье, в доме Меншикова рано утром на докладе были Юсупов, Антон Девиер, Иван Лихарев, бригадир Вельяминов, бригадир Фаминцын, князь Шаховской, генерал-майор Волков, Алексей Волков, граф Сапега, генерал-кригсцалмейстер Бестужев[8].

---

[1] Там же. С. 395.
[2] Там же. С. 396.
[3] Там же. С. 396.
[4] Там же. С. 398.
[5] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. С. 399.
[6] Там же. С. 400.
[7] Там же. С. 400.
[8] Там же. С. 401.

Как видим, Девиер бывает в доме Меншикова только как официальное лицо, выполняя возложенные на него обязанности государственного сановника.

Март 1726 г.

1 марта, во вторник поутру, были у его светлости генерал Лессий (Лесси, генерал Ласси Петр Петрович, ирландец на русской службе), князь Василий Долгорукой, генерал-майор Девиер, Волков, Порошин, генерал-кригс-камиссар Головин, генерал-лейтенант Ягушинский, генерал-адмирал Апраксин, граф Петр Матвеевич Апраксин, господа Сапеги [отец и сын. — П. Н.]. В 12-м часу прибыл королевское высочество [зять Петра I. — П.Н.], иностранные и русские министры и весь генералитет. Разъехались пополудня в 5-ом часу[1]. 4 марта 1726 г. Меншиков отдельно беседовал с Девиером и Алексеем Волковым [секретарь светлейшего. — П. Н.], затем вышел к другим, которые ждали решения своих вопросов[2]. 9 марта 1726 г., в среду рано утром, Меншиков принимал Девиера и Макарова, в 9-м часу поехал в кабинет его светлость[3]. 12 марта 1726 г. у Меншикова поутру были генерал Лессий, Долгорукой, Антон Девиер, братья Наум и Ульян Синявины, Юсупов, Лихарев и прочие[4]. 13 марта 1726 г. в доме Меншикова был помолвлен со старшей дочерью светлейшего Марией младший Петр Сапега (сын Яна Сапеги, гетмана Литовского). На банкете присутствовала царица Екатерина I [но свадьба с Марией Меншиковой не состоялась, по желанию царицы П. Сапега женился на ее родственнице графине С. К. Скавронской в 1727 г. — П. Н.][5]. 14 марта 1726 г. в первой половине дня А. Д. Меншиков со своей семьей пошел на обед к Сапегам, где за столом были Басович (Бассевич, Башевич фон, Генинг Фридрих), Девиер и прочие[6]. 31 марта 1726 г., в четверг поутру, были у его светлости Девиер и Алексей Волков[7].

---

[1] Там же. С. 404.
[2] Там же. С. 404.
[3] Там же. С. 404.
[4] Там же. С. 404.
[5] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. С. 405.
[6] Там же. С. 405.
[7] Там же. С. 408.

Апрель 1726 г.

1 апреля 1726 г., в пятницу после четырех часов дня, были у Меншикова генерал-майор Девиер, князь Дмитрий Голицын[1]. В «Повседневных записках А. Д. Меншикова»... больше не значатся встречи Девиера со светлейшим князем в остальные дни апреля 1726 г. Мы располагаем достоверными данными об отсутствии Девиера в столице в связи с отъездом с его секретной миссией в Митаву по распоряжению императрицы Екатерины I. Лишь 14 мая 1726 г. рано поутру мы встречаем в доме светлейшего Девиера в числе других военных и сановников: генерала Лессий, генерал-лейтенанта Волкова, Макарова, вице-адмирала Змаевича, Алексея Волкова, Гохмута, прокурора Бибикова и прочих[2]. В последующий период имя Девиера будет упоминаться лишь в связи с присутствием на официальных приемах.

Июнь 1726 г.

Затем через месяц Антон Девиер, как свидетельствует запись, 16 июня, в четверг, он присутствует на приеме у Меншикова вместе с генералами и иностранными посланниками. Приведем полный текст записи, сделанной секретарем дома светлейшего в четверг 16 июня 1726 г. «У Меншикова были генерал Лессий, генералы Сенявин, Шувалов, бригадир и обер-комендант Фаминцын. При столе в 2 часа кушали иностранные министры, цесарский граф Рабутин, кавалеры Басович, прусский барон Г. Мардефельд, шведский барон Цедеркрейц, польский Лефорт, граф Бонде, барон Штремберк, галанский Вильде, легационный секретарь цесарский [австрийского посольства. — П. Н.] Голгенгольцер, генерал-лейтенант Флюк, российские господа — генерал-лейтенант и обер-сталмейстер и кавалер Ягушинский, тайный действительный советник и кавалер, князь Василий Долгорукой, генерал-майор, генерал-адъютант и генерал-полицмейстер и кавалер Девиер, действительный статский советник Степанов, граф и кавалер Сапега [младший. — П. Н.]. В 5-м часу откушали и забавлялись до 8-го часа пополудня. Потом все помянутые господа разъехались. Его светлость поехал и был у Еа императорского величества и в новых палатах Летнего дому, где изволила быть императрица Екатерина I, и гуляли в саду, и пополуночи в 1-м часу его светлость приехал в свой дом[3].

---

[1] Там же. С. 408.

[2] Там же. С. 418.

[3] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. … С. 426.

Июль 1726 г.

22 июля 1726 г. в пятницу в доме Меншикова присутствует Девиер, который участвовал в расширенном совещании (более 27 человек), генерал Лессий, генерал-майор Трубецкой, генерал-майор князь Юсупов, Салтыков, Сенявин, граф Девиер, Гохмут, Волков, Макаров, Шувалов, бригадир и обер-комендант Фаминцын, обер-гофмейстер Олсуфьев, архиатор Блюментрост, президент Плещеев, Сухотин, статский действительный советник Степанов, камергер князь Сергей Долгорукой, гвардии майор Скроняков-Писарев, вице-президент Арсеньев, шталмейстер Кошелев, полковник от фортификации Трезин, сенатор князь Алексей Черкасский, князь Алексей Долгорукой, действительный статский советник Нелединский [Мелецкий], Новосильцов, Иван Потемкин, обер-щенк Апраксин и пр. господа штапофицеры. И в 12-м часу при столе его светлости кушали князь Голицын, барон Остерман, генерал-майор Юсупов, граф Девиер, Сенявин, Олсуфьев, князь А. Долгорукий, Скорняков-Писарев[1]. 27 июля 1726 г., в среду утром на приеме его светлости были генералы Девиер, Юсупов, Алексей Волков, Олсуфьев, шведский посланник Цедеркрейц, Фаминцын, гвардии майор Корчмин, прокурор Пашков и пр.[2] 29 июля 1726 г. в пятницу на совещании у его светлости присутствовали генерал Лессий, генерал-майор Дмитриев-Мамонов, Юсупов, Олсуфьев, Волков, граф Девиер, псковский архиерей, Фаминцын, президент Плещеев и пр.[3] 30 июля 1726 г. в субботу у его светлости были его доверенные лица Лессий, Девиер (пока доверенный. — П. Н.), Фаминцын, Сергей Долгорукой, Арсеньев (родственник Меншикова. — П. Н.)[4].

Август 1726 г.

Девиер пока в доверии шурина А. Д. Меншикова. Он в августе дважды посещал дом светлейшего князя, 21 августа в воскресенье и 30 августа в среду был на банкете в составе свиты императрицы Екатерины Алексеевны. 30 августа 1726 г. у Меншикова был банкет, на котором присутствовала Екатерина I, министры, послы и другие знатные персоны. В 8-м часу в дом его светлости начали съезжаться

[1] Там же. С. 433, 434.
[2] Там же. С. 435.
[3] Там же. С. 436.
[4] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. С. 436.

гости: канцлер граф Головкин, граф Толстой, барон Остерман, генерал Лессий, генерал-майоры: Салтыков, князь Юсупов, Дмитриев-Мамонов, Волков, Гохмут, генерал-адъютант Нарышкин, сенатор Алексей Черкасский, польский посланник Лефорт, Иван Нарышкин, цесарский секретарь-легацион, действительный статский советник Василий Степанов, гвардии майор Скорняков-Писарев, бригадир Корчмин, президент Плещеев, Сухотин. К исходу 8-го часа изволила прибыть государыня царевна Парасковья Ивановна и в 9-м часу в начале Еа императорское величество изволила прибыть в амазонском платье. И когда Еа императорское величество изволила проезжать на барже к пристани его светлости, тогда играли на трубах же с литаврами и отдали честь пушечною стрельбою. Среди гостей здесь часто присутствует Девиер, причем в статусе «один из многих»; при этом авторы «Записок», как уже отмечалось, его не только не выделяют и не подчеркивают персонально, но даже не пытаются акцентировать на нем внимание. Характерно также, что при его упоминании нигде даже не прослеживается оценочная характеристика.

При Еа величестве прибыли гофдамы, камергеры: граф Левольд, граф Сапега, граф Девиер, капитан Маврин, обер-гофмейстер Алсуфьев, генерал-майор Макаров, граф Бонди, генерал-адъютант Волынской, Александр Нарышкин. Во время банкета за столом по правую руку Екатерины I сидели его королевское высочество (зять Петра I — П. Н.), царевна Парасковья Ивановна, генерал-майоры князь Юсупов, Салтыков, обер-гофмейстер Алсуфьев, польский посланник Лефорт, две дамские персоны, а по левую руку Еа величества сидели канцлер граф Головкин, действительный тайный советник граф Толстой, генерал-майор Дмитриев-Мамонов, граф Девиер[1], генерал-адъютант Нарышкин, граф Бонди.

За столом, который стоял в зале сидели гофдам (10 персон) и 21 персона мужчин: генерал-майоры Макаров, Волков, Гохмут, генерал-адъютант Волынской и прочие, за другим столом в зале сидели штатские — 18 персон. Во время кушанья была музыка на скрипках и пушечная стрельба с пристани его светлости. В исходе 12-го часа Еа величество и его королевское высочество царевна Парасковья Ивановна изволили из дому его светлости поехать, и потом все кавалеры разъехались[2].

[1] И снова Девиер рисуется бегло, штрихом, как один на фоне остальных.

[2] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. С. 445.

Сентябрь 1726 г.

8 сентября 1726 г., в четверг утром были у его светлости на докладе генерал-майор Девиер, Ушаков, Волков, князь Трубецкой, Фаминцын, гвардии майор Скорняков-Писарев, полковник Репнин, архиатор Блюментрост, князь Шаховской, прокурор Пашков[1]. 14 сентября 1726 г. в среду у его светлости на совещании были вице-адмирал Змаевич, обер-гофмейстер Алсуфьев, генерал-майор князь Юсупов, Ушаков, Девиер, Измайлов, Волков, Ферволд, Фаминцын, Скорняков-Писарев, президент Плещеев, стольник Нелединский-Мелецкой и прочие господа штап-офицеры. В 9-м часу его светлость уехал из своего дома[2]. 15 сентября 1726 г. по докладу бригадира и обер-коменданта Фаминцына Меншикову, чтобы «на дворе минцмейстера Левкина постою не ставить», светлейший повелел письменно указать генерал-полицмейстеру Девиеру о выполнении данного распоряжения. На наш взгляд, это запрещение «не ставить постоя на дворе Левкина» вызвано тем, что он является минцмейстером московского денежного двора и его следовало обезопасить[3].

26 сентября 1726 г. в понедельник дом Меншикова в 5-ом часу вечера посетила Екатерина I. При Еа величестве были камергеры, генералы-майоры граф Девиер, граф Левольд, капитан Маврин и несколько гофдам. Еа величество изволила смотреть привезенного из Англии сервиза; и ототуда изволила поитить в Ореховую, где изволила кушать, а в 9-м часу «веселица» и в 3-м часу пополуночи Ее Величество изволила поехать в дом свой[4].

По нашему мнению, такое столь увеселительное препровождение императрицей своего времени и при ней ее свитой, в которой находится и Девиер, действительно, после смерти Петра I, как утверждает польский посланник Лефорт, генерал-полицмейстер (Девиер) стал исполнять только должность адъютанта или камергера, а дворец становится полным интриг и разврата[5].

---

[1] Там же. С. 449.
[2] Там же. С. 452.
[3] Там же. С. 453.
[4] Там же. С. 458.
[5] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 415.

Октябрь 1726 г.

В субботу, 1 октября 1726 г., у его светлости были Петр, архимандрид Александро-Невского монастыря, генерал-майоры Девиер, Ушаков, Гохмут, Сенявин, Фаминцын, Григорий Скорняков-Писарев и прочие[1]. В понедельник, 3 октября 1726 г., Меншиков после четырех посетителей (Лессий, генерал-майора Волкова, Макарова, Олсуфьева) отдельно принял Девиера, Лихарева, князя Шаховского и в 2-м часа дня с ними кушал. После 3-го часа его свтелость играл в шахматы. После были и другие на приеме[2].

Ноябрь 1726 г.

Антон Девиер дом своего тестя в ноябре посетил лишь дважды при следующих обстоятельствах. 6 ноября 1726 г. его светлости исполнилось 53 года. А. Д. Меншикова поздравили с днем рождения граф Бонди, генерал Лессий, генерал-лейтенант Гинтер, шаутбенахт Сенявин, генерал-майор Сенявин, Лихарев, Гохмут, польский посланник Лефорт, кабинет-секретарь Макаров, вице-адмирал Змаевич, обер-гофмейстер Олсуфьев, Алексей Салтыков, Адмиралтейской коллегии советник Козлов, Фаминцын, князь Шаховской и проч. Многие штап-офицеры.

В 10-м часу [утра] во время литургии в церковь прибыли поздравить его светлость генерал-крикс-комиссар Головин, генерал-майоры князь Юсупов, Ушаков, Салтыков, Девиер, действительный статский советник Степанов. По окончании литургии Меншиков из своего дома вынес «вышеписанным господам по чарке вотки и тогда поздравили музыкою его светлость»[3].

Следует заметить, что в 2 часа дня за праздничным столом, среди более 48 знатных персон Девиера не было[4]. Через три недели после празднования дня рождения Меншикова, 28 ноября в его дом в 8 часов вечера изволила приехать императрица Екатерина I. При Ея Величестве были камергеры Чевкин, Маврин, генерал-майор Девиер, гофмаршал Шепелев, гофдам две персоны. Екатерина Алексеевна

[1] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. С. 193.
[2] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 461.
[3] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. С. 474.
[4] Там же. С. 475.

«изволила кушать и забавляться до 5 часу пополуночи, а в оном часу изволила отъехать»[1].

Декабрь 1726 г.

В воскресный день, 4 декабря 1726 г. в 8-м часу утра Меншиков в Ореховой комнате персонально беседовал с Девиером и гофмаршалом Шепелевым. Остальные 13 человек дожидались своей очереди в так называемой Плитковой комнате. В 11 часов его светлость уехал к Ее Величеству, где был полчаса. В 7-м часу вечера Екатерина I прибыла в дом Меншикова и отдыхала в нем до 1 часу пополуночи.

Антона Девиера при Ея Величестве не было[2].

В четверг, 28 декабря 1726 г. у Меншикова состоялась ассамблея, на которой были: его королевское высочество, бискуп Этинский, генерал-адмирал граф Апраксин, гвардии капитан принц Гессен-Гомбургский, генерал Лессий, князь Голицын, генерал-лейтенанты Волков, Гинтер, генералы-крикс-комиссары Чернышов, Головин, генерал-майоры князь Юсупов, Ушаков, Салтыков, Дмитриев-Мамонов, князь Трубецкой, Сенявин, Корчмин, граф Девиер, Волков, Лихарев, Бибиков, польский посланник Лефорт, швецкой барон Цедеркрейц, легацион-секретарь цесарский, граф Басович (Бассевич), вице-адмиралы Сиверс, Змаевич, Гордон, сенатор Черкасской, князь Долгорукой, Нелединской, Наумов, президент Плещеев, генерал-адъютанты Нарышкин, полковник Витвер, Трезин, советник Козлов, вице-президент Фик, Иван Львович Нарышкин, Фаминцын, Феофан архиепископ Новгородский и Великолуцкий Феофилакт, епископ Тверской и Каширский, архиерей Коломинской и Каширской, Афанасий архимадрит Спасский и прочие штап и унтер-офицеры, купеческих иноземцов было с полторасто (150) человек. Его светлость играл в шахматы. По разъезде в 11-м часу его светлость опочивал[3].

Журнал 1727 г.

В январе-феврале 1727 г. Антон Девиер, как мы знаем, по Еа Величества повелению находился в Митаве, откуда возвратился в Северную столицу в конце февральского месяца. Уже 1 марта 1727 г.,

---

[1] *Сборник* РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 484.

[2] Там же. С. 487.

[3] *История* отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. С. 495.

в среду в доме Меншикова зять Девиер поздравляет его сына князя Александра Александровича с днем рождения, которому исполнилось 13 лет. В 2 часа дня состоялся обед. При праздничном столе его светлости кушали Иван Дмитриев-Мамонов, князь Юсупов, Ушаков, Салтыков, генерал-кригс-комиссар Головин, генерал Трубецкой, Лихарев, Сенявин, Волынский, Писарев [Скорняков. — П. Н.], Шувалов, князь Шаховской, Гохмут, генерал-адъютант Нарышкин, Алсуфьев (см. Олсуфьев), Потемкин, сенатор Долгорукой, князь Черкасский, Нелединский, Наумов, Фаминцын, Шепелев, Сухотин, Плещеев, другой Плещеев, Голицын, Пашков. По неизвестным причинам за праздничным столом Девиер не присутствовал[1]. 19 марта 1727 г. в воскресенье в доме Меншикова отмечали именины супруги светлейшего Дарьи Михайловны. Рано утром с днем тезоименитства княгини поздравили министры, генерал-лейтенанты Волков, князь Юсупов, Мамонов, Салтыков, вице-адмирал Змаевич, шаутбенахт Сенявин, Алсуфьев (Олсуфьев), польский посланник Лефорт, тайный советник Макаров, князь Шаховской, Сенявин, Гохмут, Кампенгаузен, Корчмин, Скорняков-Писарев, сибирский губернатор князь Долгорукой, гвардии майор Измайлов, Фаминцын, Шепелев и прочие штап-офицеры.

В числе поздравлявших был Антон Девиер, но за праздничным столом, который был накрыт в 2 часа дня, он отсутствовал[2]. Близился час расплаты, который готовил Меншиков неугодному зятю.

Это произошло 24 апреля 1727 г. Вот как этот день описывает секретарь светлейшего в «Повседневных записках»: «Меншиков, встав в 6-м часу, в 2 часа изволил кушать. Его светлость изволил пойтись к Ея императорскому величеству. И немного побыв, вышед в переднюю и приказом Ея Императорского Величества из генерал-полицмейстера графа Девиера изволил снять кавалерию и приказал гвардии караульному капитану арестовать и потом, паки побыв у Ея величества с полчаса, изволил возвратиться в свой покой. В 10-м часу пошел опочевать»[3]. В примечании утверждается, что Меншиков после ареста Девиера беседовал с Елизаветой Петровной, великим князем Петром Алексеевичем и также тайно с кабинет-секретарем Екатерины I А. В. Макаровым[4].

---

[1] *Сборник* РИО. СПб., 1868. С. 521.
[2] Там же. С. 528.
[3] Там же. С. 541.
[4] *Сборник* РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 589.

На этой печальной ноте закончим нашу попытку проанализировать взаимоотношения двух незаурядных и талантливых государственных деятелей, искренно преданных императору Петру I и по-своему ратующих за величие России и в то же время внутренне не принимающих, а подчас и отвергающих нравственно-этические поступки друг друга. Всегда трудно говорить о проблемах, которые касаются позиции людей, особенно часто близких единомышленников, более того, иногда прямо связанных родственными узами, как Меншиков и Девиер. В их судьбе много еще необъяснимых поступков, и именно это побуждает исследователей попытаться найти ответы не до конца решенные вопросы.

Некоторые исследователи конфликт А. Д. Меншикова и А. М. Девиера, вызванный женитьбой последнего на сестре светлейшего князя, рассматривают рядовым случаем, который якобы не повлиял на дальнейшую судьбу этих, несомненно, выдающихся деятелей петровской эпохи. В частности, М. Т. Никишова[1] ставит под сомнение «устоявшийся в историографии тезис о многолетней вражде Девиера и Меншикова», которая привела к судебному процессу по делу Девиера — Толстого. С таким утверждением трудно согласиться. Ведь родная сестра князя Анна Даниловна в своем прошении на имя сестры императора Петра II признает своего брата виновником в ссылке ее мужа Антона Девиера в Сибирь, движимое и недвижимое имущество Меншиков отобрал и роздал своим людям, а ее с малолетними детьми отправил в деревню на полуголодное существование[2].

4.1. Открытый конфликт А. М. Девиера со своим шурином А. Д. Меншиковым

Наружная видимость благополучия между знатными семьями Северной столицы светлейшего князя А. Д. Меншикова и его зятя А. М. Девиера, длившаяся почти пятнадцать лет, оказалась обманчивой. Вскоре она вылилась в открытую вражду. После смерти Петра Вели-

[1] *Никишова М. Т.* Письма генерал-полицмейстера А. М. Девиера к князю А. Д. Меншикову 1718–1727 гг.: опыт содержательного анализа // История. 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98), часть II. URL: https://ras.jes.su/history/s207987840009417-7-1 (дата обращения: 02.09.2024).

[2] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 463–464.

кого уже в первый год правления Екатерины I стали открыто судачить, что «князь Меншиков — заклятый враг Девиера»[1].

Поездка Антона Девиера в Курляндию по распоряжению императрицы Екатерины Алексеевны, результаты которой были не в пользу Светлейшего князя, еще больше усилили ненависть А. Д. Меншикова к своему нелюбимому зятю.

Александр Данилович с нетерпением ждал того часа, чтобы жестоко расправиться с Антоном Девиером, который продолжал пользоваться влиянием при дворе в условиях нового правления.

Ждать пришлось недолго. Как известно, преемница Петра Великого в управлении государством не принимала почти никакого участия. Фактически правителем России сделался А. Д. Меншиков, установивший свое лидерство в Верховном тайном совете, который был учрежден в феврале 1726 г. для лучшего управления и решения важнейших государственных дел. Совет открылся 10 февраля 1726 г. в Коллегии иностранных дел, а 23 февраля он переместился во дворец, где в зале для его заседаний были установлены балдахин и кресло для императрицы. В состав Верховного тайного совета вошла Екатерина I — председатель, герцог Голштинский, князь А. Д. Меншиков, адмирал Ф. М. Апраксин, канцлер Г. И. Головкин, граф П. А. Толстой, князь Д. Голицын, вице-канцлер барон Остерман как члены. Верховенство в Совете захватил А. Д. Меншиков, и по этому поводу не попавший в Совет его зять говорил П. А. Толстому: «Что же вы молчите? Меншиков овладел всем Верховным советом; лучше б меня в Верховный совет определили»[2].

Не имея уже сил управлять государством, императрица еще пыталась работать с документами. Этим воспользовался А. Д. Меншиков, которому было дозволено посещать даже тяжело больную Екатерину Алексеевну, продолжающую неукоснительно выполнять его просьбы. Именно при его непосредственном участии появляется Указ «О наказании за непристойные разговоры против Императорского Величества»[3], которым А. Д. Меншиков попытался припугнуть тех,

---

[1] *Донесение* посланника Лефорта своему польскому правительству 12 апреля 1727 г. // Сборник РИО. 1868. Т. 3. С. 463–464.

[2] *Допрос* графа П. А. Толстого / Из «Дела» генерал-лейтенанта Антона Девиера // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 445. Л. 137 об.

[3] *Голь Н. М.* Неравные браки // Первоначальствующие лица: История одного города. СПб. : Журнал «Нева». 2001. С. 72.

кто встал на его пути к верховной власти. Среди его противников стали распространяться слухи, что он вместе с канцлером графом Г. И. Головкиным приступил к составлению проекта завещания государыни. Говорили, что в этом завещании предусматривалась передача верховной власти Петру II, который с согласия Екатерины I женится на дочери князя А. Д. Меншикова, а последний будет регентом одиннадцатилетнего монарха-младенца до его совершеннолетия.

Представляя, что его ждет после смерти Екатерины I, А. М. Девиер незамедлительно примкнул к дворцовой партии, враждебно настроенной против А. Д. Меншикова, уже хорошо к этому времени осведомленному, кто против него строит козни. Его информировали, что сенатор граф П. А. Толстой, генерал и сенатор И. И. Бутурлин, генерал-полицмейстер А. М. Девиер ведут между собою разговоры «о воспрепятствовании браку» будущего императора Петра II с дочерью А. Д. Меншикова. Но пока противники возмущались складывающейся вокруг умирающей императрицы ситуацией, не предпринимая никаких конкретных действий. Например, во время допроса с применением пыток А. М. Девиер признался о встречах с И. И. Бутурлиным, П. А. Толстым, А. Л. Нарышкиным, А. В. Макаровым, Г. Г. Скорняковым-Писаревым, в ходе которых шел разговор, как убедить больную императрицу не допустить «своевольства великого князя», т. е. женитьбы Петра II на старшей дочери А. Д. Меншикова[1].

Однако Светлейший князь предпринял более решительные действия, чем участники дворцовой оппозиции. 24 апреля 1727 г. смертельно больная Екатерина I подписала подготовленный при его участии указ о создании следственной комиссии над А. М. Девиером, который, по мнению светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, считался главнейшим членом придворной партии, хотя следует признать, что главенствующую роль играл Толстой. Именно его, своего бывшего союзника, Меншиков должен был остерегаться более всего. Правда, в 1727 г. П. А. Толстому было 82 года, и, по-видимому, это было главным для спокойствия Светлейшего князя.

Что же касается А. М. Девиера, то возникает вопрос, предчувствовал ли генерал-полицмейстер, что его дни сочтены, что надобно принимать срочные меры для обеспечения личной безопасности, нанести своему противнику упреждающий удар. Сомнительно, чтобы он и его единомышленники в полной мере ощущали нависшую угро-

[1] *Павленко Н. И.* Петр II. М. : Проспект, 2017. С. 253–269.

зу. Источники не запечатлели никаких ответных мер, предпринятых А. М. Девиером в дни, предшествовавших его аресту. Видимо, он рассчитывал на родственные связи с А. Д. Меншиковым и на близость генерал-полицмейстера к царскому двору, в частности, к императрице Екатерине I и ее детям.

Вскоре судьба А. М. Девиера была решена. Из-за своей самонадеянности и беспечности А. М. Девиер предоставил своему противнику возможность перехватить инициативу. Сам же Антон Мануилович пассивно ждал своей участи. При этом он смотрел на все происходящее в связи с болезнью императрицы как на очередную интригу, хотя и неприятную, но не настолько, чтобы ее остерегаться. Больше всего он надеялся, что она его, и тем более его семьи, не коснется.

Но беда пришла неожиданно. Долго, почти пятнадцать лет, тлевший костер между двумя доверенными сподвижниками Петра I после его смерти с новой силой вспыхнул и охватил смертельным пламенем А. М. Девиера и А. Д. Меншикова.

24 апреля 1727 г. А. Д. Меншиков во втором часу дня отправился к Екатерине I «и, немного поговорив, вышел в переднюю и приказом Ее Императорского величества у генерал-полицмейстера графа А. М. Девиера «изволил снять кавалерию [шпагу] и приказал караульному гвардии капитану [его] арестовать».

Саксонский посланник Лефорт при описании этого ареста приводит любопытную деталь: «К Девиеру, находившемуся в покоях дворца, явился караульный капитан и, объявив ему арест, потребовал от него шпагу. Девиер, показывая вид, что отдает шпагу, вынимает ее с намерением заколоть князя Меншикова, стоявшего сзади его, но удар был отведен»[1].

Для заключения А. М. Девиера под стражу и его пыток А. Д. Меншиковым был использован незначительный повод. Когда 16 апреля 1727 г. наступил очередной приступ смертельной болезни императрицы Екатерины I и жизнь ее была в опасности, все присутствующие во дворце «были в великой печали…, а Антон Девиер, находясь здесь, «не токмо не был в печали, но и веселился…»[2].

---

[1] *Павленко Н. И.* Екатерина I. М. : Оригинал-макет, 2017. С. 171–172 ; *Сборник* РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 471.

[2] *Дела* тайной канцелярии. В 3 т. Т. 3. Дело генерал-лейтенанта Антона Девиера // НИА СПб ИИ РАН . Ф. 36. Оп. 1. Д. 445. Л. 119 об.

Мы считаем справедливым утверждение историка Н. И. Павленко о том, что это обвинение легкомысленного поведения А. М. Девиера явилось лишь частью продуманного плана расправы А. Д. Меншикова над дворцовой оппозицией во главе с П. А. Толстым. Дело в том, что Петр Андреевич был реальным противником А. Д. Меншикова, стремившегося оказаться у царского трона за счет выдачи своей старшей дочери Марии за будущего императора-малолетку Петра Алексеевича. И это хорошо понимал Светлейший князь. Поэтому он, не теряя времени, решил молниеносно расправиться со своим главным и наиболее опасным неприятелем. Тем более А. М. Девиер, находясь в застенке, признался, что по приезде его из Митавы в его доме впервые появился П. А. Толстой, с которым обсуждался вопрос о том, как помешать осуществлению плана А. Д. Меншикова по захвату верховной власти. Этого признания зятя было достаточно шурину, чтобы привлечь к следствию П. А. Толстого, главаря, по мнению светлейшего князя, придворной партии и др. В результате дальнейших показаний А. М. Девиера были арестованы И. И. Бутурлин, Г. Г. Скорняков-Писарев, князь И. А. Долгоруков, генерал-лейтенант А. И. Ушаков, А. Л. Нарышкин.

Следовательно, можно достоверно предположить, что А. Д. Меншиков, действительно, использовал арест А. М. Девиера лишь в качестве «наживки» для привлечения к следствию, а затем и к расправе над более влиятельными сановниками, чем начальник полиции столицы.

По нашему мнению, для современного читателя будет небезынтересно ознакомиться с прохождением службы теми, кто участвовал в деле А. М. Девиера, и узнать о их значимости и роли в государственных и военных делах при Петре Великом.

I. Иван Иванович Бутурлин был сыном ближайшего стольника Ивана Андреевича. Родился Иван 24 июля 1661 г. По малодостоверным источникам можно предположить, что И. И. Бутурлин в тринадцать лет принадлежал к числу потешных солдат Петра I, которые размещались в жилых помещениях в специально построенном военном городке. Потешные, сначала предназначавшиеся для игр, т. е., как тогда говорили, для потех, затем с годами превратились в подлинную военную силу. Служба в составе потешных солдат позволила Ивану Бутурлину довольно скоро дослужиться до высших чинов уже во время Азовских походов; 19 августа 1700 г. он был

произведен в генерал-майоры и командовал дивизией при осаде Нарвы. Русская армия в ноябре 1700 г. потерпела под Нарвой сокрушительное поражение. Шведы обезоружили солдат, отняли у них имущество, а офицеров объявили пленными. В числе пленных оказался генерал-майор Иван Бутурлин, который более 9 лет томился в шведском плену. После разгрома Карла XII под Полтавой Иван Иванович Бутурлин был освобожден взамен отпущенного из России пленного шведского генерала.

Возвратившись в Россию, генерал Иван Бутурлин в 1711 г. защищал южные границы Украины от набегов крымских татар и присоединившихся к ним мятежных казаков-запорожцев. В следующем году в составе войск под командованием Апраксина вступил на территорию Финляндии, где за активные боевые действия при Лаполе и Ганго-Уасе был произведен в генерал-поручики.

После этого победоносного сражения Петр I писал И. И. Бутурлину из Петербурга 13 марта 1718 г. следующее: «Поздравляем вашей милости с полученою «викториею» и что вам велел Бог реванж[ш] самому учинить сим клятвенным неприятелем за их доброй к вам трактамент» [1].

В последующее время И. И. Бутурлин командовал гвардейскими полками в Финляндии и Мекленбургии.

Своими боевыми и деловыми качествами, а также независимым характером и суждениями И. И. Бутурлин пришелся по душе императору Петру I. Он сопровождал государя императора в заграничные поездки — Голландию и Францию. По возвращении в Россию И. И. Бутурлин вошел в состав военной коллегии в качестве ее члена. Под начальством князя Голицына он участвовал в последнем знаменитом морском сражении в 1720 г. при Гренгаме. После этого царским повелением ему предписывалось снова выступить с полками в Финляндию. Но по случаю заключения Ништадского мира со Швецией предусмотренное выступление не состоялось. Войска расположились на зимних квартирах, а И.И. Бутурлин во время торжеств в Москве по случаю победоносного окончания Северной войны 22 октября 1721 г. был произведен в генерал-аншефы.

Среди придворных и сослуживцев высоко котировался авторитет И. И. Бутурлина. Этому в немалой степени служили его деловые

[1] Цит. по: [*Бергман В.*] История Петра Великого. Сочинение Вениамина Бергмана. Второе изд-е, исправ. и умноженное. СПб., 1840. Т. 6. С. 115.

и высокие нравственные качества: профессионализм военного, честность, принципиальность и неподкупность при исполнении служебных обязанностей. Об этих его качествах ходили легенды. Вот одна из них.

По возвращении Петра I «из чужих краев в Москву дошли до него жалобы на некоторых судей, бравших взятки. Это крайне Его прогневало. Иван Иванович Бутурлин, находившийся тогда при Его Величестве, не мог удержаться, чтоб не сказать Ему в глаза: пока сам Ты не перестанешь брать взяток, то никогда не истребишь оных и в подданых своих. Твой пример сильнее всех указов действует над их сердцами. Монарх, еще более раздражившись столь дерзкими словами, сказал: как ты смеешь сплесть на Меня такую ложь? Не ложь, перебил речь Его господин Бутурлин, а правду. В проезд Ваш через город Тверь, продолжал он, имел я квартиру у тамошнего купца, бывшего тогда в отлучке, а оставалась в доме жена его Ивановна с детьми. Случились в тот день ее именины, и собрались на обед к ней гости, на который и я был приглашен, но лишь только сели мы за стол, как пришел из магистрата городской староста с требованием тот же час от хозяйки ста рублей, говоря, что магистрат определил с общего совета поднести поутру Государю подарок в такую сумму, что по рассчислению досталось с их дома взять сто рублей. Встревоженная сим именинница просит обождать приезда мужа ее, которого ожидала она к завтрему, но староста ответствует, что время не терпит. Она клянется, что у нее нет наличных денег, но он сказывает ей, что без денег не велено ему выходить ни из которого дому и что, если тот же час она не сыщет их, то должен будет взять ее под караул. Веселье превращается в тоску, и бедная Ивановна со слезами снимает с себя жемчужной убор и отдает оной старосте, но сей последний не берет его, а требует денег. В крайности сей именинница взвыла, а гости из-за стола, один после другого с сетованием вставая, разошлись, дабы на тот же подарок принести доставшиеся на их часть деньги. Я уговаривал старосту, чтоб подождать до утра приезду ее мужа: вить де не такая беда, чтоб не можно обождать; но староста и мне сказал: барин! Я человек подвластной и мне отсрочивать никому не велено ни до вечера. Жалость, смотря на хозяйку мою, столько меня тронула, что я принужден был дать ей свои деньги, и она так обрадовалась, что бросившись ко мне в ноги, произносила и, Бог знает, какую благодарность. Вот каковы добровольные, как говорят Тебе, подарки; и Ты часто получа оные, не представляешь таковых начальных

последствий: так рассуди же, заключил г. Бутурлин, можно ли после сего требовать от подданных, чтоб не брали взяток, когда видят они, что и сам Ты берешь оных?

«Великий государь, по выслушании таковой неприятной истины, обнял Бутурлина, благодарил, что он, как выражал монарх, вразумил Его; и не только сей подарок, но и от прочих городов подобно же поднесенные, повелел возвратить, положив Себе за правило никогда более не принимать никаких подарков»[1].

В другой раз государь спрашивал Ивана Ивановича какого награждения желает он для своих детей? «Никакого, Государь!, ответствовал Бутурлин: «пусть они сами заслуживают Твою милость, а за меня не жалуй их»[2].

После сметри Петра Великого генерал-аншеф Иван Иванович Бутурлин в первый год правления Екатерины I был пожалован кавалером орденов Андрея Первозванного и Александра Невского. Но с болезнью Екатерины I и стремлением Светлейшего князя А. Д. Меншикова узурпировать власть не только в Верховном тайном совете, но и царскую власть, И. И. Бутурлин при малолетнем императоре Петре II был лишен всех почестей и остальные дни жизни своей провел в наследственном селе Крутилицах Владимирской губернии.

Генерал-аншеф граф Иван Иванович Бутурлин, находясь в ссылке в родном имении Крутицах Владимирской губернии, скончался в возрасте 77 лет 31 декабря 1738 г. Тело знаменитого генерала-изгнанника предано земле в Успенском девичьем монастыре города Александрова Владимирской губернии.

Возвращаясь к «Делу Антона Девиера», рассмотрим поведение И. И. Бутурлина. Во время допроса он признался, что генерал-полицмейстер дважды с ним встречался и вел в основном разговор на одну тему: как не допустить сватовства дочери А. Д. Меншикова за великого князя Петра Алексеевича, чтобы «до того не допустить, и так светлейший князь силу великую имеет, а как великий князь будет силен, чтоб не привел из Шлютельбурха [Евдокию Лопухину, бабку Петра II. — П. Н.]»[3].

---

[1] *Бергман В.* Указ. соч. Т. 6. С. 116–117.

[2] У Бутурлина имелось три сына: Николай (майор), Сергей (капитан) и Аркадий, который в царствование Елизаветы Петровны был пожалован в камергеры и кавалером ордена Св. Анны. См.: *Бергман В.* Указ. соч. С. 117.

[3] НИА СПб ИИ РАН . Ф. 36. Оп. 1. Д. 445. Л. 126.

В связи с этим А. М. Девиер просил И. И. Бутурлина вместе с адмиралом Ф. М. Апраксиным и графом П. А. Толстым «надобно… доносить Ее Императорскому величеству…» чтобы в своих интересах «изволила короновать при себе цесаревну Елисавету Петровну и Анну Петровну или обеих вместе», а великого князя после окончания учебы можно послать» за море ево погулять и… посмотреть другие государства»[1].

Во время допроса И. И. Бутурлин признался в том, что говорил ему А. М. Девиер и что он в принципе был согласен, чтобы царевна Анна Петровна «должна стать наследницей престола после смерти матери».

Во время следствия И. И. Бутурлин не упустил случая, чтобы высказать и личную обиду на А. Д. Меншикова. Он заявил, что служит давно, проявил особое свое усердие царю Петру в ссоре его с сестрою Софьею. Но ныне А. Д. Меншиков что хочет, то и делает, «…меня, мужика старого обидел: команду отдал, мимо меня младшему и адъютанта отнял».[2]

В ходе следствия было установлено, что генерал И. И. Бутурлин, который когда-то с помощью гвардейцев помог взойти на престол Екатерине I, намеревался не допустить коронования великого князя Петра Алексеевича. Вместо него предпочитал видеть на престоле цесаревну Анну Петровну. Этого плана придерживался и генерал-полицмейстер А. М. Девиер.

II. Граф Петр Андреевич Толстой. Отец графа Петра Андреевича, Андрей Васильевич Толстой, был окольничим и Черниговским воеводою.

Петр Андреевич служил при дворе стольником, сначала у Натальи Кирилловны, жены царя Алексея Михайловича, потом у царя Федора Алексеевича. После его смерти стал комнатным стольником при царе Иоанне Алексеевиче. В позднейшее время П. А. Толстой был прапорщиком Семеновского полка и дослужился до капитанского чина, переведен в Преображенский полк.

В 1702 г. Петр I возложил на П. А. Толстого трудное и опасное звание полномочного посла при Оттоманской порте. Стараниями русского дипломата турки не обнажали меча своего до тех пор, пока

[1] Там же. Л. 126 об.

[2] *Ковалевский Е. П.* Суд над графом Девиером и его соучастниками // Собр. соч. Т. 1. СПб., 1871. С. 193, 194 ; *Павленко Н. И.* Екатерина I. М. : Оригинал-макет, 2017. С. 178.

Карл XII происками польского короля С. Понятовского не одержал победы в дипломатической распре. Следствием сей победы было (10 ноября 1710 г.) знакомство русского министра с Семибашенным замком — политической тюрьмой. Возвратясь в ноябре 1714 г. вместе с Шафировым в Москву, П. А. Толстой был возведен в звание сенатора и пожалован богатыми поместиями.

Во время второй поездки царя за границу П. А. Толстой был послан из Голландии в Ганновер для заключения с тамошним кабинетом союзного трактата, который, однако, не состоялся. Потом он последовал за царем в Париж и напоследок, вместе с А. И. Румянцевым, отправился в Вену и Неаполь для открытия убежища скрывающегося царевича Алексея Петровича.

За успешное исполнение сего последнего поручения П. А. Толстой получил орден Св. Апостола Андрея Первозванного. В 1719 г. Петр Андреевич был отправлен к Берлинскому двору для воспрепятствования оному заключить предосудительный для России трактат с двором Английским. В 1722 г. во время Персидского похода П. А. Толстой находился при Государе и на возвратном пути Его Величества в Москву оставлен Им в Астрахани для непредвиденных с Персиею и Турциею переписок.

Вызванный в 1724 г. в Москву П. А. Толстой в день коронования императрицы Екатерины Алексеевны возведен в графское Российской империи достоинство.

По восшествии императрицы Екатерины I на престол графу П. А. Толстому повелено было присутствовать вместе с другими знатными сановниками в учрежденном Верховном тайном совете. Но в мае 1727 г. граф Петр Андреевич по происками Светлейшего князя А. Д. Меншикова императором Петром II был лишен всех чинов и знаков отличия и включен в список обвиняемых, связанных с арестом генерал-полицмейстера А. М. Девиера.

Светлейший князь А. Д. Меншиков считал П. А. Толстого главным лицом придворной оппозиции. Как показало следствие, это действительно было так. Петр Андреевич Толстой был личностью незаурядной. Он представлял собой человека весьма начитанного, превосходно владевшего пером, в совершенстве знавшего итальянский язык, и искусного дипломата, умело защищавшего интересы России на международном поприще.

Однако, в отличие от А. Д. Меншикова, который у царя Петра I пользовался высоким авторитетом с молодых лет, Петру Андреевичу Толстому такого доверия удалось заслужить лишь в зрелые годы. Причиной этому была ошибка П. А. Толстого, допущенная им в молодые годы. В борьбе Нарышкиных с Милославскими он оказался на стороне царевны Софьи и участвовал в Стрелецком бунте 1682 г., затем, убедившись в своей опрометчивой ошибке, П. А. Толстой переметнулся на сторону Петра I. Пытаясь угодить своему новому государю, Петр Андреевич в зрелом возрасте отправился в Италию изучать военно-морское дело, но затем Петр I все же решил его использовать на дипломатической службе. И здесь Петр Андреевич проявил свои незаурядные способности, решив ряд сложнейших вопросов в интересах безопасности России.

Во-первых, в самый критический период Северной войны он предотвратил нападение Османской империи на Россию. Во-вторых, в 1716 г. Петр Андреевич Толстой оказал Петру I весьма важную услугу. Вместе с гвардейским капитаном А. И. Румянцевым доставил из-за границы беглого сына царя Алексея Петровича и в должности руководителя Тайной канцелярии провел следствие над царевичем. И, наконец, в-третьих, в 1724 г. П. А. Толстой превосходно исполнил обязанности главного распорядителя во время коронации Екатерины Алексеевны, за что новая императрица осталась ему очень признательной. В последующем Екатерина Алексеевна мастерски использовала действия П. А. Толстого в качестве противостояния безраздельного господства А. Д. Меншикова. Но со временем Светлейший князь перехватил инициативу в свою пользу, и позиции А. Д. Меншикова при дворе вновь стали заметно укрепляться с одновременным падением влияния П. А. Толстого.

В данной ситуации Андреевич не остался безучастным свидетелем стремления А. Д. Меншикова породниться с царствующей династией путем брачного союза его дочери с великим князем Петром Алексеевичем. Он, как стало известно из признаний А. М. Девиера, пытался вместе с другими помешать осуществлению этого коварного плана А. Д. Меншикова.

Но Светлейший сумел их обойти и достичь своего. За несколько часов до своей кончины императрица Екатерина Алексеевна по настоянию А. Д. Меншикова подписала приговор П. А. Толстому и другим привлеченным к следствию. Изданный по сему случаю Ма-

нифест обвинял графа П. А. Толстого в преступном замысле отдалить Петра II от наследования престола и в сопротивлении бракосочетанию оного монарха с княжною Меншиковою.

В качестве наказания графа П. А. Толстого и его сына Ивана Петровича 13 июня 1727 г. отправили в Соловецкий монастырь. Путь от Петербурга до Архангельска занял свыше месяца. По прибытии в монастырь отца и сына расселили раздельно в двух пустых кельях, «между которыми свои сени с каменною стеною, у которых заделав кирпичом окна и ко дверям железные крепкие запоры с замками». Таков оказался последний уголок жилища графа Петра Андреевича и его сына Ивана Петровича Толстых. Скудная пища, строгая изоляция, запрет вести переписку, встречаться с кем-либо. В сыром, неотапливаемом каземате Петру Андреевичу Толстому пришлось доживать свои дни лишь в воспоминаниях о прожитом и пережитом и, наверное, не раз корить себя за промахи, допущенные им во взаимоотношениях с А. Д. Меншиковым, Но если П. А. Толстой осознавал за собой промахи и упущения по службе, о чем сказано в решении Учрежденного суда, то его сыну не была предъявлена вообще никакая вина. Хотя Петр Андреевич, придя в дом А. Девиера, просил его оказать содействие, так как «сын де мой в предерзость впал и государыня в гневе». Я слышал, ответил ему Девиер, что он «безделицу сделал».

Получается, что за «безделицу» следовало отправить на Соловки. Главная причина — преступления отца, а не сына. За преступника-отца несут ответственность и дети. Этим принципом, к сожалению, руководствовались не только в первой половине XVIII века, но особенно эта политика активно применялась и в СССР в трагические 30-е годы XX в.

Возвращаясь к делу Толстых, следует сказать, что первым не выдержал суровые условия ссылки сын Иван Петрович, заболев цингой, скончался в 1728 году[1], а отец Петр Андреевич — в январе 1729 г. В доношении на имя Его Императорского Величества сообщалось, что в прошлом 1727 г. Петр Толстой с сыном Иваном посланы в ссылку в Соловецкий монастырь, а для сторожения их «послан был гвардии лейтенант Лука Перфильев с гвардии солдатами 12 человек». Петр Толстой умер 1729 года января 30 дня[2].

III. Граф Андрей Иванович Ушаков. Оставшись малолетним сиротою по смерти отца своего Ивана Алферьева, Андрей Иванович

[1] *Бергман В.* История Петра Великого. Т. 6. С. 85–96.
[2] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Часть 4. Д. 159. Л. 60.

Ушаков с четырьмя братьями Поликарпом, Иваном, Романом и Иеремеем жил в крайней бедности, как беспоместный новгородский дворянин. Одна хижина и один верный слуга Аноха — вот и все наследственное достояние пятерых господ. Аноха работал для них день и ночь, и для целой барской семьи сшил один праздничный балахон и сплел из семи лык, одни лапти, называвшиеся поэтому семеричками. Андрей Иванович, родившийся в 1670 г., отличался ростом, дородством и силою. Нередко, ходя с деревенскими девками по грибы и ягоды, он переносил на своих руках сельских красавиц через грязь и лужи. Добрые крестьяне, удивляясь несоразмерной летам силе его, восклицали обыкновенно: «Ай детина! ай детина! ай детина!» Ушаков так свыкся с этой простосердечною похвалою, что она нравилась ему и в дни блестящей его жизни.

Во исполнение Высочайшего указа о явке всем недорослям из дворян на смотр, прибыли в столицу пятеро братьев Ушаковых: Андрей Иванович, отличавшийся от прочих ростом и дородством, был замечен Петром I и определен солдатом в Преображенский полк; вскоре произведен в унтер-офицеры, в 1717 г. пожалован в поручики, а через год в капитан-поручики гвардии. В это время А. И. Ушаков имел случай рассказать государыне о своем прежнем житье-бытье и с тех пор стал известен при дворе под именем детины.

За усердие в службе Петр I пожаловал А. И. Ушакова в 1712 г. к себе в адъютанты и в капитаны гвардии и в течение нескольких лет возлагал на него немаловажные по службе поручения, за ревностное исполнение коих Андрей Иванович в день торжества в 1721 году мира с Швецией произведен в генерал-майоры, вскоре потом сделан членом Адмиралтейств-коллегии и в 1724 г. возведен в достоинство сенатора.

По вступлении на престол Екатерины I А. И. Ушакову пожалован орден Св. Александра Невского, а в 1727 г. он произведен в генерал-поручики, но, принадлежа к числу противников князя А. Д. Меншикова, Андрей Иванович 22 марта того же года как майор гвардии волею мощного противника своего был переведен с тем же чином в армию. Императрица Анна Иоанновна в 1730 г. снова пожаловала А. И. Ушакова в сенаторы и в 1733 г. произвела его в подполковники гвардии и вскоре потом в генерал-аншефы.

Правительница Анна Антоновна [Леопольдовна?] в 1740 г. возложила на А. И. Ушакова орден Св. Апостола Андрея Первозванного,

а императрица Елизавета Петровна в 1741 г. не только подтвердила сие пожалование, но еще в 1741 г. во время празднования в Москве по случаю 20-летия со дня заключения мира со Швецией возвела Андрея Ивановича в графское Российской империи достоинство.

Граф Андрей Иванович Ушаков скончался в мае 1747 г. на семьдесят седьмом году от рождения, оставя по себе одну только дочь Екатерину Андреевну, бывшую в замужестве за графом Петром Григорьевичем Чернышевым.

Непоколебимая преданность престолу и бескорыстное исполнение поручений были отличительными качествами А. И. Ушакова[1].

«Если бы я имел много подобных офицеров, то мог бы назвать Себя совершенно счастливым!»[2], говаривал Петр Великий, когда заводил речь об А. И. Ушакове.

IV. Генерал-майор Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев. Он всегда говорил Петру I правду, нередко горькую, но справедливую. За это государь любил его и уважал.

В молодых летах Григорий Григорьевич был отправлен императором Петром I в чужие края для обучения разным наукам, в частности в Берлине изучал математику. Возвратясь в Россию в 1715 г. в звании капитан-поручика лейб-гвардии Преображенского полка, стал преподавать артиллерийское дело в Морской академии, которую через четыре года возглавил, будучи полковником и бомбардир-капитаном.

В 1720 г. в его подчинение, кроме руководства академией, перешли новые школы, учрежденные при архиерейских домах в Пскове, Новгороде и Ярославле. Сверх того, по представлению князя А. Д. Меншикова, Г. Г. Скорнякову-Писареву был вверен с 1719 г. главный надзор за строительством Ладожского канала. По повелению Петра I Григорий Григорьевич участвовал в следственных комиссиях над царицей Евдокией Федоровной и царевичем Алексеем Петровичем [следствие велось против первой жены царя Петра Евдокии Лопухиной и ее сына Алексея. — П. Н.].

Затем, 18 января 1722 г. он стал обер-прокурором Правительствующего сената, где однажды в ходе заседания у него произошла ссора

[1] *Бергман В.* Указ. соч. Т. 6. С. 132–133.
[2] Там же. С. 133.

с бароном Шафировым. По докладу об этом Петру I, находившемуся в это врем в Персии, Петр Павлович Шафиров был разжалован и приговорен к смертной казни, но, учитывая прежние заслуги, избавлен от оной и сослан в Новгород. По мнению И. И. Голикова, наказание понес и Г. Г. Скорняков-Писарев. Он был лишен чинов и якобы тотчас прощен, так как 4 марта 1723 г. отправлял уже прежнюю должность обер-прокурора. Петр I не раз проявлял недовольство Г. Г. Скорняковым-Писаревым из-за его упущений по работе, скандального характера и несдержанности в обращении с людьми.

Однажды Екатерина советовала Петру удалить Г. Г. Скорнякова-Писарева за дерзкие речи. «Не могу сего сделать, Катенька», — отвечал великий монарх, — «удалив его, устрашу других, изъясняться со мной откровенно»[1].

После смерти Петра I в 1725 г. императрица Екатерина I при содействии А. Д. Меншикова пожаловала Г. Г. Скорнякову-Писареву генерал-майора. Но это не остановило его выступить против своего благодетеля А. Д. Меншикова и присоединиться к его противникам[2].

Жажда власти и приближающаяся смерть Екатерины I торопила А. Д. Меншикова как можно быстрее завершить следствие над «злоумышленниками».

6 мая 1727 г., в день своей смерти, Екатерина I подписала указ, в котором «заговорщики» признавались противниками Устава о престолонаследии и духовного завещания самой императрицы. «Злоумышленники» обвинялись в стремлении не допустить передачи трона Петру Алексеевичу и его женитьбы на дочери А. Д. Меншикова и «всего общего добра, мира и тишины ненавидящие». Как проходил по инициативе А. Д. Меншикова сфальсифицированный суд над Антоном Девиером и его «единомышленниками» речь пойдет в следующем разделе.

---

[1] Цит. по: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Энциклопедия знаменитых россиян. М. : Эксмо, 2008. С. 667.

[2] *Скорняков-Писарев* Григорий Григорьевич // Бантыш-Каменский Д. Н. Энциклопедия знаменитых россиян. М. : Эксмо, 2008. С. 667.

4.2. Где поставить запятую в решении сфабрикованного суда: «казнить нельзя помиловать»?

Из дела генерал-лейтенанта Антона Девиера[1]

В каждом показании превалирует сугубо личный акцент в оценке. К сожалению, это не приближает истину, а окутывает ее несуществующими деталями, уводящими от сути реальной реакции Девиера и представляющие его действия и слова только с точки зрения восприятия ответчика. Характерно, что разные по своему статусу и социально-мировоззренческой позиции показания, кажется, разнятся друг от друга, но на самом деле они едины по сути: Девиер не злопыхатель и злобный интриган, предающий Российскую империю в критически трудные дни, а честный и мужественный генерал-полицмейстер, спокойно и без паники воспринимающий происходящее, искренне верный присяге и не желающий ни с кем идти на какие-то обсуждения и переговоры, а тем более сделки.

Указ тайному действительному советнику и канцлеру графу Головкину, тайному действительному советнику князю Голицыну, генералу лейтенанту Дмитриеву-Мамонову, генералу лейтенанту князю Княжево-Юсупову, генералу–майору Волкову, бригадиру и обер-коменданту Фаминцыну: Понеже Антон Девиер явился подозрителен в прежних предерзостях, но и, кроме того, во время нашей по воле Бога прежестокой болезни многим грозил и напоминал з жестокостию, чтоб все его боялись, того ради вам повелеваем по приложенным при сем мемориям и в протчих ево злых советах и намерениях им Девиером розыскивать и кто по тому делу приличится, следовать же и разыскивать и нам о всем репортовать обстоятельно.

Подлинно и за подписанием собственная Ее Императорского Величества руки тако,

Екатерина[2].

Показания неизвестного свидетеля

«Понеже я неоднократно видал в таких случаях, когда Ее Императорское Величество изволит от сна встать, тогда Антон Девиер возьмет

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы) Оп. 1. Д. 445. (Дела Тайной Канцелярии. Т. 3. Рукопись. Из дела генерал-лейтенанта Антона Девиера). Л. 117–160.
[2] Там же. Л. 117-160.

девушек и спрашивает обо всем, чего было ему делать не надлежало, и один раз я его в бане застал с некоторою девушкою, а с которою он сам скажет, и говорил ему, для чего он в баню с девушкою запирается и что он с тою девушкою делает, то он меня просил, чтоб Ее Императорскому Величеству не доносил, и сказал мне, что он спрашивал все, что без него у Ее Императорского Величества делается»[1].

Записка от имени Императрицы о дерзостях Девиера

«Понеже объявили Нам их высочества государыни цесаревны, что сего месяца 16-го числа во время Нашей по воли Божией жестокой болезни параксизмус, все доброжелательные Наши подданные были в превеликой печали, а Антон Девиер в то время будучи в доме Нашем не токмо [не] был в печали, но и веселился.

1. Плачущуюся Софью Карлусовну вертел вместо танцов и говорил ей — «не надобно плакать».

2. В другой палате сам сел на кровать и посадил с собою его высочество великого князя и нечто ему на ухо шептал; в тот час государыня цесаревна Анна Петровна в безмерной быв печали и, стояв в той же палате у стола, плакала; и в такой печальной случай он Девиер, не встав против Ее высочества и не отдав должнаго рабскаго респекта, но из злой своей предерзости говорил ее высочеству, сидя на той кровати: «о чем печалися, выпей рюмку вина».

3. Когда выходила в тою палату государыня цесаревна Елисавет Петровна в печали и слезах и пред ея высочеством не вставал и респекта не отдавал и смеялся о некоторых персонах.

4. Его высочество великий князь объявил, что он, Девиер, в то время посадил его высочество с собою на кровать, говорил ему: «поедем со мною в коляске, будет тебе лучше и воля, а матери твоей уже не быть уже живой», и при том его ысочеству напоминал, что его высочество зговорил жениться, а они за него будут волочиться, а его высочество будет ревновать.

5. Ея высочество великая княжна объявила, что в то время рейхсмаршал генерал-фельдмаршал светлейший князь Меншиков, видя ево Девиеровы такие злые поступки, ея высочеству говорил, чтоб они никого не слушали, но были б всегда при матушке с ним светлейшим князем вместе, а о протчих, ево Девиеровых, в то время бывших злых поступках их высочества за такою тогда предельною

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы)... Л. 118.

печалию припомнить не могут, а были при том многие персоны, которые по прясяжной своей должности и по совести, когда спрошены будут, объявят о всех ево Девиеровых непотребных словах и злых поступках, кто что видел и слышал, а куды он Девиер его высочество великого князя хотел увесть и что с ним делать и в какой силе вышепомянутые злые слова говорил, и где и с кем и когда был в совете, и какое злое имел намерение, о всем может объявить при допросе и при розыске.

Подлинной за подписанием собственной Ея Императорскаго Величества руки тако.

Екатерина[1].

Протокол допроса А. Девиера от 28 апреля 1727 года

И того числа по прочтении от священника присяги вышеписанные господа министры и генерал-лейтенанты заседали, и по заседании вышереченной Антон по вышеписанным пунктам допрашиван.

1. *Вопрос*. Сего апреля 16 числа во время по воле Божией Ея Императорскому Величеству жестокой болезни параксизмус все добродетельные Ея Императоскому Величеству подданные были в превеликой печали, а ты в то время, будучи в доме Ея Императорского Величества, не токмо [не] был в печали, но и веселился, чему?

Ответ. Сего апреля 16 числа в бытность в доме Ея Императорского величества в покоях, где девицы едят, попросил он у лакея пить, а помнитца, зовут ево Алексеем, а он назвал ево Егором, и тому не один он, но и протчии разсмеялись.

2. *Вопрос*. Плачущуюся Софью Карлусовну вертел ты вместо танцов и говорил ей: «не надобно плакать», для чего?

Ответ. Плачуюся Софью Карлусовну вертел он вместо танцов или нет, не помнит, а такие слова, что «не надобно ей плакать», помнится, говорил, утешая ее от печали.

3. *Вопрос*. В другой палате ты сам сел на кровать и посадил с собою его высочество великого князя и нечто ему на ухо шептал. Что?

Ответ. В палате при его высочестве великом князе на кровате сидел, а на ухо с его высочеством смеялся вышеписанному ж смеху о лакее, а кроме вышеписанного чтоб к противности Ея Императорскому Величеству не говаривал.

---

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы)… Л. 119 об.

4. *Вопрос*. В тот час государыня цесаревна Анна Петровна в безмерной быв печали и стоя в той палате у стола плакала и в такой печальной случай ты, не встав против ея высочества и не отдав должнаго рабского респекта, но по злой своей предерзости говорил ея высочеству, сидя на той кровати, «о чем печалися, выпей рюмку вина».

Ответ. В тот час государыня цесаревна Анна Петровна быв в печали и, стояв в той палате у стола, плакалась, и, сидя на кровате, и такие слова ей государыне «о чем печалися выпей рюмку вина» он говорил ли, то не помнит, а помнится ему было таким образом, как он и прочие сидели в палате с великим князем, между тем временем изволила государыня цесаревна в тое палату притти, и он хотел вставать, и она не ему одному, но и всем, которые в той палате были, вставать не приказала, и изволила сесть кушать. И он говорил: «Полно, не нужно, государыня, печалица, пожалуй мне рюмку вина своего, и я выпью», — понеже она государыня в тот час изволила сама кушать вино.

5. *Вопрос*. Когда выходила в тою палату государыня цесаревна Елисавет Петровна в печали и слезах и перед ея высочеством по рабской своей должности не вставал, и респекта не отдавал и смеялся о некоторых персонах. Для чего так учинил и о которых персонах?

Ответ. Государыня цесаревна Елисовет Петровна в палату приходить неоднократно изволила, и он по должности своей респект отдавал, и более вышеписанного смеху, как у него в первом пункте показано, не было, а о других персонах, чтоб он о ком смеялся, того он не помнит.

6. *Вопрос*. Его высочество великий князь объявил, что ты в то время посадя его высочество с собой на кровать говорил ему: «Поедем со мною коляске, а матери твоей уже не быть живой». Куды ты его высочество хотел везти и для чего и чем лучшим ево обнадеживал?

Ответ. В то время и никогда, как он с его высочеством сидел на кровате, таких слов его высочеству «поедем со мною в коляске, будет тебе лучше и воля, а матери твоей уже не быть живой» не говаривал и его высочество никуды в коляске везти не хотел и ни в чем его высочество не обнадеживал, а ежели он сие излагал, чтоб не показано с ним никакой милости.

7. *Вопрос*. При том его высочество напоминал, что его высочество зговорил жениться, а вы за нею будете волочиться, и его высочество будет ревновать. С какой причиной ты такие слова говорил?

Ответ. При том его высочеству, чтоб его высочество заговорил жениться, а он будет за нею волочиться, а его высочество будет ревновать и таких слов не говаривал, а прежде того времени говаривал, чтоб он изволил учиться, а как надел кавалерию, худо учился, и еще, как заговорил жениться, станет ходить за невестою и будет ревновать и учиться не станет, а более того не говаривал; а как он такие слова говорил, при том был и учитель Зейкин, а говорил он такие слова и высочеству также, чтоб придать охоту к учению ево.

8. *Вопрос*. При том же времени чинил ты и такие злые поступки, о которых их высочество за такою их презгольною печалью припомнить не могут, а могут доказать при том высшие многие персоны.

Ответ. При том же времени и никогда никаких противных проступков и предерзостей, которые бы касались противу высокой чести и интересу Ея Императорского Величества и высокой Ея Величества фамилии и Государству он не чинивал.

9. *Вопрос*. Когда Ея Имперское Величество изволила от сна вставать, тогда неоднократно ты брал девушек и спрашивал об чем, чего было тебе делать не надлежало. Ково ты спрашивал, почем и для чего?

Ответ. Таких случаях, когда Ея Императорское Величество изволит от сна восставать, тогда девушек он о здравии Ея Императорского Величества, как изволила почивать и встать спрашивал, а о прочих ни о каких делах их не спрашивал и от них не выведывал.

10. *Вопрос*. При том же один раз некоторая персона застала тебя в бане с некоторою девушкою и говорил тебе, для чего ты в бане с девушкою запираешся и что с тою девушкою делаешь. И ты тое персону просил, чтоб он Ея Императорскому Величеству не доносил, и сказал ты той персоне, что ты спрашивал де все, что без тебя у Ея Императорского Величества делается.

Скажи о чем именно спрашивал и для чего?

Ответ. В бане он с некоторою девушкою один на один, когда сидели с которою ево некоторая персона с нею застала в бане и он же персону (просил), чтоб он Ея Императорскому Величеству не доносил, просил ли и он той персоне, чтоб он спрашивал ее все, что без него у Ея Императорского Величества делается. Говорил ли того, он не помнит, а случалось ему, что он с девушками и с мужским полом в бане сиживал и разговаривал.

11. *Вопрос*. Ты ж явился подозрителен и в других превеликих предерзостях, а особенно во время Ея Императорского Величества

при жестокой болезни, многим грозил и напоминал с жестокостию, чтоб все тебя боялись. Кому грозил и чем и для чего?

Ответ. Во время Ея Императорского Величества болезни он никому ничем не граживал и ни с какою жестокостию, чтоб его боялись, не напоминал.

12. *Вопрос*. О вышеписанных обо всех предерзостях кому ты сообщал и с кем ты советовал или от кого тебе и какие советы и побуждения к тому были, надлежит тебе сказать самую правду, ничего не тая?

Ответ. Никому ни о чем не сообщал и ни с кем не советовал, и он ни от кого советов и никакого побуждения не имел.

13. *Вопрос*. Все ль ты сказал сущую правду и не утаил чего? Объясни ныне обо всем именно, а ежели после сего явится, что ложно учинено, тебе будет по артикулу как повелевать.

Ответ. Все он сказал сущую правду и ничего не утаил, а ежели после что явится ложно и зато, что Ея Императорское Величество укажет.

Из дела генерал-лейтенанта Антона Девиера

Антон Девиер караульного прислал ко мне, чтоб я к нему был, и как я к нему пришел, говорил он мне тако: Когда Ея Императорское Величество была в болезни трудной и он, Девиер, говорил его королевскому высочеству и государыне цесаревне, что матушка де больна, что, не дай де Боже, нам того видготся какого несчастья, а не худоб де вещи богатыя издоплиб запечатая понеже де те вещи у девушки на руках. Изволил герцог сказать, я делаю, что матушка приказала ключи отдать цесаревне Анне Петровне.

Еще же он, Девиер, говорил, я де как высочество докладывал, что де Государи здгося де у матушки не изволите быть безотлучно чужие де как светлейший князь с княгинею всегда де тут безотлучно, а вы де изволите отлучаться.

Он же много говорил, что де я сердито дал на трох, что докладами де государыню утруждают. 28 апреля 1727 г.

Да о смеху, о котором он в первом пункте показал, в дополнию сказал учинилось о том таким образом, что князь Никиту Трубецкого называли шутя товарищи ево Егором, и когда он, Девиер, у лакея попросил пить и назвал его Егором, а он, Трубецкой, на то слово поворотился к нему, где он сидел с великим князем и тому, как он так и прочие смеялись, притом и великий князь смеялся, и спросил его,

Девиера, чему вы смеетесь, и он его высочеству донес «изволите видать, что Трубецкой того не любит», и шепнул его Высочеству на ухо, что же «он к тому еще и ревнив».

Допрос А. Девиера 28 апреля 1727 года

Апреля в 28 день по окончании допроса Антона Девиера господа учрежденной суд ездил ко двору Ея Имперторского Величества и по тому допросу Ея Императорскому Величеству докладывали таким образом, что он Антон Девиер в допросе о всем сказал против допросных пунктов:

1. Которые слова не весьма важные, оные отчасти сказал он, что говорил только не в противной какой разум, а о других сказал, говорил ли и было ли так или нет, того не помнит, а что и помнит и то другим образом, а не так, как в допросных пунктах писано.

2. А которые дела и слова важные, а особливо, что принадлежат до великого князя, как в 6-м пункте написано, сказал, что того весьма не чинил, а ежели де он сие делал, тоб не показано было с ним никакова милосердия. И против того Ея Императорское Величество изволила сказать, что Ея Величеству о том его высочество великий князь сам доносил истину и Ея Императорское Величество на том утверждаеца и сама изволила ево Антона присмотреть в ево противных проступках и изволит знать многих, которые с ним сообщники были. И понеже де оное все чинено от них было к великому возмущению: того ради изволила повелеть ему, Антону Девиеру, объявить последнее, чтоб он по христианской и присяжной должности объявил всех, которые с ним сообщники в известных причинах и делах и к кому он ездил и советовал и когда; понеже де надобно то собрание все сыскать и искоренить, ради государственной пользы и тишины, а ежели де не объявит, то ево пытать.

На подлинном подписали:

Канцлер, граф Головкин
Князь Дмитрей Голицын
Иван Дмитриев-Мамонов
Князь Григорий Юсупов
Алексей Волков
Брегадир Фаминцын.

Мая в 4 день в 8-м часу по полуночи Учрежденный суд собрались и Антон Девиер привезен и в расспросе его сказал.

Как он приехал из Курляндии, несколько времени изволил по него просить его королевского высочества графа Бондия и велел ево спросить, ведает ли он про сватовство великого князя? И он ему сказал, что он отчасти о том слышал, а правда ль то или нет, не ведает. И он, граф Бондия, сказал, чтоб он с его высочеством повидался, и после того спустя несколько времени виделся с его высочеством в Зимнем ли дворце или в его доме, того не помнит. Его высочество стал ему о том же говорить, ведает ли он про то сватовство, и он ему сказал то же, что и графу Бондию: потом он изволил говорить, хорошо ли то будет и будет ли интерес Ея Величеству в том, о том де надобно Ея Величеству донесть по обстоятельствам. Толстой де у меня был и сказывал мне, что де надобно Государыне о том донесть обо всем, какую де впредь осторожность Ея Величеству надлежит в том иметь, понеже де светлейший князь силен, у него де войско в команде и Военная коллегия, а ежели то зделаетца, топо времени может в силу притти. И тогда де попросит у Ея Величества, чтоб из Шлютельбурха бывшую царицу взять; а она де старого обычая человек, может все переменить по-старому, понеже она нраву гневного, к тому ж, может быть, захочет, чтоб обиду зделать Ея Величеству и детям ее. И о том де сказывал мне Толстой. И сам де я признавал, что нехорошо, что надобно о том сказать Ея Величеству, как она изволит, чтоб ведала. Потом он, Девиер, на то сказал то де не худо надобно знать Государыне о том и просил ево, как он время найдет, чтоб о том донес Ея Величеству. И он ему сказал, как найду время, доложу Ея Величеству, и стал его высочеству говорить, для чего он сам не доложит Ее Величеству. Его высочество сказал: «Я сказал жене, что дал Ея Величеству знать токмо изволила умолчать, потом положили как случай кому будет доложить».

После праздника Пасхи приехал к нему [Девиеру] Петр Андреевич Толстой после обеда и сказал, что он приехал к нему на родины. И он перекрестился и сказал, что де тебе зделалось, что ты отроду у меня не бывал, и стал говорить я де недавно проведал, что жена твоя родила, и для того я приехал. Потом стал говорить «мне де крайняя нужда пришла тебя просить». И он ему сказал — о чем? И он, Толстой, говорил сын де мой в предерзость впал и государыня гневна. И он на то ему молвил, я де также слышал, что безделицу зделал; потом стал говорить,

как де мне прити к государыне милости просить, и он сказал, ты де знаешь время по утру или ввечеру, вели доложить о себе и попроси милости, притом просил ево, чтоб ему в том поспособствовал, и он ему сказал, ежели он при том будет готов просить и после того стал ему говорить: «говорил ли тебе королевское высочество что-нибудь?» И он сказал, нечто он мне говорил, и стал он, Толстой, ему, Девиеру, говорить, ведает ли он что делаетца сватовство великого князя на дочери светлейшего князя, и он, Девиер, ему сказал отчасти о том он ведает, а подлинно не ведает. Токмо его светлость обходится с великим князем ласково. Потом стал говорить, надобно де о том донесть Ея Величеству со обстоятельством, что впредь может статца. Светлейший князь и так велик в милости; ежели то зделаетца по воли Ея Величества, не будет ли Государыне после из того какая противность, понеже тогда он захочет добра больше великому князю, к тому же он и так чести любим, потом зделает и может статца, что великого князя наследником и бабушку ево велит сюды привести; а она де нраву особливого жестокосердния, захочет выместить злобу. И дела, которые были блаженныя памяти при Государе опровергнут; и для тово надобно Ея Величеству с обстоятельством донесть, как она о том соизволит, только бы о том известна была во всем, и хотел он сам донесть.

Тако ж и еще просил, ежели он время сыщет, что и он доложил; а мнитца то, чтоб Ея Императорское Величество для своего интереса короновать изволила принцес цесаревну Елисавету Петровну и Анну Петровну или обеих вместе, и когда де так зделаетца, то Ея Величеству благо надежнее будет, что дети Ее родные; а потом как великий князь здесь научитца, тогда мжно ево за море послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и прочие европейские принцы посылаютца, чтоб между тем могла утвердитца здесь карнация их высочеству. Чай же помнитца ему, что он, Толстой, ему говорил, что Иван Иванович Бутурлин о том ведает и хочет Ея Величеству о том донесть. А больше того были ль с ним Толстым другия… и о чем слова, того не помнит, а припомнит, объявит без утайки.

Потом Иван Иванович Бутурлин прислал к нему от себя во дворец человека, которого он в лицо знает, а имени и прозвания не знает, с тем, что Иван Иванович будет к нему, чтоб он домой ехал и он тому посланному сказал, что он будет тот час и потом поехал вскоре и как приехал, а ево еще не было. А посидя с полчаса приехал и стал ему говорить был ли де у тебя Толстой? И он ему сказал, что был, что де он

тебе сказывал то, что слышал от Толстого все слова. Потом он Бутурлин ему сказал, я де о том знаю, надобно де Ея Величеству донесть, и он Девиер ему сказал надобно донесть, кому случай будет, только не хуже б, что из них кому человеком двум или трем, при том же говорил с жалобою на светлейшего князя, что отнял у него команду и хотел о том государыне не доносить…

Потом в другое время он же, Иван Иванович, прислал к нему сына своего Аркадия с тем, чтоб он Антон к нему приехал, и он к нему приехал поутру, а в которое число не помнит и он, Иван Иванович, стал ево спрашивать: доносил ли о вышеписанном он, Антон, или королевское высочество или кто из них Ея Императорскому Величеству, и он ему сказал, что он время не получил, а королевское высочество доносил кратно, а более доносить время не сыскал и сказывал ему был де у меня Толстой и я де у него был же, визит отдавал, и он Девиер ему Ивану Ивановичу говорил, что ж де вы не доносите Ея Императорскому Величеству, притом он ему сказал я де о доносе Ея Величеству говорил с Толстым, и он де сказал лучше донесть Ея Величеству из них кому одному. Потом он, Девиер, ему говорил, для чего они к Ея Величеству не ходят, и он, Иван Иванович, сказал: нас де не пускают и он ему сказал: напрасно, де затеваете, сами ленитесь и не ходите, а говорите, что не пускают; при том же спрашивал ево о болезни Ея Величества, что есть ли легче, и он ему сказал, слава Богу, кажется есть полехче. Однако де чаю, цесаревна Анна Петровна плачет, и он сказал: как де не плакать, матушка родная. И он Иван Иванович говорил: она де на отца походит и умна, и он, Девиер, на то сказал, то правда, она и умильна собою и приемна и умна; а и государыня Елисавет Петровна изрядная, только де сердитее ее; и говорил ему: ежели б де в моей воли было, я б желал, чтоб цесаревну Анну Петровну Государыня изволила зделать наследницею, а Иван Иванович сказал, тоб дело не худо было и я б де желал, ежели б государыни не было б противно. Тако ж помнитца ему что-то Иван Иванович хотел говорить о вышеписанном же и с Адмиралом.

Также у него были разговоры раза два, три или четыре с Александром Львовичем Нарышкиным о сватовстве великого князя; и он, Нарышкин, сказывал ему: я де о том говорил раза три и четыре его королевскому высочеству и государыне цесаревне, чтоб донесть Ея Величеству хорошо ль де будет и будет ли Ея Величеству в том интерес, дабы до того не допустить, чтоб не усилился светлейший князь;

и он ему Нарышкину сказал, чтоб чаще говорил королевскому высочеству, и он ему сказал: я де и так часто говорю; також помнится ему, что он Нарышкин хотел о том же говорить и Федору Матвеевичу (адмиралу Апраксину. — П. Н.)

О том же деле, то есть о сватанье знает князь Иван Долгорукой и говорил ему Антону неоднократно, чтоб до того сватовства не допустить, понеже светлейший князь силен, а потом и больше усилитца; я де говорил его королевскому высочеству и государыне цесаревне Анне Петровне, и еще буду говорить чтоб Ея Величеству донесть и ему говорил, чтоб и он Антон о том же Ея Величеству донес, да он же ему, Антону, говорил чтоб он говорил герцогу и сам де я его высочеству буду говорить, чтоб его высочество и государыня цесаревна изволили говорить фельдмаршалу графу Сапеге, чтоб он о том же деле сам или чрез сына своего донес Ея Императорскому Величеству.

На Святой неделе или после ездил он в одной коляске с Алексеем Васильевичем Макаровым к графу Сапеге и говорили с ним о том же сватанье великого князя, а не помнит о нем он Антон зачал или он Макаров; и говорил он Макаров: светлейший же князь и паче усилитца и так де он на нас сердит, а потом паче сердит будет.

Девиер по окончании вышеписанного расспроса, еще в дополнение сказал:

…Когда де он был у королевского высочества, тогда его высочество говорил ему: Иван Иванович о том же деле хочет доложить Ея Величеству, а он Девиер сказал: «он де посмелее и может донесть», а когда сие было, день назначивает тот, когда светлейший князь и граф Сапега обедали у Балка и он, Девиер, отобедав у королевского высочества, ездил к Ивану Ивановичу и тогда ево не застал.

…Когда на литейном дворе лили мартиры, тогда был он у графа Сапеги и Григорий Скорняков-Писарев подшед к нему и говорил: говорил ли де тебе Петр Андреевич Толстой, надобно де того не проронить, и Государыне донесть: и он ему на то сказал: когда де время будет, тогда доложит Ея Величеству; и сказал ему — поди от меня прочь.

Помнитца, ему что канон того дня, как Государыня зело больна была, изволил ему говорить королевское высочество: светлейший де князь на свою пользу что-нибудь зделает, а ежели де от чего Боже сохрани, Государыня не станет; сожелею де того что при себе ничего не изволила зделать, а не худо было б для всякого случая что-нибудь теперь изволила зделать.

В тое ж Государынину болезнь за два дни или за день Иван Иванович Бутурлин говорил ему, а у себя в доме или во дворце, того не вспомнит: будто сказывал ему Григорей Писарев, светлейший де князь что-нибудь зделал на свою пользу, велел де он привезти к себе больных князь Дмитрея Михайловича и Остермана и цесарскаго посланника; недаром же он их к себе привез, знать что для своей пользы, и те слова сказывал он его королевскому высочеству.

Допрос Г. Г. Скорнякова-Писарева

При допросе акцент переносится на словосочетание «важные дела». Смысловая нагрузка — криминальные высказывания. А суть — прямой или завуалированный протест против власти. Но эта примитивно отработанная схема с Девиером не проходит, его прямые ответы и реальные поступки ломают ее своей логичностью и обоснованностью, и уже из заранее обреченного «заговорщика» он становится не только непосредственным собеседником, но и представителем власти, ратующим за законность и искренно обеспокоенным нелогичностью и замедленностью предпринимаемых действий. Главный предмет интриги — Меншиков, но он, как всегда, неуловим и при активных действиях — невидимый кукловод. «Сообщить или не сообщить» о «действиях» заменяется словом «донести», «доложить», что становится синонимом «раскрыть заговор» и «разоблачить».

Нарастает накал страстей, требующий незамедлительных действий, которые должен кто-то возглавить. А вот этого лидера и нет! Хотя при внимательном рассмотрении событий он четко вырисовывается и является притягивающим к себе центром. И это Антон Девиер! Только у него неколеблющаяся, постоянная устойчивая позиция: необходимо известить, то есть доложить императрице, другого решения быть не может.

Допрос Скорнякова-Писарева — явное подтверждение при всей разноликости трактовки окружающих, однозначности и неизменности позиции Девиера. Слово «донесть», в устах свидетелей постоянно повторяемое, есть не что иное, как «доложить немедленно», озвученное не только словами, но и поступками.

Допрашивающий ждет от ответов Скорнякова-Писарева обвинительного вердикта, задает одни и те же вопросы в различных вариациях, чувствуется подсказывающий ответ, но Скорняков-

Писарев однозначен: он излагает реальные события, в которых Девиер спокойно и достойно оценивает происходящее. Но за всем рьяно следит Меншиков, незримо пользуясь властью, управляет всеми событиями, оставаясь все время в тени, но искусно продолжая дирижировать всеми действиями. Логично считать, что ему принадлежит блестящая идея с фигурой князя-наследника. Он все время четко управляет назревающим конфликтом, но у всех создаётся впечатление, что это его не интересует, что он случайный свидетель и явно ни при чем. А на деле — он инициатор: именно он доносит и именно он все предает гласности, ловко уходя от публичной инициативы.

Блестяще разыгранный поединок с его скрытым врагом Девиером, когда он сумел в него выпустить все стрелы, не беря в руки лук и не прикасаясь к тетиве. «Глобус и циркуль в руке» молодого великого князя и канат как символ будущего — это не только портрет возможного правителя, но и угроза Меншикова своим противникам. Вот почему, внешне отрицая фигуру, он уже её внутренне утвердил и ловко заручился поддержкой императрицы, играя роль осуждающего наблюдателя. А на передний план выходят весьма второстепенные фигуры, явно проявляющие интерес к происходящему, но абсолютно ничего не решающие (Витвер, Остерман, Корчмин и даже Писарев). Но Девиер стоит особо: он тверд в своих оценках, он не суетится и не ищет союзников, так как знает по чьей воле осуществляется интрига, он понимает лицедейство светлейшего князя, но в данной ситуации бессилен, хотя прекрасно осознает, что угроза и пока еще сдерживающее начало для Меншикова — это он, Антон Девиер. И как заключительный рефрен звучит в каждом допросе безапелляционный вывод: «Сказал сущую правду и ничего и никого не утаил».

И того же числа по подписанию вышеписанном тексте Григорий Скорняков-Писарев пред судом по нижеписанным пунктам допрашиван:

1. *Вопрос*. Антон Девиер сказал на тебя, что говорил ты с ним о некоторых важных делах; о каких важных делах и где и в которые времена ты с ним говорил?

Ответ. С Антоном Девиером же ни о каких важных делах нигде некоторое время не говаривал. А как были в доме у графа Сапеги, в то время говорил он Девиер ему, чтоб донесть Ея Имперскому Величеству ныне, а после де времени не будет и вас не допустят, а про что доносить, того ему не сказал; и для чего времени не будет не

сказывал же. И он ево не спрашивал, аль чему тот разговор и от кого он от него ль Писарева сперва или от него Антона зачался того не помнит, для того что был тогда шумен, а думал он, что де о том, что за несколько дней пред тем сказывал ему Иван Иванович Бутурлин, что приезжал он Девиер к нему и говорил ему, что де светлейший князь дочь свою прочит за великого князя, и говорил де он мне, чтоб о том донесть Ея Императорскому Величеству. И он Писарев ему Ивану Ивановичу говорил, надобно о том Ея Величеству донесть. А более того с ним Антоном и с Иваном Ивановичем никаких противных слов против персоны Ея Императорского Величества и государству не говаривал.

2. *Вопрос*. Антон Девиер именно на тебя показал, что когда лили на Литейном дворе мортиры, а были вы с Девиером у графа Сапеги и ты подшед к нему и говорил: говорил ли де тебе Петр Андреевич Толстой надобно де того не проронить и Государыне донесть и ты скажи как сие было?

Ответ. Таких слов о Петре Андреевиче он Писарев ему Девиеру не говаривал, а как Антон ему говорил, что надобно донесть, и он ево спросил о чем донесть о том де что надобно доносить и Петру Андреевичу и при том говорил, а де один говорю а ты не говорите.

3. *Вопрос*. Он же Девиер расспросом показал: в Государынину болезнь дня за два или за день Иван Иванович говорил ему, что ты ему сказывал: Светлейший де князь что-нибудь зделал на свою пользу, велел де привезти к себе больных князь Дмитрея Михайловича и Остермана и цесарского посланника, недаром де он их привез, знатно что для своей пользы. И ты объявил именно Ивану Ивановичу такие слова говорил ли, и в какой силе и какой тебе пользы светлейшему князю чаял?

Ответ. С Иваном де Ивановичем дни за два ли за день болезни Государыниной никогда таких слов что светлейший князь зделал на свою пользу и велел к себе привезти князь Дмитрея Михайловича и Остермана и цесарского посланника недаром знатно, что для своей пользы, не говаривал, а имел с ним разговор как Государыня больна была, а в который день не помнит; говорил также, что светлейший князь, в день тезоименитства Ея Императорского Величества, приказал учинить фейерверк бомбандирскою ротою, которою планы для опробации нарисовать два-три например, с Васильем Корчминым. Принесли к светлейшему князю, и он взяв и отдал полковнику Витве-

ру и велел ему нарисовать своим манером; и как тот Витвером нарисованный план отдал: светлейший князь Василью Корчмину, и он Писарев при том не был и как он к Корчмину приехал и он ему тот план показал, на котором плане нарисовано: столб и на столбе корона и к тому столбу привязана веревка с якорем и прикреплен тот якорь в землю, а при том столбе нарисован молодой человек с глобусом и циркулем, а другою рукою держит за тот канат, которой привязан к столбу, при котором литера Еф; А в толковании написано: Еф показует великий князь, у которого глобус и циркуль в руке, то есть нынешняя информация, и другою рукою держит за канат для предбудующего надеяния. И он Писарев, увидя ту фигуру, спросил Василья Корчмина, кто при том был, и он ему сказал, что при том были, как светлейший князь ему тое фигуру отдавал, барон Остерман, Алексей Васильевич Макаров, генерал-майор Волков. И он Писарев, взяв тое фигуру, ездил к Алексею Васильевичу Макарову и ее показывал, и он ему велел ехать к светлейшему князю, и он приехал и ево светлости тое фигуру показывал и предлагал что та фигура нехороша, и дабы ее переменить. И он светлейший князь сказал: переменить де ее невозможно, я де показывал ее Государыне. И он Писарев его светлость спросил то ли той фигуры Государыне объявил ли и он сказал де, что не объявлял, вить де того толко писать я не велел. Где де ты то взял, и он его светлости сказал, что он взял у Василия Корчмина и его светлость послал по него Корчмина и спрашивал его где он тот толк взял. И он ему сказал я де толк взял у Витвера. И он Писарев при том его светлости говорил, что та фигура дурна и без толкования многие растолкуют. И светлейший князь сказал им обоим ехать к барону Остерману и спросить: велит ли он тое фигуру переменить или той быть? И он Остерман сказал, как они ему с Корчминым растолковали, и мне де кажется нехорошо, и они те же слова сказали светлейшему князю, и светлейший князь взял от них с Корчминым тое фигуру и велел написать другую, которая нарисована и сожжена, и с того времени имел он подозрение, что светлейший князь тое фигурою являет наследником великого князя, а как услышал от Ивана Ивановича, что и дочь свою он прочит за него великого князя, то он говорил с Иваном Ивановичем, что мы все преть целовали государыне и кого она изволит учинить наследником, тому и быть, и тужили о том, что государыня очень была больна и более того не говаривал.

4. *Вопрос*. Во время болезни Ее Императорского Величества, а особливо во время тяжкой болезни или пред тем временем не было ль какова у вас совету и о чем и с кем?

Ответ. Как он услышал в тот самый день, как Государыня очень была больна, и это было ему печально, и пошел он, Писарев, к королевскому высочеству и говорил ему чтоб он изволил доложить Ее Императорскому Величеству, чтоб она изволила объявить наследника кого она изволит, чтоб без объявленного наследника мы не остались и те слова говорил он Писарев в тот ли день или на другой того не помнит и Андрею Ивановичу Ушакову, и он Ушаков с ним говорил, что де надобно, и потом с ним Ушаковым оба говорили королевскому высочеству, и королевское высочество сказал им, то де надобно донести Ея Величеству, токмо ныне гораздо больна, а со временем доложить, чтоб заблаговременно то учинить изволила, и том же говорил с Иваном Ивановичем и с Петром Андреевичем в домах их после того, как с Ушаковым говорил, а в который день, того не помнит, а приезжал к ним — без призыву собою, прежде к Ивану Ивановичу, потом и к Петру Андреевичу и говорил с ними о том таким же образом, как и с Андреем Ивановичем, и они сказали ему, что то надобно, а других персон в то время никого у них не было и противных слов по Ея Величеству не говорили.

5. *Вопрос*. С кем еще о тех делах говорил или от кого слышал.

Ответ. О тех делах более того ни с кем не говаривал, и сам ни от кого не слыхал.

6. *Вопрос*. Все ль сказал ты истинную правду и не утоил ли чего или кого, нынче объяви именно.

Ответ. Сказал сущую правду и ничего и никого не утаил, ежели явится что ложно, и за то, что Ея Императорское Величество укажет.

Показания Ивана Долгорукова

Показания Ивана Долгорукова мало чем интересны, так как в основном повторяют общеизвестные ремарки — разговоры знакомых уже персонажей, работающих по заранее подготовленной Меншиковым схеме.

И здесь она дает сбой: Девиер наряду со всеми печется о благе не только императрицы, но и всего государства, и никто не может обвинить его в злопыхательстве. Более того, в ответах Долгорукова явно звучит симпатия к обвиняемому, а это уже что-то новое,

и среди свидетелей названы весьма авторитетные и уважаемые люди: Петр Толстой, Иван Бутурлин и Федор Апраксин. А это уже вне задуманной игры светлейшего князя, и поэтому допрос Долгорукова весьма краток.

Вопрос. Антон Девиер сказал на тебя, что говорил ты с ним о некоторых важных делах, о каких важных делах и где и в которое время ты с ним говорил, объяви о всем и мянно.

Ответ. Тому назад недели с две, а именно не упомнить сказывал ему Антон Девиер. Что будто сватает светлейший князь дочь свою за великого князя; и хотели де о том говорить Ея Величеству Петр Андреевич Толстой, Иван Иванович Бутурлин, Федор Матвеевич Апраксин, чтоб до того не допустить, для того что противно интересам Ея Величества, да он же Девиер сказывал ему будто во время болезни государыниной в самую жестокую болезнь светлейший князь, барон Остерман, князь Дмитрий Михайлович, цесарский министр граф Рабутин сочиняли духовную для Ея Величества, по которой чтоб быть наследником великому князю, а светлейшему князю регентом, и говорил ему чтоб о том деле донести его королевскому высочеству и после того он о том его высочеству дни с два не доносил, а потом увидел он Антон (Девиер) ево князь (я) Ивана во дворце и спрашивал ево доносил ли он его высочеству, и он сказал что еще не доносил и еще ему подтвердил чтоб его высочеству о том донесть: и он князь Иван его высочества докладывал изволил ли он видеться с Антоном и изволил ли вышеписанные слова от него слышать и он изволил сказать я де всеугол и слышал?

Вопрос. Антон Девиер показал на тебя, что ты о сватанье великого князя знаешь и говорил ему Антону неоднократно чтоб до того сватовства не допустить понеже светлейший князь силен, а потом и больше усилится, я де говорил его королевскому высочеству и государыне цесаревне Анне Петровне и еще буду говорить, чтоб Ея Величеству донесть и ему говорил, чтоб и он Антон о том же Ея Величеству донес, да он же ему Антону говорил, чтоб он говорил герцогу и сам де я его высочеству буду говорить, чтоб его высочество и государыня цесаревна изволили говорить фельдмаршалу графу Сапеге, чтоб о том же деле сам или чрез сына своего донес Ея Императорскому Величеству.

Ответ. Между вышеписанными словами он князь Иван ему Антону такие слова, что он о сватанье великого князя донесет его высо-

честву, что когда светлейший князь усилится говорил и он Антон то же говорил також, чтоб Ея Величеству он Антон о толе донес, а он князь Иван о том же будет говорить его королевскому высочеству, чтоб изволили говорить фельдмаршалу графу Сапеге и чтоб он о том деле сам или чрез сына своего Ея Величеству донес, говорил же.

Вопрос. Со кем еще о тех делах говорил, или от кого слышал?

Ответ. Более того ни с кем не говаривал и сам ни от кого не слыхал.

Вопрос. Всю ты истинную правду сказал и утаил ли ты кого и чего объявил о сим именно.

Ответ. Сказал истинную правду и никого и ничего не утоил, а ежели впредь явится что ложно и за то Ея Императорское Величество укажет.

Антон Девиер мая 2-ой день в дополнение показал

Когда говаривал с ним Иван Иванович Бутурлин о деле сватовства великого князя как у него напредь сего в допросе показано, а когда того не помню, и тогда же он Бутурлин упоминал, что светлейший князь будет велик хотяб де по воли Государыни императрицы тому быть в том Ея Величества воля: токмо де светлейший князь не думал бы того, чтоб князь Дмитрий Михайлович Голицын и брат ево князь Михайла Михайлович и князь Борис Иванович Куракин и их фамилия допустили ево, чтоб он властвовал над ними, напрасно де светлейший князь думает, что они ему друзья и говорил тогда когда б сие уже сделается, ему скажут де полно де миленькой и так ты нами властвовал, поди прочь: а ежели бы то учинилось по воли Ея Величества то б князь Борис Иванович тот час прикатится сюда. Правда, светлейший князь не знает с кем знаетца, хотя князь Дмитрей Михайлович манит или льстит не узнал бы что он ему верен токмо для своего интересу, к тому же говорил мог бы он от Государыни пожалован быть, ежели б он просил однако ж мне не надобно. И понеже давно служу, и при Государе Блаженные памяти показывал великую службу, когда была ссора у Его Величества с сестрою царевною Софьею Алексеевною, и ныне служить готов, токмо б искать государственной пользы. И он Антон ему сказал, что очень то хорошева дела и всем так надобно делать, и он Иван Иванович говорил, что де хорошева, что светлейший князь что хочет, то делает, и меня де мужика старово обидел, команду отдал мимо еву младшему, к тому же и адъютанта

отнял у меня; чего ради он так делает - знатно для своего интересу, а надеюсь де что Государыне о сем неизвестна. Буду Его Величеству жаловатца, и ему стану говорить, откуды он такую власть взял, разве за то, что я много ему добра делал, о сем он светлейший князь довольно ведает, а теперь забыто, так-та он знает, кто ему добро делает Зейкине мнитца ему, что он знает о сватовстве великого князя понеже господа Нарышкины зело ево любят и для то ж веритца ему, что Нарышкины как ему Зейкину сказывали понеже он между протчим и дискурсы спрашивал ево, правда ль то , что светлейший князь сватает дочь свою за великого князя и тогда помнитца ему Антону, что он говорил, хорошо ли и то паметуетца, что сие говорено было во дворе, где кофе пьют.

О графе Толстом

Текст под названием «Допрос Толстого» композиционно нарушается пояснительной вставкой «О графе Толстом», очевидно, не случайно: трагическая судьба, на которую обрек его Меншиков, это месть и расправа за успешные деяния его в прошлом и наслаждение светлейшего князя за длительную скрытую ненависть к недосягаемому долгое время противнику.

Действительно, Петр Андреевич Толстой (1645–1729) был личностью незаурядною. Известный дипломат, прекрасно владеющий сложнейшей ситуацией, он, посланный в Австрию, блестяще провел операцию возвращения в Россию мятежного царевича Алексея, чем заслужил не только восхищение, но и искреннее доверие и признательность Петра I. Это была та фигура в шахматной игре, которую Меншиков не мог рассматривать как пешку, это был удар à la garde (с франц. — «Берегись». — П. Н.), и он это чувствовал постоянно… К тому же граф Толстой — действительный тайный советник и руководитель Тайной канцелярии, которая во время следствия над царевичем Алексеем Петровичем начинает не только складываться, но и делать довольно успешные первые шаги в политике России.

Расправа над ним Меншикова — это, действительно, не поддающаяся логике жестокость: 82-летнего графа Толстого ждут Соловки — русская Голгофа. Это самый известный узник, который будет вскоре похоронен рядом с могилой своего ни в чем неповинного сына Ивана.

Спустя десять лет после кончины графа Петра Толстого в Соловецком монастыре отбывал ссылку известный дипломат, князь Василий Долгоруков. За составление подложной духовной Петра II, Василий Долгоруков был привезен в Новгород, подвергнут допросам и пытке и в ноябре 1739 г. обезглавлен. Погребен на кладбище близ Новгорода. Судьба князя Василия Долгорукова очень созвучна тем, кто был в центре сложнейших событий «эпохи дворцовых переворотов», часто становясь жертвой политических интриг.

Допрос Толстого

Мая в 1 день Антон Девиер в расспросах показал: после праздника Пасхи приехал к нему граф Толстой после обеда и сказал, что на родины, а прежде того он у него не бывал и после других разговоров он Толстой ему Девиеру говорил: королевское де высочество что нибудь тебе говорил ли, и он Девиер сказал, нечто он ему Девиеру говорил, и Толстой де ему Девиеру говорил, ведает ли он что делается. Сватовство у великого князя на дочери светлейшего князя и он Девиер ему сказал отчасти он ведает токмо его светлость обходится с великим князем ласково. Потом он Толстой говорил, что впредь может статься светлейший князь и так велик в милости. Ежели то зделается по воли Ея Величества, не будет ли Государыне после из того какая противность, понеже он тогда захочет добра больше великому князю, к тому же он и так чести любив. Потом зделает и может статься, что великий князь наследником и бабушку ево велит сюды привезти, а она де нраву особого, жестокосердна. Захочет выместить злобу, и дела которые были блаженныя на памяти при государе опровергнуть и для того надобно Ея Величеству со обстоятельством донесть, как она о том соизволит. Только бы она о том известна была во всем и хто толь он Толстой сам донесть, так ж и ево Девиера просил, ежели он время сыщет, чтоб и он доложил, а мнится чтоб Ея Императорское Величество для своего интереса короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну и Анну Петровну, то Ея Величеству благонадежнее будет, что дети ее родные, а потом как великий князь научится. Тогда можно ево за море послать погулять и для обучения посмотреть другие государства как и прочие европейские принцы посылаются, чтоб между тем могла утвердиться здесь коронация их высочеству; також помнится ему, что он Толстой говорил, что де генерал Бутурлин о том ведает и хочет Ея величеству донесть.

Мая в 3 день граф Толстой сказал: У Антона Девиера после праздника Пасхи он Толстой не бывал, а был пред благовещенским днем дни за два или три приехал просить о вспомощении о сыне своем, и потом он Девиер начал говорить с ним, что де вы молчите, светлейший князь овладел всем верховным советом. Лучше б де было коли б ево Девиера в верховный совет определили, и он де граф Толстой сказал ему, что не в ево воле, при том же он Девиер говорил: светлейший князь дочь свою сватает за великого князя, и потому де надобно противитца, и он де граф Толстой сказал ему, что ему в том противитца не можно, и потом же он Девиер говорил хорошо б де Ея Императорское Величество учинила наследника при себе, и он де граф Толстой говорил ему и я б де тому рад был из дочерей Ея Величества или внука, а лучше б из дочерей, ежели бабка великого князя будет взята, будет мстить ему грубость ево к ней, и блаженныя памяти Государя Императора дела опровергать будет, да и для того, что он граф Толстой по указу блаженныя и вечнодостойныя памяти Его Императорского Величества привез царевича Алексея Петровича из чужих краев в Россию, и когда о том долго были розыски, у тех розысков по указу Его же Величества был он граф, того ради опасался он, чтоб то ему не припамятовано было впредь, а более в том, а именно в наследстве полагался на волю Ея Императорского Величества, а мнится ему чтоб Ея Величество короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну, и когда де там зделается и Ея де Величеству благонадежнее будет что дочь родная, а потом как великий князь научится, тогда можно ево в чужие края послать погулять и для обучения, посмотреть другие государства как и дед ево блаженныя памяти Государь Император ездил и прочие европейские принцы посылаются, чтоб между тем могла утвердиться государыня цесаревна в наследстве. Он граф ему Антону говорил, о коронации цесаревны Анны Петровны или обоих государынь цесаревен вместе не говорил, а королевскому высочеству о предосторожности Ея Имперскому Величеству не говаривал, а говорил на слова его королевского высочества, когда изволил ему говорить, что он у Государыни хочет просить или просит сына генералиссимуса, а лучше б де коли мне военную коллегию вручили. Я б де силен был в войске и Его величеству верен, и он де граф Толстой сказал, что то изрядно, извольте о том промышлять к своей пользе, что вам угодно, а в другие времена многожды изволил его высочество ему говорить, чтоб Государыня Ея Императорское Величество изволила

учинить наследницею дочь свою Елисавет Петровну також во время тяжкой болезни Ея Императорского Величества прислал к нему королевское высочество, чтоб он ехал в дом Андрея Ушакова, и он граф к нему Ушакову поехал и как приехал к нему то не застал дома, ни ево ни жены ево и пошел от него ко двору Ея Имперского Величества и тем временем не дошед до двора Ея Величества наехал на него королевское высочество в коляске и велел ему сесть с собою и привез к себе в дом и сказывал ему что Ея Императорское Величество очень больна и мало имеется надежды в ее жизни, и между тем пришел Андрей Ушаков и его королевское высочество говорил, что ежели Ея Имперatоское Величество прекратит жизнь ея без завету о наследстве и мы де все пропадем не можно ль де нынче Ея Величеству говорить чтобы изволила учинить наследницею дочь свою, и он граф ему сказал, что когда прежде сие не учинено, то ныне при самой Ея Величества конечной болезни учинить нельзя, и Андрей Ушаков говорил тоже и потом он граф пошел к Ея Имперскому Величеству, окроме того что выше сказано никаких советов не было.

Генерал лейтенант Ушаков сказал, что он по присылке к его королевскому высочеству приехал и тогда застал тут графа Толстого и Басевича (Башевича), а разговоров ни каких у него Толстого с королевским высочеством при нем не было, кроме сожаления о болезни Ея Величества и как он Толстой поехал, а он генерал лейтенант и остался и говорили тоже о болезни Ея Величества, а между тем его королевское высочество говорил, что де нам делать Ея Величество очень больна, а завету никакого нет, и он Ушаков сказал его высочеству дай бог Ей Величеству здоровье сие дело велико.

Григорий Писарев показал на него же графа Толстого как он, услышав в тот самый день как Государыня очень была больна, и пошел он Писарев к королевскому высочеству и говорил ему, чтоб он изволил доложить Ее Императорскому Величеству дабы она изволила объявить наследника ково она изволит, чтобы без определенного наследника мы не остались. И те слова приехав к нему графу Толстому в дом говорил.

Граф Толстой сказал: Григорий Писарев приезжал к нему несколько раз, а в которое время не помнит и в последние дней десять он граф говорил с ним о том же наследстве государыни цесаревны Елисавет Петровны как и с Девиером, тако ж и вышеписанные слова он Писарев приехав к нему графу в дом, говорил только после того

дня когда Государыня очень была больна, а сказывал он, Писарев, ему графу что и в тот день к нему графу приезжал да не застал и против тех ево Григорьевых слов он граф сказал ему что он рад бы был что б наследницею была государыня цесаревна Елисавет Петровна а докладывать Ея Императорскому Величеству он дерзновения не имеет а ежели Государыня Императрица изволила о том говорить, чтоб он граф приговаривал, что б она дочь свою изволила учинить наследницею.

Он же Писарев показал, что в день тезоименитства Ея Имперского Величества учинен был фейерверк, и [на] том фейерверке фигура нарисована была столб и на столбу корона и к тому столбу привязана веревка с якорем и прикреплен тот якорь в землю, а при том столбе нарисован молодой человек с глобусом и цыркулем а другою рукою держит за тот канат а в надписании показует великий князь, у которого глобус и цыркуль в руке, то есть нынешняя информация, а другою рукою держит за канат для предбудущего надеяния. Однако же та фигура не состоялась, а учинена другая и созжена и того времени имел он Писарев подозрение что светлейший князь оною фигурою объявляет наследником великого князя и о том он Писарев к нему Толстому приезжал и о том говорил и о учиненной фигуре ему сказывал, ежели та фигура учинена без ведома Ея Императорского Величества и то нехорошо и чтоб он донес о том Ея Величеству, и он Толстой ему Писареву сказал, что о том Ея Величеству докладывал.

Граф Толстой сказал когда он граф жил у галерного двора а именно в ноябре месяце пред днем тезоименинства Ея Императорского Величества приезжал к нему графу Григорий Писарев и говорил ему, что хочет он Писарев ему графу объявить некоторое дело, и при том просил чтобы он граф на него никому не сказывал и о том казал план как у него Писарева сказано и подписан, а в надписании показывает великий князь, у которого глобус и цыркуль в руке то есть нынешней информации, а другою держит за канат для предбудущаго надеяния. Ему графу он Писарев говорил и просил ево чтобы он граф донес Ея Императорскому Величеству для того что публикуется тою фигурою наследник великий князь и он граф отрицался и доносить не хотел, но он Писарев сказал ежели де сие дело будет шумно, то де он Писарев скажет Ея Величеству Государыне Императрице, что он о том ему графу сказывал и потом ево словам он граф тогда же Ея Величеству о том доносил, а что учинилось, о том он граф неизвестен

тако ж и во время болезни Ея Величества, а именно после того дня когда она Государыня очень была больна те же слова ему графу говорил же и притом говорил, что с того времени имел он Писарев подозрение, что светлейший князь оною фигурою объявлял наследником великого князя, что и дочь свою прочит за великого, князя, а что в его крест целовали Государыне Императрице кого она изволит учинить наследником тому и быть и против тех ево Писаревых слов он граф говорил, все де то положим на волю божию и кого бог учинит наследником тому мы должны служить верно.

А с чего взяли так скоро думать о наследстве иной причины не было, кроме болезни Ея Императорского Величества. А именно, как Ея Императорское Величество занемогла с богоявленнова дня, с того времени и начали говорить, чтобы Ея Величество изволила учинить наследника или наследницу кого изволит, чтоб государство не осталось без наследства и не воспоследствовалось в народе какое смущение, а что он о короновании государыни цесаревны говорил и то с того примеру как блаженныя памяти Императорское Величество изволил короновать Ея Величество Государыне Императрицу и тем утвердил Ея Величество на престол, что выше сего показано, что великого князя когда научится, можно ево за море послать, никакой опасности во утверждении того наследства он не имел, а говорил для того, что государыня цесаревна может призваться к государственному правлению. А когда б его высочество возвратился, что в таком случае делать, таких разговоров не токмо с коим говорить; но и мысли свои не имел.

О тех же делах разговаривал он граф с генералом Бутурлиным вместе неоднократно: а именно как у него Бутурлина в доме. Так и у него графа и во дворце и желали чтоб Ея Императорское Величество изволила учинить наследницею дочь свою цесаревну Елисавет Петровну а кроме того с иным с кем говорил ли, того он граф не упомнит.

П. А. Толстой явно раздражен всем происходящим, реально оценивает ситуацию и, в отличие от других, как опытный политик и дипломат прогнозирует достоверно возможные варианты развивающихся событий. При этом в Девиере он видит единомышленника, на которого можно положиться и даже опереться, так как у графа в данный момент возникает ряд проблем (положение с сыном, незабытая история с царевичем Алексеем, настороженность к действиям светлейшего князя).

Андрей Ушаков и Григорий Скорняков-Писарев полностью поддерживают показания, связанные с Девиером, который по-прежнему спокоен и ратует за афиширование, а не сокрытие происходящих с возможным сватовством событий. Именно это и пугает кукловода Меншикова, так как он остается один, а его недоброжелатели, все больше и больше объединяясь, противостоят ему.

Отсюда еще большая неприязнь к графу Толстому.

Знаменательно, что акцент незаметно переносится на Толстого, и агрессия и атака на него со стороны допрашивающего возрастает. Фигурой заглавной становится именно он и затушевывает фон, концентрируемый Антоном Девиером.

Меншиков боится этого противника, который становится его невольным обличителем, поэтому резонно именно его убрать со сцены. И как следствие этого — подготовленная серия вопросов 3-го мая Учрежденного суда.

А генерал Бутурлин в ответах показывал что он желал наследницей быть цесаревне Анне Петровне.

Мая в 3 день тайный советник и кавалер граф Толстой по ниже писанным вопросам пунктам при присутствии от Учрежденного Суда господ генерал-лейтенантов Дмитриева-Мамонова, Юсупова-Князева и генерала майора Волкова, бригадира и обер-коменданта Фаминцына, против показаниев Антона Девиера и Скорнякова-Писарева, допрашиван.

Пункт 1.

Антон Девиер сказал на тебя, что говорили вы с ним о некоторых важных делах: объявите о сем именно, о каких важных делах, и где и в которые времена вы с ним говорили и каким образом.

Ответ. Когда Ее Императорское Величество изволила гневаться на сына ево тогда а именно пред благовопрощенным днем дни за два или за три приезжал он граф Толстой к Девиеру просить ево о воспомощении, то он де Девиер сказал ему графу Толстому, чтоб он у Ея Императорского Величества просил прощения сам.

И потом Девиер начал говорить сам, что де вы молчите, светлейший князь овладел всем верховным советом, лучше б де было коли б ево Девиера в верховный совет определили. И он де граф Толстой сказал ему, что то не в ево воле. Притом же он Девиер говорил светлейший князь дочь свою сватает за великого князя и потому де

надобно противиться и он де граф Толстой сказал ему, что ему в том противиться не можно. А потому де он же Девиер говорил: хорошо б де Ея Императорское Величество учинила наследника при себе и он де граф Толстой говорил ему: и я де тому рад был из дочерей Ея Величества или внука, лучше б дочерей, а говорил с ним такие слова для того, что он граф Толстой по Указу блаженныя и вечнодостойныя памяти Императорского Величества привез царевича Алексея Петровича из чужих краев в Россию. У тех розысков по указу Его ж Величества был он граф: того ради опасался чтоб то ему неприпамитавано было впредь, а более в том, а именно в наследство полагался на волю Ея Императорского Величества.

Пункт 2.

Он же Девиер показал на вас, что его королевское высочество говорил: Толстой де у меня был и сказывал его высочеству что де надобно Государыне о том донести: обо всем, какую де предосторожность Ея Величеству надлежит в том иметь понеже де светлейший князь силен, у него войско в команде и военная коллегия, а ежели то зделается то по времени может в силу притти и тогда попросит у Ея Величества, чтоб [из] Шлюссельбурга бывшую царицу взять, а она де старого обычая человек, может все переменить по старому, понеже де она нраву гневнаго, и тому же может быть захочет чтоб обиду зделать Ея Величеству и детям ее; и о том де сказывал мне Толстой, и ты его высочеству такие слова говорил ли?

Ответ. Таких слов королевскому высочеству он граф Толстой не говаривал, а говорил на слова королевского высочества, когда изволил ему говорить, что он у Государыни хочет просить или просит чину генералиссимуса, а лучше бо доколи б мне военную коллегию вручили, я б де силен был в войске и Ея Величеству верен. И он де граф Толстой сказал, что то изрядно, извольте о том промышлять к своей пользе, что вам угодно; а в другие времена многожды изволил его высочество ему говорить, чтоб Государыня Ея Императорское Величество изволила учинить наследницею дочь свою Елисавет Петровну.

Пункт 3.

У Антона Девиера вы после праздника Пасхи были ль и ево Антона, говорил ли де тебе королевское высочество что-нибудь спрашивал ли; и к тому ему ж Девиеру вы то что делается сватовство у великого князя говорил ли и он Девиер на те свои вопросы, что сказал

и вы ему Девиеру так надобно де о том донесть Ея Величеству со обстоятельством, что впредь может статься светлейший князь и так велик в милости, ежели то зделается по воли Ея Величества не будет ли Государыне после из того какава противность понеже тогда он захочет добра больше великому князю и тому ж и так чести любив. Потом зделает и может де статься великаго князя наследником и бабушку ево велит сюда привезти, а она нраву особаго жестокосердая, захочет выместить злобу и дела которые были блаженныя памяти при Государе опровергнуть и для того надобно Ее Величеству со обстоятельством донести. Говорили ль и Его Величеству о том донесть хотели ль и ево Антона о том же доклада просили ль?

Ответ. У Антона Девиера после праздника Пасхи он граф Толстой не бывал и таких в его слов не говорил, а в первую свою у него Девиера бытность, о которой показано в первом пункте, говорил с ним такие слова; ежели бабка великого князя будет взята, будет мстить ему грубость ево к ней и блаженныя памяти Государя Императора дела опровергать будет.

Пункт 4.

Ему же Антону вы такие слова, что мнится вам то чтоб Ея Императорское Величество для своего интереса короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну и Анну Петровну, или обеих вместе и когда де так зделается то его высочеству благо надежнее будет, что дети родные, а потом как великий князь здесь научится, тогда можно ево за моря послать погулять и для обучения посмотреть другие государства как прочие европейские принцы посылаются, чтоб между тем могла утвердиться здесь коронация их высочеству, говорил и каким образом?

Ответ. В ту же первую свою бытность такие слова, что мнится ему то, что ее Ея Императорское Величество короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну и когда де так зделается и Ея Величеству благо надежнее будет, что дочь родная; а потом как великий князь здесь научится, тогда можно ево в чужие края послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и когда то Ево блаженныя памяти Государь Император ездил и прочие европейские принцы посылаются, чтобы между тем могла утвердиться государыня цесаревна в наследстве, он граф ему Антону говорил а о короновании цесаревны Анны Петровны или обоих государынь цесаревень вмести он граф не говорил.

Пункт 5.

Григорий Писарев показал на тебя, что говорили вы с ним о некоторых важных делах объявите о сем именно. О каких важных делах и где и в которые времена вы с ним говорили и каким образом?

Ответ. Григорий Писарев приезжал к нему несколько крат, а в которое время не упомнит, а в последние дней десять и он граф говорил с ним о том же наследстве государыни цесаревны Елисавет Петровны как и с Девиером, а о других делах с ним Пискаревым говорил ли он граф не упомнит.

Пункт 6.

Показал на тебя Григорий Писарев как он услышал в тот самой день как Государыня очень была больна и поехал он Писарев к королевскому высочеству и говорил ему, чтоб он изволил доложить Ее Императорскому Величеству дабы она изволила объявить наследника кого она изволит, чтоб без определенного наследника мы не остались и те же слова говорил он вам, приехав в доме вашем и такие слова вы от него Писарева в доме своем слышали ль и что вы ему на это сказали?

Ответ. Такие слова Григорий Писарев, приехав к нему графу в дом, ему графу говорил, только после того дня когда Государыня была очень больна, а сказывал он Писарев ему графу, что и в тот день к нему графу приехал да не застал, и против тех ево Григорьевых слов он граф сказал ему, что он рад бы был чтоб наследницею была государыня цесаревна Елисавет Петровна, а докладывать Ея Императорскому Величеству он дерзновения не имеет, а ежели б Государыня Императрица изволила ему о том говорить, тоб он граф приговаривал, чтоб она дочь свою изволила учинить наследницею.

Пункт 7.

Григорий Писарев показал в тоеж Государынину болезнь, он с вами имел разговоры, что светлейший князь в день тезоименитства Ея Императорского Величества приказал учинить проверить фейерверк, а на том фейерверке фигура нарисована была столб и на столбе корона и к тому столбу привязана веревка с якорем и прикреплен тот якорь в землю и при том столбе нарисован молодой человек с глобусом и циркулем, а другою рукою держит за тот канат, которой привязан к столбу, а в надписании показует великий князь, у которого глобус и цыркуль в руке, то есть нынешняя информация, а другою держит за канат для предбудущаго надеяния. Однако ж та фигура не состоялась а учинена другая и сожжена и с того времени имел он Писа-

рев подозрение, что светлейший князь оною фигурою объявляет наследником великого князя, а как услышал от Ивана Ивановича, что и дочь свою он прочит за великого князя, то он говорил с вами, что крест целовали Государыне и кого она изволит учинить наследником тому и быть, також и прежде того он к вам приезжал и о том же говорил и о той фигуре вам сказывал, что вы донесли о том Ея Величеству и вы Писареву сказали, что о том Ея Величеству докладывали и оное каким образом у вас было?

Ответ. Когда он граф жил у галернаго двора, а именно в ноябре месяце пред днем болезни Ея Императорского Величества приехал к нему графу Григорий Писарев и говорил ему что хочет он Писарев ему графу объявить некоторое дело и при том просил чтоб он граф на него никому не сказывал и потом показал план и подпись, и при том такие слова, что светлейший князь в день тезоименитства Ея Императорского Величества приказал учинить фейерверк, а том фейерверке фигура нарисована была столб и на столбе корона и к тому столбу привязана веревка с якорем и прикреплен тот якорь в землю, а при том столбе нарисован молодой человек с глобусом и цыркулем, а другою рукою держит за тот канат, которой привязан к столбу, в надписи показует великий князь у которого глобус и цыркуль в руке, то есть нынешней информации, а другою держит за канат для предбудущаго надеяния, ему графу он Писарев говорил и просил ево, чтоб он граф донес Ея Императорскому Величеству для того чтоб публикуется де тою фигурою наследник великий князь и он граф отрицался и доносить не хотел, но он Писарев сказал, ежели это дело будет шумно то де он Писарев скажет Ея Величеству Государыне Императрице, что он о том ему графу сказывал и потом ево словам он граф тогда же Ея Величеству о том доносил, а что учинилось, о том он граф неизвольвовал тако ж и во время болезни Ея Императорского Величества, а именно после того дня, когда она Государыня очень больна была, те слова ему графу говорил же и при том говорил, что с того времени имел он Писарев подозрение, что светлейший князь оною фигурою объявлял наследником великого князя и что услышал от Ивана Ивановича, что и дочь светлейший князь прочит за него великого князя, и что все крест целовали Государыни Императрицы, кого она изволит учинить наследником — тому и быть, и против тех ево Писарева слов он граф говорил; все де то положим на волю Божию, и кого Бог учинит наследником тому мы должны служить верно. Во

время болезни Ея Императорского Величества, а особливо во время самой тяжелейшей болезни или пред тем временем не было ль у вас какова совету и о чем, а особливо что касается до Ея Императорского Величества и высокой фамилии ее?

Ответ. Во время тяжкой болезни Ея Императорского Величества, прислал к нему королевское высочество, чтоб он ехал в дом Андрея Ушакова, и он граф к нему Ушакову поехал, и как приехал к нему, то не застал дома ни ево, ни жены ево и пошел от него ко двору Ея Императорского Величества и тем временем недошед до двора Ея Императорского Величества, наехал на него королевское высочество в колеснице и велел ему сесть с собою и привез к себе в дом, и сказывал ему, что Ея Императоское Величество очень больна и мало де имеется надежды в Ее живость. Между тем пришел Андрей Ушаков и его королевское высочество говорил, что еже ли Ея Императорское Величество прекратит жизнь Ея без завету о наследстве и мы де все пропадем. Не можно ль де ныне Ея Величеству говорить, чтоб изволила учинить наследницею дочь свою, и он граф ему сказал что когда прежде сие не учинено, то ныне при самой Ея Величества конечной болезни учинить нельзя. И Андрей Ушаков говорил тоже, и потом он граф пошел к Ея Императорскому Величеству, а больше того, кроме того, что вышесказано никаких советов не было.

Пункт 9.

Когда говорено о наследнике зарань прежде жестокой болезни Ея Величества то не можно статься чтоб не говорено о том в самое время жестокой болезни, ежели от чего Боже сохрани Ея Величества не станет, - что же в таком случае чинить и особливо о наследстве?

Ответ. Никаких разговоров о том ни с кем у него в то время не было.

Пункт 10.

С чего взяли так скоро думать о наследстве понеже Ея Императорское Величество за помощию Божиею здравствует?

Ответ. Иной причины не было кроме болезни Ея Императорского Величества, а именно: как Ея Императорское Величество занемогла с богоявленскаго дни с того времени и начали говорить, чтоб Ея Величество изволила учинить наследника или наследницу кого изволит, чтоб государство не осталось без наследства и не воспоследовало б в народе какое смущение; а то он о короновании государыни цесаревны говорил, и то с того примеру как блаженной памя-

ти Императорского Величества изволил короновать Ея Величество Государыню Императрицу, и тем утвердил Ее Величество на престол.

Пункт 11.

В 4 пункте сказал ты, что как великий князь здесь научится тогда можно его за море послать как прочие европейские принцы посылаются, чтоб между тем могло утвердиться здесь наследство государыни цесаревны. Чего вы, и кого во утверждении того наследства опасались понеже определение о наследстве состоит в воли Ея Императорского Величества, а Ея Величество за помощию Божиею здравствует?

Ответ. Никакой опасности по утверждении того наследства он не имел, а говорил для того что государыня цесаревна может призваться к государственному управлению.

Пункт 12.

Когда говорено у вас о наследстве и о великом князе, чтоб ево послать за море, то не можно статься чтоб притом и того не говорить, когда великий князь возвратиться назад, что в таком случае делать?

Ответ. Таких разговоров не токмо с кем говорить, но и в мысли своей не имел.

Пункт 13.

Когда вы такие слова с Антоном и с Писаревым говорили: откуды взяли вы такую рассуждать и говорить с ними о таких вышеписанных важных делах, от себя ль или кто вам прежде того о том говорил и советывал, и собою ль вы с ними или по совету с другими с кем?

Ответ. Сказано о том выше сего.

Пункт 14.

С кем еще о тех делах говорил или советывал или от кого что тебе сообщено, или ты кому сообщал?

Ответ. О тех же делах разговаривал он граф неоднократно, а именно, как у него генерала Бутурлина в доме, так и у него графа и во дворце: и делали чтоб Ея Императорское Величество изволила учинить наследницею дочерь свою цесаревну Елисавет Петровну, а кроме того с иным о том говорил ли, того он граф не упоминает.

Решение суда по делу Антона Девиера и его «единомышленников»

Допрос Толстого о Девиере ловко превращается не в обвинение последнего, а в заранее уже подготовленный приговор графу, хорошо уже знакомые события, неоднократно озвученные известными

«игроками», повторяет в своих ответах граф Толстой, но к нему теперь привлечено особое внимание: его откровенность и эмоциональность очень опасны, с одной стороны, для Меншикова, но в то же время это ловко расставленные сети, в которые он и попадается. В запальчивости, забыв о дипломатичности и осторожности, излагая известные факты, Толстой откровенно открыт Светлейшему князю: дружеское обращение к Девиеру о помощи сыну; неоднократно порицание Светлейшего князя и откровенное недоверие ему; обсуждение возможной судьбы великого князя и варианты коронования цесаревен и т. д. Но альфа и омега сказанного — это поведение и полное утверждение своего могущества хитрым царедворцем. Он незаметно для допрашиваемого сделал его персоной в обвинении вне игры. Меншиков тщеславен и жесток, мы видим, как долго и мучительно он умеет ненавидеть, чтоб метко сразить своего врага. «Правая рука Петра I и известный казнокрад в одном лице» вершил человеческими судьбами. Он убрал всех, кто ему хоть раз перешел дорогу, он уничтожил всех, кто мог ему помешать, он расправился с теми, кто противостоял ему. И одной из его жертв, конечно, стал Девиер, родственник, мнимый единомышленник и независимый, убеждённый и неподкупный сторонник Петра Великого.

Но рок истории достигнет генерал-губернатора Петербурга, «руку вороватую, но верную», по определению Царя Петра. «Полудержавный властелин» бесславно и трагично закончит свои дни в далекой ссылке на берегу Сосьвы (притока Оби), воды которой, по одной из версий, размыли могилу и останки его унесли в море.

По указу Ея Императорского Величества присланному во учрежденный суд сего мая 5 дня, велено по делу Антона Девиера, в чем он Антон и прочие по тому делу приличившияся до сего числа по следованию явились, учинить об них Экстракты и подписав из воинских и статских регламентов и указов приличные артикулы и учиня сентенцию доложить Ея Императорскому Величеству, кончая в 6 день сего месяца, по утру, а буде кто еще из оных же которые приличились следованием не окончано, и то за краткостию времени оставить, и ежели о некоторых по тому делу снова что показано, а они не допрашиваны, то их допрашивать впредь. И по тому Ея Императорского Величества указу, во учрежденном суде учинена следующая.

СЕНТЕНЦИЯ

Члены суда используют слово «сентенция» (латинское — «мнение», «суждение») не случайно. Это синоним к приговору, но дающий право свободного толкования чего-то, рассуждения с элементами поучения, отхода от контекста, неожиданные выводы с нравоучениями и более того — смелые и парадоксальные афоризмы!!!

Понеже по присланному в учрежденный суд Ея Императорского Величества рукою апреля 28-го дня указу, и по приложенным мемориям на Антона Девиера показано и как по ево, так и прочих по тому делу приличившихся допросом и очным ставкам явились вины Антона Девиера.

1. В Указе Ея Императорского Величества написано, что явился он Антон в превеликих предерзостях: но кроме того во время Ея Императорского Величества по воле Божией прежестокой болезни многим грозил и напоминал с жестокостию чтоб все его боялись.

2. Объявили Ея Императорскому Величеству их высочества государыни цесаревны, что апреля 16 дня во время Ея Величества по воле Божией жестокой болезни параксизмус все доброжелательные Их Величества подданные были в превеликой печали; а оной Девиер в то время будучи в доме Их Величества не токмо [не] был в печали, но и веселился, и плачущуюся Софью Карлусовну вертел вместо танцов и говорил ей «не надобно плакать».

3. В другой палате как он Девиер сидел с великим князем на кровате, в тот час государыня цесаревна Анна Петровна в безмерной быв печали и стояв в той палате у стола плакала, и в такой печальной случай он Девиер не встав против ее высочества и не отдав должного рабского респекта, но из злой своей предерзости ея высочеству говорил сидя на той кровати «о чем печалишсе, выпей рюмку вина».

4. Когда выходила в ту палату ея высочество государыня цесаревна Елисавет Петровна в печали и слезах и предь ея высочеством по рабской своей должности не вставал и респекта не отдавал, и смеялся о некоторых персонах.

5. Будучи в доме Ея Императорского Величества в палате сам сел на кровать и посадил с собою его высочество великого князя и нечто ему на ухо шептал; о чем его высочество великий князь объявил, что он Девиер в то время посадя его высочество с собою на кровать, говорил поедем со мною в коляске, будет де тебе лучше и воля; а матере де твоей уже не быть живой, и притом его высоче-

ству напоминал, что его высочество зговорил жениться, а они за нею будут волочиться, его высочество будет ревновать.

6. Будучи в доме Ея Императорского Величества ездил в разные времена, а именно к графу Петру Толстому, к генералу Ивану Бутурлину, к Александру Нарышкину и в прочие домы в которых будучи, разговор имели о сватане его высочества великого князя на дочери светлейшего князя и с помянутым графом Толстым, с генералом Бутурлиным, Нарышкиным, с Григорием Писаревым, с князем Иваном Долгоруким, говорили, чтоб тому противиться и не допустить.

7. Как у него, Девиера был в доме помянутый граф Толстой, говорил ему Толстому, что де вы молчите, светлейший князь овладел всем Верховным тайным советом, лучше б де было коли б ево Девиера в Верховный тайный совет определили.

8. Говорил генералу Бутурлину ежели б де в ево Девиеровской воли было, он бы желал, чтоб Ее Императорское Величество изволила учинить наследницею цесаревну Анну Петровну.

9. Будучи в доме Нарышкина имел он разговоры о сватанье великого князя и при том он, Девиер, оному Нарышкину сказывал что будто светлейший князь на него сердит, а ежели де зделается зговор великого князя и государыня будет к нему милостивое, то и пуще будет сердит, и на него будет злобиться, и тем привел он ево Нарышкина к ево преступлению.

10. Он же, Девиер сказывал, князь Иван Долгорукому будто во время самой жестокой болезни Ея Императорского Величества, рейхсмаршал и генерал фельдмаршал светлейший князь, действительный тайный советник князь Дмитрий Голицын, действительный статский советник барон Остерман, цесарский министр Рабутин будто сочиняли трактат или духовную для Ея Императорского Величества по которой чтоб быть наследником, а светлейшему князю регентом. О чем неоднократно подтверждал, оному князю Долгорукому чтоб о том донес его королевскому высочеству, а на очной ставке будучи с оным Долгоруким, в том оной Девиер признался; и сказал, что он о том ни от кого не слыхал, а вымыслил то собою и тако он Антон верность и должность свою к Ея Императорскому Величеству и к Ея Величества высокой фамилии весьма преступил…

Действительно, в данных сентенциях образец «документа», текст которого шокирует: он не только доходит до «свободного толкования», но и удивляет приближением к парадоксу! Итак, ока-

зывается, что Антон Девиер не только вёл себя грубо, вызывающе во время болезни императрицы, но был и необычайно резок и жесток с окружающими. Мотивировка этого — вызвать страх и безмолвное подчинение своей персоне (пункт 1). Кому это надо, одной фразой заменить смысл всех событий?

Итак, шаг за шагом, выстраивается очень шаткая внутренне, но броскосмотрящаяся внешне линия поведения главного обвиняемого: сочувствие страдающей Софье, великому князю становится крамолой (пункты 2 и 3).

Краткие деловые визиты с текущими ремарками превращаются в тайную подготовку заговора (пункты 6 и7); незаметно складывается группа лиц, определяющая противников светлейшего князя с лидером графом П. Толстым, а Девиер уже сыграл свою роль, и с ним почти покончено, так как предстоит поединок с главным врагом, на которого уже открыто переносит удар Меншиков — это Петр Толстой. Но нельзя забывать окружение, с которым можно расправиться шутя, одним скользящим ударом — упоминанием, эффектно, но главное чужими руками. Это блестящее мастерство ловкого светлейшего князя и есть суть последних обвинений тем, кто противостоял ему.

Граф Петр Толстой

1. Ездил к Антону Девиеру и имели разговоры о сватанье великого князя.

2. Без воли Ея Императорского Величества желал и говорил дабы быть наследницею ея высочеству государыне Елисавет Петровне, а как великий князь научится, тогда де можно ево в чужие края послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, чтоб между тем могла утвердиться государыня цесаревна в наследстве.

3. Он же говорил ежели де бабка великого князя будет взята, станет мстить ему грубость ево к ней и Блаженныя памяти Государя Императора дела опровергать будет, да и для того, что он Толстой по указу привез царевича Алексея Петровича из чужих краев в Россию и при том долго был розысков, того ради опасался чтоб то ему не припамятовано было впредь.

4. Имея разговоры о наследстве с генералом Бутурлиным и генералом лейтенантом Ушаковым, с генералом майором Скорняковым-Писаревым, с Антоном Девиером и в допросе сказал, что тот

разговор начался еще с богоявленевы дни, прежде жестокой болезни Ея Императорского Величества и тако говорил он о том без всякой законной причины; и понеже он член Верховного тайного совета, то надлежало б ему о том говорить с теми персонами, с которыми повелено б было от Ея Императорского Величества, а не с такими до которых сие не принадлежит и в том он весьма противно поступил. Указом Ея Императорского Величества о наследстве публикованным и противу должности и при сей своей.

Сложилась патовая ситуация. Против П. Толстого уже нет возможности сделать ход по правилам; причем Светлейший князь уже и не может оставаться просто наблюдателем, он закулисно концентрирует все вокруг самого сильного и главного противника — члена Верховного тайного совета, который слишком много знает и которого он по-настоящему боится. Именно от страха у Меншикова такая необъяснимая жестокость к графу, неприязнь также необоснованно переносится и на его окружение, а Девиер становится подсадной уткой, которая не опасна, но в данной ситуации нежелательна.

Генерал Бутурлин

1. Антон Девиер неоднократно ему говорил о сватовстве великого князя чтоб до того не допустить, и так де Светлейший князь силу великую имеет, а как де великий князь будет силен, чтоб не привезли из Шлюссельбурга надобно де всем вам доносить Ея Императорскому Величеству и такие непристойные слова он от Антона принимал Ея Величеству, когда прийдет в свое здоровье улуча время доносить хотел. Ему же генералу Бутурлину Антон Девиер сказывал, что от графа Толстого слышал, а именно о сватовстве великого князя, надобно де о том донесть Ея Величеству со обстоятельством, что впредь может статься, что светлейший князь и так велик в милости, ежели то зделается по воли Ея Величества, не будет ли Государыне после того какая противность, понеже де он светлейший князь тогда захочет добра больше великому князю, к тому же он и так честилюбив потом зделает и может статься, что великого князя наследником и бабушку ево велит сюда привезти, а она де нраву особаго жестокосердная; захочет выместить злобу и дела, которые были блаженные памяти при Государе опровергнуть, и для того надобно Ея Величеству о том донести со обстоятельством, а мнится де ему что б Ея Величество для своего интереса короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну

и Анну Петровну или обоих вместе а когда, где так зделается то Ея Величеству благонадежнее будет, что дети Ее родные, а потом как великий князь научится, тогда можно ево за море послать погулять, и для обучения посмотреть другие государства, как и прочие европейские принцы посылаются, чтоб между тем могла утвердиться здесь коронация их высочеству, и хотя он генерал Бутурлин допросом своим показал, что такие слова Девиер ему генералу Бутурлину сказывал, токмо таким ли образом, того он генерал Бутурлин не упомнит и потому видно, что о тех делах ему генералу Бутурлину говорено понеже и граф Толстой сказал чтоб Ея Императорское Величество изволила учинить наследницею дочь свою государыню цесаревну Елисавет Петровну с ним генералом говаривал.

3. Он же, Антон Девиер, говорил ему генералу ежели б де в моей воли было, то б он желал, чтоб Ея Императорское Величество изволила зделать наследницею цесаревну Елисавет Петровну, и он генерал сказал ему тоб де хорошо, и он бы де желал, ежели Государыне не противно.

4. Он же, генерал слышал от Григория Писарева чтоб де Ея Императорское Величество изволила учинить наследницею из государень царевен которою изволит и хотя б де и короновала.

5. Говорил он с Григорьем Писаревым, что де светлейший князь дочь свою прочит за великого князя и что б о том донести Ея Императорскому Величеству.

Вопрос учиняется генерал-аншефу Ивану Бутурлину, но в эпицентре находятся только два персонажа: Толстой и Девиер. На все поставленные вопросы они уже отвечали ранее и никакой «эврики» (т.е. новых фактов, известий) не прозвучит. Но сейчас важно усилить акцент только на двух фигурах, которых отсекают от «окружения». И вот здесь снова неожиданно поднимается занавес: на сцену, вопреки логике и утверждённому сценарию, потеряв осторожность, врывается «светлейший князь». Впервые в материале допроса о нем говорят открыто, заискивая и преклоняясь перед его величием и ловкостью.

Иван Иванович Бутурлин очень опасен и своей прямотой, и своей преданностью Петру I. В 1725 г. он помог Меншикову с участием лейб-гвардии Преображенского полка утвердить на троне импера-

трицу Екатерину Алексеевну, за что был впоследствии щедро ею вознагражден.

Такое быстрое возвышение боевого генерала испугало светлейшего князя, который тут же начал свою «игру». Так обрел силу мнимый «заговор» против сторонников великого князя, а в реальности, это оппозиция против И. И. Бутурлина, составленная из его недругов и завистников. Страх перерос в беспощадную жестокость, так свойственную Меншикову: после смерти императрицы (17 мая 1727 г.) он запустил процесс низложения генерал-аншефа, лишения его всех чинов и званий, удаления из столицы и безвыездного проживания в изгнании в своём имении.

Григорий Писарев

1. В бытность в доме у графа Сапеги говорил с Девиером чтоб донести Ея Императорскому Величеству о сватанье великого князя а после де времени не будет и вас не допустят.

2. Сказывал он Писарев генералу Бутурлину и нынче де светлейший князь зделал в свою пользу, велел привезть к себе больных князя Голицына, Остермана и цесарского посланника и недаром де он светлейший князь их к себе привез и знатно де для своей пользы и в допросе в том заперся, а генерал Бутурлин сказал, что такие слова ему говорил.

3. Во время Ея Императорского Величества болезни, с генералом Бутурлиным и с графом Толстым, с генерал лейтенантом Ушаковым о наследстве говорил и хотя именно кому быть наследником не упоминал, но ездил для тех разговоров по дворам.

4. В допросе сказал, о наследстве стали думать услышав о болезни Ея Императорского Величества, к тому же придало ему Писареву и то, что фейверошною фигурою светлейший князь являл наследником великого князя и с той причины и мыслить стал и при том сказал, что о фигуре доносил он в надлежащем месте и то хотя учинил он порядочно, но то худо, что разглашал с противностию в других местах, где не надлежало и ведая, что уже та фигура была переменена.

Как видно, Меншиков попал в двойной шах. Если первая фигура — Толстой, но одновременно с ним на шахматной доске против него стоит Григорий Скорняков-Писарев. Он упорно при повторном допросе повторяет свои предыдущие показания, и все чаще при ответах произносится имя доселе тщательно скрываемого игрока —

Светлейшего князя. Тайное постепенно становится более явным: закулисная игра выходит на открытую сцену. Аналогичное происходит и с допросом — ремаркой князя Ивана Долгорукова.

Князь Иван Долгорукой

1. Имел разговоры и согласие неоднократно с Антоном Девиером и с прочими о сватовстве великого князя, чтоб до того не допустить.

2. Он же Долгорукой королевскому высочеству и государыне цесаревне говорил, чтоб их высочество изволили говорить фельдмаршалу графу Сапеге дабы он сам или чрез сына своего донес о том сватовстве Ея Императорскому Величеству в чем он Долгорукой по допросу своему сам признался, чего было ему быв при дворе их высочеств чинить было не надлежало…

Александр Нарышкин имел по многие времена с Антоном Девиером разговоры о сватанье великого князя будто по такой причине, что на него светлейший князь сердит и за то искал чтоб то сватанье отвратить и хотел Ее Величеству донесть, а не донес…

Генерал-лейтенант Ушаков

Условно позицию и тактику поведения генерал-лейтенанта Андрея Ушакова можно сравнить с цугцвангом в шахматной партии[1], когда игрок вынужден сделать даже против своей воли «плохой ход». Приходится соглашаться и даже защищать правила, хотя ты с ними не согласен и сам же их нарушаешь.

Ушаков — это тайная полиция России, которая делает свои первые шаги еще почти без прочной нормативно-правовой основы, но ориентируясь на увиденное на Западе, чисто по-русски набираясь опыта на своих ошибках. Отсюда у генерала Ушакова особая любознательность, стремление к общению, постоянная смена собеседников и завидная активность в разговоре. За короткое время он много узнает и часто ставит провокационные вопросы. А разве это не истоки и тренировка к одной из форм юриспруденции — допросу? Правовые знания только закладываются при Петре I. И Андрей Ушаков уже умело рисует варианты, провоцирующие говорящего. Он, даже

[1] Положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции. В настоящее время этот термин употребляется не только в спорте, но и в быту, когда любое действие заведомо приводит к ухудшению ситуации.

будучи единственным, опираясь на свой полицейский опыт, пытается играть в откровенность, говоря, кем бы хотел быть, и тем самым вызывает доверие говорящего и особенно тех, которые его допрашивают. Такая профессиональная тактика поведения на допросах помогла ему избежать сурового наказания. Он, может, почеловечески порой во время следствия был и недоволен собой, но иначе нельзя: ведь он тогда уже являлся одним их действующих руководителей тайной полиции Российской империи.

В тот самой день как Ея Императорское Величество зело была больна слышал от генерал-майора Скорнякова-Писарева как он говорил о наследствии Российского престола и о таких словах, которые кроме самой Ея Императорского Величества ни до кого не надлежит, где надлежит не доносил. И понеже они знают есть Указы и регламенты, которые запрещают о таких важных делах, а найпаче о наследствии не токмо с кем советовать, но и самому собою разсуждать и толковать, коль тем же паче определять дерзать наследника монархии по своей воле кто кому угоден, а не по высокой воле Ея Императорского Величества и в том они весьма поступали противно Блаженныя памяти государя Императора учиненному и указом Ея Императорского Величества 1726-го года подтвержденному Регламенту о наследствии и изъяснению правды воли монаршей во определении наследника державы своей, в которых указах и уставах изъяснении напечатано именно; дабы определение наследника было всегда в воле правительствующего Государя, кому оной похочет и определит наследство, и дабы все как духовные и мирские без изъятия оной устав пред Богом и Евангелеем утвердили на таком основании, что всяк кто сему будет противен или инако как толковать станет за изменника почтен смертной казни и церковной клятве подлежать будет, також ежели кто услышит, что о наследии державы Ея Императорского Величества кто будет противно вышеупомянутому уставу и духовного и мирского главнаго правления и изъяснению и запрещению каким-нибудь образом рассуждать или толковать в разговорах или в компаниях, чтоб такие безо всякой опасности объявляли, которыми указами разсуждения о наследстве монархии российской весьма от воли подданных Ея Императорского Величества отнято под смертною казнию и под церковною клятвою, а оставлено в единой воле монаршей, которая во все помянутому указу Ея Императорского Величества вновь напечатана и публикована и для всенародного сведения по церквам

читается, напечатано о полной власти и свободной воли родителей самодержавных во определении наследников своих; и по всему явно есть что их Императорское Величество избрание и определение наследника в своей токмо свободной воле оставить изволили: того ради подданные Ея Величества весьма не должны не токмо по своей воле кого представлять советом или разсуждением, ниже о том мыслить разве бы Ея Императорское Величество по всемилостивейшему снисхождению, сама кому о тому комиссию дать или от кого совету требовать изволила; инако каждой и кто б на таковое дело отважиться, мог нарушителем вышеписанных регламентов и указов и высокой воли Ея Величества быть; как ныне от Антона Девиера, от графа Толстого, от генерала Бутурлина, от генерала майора Писарева чинилось. Что же принадлежит до сватанья великого князя и ежели оное чинено или чинится по высокой воле Ея Императорского Величества и по желанию его высочества великого князя, то те персоны, которые тщились домогаться не допустить до того, весьма погрешили как против высокой воли Ея Величества, так во оскорблении его высочества великого князя. А не меньше того и в разговорах о таком важном деле, которое особливо высокой воли Ея Императорского Величества подлежит; понеже все вышеписанные злые умыслы и разговоры чинены были от них по их партикулярным страстям, а не по доброжелательству хотя они допросили и показали, яко бы то для интересу Ея Величества чинится, но то вымышлено у них только для прикрытия их партикулярной злобы как по допросам их показано именно, а особливо граф Толстой сказал, что боялся великого князя, прочие сказали, что боялись усиления светлейшего князя и понеже ради такой своей собственной безопасности не удержалися они от такова зла, которое впредь могло произойти к великой опасности Ея Императорского Величества, высокой фамилии и государству, которое их злое намерение хотя помощию Божиею, и Ея Императорского Величества счастием в самое действие ими не произошло; но по воинским артикулам такое зло, которое по оскорблению величествия чинитца равному наказанию подвержено, как в толковании на артикул девятой на десять напечатано, а именно: равное наказание чинится над тем котораго преступления, хотя к действу и не произведено, но токмо ево воля и хотение к тому было. И понеже они чрез такие поступки верность и присяжную должность к Ея Императорскому Величеству и Ея Величества высокой фамилии и ко всему Государству весьма

оставили; того ради яко недоброжелательные Ея Императорского Величества и его величества высокой фамилии и всего общаго добра мира и тишины ненавидящие, наказаны быть имеют, а именно: Антона Девиера и графа Толстого яко пущих в том преступников казнить смертию. Генерала Бутурлина лишить чинов и данных деревень и жить ему в ево дальних деревнях. Генерала майора Григория Скорнякова-Писарева лишить чина и чести, и учиня наказание, послать в ссылку, а данные деревни и дворы у него взять; Князя Ивана Долгорукова отлучить от двора и, унизя чином, написать в полевые полки. Александра Нарышкина лишить чина и жить ему в деревне без выезду. Андрея Ушакова, хотя таких слов от него и не было, но слыша от Писарева не донес, где надлежит, и ради такова подозрения здесь ему не быть, а определить ево в команде куда надлежит. А впрочем всеподданнейше предаели на высокославное милосердие Ея Императорского Величества. Мая 6 дня 1727 года.

Канцлер граф Головкин
Князь Дмитрий Голицын
Иван Дмитриев-Мамонов
Князь Григорей Юсупов
Алексей Волков
Брегадир Фаминцын.

* * *

Именный, состоявшийся в Верховном Тайном Совете — «Об отобрании Манифестов, выданных из бывшей Розыскной Канцелярии». Объявляется во всенародное известие.

Император Петр II указал:

«Выданные в народ в прошлых годах Манифесты, которые публикованы по делам, бывших в Розыскной Канцелярии, под ведением Петра Толстова, где оные ныне на лицо есть, також и те, которые разосланы были в Коллегии и Канцелярии и в Губернии по городам и по церквам, все собрать в одно место…, чтоб впредь… оных отнюд не было и не читали…». Те люди, которые имеют в своих домах Манифесты и не отдадут их в надлежащие места, отданы будут к суду»[1].

[1] ПЗС–I. 1727. Т. 7. № 5133. С. 831–832.

Форма — Манифеста

Божиею милостию мы, Петр второй Император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Каким образом блаженная и вечно достойныя памяти Его Императорское величество вселюбезнейший Государь дед Наш в 1722-м году с соотеческаго своего о Монархии Российской попечения изволил учинить вечной уставе о наследствии престола империи Российской, чтоб о оному весьма быть в воле монаршей о том уже всем довольно известно. А блаженныя же памяти Ея императорское Величество наша вселюбезнейшая государыня бабка в прошлом 1726-м году указом своим не токмо тот устав о наследствии монархии Российской подтвердить и внов как тот устав и присягу так и особую книгу в том же 1722 году по согласию духовнаго и мирскаго главнаго правительства в Москве напечатанную имянуемую, правда воли монаршей, во определении наследника державы своей, напечатав публиковать всемилостивейше повелела таким подкреплением, еже кто услышит, что о наследии державы их величество кто будет противно вышеупомянутому уставу и духовнаго и мирского главного правления изъяснению и запрещению, каким нибудь образом разсуждать или толковать в разговорах или в компаниях, чтоб о таких без всякой опасности объявляли Ея Величеству, за что обещано милостивое награждение, а которые воры и возмутители в прошлом 1726-м году о том уставе чрез подложные письма противным образом разсуждали то за изменников и клятвопреступников почтены и церковной клятве преданы. Но ныне несмотря на то во время болезни помянутой блаженныя памяти Ея Императорского Величества открылись такие же мятежники, которые тайным образом совещались противу того устава и высокаго соизволения Ея Императорского Величества во определении Нас к наследствию вымышлять злыя способы каким бы образом нас не токмо до сего законаго наследствия не допустить но и от отечествия Нашего в чужие края отлучить и избрали наследника каждой по своей воле кто кого хотел, а именно в том совещании приличились Антон Девиер, Петр Толстой, Иван Бутурлин, Григорий Скорняков-Писарев, генерал лейтенант Андрей Ушаков, который слыша такие слова от Григория Скорнякова-Писарева, как он говорил о наследствии Российского престола, потом по присяжной своей должности где надлежит не доносил в прочем в том деле себя подозрительным показал. Да они ж Антон Девиер, Петр Толстой, Иван Бутурлин и Григорий

Писарев, також Александр Нарышкин и князь Иван Долгорукой за долгое время пред, тем не доброхотствуя нам тщились отвратить блаженные памяти Ея Императорское Величество от Ея всемилостивейшаго об Нас высокоматерняго попечения, о сватовстве на принцессе Меншиковой, которую мы во имя Божия с воли Ея Величества и по нашему собственному намерению к тому благоугодною изобрели; и умышляли Ея величество стращать, якобы Ея Величеству из того некоторые опасности произойтить могут а именно совещались они Ея Величество чрез свои коварства к тому приводить, чтоб нас отправить за море и тем бы прекрыть нам дорогу к наследствию монархии Российской. Но Ея Императорское Величество имея об нас и об государстве высокоматерное попечение, кой час о том их злом умысле изволила Ея Величество вскоре всемилостивейше повелела о том разыскивать, для чего указала учредить особой суд, на котором приговорено за тот злой их умысел по силе выше помянутых указов и государственных прав, яко недоброжелательных Ея Императорскому Величеству и Ея Величества высокой фамилии и всего общего добра мира и тишины ненавидящих наказать, а именно Антона Девиера и Петра Толстого яко пущих в том преступников казнить смертию. Ивана Бутурлина лишить чинов и данных деревень и жить ему в дальних ево деревнях. Григория Скорнякова-Писарева лишить чина и чести и учиня наказанье послать в ссылку, а данные деревни и дворы у него взять. Князя Ивана Долгорукова отлучить от двора и унизя чином, написать в полевые полки; Александра Нарышкина лишить чина и жить ему в деревне без выезду. Андрея Ушакова определить к другой команде куда надлежит. А по конфирмации Ея Императорского Величества за подписанием собственной Ея Величества руки, велено Антона Девиера и Толстова от смертной казни освободить, а лишить их чина и чести и данных им деревень и дворов и послать Антона Девиера, бив кнутом, в Сибирь, а Толстова и с сыном ево Иваном в Соловецкой монастырь. Бутурлина, лиша всех чинов послать в дальние ево деревни, а деревень у него не отнимать. Григория Скорнякова-Писарева лишить чина и чести и, бив кнутом, послать в ссылку, а данные деревни и дворы у него взять. Князь Ивану Долгорукову, и Александру Нарышкину, и генералу лейтенанту Ушакову учинить то, что по суду приговорено. И понеже такая с ними милость учинена не по силе вин их, но по Ея Императорского Величества милосердию, того ради впредь ничтоб на сие никакой надежды не име-

ли. Но ежели кто таким же образом в противность вышеупомянутому уставу блаженныя памяти Его Императорского Величества Государя деда нашего и указом обоих Их Императорских Величеств и синодальному увещанию и клятвенному обещанию или инако как по своей воле о наследствии империи Российской ныне или впредь разсуждать или толковать и впрочем в такия разсуждения об Нас или о фамилии Нашей вступать будут, которые должности верных наших подданных не принадлежат и в том, ежели от кого обличены будут, то без всякого милосердия яко нарушители регламентов и клятвенного обещания и общего добра и мира и тишины ненавидящие наказаны и церковной клятве преданы будут; равным образом и с теми учинено будет которые услышав от кого такие предложения, советы, разсуждения или толкование а того ж часу в надлежащем месте не донесут чего ради Наше Императорское Величество всех верных наших подданных как духовных, так мирских всемилостивейшее отечески предостерегаем дабы впредь от того крепкую имели осторожность и воздержанность ибо и ныне все наши верные подданные, как духовные, так и мирские, которые нам присягали, и крест целовали, что за наследника монархии Российской почитать того, который от нас по соизволению и самодержавной нам от Бога данной императорской власти определены и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут. А ежели кто от кого о таких делах противное вышепомянутым уставу и регламентам и нынешнему клятвенному обещанию услышит в разговорах или советах и о том того часу где надлежит доносить. За что от Нас милость и награждение получить могут[1].

Умирающая императрица проявила якобы чисто материнское миролюбие к главным виновникам, заменив им смертную казнь вечной ссылкой. На самом деле в условиях каторги это означало медленное угасание жизни Петра Толстого и Антона Девиера. На это надеялся их главный враг Меншиков.

Однако оказалось, что Светлейший князь праздновал над своими противниками пиррову победу. Через четыре месяца он повторил трагическую судьбу своих бывших товарищей и верных сослуживцев, оказавшись в Якутском крае.

[1] НИА СПб РАН. Ф. 36. Д. 445 // Дела Тайной Канцелярии. Т. 3. Л. 156–160.

ГЛАВА 5
ССЫЛКА АНТОНА ДЕВИЕРА И ГРИГОРИЯ СКОРНЯКОВА-ПИСАРЕВА В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ

В воскресный день, 27 мая 1727 г., в послеобеденное время А. М. Девиер и Г. Г. Скорняков-Писарев выехали из Петровской северной столицы, начав свой длинный путь в Сибирь. Как известно, ссылка в эти места была узаконена при царе Алексее Михайловиче Соборным уложением 1649 г., причем в числе мест ссылки за некоторые виды преступлений указывалась и река Лена.

С 1730-х годов массовая ссылка в Якутский край была прекращена. Сюда верховная власть стала направлять лишь редких одиночек, как правило, из дворян, считавшихся опасными государственными преступниками[1]. К их числу были отнесены ближайшие сподвижники Петра I: генерал-лейтенант А. М. Девиер и генерал-майор Г. Г. Скорняков-Писарев. Местом их ссылки стало Жиганское зимовье Якутского уезда на пустом берегу реки Лены, в восьмистах верстах от Якутска.

Жиганск был маленьким ясачным зимовьем, в котором жило несколько казаков, собиравших ясак с коренного тунгусского населения.

Сюда ссыльные добрались только в 1728 г., и в этом безлюдном месте были совершенно отрезаны от всего мира, нуждаясь во всем необходимом для своего существования. По целым месяцам они были вынуждены питаться одним хлебом и рыбой, редко видеться друг с другом, потому что сторожившему караулу было строго наказано не допускать общения их с кем бы то ни было.

Закат властвования Светлейшего князя А. Д. Меншикова, кратковременное царствование Петра II и воцарение Анны Иоанновны прошли для ссыльных Жигановского зимовья бесследно. Возникает закономерный вопрос, в чем причина того, что Анна Иоанновна, вступив на престол, не захотела вернуть из ссылки А. М. Девиера, который, как мы знаем, немало сделал для ограждения ее от притязаний А. Д. Меншикова и его стремления захватить место герцога Курляндии. Такую позицию бывшей курляндской герцогини исследователи

[1] *Ссылка* и каторга в XVII–VIII вв. // История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / под ред. д-ра ист. наук Л. П. Окладникова. Улан-Удэ : Бурят-Монгольское гос. изд-во. 1951. С. 283.

трактуют каждый по-своему, но цель, которую преследует новая императрица при этом, все считают одной. Например, историк Вениамин Бергман утверждает, что «Анна Иоанновна, вероятно, не хотела возвратить из изгнания обесславленного Девьера»[1], а военный историк С. Шубинский эти предположения излагает в своем восприятии: «Неизвестно, почему Анна Иоанновна и Бирон не захотели облегчить участи Девиера. Может быть, у него были какие-нибудь неприятные столкновения с ними во время посылки его в Курляндию или, зная его за преданного слугу семьи Петра Великого, они боялись, что, вернувшись в Петербург, он явится деятельным сторонником устраненной от престола и любимой народом цесаревны Елисаветы»[2].

По мнению Л. Бердникова, вдовствующая курляндская герцогиня Анна затаила на человека (Антона Девиера. — П. Н.), который разлучил ее с женихом, «жгучую бабью обиду: впоследствии, став императрицей, она это ему припомнит»[3].

Мы полагаем, что вряд ли Анне Иоанновне, женщине грубой и мстительной, доставляло удовольствие воспоминания о жизни в Митаве. А возвращение А. М. Девиера из сибирской ссылки в столицу и восстановление во всех чинах на прежней придворной службе делало его человеком весьма нежелательным, так как он был хорошо осведомлен о попытках императрицы выйти замуж за побочного сына польского короля Августа II графа Морица Саксонского, неудачника-сердцееда. Поэтому Анна Иоанновна и не торопилась освобождать из ссылки такого осведомленного и влиятельного человека, каким был А. М. Девиер. Правда, ради справедливости, следует заметить, что Анна Иоанновна за год до своей кончины подписала указ (13.04.1739 г.) о назначении ссыльного А. М. Девиера (и то из-за отсутствия другого способного человека) начальником Охотско-Камчатского края. Но этого назначения Антону Мануиловичу пришлось ждать в заточении более одиннадцати лет, а пока жизнь ссыльного генерал-полицмейстера протекала в полной изоляции на Дальнем Севере. Первые четыре года его

---

[1] [*Бергман В.*] История Петра Великого. Сочинение Вениамина Бергмана. Второе изд-е. испр. и умноженное. СПб., 1840. Т. 6. С. 131.

[2] *Шубинский С.* Девиер Антон Мануилович, граф // РБС. СПб., 1905. Т. VII. Дабелов-Дядьковский. С. 374–375.

[3] *Бердников Л. И.* Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи. М. : Издательство Аст, 2018. С. 93.

одиночество изредка скрашивали встречи с «подельником» Г. Скорняковым-Писаревым. Но вскоре А. М. Девиер лишился и этой возможности, так как его соседу вдруг улыбнулось счастье, и его перевели в другое место, ближе к Охотску.

Правительство императрицы Анны Иоанновны, учитывая отдаленность Охотско-Камчатского края, решило отделить его от Якутского уезда и образовать самостоятельное Охотское правление с непосредственным подчинением Иркутской провинциальной канцелярии. Во главе правления должен был стоять главный командир, а его резиденцией был определен поселок Охотск, который в 1730-е годы стал городом и главным русским портом на Тихом океане до середины XIX в.[1]

Начались поиски среди ссыльных достойной кандидатуры на этот ответственный пост. Счастье улыбнулось Скорнякову-Писареву благодаря усилиям его бывшего начальника по службе в сенате П. И. Ягужинского. Об этом свидетельствует выписка из протоколов Сената с решением о назначении Скорнякова-Писарева в Охотск: «1731 году, марта […] дня по указу «Ея Императорского Величества объявленному в предложении генерала и кавалера Графа Павла Ивановича Ягужинского и слушав сообщенного при том предложении рассуждения, приказали: Григория Писарева, который сослан в Сибирь и ныне за Якуцком в Жиганском зимовье, определить в Охоцк и дать ему полную команду над тем местом, и чтобы он то место людьми умножил и хлеб завел, и пристань с малою судовую верфью, также несколько морских судов для перевозу на Камчатку и оттуда к Охоцку казенной мягкой рухляди (т. е. пушнины) и купецких людей с товарами и для других потребностей сделал, и о прочем, о чем

[1] Охотск был основан в 1647 г. как зимовье казаками-землепроходцами под началом С. А. Шелковникова. В 1649 г. был срублен острожок, однако Охотск не имел перед другими острогами никакого преимущества, оставался бедным поселением и состоял под ведением Якутска. По признанию академика С. П. Крашенинникова, Охотск начал «приходить в знать: с тех пор, как морской ход на Камчатку проведан, а в нынешнее состояние приведен при господах командирах Скорнякове-Писареве и покойном графе Девиере. Строением сие место превосходит прочие остроги: ибо *дома по большей части изрядны и в линию поставлены* (выделено — П. Н.) — сказался опыт строительства Петербурга, который проявил Антон Девиер, став командиром Охотского порта после смещения Скорнякова-Писарева. См.: *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М. : Эксмо; Око, 2013. С. 83.

в разсуждении изъяснено, исполнял и старался, дабы то, яко новое место, с добрым порядком, к ползе и прибыли государственной приведено было». Протокол Сената с решением о назначении Скорнякова-Писарева в Охотск был подписан 23 марта 1731 г. девятью сенаторами: князем И. Ю. Трубецким, князем А. М. Черкасским, Г. П. Чернышевым, А. И. Ушаковым, князем Ю. Ю. Трубецким, графом М. Г. Головкиным, князем И. Ф. Барятинским, В. Я. Новосильцевым, князем Г. А. Урусовым[1].

Официальный именной указ о назначении Г. Скорнякова-Писарева начальником Охотского порта был подписан императрицей Анной Иоановной 10 мая 1731 г. Указ гласил: «Ея Императорское Величество указала: Григория Писарева, который сослав в Сибирь и ныне за Якутским в Жиганском зимовье, определить в Охотск и дать ему полную команду над тем местом, и чтобы он то место людьми умножил и хлеб завел, и пристань с малою судовую верфью, также несколько морских судов для перевозки на Камчатку и оттуда к Охотску казенной мягкой рухляди и купецких людей с товарами и для других потребностей сделал; исполнял и старался, дабы то, яко новое место, с добрым порядком, к пользе и прибыли государственной, приведено было»[2].

Назначение на эту должность Г. Скорнякова-Писарева было не случайным. Во все времена в России, особенно в Сибири, остро ощущалась нехватка квалифицированных администраторов. В Петербурге вспомнили о Скорнякове-Писареве, который был весьма образованным человеком и имел опыт административной деятельности, служа в государственных ведомствах и занимая различные служебные посты. Он умел блеснуть своей ученостью.

В 1722 г. им была написана первая русская «Наука статистическая, или механика». Петр I весьма высоко ценил его инженерные таланты. Вместе с тем на гражданском поприще Скорняков-Писарев полностью проваливал порученные ему ответственные задания по строительству (строительство Ладожского канала, устройству школ, Морской академии, навигационной школы и т.п.), за что навлек на себя немилость императора Петра Алексеевича. А после известной

[1] *Вторая* Камчатская экспедиция (далее — ВКЭ). Документы. 1730–1733. М. : Памятники исторической мысли. 2001. С. 47–48.
[2] *ПСЗ–I.* № 5753. 10 мая 1731. С. 461.

ссоры в Сенате с вице-канцлером П. П. Шафировым в 1724 г. Петр I назвал поведение Скорнякова-Писарева «незаконным и неприличным». И, как уже отмечалось выше в нашей монографии, в конце концов Скорняков-Писарев стал жертвой политических интриг между «птенцами гнезда Петрова»: в последние дни жизни царствования императрицы Екатерины I светлейший князь А. Д. Меншиков жестоко расправился со своими бывшими сподвижниками, ставшими на его пути к царскому трону, отправив их в ссылку.

Характеризуя моральные качества Скорнякова-Писарева, следует отметить, что он отличался безнравственностью и беспринципностью по отношению к сослуживцам и своим подчиненным. Этим он отличался и когда находился в ссылке.

Несколько забегая вперед и рассматривая отношения в будущем между офицерами Второй Камчатской экспедиции и командиром Охотского порта, можно утверждать, что для опытного и, несомненно, высокопрофессионального администратора, каким являлся ссыльный Скорняков-Писарев, любимым развлечением было не только конфликтовать с офицерами экспедиции, но и постоянно устраивать ссоры их между собой.

Как считают некоторые исследователи, весьма возможно, что многое в истории Второй Камчатской экспедиции могло сложиться иначе, если бы начальником Охотского порта стал не Скорняков-Писарев, а другой человек. Но ведь сам Беринг поддержал эту кандидатуру и на первых порах был удовлетворен назначением именно Скорнякова-Писарева на этот важный пост. Как известно, еще в марте 1731 г. капитан-командором В. Берингом впервые высказана мысль о необходимости постоянного командира в Охотске[1].

Одновременно с именным указом о назначении Скорнякова-Писарева командиром Охотского порта в Сибирском приказе составляется обширная инструкция из 33 пунктов. Эта инструкция, подписанная Павлом Ягужинским и Иваном Давыдовым 10 мая 1731 г., явилась правовым документом, регламентирующим служебную деятельность не только Скорнякова-Писарева, но и Антона Девиера, сменившего его на этом посту.

В инструкции предлагалось командиру Охотского порта принять меры к тому, «чтобы сделать… новое место с добрым порядком,

[1] *ВКЭ*. Документы 1730–1733. Док. 1.

к пользе и прибыли государственной приведено было»[1]. Следовало заселить обширный Охотско-Камчатский край на добровольных началах крестьянами, устроить их быт и завести там хлебопашество; перевести из Якутска рогатый скот и лошадей и заняться скотоводством и коневодством; в Охотске создать порт с верфью и строить там морские суда для связи с Камчаткой; нанимать служилых людей в нужном количестве и создавать благоустроенные условия для их службы; бездоимочно собрать ясак с тунгусов, коряков, ительменов; благоустроить Якутско-Охотский тракт для бесперебойной перевозки разных грузов и провианта, людей и почты; построить церкви и определить попов искусных, чтобы они склоняли тамошний народ учиться грамоте и показывали им закон христианский; завести кабаки и расплачиваться в них мягкой рухлядью (пушниной), так как деньги там не ходят и тамошний народ их не знает; направлять работу камчатских и других приказчиков. В предпоследнем пункте данной инструкции командиру Охотского порта определялось жалование «по 300 рублей, да хлеба всякого…сто четвертей, вина простого по сто ведер на год»[2]. Как мы видим, жизнь для Скорнякова-Писарева предусматривалась весьма сносной в сравнении с его существованием на Жигановском зимовье.

В заключение инструкция (п. 33) разрешала проявлять собственную инициативу в своей деятельности в должности командира Охотска, чтобы что-то дополнительно «изобрести к пользе и к размножению высокому, за что от Ея Императорского Величества милостиво будешь награжден»[3].

Облеченный такой обширной властью, Скорняков-Писарев, получив указ от 10 мая 1731 г. о своем назначении, в начале 1732 г. переехал из Жиганского зимовья в Якутск, затем на короткое время в Охотск. Сделав там первые распоряжения относительно устройства края[4], он в начале 1733 г. возвращается в Якутск. Здесь Скорняков-Писарев занял-

[1] *ПСЗ–I.* Т. 8. № 5813. 30 июля. 1731. С. 520–524.

[2] Скорняков-Писарев и Девиер в Сибири. (1727–1743) Сообщил А. С. Сгибнев // Русская Старина. 1876. Т. 1–5. № 2. С. 444 ; *Зуев А. С., Миненко Н. А.* Секретные узники сибирских острогов. (очерки истории политической ссылки второй четверти XVIII в. Новосибирск : Наука, 1992. С. 49.

[3] *ПСЗ–I.* 1731. Т. 8. № 5813. Пункт 33. С. 524.

[4] *Сборник* РИО. 1899. Т. 106. Юрьев. С. 208.

ся отправкой в Охотск казаков и чиновников, провианта и других грузов, но его деятельности препятствовал якутский воевода Жадовский. Он открыто отказался помогать Скорнякову-Писареву и всячески тормозил заготовку провианта и отправку людей и грузов в Охотск. Дело дошло до того, что конфликтующие стороны взаимными доносами стали подвергать друг друга аресту. Сначала Скорняков-Писарев арестовал Жадовского, потом Жадовский Скорнякова-Писарева. При этом Жадовский, «взяв ево за караул, приехал на квартиру ево с якуцкими обывателями во многолюдстве, пожитки ево пограбили ценою против жалованья слишком вдвое»[1]. Якутский воевода Фадей Жадовский вскоре был отстранен от должности и попал под суд за взяточничество[2].

В то же время, 12 февраля 1733 г., в Якутске был получен указ о снятии Скорнякова-Писарева с поста командира Охотского порта и возвращении его на прежнее место ссылки.

Однако последующим новым указом Сената Скорняков-Писарев, как невиновный, был восстановлен в прежней должности и в конце ноября 1733 г. возвратился в Якутск. Но в Охотск на этот раз он попал только осенью 1735 г. Возникает, на наш взгляд, справедливый вопрос, что помешало Скорнякову-Писареву приехать раньше к месту своей службы?

По утверждению некоторых исследователей, Скорняков-Писарев остаток 1733 г., весь 1734 г. и значительную часть 1735 г. занимался отправкой в Охотск поселенцев, казаков, моряков, мастеровых и различных грузов[3]. Однако последующие события, вызванные непристойными поступками и намерениями Скорнякова-Писарева, ставят под сомнение справедливость этих утверждений.

Крутой по характеру Скорняков-Писарев, добившись снятия с должности и ареста якутского воеводы Жадовского, на этом не остановился. Считая, в какой-то мере причастными в его обвинении, капитана-командора Беринга и его помощников, он, вместо помощи в подготовке экспедиции к выходу в море, повел против них необъявленную войну. Хотя, как уже упоминалось, новым указом Сената

[1] *ВКЭ.* Документы. 1734–1736. Док. 76. С. 189.
[2] Там же. С. 193.
[3] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 (исторический очерк) : морской сборник. СПб., 1869. Т. CV. № 11. С. 26–28.

от 11 марта 1733 г. Скорняков-Писарев был признан невиновным и назначен повторно к прежней должности[1].

Получив почти неограниченную власть, он вновь ощутил себя человеком, могущим повелевать, и по своему усмотрению стал распоряжаться денежной казной и казенным имуществом: брал взятки, присваивал ясак, не выдавал нижним чинам жалованье и провиант, предался пьянству и разврату, нередко устраивал гульбища в компании «своих подручных баб и девок», за малейшее непослушание наказывал подчинённых батогами и кошками, мог собственноручно избить до полусмерти человека. Так, служилой Алексей Грачев жаловался на командира Охотского порта Г. Скорнякова-Писарева за разорение и крайнюю нищету служилых людей порта: «Претерпеваем немалой глад [голод] и наготу, а иные из нас ходят по миру и питаютъца поданною милостынею от Камчатъской экспедиции»[2].

Как лицо, наделенное властью, Скорняков-Писарев, вместо помощи Второй Камчатской экспедиции, вступил в конфликт с ее руководителем Витусом Берингом и его заместителем капитаном Мартыном Шпанбергом. Вместо того чтобы по просьбе В. Беринга, находящегося в Якутске, Г. Скорнякову-Писареву следовало приступить к подготовке судов для экспедиции и обеспечить доставку грузов и, в первую очередь, продовольствия из Якутска в Охотск, последний старался очернить заслуженного мореплавателя и его людей. В итоге обе стороны стали писать друг на друга жалобы и доносы в Сенат и Адмиралтейство.

Споры наконец дошли до того, что экспедиционное поселение В. Беринга и острог Писарева, вспоминает современник А. П. Соколов, были похожи на два враждебных стана. Недовольные Писаревым низшие чины и ссыльные перебегали к Берингу, по живописному выражению Писарева, «как некогда бежали из России на Дон и в Запорожье, и были им принимаемы милостиво». Писарев со своей стороны насильственно захватывал людей Беринга и держал их под арестом. Там и здесь беспрестанно подавались доносы, производились следствия, а у Писарева даже пытки. Случалось, что Беринг приходил

[1] *ВКЭ.* Документы. 1730–1733. Док. 118. С. 331.
[2] *ВКЭ.* Документы. 1737–1738. Док. 81. С. 505.

со своею командою освобождать своих пленных и несколько раз грозился арестовать самого Писарева[1].

Начальника Охотска Г. Г. Скорнякова-Писарева дважды отстраняли от должности и вновь назначали. Второй раз он был отрешен от должности в 1737 г., но фактически начальником Охотска Скорняков-Писарев оставался до 1740 г.

Вместо него 13 апреля 1739 г. императрица Анна Иоанновна по рекомендации Сената на должность Начальника Охотского порта назначила «доброго и совестливого человека», которым явился ссыльный Антон Девиер, бывший генерал-полицмейстер Петербурга. Как мы видим, поиск достойной кандидатуры на место Скорнякова-Писарева продолжался необыкновенно долго, начиная с 1737 г. Поводом к замене Скорнякова-Писарева послужило самовольное оставление им своего поста в Охотске и тайный уезд со своим вооруженным окружением (в составе 13 человек) в Якутск. Руководство Камчатской экспедиции в своем донесении в Адмиралтейств-коллегию назвало отъезд 1 сентября 1736 г. Скорнякова-Писарева в Якутск как бегство и просило заменить его достойным человеком[2].

В ответ на донесение капитана-командора В. Беринга Адмиралтейств-коллегия уже 5 мая 1738 г. вступила в переписку с Сенатом по вопросу снятия Скорнякова-Писарева с поста командира Охотского порта (док. № 18). Этот же вопрос всплывает вновь в рассуждениях чиновников Адмиралтейств-коллегии 3 декабря 1737 г. (док. № 59). Адмиралтейств-коллегия ещё раз обращается к Сенату 20 декабря 1737 г. с просьбой заменить начальника Охотского порта (док. № 66). К решению данного вопроса подключается Кабинет министров, который 25 декабря дал указ Сенату сместить Скорнякова-Писарева, создающего «препятствия камчатской экспедиции», и отправить в Охотск нового командира, «выбрав достойного»[3].

Наконец, в протоколах Сената мы читаем запись от 16 января 1838 г. о снятии Скорнякова-Писарева и расследовании его конфликтов с руководством Камчатской экспедиции, но имя нового команди-

---

[1] *Пасецкий В. М.* Витус Беринг (1681–1741). М. : Наука, 1982. С. 137–138.

[2] См. подробнее: *ВКЭ.* Документы. 1734–1736. СПб., 2009. Док. 217. С. 617–618; РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 19. Л. 159-159 об.

[3] *ВКЭ*. Документы. 1737–1738. СПб., 2013. Док. №№ 18, 59, 66.

ра ещё не названо[1], хотя в данном документе упоминается ссыльный Девиер как один из кандидатов на пост нового начальника Охотского порта. И только 21 июля 1738 г. Сенат окончательно свидетельствовал, чтобы «на место Григория Скорнякова-Писарева в Охотск командиром… определить из обретающихся в Сибири ссыльных Антона Девиера и требовать о том общаго рассуждения»[2].

Таким образом, история поиска «достойного и совестливого человека» а затем «устройство общего рассуждения» о найденной кандидатуре, чтобы заменить Скорнякова-Писарева на посту командира Охотского порта растянулась почти на два года, с мая 1737 г. по апрель 1739 г.

5.1. Ссыльный Антон Девиер — начальник строящегося порта в Охотске

Сенат после долговременного поиска «достойного человека» для замены провинившегося Скорнякова-Писарева, наконец, остановил выбор на кандидатуре бывшего генерал-полицмейстера Петербурга Антона Мануиловича Девиера.

При этом повелевалось при отправлении оного Девиера к месту назначения «привесть [его] в той [Сибирской] губернии к присяге и по приводе прислать ту присягу в Сенат» . Ему предписывалось «по прибытии в Охотск сменить Скорнякова-Писарева и поступать во всем по его инструкциям». Следовательно, правовым документом, регламентирующим служебную деятельность нового командира Охотского порта, оставалась «Инструкция, данная начальнику Охотска Григорию Писареву», подписанная Павлом Ягужинским и Иваном Давыдовым 10 мая 1731 г.

Новому командиру Охотска положили жалование, какое было у Г. Скорнякова-Писарева: «по 300 рублей, да хлеба всякого … сто четвертей вина, простого по сто ведер на год» .

Верховная власть еще в 1734 г. получила требуемое ее извещение лично от Г. Скорнякова-Писарева, который через присланного нарочного курьера Соловьёва донёс, что «при нём по первому указу и инструкции было учинено и чего не учинено» .

---

[1] Там же. Док. № 75.

[2] Там же. Док. 125. «Запись в протоколах Сената о назначении А. Девиера командиром Охотского порта вместо Скорнякова-Писарева (21 июля 1738 г.)».

Как видно из документа (экстракта), отправленного в декабре 1734 г. Скорняковым-Писаревым в Сибирский приказ и Сенат, большинство задач, изложенных в «Инструкции…», данной ему, в силу ряда не зависящих от него причин остались невыполненными. И, как показало время, многие задачи «Инструкции…» остались неисполненными по вине самого Скорнякова-Писарева. Поэтому их исполнение возлагалось на вновь назначенного нового командира Охотска. В связи с этим А. М. Девиер перед своим отъездом из Якутска послал своего доверенного человека в Охотск с целью заблаговременно предупредить Г. Скорнякова-Писарева подготовить все документы для сдачи своего поста.

Летом, 10 августа 1740 г., А. М. Девиер добрался до своего места службы. 2 сентября он рапортовал в Сибирский приказ: «прибыл я из Якутска в Охотск прошедшего августа 10 числа… в дела вступил того ж 10-го августа» . По указу о его назначении А. М. Девиер обязан был арестовать Г. Г. Скорнякова-Писарева (что он и сделал в день своего прибытия) и приступить к расследованию конфликта, возникшего между бывшим командиром Охотского порта и руководителем Камчатской экспедиции и, объективно оценив результаты его деятельности, представить в Сибирский приказ.

Антон Девиер, прибыв в Охотск, сразу же хотел начать расследование порученных ему дел. Однако Беринг и Чириков со своими командами должны были плыть на Камчатку и у них не было времени отвечать на вопросы, включенные Девиером в документ расследования. Правда, Беринг обещал на те пункты ответы прислать с Камчатки. Капитан Шпанберг, находясь в Охотске, заявил, что дела письменные, из которых ему отвечать на вопросные пункты, находятся в Якутске, и он пообещал по прибытию туда составить надлежащие ответы и переслать в Охотск. По признанию Девиера, от Шпанберга из Якутска, «хотя и неисправлены», ответы были получены.

Трехнедельное, весьма беглое знакомство нового начальника порта с бедственным положением дел в Охотске глубоко опечалило Антона Девиера.

Оказалось, что в результате разгульной жизни бывшего руководителя Охотска Скорнякова-Писарева многие служилые люди и рабочие испытывали «разорение и крайнюю нищету»… иные ходят по

миру и питаютъца поданною милостынею от Камчатъской экспедиции, а некоторые от глада [голода] и наготы обезсилили и стали больны».

Столь беспросветное существование некоторых служилых людей, прибывших в Охотск на постоянное жительство, заставило более смелых из них искать помощи и защиты у руководства Камчатской экспедиции. Мы располагаем двумя «доношениями» на имя капитан-командора экспедиции В. Беринга. Первое — от 11 февраля 1738 г. «Доношение охотского служилого [Алексея] Грачева Беренгу о бесчеловечном обращении Скорнякова-Писарева со своими подчиненными и его развратном поведении» и второе от 11 марта 1738 г. писаря Охотского порта Осипа Серебрянникова.

Алексей Грачев, служитель порта с 1735 г., обвиняет охотского командира Григория Скорнякова-Писарева по 12 пунктам. Из них большинство пунктов касаются «нищенского жалованья продуктами» служилых и работных людей, которые по вине Скорнякова-Писарева выдаются меньше установленной нормы, а за некоторые месяцы 1836 и 1837 гг. вовсе не получали. Так, по указу определено давать на одного человека в год жалованье денежное семь рублей, хлебное — 29 пудов, то есть по 2,4 пуда в месяц на человека. А начальник порта отпускал в месяц лишь по одному пуду и тридцать фунтов, т. е. вместо положенного по указу более 36 кг. в месяц на человека, служилые получали чуть больше 31 кг. муки. При этом выдаваемая мука со склада порта оценивалась по двадцать пять копеек за пуд, а в Охотске покупалась на рынке один пуд муки ржаной по 2,5–3 руб. Следовательно, денежного жалованья даже на покупку «хлебного провианта» не хватало, но ещё надо было иметь «на ношенье платье и обувь» и протчие необходимые нужды». При этом автор донесения напоминает о том, что в Охотске обувь и харчевое покупается в несколько раз дороже, чем в Якутске, вследствие чего «многие служилые люди пришли в разорение и крайнюю нищету».

Вместе с тем, доноситель (пункты 2 и 3) показывает резкий контраст между материальным благополучием Скорнякова-Писарева и нищенским существованием его подчинённых в Охотске. Автор осуждает своего начальника за непроявление о них «никакого попечения и сожаления», не принимает челобитных о «их нуждах». Получая «много довольное себе жалованье», он всегда забирает его полностью, «отчего в даче нам хлебного провиянта и недостаток чинитца». Сам же жи-

вет в свое удовольствие, «не взирая на народное разорение», постоянно снабжает и кормит имеющихся при себе «баб да девок» и служащих своих дворовых людей, устраивает в своем доме «многократно бабьи игрища» с вином и пивом, препровожая дни свои «в богопротивных и беззаконных гульбищах с бабами».

Далее Скорняков-Писарев подвергался суровому обвинению за самовольное оставление своей команды и уезд в Якутск в 1736 г. Забрав с собою «служилых людей конных и платных», которые могли доставить казённый провиант от Юдомского Креста до Охотска. В результате оставшиеся «безлошадные» и служилые порта за неимением продуктов претерпевали немалые глад [голод] и крайнюю нужду».

Сам Скорняков-Писарев в Охотск возвратился лишь поздней осенью 1737 г. и стал править портом, как и прежде. По утверждению доносителя, Скорняков-Писарев принимает ясак от тунгусов пушниной и живыми оленями, отсылая все на Камчатку, якобы для увеличения государственной прибыли. Зная крайнюю нужду в одежде и обуви, пишет Грачев, лучше бы «горновые» выдавал служилым людям порта по твердой цене, а деньги вычитывал из их денежного жалованья, а не на Камчатку посылал.

Из донесения А. Грачева узнаем, что начальник продолжает вести увеселительную жизнь. Служилых людей в интересах «своих прихотей» используют как «собственных холопов». Заставляет их «делать снежные катушки и поливать водою», на которых он вместе со своими «бл…» катается с этих горок, и принуждает служилых людей возить их на коровьих шкурах, в результате у всех их верхняя одежда и обувь «придрались и обносились».

В то же время многие рабочие болеют и умирают, не получая никакой медицинской помощи. А одного служилого Игнатия Во-роб[ь]ева, больного и голодного Скорняков-Писарев стегал батагами бесчеловечно, который через три дня умер. Его тело, по велению начальника порта, было похоронено не у церкви, а на пустыре вдали от поселка, «на простом месте в дресву». Нередки случаи бывали, когда из рыхлой дресвы собаки и звери мертвые тела «выгребали и съедали».

В «доношении» Алексея Грачева сообщается о том, что «казенные Ее Императорского Величества печати» вместо хранения в канцелярии под караулом «всегда находятся у Скорнякова-Писарева в его кошельке. А денежной и ясачной, «соболиной и лисичной» казной ведает его

«бл…» Наталья Петрова. Так же сообщалось, что Скорняков-Писарев нашил себе много дорогих платьев, имеет меха «собольи пластины и пупчаты, лисьи и рысьи, а также нашил «всякого платья» и приобрел разной пушнины для любимой бабы Дарьи Федоровой (п. 11).

В заключение А. Грачев всепокорно просит Беринга принять его «доношение» и послать в Правительствующий Сенат по вышеуказанным пунктам на Скорнякова-Писарева для рассмотрения, понеже при Охотске «окромя Вашего высокоблагородия некому».

Второе доношение на имя Беринга поступило от писаря Охотского порта Осипа Серебренникова через месяц 11 марта 1738 г. Здесь почти дословно повторяются эти же обвинения против Скорнякова-Писарева. По признанию самого автора данного доношения, оно написано его собственною рукой и включает обвинение против Скорнякова-Писарева по 17 пунктам. При этом доноситель Серебренников повторяет все жалобы своего предшественника на охотского командира порта, правда, описывая более подробно о провале переселения крестьян и о делах по разведению сельского хозяйства в этом крае, взяточничестве, казнокрадстве и распутном поведении Скорнякова-Писарева .

Как видно из доношений Алексея Грачева и Осипа Серебренникова о беспросветном существовании обывателей Охотска, находились и те, кто искал помощь и защиту руководства Камчатской экспедиции.

Поэтому жители Охотска имели все основания восторгаться своим новым командиром порта, и подтверждением тому явились уже первые меры, предпринятые А. М. Девиером, «чтобы не поморить [людей] голодною смертию», так как в казне Охотска оставалось всего 12 рублей денег и три пуда муки. Столь бедственное положение с продовольствием жителей посёлка заставило А. М. Девиера и руководство экспедиции просить «заимообразно» двести двадцать восемь пудов муки, помоклых круп, сухарей. К тому же на казённые деньги было куплено в Якутском ведомстве 38 скотин и забито на мясо, чтобы позволило обеспечить пропитанием все бедное служилое население порта.

По вине бывшего руководителя Охотского порта служилые люди и рабочие три года (738–740) не получали жалование. Новый командир Охотска А. М. Девиер вынужден был пойти на крайние меры: он организовал продажу с аукциона имущества своего предшественника,

чтобы вырученными деньгами пополнить казну и хоть частично ликвидировать задолженность портовым служителям Охотска.

А продавать с аукциона было что у Скорняков-Писарева, о чем свидетельствует сохранившаяся опись от 26 ноября 1740 г. Комиссией Охотских следственных дел описаны и взяты «пожитки» бывшего Охотского командира Скорнякова-Писарева на его квартире, которые были не только необычайно значительные, но и чрезвычайно ценные.

Эту опись, составленную геодезистом М. Гвоздевым, новый командир Охотска Антон Девиер послал в Сибирский приказ 29 ноября 1740 г., а через неделю распорядился продать описанное имущество своего предшественника с публичных торгов и часть вырученных денег использовать для погашения задолженности по жалованию, которое не выдавалось служителем и рабочим порта несколько лет.

Этот исторический эпизод «конфискации» имущества Скорнякова-Писарева нуждается в более подробном обосновании, так как некоторые исследователи считают неправомерными действия по изъятию личного имущества у бывшего командира Охотского порта. С позиций современности, может быть, это можно рассматривать как нарушение прав человека, посягательство на его личную собственность. Мы не защищаем действия А. М. Девиера, связанные с насильственным изъятием имущества его предшественника, однако, как ему было поступить в данной ситуации, когда перед ним предстали голодающие и разоренные жители порта. И это произошло по вине Скор-някова-Писарева. В одной публикации, посвящённой истории Охотска о конфискации имущества у опального Скорнякова-Писарева, снятого с поста командира Охотского порта «за разврат, пьянство и невыплату жалованья», второй «жиганский сиделец» Девиер имущество его конфисковал, деньги за несколько лет подчиненным выплатил. На наш взгляд, написано справедливо. Читаем далее. Между тем Скорнякова-Писарева после возвращения в Санкт-Петербург реабилитировали, «изъятое Девиером вернули». Справедливости ради надо сказать, что вернули Скорнякову-Писареву лишь часть стоимости имущества, оставшейся после уплаты задолженности по жалованию рабочим порта и направленной Девиером в Сибирский приказ.

Другой исследователь, Д. Митюрин, на наш взгляд, весьма произвольно утверждает, что императрица Анна Иоанновна решила заменить Скорнякова-Писарева «добрым и справедливым человеком»,

которым сочли А. М. Девиера лишь на том основании, что он также успел послать на Скорнякова-Писарева несколько «кляз».

С этим трудно согласиться, так как до назначения на пост командира Охотского порта (13.4.1939 г.) А. М. Девиер как ссыльный человек находящийся в Жиганске, не мог писать «клязы» на своего бывшего подельника по делу, сфабрикованному в 1727 г. А. Д. Меншиковым, хотя при этом следует заметить, что он еще во времена правления Петра I к Скорнякову-Писареву относился весьма недоброжелательно.

Поэтому не возникает ни малейшего сомнения в том, что роль Антона Мануиловича Девиера была ведущей на всех этапах расследования служебной деятельности бывшего командира Охотского порта Г. Скорнякова-Писарева.

Он неустанно допрашивал обвиняемого Скорнякова-Писарева и свидетелей, проводил очные ставки, принимал решения, подготавливал донесения и выписки в вышестоящие органы власти. Своевременно докладывал материалы следствия Правительствующему Сенату, императрице Анне Иоанновне, Адмиралтейской коллегии, доносил в Якутскую военную и Иркутскую провинциальную канцелярии.

По-нашему мнению, А. М. Девиер скрупулезно вел расследование дела Скорнякова-Писарева не только ради установления объективной судебной истины, но и в чисто карьерных целях. Ему, несомненно, хотелось в отличие от Скорнякова-Писарева предстать перед верховной властью таким, каким его знали в должности генерал-полицмейстера Петербурга — деятельным, знающим и неподкупным руководителем.

И ему это удалось. Он сумел довольно успешно решить поставленную задачу — доказать запущенность дел на участке, вверенному Скорнякову-Писареву, и его нравственное падение.

Охотским портом первый его командир управлял не особенно удачно и эффективно. Как уже отмечалось, Г. Скорняков-Писарев неоднократно подвергался нареканиям от Правительствующего Сената.

Уже начиная с 1735 г., на Скорнякова-Писарева стали поступать жалобы в вышестоящие органы власти от руководства Второй Камчатской экспедиции за его самоустранение от помощи им и к тому же постоянно «чинящего препятствия». По признанию самого Г. Скорнякова-Писарева эти обвинения явились главной причиной его смеще-

ния с поста командира Охотского порта. После амнистии (декабрь 1741 г.), когда Скорняков-Писарев вновь был в чести и жил в Петербурге, он получил возможность отомстить руководству Камчатской экспедиции.

В 1743 г. Сенат решал вопрос, следует ли продолжать работу Камчатской экспедиции или прекратить ее из-за убыточности и бесполезности. В числе приглашенных консультантов по данному непростому вопросу оказался и Г. Скорняков-Писарев. И, как следовало, ожидать, добрых слов в защиту дальнейшей деятельности экспедиции у него не нашлось. В отличие от него, Девиер за короткое время пребывания в Охотске (всего неполные четыре недели), сумел оказать существенную помощь в завершении подготовки экспедиции к выходу в море. При непосредственном его участие была завершена доставка крайне необходимого количества продовольствия и другого имущества. Для перевозки «экспедиционного провианта» от Юдомского Креста до Охотска были посланы все имеющиеся в порту свободные 80 человек, и лишь 20 человек занимались доставкой продовольствия для жителей поселка.

Капитан-командор Витас Беринг 8 сентября на пакетботе «Святой Петр», а капитан Алексей Чириков на пакетботе «Святой Павел» 9 сентября 1740 г. от Охотска отправились в дальний вояж, который оказался историческим для России.

Антон Девиер 29 ноября 1740 г. донес в Сибирский приказ о выходе в море Камчатской экспедиции, не забыв напомнить о своей причастности «…в этом отправлении, в их потребностях чинено от меня, сколько возможно, надлежащее вспоможение».

Одновременно ему приходилось решать и более сложные проблемы. Так, еще до вступления А. М. Девиера в должность командира Охотского порта в июле 1738 г., несколько охотских служилых людей подали доношение о том, что Скорняков-Писарев строит Охотск на непригодном для жилья месте. В связи с этим по высочайшему повелению А. М. Девиер должен по прибытию в Охотск «учинить осмотр» территории и расследовать, правильно ли Г. Г. Скорняков-Писарев выбрал место для строительства Охотска после разрушительного наводнения в июле 1736 г.

Было повелено, если необходимо, определить новое место для переноса Охотска. Для изучения этого вопроса по просьбе А. М. Девиера была создана комиссия в составе пятнадцати человек: три че-

ловека от Якутской канцелярии, двенадцать человек от охотского поселка. Среди них был один священник, трое подпрапорщиков, пятеро служилых, судовой мастер геодезист, сержант и каптернармус. Каждый член группы знал свои обязанности и должен был о результатах своего участия в работе исследовательской группы и личном мнении донести А. М. Девиеру в письменной форме.

Назначенная группа с 7 по 11 сентября 1740 г. под руководством нового командира порта А. М. Девиера обследовала территорию в радиусе 18-20 версты от Охотска в целях поисках более «угодного места к поселению», чем нынешние. Искатели, поднимаясь в верх по реке Охоте, усмотрели такое «место, называемое Малчикан».

Его расположение выгодно отличается от территории нынешнего Охотска. Несмотря на то что после большого наводнения летом 1736 г., когда Охотск был весь затоплен и несколько строений снесло в море, а люди едва спаслись, сидя на нескольких оставшихся амбарах и крышах изб, бывший командир порта Скорняков-Писарев перенес поселение вверх по Охоте на несколько верст, но опасность от большого потопления осталась. Лет семь назад морская вода, подмывая берега, засыпала западный проход судов из устья Охоты в море, а восточный вымело, которым ныне судовой выход в море бывает. Морская вода непригодна даже для хозяйственных нужд. Здешние обыватели к пропитанию своему за пресной водой ходят в зимнее время за две-три версты вверх по реке Охоте. Летом берут воду при «жил[ь]е… нужны ради».

В здешних местах «от моря весною живет в людях цынга», бывают великие туманы и воздух «мокрой весьма тяжек». От этого продукты и одежда «плесеет и весьма портитца». К этому А. М. Девиер добавляет скотных «выпусков» и лесных угодий в близости не имеется. К строению жилья и потоплению дров жителям и «за скудостью оных… немалая нужда». В итоге, констатирует комиссия А. М. Девиер, что новопоселенное Скорняковым-Писаревым место неугодное, кроме того, что угодно онное для делания морских судов и морской пристани. В качестве вывода о результатах поиска нового места для переноса Охотского посёлка вышеуказанная комиссия во главе с А. М. Девиером, заключила, что «к поселению угодное место… лутче того, что им, Писаревым, вновь поселено, а именно вверх по Охоте — реке, называемое Мальчикан». Так как там и около того

урочища лесов и трав для кошения сена и рыбного промысла довол[ь]но и вода всегда пресная, в зимнее время «не вымерзает», и потому оное же место безопасное».

Знаменательно и прозорливо было заключение: по итогам рассмотренных и описанных мест «ради государственной и народный пользы», по мнению А. М. Девиера, необходимо перенести Охотское поселения в урочище, именуемое Малчикан. Об этом он донес рапортом в Сибирский приказ от 5 декабря 1740 г.

Но благие намерения А. М. Девиера остались на бумаге. Для их реализации требовалось более полувека, когда в 1812 г. штормом Охотск смыло полностью. И лишь в 1815 г. Охотск был перемещен на противоположную сторону общего устья рек Охоты и Кухтуя. Что же касается Охотского порта, положившего начало развитию корабле-строения и мореходства на Тихом океане, то его перенос был осу-ществлен спустя 113 лет при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве.

Охотский порт упразднить…, гласил 3-й пункт закона, присоединив сей край в виде особого округа к Якутской области. В течение 1850–1852 гг. была осуществлена перевозка оборудования и имущества в Петропавловск-Камчатский.

Несомненно, следует признать, что жизнь Охотска, когда его хозяином стал Антон Девиер (он к этому времени уже был пожилым человеком, и все же за дело принялся весьма энергично), не только оживилась, но и значительно улучшилась. Преодолевая, как и Г. Скорняков-Писарев, огромные трудности в нехватке специалистов, служилых людей и строительных материалов, Антон Девиер сумел за короткое время достичь определенных результатов в строительстве и благоустройстве поселка и порта, что открывало дорогу не только к признанию, но и значимости почти неизвестного края.

Знаменательно и то, что А. Девиер один из первых почувствовал необходимость просвещения. При нем уже в 1740 г. была открыта для детей нижних чинов школа, в которую был зачислен 21 мальчик из разных сословий и назначен учитель, поп-расстрига Я. Самгин. Учащиеся обучались грамоте, арифметике и рисованию. Задуманное Витасом Берингом навигацкая школа в Охотске, стала успешно функционировать при Антоне Девиере, дальнейшее развитие она получила при ссыльном Ф. И. Соймонове и просуществовала более века.

К сентябрю 1741 г. на Камчатку на единственном корабле, принадлежавшем Охотскому порту, А. М. Девиер, выполняя «Инструкию…» (пункт 22), отправил шесть крестьянских семей, а также семена для посева и рогатый скот.

Одновременно А. М. Девиер принимал меры к дальнейшему строительству Охотска и его порта. После ухода экспедиции В. Беринга строительство порта велось быстрыми темпами. Уже в 1741 г. Охотск состоял из двух частей: города и экспедиционной слободы. В последней насчитывалось 33 частных дома, шесть магазинов, пять казарм, кузница. В самом Охотске имелась канцелярия, 40 частных домов, три мастерские, пять лавок, действующая церковь, различные подсобные строения и судостроительная верфь .

Преображение края почувствовали и его современники, отдавая должное его первопроходцам. Знаменитый российский ученый Степан Петрович Крашенинников с чувством благодарности в своем фундаментальном труде писал, что Охотск «в нынешнее состояние приведен при господах командирах Скорнякове-Писареве и графе Девиере».

С. П. Крашенинникова особенно восхищало то, что в Охотске, в отличие от других поселений, «дома по большей части изрядны и в линию поставлены, особливо же казенные, в которых жили командиры Камчатской экспедиции».

Как мы видим, в застройке Охотска весьма активно применялся опыт Антона Девиера, приобретенный им во время строительства жилья «в одну линию» в Северной столице России в Петровскую эпоху.

Наряду с благоустройством порта, А. М. Девиер продолжал расследовать служебную деятельность своего предшественника. Не защищая бывшего командира Охотского порта, мы считаем, что А. М. Девиер весьма по-крохоборски поступил по отношению к своему бывшему сослуживцу во время службы при Петре I. Его мелочность особенно проявилась при описи и изъятии личного имущества у Г. Скорнякова-Писарева, а также тщательного расследования полученного им денежного и продовольственного жалования за все годы службы на посту командира Охотского порта. Так, в ноябре 1740 г. А. М. Девиер доносил в Сибирский приказ, что по его определению Г. Скорняков-Писарев будучи при команде Охотского порта перебрал «определённого ему жалованья деньгами и продуктами питания на общую сумму 862 руб. 60 2/3 копеек. А сколько вина им получено сверх установленной нормы

(по окладу ему положено вина простого 100 ведер на год). Девиер не мог установить, так как, по его утверждению, тех, у кого вино было в Охотске, не оказалось, а отчётность об этом в канцелярии отсутствует.

При этом А. Девиер предельно резко оценил действия служителей Якутской канцелярии, которые своевременно не доставили, запрошенное канцелярией Охотска, вино в количестве 300 ведер. В результате экспедиция В. Беринга отправилась в морской вояж без вина, а для государства от «продажи того вина могла бы быть прибыль немалая».

5.2. Освобождение Антона Девиера из ссылки

Трудно было предугадать, чем могло закончиться судебное дело, возникшее по высочайшей воле в Охотске. В нем активными участниками являлись два ссыльных, бывшие ближайшие сподвижники императора Петра Великого. Один из них — зять А. Д. Меншикова, первый генерал-полицмейстер Петербурга, генерал-лейтенант, граф Антон Мануилович Девиер, выступал в роли судьи, другой — бывший директор Морской академии и обер-прокурор Правительствующего Сената, генерал-майор Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев обвинялся в казнокрадстве и мздоимстве, а также в недобросовестном исполнении служебных обязанностей командира Охотского порта. Но, к счастью их обоих, это судебное разбирательство вскоре было приостановлено. Причиной тому стал очередной Дворцовый переворот в Петербурге. С помощью гвардейцев к власти пришла дочь Петра I Елизавета Петровна, которая 1 декабря 1741 г. подписала указ об «отпущении вины» и освобождении из ссылки А. М. Девиера и Г. Г. Скорнякова-Писарева.

Указ в Охотск был доставлен через семь месяцев, 26 июня 1742 г. А через две недели, 11 июля 1742 г., А. М. Девиер, передав дела помощнику, выехал из Охотска. Вслед за ним отправился в столицу Г. Г. Скорняков-Писарев. Их обратный путь в Северную столицу длился почти год. В Петербург они возвратились лишь в начале 1743 г., то есть через шестнадцать лет [в Сибирь их увезли 27 мая 1727 г. — П. Н.]. По приезде в столицу им возвращено было все, что отобрано по решению суда.

Так, бывший ссыльный Г. Скорняков-Писарев возвратился в Санкт-Петербург 23 апреля 1743 г. и сразу же был восстановлен в прежнем чине генерал-майора. Ему также было передано сохранившееся имущество, описанное А. М. Девиером в Охотске и частич-

но реализованное им, с согласия верховной власти, на рынке для оплаты жалования служителям порта, которые не получали его, как уже мы упоминали, целых 3 года. Оставшиеся домашние пожитки, оцененные в восемьсот двадцать четыре рубля, Г. Скорняков-Писарев решил увезти с собой, но при этом он вынужден был уплатить за их провоз от Охотска до Москвы госпошлину в сорок два рубля 73 ½ коп[1].

Именным Высочайшим указом о 14 февраля 1743 г. было объявлено «о возвращении безвинностradавшему Антону Девиеру чина генерал-лейтенанта, графского достоинства и ордена Святого Александра [Невского][2]. В счет отобранной при аресте собственности ему были переданы 180 дворов и 1600 крепостных душ, ранее принадлежавших А. Д. Меншикову.

Полностью восстановленные в правах, званиях и достоинствах граф А. М. Девиер и генерал-майор Г. Скорняков-Писарев вновь были востребованы правительством, но на сей раз уже в качестве советчиков. Ко времени их возвращения из ссылки в Петербург в Сенате разгорелся жаркий спор по вопросу целесообразности дальнейшей деятельности Второй Камчатской экспедиции. А. Девиер и Г. Скорняков-Писарев как бывшие командиры Охотского порта были приглашены, чтобы высказать свое резюме по рассматриваемому вопросу. Мнение Антона Девиера в отношении будущности Второй Камчатской экспедиции нам неизвестно.

Что же касается Г. Скорнякова-Писарева, то сенаторы с его стороны заслушали краткий отчет («экстракт»), в котором деятельность экспедиции и ее руководителей была представлена исключительно в неприглядном виде[3].

Сенаторы после непродолжительного обсуждения выступления Г. Скорнякова-Писарева признали необходимым «закрыть экспедицию». Императрица Елизавета Петровна, согласившись с решением Сената, 23 сентября 1743 г. подписала соответствующий указ[4].

---

[1] *РГА* ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 48. Л. 112 об.

[2] *РГИА*. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 24. Д. 78.

[3] *ВКЭ*. Документы. 1734–1736. СПб., 2009 ; ВКЭ. Документы. 1737–1738. СПб., 2013. С. 43 ; *Серов Д. О.* Администрация Петра I. Изд. 2. М. ОГИ. 2008. С. 70–72, 100–103, 124–131, 151–158.

[4] *Алексеев А. И.* Указ. соч. С. 62.

Не успев вздохнуть свободно от многолетней сибирской ссылки имя Антона Девиера вновь, как и пятнадцать лет назад, взбудоражило светскую публику. О нем заговорили как об одном из участников заговора против Елизаветы Петровны. Этот слух, как оказалось, был ложным от начала до конца. Виновником его распространения явился французский посланник Далион, который 8 (19) марта 1743 г. донес своему правительству о том, что в Петербурге раскрыт «заговор против самой Царицы (Елизаветы Петровны. — П. Н.), Великого князя и вообще против всех иноземцев»[1].

Характеризуя арестованных участников заговора, Далион сообщал в Париж, что захвачены не простые лейб-компанцы, а сержант Левинский, вице-сержант Скворцов, придворный повар, буфетчик, служивший Царице еще до ее восшествия на престол, недавно возвращённый из Сибири Дон Мануэль Девьер, зять покойного князя Меншикова, португалец родом, и камера-паж. Над ними якобы производят следствие подпоручик лейб-компании камергер Шувалов и прапорщик Гринштейн (Грюнштейн. — П. Н.).

Если довериться донесению Далиона своему правительству, опубликованному главным редактором П. Бартеневым в октябрьском номере «Русского архива» за 1892 г., то такая информация о заговорщиках, в частности о А. М. Девиере, вызвала у читателей справедливое сомнение в её достоверности. Удивительно было то, что Антон Девиер, только что возвратившийся из ссылки по личному повелению Елизаветы Петровны и признавшей его полную невиновность, вдруг против своей спасительницы оказался в числе заговорщиков. Вскоре, как оказалось, этот миф был развеян. Из нашумевшего этого донесения французского посланника Далиона, опубликованного 1897 г. в «Сборнике Русского исторического общества», мы узнаем совершенно обратное. Оказалось, что Антон Мануилович Девиер не участник заговора, а член следственной комиссии по делу государственных преступников. Из донесения того же Далеона французскому министру Амело[2] от 19 марта 1743 г. узнаем, что в России арестовано несколько сержантов гренадерской роты (участвовала рота в государственном перевороте во главе с Елизаветой Петровной. — П. Н.) и других близких к Царице лиц. Следственная комиссия по делу заговорщиков со-

[1] *Русский* архив. 1892. № 10. С. 160.

[2] Антуан-Жан Амело де Шайю — министр иностранных дел Франции.

стояла из Девиера[1], имевшего значительный полицейский опыт, камергера Шувалова[2] и прапорщика Грюнштейна[3].

По итогам следствия главные зачинщики были подвергнуты пытке и удалены из Петербурга. Вскоре об этом мифическом заговоре светское общество столицы забыло.

После своей реабилитации А. М. Девиер продолжил службу в России. 15 июля 1744 г. А. М. Девиер был произведен в генерал-аншефы и в том же году вновь назначен генерал-полицмейстером Петербурга. Но силы у него были уже не те. Преклонный возраст и тяжелые испытания в годы ссылки стали все чаще давать о себе знать. Поэтому в должности начальника полиции столицы А. М. Девиер не успел много сделать. По его распоряжению были пересажены березы с Адмиралтейского луга на дорогу от Летнего дворца до Невского проспекта, а также было запрещено «вырубать деревья в рощах за Фонтанкой-речкой» и купаться у Симеонова моста[4].

24 апреля 1745 г. заболевший А. М. Девиер удалился в отставку «вплоть до выздоровления». Но выздоровление так и не наступило. А. М. Девиер скончался 24 июня (6 июля) 1745 г. и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Могила не сохранилась.

От брака с Анной Даниловной Меншиковой Антон Мануилович имел дочь и трех сыновей-графов: Петра, Александра и Антона. Только старший сын Петр по примеру отца прошел полный путь до генерала-аншефа. Умер в 1773 г. Братья его, рано вышедшие в отставку, не достигли высоких военных званий: Александр был капитаном гвардии, Антон — поручиком[5].

---

[1] *Девиер Антон Мануилович*, граф. Производит следствие над государственными преступниками // Сборник РИО. 1897. Т. 100. С. XXVII.

[2] Шувалов Александр Иванович, камер-юнкер. Назначается подпоручиком лейб-компании гренадер и в следственную комиссию.

[3] Грюнштейн Юрий, сержант лейб-компании. Производится в прапорщики, открывает заговор, участвует в следственной комиссии.

[4] *Голь Н. М.* Неравные браки // Первоначальствующие лица: История одного города. СПб. : Журнал «Нева», 2001. С. 75.

[5] *История* русских родов . URL: www.rusianfamily.ru/d/deviera/html.

ГЛАВА 6
ТРИ ВЕКА СПУСТЯ: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ

Как показало время, выдвиженец царя-реформатора граф Антон Мануилович Девиер — личность незаурядная и, несомненно, всегда вызывала и вызывает к себе интерес современников и историков. Как видно из историографии, жизненный путь первого генерал-полицмейстера Петербурга А. М. Девиера получил освещение как в дореволюционной и советской, так и в постсоветской литературе.

В 1909 г. среди чинов и сотрудников полиции зародилось движение об увековечивании памяти первого генерал-полицмейстера Петербурга графа А. М. Девиера. Этому в немалой степени способствовали публикации на страницах «Вестника полиции», посвященные зарождению регулярной полиции при Петре I и о назначении лично царем своего генерал-адъютанта А. М. Девиера первым генерал-полицмейстером Северной столицы.

Было решено привести в порядок могилу А. М. Девиера и установить ему памятник. Среди полицейских начался сбор денежных средств и 10 ноября 1909 г. «Вестник полиции» сообщил, что на памятник А. М. Девиеру поступило 30 рублей 80 копеек[1].

Однако вскоре разразились Первая мировая война и революционные события 1917 г., которые похоронили не только движение об увековечивании памяти первого генерал-полицмейстера Северной столицы, но и саму царскую полицию. И только спустя сто лет была возрождена российская полиции. При поддержке правительства Российской Федерации в учебных заведениях и подразделениях органов внутренних дел была проведена крупномасштабная учебно-воспитательная, научно-исследовательская и поисковая работа по достойной встрече 300-летия российской полиции.

Отмечая общественно-политическую значимость проводимых юбилейных мероприятий, начальник Департамента службы и кадров МВД России В. Л. Кубышко особо подчеркнул их важность: «Изучая историю полиции с петровских времен, мы восстанавливаем историческую справедливость по отношению ко многим поколениям наших предшественников, преданных забвению или совершенно незаслуженно упоминаемых исключительно в негативном свете. Мы возрождаем добрые имена, право на память и благодарность потомков»[2].

Наступило время, которое позволило и обязало нас увековечить имя графа Антона Мануиловича Девиера, заслужившего право занять достойное место в ряду тех, кто стоял у истоков регулярной россий-

---

[1] *Вестник* полиции. 1909. № 2. С. 51–51 ; № 34. С. 724–728 ; № 37. С. 785–786 ; № 38. С. 810–811 ; № 39. С. 842–844.

[2] *История* российской полиции. Научный справочник-календарь памятных дат / под общ. ред. В. Л. Кубышко. М. : «Престиж Арт», 2018. С. 3.

ской полиции, созданной Петром Великим. В череде мероприятий по поводу празднования исторической даты в жизни российской полиции первым явилось открытие памятника А. М. Девиеру в Петербурге 18 мая 2018 г.

В Звенигородском сквере, на улице Марата, на открытии памятника первому российскому генерал-полицмейстеру Антону Девиеру собрались высшие чины МВД, представители городской администрации, сотрудники органов внутренних дел. И это не случайно: ведь 300 лет назад именно с утверждения должности генерал-полицмейстера Петром I и назначения на нее 25 мая 1718 г. Антона Девиера фактически началась история российской полиции.

5 июня объявлено Днем образования российской полиции приказом МВД России от 5 марта 2018 г. № 121.

Над памятником А. Девиеру трудились скульптор Владимир Бродарский и архитектор Юлия Резниченко. Высота монумента составляет 3 метра, для пьедестала был использован гранит, а сам бюст исполнен в бронзе.

В выступлениях на открытии памятника неоднократно говорилось о том, что Антон Девиер — один из выдающихся сподвижников Петра I, который, будучи в должности генерал-полицмейстера, занимался в строящемся Петербурге как вопросами правопорядка, так и административно-хозяйственными проблемами. Как видим, роль полицмейстера в то время была значительно шире, чем у современных блюстителей порядка. «Он не только занимался порядком в городе, но и отвечал за уборку мусора, вел осушение болот, при нем была образована пожарная служба», — подчеркнул вице-губернатор Санкт-Петербурга Александр Говорунов.

Заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в СЗФО Олег Логунов, обратил внимание на то, что тогда Россия была еще молодой, правил не существовало — и они создавались на глазах у современников. «Петр сделал ставку на этого человека [А. М. Девиера. — П. Н.]» — и не ошибся», — отметил он.

Представители Министерства внутренних дел многократно подчеркивали необходимость обращения к истокам прошлого, когда служба была только основана и долгое время находилась в забвении. «Мы должны восстановить право на память и благодарность со стороны потомков целого ряда полицейских деятелей России», — призвал в своем выступлении начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России Владимир Кубышко. Он сравнил «мост памяти», который нужно построить в прошлое, с Крымским мостом, строительство которого успешно в короткие сроки было завершено и который соединил материковую часть России с полуостровом.

На церемонии открытия присутствовали почетные гости, которые также принимали участие в создании памятника: генеральный директор «Охранной фирмы «Титан» Сергей Алексеев, исполняющий обязанности ректора Санкт-Петербургского государственного института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Семен Михайловский, главный архитектор города Владимир Григорьев и художник Алексей Сергиенко.

По словам Сергея Алексеева, участие «Охранной фирмы «Титан» в создании этого памятника неслучайно. «Мы всегда ведем нашу работу в тесном взаимодействии с полицией — пресекаем правонарушения, задерживаем злоумышленников, охраняем крупнейшие банки страны, федеральные торговые сети, объекты малого бизнеса, а также имущество и жизнь граждан Петербурга; «Титан» фактически входит в систему обеспечения правопорядка и общественной безопасности города», — отметил Алексеев. Именно поэтому фирма построила один из лучших частных мониторинговых центров России, куда поступает информация с десятков тысяч объектов, благодаря чему группы быстрого реагирования ежедневно предотвращают противозаконные действия. Он отметил также важность знания истории органов правопорядка: «Мне как сотруднику милиции в прошлом раньше была не очень понятна история переименования в полицию, а сейчас я воспринимаю это более органично. Это история, и мы часть этой истории»[1].

Памятник первому генерал-полицмейстеру Петербурга стал символом обращения полиции к истокам возрождения тесной связи исторического времени с современностью, живым мостом между различными поколениями стражей правопорядка. Установлением памятника А. М. Девиеру было положено начало рождения новой традиции проведения у этого исторического места массовых служебных и общественно-политических мероприятий с сотрудниками полиции, общественными организациями города и области. В июне 2019 г. было проведено одно из таких значимых общественно-политических мероприятий — десятидневный сбор лучших суворовцев, которые прибыли из шести суворовских училищ и кадетского корпуса МВД России. Право участвовать в этом сборе в честь 300-летия российской полиции завоевали более двухсот человек. В ходе сбора с ними проводились занятия по служебной, специальной и физической подготовке, спортивные и культурно-просветительские мероприятия, экскурсии по историческим местам Санкт-Петербурга, по

[1] Памятник первому генерал-полицмейстеру Антону Девиеру открыли в Петербурге. URL: https://www.dp.ru/a/2018/05/18/Pamjatnik_pervomu_general (дата обращения: 23.03.2019).

местам боевой славы и героической защиты Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Преподаватели кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России профессор кафедры П. Д. Николаенко, доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры А. В. Панфилец, кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры С. В. Ремнева, кандидат исторических наук, доцент А. А. Удальцов, кадидат юридичесих наук, доцент провели беседы с суворовцами о жизни и государственной деятельности первого генерал-полицмейстера Петербурга генерал-аншефа графа Антона Мануиловича Девиера у памятника, установленного ему, о первом министре внутренних дел России князе Викторе Павловиче Кочубее у его могилы в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры. Затем суворовцы возложили живые цветы у памятника А. М. Девиеру, на могилу князя В. П. Кочубея и у мемориальной доски А. М. Девиеру на Лазаревском кладбище, где он был похоронен. Суворовцы также посетили могилу А. В. Суворова и почтили память великого российского полководца.

24 мая 2018 г. в поселке Охотске Хабаровского края на здании ОМВД по Охотскому району в торжественной обстановке была установлена мемориальная доска в честь первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга (с 1718 г. по 1727 г.) А. М. Девиера, с 1739 г. по 1742 г. занимавшего должность начальника Охотско-Камчатского края.

Акция, организованная Дальневосточным юридическим институтом МВД России, встретила понимание и поддержку местной администрации и жителей поселка. В назначенный день открытия мемориальной доски, помимо сотрудников института: начальника института полковника полиции А. А. Андреева, его заместителя по работе с личным составом полковника полиции В. М. Климачкова, заместителя начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин института полковника полиции, кандидата исторических наук, доцента В. Ж. Дрохова, слушателя 5 курса института младшего лейтенанта полиции А. Ю. Столярчука и личного состава ОМВД по Охотскому району во главе с начальником отдела майором полиции Р. Р. Шайхаевым, активное участие в торжественном мероприятии приняли С. В. Ольшевская, исполняющая обязанности главы администрации Охотского района, представители УФСИН, Следственного комитета, ветераны Вооруженных сил и правоохранительных органов, морского порта, жители поселка, ученики средней школы № 1, среди которых присутствовали и юнармейцы. Общая численность участников праздничного мероприятия составляла 80 человек.

В ходе торжественной церемонии с приветственной речью выступил начальник Дальневосточного юридического института

МВД России полковник полиции Александр Андреев, отметивший открытие мемориальной доски как значимое историческое событие в летописи Охотского района и Хабаровского края в целом.

Со словами поздравлений к участникам мероприятия обратилась исполняющая обязанности главы администрации Охотского района Светлана Ольшевская, пожелавшая сотрудникам полиции успехов в служебной деятельности на благо Хабаровского края и страны.

Право открытия мемориальной доски было предоставлено начальнику института А. А. Андрееву, от местной администрации — С. В. Ольшевской, от отдела полиции по Охотскому району — майору полиции Р. Р. Шайхаеву, от курсантов и слушателей института — младшему лейтенанту А. Ю. Столярчуку. После открытия доски был исполнен гимн Охотска и возложены цветы к памятному знаку Девиеру. Вся процедура открытия зафиксирована с помощью фото- и видеоаппаратуры.

Информация о значимом для Охотска событии размещена в новостных лентах ведомственных официальных сайтов (ДВЮИ МВД Росси, УМВД России по Хабаровскому краю, ДГСК МВД России, МВД России), на информационных порталах города и края, в эфире телеканала «Россия 24» — программа «Вести — Хабаровск. Местное время».

Информацию о торжественной церемонии по случаю открытия мемориальной доски генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру в Охотске мы позаимствовали из справки, которую нам любезно направил по электронной почте начальник ДВЮИ МВД России генерал-майор полиции Александр Андреев.

Как нам представляется, не лишним будет напомнить читателям, какими словами на памятной доске увековечена память строителю Охотска и первому начальнику полиции Северной столицы России А. М. Девиеру:

«Мемориальная доска установлена в честь графа Девиера Антона Мануиловича (1682–1745).

С 1718 г. по 1727 г. — первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга, генерал-аншеф.

С 1739 г. по 1742 г. — начальник Охотско-Камчатского края».

Не забыто жителями края было и имя первого командира Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева. В год празднования 350-летия со дня рождения Петра I по инициативе Председателя Следственного Комитета России было решено увековечить память Г. Г. Скорнякова-Писарева, установив мемориальную доску на фасаде здания Следственного Управления по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области. 20 июня 2022 г. в присутствии гос-

тей и следователей состоялось ее торжественное открытие руководителем регионального Следственного Управления Сергеем Долгаевым.

Содержание мемориальной доски:

«Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев — военный и государственный деятель России, ведущий активную следственную деятельность, первый обер-прокурор Правительствующего Сената. В 1731 году назначен начальником Охотского порта. Реконструировал город Охотск, обустроил Охотско-Якутский тракт.

В завершении приятно отметить, что памятник первому генерал-полицмейстеру Санкт-Петербурга Антону Мануиловичу Девиеру, установленный в честь 300-летия российской полиции, вызывает интерес не только у стражей порядка, но и у жителей города и гостей Северной столицы.

За три дня до начала нового учебного года, 28 августа 2018 г., автор книги решил посетить место, где установлен памятник А. М. Девиеру. Его интересовал вопрос — останавливаются ли прохожие у памятника, если они оказываются здесь впервые. И автору сразу же повезло. У памятника стояла миловидная девушка, которая с интересом рассматривала бюст, установленный на высоком постаменте. На вопрос, кому памятник и в честь какого исторического события он установлен, незнакомка лукаво улыбнулась и прочитала вслух надпись на памятнике: «Генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру». «Когда и при каком императоре он был генерал-полицмейстером?», — поинтересовался я. «Не знаю», — смущенно ответила девушка. Хотя, как выяснилось, она старший лейтенант, следователь, в то время студентка 2го курса заочного обучения университета МЧС. А ведь и другие, проходящие мимо памятника, могут поинтересоваться когда и при каком государе России Девиер был первым начальником полиции Санкт-Петербурга.

Если это не обозначено на постаменте памятника, то может целесообразно рядом с памятником установить табличку с надписью:

Памятник установлен в честь графа Девиера Антона Мануиловича — сподвижника Петра I, первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга (1718–1727; 1744–1745), генерал-аншефа

Образ Антона Девиера и его дела служат достойным примером для стражей закона и правопорядка современной России.



Царь Алексей Михайлович,
отец Петра I
(1629-1676)



Наталья Кирилловна Нарышкина,
мать Петра I
(1651–1694)



Петр I в детстве



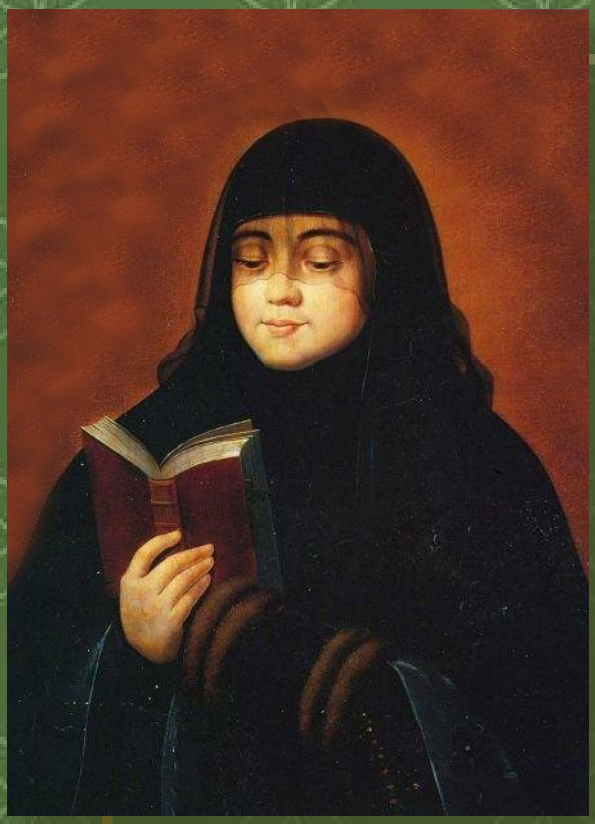
Портрет царевича
Петра Алексеевича и царевны Натальи
Алексеевны в детском возрасте
в виде Аполлона и Дианы



Император Петр I
(1672–1725)



Евдокия Федоровна Лопухина,
первая жена Петра I
(1669-1731)



Царица Евдокия Федоровна Лопухина,
в монашестве
(1698-1731)



Царевич Алексей Петрович,
сын Петра I и его первой жены Евдокии
Федоровны
(1690-1718)



Принцесса Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбюттельская,
жена царевича Алексея Петровича
и мать императора Петра II
(1694-1715)



Петр II Алексеевич, внук Петра I,
сын царевича Алексея Петровича
и принцессы Софии-Шарлотты
Брауншвейг-Вольфенбюттельской
(1715–1730)



Императрица Екатерина I
(1684–1727)



Анна Петровна,
старшая дочь императора Петра I
(1708-1728)



Императрица Елизавета Петровна,
младшая дочь Петра I
(1709-1762)



Царевич Петр Петрович
(1715-1719)



Император Петр III,
сын Анны Петровны, внук Петра I
(1728-1762)



Императрица Екатерина II,
бывшая жена Петра III
(1729–1796)



Меншиков Александр Данилович,
светлейший князь, генералиссимус,
президент Военной коллегии
(1673-1729)



Меншикова (девичья – Арсеньева)
Дарья Михайловна, княгиня,
жена А. Д. Меншикова
(1682-1728)



Меншикова Мария Александровна,
княжна, старшая дочь
А. Д. Меншикова, невеста Петра II
(1711-1729)



Меншикова Александра Александровна,
княжна, младшая дочь
А. Д. Меншикова, жена К. М. Бирона
(1712-1736)



Девиер Антон Мануилович, воспитанник, генерал-адъютант Петра I, первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга, граф, генерал-аншеф (1683/84–1745)



Девиер (девичья Меншикова) Анна Даниловна, супруга генерал-полицмейстера А. М. Девиера (1689-1750-е)



Девиер Петр Антонович, старший сын генерал-полицмейстера А. М. Девиера, генерал-адъютант императора Петра III, генерал-аншеф (1713-1773)



Лефорт Франц Яковлевич,
генерал-адмирал
(1655/56-1699).
Художник Михиль ван Мюссер.
Голландия. 1698



Меншиков Александр Данилович
Художник Михиль ван Мюссер.
Голландия. 1698



Апраксин Федор Матвеевич,
генерал-адмирал,
президент Адмиралтейств-коллегии
(1661-1728)



Макаров Алексей Васильевич,
кабинет-секретарь Петра I
(1674/75–1740)



Шереметев Борис Петрович,
граф, генерал-фельдмаршал
(1652-1719)



Остерман Андрей Иванович,
граф, кабинет-министр
(1686-1747)



Репнин Аникита Иванович,
князь, генерал-фельдмаршал
(1668-1726)



Куракин Борис Иванович,
князь, дипломат
(1676–1727)



Толстой Петр Андреевич,
граф, дипломат, сенатор,
начальник Тайной канцелярии,
член Верховного тайного совета
(1645-1729)



Мусин-Пушкин Иван Алексеевич,
сводный брат Петра I, сенатор
(1659/61-1730)



Долгорукий Яков Федорович,
генерал, сенатор, дипломат
(1639-1720)



Шафиров Петр Павлович,
вице-канцлер
(1670-1739)



Прокопович Феофан,
писатель, публицист, член Синода
(1661-1736)



Ягужинский Павел Иванович,
граф, генерал-аншеф,
генерал-прокурор Сената
(1683-1736)



Головкин Гавриил Иванович,
канцлер
(1660-1734)



Корнелиус Крюйс,
адмирал Петра I
(1655-1727)



Черкасский Алексей Михайлович,
князь
(1680-1742)



Беринг Витус,
мореплаватель, начальник первой и второй
Камчатской экспедиций
(1681-1741)



Иоганн Людвиг Люберас фон Потт,
барон, генерал-аншеф
(1687-1752)



Голицын Михаил Михайлович,
князь, генерал-фельдмаршал
(1675-1730)



Юль Юст, датский посланник
при русском дворе в эпоху Петра I
(1664-1715)



Головин Федор Алексеевич,
граф
(1650-1706)



Головин Николай Федорович,
младший сын Государственного канцлера
Ф. А. Головина
(1695-1745)



Берхгольц Фридрих Вильгельм,
камер-юнкер
герцога Голштинского
(1699-1765)



Виллим Монс,
фаворит императрицы Екатерины I
(1688–1724)



Гагарин Матвей Петрович,
князь, губернатор Сибири.
Публично казнен за казнокрадство
(1659–1721)



Федор Юрьевич Ромодановский,
Глава Преображенского приказа
розыскных дел
(1640-1717)



Август II,
Польский король,
курфюрст Саксонский
(1670-1733)



Мориц Саксонский,
маршал, внебрачный сын
короля Августа II
(1696-1750)



Карл XII,
Шведский король
(1682-1718)



Анна Иоанновна,
российская императрица,
дочь Ивана V и Прасковьи Федоровны
(1693-1740)



Бирон Эрнст Иоганн,
герцог Курляндский, обер-камергер,
фаворит Анны Иоанновны,
регент при Иване VI Антоновиче
(1690-1772)



**Ласси Петр Петрович,
генерал, фельдмаршал
(1678-1751)**



**Миних Бурхард Кристоф,
генерал-фельдмаршал
(1683-1767)**



**Сенявин Наум Акимович,
воспитанник Петра I
по морскому делу, вице-адмирал
(1680-1738)**



**Бестужев-Рюмин Алексей Петрович,
дипломат, канцлер
(1693-1766)**



Начальник кафедры истории государства и права кандидат юридических наук, доцент полковник полиции Удальцов А. А. и доцент кафедры истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент Панфилец А. В. провели устный журнал «Бессмертный подвиг защитников Ленинграда. Операция Искра» во время военно-спортивного сбора «Наследники победы» воспитанников суворовских военных училищ МВД России (2019)



Награждение участников военно-спортивного сбора «Наследники победы», воспитанников суворовских военных училищ МВД России (2019) авторской книгой доцента А. В. Панфильца по итогам интерактивного устного журнала «История российской полиции»



Профессор Санкт-Петербургского университета МВД России П. Д. Николаенко проводит экскурсию для участников сбора на Лазаревском кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры у мемориальной доски первому генерал-полицмейстеру Санкт-Петербурга А. М. Девиеру



Суворовцы и кадеты у захоронения первого министра внутренних дел Российской империи князя В. П. Кочубея



Начальник ДГСК МВД России генерал-лейтенант внутренней службы В. Л. Кубышко приветствует участников сбора



Во время церемонии награждения победителей сбора.
Слева направо: врио губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглов,
Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации
В. А. Колокольцев, губернатор Ленинградской области А. Ю. Дрозденко



Команды-участницы и гости торжественной церемонии открытия пятого военно-спортивного сбора «Наследники победы». Монумент героическим защитникам Ленинграда. 1 июня 2019 г.



Открытие бюста первому генерал-полицмейстеру Санкт-Петербурга
Антону Мануиловичу Девиеру.
Санкт-Петербург, Звенигородский сквер, 18 мая 2018 г.

ЧАСТЬ II

ДОКУМЕНТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА И ВОСПОМИНАНИЯ

Донесения А. М. Девиера из Копенгагена Петру I

2 сентября 1715 — 5 мая 1716 гг.

По высочайшему повелению генерал-адъютант Антон Девиер 8 месяцев находился в Дании, сопровождая в Ревель военные суда, купленные в Англии и Голландии, а также решая вопросы разведывательного характера по отношению к Швеции.

* * *

Петру I. 4 сентября 1715 г.

«Всепокорнейше доношу, что мы прибыли сюда в Копенгаген в добром здравии сего сентября 2 числа с флотом английским. А флот английский, будет здесь стоять дня 4 или 5, а более не чаю, разве за ветром. Такожде доношу, что капитаном Бредаль поедет от сюда 4 сентября без флота; только более не пойдет с ним кроме Перла. А Св. Павла не взял, ради того что он не течет так много, чтобы выливать не успевают, и от того более учинилося, как у нас был шторм. А шторму было дня с 3 и от того разшаталося; а вскоре починить нельзя успеть, и за тем рассуждали, что Бредалю дожидаться оное судно время потерять. И того ради принуждали чтобы он сам — вдруг поехал и лучших людей им отдали с тех кораблей, которые здесь остаются.

Такожде доношу, что по сие время не прибыл сюда Иван Синявин.

Антон Девиер.

Сентября, 4 дня 1715 г.[1]

[1] *Собрание* писем. Т. 2. С. 365–366.

* * *

Петру I. 10 сентября 1715 г.

Всеподданейше доношу Вашему Величеству за противным ветром капитан Бредаль еще из Зунда не поехал. И ежели Боже Сохрани Иван Сенявин за таким случаем к нам не прибудет, то нам провианту не на что купить. И хотя со мною посланы деньги, но оных вряд ли на заплату матросам и офицерам тех кораблей станет, кои в Голландии деланы. Того ради и не извольте ли для всякого случая приказать дать письмо сюда для векселей. Также извольте приказать продать рожь, которая на Оксфорде положена. К тому же, когда шторм был у нас 3 дня, то немалое число оной и сухарей подмочило. И о том как Ваше Величество укажете.

Антон Девиер.
Сентября, 10 дня 1715 г.[1]

* * *

Петру I. 20 сентября 1715 г.

Всеподданейше доношу Вашему Величеству сего сентября 20 дня, прибыл сюда капитан Грис с кор.[аблем] Перлом, который потерял все четыре машты 13 сентября. Ветер SW, и не так от великого шторму, но более от того, что машты гнилы были, хотя и новые. Про Бредаля сказал Грис, что той ночи с ним был и кой час свет стал не видать его стало.

Когда «Перл» сюда прибыл, тот час приказал я приготовиться капитану Екгофу с кораблем Оксфордом дабы не упустить английского флота, который еще у Зунда. Оному Екгофу дал я указ: чтоб отнюдь не отставал от английского флота, пока не пройдет то место, где ему быть надлежит и был бы под командой капитана Брендаля.

Также доношу, мачты, ванты и парусы на «Перле», также и другие припасы без чего быть нельзя, стоют 6.000 ефимков. И на оной припас ни денег, ни векселей не имею: кроме того, что я взял у Ревеля 6000 ефимков, и то мало когда приедет на заплату, на те корабли, которые прибудут, чаю надобно 12.000 ефимков. А хотя Иван Сенявин прибудет и которой хлеб с ним будет как продадим, более не будет 8.000 ефимков, и то не довольно к заплате морским служителям и на покупку вышеписаного.

[1] *Собрание* писем... С. 378.

При этом случается, что провиант купить занадобится. И того ради прошу Ваше Величество не изволите ль приказать дать векселя, ежели случиться крайняя нужда, без чего пробыть не возможно.

Антон Девиер.
Сентября, 20 дня 1715 г.[1]

* * *

Петру I. 1 октября 1715 г.

Доношу Вашему Величеству по сие время не могу сыскать машты для корабля Перла. Принужден был писать Королевскому Величеству Датскому, чтобы благоволил нам дать взаймы. Покорно прошу, ежели Перло не поспеет, а указ от Вашего Величества будет к нам идти; то что чинить, здесь ли его оставить или дожидаться? Флот английский и еще от Зунда не пошел, за противным ветром.

Обносится здесь: Шкварда Шведская Готенбургская, она вышла, токмо подлинно нельзя верить, за тем, что в море не видели. И велено будто им идти до самого канала и далее. Также есть ведомости, что вышел флот Шведский (Карлскронской), и о том привез ведомость фрегат Датской, что видел их у Бернгольма. И кой час ведомость получили, тот час генерал-адмирал Гульден-Лев, пошел искать его и при нём 8 английских кораблей; токмо не чают, чтоб он в том деле себя показал. Иван Синявин еще по се время не бывал.

Антон Девиер.
1 октября 1715 г.[2]

* * *

Всеподданейше доношу Вашему Величеству, прежде писал я а маштах и Его Величество нам в том отказал; однакоже Его же королевские машты достали, через Г. Обер Комиссара за деньги и чаем можно скоро Перло изготовить.

Флот английский весь обретается в Норвегии, из них несколько от шторму пропало.

Еще доношу, когда шведский флот пришёл к Штральзунду, тогда датской отошел. А когда фрегат привез о сем известие, что шведы состоят на вышеписанном месте в 24 кораблях, тогда Гильден-Лев подняв

[1] *Собрание* писем... С. 373–374.
[2] Там ж. С. 374–375.

якори пошёл к ним. А что у них учинится о том писать буду. Говорят, что шведы имеют 8.000 и более, коих хотят ссадить на остров Руген.

Антон Девиер.

Октября, 16 дня 1715 г.[1]

* * *

Петру I. 29 ноября 1715 г.

[Крик души Девиера — голодают его люди, нечем кормить, помощи нет!]

Всеподданейше доношу Вашему Величеству, сего ноября 27 дня прибыл сюды Иван Сенявин, с двумя кораблями в добром состоянии, третий еще не бывал, который был в Норвегии и ожидаем сюды с часу на час. Бредаль и Екгоф еще не прибыли.

Также доношу, капитан Сенявин сказал, мне что нету у него в привозе ржи и не имеет более провианту, чем людей пропитать, и таким образом не малая нам есть трудность. Ежели от Вашего Величества и Г. посла Долгорукого не будет векселей, то мы будем меж дву на пустом. Прошу Вашего Величества дабы изволили приказать дать вексель на Гамбург или где соизволите для прокормления наших людей.

Антон Девиер.

Ноября, 29 дня 1715 г.[2]

* * *

Петру I. 6 декабря 1715 г.

Доношу Вашему Величеству, сего числа [6 декабря] получил письмо от князя Бориса Ивановича Куракина, в котором повелевает: когда капитан Бредаль сюда прибудет, чтоб его в феврале, или когда корреспонденты отпишут, опять в Англию назад послать, для приему корабля Марбурга. По которому я без указу Вашего Величества чинить не смею. И о том как Ваше Величество укажете.

Антон Девиер.

Декабря, 6 дня 1715 г.[3]

---

[1] Там же. С. 375.

[2] *Собрание* писем... С. 381–382.

[3] Там же. С. 382.

До письма в адрес Девиеру от 6 декабря 1715 г. князь Б. И. Куракин еще 17 ноября донес Петру I: капитан Брендаль и Екгоф 9-го и 15-го октября в Англию счастливо дошли. Определили ныне идти им так до Копенгагена с двумя кораблями, которые от Гутфеля; а Марбург принужден будет остаться в Англии, для починки, для того чтобы в походе из Голландии от великого шторму повредился. А для его починки по сие время не могли выпросить позволения ввести в док Королевской.

В партикулярные же [частные — П. Н.] доки за малостию онных [по размеру — П. Д.] вести его нельзя.

Капитан Бредаль с Гутфелем и Декером определили: по отводе сих кораблей в Копенгаген, Бредалю возвратится и проводить туда ещё два корабля Марбург и Биллингтон-Брок. Однакож он Бредаль сказал, что на сие будет ждать указу и для того извольте Ваше Величество ему о том указом определить.

Наум Сенявин еще не бывал, а как приедет, то Гутфель хочет его отправить для продажи товаров в Голландию, для того что здесь товаров не может складывать.

Кн. Куракин.
Ноября, 17 дня 1715 г.

* * *

Петру I. 14 января 1716 г.

Доношу Вашему Величеству, получил я указы Вашего Величества от 30 ноября и 19 декабря [1715 г.], в которых означено: когда прибудут из Англии морские служители, которые нанял капитан-командор Шелтинг и тогда их употребить на те корабли, которые прибудут из Англии. И против Вашего Величества указов буду чинить и разумея, что они могли здесь быть по письму Шелтинга, что отправить сухим путем и о том я на предь его писал Вашего Величества. Ныне он Шелтинг писал ко мне что он тех вышеписаных служителей не послал сухим путем; понеже выразумел он, что станет доброго, и того ради оставил их и хотел послать водою с Синявиным и другими, также пишет он что Бредаль еще обретается в Англии.

Еще ж изволил [Петр I] Ваше Величество в своем указе написать: что я купил мачты дорого и чтоб впредь не писав, ничего не чинил;

и в том деле не разумею, чтоб я был виноват, ежели б я покупал все что надобно на корабль Перл против обыкновения не токмо 6.000, но еще две или три тысячи ефимков надобно было. При сем посылаю роспись по чему здесь купают [ценник], из чего извольте выразумить каково дешево. Если изволите о вышеписанном деле какое сомнение иметь на меня, извольте оную Комиссию приказать ведать господину послу или кому изволите.

[Мы предполагаем, что Куракин из-за просьб Девиера о помощи голодающим его людям дать вексель, решил посеять сомнения у Петра I в отношении бережного расходования денег, имеющихся у генерал-адъютанта, находящегося в Копенгагене. — П. Н.].

Также всепокорно доношу: здесь зима жестока, близко против той, как была в 1709 году; только по градусам меньше. И о том имеют здешние опасение немалое от неприятеля и тревожатся непрестанно. И неприятель уже несколько деревень разорил, сказали перебежчики, которые ушли от шведов, что есть в сборе от 8.000 до 14.000, в том числе кавалерия 6.000 и при том Принц Фон-Эссен и ожидает Короля с часу на час из Штокгольма [Стокгольма] в Шонию и от того Король Датской не малое опасение имеет; понеже не имеют здесь, кроме 4-х или 5-ти полков и те ландмилиция; а другие еще не прибыли от Штральзунда. И на нынешних днях прислали Кор[оль] Вел[икий]: сказать через Министра, ежели какой будет подыск от неприятеля над флотом, чтоб мы в то время могли обороняться своими людьми. На что я ему сказал, не токмо что мы принуждены то делать, но хотяб и особа Его Царского Величества был здесь тоже б учинил, не жалея себя, для Е[го] К[оролевского] В[еличества]. На что они благодарны были и о том хотели до Вашего Величество писать. Не разумею, чтоб Ваше Величество то противно было. И когда Посол Наш прибыл сюда, о том же деле говорили ему, на что он тоже сказал.

Антон Девиер.
14 января 1716 г.[1]

[1] *Собрание* писем... Т. 4. С. 2–5.

* * *

№ 1206.

Письмо Девиера к Государю из Копенгагена, 4 февраля 1716 г.[1]

Вашему Величеству доношу:

сего января 31-го получил я указы от адмирала от 1-го и 9-го января, из которых выразумел, чтобы я послал капитана Бредаля в Англию с тремя кораблями, а именно Перл, Самсон и Павел, ежели будет годен, а ежели Павел по свидетельству офицеров и подмастерья Пальчикова в тот путь не годен будет, то снять с него припасы на другие корабли, а что улишком останется продать, и вместо него послать капитан-поручика Бенца, который стоит во Флекере. И по указу Его Светлости буду чинить ежели надобно будет. Также доношу Вашему Величеству писал ко мне сюда капитан Наум Синявин из Текстеля что сделалось над его кораблем несчастие, от великого шторму и ото льду потеряли якорь и понесло корабль на мель и затопился; только спаслись люди. Того ради он пишет, чтобы я ради его оставил здесь корабль, ежели мы пойдем по указу Вашего Величества отсюда до него. Однакож я писал к нему, чем ему нанимать оттуда сюда, лучше бы он нанял до Англии себя вести, вкупе с теми, которые наняты от Шельтинга, ежели Бредаль там обретается; а между тем к нему писали, чтобы он не шёл покуда оные к нему прибудут и тогда можно будет вести на корабле Марльбурге, чем отсюда посылать вновь и надеюсь, что князь Борис Иванович учинит так, как писано выше сего, понеже таким случаем может быть лучше нежели отсюда вновь посылать

P.S. Девиер поступает по-хозяйски, как достойный помощник государя в надежде, что царь поддержит его предложение.

* * *

№ 1215.

Выписка из письма Девиера к Государю из Копенгагена, 7 февраля 1716 г.

По указу Вашего Величества освидетельствовали корабль Павел офицерами и корабельным подмастерьем Пальчиковым, по их свидетельству велел я его разобрать [решение принимает от имени Его Величества — П. Н.]. Также доношу Вашему Величеству писал я к Со-

[1] *Переписка* А. М. Девиера с Петром I из Копенгагена за февраль–май помещена в сборнике РГА ВМФ Материалы для истории русского флота. СПб. : тип. Морского министерства, 1865. Ч. 2. 725 с.

ловьеву, чтоб он хлеб продавал, а деньги сюда переводил, а другого способу не могли сыскать. С князем Василием Лукичем [посол. — П. Н.] нынче ведомость есть из Норвегии от капитан-поручика Бенса, который остался тогда у города когда Синявин оттуда пошёл и ныне зазимовал в Норвегии, а именно недалеко от Дронта, 15 или 20 миль сюда ближе, а именуется Ремсом, которое на карте не написано, в котором ещё пишет к послу чтобы вексель туда послать, чтобы мог провиант покупать чем сюда дойти, а ежели не пришлет то не может оттуда идти, и того ради посоветовали с послом, чтобы послать 1.000 ефимков и сегодня старался чтоб вексель туда послать, дабы остановки не было б ему, и не могли достать кто б там дал, однако же еще стараться станем чтоб туда перевесть. Здесь при дворе обносятся флот шведский совсем в готовности в море, кой час мочно будет, также и здешние стали готовить, а именно сказывают 18 кораблей также пойдут; о короле шведском обносятся что он укрепляет Корпус и Шон и набирает мочно солдат.

* * *

№ 1233.

Письмо Девиера к Государю из Копенгагена, 25 февраля 1716 г.

Сегодня получил я письмо от князя Куракина, в котором [он] пишет, чтобы я послал один корабль с людьми в Англию на помощь Бредалю и в нём что было сверх обыкновенных 300 человек, того ради чтобы можно было посадить на корабль «Марльбург» и вкупе бы мог идти с Бредалем, и при том же пишет что эскадра шведская готенбургская, готовится в море, как мы от него уведомлены так и от здешних известных, того ради не могли мы то учинить чтоб один корабль с вышеписанными людьми отпустить. А между тем писал я к нему, князю Куракину, ежели он возьмет на свой страх корабль и тогда пошлем и на то бы ответствовал, а корабль к тому времени будет готов к первому пути; а между тем писал к нему рассуждением своим чем отсюда посылать один корабль и с людьми, лучше из Голландии послать тех людей, которые наняты по указу вашему, по сказкам с 400 человек обер и унтер офицеров и тех людей будет довольно для проводу Марльбурга хотя и с русскими их перемешать, которые есть у Бредаля, и тогда можно совсем оттоле Бредалю идти, чем отсюда посылать вновь. Также услышали, что эскадра готенбургская вооружается, то мы послали указы к тем кораблям, которые зимуют

в Норвегии, а именно к Дену, чтобы он оттоли из Дронта шел и соединился с капитаном Бенсом, который стоит во Флекере или в Христианзанде и дождались бы там Бредаля и вкупе бы с ним, а к Бредалю писал чтоб он зашёл и их с собою взял и тогда могут идти без опасности сюда. Также доношу Вашему Величеству при заключении сего письма, получил я письмо от Наума Синявина, что он свой корабль Стафорд, который он чаял вовсю пропасть, и ныне сохранён и хочет его вести до Амстердама для некоторой починки, и разумеет что он поедет оттоль в последних числах марта или в половине апреля, и при том объявил что послан к нему будет указ от Вашего Величества, чтоб он соединился с Бредалем около голландских берегов, о чём признаваем, что того учинить не можно, а другое дело будто Бредаль писал к нему что он поедет из Лондона в половине или кончая в последних числах февраля, а тогда Синявин ещё не будет готов, и того ради просил он чтоб послать отсюда корабль для лучшаго безопасения. Токма одного недовольно будет и послать без указу не смею, токмо ему присоветствовали мы чтоб он отписался к капитану Бредалю может ли он его дождаться или нет до того времени, которое ему Синявин означит, а ежели Бредаль ему откажет, что ждать его не станет долго и тогда б Синявин иной способ искал, а ежели можно его дождаться, лучше там ждать, где Бенс стоит и оттоле вкупе б шли и тогда могут без опасности от неприятеля сюда идти.

Министры здешние говорят доподлинно что король шведский велел сильно вооружить свой флот, также и войско набирает сильное, что он достал 1 1/2 миллионов ефимков после бабушки из Франции 200.000 ефимков, и нынче он обретается в Карлскроне и спешит чтобы флот вооружить, как наискорее и наисильнее прежде сего бывало.

* * *

№ 1246.

Письмо Девиера к Государю из Копенгагена, 10 марта 1716 г.

Всеподданейше доношу Вашему Величеству от капитан-поручика Дена получил письмо посол князь Долгоруков, которое февраля 18-го дня и при том вексель на 1.000 ефимков, и о том посол велел заплатить; и при том же пишет что поедет от Дронта в первом случае сюда.

«Перл» корабль скоро отсюда отправится по указу Вашего Величества.

Еще доношу капитан Синявин докучает об мундире на матросов, которые у него есть, понеже обносилися и в море идти без одежды не могут, и о том как Ваше Величество укажет, а без указа я учинить не смею.

* * *

№ 1243.

Письмо Девиера к Государю из Копенгагена, 6 марта 1716 г.

Указ Вашего Величества от 24-го февраля получил сего марта 6-го дня, по которому повелевает, чтоб я был известен от господина посла князя Долгорукова, о чем он предъявлял, чтобы корабль «Перл» отправить, и от сего времени надеюсь в 8 дней справить и на два месяца провианту, а на оный корабль присоветовали с господином послом и с Синявиным, чтоб оным кораблем командовал капитан-поручик Батинг, а капитану Грису за тем не дали команду что он явился в том деле, о котором я наперед сего Вашему Величеству доносил.

P.S. Еще Вашему Величеству повторительно доношу: писал ко мне господин посол князь Куракин, чтоб я отправил на корабле «Перл» 40 пушек для других кораблей, и ныне я положил с «Павла» пушки и принадлежащие к ним припасы снять, а Павла никто не покупает за худобу и того ради я велел его разобрать.

* * *

№ 1254.

Письмо Девиера Государю из Копенгагена, 17 марта 1716 г.

Всеподданейше доношу Вашему Величеству, сегодня корабль «Перл» от гавани пошел на фарватер, и на нем посадили командиром Беринга; хотя наперёд сего писал о капитане Батинге, и ныне для лучшаго Беринга посадили, и ожидать станем ветра способного ежели к тому не будет остановки в порохе, который обещали здешние управители пересушить, а без того кораблю идти не можно; а больше нигде нельзя найти сушить, кроме королевских для того построенных дворов, а купить не достанешь. Князь Долгоруков старается у двора, чтобы приказали пересушить как можно скорее; всего надобно два дня времени, для сушения оного пороху только все нас завтраками кормят; а между тем остановка чинится, а иной остановки никакой нет. Еще Вашему Величеству доношу: капитан Бредаль пишет ко мне из Лондона что 1-го марта он всеконечно поедет оттуда 20-го числа этого месяца и зайдет во Флекер для соединения с двумя кораблями Бенса и Дена.

* * *

№ 1255.

Письмо И[вана] Синявина к Государю из Копенгагена, 20 марта 1716 г.

Доношу Вашему Величеству сего марта 13-го числа командировано от нас с двух городских кораблей на корабль Перл русских матросов 116, иноземцов 6 человек, выбрав лучших, а также которые ещё «не вовсе обносились мундиром», а остальным посылаю Вашему Величеству табель. Только Государь, ежели не повелишь приказать на достальных людей положить мундиру, то верно Вашему Величеству доношу, что невозможно нынешней содержать кампании, понеже обносились все, а мне купить не на что. Господину Девиеру о сем доносил, а он без вашего указу делать не смеет. Також провиант дают один хлеб да крупу, а пьют воду; и от того больных не убавляется, но больше приумножается. А работа вокруг кораблей непрестанная. В которые 1.000 ефимов отпущено на корабль от порта архангельского и тем деньгами посылаю ж Вашему Величеству расходную табель…

* * *

№ 1308.

Письмо Девиера Государю из Копенгагена, 1 мая 1716 г.

Всеподданейше доношу Вашему Величеству сего апреля 29-го дня пошёл шведский флот в море от берегов и не видет стало по се время, а за день до отхода отсюда шведского флота пошла датская эскадра в Норвегию, которою командует шаутбенахт [контрадмирал] Кос, а с ним пошло 8 линейных кораблей да 2 фрегата. А капитан [Иван] Синявин не пошёл за ним, понеже указа не имел от здешних министров на его имя и прислал ко мне другое письмо именем Королевского Величества, с которого при сем посылаю копию, и Синявину давал для видения, на что я был принуждён ехать к первому министру Оттону Грабу объявить что я не командир над оными кораблями и чинить мне то невозможно без Вашего Величества указа и предъявил капитана Синявина что он командир над оными кораблями, который при том случае был, на что министр Оттон Грабе сказал ему: «Я желаю чтобы ты пошел да Косом в Норвегию и не отставал от него. На что он требовал от него указа на имя его и когда указ получу тогда и пойду за шаутбенахтом Косом. И ныне он стоит в готовности и по отпуске сего письма спрашивал я Синявина, когда пойдет, сказал что еще

указа не получил и при том требовал пороха и прочего и то дано было ему от здешних министров.

* * *

№ 1313.

Письмо Девиера к Государю из Копенгагена, 5 мая 1716 г.

Всеподданейше Вашему Величеству доношу вчерашнего числа [4.05.1716 г. — Н. П.] пошел отсюда капитан Иван Синявин с двумя кораблями Вашего Величества в Норд-зее к той эскадре, которую командует вице-адмирал Габель, и копию с письма каковое дано ему от здешних тайных советников, при сем посылаю; еще доношу корабли Вашего Величества сюда не прибыли как из Норд-зз, так и Ост-зее; про шведский флот не слыхать где они ныне есть, с того времени не слыхать как отсюда пошли.

* * *

№ 1468.

Письмо Девиера к Государю из Ревеля, 21 октября 1716 г.

Всеподданейше доношу Вашему Величеству, корабли Вашего Величества, которые были под командованием капитана Шельтинга, а именно 16 кораблей, все в целости пришли сего октября в 21-й день и с тем Ваше Величество поздравляю; а Шельтинг при смерти лежит тому есть пять дней, а болезнь его называется аполикция и как она ему болезнь пришла и с того время не говорит и в великой трудности обретается, также доношу флотов торгового воинского здесь не застали и тех двух фрегат Арондель и Самсон сюда не бывали, а корабли Вашего Величесива как они отсюда пошли тому есть сего время 12 дней назад.

Переписка А. М. Девиера с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным (1714–1716, 1720 гг.). Ревель, Копенгаген, Санкт-Петербург

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину. Ревель, январь, 1714 г.

Премилостивый государь мой Федор Матвеевич и мой особливый милостивый патрон.

Напред сего писал я к царскому величеству, что море стало и от малой погоды, которая была с земли, розбило, и после того тремя еще ставился лед толще прежнего, дни по три и по четыре, и снег был у нас велик и здешние жители не упомнят за многое время, и от теп-

лоты и дождя, которой был рядом четыре дни, как перед гавань, так и в гаване лед вес[ь] розбило, и снег весь збило, только остался мало[е] число, такая теплота была какую или летом, и от всего великая остановка в провозе бревен и ни по которому образу поспешать не должно, а ныне доношу Вам по ему в провозе бревен сего генваря по 16 число, размер 4000 бревен, камня в привозе 212 сажен, а что на здешних ревельских мещан подож… 400 сажен, какия к гавану вывесть при их всяким образом, что они оные камни поставили токмо они сказали, что.....ни по которому образу поставить толикого числа невозможно, кроме ста сажень и те возить им чрез всю зиму, и при том предлагали они чрез свою невозможность письменно ко мне, против которого невоможно им учинить, и то я усмотря, что им ни по которому образу того учинить невозможно, определить из дерптского и из здешняго уезду несколько гаков для воски камня к гавану. В протчем,

Слуга Ваш моего государя и нижайший раб, А. Девиер.

Ревель, январь 1714 г.[1]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину. Ревель, 18.01.1714 г.

Премилостивый мой государь Федор Матвеевич самой особливый милостивый патрон.

Доношу Вам моему государю.

Три ящика рубили, которые будут на гаване на сей недели, поспеет равен с водою, а каждой ящик длиною по тритцети одной сажени, итого будет девяносто три сажени, а цитатели делаем как мошно, так же доношу Вам моему государю, по се время у нас тепло стоит, и дождь беспрестанной идет, а талые реки и ручьи прошли, токмо ни по которому образу в воски бревен поспешить невозможно, ежели долго продолжитца ето время, то нам остановка будет в бревнах у гаванного дела. В протчем остаюсь

Вашему превосходительству нижайший раб, А. Девиер.

Ревель, 18 дня генваря 1714 г.[2]

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. (Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина). Оп. 1. Д. 73. Л. 250, 250 об., 251.

[2] Там же. Л. 252, 252 об.

Ревель, 14 марта 1714 г.

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Государь мой милостивый патрон Федор Матвеевич.

Извествую Вам моему государю, сего марта месяца стали каменние класть на трубы, и половину наклали, как надлежит быть, а достальные камение надеюся положить дня в неделю, так же напред сего писал я до Вас моего государя, которую я тысещу рублей денег взял у господина полковника Трепова, и оныя деньги издержены на дачу салдатам, каторые рабатают у названного дела, и тому есть недели с полторы и больши, как не стали им давать денег, а к суду изволишь приказать взять денег на дачу им салдатам или как Ваша воля будет на то. В протчем астаюсь

Вам моему милостивому государю нижайший слуга, А. Девиер.

Ревель, 14 дня марта 1714 г. [1]

Копенгаген, 1 октября 1715 г.

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

По се время не мог сыскать машт на карабль «Перл» и принужден был писать к королевскому величеству дацкому.

Ежели замешкаетца, что «Перл» не поспеет за снастьми и тогда указ будет от Вашего сиятельства чтоб итти в то время, что нам чинить здесь ли ево оставить или дожидатца, пока поспеет, и о том как благоволишь.

Флот аглинской еще от Зунта не пошел за противным ветром.

Обносится тамо, что шквадра швецкая Готенбурская …вышла в море, только подлинно нельзя верить … в море [ее] не видали, и велено будто идти (до) самого канала и далее.

Тако ж есть ведомость, что конечно флот швецкой в море, о чем привез ведомость фрегат дацкой, что видел швецкий флот у Горнгольма, и кой час они ведомости получили, тот час генерал-адмирал Гульден Левин пошел искать неприятеля, и при нем 8 кораблей аглинских[2].

[1] Там же. Л. 253, 253 об.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 86, 86 об.

Копенгаген, 22 октября 1715 г.

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорнейше доношу Вам моему государю. Прежде сего писал я к Вашему превосходительству об маштах на корабле «Перл», на котором несчастие учинилось, что все 4 машты сломило, и по сем королевского величества датцкого просили, дабы нам благоволили дать взаймы или за деньги машты, и ево величество нам в том отказал, однако ж ныне ево ж королевского величества в Копенгагене из адмиралтейства машт за деньги достали чрез господина обер-камисара Рандов и чаем, что можно карабль «Перл» скоро изготовить, токмо на оное дело изойдет с 6000 ефимков и более, а ежели из Англии корабли прибудут, то нечево будет давать на зарплату всяких чинов людям, так же правиянту и дрова надобно будет покупать, а правиянту по отшествии из Ревеля только взято на три месяца, и оные месяцы уже проходят, и ежели правиянту не станет, то принуждены купить так же и дрова, а денег мне на оные покупки взять будет негде, а здесь занять будет не у кого, по сему до Вашего превосходительства и прежде сего многажды я писал, и указу никакого не получил, о чем ныне прошу вас моего государя, дабы изволили должить царскому величеству, чтоб изволил приказать прислать к нам сюда векселя для того, когда прибудут из Англии и от города корабли наши, а здесь будем зимовать, было б чему довольствовать правиянтом, дровами и квартирою, так же и жалованьям всяких чинов людей морских и сухопутных, так же Иван Синявин и Бредаль и Эков ещё не прибыли, и где обретаютца, про то известия не имеем.

При сем остаюся Вам моему государю неотменный слуга, А. Девиер.

Из Копенгагена 22 октября 1715 г.[1]

P.S. О чем и напред сего писал, а имянно о том, что есть ведомость, что некоторой из наших корабль прибило к шветцкому берегу к Готенбурху, и ныне прибыл шилер аглинской, которой был в Готенбурхе, и сказывает конечно, что корабль один руской прибило недалеко от Готенбурха и он бутто видел в Готебурхе 25 человек, которые спаслись с того карабля, и чает он, что в том числе есть некоторой афицер, а именно не знает, того подлинно говорит, что фрегад им признаваем, что Бредаль, от чего Боже сохрани, ежели то правда, что

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 57, 57 об., 58., 58 об.

над ним так учинили а капитан Эков, ежели прибудет в Англию, и о них с одним из Англии те корабли, чаем, что не пойдут, а он там замещкаетца, а правиянту не будет, и взять ему негде будет, понеже векселя у него нет, кроме того, что как отселе поехал дано ему с 500 ефимок. Для …всякого случая, и ежели он отпишет к нам, что корабли не пойдут с ним, и нам ему дожидатца ли до данного князю или нет, и о том, как соизволите, так же не позволите ли, ежели «Перл» готов будет совсем послать туды для провожания тех кораблей, и к тому же ис тех, которые прибудут от города или нет, а ежели изволите приказать послать, чтоб письма и к тем капитанам присланы были, понеже без того верить не станут, посему прошу Вас моего милостивого государя о вышеписанном деле должить, усмотря царскому величеству, а об вышеписанном пропалом карабле я английскому величеству не писал, того ради дабы ево величество был по времени сведен чрез Вас моего государя.

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину. Копенгаген. 25.10.1715 г.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорнейший Вам моему государю доношу сего октября 25 дня прибыл карабль аглинский торговой, которой был де в Готенбурге и будто видели наших людей, которых прибило от шторму миль 8 или 10 от Мастланда, а имянно говорят, что Бредаль. Ежели то правда, от чего Боже сохрани, что так учинилось, то будет немалая остановка, за чем он послан, и по нынешнее время нечего будет делать, пока иной указ будет Вашего превосходительства, понеже из Англии корабли не пойдут с Эковым, ежели он туда прибудет и хотя б захотели те капитаны ехать с ним Эковым. Довал, не чаю, чтобы стал то делать, а з другое дело поздо стало, и ехать не бес страху. Не поволите ли, не в указ Вашему превосходительству, послать б сюды капитана порутчика Батнина и при нем 2 или 3 добрых афицеров на почте в английскую землю и указ дать ему, чтобы он имел команду над одним караблем из тех трех, которые деланы в Галандии, и ежели поволите, то можно взять с корабля Экова с 150 человек, понеже с ним 400 человек, и тогда посадит на тот карабль, которой он ведать будет, и к тому наймет до сего места человек с 50 или более, которые могли дратца, и тогда он с Эковым может без опасности сюда приводить корабли, а на вышеписанного капитана Батнина можно в том надеятся, также он зеиманскую свою довольно знает и фарватер та-

мошний, а жену он имеет в Ревеле, и чаю, послать ево отсюды на почте немного убытку станет, а другое дело как Ваше превосходительство поволит. Так же доношу, ежели зимовать станет Эков в Англии за вышеписанным случаем, то нечем ему людей довольствовать, и что ему делать, о том поволите указом ево определить и прямо к нему о том послать, а ежели у нас с тем прислать, то медленно будет, с полмесяца, или не поволите ли Синявина тогда…ежели сюда прибудет для путчего тамошнего правления, или поволите кого иного от себя послать, а ежели послать «Перл» туда не прибудет за противными [ветрами] быстро, или за другим каким случаем, то опять остоновка будет, а ныне послать яво не воли, хотя и указу от Вашего превосходительства будет, понеже ему в… поспевать, как надлежит в море итти, а фрегат «Павел» послать неможно за худобою, о чем я и прежде сего до Вашего превосходительства писал для того, что он весь гнил и теч(ет). В протчем прекрачаю.

Остаюся Вам моему милостивому государю верный слуга
неотменный, А. Девиер.

Из Копенгагена, октября, 25-го 1715 г.[1]

P.S. …Не хотел к Вашему предвысходительству сим докучать, именно а том, когда мы пошли из Ревели, тогда Бредаль сказал нам всем, где будет де рандеву, и капитан Гриц ведая то не пошел за нами к Данцику, о чем мы немалое опасение имели и разумели, что он пропал, и едва того не учинилось, тогда я не писал за тем, что разумел, он пропал, но он самовольством не хотя быть с нами и один пощел к Копенгагену, и едва тогда у шветцкой стороны на мель не стали, и ныне он всегда афицеров, которые у него в команде, держит за караулом безо всякой причины как я мог выразуметь у них матрозов и салдат, которые у него есть, определил на 2 вахты, а всех людей с 400 человек, ежели дело какое было, тогда б и не делал, хотя дело и не дело всегда так чинит, а ему о том некому запретить, понеже всего большой, а мне с ним бранитца не за што, для того бы изволите ведать, с чем я послан, хотя ему и говорю, чтобы он того не ведал, и он меня не слушает, и от такого ево непорятку есть причина, дабы инозенцы с корбаля не розбежались и руские...

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 59, 59 об., 60, 60 об.

Копенгаген, 27 октября 1715 г.

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич,

Всепокорнейший доношу Вам моему государю, сего нижеименованного числа получил я указ, по которому повелено мне взять у господина посла князя Долгорукова деньги или хлеба, и что чего надобно для содержания наших людей, и то зело изрядно было ежели можно достать здесь наибольши не чаю, понеже кредит здесь наших не имеют, и о том я писал к господину послу Долгорукову, чтобы он о том старался, дабы людей здесь безвременно не утратить, на которое он о том соболезнует, понеже боле он здесь на кредит не сыщет как 500 ефимков, понеже здесь люди не такие, как в других местах, однако ж как он, так и искать способы, токмо бы наилутчее перевести (в) Гамбурх или в Галандию денег на вексе(ли), понеже в том имею немалое опасение, ежели продолжитца, то будет между тем голод, и дабы здесь нам не посрамитца, а я уже и так на здешнем хлебе наших людей кормлю с месяц, а именно с 700 а на каждого человека на день менщи не иметца как 4 копейки здешних которых в талере 48 а на месяц надлежит (1)750 ефимков, а когда Бредаль прибудет то же число надобно будет кроме жалованья и кроме Синявина, а ежели Синявин прибудет, то у него боле людей будет нежели как у нас з Бредалем. Так же доношу, машт на корабль «Перло» поставили, об Синявине сказывают, что он есть в Норвеге, токмо письма от него сюда ни к кому нет, чему верить, правда или нет, а что про команду ево подлинная ведомость есть, капитаны Витес Беренг (Витас Беринг) и Бемза (Бенса) обретаютца в Норвеге, и зачем они сюда не едут, о том неизвестны, а письма от них при сем посланы были на имя Вашего превосходительства (также и копия с того письма, которое писано из шветцкой земли от наших людей, которые были в службе на транспорте, писал к отцу своему, которой ныне здесь живет) посланы на прежней почте до Вашего превосходительства. Так же доношу, наняли здесь квартиру на зиму для наших людей, понеже продольжительно быть на кораблях з(десь) не можно, оттого приключаютца болезни, и декабря с 1-го числа велю им итти на квартиру.

P.S. Свою отечественную, как начал, так и кончил, за что Всевышний Вам воздаст, о чем я просил о дворянине Лапухине для смотрения … на которое его величество изволил известен быть чрез Вас моего милостивого государя, на что ево величество указал Вам

его светлости о том сказать, которого еще по сие время не достал, о чем и ныне прошу, ежели не можно того дворянина достать, хотя б другова кого бы пожалуете означить по своей милости. Также доношу, флот датцкой пришел в гавань, только остались лехкие корабли еще в море, токмо не на долгое время.

Генерал-адъютант Девиер от 27 октября 1715 г.

Прибыл в Копенгаген капитан Грис с караблем «Перл» сентября 2 дня, которой все свои 4 машты потерял подле земли Мастланд (в) час пополуночи сентября 13 дня, ветр был здесь вест не очень велик, и сие учинилось … от того, что машты б(ыли) гнилы, хотя были и новые, а про капитана Бредаля сказал капитан Грис, что той ночи с ним был, и куды отлучился не мог видеть за темнотою ночною.

Когда «Перл» в Копенгаген прибыл, велел он изготовитца капитану Энгову с караблем …акфорт на нижней де пушки и дал лоцмана аг(лин)ского, которой взят с англинск(ого) карабля воинскова и знает форватор тамошней довол(ьно), и дал тому капитану ук(аз), чтоб он отнюдь не отставал от флота аглинского, пока не п(одой)дет блиско того места, где ему быть надлежит и чини(л), как приказано было другим, и был бы под командою капитана Бредаля.

Машты и ванты и парусы и протчие припасы, которые надлежало быть на «Перл» бес чего быть нельзя убрать неможно, тамо без 6000 ефимков и на те припасы ни денег ни векселей не имеет, кроме того что взял из Ревеля 6000 ефимков, и тех мало, когда придет к заплат на те карабли, которые прибудут, на которые меньше не чает что 12000 ефимков надобно, для чего просит о присылке векселей.

Копенгаген, 29 окетября 1715 г.

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорнейший доношу Вам моему государю: сего октября 25 дня прибыл корабль английской торговой, которой был в Готенбурхе, и бутто видели наших людей, которых прибило от шторму миль 8 или 10 от Мастланда, а имянно говорят что Бредаль. Ежели то правда, от чего Боже сохрани, что так над ним учинилось, то будет немалая остановка, за чем он послан, и по нынешнее время нечего будет делать, пока иной указ будет Вашего превосходительства, понеже из Англии корабли не пойдут с одним Эковым, ежели он туда прибудет, и хотя б захотели те капитаны ехать с ним Эковым

и … не чаю, чтобы стал то делать, а другое дело уже писано, и ехать не бес страху. Не пеповолишь ли, не в указ Вашему превосходительству, послать б сюды капитана порутчика Батнина, и при нем человек два или три добрых афицеров на почте в ангинскую землю, и указ ему дать, чтобы он имел команду над одним кораблем ис тех трех, которые деланы в Галандии, и ежели позволите, то можно... взять с корабля Экова с 150 человек, понеже с ним 400 человек, и тогда посадит на тот карабль, которой он ведать будет, и к тому ж наймет до сего места человек с 50 или более, которые могли дратца и тогда он с Эковым может без опасности сюда проводить вышеписанные корабли, а на вышеписанного капитана порутчика Батанка можно в том надеятся, понеже он зеиманской спол довольно знает и фарватер тамошней, а жену он имеет в Ревеле, и чаю, чтобы послать ево отсюды на почте немного убытку станет, а другое дело как Ваше превосходительсво поволит. Так же доношу, ежели зимовать станет Эков в Англии за вышеписанным случаем, то нечем ему людей довольствовать, и что ему делать, о том поволите указом ево определить и прямо к нему о том послать, а ежели указ о том сюды прислать, то медленно будет, с полмесяца, или не поволишь ли Синявина туда послать, ежели сюда прибудет, для путчего тамошнего правления, или поволишь ково инова от себя отправить для лутчего, а ежели послать Перло весною, и вскоре туда не прибудет за противными ветры или за другим каким случаем, то опять замедление будет а ныне послать ево не воли, хотя и указ б Вашего превосходительства будет, понеже ему в… после Вас как надлежит в море итти, а фрегат «Павел» пасылать не можно за худобою, о чем я и прежде сего до Вашего превосходительства писал, для того что он весь гнил и течет.

Прекрачая остаюсь Вам моему милостивому государю
нижайший раб А. Девиер.

Из Копенгагена, 29-го дня октября 1715 г.[1]

P.S. Также здесь признаваем, что несчастие зделалось над Бредалем, ежели то правда, и чаем, что от того зделалось, когда пошли от зунта ветры, был зунд-вест, и когда в ночи потерял машты около Мастланд «Перло», и тогда капитан Гриц ис пушек стрелял, и то чаю значит, что на мель стал, и тогла чаю Бредаль держал от него правую сторону, и тогда ветер был на швецкую сторону, и как утро стало, не-

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 61, 61 об., 62, 62 об.

где было ему и только берегу за штормом и на якоре стоя неможно было, и то признаваем, что таким случаем учинилось. Синявин еще сюда не прибыл, и слуху об нем нет, а об Экове ведомость есть, что он обретаетца в Норвеге с англиским флотом, тако же прежде сего не хотел я Вашему превосходительству о нем докучать, а имянно о том, когда мы пошли из Ревеля, тогда Бредаль сказал нам, где будет де рандеву, и капитан Гриц ведав то не пошел за нами к Данцику, о чем мы немалое попечение имели и разумели, что он пропал, и едва того не учинилось, и тогда я к ему писал, затем что разумел, он пропал, но он самовольством нехотя быть с нами и один пошел к Копенгагену, и едва тогда у швецкой стороны на мель не стал, и ныне он всегда афицеров, которые у него в команде, держит за караулом без всякой причины, как я мог выразуметь у них матрозов и салдат, которые у него есть, определил на две вахты, а всех людей с 400 человек, ежели дело какое было то б иное дело, хотя дело и недело всегда так чинит, а ему в том запретить некому понеже всякой большой, а мы с ним бранитца не за што, да я того б изволите ведать, с чем я послан, хотя ему я и говорю, и он меня не слушает, и от такого ево непорятку есть причина чтоб с корабля не разбежались. Так же доношу, отпустили б отсюды подпорутчика Фондергуль за тем, что он свое дело не знает, и капитан Гриц и прочие афицеры сказали дела ничего не знает...

Копенгаген, 5 ноября 1715 г.

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорнейше Вам моему государю доношу, о чем я писал наперед сего, а имянно, что несчастье получили из наш(его) корабля, что один пропал признавали, что Бредаль, …пропал, то есть неправда, ныне он писал сюда ис тех мест, где ему надлежало быть, что он прибыл туда в добром здравии и Эков также, и слава Богу,…при сем посылаю копию с того письма, как он писал для уверения Вашему превосходительству, и об команде Ивана Синявина ведомость есть, что команды ево капитан Вит[ас] Беринг с кораблем «Архангел Селафаил» обретаетца в Норвеге, именуемый Лангезунт, и при сем же посылаю (ко)пию с того письма, которое от него писано князю Василию Лукичу Долгорукову. Так же доношу, о чем я наперед сего писал, служителем нечего будет мне давать, а деньги которые ... были все пошли на починку «Перл», а других денег у меня никаких нет, о чем

Ваше превосходительству известен... к тому может быть немалая остановка, также чаю, нечем ныне стало кормить, и к тому же ежели зимовать здесь станут, надобно будет деньги как на правиянт, так и на жалованье всяких чинов людем, и о том изволите доложить царскому величеству, дабы сюда векселя прислать, чтобы людей не поморить безвременно, особливо мое несчастие, что немогу для такой нужды достать здесь ни у кого денег на векселя, ежели можно достать, то бы я не так докучал Вашему превосходительству, и при том же еще доношу на «Перло» машты и принадлежашее к ним погнели и …от сего времен[и] через 20 дней со всем быть в готовности как надлежит.

В протчем прекрачая остаюся Вам моему милостивому государю нижайший слуга неотменной,

А. Девиер.

Из Копенгагена, 5 ноября 1715 г.[1]

P.S. Еще доношу Вашему превосходительству чему верить не можно было, капитан Гриц, когда мы поехали из Ревеля, надлежало было ему и стать за аглинским флотом, и ведал чрез Бредаль, что где будет де рандеву, а именно в Данцике, и тогда он по своему фантазию поехал прямо в Копенгаген, и про то я к Вашему превосходительству прежде сего писал, и едва тогда не попал к шведам, так же и на мель, но мне к тому ж был салдат, которой сказал Слово Государево за собою, и он Гриц у него слова допытывался, по которому принужден был сказать, что машты пропали от него, понеже он капитан велел тянуть вынтреп крепко накрепко, и в то время машты сломило, и капитан был так пьян, что бес памяти, и в том свидетельствуют весь корабль, что он тогла был пьян и тогда хотел бутто карабль зажечь и к тому ж говорят что и другие видели... велел взять за караул, того ради что на него говорит, а ево велел сковать и посадить на бак на стуже и велел малое число давать хлеба да воды, и когда я то услышал о вышеписанном деле и стал ему говорить, что не надлежит Слова Государева ему спрашивать, и в своем деле розыскивать, на которое он мне ответствовал, что сам себя ставит: я де командир над кораблем и над людьми, что хочю, делаю, к тому ж держит афицеров Астраханского полку за крепким караулом без всякой вины, в чем я мог выразуметь ото всех, а именно за то, что не за ту веревку не-

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 63, 63 об.

знаючи принялись тянуть, и за то ево велел взять за караул, капитану роты ево, которой спрашивал у него капитана Грица, что ему сказал, и за какую вину ево взят за караул, и за то слово, тако ж де и ему капитану отказал от команды, и сидят за караулом, и стоят над ними с обнаженными шпагами днем и ночью, и к тому ж еще имеют он под своею командою с 430 человек и более, и как поехал из Ревеля, определил на две вахты, в чем есть немалая трудность, и от того много хворают и умирают безвременно, ежели б были на море и нужда бы была, то бы так можно чинить, а ныне мы обретаемся в гавани, тому уже есть з два месяца, однако ж хотя и не мое дело, повинен я то учинить усмотря время, без чего быть неможно, отказать ему от корабля на время, пока мы станем о том розыскивать, понеже может быть, что во пьянстве и в беспаметстве карабль зажечь хотел, и того ради нельзя мне так не учинить, а к тому же посоветую з другими морскими афицерами, и ежели свидетели скажут с пытки, что хотел он так делать, то я не велю команды иметь ему над кораблем, пока будет указ Вашего превосходительства.

Копенгаген, ноябрь 1715 г.[1]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорнейший доношу Вам моему государю, по сие нижеименованное число еще сюда не прибыли Синявин и Бредаль, и кой час прибудут, о том немедленно буду писать, так же всепокорно доношу, напред сего писал я к Вашему превосходительству, дабы изволили доложить царскому величеству, чтоб поволил приказать деньги сюда перевести для содержания наших людей, без чего пробыть невозможно, и для всякой притчины и по сие время никакого указу не имею, ежели продолжитца, что векселя не будет, и тогда нечем содержать наших людей, к тому имею опасение от царского величества, а пособить мне нечем будет, к тому же еще по нынешнем зимовать здесь надобно будет, и когда все наши прибудут, не чаю чтоб менши было как 3000 человек, на хлеб а менши нельзя положить как 4 копейки на день здешних человек, и того надобно будет на 5 спусков изсодержать на здешнем хлебе с 37500 ефимков, кроме жалованья, а жалования здесь имеем только по генварь месяц, к тому ж надлежит платить за снасти и за починку «Перло» с 6000 ефимков, еще к тому ж надле-

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 66, 66 об., 67.

жит дать что-нибудь для заплаты тем служителем, которые прибудут на новых кораблях, которые деланы в Галандии, о чем всепокорно прошу о вышеписанном деле доложить царскому величеству, о чем прежде сего я до Вашего превосходительства многажды писал, понеже без того нам пробыть невозможно, по сем прошу Вас моего милостиваго государя, не изволите на меня в том гневатца, что я многажды Вам сим докучаю.

Прекрачая, пребываю слуга Вам моего милостивого государя,
А. Девиер.

Копенгаген, 19 ноября 1715 г.[1]
Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь царь Федор Матвеевич.

Всепокорнейший Вам моему государю доношу: сего нижеименованного числа получил я указ от ево величества, по которому повелено мне взять у господина посла князя Долгорукова деньги или хлеба, и что это надобно для содержания наших людей и то зело изрядно бы было, ежели можно достать здесь наибольши не чаю, понеже кредит здесь наших не имеют, и о том я писал к его милости князю Василью Лукичю, чтоб он о том старался, дабы людей здесь безвременно не утратил, на которое он о том соболе понеже боле он здесь на кредит не сыщет, как с 500 ефимков, понеже здесь люди не такие, как в других местах, однако ж как он, так и я станем искать способы, токмо бы наилутчае перевести в Гамбурх или в Галандию денег на векселя, понеже в том имею немалое опасение, ежели продолжитца, то будет между тем голод, и дабы здесь нам не посрамитца, а я уже и так на здешнем хлебе наших людей, а именно с 700 человек кормлю с месяц, а на каждого человека на день меньши не иметца как 4 копейки здешних, которых в талере 4, а на месяц надлежит 1750 ефимков ско(ро) Бредаль прибудет, то же число нужно будет кроме жалованья и кроме Синявина, а ежели Синявин прибудет, то у него больши людей будет, нежели как у нас з Бредалем. Так же доношу, машт на «Перло» поставили, об Синявине сказывают, что он есть в Норвеге, токмо письма от него сюда ни к кому нет, чему верить, правда или нет, а что про команду ево есть подлинная ведомость, капитаны Витес Беренге (Витас Беринг) и Бенса обретаютца в Норвеге, и за чем они сюда не едут,

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 68, 68 об., 69.

о том неизвестны, и к тому ж письма от них при сем посланы, которые подписаны на имя Вашего превосходительства, по которым изволите подлинно быть известны. Так же при сем посылаю копию с письма, которое писал са шветцкой земли от наших людей, которые были в нашей службе, как жил он на транспорте и письмо писал он сюда к отцу ево, которой здесь живет. Так же доношу: наняли здесь для наших людей на зиму квартиру, понеже продольжительно быть на кораблях здесь не можно, оттого приключаютца болезни, и декабря с 1-го числа велю им итти на квартиру, ежели к тому времени какого указа не прибудет особеннаго.

При сем прекрачая, остаюсь Вам моему милостивому государю
нижайший слуга, А. Девиер.

Копенгаген, 3-го декабря 1715 г.[1]
Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь отец Федор Матвеевич.

Вашему сиятельству всепокорно доношу: сего нижеименованного числа получил я указ от Вашего сиятельства, которой писан в 27 ноября, в котором изволил милостивое радение показать об векселе и о протчих делах, и впредь покорно о том же прошу, токмо еще ныне от господина камисара Соловьева из Амстердама о тех векселях ко мне не писал, и напред сего до Вашего указу писал я к нему, ежели когда прибудет к нему указ об векселе, чтоб неумедля ко мне прислать, и никакого ответу на мои письма не получаю от него, разве что не доходит, однако и ныне буду о том же писать. Так же изволил писать в своем указе, когда пришлет господин капитан командор Шелтинга людей, которых велено ему нанять в службу его царского величества, чтоб я принял и посадил на те корабли, которые прибудут с Сниявиным и з Бредалем, и когда прибудут против Вашего указу учинить безо всякого отлагательства. Еще изволили написать в своем указе, ежели Перло затем астанетца за снастьми, что неможно итти з другими кораблями, и тогда ево здесь оставить, но ныне неразумеем, чтоб он здесь остался, понеже время довольно будет, чтобы ево справить.

При сем пребываю, Вам моему милостивому государю
нижайший слуга неотменной, А. Девиер.

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 70, 70 об.

Копенгаген, 3-го декабря 1715 г.[1]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорно доношу Вам моему милостивому государю, что ноября 27 дня прибыл сюда капитан Иван Синявин и с двемя кораблями в добром состоянии, третей еще не пришел, которой был в Норвеге, и ожидаем с часу на час, а Бредаль и Эков еще не прибыли. Так же всепокорно доношу, что капитан Синявин сказал мне, что нет в привозе у него ржи, и о том напред сего он до царского величества писал, и ныне он о том же писал, и к тому же не имеет боле правиянту, чем людей пропитать, и таким образом немалая есть нам трудность, ежели от его величества не будет векселя и от господина посла Долгорукова против указу царского величества тоже недостанет правиянту или денег, то мы будем меж двух на пустом, в чем прошу всепокорно, дабы Ваше сиятельство изволили доложить царскому величеству, чтоб поволил приказать дать вексель в Гамбурх или где соизволит для прокормления наших людей, которые с Синявиным и з Бредалем, доколе будет здесь до Вашего указу, при сем пребываю.

Вам моему милостивому государю нижайший слуг неотменный,
А. Девиер.

Копенгаген, 6-го декабря 1715 г.[2]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Вашему сиятельству всепокорно доношу, сего нижеименованного числа получил я указ от Вашего сиятельства, писанной от 27 ноября, в котором изволил милостивое радение показать об векселе и о прочих делах, и впредь покорно о том же прошу, токмо еще ныне от господина камисара Соловьева из Амстердама, о тех векселях ко мне не писал и напред сего до Вашего указу писал я к нему, ежели когда прибудет к нему указ об векселе, чтоб неумедля ко мне прислать, и никакого ответу на мои письма не получаю от него, разве что не доходит, однако и ныне буду о том же писать. Так же изволил писать в своем указе, когда пришлет господин капитан командор Шел(ь)тинг(а) людей, которых велено ему нанять в службу его царского величества, чтоб я принял и посадил на те корабли, которые

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 71, 71 об.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 72, 72 об., 73.

прибудут с Синявиным и Бредалем, и когда прибудут, против Вашего указу учинить безо всякого отлагательства. Еще изволили написать в своем указе, ежели «Перло» затем останетца, что неможно итти з другими кораблями, и тогда ево здесь оставить, но ныне неразумеем, чтоб он здесь остался, понеже время довольно будет, чтобы ево справить. При заключении сего письма получил я письмо от князя Бориса Ивановича Куракина, с которого при сем посылаю копию, в чем изволите выразуменеть, и против того письма мне то чинить неможно без указу Вашего сиятельства, и о том как соизволите.

В протчем прекрачаю, остаюся Вам моему милостивому государю
нижайший слуга неотменной, А. Девиер.

P.S. О Бредале обноситца здесь, что он прибыл в Норвегу, токмо получено, не могу написать.

Письмо А. М. Девиеру от князя Бориса Ивановича Куракина.

Государю моему Антону Мануиловичу.

Получил я из Англии письма последние в которых объявляют, что корабли под конвоем капитана Бредаля при помощи Божей по осьми днях в путь свой до Копенгагена поидут и надеются, что при той помощи Божией оные корабли вскоре будут.

Из Англии еще пишут, что когда прибудет до Копенгагена с кораблями капитан Бредаль что оному с конвойными быть в Англию для приему корабля «Марльбурга», и на том кормовое прислать российских матрозов и других служителей на помянутом корабле «Марльбурге». Тово для прошу, когда прибудет с кораблями капитан Бредаль в Копенгаген, извольте ево отправить с конвоем в феврале месяце или когда получите от корисподентов ведомость, что тот карабль «Марльбург» в готовности, паки в Англию для приему того карабля «Марльбург» и на том камвое послать росийских матрозов и других служителей для скораго поспешения и избежания убытков в провозе того карабля «Марльбурга» матрозами росийскими, а не английскими, а ежели в Англии нанимать матрозов английских для провозу того карабля в Копенгаген, а из Копенгагена их назад в Англию паки отвозить, и ис того будут великие убытки. Прекрачая остаюсь,

Ваш слуга, к[нязь]. Куракин[1].

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 74.

Копенгаген, 6 декабря 1715 г.[1]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Пишет генерал-адъютант Девиер из Копенгагена от 6 декабря 1715 г. о посланных отсюды векселях от камисара Соловьева ведомости не имеет, о чем многажды к нему писал, а ответу не получил, и ныне о том же к нему писать будет.

Когда прибудут к нему нанятые служители от капитана-камендора Шельтинга, тогда он с капитанами Синявиным и Бредалем отправят без отлагательства.

Карабль «Перл» за снастьми там остаетца, не чает, понеже время довольно будет чтоб ево исправить.

О Бредале обносится, что он прибыл в Норвегу только подлинно объявить не может.

Получил он письмо от князя Куракина, писанное к нему от 29 ноября 1715 г. и с оного прислал копию в которой пишет:

Из Англии в последних к нему письмах объявляет, что карабли под конвоем Бредаля по осьми днях до Копенгагена пойдут и надеетца, что оные будут вскоре.

Из Англии же пишут, что когда прибудет до Копенгагена с караблями капитан Бредаль, оному паки с конвойными быть в Англию для приему карабля «Марльбурга», и на том конвое прислать на помянутой карабль руских матрозов и других служителей, того ради просит ево генерала-адьютанта, чтоб когда прибудет в Копенгаген капитан Бредаль отправил ево с конвоем, и руские матрозы и другие служители в феврале месяце [или когда получит от корреспондентов ведомость, что помянутой карабль в готовности], а ежели матрозов нанимать в Англии, будут великие убытки.

Копенгаген, 20 декабря 1715 г.[2]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорнейший доношу Вашему сиятельству, что еще по сие нижеименованное число не прибыл Бредаль с новопостроящимися караблями, токмо здесь говорят, что оные прибыли в Норвегу, токмо доподлинно неможно верить, так же и карабль, которой от города шел

[1] Там же. Л. 87, 87 об.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 75, 75 об., 76.

вместе с капитаном Синявиным, именуемый «Архангел Варахаил», которым командует капитан-порутчик Бенза (Бенса) еще из Норвега сюда не прибыл же. Так же доношу, сего числа получил я письмо от господина капитана командора Шельтинга, в котором пишет, что он отправляет афицеров и протчих чинов [с]ухим путем до сих мест, понеже водою неможно было, за тем что замерзло крепко в Амстердаме, и когда прибудут, чтобы их с собою взял, и кой час прибудут против прежняго Вашего указу, то чинить будут. Также доношу, когда прибудут все наши карабли кроме того корабля, которой остался для починки в Англии, и тогда повелено будет итти по указу Вашего сиятельства, и тогда ждать ли того карабля или нет, и о том как Ваше сиятельство соизволит.

В протчем остаюсь, Ваш моего государя всегдашний
слуга неотменный, А. Девиер.

P.S. Также доношу швадра аглинская, которая была здесь, имеет указ итти назад и в готовности обретаетца на море, а именно 16 кораблей, и то все конечно правда.

Копенгаген, 20 дня декабря 1715 г.[1]
Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.
Дупликат с дополнительной информацией.
Милостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Вашему сиятельству всепослушно доношу, что еще после нижеименованное число не прибыл Бредаль с новопостроящимися кораблями, токмо здесь говорят что оные прибыли в Норвегу, токмо доподлинно неможно верить. Так же и карабль, которой от города шел вместе с капитаном Синявиным именуемый «Архангел Варахаил» («Архангел Селафаил»), которым командует капитан порутчик Бенса ещё из Норвега сюда не прибыл же. Так же всепокорно доношу, сего числа получил я письмо от господина капитана командора Шельтинга из Амстердама, в котором пишет, что он отправляет афицеров и протчих чинов сухим путем до сих мест, понеже водою неможно было затем что замерзло крепко в Амстердаме, и когда прибудут, чтобы их с собою взять, и кой час прибудут против прежняго Вашего указу, то чинить будут. Также доношу, когда прибудут все наши корабли кроме того корабля, которой остался для починки в Англии, и тогда повелено

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 77, 77 об., 78.

будет итти по указу Вашего сиятельства, и тогда ждать ли того корабля или нет, и о том как Ваше сиятельство соизволит.

В протчем остаюсь Ваш всегдашний слуга моего государя,
А. Девиер.

P.S. Шквадра аглинская, которая была здесь, имеет указ итти назад и в готовности стоит, токмо ожидают с утра, и шветцкой флот обретаетца в море, а подлинно 16 кораблей, конечно правда. Еще доношу, сего дня получил я от камисара Осипа Соловьева из Амстердама письмо, в котором пишет в 4 недели от сего времени хотел вексель дать по указу царского величества.

* * *

Копенгаген, декабря 26 дня 1715 г.[1]
Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорнейший Вам моему государю доношу: сего нижеименованного числа получил я указ от ево величества, по которому повелено мне взять у господина посла князя Долгорукова денег или хлеба, и что это надобно для содержания наших людей и то зело изрядно бы было, ежели можно достать здесь наибольши не чаю, понеже кредит здесь наших не имеют, и о том я писал к его милости князю Василью Лукичю, чтоб он о том старался, дабы людей здесь безвременно не утратить, на которое он о том соболезнует, понеже боле он здесь на кредит не сыщет как с 500 ефимков, понеже здесь люди не такие, как в других местах, однако ж как он так и я станем искать способы, токмо бы наилутчее перевести в Гамбурх или в Галандию деньги на векселя, понеже в том имею немалое опасение, ежели продолжитца, то будет между тем голод, и дабы здесь нам не посрамитца, а я уже и так на здешнем хлебе наших людей кормлю с месяц, а имянно 700 человек, а на каждого человека меньши не иметца как 4 копейки на день здешних, которых в талере 48 копеяк, а на месяц надлежит 1750 ефимков, а когда Бредаль прибудет, то же число надобно будет кроме жалованья, кроме Синявина, а ежели Синявин прибудет, то у него больщи людей будет, нежели как у нас з Бредалем. Так же доношу, машт на карабль «Перл» поставили, об Синявине сказывают, что он есть в Норвеге, токмо письма от него сюда ни к кому нет, чему верить, правда или нет, а что про команду ево подлинная ведомость

[1] Там же. Л. 79, 79 об., 80.

есть, капитаны Витас Беринг и Бенса обретаютца в Норвеге, и за чем они сюда не едут о том неизвестны, и к тому ж письма от них посланы на прежней почте до Вашего сиятельства, по которым изволите подлинно быть известия, так же и копия послана с того письма, которое писано из шветцкой земли от наших людей, которые были в службе нашей на транспорте, и письмо писал к отцу своему, которой ныне здесь живет. Так же доношу, нанял я здесь на наших людей на зиму квартиру, понеже продольжительно быть на кораблях здесь не можно, оттого приключаютца болезни, и декабря с 1-го числа велю им итти на квартиры.

Прекрачая, остаюся Вам моему милостивому государю
нижайший слуга неотменной, А. Девиер.

Копенгаген, 31 декабря 1715 г.[1]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорнейший доношу Вашему сиятельству, по сие нижеименованное число еще не прибыл Бредаль, и где он обретаетца, доподлинно неизвестны кроме того, что писал ко мне из Амстердама капитан Наум Синявин, а именно о том, когда он отъежал из Лондона до Амстердама и тогда Бредаль был в готовности идти в свой путь, а имянно 28 ноября, в 10 день декабря прибыл в Амстердам Синявин в целости и зимовать там станет за льдом, и Бредалю ныне неколи ему сюда поспевать, разве весною и в том что он замешкался немало убытку учинитца. Также всепокорно доношу, ежели за каким случаем рано весною Бредаль не прибудет, и за тем принуждены будут здешние карабли их дожидатца, которые ныне здесь есть, а именно Гратцких (городских) два, третей «Перл», четвертой «Павел», не позволит ли Ваше сиятельство приказать им идти, не дождавшись их, усмотря время, а ежели здесь им долгое время быть, немало убытку учинитца, и о том как Ваше сиятельство укажет.

При сем остаюсь слуга Ваш моего государя всегдашний,

А. Девиер.

P.S. Еще доношу, королевское величество датцкой прибыл сюда декабря в 27 день, шквадра аглинская пошла в Англию декабря в 21 день, мороз здесь стоит великий, и от Копенгагена море до …

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99. Л. 81, 81 об., 82.

замерзло, и тогда ходят и зело здесь опасаютца от шведов, дабы незапно не напали.

Копенгаген, Генваря 14-го дня 1716 г.[1]
Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.
Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорно доношу Вашему сиятельству, сего нижеименованного числа получил я указы от Вашего сиятельства, которые писал от 12 и от 16 декабря, в которых писано, когда прибудет капитан Бредаль сюда, чтоб ему сказать указом его царского величества, чтоб он не шел в Англию пока когда отпишет князь Борис Иванович, а ежели не пошлет, чтоб не ити и по указу Вашего сиятельства буду чинить. Так же изволил упоминать, что послан вексель к Соловьеву, а имянно 10000 ефимков, то и мой по сие время не имею, токмо надеюся вскоре получить, ежели б тех денег не было, которые со мною посланы, то конечно можно верить, чтоб люди з голоду умерли и розбежались, а ни вексель, нечего б было надеятца, понеже было трудно терпеть месяца без хлеба и бес протчаго а кре(д)ит по сие время не можем получить… предлагали таким образом, как ево величество изволил писать, так же (или) кои государь разве что впредь будет. Так же доношу, ево величество изволил писать ко мне в указе, в котором написано, что я дорого покупал машты и принадлежащие припасы к ним. Как я прежде сего писал, ежели б все было купить не токмо б что 6000 ефимков разве 8 или боле, однако ж я тогда ничего не покупил, хотя и писал что надобно будет 6000 ефимков и боле, а между тем ждал Синявина от города, понеже ведал, что есть у него за улишком припасов, чем здесь в десятеро давать, а другое дело могу признать, что не будет по ходу в Ревель и, таким образом не покупал лишнева, … а на достальные деньги покупал нужной правиянт, без чего пробыть было неможно для содержания наших людей, и к тому ж давал и Синявину из того правиянту, как он сюда прибыл, а ежели не так учинил, то б можно верить, чтоб учинилось против вышеписанного, и таким образом де делали, к тому изволит писать, чтоб впредь не описав я ничего не покупал, и таким образом можно поморить людей, пока на мои письма будет ответ, и при сем посылаю роспись, почему и что здесь покупают, и по тому изволите выразумевать какова здесь купля против нашей. Так же доношу, как афицеры, так и матрозы до-

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126. Л. 68, 68 об., 69, 69 об.

кучают о жалованье, а мне давать нечего, разве из тех денег, которые будут от Соловьева, и о том прикажи меня уведомить, а что изволил упоминать об Синявине, чтоб я доподлинно к Вам отписал где оный есть и ныне разумею, что уже Вы известны о них, так же всеунижен-но благодарствую за Вас моего государя старание об моей нужде и впредь надеюсь о такой милости без изменения, уповаю.

Впротчем прекрачая и остаюсь слуга Ваш
моего государя всегдашний, А. Девиер.

P.S. Также всепокорно доношу, здесь зима зело жестока, близко против той, как была 709 году, и в том имеют здешние опасение немалое от неприятеля и тревожатца беспрестанно, и неприятель уже несколько деревень разорил, а сказали перебежчики, которые ушли от шведов, что есть в зборе от 8000 до 14000 в том числе 6000 кавалерии есть, и притом [здесь] прынц фон Эсен, и ожидают короля с часу на час из Штекгольма [Стокгольма]… и от того король датцкой немалое опасение имеет, понеже не имеют здесь, кроме 4-х или 5 полков, и те ланд-милиция, а другие еще не прибыли от Тральзунта, и на нынешних днях прислал ко мне королевское величество сказать чрез министра, ежели какой будет подыск от неприятеля над флотом, что мы в то время могли оборонять своими людьми, на что я ему сказал, не токмо что мы принуждены то делать, но хотя б и особа ево царского величества был здесь, то б учинил не жалея себя для его королевского величества, на что они благодарны были и о том хотели до царского величества писать, и не разумею, чтоб то было противно его царскому величеству, и когда посол прибыл, о том же деле говорили ему, на что им то же сказал[1].

Антон Девиер в переписке с Ф. М. Апраксиным допускает посылку некоторых писем одного содержания дважды, правда, с некоторой дополнительной информацией. Так письмо от 4 февраля дублирует содержание письма от 14 января 1716 г.

Копенгаген, февраль 4 дня 1716 г.
Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорно доношу Вашему сиятельству, сего генваря в 31 день получил я указы от Вашего сиятельства, писанные от 1

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126. Л. 79, 79 об., 80, 82, 82 об., 83, 83 об.

и от 6 и 9 и 13 генваря, ис которых выразумел, чтоб я послал капитана Бредаля и с тремя кораблями в Англию, а именно «Перл», «Самсон» и «Павел», ежели будет годен, а ежели «Павел» не годен, то бы по свидетельству афицеров и подмастерья Пальчикова в тот путь негоден будет, тогда снять с нево припасы на другие карабли, а что за излишеством продать, а вместо ево порутчика Бенса ко(рабль) и по указу чинить, ежели надобно будет. Так же доношу Вашему сиятельству, писал сюда капитан Наум Синявин, что зделалось над ево караблем несчастье от великого шторму и ото льду, потеряли якорь, и нанесло корабль снегом, и затопился, только спаслися люди, и того ради он пишет сюда, чтоб я ради ево оставил здесь карабль, ежели мы поедем по указу Вашего сиятельства отсюды до нево, однако ж я писал к нему, чем ему нанимать оттуда, сюда лутче было до Англии себя вести вкупе с теми, которые наняты от господина Шельтинга. Ежели Бредаль там обретаетца, между … тем де к нему писал, чтоб он, пока оные к нему прибудут, и тогда мочно будет привести карабль «Марльбург», чем отсюда посылать вновь, и надеюся, что князь Борис Иванович учинит так, как писано выше сего понеже таким случаем может быть лутче, нежели отсюда вновь посылать, и между тем много может продолжитца, и об вышеписанном писал я князю Борису Ивановичу и к Шельтингу рассуждением, чтоб так чинили, а другое дело, как они за благо присоветуют.

В протчем слуга моего милостивого государя всегдашний,
А. Девиер.

Копенгаген, 18 дня февраля 1716 г.[1]
Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорнейший доношу Вашему сиятельству, сего дня получил я письмо от князя Куракина, в котором пишет, чтоб я послал один кар(абль) с людьми до Англии на помощь Бредалю, и в нем чтоб было сверх об(ык)новенных 300 человек, таго ради чтоб можно было посадить на корабль «Марльбург», и вкупе могли идти з Бредалем, и притом же пишет, что шквадра шветцкая готовитца, (ко)торая стоит в Готенбурхе, как мы уведомлены от него, так и от здешних известны, того ради не могли мы то учинить, чтоб один карабль с вышепсанными людьми отпустить, а между тем писал я к нему ко князю Куракину,

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126. Л. 79, 79 об., 84, 84 об., 85.

ежели он возьмет на свой страх карабль, и тогда пошлем, и на то чтоб ответсвовал, а карабль к тому времени будет готов к первому пути; а между тем писал к нему рассуж(дением) своим, чем отсюда посылать один карабль и с людьми, лучше из Галандии послать тех людей, которые наняты по указу царского величества по сказкам с 400 человек обер- и унтер-афицеров и тех людей будет довольно для проводу «Марльбурга» хотя из рускими перемешать, которые есть у Бредаля и тогда можно совсем оттоле Бредалю идти, чем от сюда посылать вновь. Также услышали, что шквадра (эскадра) Готенбурская (гото-ви)тца, то мы послали указы к тем караблям, (ко)торые зимуют в Норвежии, а именно к Дену, чтобы шел он оттоле и соединился с капитаном Бенсом, которой стоит в Флекере или в Христианзанде и дожидались бы там Бредаля и вкупе бы шли, а к Бредалю писал чтоб он зашел и их с собою взял, и тогда могут идти без опасности сюда. Так же доношу Вашему сиятельству, при заключении сего письма получил я письмо от Наума Синявина, что он свой корабль «Страфорд», которой он чаял вовсе пропасть, но ныне сохранен и хочет ево вести до Амстердама для некоторой починки и разумеет он, что поедет оттоле в последних числах марта или в половине апреля и притом объявил, что послан к нему указ от Его Величества, чтоб он соединился з Бредалем около галанских берегов, о чем признаваем, что того учинить не можно, а другое дело, бутто Бредаль писал к нему, что он поедет из Лондона в половине или кончая … о последних числех февраля, а тогда Синявин еще не будет готов, и того ради просил он чтоб послать Бредалю, может ли он ево дождатца или нет до того времени, которое ему Синявин означил, нежели Бредаль ему откажет, что ево не станет долго ждать, и тогда б Синявин иной способ писал, а ежели можно ево дождатца, лутчее там ждать где Бенс стоит, и от толе вкупе б шли, и тогда могут без опасности от неприятеля сюда идти. Прекрачая,

остаюсь Ваш слуга моего милостивого государя неотменный,
А. Девиер.

Копенгаген, 25 дня февраля 1716 г.[1]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорно доношу Вашему сиятельству, сего дня получил я письмо от князя Куракина, в котором пишет, чтоб я послал один ка-

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126. Л. 88, 88 об., 89, 89 об.

рабль с людьми до Англии на помощь Бредалю, и в нем чтоб было сверх обыкновенных 300 человек, таго ради чтоб можно было посадить на корабль «Марльбург» и вкупе могли идти з Бредалем, и притом же пишет, что шквадра шветцкая Готенбурская готовитца в море, как мы от него уведомлены, так и от здешних известны. Того ради не могли мы то учинить, чтоб один карабль с вышепсанными людьми отпустить, а между тем писал я к нему ко князю Куракину, ежели он возьмет на свой страх карабль, и тогда пошлем, и на то бы ответсвовал, а карабль к тому времени будет готов к первому пути, а между тем писал к нему рассуждением своим, чем отсюда посылать один карабль с людьми, лутче из Галандии послать тех людей, которые наняты по указу Вашему по сказкам с 400 человек обер- и унтер-афицеров и тех людей будет довольно для проводу «Марльбурга», хотя и с рускими их перемешать, которые есть у Бредаля, и тогда можно совсем от толе Бредалю идти, чем отсюды посылать вновь. Также услышали, что шквадра Готенбурская вооружаетца, то мы послали указы к тем караблям, которые зимуют в Норвежии, а именно к Дену, чтоб он оттоле из Дрота шел и соединился с капитаном Бенсом, которой стоит в Флекере или в Христианзанде и дожидались бы там Бредаля и вкупе бы шли, а к Бредалю писал, чтоб он зашел и их с собою взял, и тогда могут итти без опасности сюда. Так же доношу Вашему сиятельству, при заключении сего письма получил я письмо от Наума Синявина, что он свой корабль «Страфорд», которой он чаял вовсе пропал, но ныне сохранен. Он поедет оттоле в конце марта или в половине апреля и при том объявил, что послан к нему указ от Вашего сиятельства, чтоб он соединился з Бредалем около галанских берегов, о чем признаваем, что того учинить неможно. А другое дело, бутто Бредаль писал к нему, что он поедет из Лондона в половине или кончае в последних числах февраля, а Синявин еще не будет готов, и того ради просит он, чтоб послать отсюда карабль для и лутчего без опасения, токмо одного недовольно будет, и послать без указу не смею, токмо ему присоветовали мы, чтоб он отписал к капитану Бредалю, может ли он ево дождатца или нет, до того время, которое ему Синявин означил, а ежели Бредаль ему окажет, что ево не станет долго ждать, и тогда б Синявин иной способ (писал), и ежели можно ево дождатца, лутчее (там ждать), где Бенс стоит, и оттоле вкупе б шли, (и тогда могут) без опасности от неприятеля сюда идти. Прекрачая,

остаюсь Ваш слуга моего милостивого государя неотменный,
А. Девиер.

P.S. А. М. Девиер дважды доносит генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину о шведской опасности со стороны моря в своих письмах от 18 и 25 февраля 1716 г.

Министры здешние говорят доподлинно, что король швецкой велел сильно вооружать свой флот, также и войско набирает сильно, и по-настоящему может статца, понеже подлинно ж говорят, что он достал полтора милиона после бабушки своей и более ефимков, к тому ж еще достал из Франции 200000 ефимков, и ныне он обретаетца в Карлускроне и спешит, чтоб флот вооружить как наискорея и наисильно, как прежде сего б(ыло).

Копенгаген, марта 24-го дня 1716 г.[1]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорно доношу Вашему сиятельству, ныне указал его царское величество отправить карабль «Перло» в Лондон к капитану Бредалю для и лутчего без опасения, чтоб мог итти от неприятеля. Так же доношу, посылаетца отсюда шквадра датцкая в Норвегию, а именно 5 кораблей линейных, дабы неприятель не мог действовать, и притом же послылается транспорт, и на нем посажено 5 полков пехотных, которые ссажены будут в Норвегии, шведы с своими… обретаютца в Норвегии, датцкой [король] надеятца на всемогущего Бога, что мы тогда будем мир иметь в руках, и без того не выдундить ево к миру. Даткой король зело слаб и удивительно, как он и еще держится по сие время, к тому ж ныне доход норвежской пропал, а приходило в нынешнею войну милион ефимков, и то ныне пропало, пока шведы там будут, и каким способом неприятель овладеет, и тогда я разумею, что король датцкой принужден мир делать, от чего Боже сохрани, так же Бредаль писал ко мне, что он поедет из Лондона 20-го сего месяца и войдет в Норвегию, а именно в Афлекарь для тех двух кораблей Гратцких команды Синявиной, и потому сюда прибудет, и дай Боже счастливого пути дойти. При заключении сего письма … получил я здесь ведомость подлинную из Норвежии, что побили датчани шведов с 600 или с 1000, и магазины зажгли одн(ако ж) и письма некоторые взяли нужные и пребы(ваю)

Вашего моего милостивого государя нижайший слуга неотменный,
А. Девиер.

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126. Л. 90, 90 об., 91.

P. S. Дерзнул вас моего милостивого отца просить, надеючись на Вашу к себе милость, дабы я не был оставлен милостию Вашею, также всеуниженно прошу об дворянине, о котором Ваше сиятельство известен, а ежели тово не можно будет, хотя иного ково Ваше сиятельство пожалует, чтоб деревенщик мой мог править, нежели каким случаем не зделаетца, то конечно пропаду, понеже у меня человека ни одного нет, чтоб я мог приказать, а другое дело, что я всегда в отлучках и о своем предаю на Вас моего милостивого отца волю, как соизволите, так и учините надо мною по своей милости.

По нашему предположению Антон Днвиер просит адмирала в содействии поиска надежного специалиста, который мог бы успешно заведывать его имением, так как генерал-адъютант Его Величества «всегда в отлучках».

Копенгаген, марта в 27 день 1716 г.[1]

Письмо А. М. Девиера Ф. М. Апраксину.

Премилостивой мой государь и отец Федор Матвеевич.

Всепокорно доношу Вашему сиятельству, ныне указал его царское величество отправить карабль «Перло» в Лондон к капитану Бредалю, дабы без опасности мог от неприятеля идти. Также доношу, посылаетца отсюда шквадра датцкая в Норвегию, а именно 5 кораблей линейных, дабы неприятель не мог действовать, и притом же послылается транспорт, и на нем посажено 5 полков пехотных, которые ссажены будут в Норвегии. Шведы с войски своими обретаютца в Норвежии датцкой в лутчих местах в Крестьянии и Лаврика и контребуцию довольно с них берут, и говорят, что имеют войска от 12000 до 20000 и выживать его оттоле трудно, пока не зделают транспорт в тесном согласии своего с царским величеством, и то б чтоб сильно, около 50000, и тогда можно надеятца на всемогущего Бога, что мы тогда будем мир иметь в руках, и без того не принудим ево к миру. Даткой король зело слаб и удивительно, как он и еще держится по сие время, к тому ж ныне доход норвежской пропал, а приходило в нынешнею войну милион ефимков, и то ныне пропало, пока шведы там будут, и каким способом неприятель овладеет, и тогда я разумею, что

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126 Л. 92, 92 об., 93. Письмо от 27 марта 1716 г. было последним из переписки с генерал-адмиралом Антона Девиера во время его пребывания в Копенгагене. Переписка между Ф. М. Апраксиным и А. М. Девиером была возобновлена, когда последний стал генерал-полицмейстером Петербурга.

король датцкой принужден мир делать, от чего Боже сохрани. Также Бредаль писал ко мне, что он поедет из Лондона 20-го сего месяца и войдет в Норвежию, а именно в Афлекарь для тех двух караблей Гратцких команды Синявина, и потому сюда прибудет, и дай Боже счастливой путь сюда дойти. При заключении сего письма получил я здесь ведомость подлинную из Норвежии, что побили датчани шведов с 600 или с 1000 и магазин один зажгли и письма некоторые взяли нужные.

Вашего сиятельства моего милостивого государя нижайший слуга,
А. Девиер.

* * *

Санкт-Петербург, генваря 11-го числа 1720 г.[1]

Ответ генерал-полицмейстера А. М. Девиера на письмо Ф. М. Апраксина.

Сиятельный граф, милостивый мой государь,

Сего генваря 11 числа 720 году в письме Вашего сиятельства к нам писано, при котором письме прислана копия, что прислан де к Вашему сиятельству указ из военной и славной каллегии, в котором объявлено прошедшаго декабря 31 дня 1719 году по имянному царского величества указу велено Финляндского корпуса Азовского пехотного полку подполковника Якова Островского, майора Василья Мартынова, которые в прошлом 718 году ноября в 20 день по приговору на криксрехте за их вины сосланы были на каторгу на четыре года, и чтоб их с каторги свободить и быть им теми же чинами в том же Финляндском корпусе ...по тому Вашего сиятельства письму означенные подполковник и майор для свободы с каторги (в)зяты и для определения по указу его царского величества посланы при сем до Вашего сиятельства.

Вашего сиятельства всегдашний слуга,
А. Девиер.

Письмо генерал-полицмейстера А. М. Девиера к генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину. Санкт-Петербург, Генваря 19 дня 1720 г.[2]

Сиятельнейший граф, милостивой мой государь.

Понеже по имянному его царского величества указу имеет быть завтрешняго числа эксекуция над теми, которые в порубке заповедных рощей винились, и некоторые будут гиняны спицрутены, и еже-

[1] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 190. Л. 397, 397 об.
[2] *РГАВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 190. Л. 398, 398 об.

ли в том не будет какой перемены, для того соблаговолите Ваше сиятельство из адмиралтейскага баталиона или из других дать и приказать прислать к нам завтре в седьмом часу поутру и пятьдесят человек салдат, также и барабанщиков четырех человек для караулу оных колодников.

Вашего сиятельства всегдашний слуга,
А. Девиер.

Донесение генерал-полицмейстера А. М. Девиера генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину. Санкт-Петербург, Июля 20-го дня 1720 г.[1]

Сиятельный граф, мой милостивой государь.

Сего июля [июня] 28 числа в канцелярию полицымейстерских дел с Санкт-Питербургского острова от назирания порутчика Ягнетева присланы иноземцы три человека, в том числе цесарские земли города Прага лаковой мастер Яган Индрик Фандес, которой живет в доме Вашего сиятельства для работы, которые против вышеозначенного числа между собою выняв шпаги наголо, дрались и кричали караул, и как для взятья их пришли десяцкого стольника Дмитрея Андреева сына Бестужева Степан Обросимов с караульным салдатом, которой с Михаилом Алексеевым и хотели побрать их под караулу, и оные иноземцы шпагою оного десятника покололи в спину, а у салдата порубили руку, которые раны по осмотру в оной канцелярии и явны, а в допросе оной иноземец Яган вышепоказанной запирался того ради оной лаковой мастер Яган для учинения указа послан при сем до Вашего сиятельства.

Вашего сиятельства моего государя нижайший слуга,
А. Девиер.

Высочайшие распоряжения о строительстве и бытоустройстве Северной столицы, доводимые генерал-полицмейстером Антоном Девиером до исполнителей (1718–1724 гг.)

1718 апреля. Девиеру

1. Пора с уступами отделать столь долго сколь огород широк.

2. Внизу изрядить где часты в лесах роща те деревья, которые вымутца толстые сажать где голые листья есть в лесу, а тонкие оль-

[1] Там же. Л. 399.

ховые в двенадцать и в тринадцать суть отрубя сажать по косой дороге где ныне решетки.

3. Глину счистить, а мокрые листья и ямы заровнять и выпохать или инак как взороша землю ж посеять овсом.

4. Два пруда в Минажареи и два лужа около их гряды делать, а как сделать то теми людьми копать другие два прудка что у малого грота.

5. Канал этот который в земле скорее дочистить, дабы более глины в рощах не сорить.

Сие отдал Матвей Алсуфьев. Матвей в пятый день мая 1718 сказал что в ц.в. будучи в Петергофе такие пункты дал Девиеру арпеля в 22-м-23-м или 24-м числе[1].

25 мая 1718. Указ генерал-полицмейстеру [А. М. Девиеру].

1. Надлежит смотреть дабы всё строение было регулярно построено по Его Царскому Величества регламенту: печи, камины и трубы печные были бы по указу чтоб соседям от того какова вредства не учинилось. Також бы никакое строение за линию из линеи не строились, но чтоб улицы и переулки были равны и изрядны.

2. Наипаче смотреть, чтоб берега от реки и протоков были твердо по указу укреплены и в крепости содержаны, а также стоки с улиц к реке и протокам были твердо укреплены, дабы весною и в дожди землею не заносило и чтоб вода нигде не останавливалась, но всегда свою стечь имела всюду без остановки и в том иметь крепкое смотрение.

3. Надлежит содержать все улица и переулки в чистоте, дабы проезд был беструден были б сухи, свободны и не возобраны, дабы как проезжие, так и жители никакой трудности не имели и для выгода и чистоты чинили ему всякое вспомощение.

4. Шалаши не ставить,а становить далее, дабы этими шалашами в улицах не чинили утеснения и помешательства; также чтоб были в указанном месте и что бы зделаны хорошо и покрывались холстом, а рогож бы и иного тому подобного отнюдь не было, но было бы все чисто и хорошо.

5. Також опасно хранить надлежит в рядах и местах, а наипаче где столовые харчи продаются, дабы отнюдь нездорового какого съестного харчю не продавали, а паче вредительного чего всегда держали здоровое. Еще же смотреть и хранить с прилежанием, дабы

[1] *НИА* СПб ИИ РАН Ф.270. Письма и бумаги императора Петра Великого. Оп. 1. Д. 87. Л. 353.

была мера и весы прямые також бы и цену не в указанную пору таким товаром не возвышали и не поднимали.

6. Також в надсмотрении иметь чистоту улиц и переулков, рынков, рядов и местов и каждому жителю дать указ, дабы всяк пред своим двором имел чистоту и чистили и сор возили на указанное место, а наипаче надлежит хранить, дабы отнюдь на речку зимою не возили, а летом не бросали, так же засыпали под жестоким штрафом.

7. Когда на рынках или улицах случатца такие драки, и таких людей иметь и отсылать к их надлежащему суду с их допросами и делом.

8. По вся четверть года у жителей осматривать печи, камины, в поварнях очаги, бани и прочее, где огонь водитца и престерегать, дабы недосмотрением хозяйским какого бедства от пожара не учинилось.

9. Все подозрительные домы, а имянно: шинки, зерн, картежная игра и другие похабства и о таких дворах подавать изветы или явки и все велеть досматривать, дабы все токовые мерзости, от чего всякое злого и лихо происходит, были испровергнуты.

10. Всех гулящих и слоняющихся людей, а особливо которые под видом а ким бы чем промышляли и торговали, хватать и допрашивать. Буде же кто в допросе с словами своими несходен явитца, оных определять в работу, равно ж солержать с нищими, буде от оных кто работу сработать может, и тех ловить и определять в работу ж.

11. Таким накрепко смотреть приезжих, какие люди и чтоб всякий хозяин тотчас объявлял, кто к нему станет и какой человек. А буде устаит или непрямым именем скажет, таких хозяев с наказанием ссылать на галеру с отобраньем всего, что имеет; равным же образом и об отъезжающих (отъезжих) объявлять також и работников ежели который хозяин наймет кого из гулящих на работу, чтоб прежде дать знать о нем, дабы под тем видом не было какого беглого солдата или матроза и прочих.

12. Также со дворов определить караульщиков, дабы когда драка учиница или какой вор побежит, тогда караульщики с двора (или со дворов) онного поймать могли. Также когда пожар учиница скоряя сбежатца и потушить могли и для того надлежит им для воров какое-нибудь ружье, а для пожаров — ведры, топоры войлашные щиты, лестницы деревянные, трубы, а в некоторых зборных местах крюки и парусы и большие водоливные трубы и прочее иметь и чтоб караульщики по ночам ходили по улицам с трещетками как обычай в других краях. А для лутчаго способу к поиманию и к пресечению проходов воровских и про-

чих непотребных людей зделать по концам улиц шлахботы, которые по ночам опускать и иметь при них караулы с ражьем каким пристойно.

13. Для лутчаго смотрения всякого против сих пунктов неисправления надлежит определить в каждой слободе или улице старосту и к каждым десяти дворам десяцкого из тех же жителей и дабы каждый десяцкий за своим десятком накрепко смотрел, что чего не учинилось противного запрещению и ежели за кем, что усмотрит, о том тотчас объявлять старосте, а сему полицмейстеру, також учинить распорядок между жителями, кому и с каким пожарным орудием ходить на пожары.

В Петерберхе в 25 день мая 1718. Петр Указ Девиеру[1].

1718 мая 27. Девиеру.

Определили Вам въ ведение и упръавление генерала (в подлиннике «гененерала»* — П. Н.) полицыі мейхстера іо о томъ указъ в сенатъ дали, дабы вамъ в пребываніі вашего дела ісполняли, что надлежитъ, а какъ вамъ оное управълять, тому прилагаютца пункты при сем. В Петербурхъ Петр в 27 д. маія 1718 (Указ собственноручный)[2].

Копия

Указ генералу-адъютанту господину Девіеру.

Определили вам в ведение и управление дело генерала полицымейстера и о том указ в сенат дали, дабы вам в требовании вашего дела исполняли, что надлежит, а как вам оное управлять, тому прилагаются пункты при сем.

Петр[3]

1718 мая 27.

Указ генералу адъютанту господину Девиіеру.

Определили вам во введение и управление дела генерала полицемейстера и о том указе сенат дали дабы вам в требование вашего дела исполняли что надлежит, а как вам оное управлять тому прилагаютца пункты при семъ.

Подлинный подписан Его Императорского Величества рукою.

Петр.

В Петербурхе в 27 день маія 1718 г.

---

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 87. Л. 428.

[2] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 87. Л. 436.

[3] Там же. Л.437, 438.

Примечание — Указ о назначении представляется в 2-х экземплярах. Потому, что первый экземпляр дается с поправками Петра I, а второй — после исправления ошибок, допущенных Петром I[1].

1718 мая 27.

Копия с указу Его Императорского Величества данного господам сенаторам в 27 день 1718 году после редакции.

27 мая 1718. Об учреждении в С-Петербурге должности генерал-полицмейстера и о назначении на таковую генерал-адъютанта Девиера.

Господа сенатъ. Опъределили мы для лутчихъ порятковъ въ семъ городе дело генерала-полицмейстера нашему генералу-адъютанту Дивиеру и дали пункты, как ему врученное дело упъравлъять и еже против оныхъ пунктов чего от вас требовать будет, то чините. Так(ъ)же всем жителем здешним велите бубликовать дабы неведением никхто не отговаривался.

Петр.

27 д. мая 1718.

Указ собственноручный. Имеются пометы: на второй странице, внизу: «Подал он, господин Девиер, мая в 28 день»; на последней странице, внизу: «Сего две копии Елесов взял»[2].

Господа сенат. Определили мы для лутчих порядков в сем городе дело генерала полицымейстера нашему генералу алъютанту Девиеру и дали пункты, как ему врученное дело управлять и ежели против оных пунктов чего от вас требовать будет, то чинить также всем жителям здешным велите публиковать, дабы неведением никто не отговаривался.

Петр.

В Петербурхе в 27 день мая 1718.

30 января 1720 «О достройке домов в С.-Петербурге по берегу реки Невы вниз от почтового двора».

1720-го января в 30 день, великий государь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал: у которых по берегу Невы реки вниз от почтового двора построены под кровлю полаты, чтоб конечно в тех полатах построили к ны-

[1] Там же. Л. 438.

[2] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 87. Л. 439, 440.

нешней весне по два, или по три, или по одному покою и переходили в них жить, для того, что следующая от почтового двора к зимнему царского величества дому улица надлежит уже перегораживать в те дворы, когда повелено будет, а проезд иметь быть по другой улице, следующий от гавани. Также в тех набережных домах близ полат и во дворах вольно строить каменное строение. А ежели деревянное строить кому повелено будет, уступя от коль во дворы по двадцати, а не менши пятнадцати сажень, и при тех набережных полатах от реки конечно б все мосты, как надлежит, были ж помещены и ничем не заняты для свободного проходу. И о том тех домов жителем, также которые в той набережной линее полат еще не зачали строить, то и тем о помянутых местах и строении деревянном в указанных саженях в слышании и во исполнении по сему его царского величества указу объявить с приложением рук. Сей великого государя указ приказал записать генерал-полицместер, его царского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии капитан Антон Мануилович.

А. Девиер[1].

1720-го мая в 12 день.

Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал по именному своему Великого государя указу полковнику и лейб-гвардии капитану Ивану Прохорову на Санктпитербургхском острову у Ярославца посацкого человека Григория Меншинникова купить ему двор его невозбранно и на тот двор написать ему купчую у крепостных дел и когда вышепоказанная купчая ему Горохову на двор оного Меншинникова дана будет и ее для подлинной в книгу записки прислать в Канцелярию полицмейстерских дел а по прежде стоявшемуся его Великого государя указу прошедшего февраля 29 дня сего 720 году на двор которой было он Горохов сторговал на Амиралтейском острову Адмиралтейской конторы у бывшего писаря Ягана Рыхорца купчей не давать и о том что в Юстиц коллегию послать указ. Сей его Великого государя именной указ приказал записать генерал-полицмейстер его царского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии Преображенского полку капитан Антон Мануилович Девиер.

А. Девиер[2].

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 95.

[2] Там же. Л. 401.

1720, мая 16.

Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал по именному своему Великого государя указу при Санкт-Петербурхе объявить и публиковать указами понеже в прошлых годах именными же его царского величества указами запрещено при Санкт-Петербурхе купецким и другим всяких чинов людем имеющим на судах водяной промысел дабы им на барках и на других старых судах никаких материалов не возить, а возить бы на новоманерных судах для которой возки купецким людям розданы и хверсы, а другие для умножения торгов своих делают из своего кошту те вересы, но токмо теми судами за неудовольством нынче в войсках всяких материалов при Санкт-Петербурхе чинятца остановки и нынче его як Царское Величество милосердуя к народу государств своих указал за неудовольствованием тех новоманерных судов на старых судах а имено на барках и на романовках для возки всяких материалов иметь свободной ход в сем в месте с таким подтверждением, дабы оные барки и романовки, которые нынче в Санкт-Питербурхе тако ж которые и впредь прибудут для за орления и показания у кого тех судов сколко объявлять в портикулярной верфи, которыми по заорление иметь свободный ход для возки всяких материалов от Шлисельбурха до Санкт-Питербурха, а романовкам и до Котлина острова, а по Ладожскому озеру и в море и далее на них никуда не ходить токмо те барки в будущее осеннее время сего году объявить вышеуказанной партикулярной верфи, а романовки тою же осенью переделать кормы и носы новым манером по образцу, каков сделан в оной партикулярной верфи, которыми по переделке дано будет позволение ходить всегда невозбранно и при заорлении тех судов у тех людей о выше писанном брать сказки с подкреплением дабы они на тех судах дальше тех мест никуды не ходили и в будущее осеннее время все барки в партикулярный верфи объявили во время ходу в Санкт-Питербурхе их ставили в пристойных местах понеже напредь сего таковые суды не токмо порозяки, но и с грузом от них были поставлены на Неве реке и ко другим протокам и от их не смотрения потонули от чего по той речке и по протокам в удобных местах весьма ход труден являетца, а на других старого манера судах по прежним его Великого государя состоявшимся указом такие, которые будут не орленые и на тех судах никому не хо-

дить и брать их на его Великого государя а ежели оные люди будут противится сего его Великого государя указа и в том будут изобличены и за то же люди будут истязаны яко презиратели указу, а суда взяты будут на его Великого государя безденежно и впредь позволения на таких судах ходить будет никому не дано и о том с сего указа партикулярную верф послать копию. Сей его Великого государя именной указ приказал записать генерал-полицмейстер его царского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии Преображенского полку капитан Антон Мануилович Девиер.

А. Девиер.
Мая 16, 1720 году[1].

1720-го июня в 9 день.

Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, указал по именному своему Великого государя указу на Адмиралтейском острову по Неве реке, по берегу от мазанок светлейшего князя вниз по той же набережной линии во дворах ко второй линии и о той второй линии где казенный его царского величества прядилной двор и протчие Адмиралтейские заводы для опасения от пожарного случая никакого деревянного строения не строить, а строить каменные или заборы в столбы подбором по указу и о том тем жителям сказать указ с приклады-ванием рук а в команды с сего указа к офицерам послать копии. Сей его величества государя именной указ приказал записать генерал-полицмейстер его царского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии Преображенского полку капитан Антон Мануилович Девиер.

А. Девиер[2].

В 26 день января 1722 год.

К Девиеру письмо руки государевой. Копия.

Бил челом нам денщик наш Андрей Древнин что в Петер Бурхе из дому ево пожитки всякие воры покрали того для тех воров ищите прилежнее и как сищите то разыскивйте ими накрепко.

[1] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 404–405.
[2] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 475.

21.02.1724.

Указ генерал-полицмейстеру Девиеру о ссылке золотых дел мастера Реконтина в Сибирь на вечно жилье и об отправлении государевых собак в Москву.

Господин брегадир

Реконтина сошлите в Сибирь на вечное житье, а не высылайте, как говорено, при отъезде детей наших в Москву. Отправте туды же собак: Вельяна, Левину и Сабаку.

Петр

С Олонецких Петровских заводов, февраля в 21 день 1724 г.[1]

Написано собственноручно государем; указ был сложен пакетом и запечатан красного сургуча печатью, имеет следующий адрес: «Господину брегадиру и генерал-полицмейстеру Девиеру, в Санкт-Петербург»).

15 сентября 1720 г.

Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал по именому своему великого государя указу, которые при Санкт-питербурхе пойманы с поличным и приведены будут в канцелярию полицмейстерских дел воры из каких чинов таковыми ворами по усмотрению важности дела и вины скорого изыскания товарищей их к прекращению воровства, указанные розыски чинить в оной канцелярии, а после розысков тех воров с делами отсылать в Юстиц колегию и в прочие места куды надлежит. И сей его царского величества имянной указ записать в указанную книгу в канцелярии полицмейстерских дел.

А. Девиер[2]

1720 ноября в 16 день.

Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец указам при Санктпитербурхе публиковать с сего указа листами.

Понеже в прошлых 718-м и 719-м и в нынешнем 720-м годах по публикованным его царского величества указом повелено всяких чинов людям под штрафами и наказаниями по ночам в на указанные часы по улицам не ходить, а когда бывает нужда при себе иметь

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106/4. Л. 488.

[2] Там же. Д. 94. Л. 202.

огонь в фонарях и извозчикам и других чинов людям не на вздузданных лошадях не ездить и тем извозчикам становитца в удобных местах, нищим по Санктпитербурхе не ходить и милостыни не давать, а давать милостыню в указанных местах, но токмо по тем его царского величества указом многие являютца во оном в преступлениях. Того ради ныне паки подтвердить дабы всяких рангов люди чинили против сего указа когда шлахбомы ночью опустятца в такие часы знатных персон и при них служителей пропускать с фонарями без задержания, а без фонарей не пропускать. А из подлых в такие неуказанные часы разве кто за крайнею нуждою пойдет один с фонарем спрося у него по указу пропускать же а ежели два или три человека и более из подлых хотя и с фонарями пойдут и тех брать под караул, по указу же извозчикам и других чинов людям по прежнему ездить на взнузданных лошадях и тем извозчикам становица в удобных местах и содержать те места в чистоте тако ж которые приезжают с продажным сеном и с дровами и с прочим, с которыми становятся на рынках и продают и тем ставица на рынках в указанных местах порядочно, а в улицах и не порядочно отнюдь не ставица, чтоб от того помешательства в проезде и пешим никому не было. Имеющим охоту бегать на резвых лошадях в запуски или в заклад и тем людям такое бегание позволяетца чинить, выезжая в Ямскую слободу или по рекам где мало людей ходит, но и в тех местах осторожно чтобы кому повреждения никаково не учинить, а по улицам такого бегания отнюдь не чинить понеже от многолюдства по улицам тем беганием чиница многием повреждение.

Нищим по улицам и при церквах против прежних указов милостыни не просить и никому не давать и по улицам и не шататца понеже в таковых многие за леностми и молодые, которые не употребляются в работы и в наймы милостыни просят от которых ничего доброго кроме воровства показатца не можно; а ежели кто даст милостыну нищему будет с него взят штраф пять рублей, а кто пожелает милостыню давать и им давать в госпитали и в другие таковые подобные места а ежели кто против сего указу преступить и за то по важности вины и против прежних его царского величества указов будут штрафованы и с сего указа в надзирание к офицером для ведома и при ордерах дать копии и сей указ записать в книгу.

А. Девиер[1]

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 94. Л. 343–344.

1721-го августа в 16 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец, указом при Санктпитербурхе публиковать указами.

Понеже известно учинилось, что приезжие и отъезжающие иноземцы в Санктпитербурхе у обывателей забирают в долги деньги и прочее и не заплатя того и не объявя заимодавцам, взяв пасы[командировочные], отъезжают от чего те обыватели приходят в немалые убытки и разорение, того ради объявить в коллегии в которые надлежит, также в магистрат послать указы, когда в тех коллегиях и в магистрате иностранные иноземцы как приезжие, так и отъезжающие кто б какова звания не был, будут требовать себе для проездов пасов или пашпортов и не имея о себе известия или отсылать в те коллегие из полицмейстерской канцелярии и тех при даче пасов кому надлежит, обязывать скасками и подкреплением, что им по даче являтца в канцелярию полицмейстерских дел в тех числах и проживать в тех пасах и пашпартах. Ежели не будут в оной канцелярии явлены, и их на заставах без подписки из канцелярии нигде не пропустят. А по объявлении их публиковать: ежели кто здешние обыватели на тех людях имеют какие долги и о том объявят им в канцелярии полицмейстерских дел по публике конечно в три дни и кто явитца и те пасы одерживая, и иметь им в тех долгах суд, где надлежит. А буде в три дня никто не явитца, и те пасы подписав, отпускать тех людей без задержания. И сей его великого государя имянной указ записать в указанную книгу, а для опробации в правительствующий сенат с сего таков же взнесть при доношении.

А. Девиер[1]

12 сентября [1721] «О бытии в готовности всем лицам, участвовавшим в костюмах на свадьбе князь-папы Зотова».

Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец, указал по именному своему великого государя указу: всем, которые были на свадьбе у прежде бывшего князь-папы Зотова в каком убранстве, платье и чином, в таком же платье, и убранстве и теми же чинами каждому быть в готовности конечно сего месяца к двадесятому числу (т.е. за неделю со дня указа — П. Н.). А хотя из тех кто есть и во отлучении, то на

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 98. Л. 76, 76 об., 77.

место оных выбрать других и в том платье и убранстве в вышеписанному же числу были в готовности, и чтоб неведением никто не отговаривался, и о том публиковать указными листами. Сей его великого государя имянной указ приказал записать генерал-полицмейстер его царского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии Преображенского полку капитан Антон Мануилович Девиер.

А. Девиер[1]

1722-го октября в 28 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец, пожаловал бригадира Шувалова — указал по имянному своему великого государя указу, по прошению ево на Санктпетербургском острову в дворянской улице двор, которой прежде сего был князь Матвея Гагарина, со всяким при том строением, отдать ему — Шувалову, и об отдаче того двора ему - Шувалову писать к бригадиру и лейб-гвардии к майору Дмитриеву-Мамонову. И сей его Величества имянной указ в канцелярии полицмейстерских дел записать в указанную книгу.

А. Девиер[2]

1721-го декабря в 11 день его императорское величество пожаловал — указал по имянному своему императорского величества указу князь Михаила Княже Васильева, сына Голицына, которой на Адмиралтейской стороне в прядильной улице и куплен был ему, Голицыну из Адмиралтейства ценою в четыреста рублев со всяким дворовым и хоромным строением отдать во владение и землею лейб-гвардии Преображенского полку сержантам Тимофею Розмыслову, Григорию Трубникову, Андрею Змееву, Петру Ошуркову, и этот двор между ними разделить по равным частям, и по тому разделу учинить между ними жребий и кому которая часть достанетца, тому тем и владеть, и о том дать им данные порознь и об отдаче того двора в Адмиралтейскую коллегию послать про меморию. И сей его императорского величества имянной указ записать в указанную книгу.

А. Девиер[3]

---

[1] Там же. Л. 186.
[2] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 98. Л. 255.
[3] Там же. Л. 389, 389 об.

Октябрь 22 дня 1723-го.

Всепресветлейший державнейший император и самодержец всероссийский указал по имянному своего величества указу на Адмиралтейском и на Московской сторонах всякого звания обывателям кроме набережных линий и от Почтового даже от Галерного двора никому каменного строения по указу не строить. Сей его Императорского величества именной указ приказал записать бригадир и генерал-полицмейстер его императорского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии капитан Антон Мануилович Девиер и для ведомо в правительствующий сенат подасть при доношении, а в команду к майору Рыкунову при ордере сего указа послать копию.

А. Девиер[1]

26 декабря 1723 года.

Об устройстве для приезда императора с семейством особой светлицы при комендантском доме, на казенный счет.

Всепресветлейший и державнейший император и самодержец всероссийский будучи в новопостроенном комендантском доме, сего декабря 26 дня, указал: при том доме, для пришествия его величества с высокое ево фамилиею, зделать светлицу из казенного кошту. Сей его императорского величества именной указ в главной полицмейстерской канцелярии приказал записать брегадир и генерал-полицмейстер его императорского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии Преображенского полку капитан Антон Мануилович Девиер, и о постройке той светлицы от главной полицмейстерской канцелярии из казенного кошту каторжными невольниками послать к майору Рыкунову ордер. И сей его императорского величества указ записать в указанную книгу.

А. Девиер[2]

5 дня декабря 1723 году.

Всепресветлейший державнейший император и самодержец всероссийский указал:

На Адмиралтейском острову по набережной линии у жительских домов начиная от Почтового и до двора генерал-адмирала графа господина Апраксина к крыльцам сделать чугунные балясины с железными шестами по образцу на петровских заводах,

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д.104. Л. 141.

[2] Там же. Л. 499.

а нащет кабинета его величества и когда зделав привезут, раздать тем жителям сколько кому по препорции крыльца числом будет надобно и в какову те балясы с шестами цену станут, взяв с тех жителей деньги возвратить в кабинет, а сколько надобно балясов к тем домам и шестов какими метрами расположа половину домов крыльца с одним сходом, другую с двумя освидетельствовав и о том в кабинет секретарю Макарову писать и образцовую чугунную балясину взяв у служителя его величества Петра Машкова отдать Петровского з-дов лантрату Муравьёву с роспискою приложа для знаку печать. Сей Его Императорского Величества указ приказал записать бригадир и генерал-полицмейстер его императорского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии Преображенского полку капитан Антон Мануилович Девиер.

А. Девиер[1]

Собственноручное повеление Петра Великого генерал-полицмейстеру А.М. Девиеру.

1723 год, декабря 29[2].

Зделать выписки имянные другие короткие двумь мест то есть:

1. Что на семь острову за чаов от перспективой большой до галерного двора.

2. Что за мостом от перспективы ж внизь в коротких писать числом сколько каково чина кроме адмиралтейских служителей и которые по рекам. (Речь идет, как считаем, о количестве человек, которых следует поселить в этих местах — П. Н.)

Собственноручно внизу листа помета: въ 29 день 1723-го сия копия дана Антону Мануиловичу Девиеру того ж числа и велено ему о строении выписки зделать.

Указ А. Девиеру 2 сентября 1723 «О замене в Санкт-Петербурге постойнай повинности ежегодным денежным сбором с обывателей»

Понеже его императорскому величеству известно учинилось, что санкт- петербургским обывателем в постоях не без утеснения и убытков и беспокойства, того ради его величество указал для ведома всем обывателем объявить, чтоб подписались, кто сколько вовсе или повсягодно станут давать денег от уволения в постоях, дабы могли то усмотрить, сколько тех денег будет и возможно ли на те

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 104. Л. 421, 421 об.

[2] Там же. Л. 505, 505 об.

деньги для постоев квартиры построить и содержать, или чего не достанет, или пожелают сами собою для постоев по счислению за их покои постоев, квартиры построить на показанных местах и содержать по указу своим коштом, и в том им своеручно подписатца, которую подписку, учиня для расписания и исчисления на то строение той суммы будет ли, росписав, доложить его величеству. Сей его величествия указ приказал записать брегадир и генерал-полицмейстер его императорского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии Преображенского полку капитан Антон Мануилович Девиер. И для посылки сего указа к подписке учиня копию послать при ордере к майору Рыкунову, которому велеть всех островов в надзирание определённым афицером обывателем, с подписанием их рук объявить.

А. Девиер[1]

* * *

1723, октября 10.

1723-го года октября 10 дня его императорское величество всемилостивейший государь в бытность свою в Шлютельбурхе указал своего величества всемилостивым указом ежели кто в домах своих сени будут делать с потолками, чтоб подмазывали у них потолки также, как у жилых покоев подмазывать указом повелено, а по старому, как прежде делывали сего того чинить не указал и о сем для ведома в Сенате при доношении с сего указа сообщить копию. Сей его Императорского величества имянной указ приказал записать бригадир генерал-полицмейстер его императорского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии капитан Антон Мануилович Девиер.

А. Девиер[2]

1723 г. декабря 29.

Всепресветлейший, державнейший император и самодержец всероссийский, слушав вышеписанные докладные выписки, указал: По сим прежде составленного и в народе объявленного его же императорского величества имянного указу мая 26 дня 1720-го году, в котором тогда изображено было, дабы на Адмиралтейском острову и за речкою Мью объявить всякого ранга людям, кроме морских и адмиралтейских служителей, у которых дворы на оном острову есть и кроме вышних персон и набережных домов по Большой Неве

[1] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 104. Л. 18.

[2] Там же. Л. 107.

реке и по речке Мье, чтобы они хоромное строение с мест своих сносили и строили на Васильевском острову и о том требовали мест по неже на Адмиралтейском острову и за речкою Мьею на оных местах надлежит строитца адмиралтейским служителям и теми местами удовольствовать прежде подлых адмиралтейских служителей, у которых к ломке по вехам пришли дворы, а потом и прочим отдавать такие места челобитчикам адмиралтейским же служителям, которые будут требовать своих мест. А ежели за тем его императорского величества именным указом кто учинитца ослушень и вскоре место не считать, и то их строение будет сломано, о чем многократно об оном наперёд сего был приказ, и ежели в скорости таких дворов не снесут, и оное строение взято будет на его императорское величество. И ныне в исполнении оного его величества указу сим его же величества имянным указом следующим образом объявить, которые на Адмиралтейском острову и за речкою Мьею кроме набережных по Большой Неве рекою и по речке Мью домов другие имеются на оном Адмиралтейском острову и за рекою Мьею внутри улиц построившиеся деревянным строением кроме каменных домов и мазанок и кроме адмиралтейских и морских служителей, которые не имея пропорции указанного числа душ за собою, с которых им должно кому на Васильевском острову строитца, также кроме священников и причетников местных Исакиевской церкви, другие всякие разночинцы каждого ранга, в том числе Адмиралтейской коллегии с присудственными канторами, секретари и другие той коллеги, и контор служители до подканцеляристов на том Адмиралтейском острову и за Мьею речкою имеют дворы, тем хоромное свое строение с тех их мест снести и места очистить к указанному термину, а именно июня к тринадцатому числу сего 724 году неотменно ибо по императорскому его императорского величества именному указу 720-го году мая 26-го дня тем разночинцам на том острову и за речкою Мьею жить запрещено и о сносе хоромного строения и об очистке оных мест объявлено было неоднократно, и время минуло довольно, а именно три года и одиннадцать месяцев в чём бы могли они бес помянутой трудности исправица, но токмо и с тех разночинцев некоторые по тому его величества милостивейшему указу не исполнили, чиня тому его величества указу преслушание. К тому же и после переписных книг 718 году дворы за коими написаны адмиралтейским и морскими служителями были, а после того по описи и свидетельству Главной Полицмейстерской Канцелярии через офи-

церов 1721 и 1722 годов несколько дворов явилось через перепродажу и от адмиралтейских же служителей и за другими разночинцы, которым на оном острову за речкою Мьею и жить не подлежит за запретительными о непродаже дворов его величества указами 719 июня 30, 720 июля 4, декабря 10 числа видим, что между собою тайно чинили, которое в противность и в преступление его величества указу, а, секретарям и другим той коллегии и канторным служителям, о которых выше показано должны жить на Васильевском острову: понеже и Адмиралтейская коллегия определена быть на том острову. И помянутые места очистя, раздать под селитбу адмиралтейским и морским служителям подлым не имеющим… на Адмиралтейском острову за речкой Мьею своих дворов, понеже оные подлые за поселением на том Адмиралтейском острову разночинцов претерпевают немалую нужду и в местах недовольство, о чем его императорскому величеству должно известно. Также на Московской стороне, кроме набережных домов и кроме артилерных подлых служителей и дворцовых и конюшенных их величеств служителей же и партикулярной верв[ф] и служителей симеоновской церкви местных священников с причетники, живут другие разночинцы, в том числе секретари и подьячие до подканцеляристов тем строение свое с тех мест снесть и те места очистить в артилерных линиях под селитбу артилерным служителям подлым, а кроме оных линей также и кроме гвардии на полки показанных особых линий, а именно, которые дворы имеютца близко к партикулярной верфи, те места очистить к той верфи подселить верфи под селитьбу, той верфи служителям, а во-первых, подлым и прочим той верфи служителям же кому по указу надлежит. А которые места от той верфи отошли, те очистить под селитьбу двора их величеств дворцовым и конюшенным служителям где оные дворцовые и конюшенные жительством умостица могут и те места конечно им распозначать на той московской стороне, хотя кто и указанного числа за собою душ не имеет, очистит и по сему его величества указу исполнить к указанному термину в 1725 году неотложно, как его императорского величества имянной прежде состоявшейся и в народ публиковано указ января 28 дня сего 1724 году повелевает… А ежели кто сему Его Императорского Величества имянному указу к помянутым указным терминам, как на Адмиралтейском острову, так и за Мьею речкою, июля к тридесятому числу сего 724-го году, так и на московской стороне в 725-ом году не исполнять, и у тех преслушников, после тех указаных терминов,

дворы их от полицмейстерских дел сломать по указу почвы безразборно, или взять их его императорское величество и сверх сего с ними поступлено будет с штрафами по указу. И для лутчаго известия в памянутые каманды адмиралтейскую, алтилерную, в гвардию и в дворцовую в конюшенную и в партикулярную верфи послать промемории, чтобы ис тех команд оным служителям, кроме гвардии полков солдат прислать имянные списки, кому места должно отвести, и по скольку каждого ранга длинника и поперечника сажень, и в тех командах запретить его императорского величества указом служителям с подписанием под указаным штрафом, дабы впредь отнюдь никто ни под каким видом другим разночинцам дворов своих не продавали и не какими переводами не укрепляли, а когда те ведомости присланные будут, тогда раздачу тех местам учинить от главной полицмейстерской канцелярии. А буде же кто из помянутых разночинцов, кому повелено выше означенные места очистить в том числе и лейб-гвардии полков афицеры и прочие, которые, хотя и не имея за собой указанного числа душ, також и Адмиралтейской коллегии коллежским и конторским служителям от канцеляриста и ниже, а пожелают на Васильевском острову строитца и тем не воспрещаетца, но токмо б требовали тех мест заранее, покаместь оной Васильевский остров строением не исполнился: ибо кроме того острова, разночинцам мест отводить нигде; и лейб-гвардии солдатам, кому помянутые дворы повелено сносить на показанные им полковые места и строитца им там по указу. Також которые имеют кроме Васильевского острова в других местах каменные или деревянные домы набережные и внутри улиц; а должно им строитца на Васильевском острову с пропорцией числа душ, за ними обретающимися, тем о строении на оном острову по той пропорции чинить как его Императорского величества именной указ опубликованной сего 724-го году января 28 дня, повелевает неотложно. И о вышеописанном при Санкт-Петербурхе публиковать, дабы исполняли и впредь никто не ведением не отговаривался. И сей его Императорского величества именной указ в Главной полицмейстерской канцелярии записать в указану книгу.

А. Девиер[1]

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106/4. Л. 460–466.

Января 14 дня 724-го году.

Всепресветлейший, державнейший император и самодержец всероссийский указал по императорского своего величества указу кроме адмиралтейских и морских служителей, как из шляхетскова внутри живущие на Адмиралтейском острову и за Мьею рекою из тех взять скаски по душам сколько за ком есть крестьян мужского полу, а буде того сказать не знают, то хотя за ком есть крестьянских дворов по переписным книгам 186-го году: чем ради о таких дворах выписав из переписных книг и в команды при письмах посылать именные реестры. Також которые не из шляхетстства и не имеюшие крестьянства и не адмиралтейские служители, о таких взять письменное изволения у майора Рыкунова и в такой же сие учинить и о других островах, кроме Васильева острова, выключая из того артилерских и Артизанных також кроме дворцовых служителей. Сей его Императорского величества указ в главной полицмейстерской канцелярии приказал записать бригадир и генерал-полицмейстер Антон Мануилович Девиер. И затем к оному господину майору Рыкунову послать ордер и сей указ записать в книгу.

А. Девиер[1]

1724, января 1-14.

С 1718 года Меншиков стал президентом Военной Коллегии. Следствие над Меншиковым, учрежденное тотчас после суда над Шафировым, обнаружив его злоупотребления, обнаружило вместе с тем, что главные средства к непозволительному обогащению Меншиков почерпал из Военной Коллегии. Наложив 200 тысяч рублей штрафа на Меншикова, [император] Петр лишил его звания президента Военной Коллегии, вызвал Репнина для занятия этой должности.

3 января 1724 года Петр Великий писал Репнину: «Господин генерал, когда Вам будет легче от болезни, приезжай сюда и буде не можно в семь месяце, то хотя в первых февраля. Суперинтенданту Бриску объяви чтоб он ныне сюда приехал. Петр. Из С.-Петербурга, января в 3 день 1724. (Подано с почты января 1724, в Риге)[2].

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106. Л. 73.

[2] Там же. Д. 106/1. Л. 1.

5 января 1724 года.

Всепресветлейший и вседержавнейший император соизволил усмотреть, что у каторжных, которые присланы в вечную работу, ноздри выняты малознатни, того ради изволил его величество указать: во всех местах, где надлежит и которых в каторжную вечную работу присылают вынимать ноздри до кости, дабы когда случитца таким збежать, чтобы везде утаица было не можно, и для лутчей поимки были заметны или (знатны); так же которые ныне есть при каторжных дворах такие же невольники, учинить тож. И во исполнение сего его Императорского величества указу и о посылке его величества указов, куда надлежит, в правительствующий Сенат подать доношение. И сей его императорского величества указ в Главной полицмейстерской канцелярии записать в книгу.

А. Девиер[1]

14.01.1724-го.

Об отсылке в канцелярию над строениями приговоренного за убийство в каторжную работу француза слесарного мастера Гильома Белэнь, для обучения рабочих слесарному мастерству.

Всепресветлейший и вседержавнейший император всероссийский указал: прежде присланного из государственной коллегии юстиции иноземца француза слесарного дела мастера Гельом Белэна, который прислан был в минувшем 1723 году мая в 24-м числе за смертное убийство в каторжную работу, от той работы учинить свободна и отослать ево в канцелярию над строениями, в команду директора Синявина и быть ему тамо под караулом, чтобы он не ушол и обучать слесарному своему мастерству оной команды людей, сколько надлежит, и того ему, директору, смотреть самому, дабы оные обучены были добрым мастерством, как надлежит, и для того кормить ево француза из оной команды, чем бы мог он пропитатца, и об оной свободе от каторжной работы к майору господину Рыкунову ордер, а во оную канцелярию промеморию послать. Сей его императорского величества имянной указ в главной полицмейстерской канцелярии приказал записать бригадир, генерал-полицмейстер, его императорского величества генерал-адъютант и лейб-гвардии Преображенского полку капитан Антон Мануилович Девиер.

А. Девиер[2]

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106. Л. 30.

[2] Там же. Д. 106/1. Л. 85.

13.01.1724 г.

Всепресветлейший, державнейший император и самодержец всероссийский, слушав докладной выписки, указал бывшего Григория Племянникова послуживца Степана Павлова сына Болтунова, которой содержитца в московской полиции под арестом в блудном деле з девкой Авдотьевою Лопухиною, написать в солдаты и для определения в тое службу отослать в Москву военной коллегии в контору с промемориею понеже он по следствию дела, явился оную полицию не крепостной о чем сын ево, Петра Племянникова человек Андрей Куликовской скаскою показал, что де отец ево Болтунова, жил из оною Племянниковой по отпускной, а оной, де Степан в той отпускной написан ли не и да де отпускная а пожить... Лопухина взята в канцелярию, а куды не знаеь [трудно прочесть. — П. Н.]. И хотя б оной Степан и написал бы имянно и та отпускала ему Племяннико-ву в крепость понеже же его Императорского величества указом по отпускным в домах людей держать запрещено, а повелено объявлять и писать в солдаты, за что оной Племянников подлежал указанном штрафа. А что он, Племянников в челобитье на него же объявлял, что де он бы жил и в Москве у двора ил от обозу отбил брата своего и чтобы о том разыскать и тому челобитную вскрыть и разыскивать не подлежит для того по Уложению двадесятой главы седьмой на ?? статьи.

Предложено: буде вольные люди у кого живут в холопстве добровольно без крепости пойдут от них прочь отказом или без отказу и те люди от кого пойдут они начнут на них искать снова, хотя их так же у себя удержать и им не тех людей, которые от них отойдут в снова...не давать для того, на что он холопу верил и у себя держал без крепости. Да и по следованию оного дела помянутой брат ево Иван Болтунов допросом показал, что ему такого отбою не бывало а приехал он собою явиться генерал-майору Чернышову для записки и назначения в солдаты. Что же помянутая Авдотья Лопухина допросом показала тому де, третий год стала любить и живет она с оным Болтуновым, и он де ее растлил в подмосковсной вотчине мачехи ее вдовы Марвы Лопухиной и от него очереватела, имела ево себе за мужа и хотела за него и замуж выйти по неже вельми ево любила и других любить не хотела. Да она же Авдотья в прошениях за своею рукою написала в первом: приведена она со оным Болтуновым в блуд после двух лет, а жила с ним потом третий год и родила от него сына Александа и крещен был и умер своей

смертию и погребен у церкви Николая Чудотворца, что стоит в Кобылском и ныне де она от него же еще чревата.

Во втором: погрешила, де, она с оным Болтуновым хотя за него выйти и от него чревата в другой раз, и в том грешна она пред Богом, и в вине ее водя его императорского величества, и чтоб выписать из правил святых отец и из имянного его величества указу, которой о законном браке, и указ учинить. И в правилах святых отец в главизне царя Леона и Константина о растлевании девицу бесгодования ради на листу пять сот седьмом на десять, в пятом надесят стате написано: примпоивыйся к девице изволению девицы и сведением же родителю ее последи же у ???, и аще хощет пояти хощета же и родителю ее да будет совокупление. И в имянном его Императорского величества указе и в военном артикуле, состоявшегося в 1719 году в двадцатой главе артикуль сто семьдесят шестой написано: ежели кто з девкою пребудет или очреватить ее под уговором, чтоб на ней женитца, то он сие содержать и на чреватой женитца весьма обязан. Того ради по сим правилам святых отец и оного его величества имянного указу соизволит его императорское величество помянутой Авдотье Лопухиной, по желанию ее итти за памянутово Болтунова замуж поизволить: понеже оное блудное дело между ими было по полюбовному согласию без умышленной злой притчины, о чем явно, что помянутной рожденной младенец крещен, и несколько дней был жив был, и умре, и погребен у церкви и оными он не умерщвлен, в чем имеется явное свидетельство в деле, также и минувшего же 1723-го году, декабря 3-го дня по присланной выписке из московской полиции, объявлено, что де оная Авдотья Лопухина и ныне родила дочь, прижитую с оным же Болтуновым: того ради оное блудное между ними дело [каковы предрассудки - губили людей] в важность не принимаетца. А другим таким же знатных фамилий помянутой брак не в образец ибо оная Авдотья Лопухина родителей - отца и матери - не имела, но живучи у мачехи в доме погрешила, от чего без родителей в благочинном житие содержать ее было некому. А на брата своего Федора Лопухина и на тетку их Арину Шереметьеву она прошениями показала свое мняние.

И для того ее Авдотью из московской полиции учинить свободну и для внесения их в московскую духовную дикастерию писать. А которые ее Авдотьи Лопухиной алмазные вещи и прочие пожитки в оную канцелярию с нею принесены и содержатца под караулом, и оное все сполна по имянной описи при свободе отдать ей Авдотье с распискою

не мотчав, ибо те вещи наперед сего по имянному императорского величества указу ис тайной канцелярии собственно после матери отданы ей Авдотье Лопухиной, а брату ее Федору Лопухину даны вотчины, и до того движимого ее имения ему брату ее делу жить.

А что в тех же ее пожитках имеютца взятые у иноземцев и разных чинов у людей закладные данные от нее Авдотьи вещи, а деньги токмо...заемные от нее Авдотьи не заплачены, и те вещи до заплаты оных денег имеет в оной канцелярии, и оные деньги и с процентами объявленными допросом ее или обыкновенными взять с нее Авдотьи, отдать тем людям без волокитно с расписками и письма ее данные на те заклады, взять у тех людей, отдать ей с распискою. А когда оные денги и с процентами тем людям отданы будут, тогда же и достальные вещи отдать ей же Авдотье Лопухиной и по тому же с распискою. А со оных вещей и пожитков отдачи, справясь с указами его величество буде что надлежит взять указанные пошлины и записать в приход по указу и рапортовать о том в московскую полицию послав указ, а в правительствующий Сенат с сего его величества именого указу для ведома подать дополнение. А которых по взятию с нею Лопухиною при описи не явилось, и о тех сыском следовать без упущения и посылку отдать ей же Лопухиной с распискою. Также у кого оной Болтунов в Москве жил без объявления и без записки и о тех людях поступать по силе его императорского велиества прежде состоявшихся указов неотложно. А что она же Лопухина в прошении своем показала на брата ее Федора Лопухина о взятье пожитков ее кроме вышпоказанных из дому дяди их Василия Шереметьева, и в том им меж себя ведаца допросом. И сей его императорского величества указ записать в книгу 13-го дня января 1724-го году.

И военной коллегии отписать о принятие оного в солдаты.

А. Девиер[1].

Антон Девиер в переписке с Екатериной I в связи с болезнями ее детей и племянников

Письмо А. Девиера к Екатерине I о здоровье ее дочерей и племянника Петра Алексеевича от 1 марта 1724 г.

Всемилостивейшая Государыня императрица Вашего Императорского Величества всемилостивейшее писание от подмарциамнвих

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106. Л. 60, 60 об., 61, 61 об., 62, 62 об., 63, 63 об., 64, 64 об.

от 11 марта посланное и притом Ее Величеству государыне-царевне Наталии Петровне писано и справно получены и оное Ее Величеству письмо вручено, стомне в письме изволит Ваше Величество предлагаеть, что по наимилостивейшему Вашего Величеств указу, который по отбытии Вашего Величества я имел по данной челобитной служителей Вашего Величества от шлахбомских пара улев и постое и поныне не уволила, о чем Вашему Величеству всеподданнейше доношу, что я в том не винен ибо тогда по попцелярскому обычае в протоколе Вашего Величества у них записал, но усмотрел, что в той челобитной, которая записана им величеством некий написаны но малое число, чего ради для лучшей им пользы, чтоб никто не был прописан и тем против своей брат и обе...

На другой день или на третий по отбытии Вашего Величества во дворец в Канцелярию писал, чтобы от всех тех которые в походе дали ведомость то им они не присылали, однакоже ныне по Вашему Величества указу которая в челобитной написана от караулу и после уволена.

Притом Вашему Величеству рабски доношу, что Ее Высочество государыня царевна Наталия Петровна и великий князь с сетрицей за помощие всевышнего обретаются в добром здравии и при сем письма донести его величества за собственным своим подписанием послать изволили.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.

Всемилостивейшая государыня императрица.

Прежде сего Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доносил, что их императорское высочество Государыни царевны изволят путь свой воспринять в Москву в четверг, толико их высочество тот же день еще здесь и с помощью божию заутрене то есть в пятницу изволили шествовать до царской мызы; и тут были до 11-го часу по полудню и до того часу провожал великий князь. Помеж когда отъезжали ее высочество отсюда он стал плакать и просится сопровождать и сего ради их высочество до царской мызы ему провожать приказала и проводя их до той мызы там же ночевала и наутро сюда счастливо прибыла; а их высочество путь свой воспринял благополучно.

При том же Вашему Императорскому Величеству рабски доношу, что ее высочество всемилостивейшая государыня цесаревна Наталья

Петровна и великий князь с помощью божиею обретаются в добром здравии и часто о вашем величестве вспоминают, что спорили и радовались... гостинца привезут, о чем мы всегда доносим, что скоро прибыть изволите.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер
3-го дня марта 724 г.

Всемилостивейшая Государыня императрица!

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше раб сие доношу о сему что ее высочество всемилостивейшая государыня цесаревна Наталия Петровна и великий князь с помощью Божиею обретаются в добром здравии и охотно всегда во учении пребывают.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.
6-го дня марта 724 г.

Всемилостивейшая Государыня императрица!

Вашему Императорскому Величеству всемилостивешей Государыне...доношу, что ее императорское высочество всемилостивейшая государыня цесаревна Наталия Петровна и великий князь с сестрицею за помощью всесильного обретаются в добром здравии; и при сем письме за приписанием собственных своих ручек до вашего величества послать изволили; и все здесь благополучно. При том вашему императорскому величеству и о сем раба...доношу, что его высочество великий князь упоминать изволил мне и приказал просительно до вашего величества писать, чтобы соизволили приказать прислать к нему 12 фузей с штыками и шпагами для обучения.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.
8-го дня марта 724 г.

Всемилостивейшая Государыня императрица!

Письмо Вашего Величества марта от 5-го числа их императорским высочествам писанное исправно получено; на которое вашему

величеству при сем ответствуют приложенными письмами и за помощию всемогущего обретаются в добром здравии, и во всем здесь суть благополучны.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.
9-го дня марта 724 г.

Всемилостивейшая Императрица!

С покорностью моею Вашему Величеству доношу за помощью всевышнего и Ее Высочество моя всемилостивейшая Наталия Петровна и великий князь и великая княжна обретаются в добром состоянии при котором их высочество пожелали приказать отправить письма до вашего Величества за их собственным подписанием, при том доношу что здесь весна зело приятно и тепло и снегу на по улицам нет; а ежели так продолжится оное тепло и дождливо на дворе траве быть вскоре. О прочем по известию вашему величеству доносить более не имею, токмо делаю от всего сердца моего, дабы всего вашего намерения после которого ваше величество желать бога исполнено и к нам прибыть.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.
Марта 15, 724 г.

P.S. Надеемся, что Вашему Величеству небеизвестно, что квартирмейстер Рулев умер и пол мыл Ефрем, которому приказано было в доме Вашего Величества верхние палаты в топлении

Всемилостивейшая Государыня императрица!

Всеподданнейше вашему императорскому величеству доношу, что Ее высочество государыня цесаревна Наталия Петровна и великий князь с сестрицею за помощию вышнего обретаются в добром здравии. Токмо часто о вашем величестве упоминать изволят. А великий князь и великая княжна позволили писать по-немецки письма собственными своими руками из которых изволит усмотреть, кто лучше писал. И изволить о том отписать особливо письмо на то имея соблагодейственном дабы могли впредь наилучше писать и читать и друг другу будут ревновать и от ревности лучше станут и охотнее писать... и еще с покорностью доношу мнится для лучшей славы

имени Вашего величества и тому время но когда с божею помощью изволили принять коронацию дабы в здешнем городе и Кронштадте морским и сухопутным служителям и корабельным мастерам здесь оставшимся зделать им банкет или что иное чтобы о нас двейство было тогда нам вышепомянутая радость будет. К тому же наилучше мне, чтобы небольшой зделать и фейерверк.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.
16-го дня марта 1724 г.

Всемилостивейшая Государыня Императрица!

Всеподданнейше вашему императорскому величеству доношу, что за помощию Божиею их высочество обетают в добром здравии. Притом же доношу что их высочество изволила написать письмо, которое посылаю при сем до Вашего Величества, а великий князь и вашая княжна написали письма все собственными их высочества руками в которых изволите увидеть в учении их прилежность.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.
Марта 23 1724 г.

Всемилостивейшая Государыня Императрица!

После последнего моего известия величеству от 25-го сего текущего, ныне явилася у великой княжны воспа и по всему наполнено и стала волноваться и по свидетельству господина доктора по опасению ничего не признали, а великого князя за помощью божию не явилось иной болезни кроме кашлю и то самой малой, а ее высочество графиня цесаревна Наталья Петровна, у великого князя этой болезни не имеется. Поздравляет Девиер с наступающим Христовым воскресением. Ее и Его Императорское величество и всю освященную фамилию.

При этом предлагаю Вашему Величеству при сем письмо от их высочеств за собственным их высочества ручкой подписанием.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.
Марта 30, 1724 г.

Всемилостивейшая Государыня Императрица!

По всеподданнейшей моей должности вашему Императорскому величеству доношу, что Ее Императорское Высочество всемилостивейшая цесаревна Наталия Петровна их высочество великий князь с сестрою Его за помощью божею обретаются в добром здравии и во всем здесь благополучии. Токмо великую княжну обнадежить также болезнь тому уже одиннадцатый день в которой опасение было страху, но слава всевышнему «страх уже миновал» из чего можно надеяться, что на нашей стороне болезнь скоро прекратится.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.
2.04.1724 г.

Всемилостивейшая Государыня Императрица!

С моею должностию доношу, что императорское высочество цесаревна Наталия Петровна и великий князь за помощью всевышнего обретаются в добром здравии, а великая княжна еще ольна, токмо предпрежне дням есть легче и оспа стала подсыхать на лице и всевышний...да поможет от оной тягости, от болезни освободить вскоре, впрочем здесь время обстоит неспокойно во всяком смятении, а река Нева зело худа и не ездят через ее понеже караул поставлен и надеюсь сего дня в ночи или завтрашнего дня пройдет, понеже сие прошла до новый двора и от оной до главнго (неразорчиво написано 2 строки).

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.

При сем случае имею дерзновения вашему Императорскому величеству поздравлять с торжественным днем рождения Вашего Величества тоесть завтрашнего числа, да сподобить всевышний бог много таких лет препровожать со всемилостивейшем Императором и Государем и со всемилостивейшею вашего Величества фамилиею.

12 дня апреля 1724 г.

Девиер доносит о протекании болезни: Наталия Петровна, так же великий князь «в полном здравии», а великая княжна от болезни

скоро станет ходить. Письма написали своей рукой высочества великий князь «изволил все грамоту своею рукою написать»

«Вашему Величеству моей всемилостивейшей государыне премного благодарен, что изволили писать и с благодарением в том, что я уведомляя ваше величество о состоянии здоровья их высочества, на что я повинен с охотою всегда уведомлять письменно не упуская время на чтоб мог паки получить ...от вашего Величества письменною упоминаемую милость.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер[1].
Апреля 23-го, 1724.

Всемилостивейшая Государыня Императрица!

Со всеподданейшею моею рабскою покорностью (так начинается первое письмо, после того, как Екатерину Алексеевна похвалила Девиера. — П. Н.) Вашему Императорскому Величеству доношу, что Ее императорское высочество всемилостивейшая государыня Цесаревна Наталия Петровна и великий князь с сестрицею...обретаются в добром здравии. И при сем Ее императорское высочество...цесаревна Наталия Петровна с подписанием своей ручки, а великий князь и княжна собственные своих ручек писания до Вашего Величества со усердным желанием послать пожелали.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.

P.S. — обстоятельство же здесь времени: вчера и ныне обстояли дни изрядные, солнечные, токмо утренники бывают гораздо холодные.

Мая 19-го 1724.

Девиер в письме Екатерине описывает проведение в столице празднования Ее Величества коронации.

«Всемилостивейшая Государыня Императрица Вашему Императорскому Величеству...доношу вчерашнего дня [18 мая 1724 г. — П. Н.] поутру в 8 часов подпорутчика Юшкова за собственною Его Императорского Величества рукою Указ, о всенародной вашего величества

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106. Л. 190, 190 об.

коронации получил и как учинить для сей радости в Летнем Вашего Величества доме Ассамблею, и того дня за краткостию не исправил того учинить, токмо о сем публиковали; а сего дня по окончании благодарственного о том молебна с крепостей пальба была из пушек из...ружья трижды и было в строю солдат с пять тысяч и намерены их высочество в церкви быть, но не были, за тем что ветер был холодный и противный, и с трудом на верейке было ехать, а после обеда их высочество присутствовали на Ассамблее в Галерее в 3-м часу по полудню, и тут были все знатные, и гораздо веселились и оттуда перешли в город и там по всем местам где надлежит столы были и питья довольно и фонтаны действовали, а солдатам бывшим в строю по указу Ее высочества Государыни Цесаревны на лугу были выставлены с питьем бадьи, и там все довольно веселясь развлекались, ушли по своим домам за полночь, и так сие торжество щастливо окончилось.

Вашего Величества моей всемилостивейшей Государыни
нижайший раб.
А. Девиер.

От детей 19.05.1724 тоже было письмо Екатерине, которое примерно такого же текста, но короче. Подписали дочери и внуки: Наталия, Петр, Наталия. [Письма от детей императрицы в архиве не оказалось. — П. Н.]

Примечание. Около 12 писем А. М. Девиера к Екатерине удалось нам выявить в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Они позволяют нам более определенно утверждать о близости А. М. Девиера к царскому двору. Знакомясь с текстом этих писем, читатель может достоверно убедиться насколько царская семья Петра Великого считала А. М. Девиера своим близким подданным, доверяя ему даже своих малолетних детей. Как видим, Девиер, помимо обязанностей сугубо генерал-полицмейстерских, выполнял множество личных поручений царской семьи[1].

[1] *НИА* СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 687. Л. 150, 150 об., 151, 154, 158, 160, 168, 170, 178, 182, 184, 186, 188, 190, 190 об., 192, 196, 198.

Переписка генерал-полицмейстера Петербурга А. М. Девиера с вице-адмиралом К. Крюйсом (1718–1722 гг.)

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 16.07.1718 г.

Жалобы обывателей на людей конторы генерал-полицмейстера Антона Девиера.

Вице-адмирал К. Крюйс сообщает в полицию, что приходят к нам все адмиралтейские мастеровые люди и жалуютца, что из канцелярии генерала полицмейстера господина Девиера приходят к ним на двор салдаты и берут жен их и детей и держат под караулом из-за того, что мастера не работают на мощении каменных мостов; оные мастеровые люди всегда в адмиралтействе на работах и оных мостов мастить им некогда, а нам о том резолюции без Вас не можем никакой учинить. Прошу Вас прикажи о сем учинить Ваше превосходительство резолюцию, или о сем царского величества изволишь доложить, и что указано будет прислать к нам известие не умедля, дабы оные люди напрасно не разорились и б работы не встали[1].

Архивные документы убедительно свидетельствуют о многократном возмущении обывателей на столь «рьяное» исполнение личным составом своих полицейских обязанностей с первых же недель деятельности полицейской канцелярии во главе с Антоном Мануиловичем Девиером. Особенно поток групповых жалоб обывателей был вызван применением к ним насилия со стороны полиции по мощению мостовых города[2]. По нашему мнению это было вызвано подготовкой к празднованию 15-ой годовщины со дня основания Петром I Санкт-Петербурга.

* * *

Превосходительный господин.

Прошедшего июля 19 дня в письме Вашего превосходительства ко мне написано, наперед сего посылано было в большую кузницу, которая при адмиралтействе каторжных невольников посеми десять и поосми десять человек на день, а ныне не присылаютца; и на оное

[1] *РГАВМФ*.Ф. 234. Оп. 1. Д. 33. Л. 31, 32.

[2] Только в канцелярию вице-адмирала К. Крюйса от адмиралтейских работников коллективные жалобы поступили 7, 8, 10, 16 июля и 31 августа, т. е. пять. *РГАВМФ*.Ф. 234. Оп. 1. Д. 33. Л. 6-9, 21-22.

ответствует толикое число невольников в кузницу не посылано, для того это была у нас у самих работа, а ныне оные от той работы стали быть свободные. Ежели оные каторжные Вашему превосходительству ныне надобны соблаговолите нас уведомить письменно, которых будем посылать помянутое число, пока у нас работы им не будет.

Вашего превосходительства нижайший слуга,
А. Девиер.
Августа 1 дня 1718 г.[1]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 03.02.1719 г.

Генерал-полицмейстеру А. Девиеру[2].

…От гвардии Преображенского полку об нужде офицеров и салдат, всего 14 человек определены ис коллегии адмиралтейской в адмиралтейскую правиансткую канцелярию к разным делам, которым об отводе квартир писал до Вашего благородия господин полковник и обер-правиантмейстер Коншин. Однако ж и поныне им квартир не отведено.

И об отводе оным квартир просим: изволите учинить как царского величества указ повелевает.

Вашего Благородия слуга КК[3].
Питербурх, в 3 день февраля 1719 г.

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 11.02.1719 г.

При сем прилагаю доношение французскаго карабельнаго мастера Пангало, поданное нам в адмиралтейц-коллегии, которым немалую обиду приносит на призанеров десяти человек, и 3-х салдат, которые поставлены к нему на квартиру, как изволите усмотреть из оного ево доношения, и просим дабы оное дело разыскать, как царского величества указ повелевает, дабы и впредь таким не повадно бы-

---

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. (Канцелярия адмирала К. Крюйса) Оп. 1. Д. 33. Л. 81.

[2] Чтобы избежать различной редакции в написании полицейской должности А. Девиера, мы позволили себе писать ее в современной формулировке — генерал-полицмейстер.

[3] Вице-адмирал Корнелиус Крюйс документы, направляемые своим адресатам, подписывал начальными буквами своего имени и фамилии — КК.

ло такого озлобления чюжестранным обретающимся в службе его царского величества чинить.

Вашего благородия слуга, КК.
11 февраля 1719 г.[1]

* * *

Письмо А. М. Девиера К. Крюйсу от 20.02.1719 г.

Превосходительный господин адмирал.

Надлежит в канцелярии полицымейстерских дел допросить сына Вашего Ивана Корнилова сына Крейса, на которого матроз Никита Глазов в допросе сказал, что он убил царского величества дворового ворона.

Того ради извольте ево прислать в канцелярию полицымейстерских дел к допросу немедленно, а имянно сего февраля 21 числа.

В протчем слуга Ваш моего государя, А. Девиер.
Февраля, 20 дня 1719 г.[2]

* * *

Прошение К. Крюйса А. М. Девиеру по вопросу строительства его собственного дома от 23.02.1719 г.

К генерал-полицмейстеру Девиеру.

Доношу Вашему благородию что 5000 руб. на щет господина князя Гагарина на полатное строение на моей земле пополам принял векселями и асигнациями. Ис того числа 4000 пред будущаго марта 6 да 8 чисел приняты будут.

Я хотел сего настоящего месяца 21 и 22 дня преже с рускими подрятчиками, которых рекомендовал мне господин Матернов, договариватца однако ж есть мне не без опасения. Понеже могут мне подвесть по себе порук, на которых такого великого числа дать. Возвратить не можно будет, да ещё ж оные подрятчики требуют 10000 руб. дать кроме печек оконнишных пялец. И окончин и дверей, а я давал им 8000 руб., о сем уведомил мастеру Фанамерсу (Фонармусу) и чертеж им свядетелствовал. Оной требует 16000 руб. поставить со всем, з дверьми, окошки, печьми и пялцами оконнишными.

Ныне прошу Вашего Благородия испоможения, что мне надлежит делать. Матернов сказал мне что стены — железо, фундамент — исчерепицами, сувсем взвесть обойдутца 7000 руб. с русскими подрятчиками.

---

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Л. 27 об.

[2] Там же. Д. 36. Л. 195.

Второе, не будет ли противно его царскому величеству когда я с Фанмерсом (Фонармусом) догуворюсь.

В-третьих, не надлежит ли учиненной догувор с подрятчиками для устойки и крепости записать в канцелярии полицымейстерских дел на гербовой бумаге, как обыкновенно, дабы его царского величества интерес не уронить. Прошу на сие от Вашего благородия ответствования, дабы мне не с ведома в сих делах не принять себе каких хлопот. Когда что позоветца, дабы я ведал где мне с непоставке было сыскивать.

Засим остаюсь моего господина генерала всепослушный слуга, КК.

Февраля 23 дня 1719 г.[1]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от от 26.02.1719 г.

Генерал-полицмейстеру Девиеру.

Якоб Розе которому иного чина нет как пастор, и оному жалованья уже третей год не даетца, и еще неведомо будет ли ему или нет. Чего ради пропитание свое имеет от того, что детей человек трех обучает в доме своем по-немецки и по-латыни, и тем содержит дом свой, дрова и хлеб, а лейбгвардии лекарской ученик которой у него стоит в доме, показует ему всякие обиды, и жене ево плевал в глаза и бранил. К тому ж еще вчера взял к себе 2 человек салдат. И хозяина совсем из той избы, где он живет, хотят выжить. Чего ради прошу, дабы изволили над ним показать свою власть. За что готов вам служить.

Вашего Благородия слуга КК.

Питербурх, в 26 день февраля 1719 г.[2]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 28.02.1719 г., в котором он жалуется на самоуправство генерал-майора Г. П. Чернышова[3]

Генерал-полицмейстеру Девиеру.

Не мог я оставить Вашему благородию для известия о месте своем в морской по сю сторону речки Мьи у самого мосту напротив архитекта[ра] Леблона. Понеже строитца на том моем месте трактер Горц.

---

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Л. 45 об. 46, 121.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Л.47.

[3] Чернышов Григорий Петрович, обер-штер-кригс-комиссар при Адмиралтействе (1715–1722).

Строение мое, которое на том месте стояло года три тому назад, господин генерал майор Чернышев велел сломать. И куда то мое строение перенесено, и с окончинами, и чего ради сломать повелено, и почему то мое место ныне здесь чюжому человеку отдано под строение — о том я ниже что известен. А которое мое строение на том моем месте стояло, за оное заплатил я 157 руб. Прошу Ваше благородие изволить приказать о том моем дворе справитца. И учинить мне поистинне права, ибо я служу ныне тому 23 года з рач… характером, а мне чинится немалая обида: отнято у меня мое место и отдано под строение трактеру. Того ради прошу Ваше благородие господина генерала-полицымейстера о сем рассудить и меня от таковой обиды оборонить.

Я остаюсь со многим респектом Вашего Благородия слуга, КК.

Питербурх, в 28 день февраля 1719 г.[1]

* * *

Письмо генерал-полицмейстера А. М. Девиера вице-адмиралу К. Крюйсу от 28.02.1719 г.

Благородный и высокопочтенный господин вице-адмирал.

Сего числа изволите к нам писать о месте, которое есть в морской по сю сторону моста, против архитект[ора] Леблона, для чего оное отдано под строение трактиру Хорцыну, о том вы неизвестны.

Того ради извольте справитца с данною на тое место у оного трактира Хорцына, в которой ясно показано, для чго оное место отдано ему Хорцыну. А ежели изволите, то и копию с той даной до Вас пришлем.

При сем слуга Ваш моего государя, А. Девиер.

28 февраля 1719 г.[2]

* * *

Прошение К. Крюйса к генерал-полицмейстеру А. М. Девиеру о принятии мер по задержанию сбежавшего иноземца штурмана от 06.03.1719 г.

Ваше благородие благоволите объявить каждому читателю сего, или кто о сем послышит что иноземец Яков Питерсен Дегених штурман Его Царского Величества сего марта 5. дня в вечеру пополудни

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Л. 47 об. 48.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 35. Л. 39.

в 5 часу из Санкт-Питербурха бежал и свел с собой лошадь соловую, признаку на оной на спине — ярмо. И помянутому штурману от роду 25 или 26 лет, в лице ряб, волосы русые, возврастом высок и тонок. Уроженец города Любека. И когда такой человек кому явитца, и оной его приведет в адмиралтейство, и тому за то выдано будет 20 руб. А хто про тот побег ево знает, а ныне не объявит, а впредь о том взыщетца, тогда оной сошлетца в вечную каторжную работу.

Вашего благородия слуга, КК.

Питербурх, в 6 марта 1719 г.[1]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 21.03.1719 г.

Генерал-полицмейстеру Девиеру.

При сем прилагаю до Вашего благородия писменное мое мнение о расположении печек для сушения сухарей, о чем я вам чрез прошедшие 2 дня дал слово и оное (ежели угодно, в том состоит мой совет) будет же пожелание, в оном по словесном разговоре со мною препозицию какую учиню. Я всегда вам в совете помогать готов.

Вашего Благородия слуга КК.

Питербурх, в 21 день марта 1719 г.[2]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 28.03.1719 г.

… для лучшей царского величества прибыли сие в рассуждение объявляется.

Понеже немалой есть труд нынешное время сухарями исправлятца за небытностию их в магазинах, и может быть что впредь тако ж станет приключатца. Понеже сие место главнейший есть магазин от всеа России, о чем надлежит нам заранее рассуждать, дабы впредь заблаговремянно, как надо. Тако и на сухом пути могло прицыпально хлебом и сухарями довольство быть.

Ежели нынешяго году со изволения его царского величества указом повелено будет публиковать, кому и сколько человек для помянутого случая печек при Санкт-Питербурхе зделать или расположитца з дворового числа как о сем ниже сего объявлено, тогда в летнее время у каждой знатной персоны будут печи зделаны; Можно

[1] Там же. Д. 11. Л. 53.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Л. 63–65.

таким обычаем знатным персонам или от дворового числа крестьян зделать 1200 или 1500 печей, и от всякой печи можно испечь сухарей по 15 четвертей в месяц, и того из одной печи выдет в месяц сухарей 18000 четвертей и более, которое не тежело зделать пожиточным людям, а скудные люди всегда будут оттого свободны понеже им кров брать негде и людей содержать для оного не нашли; а его царское величество всегда тем будет доволен. Хотя б сухари заготовлять на всю армею, которой бы состояло 60000 или более, и всегда будет заблаговряменно готова без всякой трудности и спору, к тому ж и сия есть прибыль, что сухари будут свежие и добрые. Так ж обману и спору в сием быть невозможно. Понеже каждой пуд можно завязывать веревкой и припечатывать хозяйскою печатью. Подписывать притом на ярлыке чин его и имя с прозванием, отчего правиантмейстера или кто будет принимать обмануть невозможно. И ежели в чем хотя немного неправо явитца, сыскать можно, чья отдача была.

расположение печам на пример
Майору иметь — 1 печь
Подполковнику — 1
Полковнику — 1
Брегадиру — 1
Генералу майору — 2
Генералу порутчику — 3
Фельтмаршалу — 6 или 8
Адмиралу — 4 или 6
Вице-адмиралу — 3?
Президенту обер-колегии — по 4
Вице-президенту [полиц…] - 2
Ассесорам — 1
Богатым обывателям зделать по — 2
По 2 или по 3 печи по препорции персон и фамилии

Или расположить вышепоянутые печи у таких персон, за которыми крестьян двароваго числа имеютца быть по 100, и таким в Питербурхе по 2 печи зделать можно без всякой трудности.

Сие все в рассуждение предлогаетца, которую часть ис того царского величества за лутчае изволит изобрать, в том и состоит, а не якоже аз сие располагаю, но я токмо свое мнение предаю.

Еще ж к тому имею объявлять:

1) Ежели рассылать всегда муку по крестьянским дворам для печения хлебов, то лошадей у них весьма мало, а деревни кругом Пи-

тербурха в дальнем росстоянии, и финские мужичьи избы в корелы и в ингермаландии зело малы, и всегда они обычно держат скотину, так же многолюдно бывает рабоников и салдат, и в такой тесноте (хлеба) испечь чисто им невозможно, но всегда...

2) В печении хлебов оные мужнии женщины и дети всегда могут хотя по малому числу от теста корыствоватца, хотя б как за ними ни смотреть, понеже все бедны и хлебом скудны.

3) Меж таким народом иные бывают весьма не благодарного сердца [что и во всем государстве в народах есть] и такие могут в тесто бросить навозу, грязи и протчего тому воспретительное, от чего царского величества служителям случаютца болезни, а когда означенные господа с положенных печей з дворового числа или от каждой персоны, как выше означено, сухарей станут готовить, то всегда будут чисты и отправительны без спору и без всякой трудности. И отправление немедленное, а скудным здешним жителям и крестянам будет в сием облехчение и выгода. И в таком расположении его царскому величеству прибыль произойдет немалая. При Санкт-Питербурхе в судам не было удержание.

Ревельского адмиралтейства капитану Трацу, мастеровым людем, ластовых судов служителям и протчим. По се число прошлого года за сентябрскую треть жалованья тамо не дано вам, им есть не бес… и нужды.

Других канцеляреи и адмиратейской приписные люди денежное и хлебное жалованье на нынешней год взяли, а правиантская канцелярия и экипажная кантора ещё милости ожидают от господина генерала майора Чернышева.

О всем вышеписаном прошу, чтоб сие не оставлено было.

Вашего высокографского сиятельства всепослушный слуга КК.

Питербурх, в 28 день марта 1719 г.

* * *

Уведомление генерал-полицмейстера А. М. Девиера вице-адмиралу К. Крюйса от 07.04.1719 г.

…Которые есть близ угольнова анбара леса... и протчее, и лежат на том месте [где] ...будет строитца канал, прикажите...леса и протчее убрать без замедления и [так как] … дела за тем починать неможно.

Впротчем слуга Ваш моего государя, А. Девиер.

Апреля в 7 день 1719 г[1].

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 35 Л. 79.

* * *

Ответ А. М. Девиера на письмо К. Крюйса от 22.04.1719 г.

Превосходительный господин,

Сего апреля 22 дня в письме Вашего превосходительства к нам писано, дабы матрозов, которые в пьянствах и других малых делах держатца в канцелярии полицемейстерских дел, прислать до Вашего превосходительства, а ежели оные держатца и в важных делах, дабы оные дела вершить как мочно вскорости. Понеже оные матрозы потребны на ластовые суды, и чтоб за тем судам не учинить остановки, ибо матросов при адмиралтействе умаление и расходов много. А по справке в оной канцелярии приведеные матрозы Евдокий Курин и Мирофан Кононов, Яков Переливкин, которые взяты на новом Шлевенском рынке наказанье в том, что на них кричал караул от лейб-гвардии Семеновского полку салдат Ларион Трелев, которой приставлен для надзирания на том кабаке в том, что оные матрозы пьяные на том кабаке взлезли на кровлю и стали ломать тою кровлю и хотели за стойку войти и ево салдата и целовальников бить. И отбили их от окна колом прочь и ухватя у того окна ендову с водкою пролили. И того ради оные матрозы и держались в оной канцелярии, понеже того дела вскорости вернуть было невозможно.

Ныне оные матрозы для вышепоказанной нужды посылаютца при сем до Вашего превосходительства. А как оные матрозы для верщенья по тому делу спросятся, впредь прикажи оных прислать в оную канцелярию, так же и лоцман Матис Матвеев посылается при сем до Вашего превосходительства. А как оной лоцман во оную канцелярию спроситца, прикажи прислать в оную канцелярию, понеже оной лоцман росписался в Чухонке, Иван Симоновой дочери, которою надлежит розыскивать, и он ее по своей росписке могое время не сыскал и для росписки в оных матрозах и лоцмане прикажи прислать роспищиков.

Вашего превосходительства слуга, А. Девиер.

Апреля, 22 дня 1719 г[1].

* * *

Письмо К. Крюйса полковнику Норову от 29.04.1719 г.

Где ныне стоит угольной сарай, оное место надлежит очистит под канал. Того ради изволите приказать с оного места помянутой

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 35. Л. 90, 91.

угольной сарай и уголье, которое ныне в нем есть, перенесть государственными людьми или подрядом куда надлежит в удобное место, как ноискорее.

Слуга ваш КК.

Питербурх, в 29 день апреля 1719 г.

С сего копия послана генерал-полицмейстеру Девиеру.

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 29.04.1719 г.

Генерал-полицмейстеру Девиеру.

При сем прилагаем копии, каким образом от нас писано в канторy и подрядную канцелярию, так же и в модель-камеру о переноске угольного сарая и о убрании дубового лесу. Из сего изволите усмотреть, что я более сего указов давать не могу, буде ж Вы, что о сем лутче признаете, совету вашему последствовать готов.

Вашего Благородия слуга КК.

Питербурх, в 29 день апреля 1719 г.[1]

* * *

Письмо А. М. Девиера К. Крюйсу от 16.05.1719 г.

Превосходительный господин,

Сего мая 6-го дня писал я к Вашей милости об оснаске эверсов, которыя именным его царского величества указом повелено роздать купецким людем и содержатца под присмотром капитана Мордвинова, о которых об оддаче их к оному капитану и письмо послано, а ныне мы уведомили чрез купецских людей, которым те эверсы выданы, что помянутые эверсы у них в адмиралтействе для оснаски и по се время не приняты, в чем чинитца остановка.

Того ради благоволи у оных купцов те эверсы приказать, приняв, оснастить без умедления и по оснастке отдать им же с роспиской.

Против имянного его царского величества указу к отстоявшемуся в адмиралтейской каллегии, дабы в том ныне в возке всяких материалов и припасов на карабли не учинилось остановки, а кому имяны купцам оные эверсы отдать тому, при чем сообщаетца известие а которые купцам впредь будет роздано, о том пришлетца известие.

При сем слуга Ваш моего государя, А. Девиер.

Мая, 16 дня 1719 г.[2]

---

[1] Там же. Д. 11. Л. 86.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 35. Л. 120, 121.

* * *

Письмо К. Крюйса А. М Девиеру 18.05.1719 г.

К генерал-полицмейстеру Девиеру,

На письмо Вашего благородия о оснастке эверсов ответсвую.

Мы исправлять по имянному царского величества указу желательно хощем, однако ж оснащивать эверсы ныне не такое состоит время. Ибо более оных нужно такелажнею убрать военные флоты, а купецкие люди могут сами для себя их оснастить.

Вашего благородия слуга, КК.

Питербурх, в 18 день мая 1719 г.[1]

* * *

Письмо К. Крюйса А.М. Девиеру от 15.06.1719 г.

Генерал-полицмейстеру Девиеру.

Когда царское величество изволит нас спросить, для чего палатное наше строение не начето делать, можете Ваше благородие видеть из приложенных при сем копий, писанных к полковнику Лутковскому[2], зачем остановка чинитца в полатном строении, о чем могу свидельства представлять его величеству полицымейстерской канцелярии, где на такие дела суд и росправа положена. И прошу чтоб сие наше письмо и приложенные копии записать в оной канцелярии в книгу, а что впредь у нас с архтектором Фонармусом будет чинитца, без уведомления Ваше благородие не оставим.

Вашего Благородия слуга КК.

Питербурх, в 15 день июня 1719 г.[3]

* * *

Жалоба К. Крюйса А. М. Девиеру от 17.06.1719 г.

Генерал-полицмейстеру Девиеру.

Понеже около полат генерала майора Чернышева поставлены подмостия на нашей земли, по которым ходят люди для работ у тех

[1] Там же. Д. 11. Л. 97 об.

[2] Лутковский Илья Ерофеевич, полковник, занимался строительными работами в Адмиралтействе, постройской здания библиотеки и Кунтскамеры. См.: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив «История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.». М. : Рос.архив. 2000. Приложение. С. 14.

[3] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 12. Л. 33, Л. 37 об.

полат, а нам они помешательство чинят в закладке полатного фундамента, о чем ему генералу-майору и ево служителем чрез шесть недель не единократно говорено, чтоб те подмостки отобрать, однако ж и по се число не отбирает, хотя не только, но и сваи ево моей земли на 6 фут заняли, однако же я о сваях не упоминаю, а когда он начал мазанки делать, случилось подвесть те мазанки к моему сараю, где я приказал застройку и драниц? по самую стену обрубать. Того ради прошу чтоб оные подмостки осмотреть или афицера своего прислать и повелеть до полудня их с земли моей снесть, буде же до того времени не будут снесены, то пополудни сего ж числа приказано будет от нас оные подмостки обрубить. Понеже затем уступить более своей земли не могу и чертеж вновь переделать неможно.

Вашего Благородия слуга КК.

Питербурх, в 17 день июня 1719 г.[1]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 17.06.1719 г.

Генерал-полицмейстеру Девиеру.

Понеже многие от иноземцев и до руских скучают, что им из полицымейстерской канцелярии запрещено избы топить окороме одного дня в недели, в чем исправитца и малой семьи невозможно, а где большие семьи, то могут без хлеба пропитание иметь. И ныне хлебника Ягана Мартин Герина, которого как дому царского величества, так и дургие персоны знают, что он доброй человек и от печения хлебов пропитание имеет. У оного майора Рыкунова печь осмотря, сказал ему, что де твоя печь хороша, по которому обнадежению он и топил, а салдаты, которые того надзирают, прежде взяли с него 2 руб. и потом просили с него по вся дни, потому ж и как он оным не стал давать денег, то они сего числа ево били нещадно. И ежели однако продлитца, истинно иноземцы и другие маломочные придут в конечное разорение и домы свои в таких тягостях принуждены будут по нужде оставить и разойтитца.

Вашего Благородия слуга КК.

Питербурх, в 17 день июня 1719 г.[2]

---

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Л. 126 об, 127.

[2] *Там же*. Л.127.

* * *

Уведомление генерал-полицмейстера А. Девиера вице-адмиралу К. Крюйсу от 23.06.1719 г.

Превосходительному господину вице-адмиралу.

Сего июня 22 дня в канцелярию полицымейстерских дел приведен команды Вашего превосходительства прядильшик Иван Мясоедов, которой пьяным образом валялся по мосту.

Того ради оной прядильшик для учинения указу посылаетца при сем до Вашего превосходительства.

При сем слуга Ваш, А. Девиер.
Июня, дня 23 1719 г[1].

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 24.06.1719 г.

Генерал-полицмейстеру Девиеру.

По приложенному при сем доношению прошу, дабы помянутому Фонармурсу для нужд ево и постою 2 избы достроить, которые у него давно зачет, мой совет Вашему благородию: когда б ныне он деревянное строение поставил, а потом исправить чрез пять лет можно и каменное поставить. Сие все предлагаю в Ваше рассуждение.

Вашего Благородия слуга КК.
Питербурх, в 24 день июня 1719 г.[2]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 08.07.1719 г.

Генерал-полицмейстеру Девиеру, полковнику.

При сем прилагаю до Вашего благородия челобитную капитана порутчика Берха, которой служит в адмиралтействе, жены ево Анны Берх, понеже ныне муж ее во отлучении за делом царского величества, на майора Рыкунова, на которого я у Вашего благородия по нескольким случаям сатесфакции просил, но не могу того получить. Ибо сие надлежит, чтоб афицерской жене бесчестие всенародное учинить осмел и поругание предать в таких часах, а паче тем, которые иностранные, и несмотря что есть противно Богу и его царского величества правам и артикулам. И о таких ево нападениях и озлоблениях также иностранные невесьма охотны быть в службе, чего ради

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 35. Л. 186.
[2] Там же. Д. 12. Л. 137.

паки принудило меня Вас просить неединократно на оного майора Рыкунова сацесвакции. Также прошу чтоб ему с подтверждением изволили приказать, дабы он впредь между дел служителей адмиралтейских помешательства и озлобления не чинил, понеже когда кто от адмиралтейских повинен в чем, и на то имеем адмиралтейство, где положено суд и расправа, а денщика оного всегда может без доклада майора Рыкунова з двора или с улицы кликать к себе или куды ево от себя послать, понеже такие денщики для услужности нарочно им даны по высокой его величества воли. И ныне помянутой денщик 6 дней держитца за караулом.

Вашего благородия слуга, КК.
Питербурх, в 8 день июля 1719 г.[1]

* * *

Письмо А. М. Девиера К. Крюйсу от 09.07.1719 г.

Превосходительный господин,

Сего июля 2 числа в канцелярию полицымейстерских дел приведен марскаго флота капитана порутчика Берхеруля денщик ево Кондратей Архипов, на которого кричала «караул» вышеписанного капитана порутчика жена ево в уносе ключей, а допросом оной денщик на нее показал, что она ево с сыном своим били поленом смертным боем, а за что не знает, и ключей никаких у нее не унашивал.

Того ради оной денщик для учинения указу посылается при сем до Вашего превосходительства,

В протчем слуга Ваш моего государя, А. Девиер.
Июля, 9 дня 1719 г.[2]

* * *

Ответ А. М. Девиера на жалобу К. Крюйса от 26.07.1719 г.

Благородный и высокопочтенный господин.

На присланное Ваше писмо от 26 июля о непоставке кирпича от господина полковника Лутковского сим ответствую.

При сем посылаю до Вашего благородия с того договору копию, по которому мы выразумели, что в непоставке того кирпича обвинить господина Лутковского неможно, за тем что договор учинен у него с Фонармусом, а которому времени или сроку поставить не показано

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
[2] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 36. Л. 25.

кроме года, которой еще во окончание не пришел, и по тому сроку поставить может, а ежели сверх того имеете к вине его какое изобличение, то изволье бить челом в канцелярию нашего ведомства или где изволите. В протчем пребываю,

Вашего благородия доброжелательный слуга, А. Девиер.

SPB (СПб), августа 4 дня 1719 г[1].

* * *

Ответ А. М. Девиера на письмо К. Крюйса от 30.10.1719 г.

Превосходительный господин,

Октября 30 дня сего 1719 году в письме Вашего превосходительства к нам написано, чтоб адмиралтейского боцманмата Ивана Фролова из-за караула свободить, понеже в нем осто...при адмиралтействе крайняя нужда, а что на нем взять надлежит канцелярского штрафу, и тот штраф из жалованья ево сентябрьской трети вычтен, и в канцелярию полицымейстерских дел прислан будет. А попу и... Иванову, что надлежит из жалованья вычитая платить как царского величества указ повелевает, потому же Ваше превосходительство велите; о чем адмиралтейскую канцелярию к подполковнику Поздееву будет послан указ.

И по справке в канцелярии полицымейстерских дел оной боцман Иван Фролов держитца под караулом, в том что положено на него задержание оного попа Ильи Иванова и шурина своего Луцково драгунского полку капрала Федора Семенова сына Агапитова у себя без поручной записи и без объявления в канцелярии полицымейстерских дел штрафа пять рублев, да по челобитье оного попа Ильи Иванова велено на нем боцмане доправить сыску ево попова з дватцати сошти рублев пошлине два рубли дватцать алтын канцелярских то же число. Суду и пересуду и прав сто десятка семь алтын дведенти и тот пять рублев четырнатцать алтын, да ему попу выск в двор дать шесть рублев ко объявленным в канцелярии полицымейстерских дел от него попа денгам, которые оного боцмана жена сыскала. И он боцман отдал ему попу к тринатцати рублям к десяти алтынам достальные двенатцать рублев дватцать четыре алтына две деньги; а ис тех денег двенатцать рублев дватцать четыре алтын двух денег, как доправлены будут на нем боцмане, велено в канцелярии полицымейстерских дел записать в приход, а имянно за него попа свышепоказанного ево иску

[1] *РГАВМФ*.Ф. 234. Оп. 1. Д. 36. Л. 63.

правых по алтыну с рубля, и того дватцать шесть алтын, да что он поп в челобитьем своем написал и искал на нем боцмане пропалых денег сорока рублев, а по свидетелевым допросам явилось, что он поп приписал лишку четырнатцать рублей, и с того ево приписного иску по уложенью десятой главы девять на десять стало…

Вашего благородия доброжелательный слуга, А. Девиер.

30 октября 1719 г[1].

* * *

Письмо А. М. Девиера К. Крюйсу от 13.12.1719 г.

Превосходительный господин.

По имянному царского величества указу повелено при Санкт-Питербурхе для лучшаго прекращения воров и протчих непотребных людей зделать шлахбомы и при них быть со всех дворов ночному караулу, к тому ж и для протчих порядков выбрать сотцких, пятидесяцких и десяцких, и по оному его царского величества указу оныя при Санкт-Питербурхе шлахбомы зделаны, так же соцкие, пятидесяцкие и десяцкие к шлахбомам для ночного караулу люди з дворов же по распределению быть назначены, и как оным соцким, пятидесяцким и десяцким оное дело править и с которого двора в которую ночь быть надлежит караулу даны от нас пунктыи реэстры.

А имянным его ж царского величества указом при Санкт-Питербурхе публиковано всем здешным жителем, ежели что будет до кого в нашем правлении касатца, быть в том послушным и никто не выде наем не отговаривался.

И того ради по оному его царского величества указу великаго чина людем Вашей команды подчиненным соблаговолите объявить, дабы они определенным от нас соцким, пятидесяцким и десяцким по данным им пунктам были во всем послушны и никто неведением не отговаривался. Понеже от такого шлахбомов караулу трудности им не будет для того, что иному достанетца такой караул в месяц одна ночь, а ежели по сему нашему объявлению в чем они противно будут чинить, то уже не отписывая до Вас по его царского величества указу будут от нас оштрафованы[2].

Вашего превосходительства нижайший слуга, А. Девиер.

Декабря, 13 дня 1719 г.[3]

---

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 36. Л. 149–150.

[2] Распоряжение генерал-полицмейстера А. М. Девиера о выставлении ночных караулов в северной столице.

[3] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 36. Л. 186–187.

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 03.08.1720 г.

Денщик мой Андрис Матисен, которой женат на служащей моей, пребывает при мне за гоф-мейстера и имеет смотрение над деревнями моими и всякие домашние нужды пре доме мои закупает, чего ради за теснотою двора моего купил я ему двор в малой морской слободе, чтоб он мог ближе меня жить, а ныне оной ево двор велено сломать и перенесть на Васильев остров. Того [ради] прошу Вашего высокоблагородия, дабы оного на Васильев остров не высылать, а быть на старом ему месте равно с адмиралтейскими служителями, за что Вашему высокоблагородию готов служить.

Вашего благородия слуга, КК.

Питербурх, в 3 день августа 1720 г.[1]

* * *

Жалоба вице-адмирала К. Крюйса А. М. Девиеру на подрядчиков

К генерал-полицмейстеру Девиеру.

При сем прилагаю протест против обоих мастеров Фанамерсов (Фонармусов), по которому как по-прежнему моему делу и протестам тако и по сему предаю полицмейстерской канцелярии в рассуждение, дабы я не был о сем оставлен. И чтоб мне такого от них труда миновать, ибо когда полаты в сентябре месяце не будут одделаны, то могут и впредь будущае лето у него с такою работою остатца, которые все рекомандую и предаю в волю полицмейстерской канцелярии, что за лутчае из сего могут рассмотря учинить. И сие записав в протокол приложить к прежнему моему делу.

Вашего благородия слуга, КК.

Питербурх, в 9 день августа 1720 г.[2]

Текст жалобы Крюйса

Я, нижеподписанный вице-адмирал Крюйс протествую сим против мастеров обоих братьев Фанамерсов (Фонармусов). Понеже я присмотрел, что полаты мои сего лета под крышею не будут подведены я ниеподписанный сам и мои служители и архитекторы нынешней год по 3 и по 4 раза по вся недели говорили, чтоб они давали к строению людей и материал, но вместо того они Фанамерсы (Фонар-

[1] Там же. Д. 13. Л. 10 об.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 13. Л. 11-12.

мусы) брань против их поступили, ежели собственного моего железа, лесу и протчих деревянных припасов не было, то мало б нынешней год полаты прибавилось, и как правду сказать, ежели б ева к тому радение и охота была, то б сей год можно полаты под крышию вздвесть и печи в них одделать, да они же Фанамерсы чрез все лето не были у полат для надсмотру ни трех раз и ниже людей своих присылали, о чем я им многократно говорил, чтоб они определили одного собственного своего человека для смотрения над полатами, кирпичей и над работными людьми, также и над матриалами, но того они не учинили и чинить не хотят. Сего месяца по прошествию четырех дней Фанамерсов (Фонармусов) меньшей пришел ко мне и просил от меня денег, объявляя мне, буде я ему денег не дам, то он работу покинет. Так как и сей день работа стоит, я нижеподписанный обещал ему дать денег к данным ему деньгам, чтоб всего было числом 9000 руб. и больши, ежели пожелает, однако ж о том просил я у него порук, чтоб ему полаты последнего числа сентября покрыть или же конечно 15 числа октября, которые деньги намерен я был оддать [буде он мне не поверит] в содержание шурину ево или в полицсейстерскую канцелярию, понеже когда он все кончает. То ему без удержания от них те деньги дадутца. По свидетельству архитектора Гербеля, как он мне объявил, что ежели Фанамерс (Фонармус) я не мог того оставить, чтоб не напамятовать сего, что Фанамерсы (Фонармусы) написали в контракте нынешнего года, палаты совсем одделать и покрыть по воли и охоты моей, как я им велел, о чем явно в полицмейстерской канцелярии по делу моему, и такой единогласной протест я Фанармесам (Фонармусам) дал на галанском языке, при Санкт-Питербурхе 9-го дня августа 1720 г.

КК.

* * *

Жалоба вице-адмирала К. Крюйса на действия полиции от 21.08.1720 г.

Генерал-полицмейстеру Девиеру,

Вашего благородия письмо от 18 дня августа писаное ко мне о кирхах принял, за которую привилегию и старание Ваше к нашей пользе попремногу благодарствуем.

Мы о повелительном его царского величества указе в доскональне были сведомье, что нам на тех местах кирхи спроить. Однако ж как ныне уведомите все конечно препорацию чинить будем и места принять повинные и со временем строить будем по высокой его царского

величества воли и плезиру, о чем вчерась мы согласились с пасторами лютерские и галанские кирхи. И оным кирхам приказали мы делать чертеж, которой чаем чтоб чрез 10 дней будет в готовности.

Двух лютерских кирхи пастора которой куплен з докладу и совету Вашего благородия за 600 руб. к оному нималая была пристройка и каменной мост намощен и заприщен в двору. А афицеры канцелярии Вашего ведомства 2 избы у него сломали безвременно, не дав им нимало заранее о том знать, которое оставляю в рассуждение и охранение Вашего благородия и желаю на то от Вашего благородия известия.

Вашего благородия слуга, КК.
Питербурх, в 21 день августа 1720 г.[1]

* * *

Ответ К. Крюйса на письмо генерал-полицмейстера А. М. Девиера от 23.08.1720 г.

К генерал-полицмейстеру Девиеру.

На письмо Вашего благородия, писанное от 23 числа сего же месяца ответствую.

О местах, которые требуем мы под кирхи с оного Вашего письма люторской и галанской кирхи пасторам сообщил копии, и галанская кирха и лютерская сама от Вашего благородия места сколько им надобно требовать, а под лютерскую кирху изволите приказать земли отвесть по перешнику 18 или 20, а длинною сорок сажен, для того что со времянем на оном месте в длину будет и школа. И для показания и отводу оного места под лютерскую кирху изволите приказать в дом мой прислать пополудни в 3-м часу афицера своей команды, кого надлежит.

Не могу я Вашему благородию оставить чтоб не рекомендовать шхипера Яна Кудена, которого в продаже двора обманули, потому что он русского языка и порядков не знает, а кто продал, тот ему не сказал, что у крепостных дел надлежит ему купчую с платежом пошлин взять. Того ради, ежели возможно, чтоб принять у него с того пошлинные деньги и записать оное данное письмо в канцелярию.

Сего числа пополуночи в 11-м часу повещано Вашего благородия, чтоб в полатах завтра к вечеру в окны рам поставить с холстом вместо окончин, чтоб можно свечи в окны становить, и на сие объяв-

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 13. Л. 17 об.

ляю, сего учинять неможно, для того что в полатах ни полов, ни потолков нет, и ветер в них снизу и сверху нимало ходит. И для того свечам гореть не дает.

Вашего благородия слуга, КК.
Питербурх, в 25 августа 1720 г.[1]

* * *

Ответ генерал-полицмейстера А. М. Девиера вице-адмиралу К. Крюйсу в связи с жалобами обывателей на грубость полиции от 26.09.1720 г.

Благородный и превосходительный господин,

Сего сентября 17 числа изволили Вы до нас писать, что шхипоры Ян Куден и Ян Питерсон и другие адмиралтейские служители с плачем Вам доносы чинят на майора Рыкунова и на других афицеров команды нашей, что домы их розломаны с шесть недель и стоят праздные, и строить и крыть им не позволяют, а другие ево Рыкунова призрением вновь места покупают, и на старых и на покупных, новые домы строят, и за такими их докупами и разорение, будете доносить на него Рыкунова царскому величеству, и на оное ответствую.

По такому письменному Вашего благородия нам предложению о всем вышеписанном писали об ответстве к нему майору Рыкунову и потому он нас письменно реопортовал, что у вышеозначенных шкипоров дворов и строения их ни у ково он не ламывал и в покупке дворов позволения никому не чинывал, и позволять ему же не для чево, понеже и указу такова не имеет, и у вышеозначенных шкипоров и у протчих по показанным вехам с строения кровли ломать приказом нашим прапорщик Унковскон, понеже де по многим приказом по показанным вехам сами строения не ламали, а после как у тех обывателей сломаны кровли и оные строение, самы на дворех своих розбирали, а у кого осталось от показанных дел места, перестраивали сами на тех местах, а у которых по вехам мест ничего не осталось и кто прошением требовал оных мест, и тем по приказу нашему многим места показывал, и на оные места те адмиралтейские служители строение свое переносили и строились, и иные многие и по се время мест не требуют, о чем был им многократно приказ, а вышеозначенным де шкипером запрещения в строении по показынным вехам от него де никако-

[1] *РГАВМФ*.Ф. 234. Оп. 1. Д. 13. Л. 24 об.

ва не бывало, токо же шкипер Ян Куден начал было строить без позволения канцелярии полицымейстерских дел все новое строение, того де ради ему и строить запрещено, а у кого де сломано без всякой притчины строение или кому он майор в покупке мест и на тех строить давал позволение, желает он майор много на того от Вашего превосходительства доказания. Понеже в оное не было Вам донесено разве по не какой злобе, неправда.

Того ради Ваше превосходительство, ежели изволите предложить письменно от него майора Рыкунова или от других команды нашея афицеров и от протчих подчиненных, на кое кому учинено разорения или сломали дворы без всякой притчины или в указном строении чинили запрещение или в чем не по указу поступают, то в том можем мы розыскать и за оное по достоинству вины штрафовать, ибо желаю как нам лучше по его царского величества указом врученное мне дело отправлять и между жительми распорядок весть, но испоможение чинить как можно в чем, а что шкипер Ян Куден стал вновь строить без указу и афицеры команды нашей ему запретили, в том уже они не виновны, понеже от нас есть такой приказ им, чтоб без указу строитца ни кому не давать.

Вашего превосходительства слуга, А. Девиер.

26 сентября 1720 г.

Получено адресатом 26 дня 1720 того же сентября[1].

P.S. Крюйс и 6 октября 1720 г. жаловался на грубости А. Р. Рыкунова[2].

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Дериеру от 06.10.1720 г.

К генерал-полицейстеру Девиеру,

При сем прилагаю челобитную адмиралтейского шхипера Яна Питерсена, писаную к нам от него сего числа, по которой прошу, что оному резалюция учинена была, ибо оной в конец разорился.

Вашего благородия слуга, КК.

Питербурх, в 6 день октября 1720 г.

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 13. ЛЛ. 39 об. 40.

[2] Там же. Л. 46.

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 20.10.1720 г.

К господину генерал-полицмейстеру Девиеру.

Против полат наших на пристани камень и песок в готовности имеем, которым можно ныне в длину половину пристани замостить, того ради прошу дабы для оного замощения прислать к нам невольников, чтобы они то зделали за указаную плату, да сверх же того имею им дать в награждение два рубля[1], за что услужно остаюсь.

Вашего благородия слуга, КК.

Питербурх, в 20 день октября 1720 г[2].

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 02.11.1720 г.

Понеже у Лекоста с порутчиком Фурпатовым некоторая есть ссора, и для того он держитца здесь у Вашего благородия, и в Сойкину мызу, где он живет, за тем не отпущаетца. Того ради прошу, чтоб ево на срок февраля до первого числа 721 году отпустили за моею порукою, которого Вам ежели жив будет обещаю представить на оной док, а ежели в место не станет, от того он свободен, и казне ничего не спрашивать.

Вашего благородия слуга, КК.

Санкт-Питербурх, в 2 день ноября 1720 г.[3]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 19.01.1721 г.

К генерал-полицмейстеру Девиеру.

Доныне нам капитан порутчик Берх, который у смотрения новой бумажной мельницы, что де близ помянутой мельницы валят всякую грязь навоз и кал, тако же и скотину мясники бьют, от сего в деле бумаги будет помешательство. И чистою оттого зделать будет невозможно, разве когда сваи в плот побить будем, так чтоб вода шла подле ие, а сквозь ие означенная грязь не могла пройти. О чем объявя, Вашего превосходительства слуга

КК.

Петербурх, 19 день генваря 1721 г.

---

[1] Речь идет о привлечении каторжников для мощения пристани у дома адмирала К. Крюйса.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 19. Л. 54.

[3] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 13. Л. 58 об.

* * *

Ответ А. М. Девиера на письмо К. Крюйса от 19.01.1721 г.

Сего генваря 19 дня в письме Вашем изволите до нас писать, что доносил Вам капитан порутчик Берх, которой у смотрения бумажной мельницы новой, что близ той мельницы валят грязь, навоз, кал и скотины бьют, и для того чистой бумаги зделать будет невозможно, разве когда побьют сваи, и на оное ответствую.

Для битья скотины и для вывоза всякого навоза другое место мы приискать велели, и когда обыщут, то немедленно близ той мельницы скотины бить и навоз возить не прикажем.

Впротчем Вашего Превосходительства слуга,
А. Девиер.
Генваря 19 дня 1721 г.[1]

* * *

Напоминание А. М. Девиера К. Крюйсу от 04.02.1721 г.:

...Ваше превосходительство из дому своега отпустил, а пашпорта не дал.

Того ради соблаговоли[те] Ваше превосходительство в канцелярию полицмейстерских дел прислать письменное известие онаго иноземца Ананию Дикину, с онай из дому своего утпустили б.

Вашего превосходительства слуга, А. Девиер.
Февраля 4 дня 1721 г.

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 17.03.1721 г.

...В Санкт-Питербурхе в 17 день марта 1721 г.

К полицемейстеру Девиеру,

Понеже сего числа осматрел я на предильном дворе, которой на лугу против адмиралтейства, что от него воды умножилось малым ниже кален, и затем людям работать невозможно и бо... зело мокро, чего ради приказал я конатному мастеру Гансу Канстелю, дабы он подле... сарая прорыл по лугу небольшую ров, чтоб спустить оную воду куды пристойно и...егад они учнут оную ров вырывать, прошу чтоб им в том не возражали, или буде возможно вашими людьми зделать то лутче, а как оная лужа высахнет, тогда ево по-прежнему повелить заравнять.

Вашего благородия слуга, КК.
В Санкт-Питербурге, в 17 день марта 1721 г.[2]

---

[1] Там же. Д. 39. Л. 25, 26.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. Л. 68 об.

* * *

Ответ А. М. Девиера на письмо К. Крюйса от 17.03.1721 г.

Сего марта от 17 дня писмо Ваше получил, в котором написано, что на лугу против адмиралтейства предильной двор, вода от снегу одолела, и работать невозможно, и для того приказали прорыть ров на большую и чтоб в том воспрещения не чинить, и как высохнет, тогда по-прежнему велите заровнять, на что я ответствую: ежели такая конечная нужда то извольте …ров приказать вырывать к прешпективой в канал. Понеже для стечи воды и нигде удобного места кроме сего не имеетца, и после заровнять. Также и когда станут рыть, чтоб землю сверху збираемую черную клали по стороне, а песок — по другой, и по высохе паки попрежнему заровнять.

Вашего превосходительства слуга,
А. Девиер.
Марта в 17 день 1721 г.[1]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 26.03.1721 г.

К генерал-полицмейстеру Девиеру.

По указу царского величества взято з дудоровской бумажной мельницы к адмиралтейской новой бумажной же мельнице учеников 12 человек, ис которых есть 4 человека женатых, а другие холостые. И оным квартир не отведено.

Того ради прошу, чтоб им отвесть квартир в лоцманской деревне, понеже оная деревня в самой близости той мельнице, чтоб оные ученики неотлучно у своего дела могли быть, а кто имяны — при сем роспись.

Вашего благородия слуга, КК.
Питербурх, в 26 день марта 1721 г.[2]

* * *

Письмо А. М Девиера К. Крюйсу от 16.04.1721 г.

Превосходительный господин вице-адмирал.

Сего апреля 13-го дня в канцелрию полицмейстерских дел приведен адмиралтейского ведения команды Вашего превосходительства матрос Семен Крылов, которой на адмиралтейском острове у соляных ангаров взвел повеснице на висилицу и хотел повеситца, а допросом показал что он оное дело учинил с педанства своего.

---

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 39. Л. 132, 132 об.

[2] Там же. Д. 14. Л. 80.

Того ради оной матрос для учинения указа посылаетца.

При сем Вашего превосходительства слуга, А. Девиер.

Апреля 16 дня 1721 г.[1]

* * *

Письмо А. М. Девиера К. Крюйсу от 28.05.1721 г.

Превосходительный господин.

Сего мая 28 дня в канцелярию полицеймейстерских дел приведены адмиралтейкие служители школьник П. Никонов да токарь Спиридон Никитин, которые между собою в пьянстве дрались.

Того ради оные для учиния указу посылаютца при сем до Вашего превосходительства.

Вашего предвосходительства слуга, А. Девиер.

Питербурх, 28 мая 1721 г[2].

* * *

Письмо генерал-полицмейстера А. М. Девиера вице-адмиралу К. Крюйсу от 30.08.1721 г.

Превосходительный господин.

Сего числа писали Вы до нас, что по указу царского величества повелено вновь построить к бумажной ветрянной мелнице для сушения бумаги сушило на сваях мерью на двустах футах, для припасов два анбара, тако ж и мастерские домы в разных пристройных местах. И под то строение уже плотники подряжены, и чтоб то строение от нас позволено было построить, не упустя нынешнего и тому удобного времени на что ответствую.

Имеем мы такой указ что близ тех мелниц близ самой воды не захватывая нимало лесу, которое касаетца, строение и мелничным заводам давать строить. Того ради извольте, усмотря где при тех мелницах по берегу близ самой воды не захватывать лесу, нимало удобное место изобрести и сколько мерою под все то строение надобно, и нам отписать. То вышеписанное строение по требованию Вашему строить прикажем.

Вашего превосходительства слуга, А. Девиер.

Августа 30 дня 1721 г.

Получено и ответствовано... 31 дня 1721 г.[3]

---

[1] Там же. Д. 39. Л. 206.

[2] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 40. Л. 184.

[3] Там же. Л. 309.

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 23.12.1721 г.

К генерал-полицмейстеру Девиеру.

Письмо Вашем от 22-го декабря в 9-м часу пополуночи уже на постели были врученное от денщ(ика) наших получил на которое Вам ответсвую: по оному письму боцманмата Афонасья Познякова, которой лутчей у нас являетца, при работе сыскали, и содержитца под нашим караулом, а от других, где оные в отлучке и которых по репорту не явилась, о том при сем прилогаем капитана Клавера репорт, однако ж хотя в письме от Вас назначена, что важное дело, а имянно нам не показано. И того ради оной боцманмат здесь у нас удержен. Ибо не хощу того, ежели б дать ево право судить Рыкунову, которой прежде дела кнутом наказывает, а потом дело следует, однако ж ежели секретное государево дело, то мы Вам оного отослать готовы, буже же другое портикулярное или инное случившаяся дело, о том изволите нам объявить, понеже его императорское величество к нам не меньши других верить может. Впротчем остаюсь,

Вашего благородия слуга, КК.

В Питербурхе, в 23 день декабря 1721 г.[1]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 24.12.1721 г.

Письмо Вашего благородия писанное от 23-го дня о присылке в канцелярию ведомства Вашего морских служителей получил, в котором изволите писать, что важное государственное дело, на что сим ответствую. Ежели от чего, Господи сохрани, и какое случитца онаго злое дело, то переписыватца о том не.. чего, но изволите хотя в палночь, когда я на постели, или в колегии или где я какими б делами ни был, сами меня сыскали или кого от себя прислать, на кого имеете надежду и верите в том яко себе, о чем всяческии со усердием моим имею всякое о том попечение и труд мой всем моим споможением показать и всевозможным старательством по должности моей исправлять, однако ж ежели другие портикулярные дела, о таких в дом мой писем присылать не изволите, понеже на то есть учрежденная адмиралтейская колегия, где заседает президент, а по призеденте ви-

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 16. Л. 78 об. 79.

це-президент со всеми колежскими члены, ибо моя персона военной колегии вице-президент, а в доме моем только Корнелиус Крейс. К тому тамо его императорского величества есть регламенты, уставы и инструкции протчие, а в доме моем иногда случаетца, что и прочесть присланного письма некому того ради объявляем, дабы Ваше благородие изволили о таких портикулярных нуждах как выше упомянуто, кроме назначенных военных дел, писать в адмиралтейств-колегию, где мы обще с колежскими члены заседаем, и от всего времени в доме моем о портикулярных делах никакие письма приняты не будут. Тако ж которые и морские адмиралтейские служители по иследовании в вашей канцелярии для учинених указ будет отсылатца, чтоб оные отслать в адмиралтейство, а не в дом мой, как и вчерась некоторую людем присылку в дом мой чинили.

При сем же посылаем к Вашему благородию боцманмата Афонасья Познякова и матроза, которой в кронверхи за писаря, Матвея Иванова, а о капрале и о салдате писали мы до капитана комендора Синявина, которого [с] письма при сем прилагаем копию, но по заключении сего получили и от него Синявина письмо, которое потому ж при сем прилогаем.

Вашего благородия слуга, КК.

В Питербурхе, в 24 день декабря 1721 г.[1]

* * *

Письмо К. Крюйса капитану камендору Синявину от 24.12.1721 г.

В письме к нам от господина полицмейстера от 23 числа писано, что некоторое важное дело косается до капрала Василя Иванова, до салдат Василья Иванова, которые откамандированы с карабля «Августа» в Санкт-Питербургскую кронверх, и по получению сего немедленно изволите помянутого капрала и салдата сыскав, отослать под караулом немедленно в канцелярию полицымейстерскую.

Слуга Ваш, КК.

С сего копия послана в полицыместерскую канцелярию того ж числа.

В Питербурхе, в 24 день декабря 1721 г. пополуночи в 7 часу.

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 16. Л. 79–80.

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 20.05.1722 г.

К господину генералу Антону Мануиловичу Девиеру.

Вашего высокоблагородия письмо от вчерашнего числа получил, в котором изволите писать, чтоб для тезоименитства его императорского величества, которое будет сего мая 30-го дня, изготовить от адмиралтейства и поставить у галереи одно судно со украшением флагов и с пушками, на что сим ответсвую.

Прежде получения Вашего письма о том за долгое время принята от колегии резолюция, и судно со всем убранством как быть надлежит изготовлено, и командующему афицеру указ дан, как и прежде бывало. Что же Ваше высокоблагородие изволите о том труд прилагать — и то напрасно. Ибо оное дело колежное по прежде объявленному от нас письму. Ежели впредь какие б ни случились письма о делах его императорского величества, изволите о том писать в колегию, понеже мой тамо есть чин, а в доме Корнелис Креис. Буде же что портикулярное Ваше дело, о том писать до нас. В чем Вашему высокоблагородию услужно поступать готов.

Вашего благородия слуга, КК

В Санкт-Питербурхе, мая 20 дня 1722 г.[1]

* * *

Письмо К. Крюйса А. М. Девиеру от 11.08.1722 г.

В канцелярию полицмейстерскую к господину генерал-полицмейстеру и его императорского величества бригадиру.

Понеже прибыл к нам с письмами галерной шквадры от капитана Марке Дубровина, которой послан для исследования в разные уезды заповедных лесов, которой доносил нам, что взяли у него под караул в канцелярию Вашего ведомства лошадь, на которой он приехал, чего ради извольте приказать оную лошадь ему по-прежнему отдать, понеже настало время ехать ему пани с письмами к помянутому капитану.

Слуга Ваш, КК.

В Санкт-Питербурхе, августа 11 дня 1722 г.[2]

---

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.

[2] Так же. Л. 84 об.

* * *

Письмо А. М. Девиера К. Крюйсу от 26.02.1723 г.

Сего февраля 25-го числа письмом Вашим мне упоминали, ежели противности его императорского величества указом и регламенту нет, дабы всякой способ учинить господину вице-губернатору Кудрявцову, что за достойной облегацион явится, а имянно о дворе его на Васильевского острову на которое ответствую, понеже в том есть противность его императорского величества указа, и сего ради никакова способа ему провно императорского величества воли учинить не могу.

Вашего превосходительства слуга, А. Девиер.

26 февраля 1723 г.

Ответствовано 27 февраля 1723 г. [1]

[1] *РГАВМФ*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 43. Л. 85.

РУССКИЙ ДВОР В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ ДИПЛОМАТОВ

Донесения Лефорта польскому правительству о положении дел Царского двора при Петре Великом и после его смерти (1724–1727 гг.)

В числе основных источников, использованных автором при описании придворной и полицейской службы нашего героя при Петре I, в годы кратковременного царствования Екатерины I и малолетнего Петра II, а также в начале правления Анны Иоанновны явились донесения иностранных дипломатов при русском дворе. С их помощью мы получили возможность более подробно исследовать придворную жизнь, поступки неграмотной женщины, ставшей, по воле своего покойного супруга, первой в истории России правительницей Российской Империи. Среди иностранцев-дипломатов при русском дворе петровского времени «долгожителем» по праву считается Лефорт, легационный советник польского короля Августа II. Лефорт находился в России в период царствования Петра I, Екатерины I и в первые годы правления Анны Иоанновны. В 1734 г. дипломат Лефорт ушел на заслуженный отдых.

В отличие от других иностранных дипломатов, Лефорт внимательно следил за жизнью русского двора и результатами своих наблюдений регулярно делился со своим правительством, а с 1721 г. доносил непосредственно польскому королю Августу II. Главное достоинство его донесений — меткая и часто довольно достоверная информация о происходивших событиях в России и особенно при правящем дворе[1].

№ 65

За четыре месяца до смерти Петра I посланник Лефорт в донесении от 2 сентября 1724 г., описывая своему правительству обстановку при русском дворе, заключает следующее: «Я не могу понять положение этого государства. Царь шестой день очень… нездоров от кутежа, случившегося в Царской мызе (вероятно, нынешнее Царское село) по поводу закладки церкви, при чем было выпито три тысячи

[1] *Сборник* РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 321–490.

бутылок вина… Уже близко маскарады и здесь ни о чем другом не говорят, как об удовольствиях, тогда как народ чуть не плачет. Источают суммы, назначенные для войска и флота, на удовлетворение бесполезных расходов, к которым относятся постройка порта Рожервикскаго, каналов Ладожского, Кронштадтского и трех других: в Стрельне-мызе, Дубках и Мыле-мызе. Так поступает не один царь, но он обязывает к тому и своих подданных. Постройки, предпринятые на Васильевском острову, должны быть в этом году [1724] окончены, если нет, то последует конфискация имений и земель и вопреки всему этому не платили ни войскам, ни флоту, ни коллегиям, ни кому бы то ни было. Все ужасно ропщут»[1].

№ 70

Санкт-Петербург, 21 ноября 1724 г.

Третьего дня ночью взяли камергера Монса из его дома… Печать была наложена на все его имущество. Не знают причину немилости, но она может иметь последствия. Я не смею распространяться, так как боюсь, что перехватят[2].

№ 71

Санкт-Петербург, 25 ноября 1724 г.

Я уведомлял, что камергер Монс был взят в воскресенье вечером, по приказанию Его Величества Царя. Я узнал, что так было поступлено за расхищение государственной казны и злоупотребления; опечатали его имущество, а вчера утром его сестра, жена генерал-майора Балка, также была взята и наложено было запрещение на ее имущество. Вчера в полдень разглашали при барабанном бое [придавали широкой гласности факты хищения из государственной казны — П. Н.] что под страхом телесного наказания, те, которые имеют на них какие либо претензии или которые делали им подарки, должны объявить, потому что в их бумагах были найдены документы, по которым приметили, что, невзирая на подарки, которые они получили, они не могли исполнить своих обещаний. Говорят, что взяты многие другие, между ними исправляющий должность секретаря при Монсе.

[1] *Сборник* РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 382.
[2] *Там же*. С. 386.

Удивительная вещь, что те, кому этот честный Монарх делает всего больше добра, первые преступают закон.

Мамонов и Макаров, члены следственной комиссии по делу Шафирова, также обвиняются в расхищении государственной казны. Меншикову фискал объявил притязание в 50 тыс. рублей… и если он не заплатит тотчас же, то будет конфисковано все его имущество.

Дело Монса перенесено в кабинет. Уверяют, что он и его секретарь были два раза биты кнутом[1].

№ 72

Санкт-Петербург, 28 ноября 1724 г.

[Лефорт его сиятельству графу Флемингу — П. Н.]

25 числа сего месяца я… уведомлял вас ваше сиятельство об аресте камергера Монса и жены генерал-майора Балка. Третьего дня 26 числа около полудня было объявлено при барабанном бое, что на другой день 27-го около церкви Святой Троицы будет совершена казнь вышеупомянутого камергера Монса, сестры его Балк, писаря Столетова и камер-лакея Балакирева. Каждый должен присутствовать. Монс и сестра его были переведены около полудня в крепость. К ним был послан пастор Назиус с целью приготовить их к казни; откуда он до конца не возвращался. Вчера 27-го числа около 10-ти часов вывели из крепости этих четырех преступников, а именно Монса, в сопровождении пастора Назиуса, его сестру Балк, в открытых санях и двух других, которые следовали за ними пешком. Пока они ехали, все удивлялись мужеству Монса, в котором не было заметно ни малейшей перемены, преклоняя ухо к устам пастора Назиуса и время от времени кланяясь своим знакомым, которых встречал. Приехав на место казни, он смело взошел на эшафот, сам снял с себя шубу, постоянно внимая наставлениям пастора Назиуса. Секретарь суда явился прочесть приговор, который, чего я раньше и не заметил, заключал в себе три его проступка, состоящих во взятках, в ябедничестве и покровительстве незаконным прошениям, за что он и был приговорен к смерти. По произнесении приговора, Монс низко поклонился, разделся, и положив голову на плаху, принял удар, отделившей его голову от тела. Затем прочли приговор его сестре и за то, что она брала взятки, ее приговорили к одиннадцати ударам кнута и ссылке в Сибирь. Па-

[1] *Сборник* РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 387–388.

лач раздел ее и дал ей одиннадцать ударов, но некоторые говорят, что не все удары были выполнены с одинаковой силою. Столетов был присужден к четырнадцати ударам кнута и десятилетней каторжной работе в гавань Рогервик. Балакирев к шестидесяти четырем ударам ботагов и трехлетней каторжной работе в ту же гавань. Балк была отправлена в крепость двумя другими, а пополудни отвезли под караулом к себе в дом, чтобы она приготовилась к отъезду в Сибирь; следовательно, если она ещё не уехала, то это все-таки непременно исполнится. Генерал-майор Балк имеет право жениться во второй раз. Сын его камергер был освобождён после экзекуции и говорят, отставлен от должности камергера и поручика гвардии. Мамонов арестован[1].

№ 73

Лефорт графу Флеменгу

Санкт-Петербург, 2 декабря 1724 г.

Вот еще некоторые подробности о Монсе и его сестре Балк. Вечером Монс был арестован. Царь был у своего пажа Василия Петровича и к двум часам воротился домой, где нашел все свое семейство с придворными офицерами. Спустя минуту Царь приказал Монсу посмотреть который час на его часах и дав ему заметить, что уже более девяти часов, сказал: «пора уходить», с этими словами удалился в свои покои. Все разошлись.

Монс возвратился к себе домой, разделся и только начал курить трубку, как вдруг вошел в комнату генерал-майор Ушаков, велел его арестовать, отобрал все ключи и опечатавши его вещи, повел к себе. Когда они пришли, Царь уже был там и ждал их. Пристально и близко посмотрев на Монса, он сказал: «Ты тоже здесь» и удалился. Монс провел ночь у Ушакова.

В понедельник, 20-го числа его привели в канцелярию кабинета и представили перед лицом Монарха, но Монс не будучи в состоянии держаться на ногах, впал в летаргию, этого то только и боялись. Ему пустили кровь и Царь приказал дать ему успокоиться. Во вторник, 21-го его опять представили на суд, где говорят он признался во всём без пытки. В этот же день Царица просила у Царя простить Монса, но он сказал Ей раз и навсегда, чтобы Она в это не вмешивалась. Между тем Царица этим же днем послала сказать Балк, чтобы она не беспокоилась о сво-

[1] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 389–390.

ем брате, так как не будет никаких дурных последствий. В воскресенье, когда их переводили из кабинета в крепость, Монс, проходя двор, на который выходили окна покоев великих княжен, увидел их у окна, простился с ними и благодарил за все милости, так как это было последний раз, что он имел честь их видеть. Вечером того же дня Царь прощался с Монсом и высказал ему, что Ему жаль лишиться его, но иначе не может быть поступлено. Все сожалеют Монса. Его тело еще на эшафоте. Сестра продала его вещи, но говорят, что вырученных денег не достанет на уплату всех его долгов. Она непременно должна уехать в Тобольск. Его сын, бывший прежде камергером был сделан капитаном и должен ехать в Гилян. Его брат, бывший камер-пажем разжалован в унтер-офицеры, а трое других камер-пажей в простые солдаты[1].

Лефорт в послании польскому королю 8.05.1725 г. благодарит его за назначение своё чрезвычайным посланником [в Россию].

Лефорт королю из Санкт-Петербурга 9 июня 1725 г.:

«Ваше Величество! Я получил приказание адресовать мои письма Вашему Величеству. Я постараюсь, Ваше Величество, исполнять эту обязанность так исправно, как только смогу![2]

№ 96

Из письма Лефорта польскому королю 23 июня 1725 г.

Часто то, что мы всего больше желаем, становится для нас самым неприятным. Доказательством тому служит Царица; Она, как мне кажется, начинает тяготиться своею судьбою. Со дня Ее замужества Ее мучает какое-то тайное горе, которое я не мог постичь. Я знаю из верных источников, что Она проводит ночь в страшном волнении и громко жалуется на свое горе. Никто не может подойти близко к дворцу, тем более надеятся увидеть Государыню. Ягужинский и Девиер, два адъютанта, смертельные враги, позволяют входить только тому, кто им нравится. Начальники ненавидят друг друга и все

[1] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 390–392.
[2] Там же. С. 410.

в волнении. С другой стороны, Ее Величество против воли видится со своею замужнею дочерью[1].

№ 100

Лефорт польскому королю из Санкт-Петербурга 14 июля 1725 г.

«Невозможно описать поведение этого двора: со дня на день, не будучи в состоянии позаботиться о нуждах государства, все страдают, ничего не делают, каждый унывает и никто не хочет приняться за какое-либо дело, боясь последствий, не предвещающих ничего хорошего. Жалуются, ропщут, все в бездействии; флот господствуют в море, а иностранный двор во все вмешивается и хочет издавать законы. Везде недовольны управлением, которое заботится только о своих удовольствиях.

Генерал полицмейстер (Девиер) исполняет только должность адъютанта или камергера и пренебрегает государственными делами. Дворец делается недоступным, полным интриг, заговоров и разврата. Если это продолжится, как можно надеяться на счастливый исход?[2]

№ 116

Лефорт польскому королю: Санкт-Петербург, 26 февраля 1726 г.

В прошлый четверг Ее Величество объявила, что состоялись выборы в Верховный Тайный совет, членами которого суть:

Председательница: Ее Величество Царица.

Его высочество герцог Голштинский, назначенный два дня тому назад [зять Екатерины I. — П. Н.];

Князь Меншиков;

Великий адмирал Апраксин;

Великий канцлер Головкин;

Граф Толстой;

Князь Дмитрий Голицын;

Вице-канцлер барон Остерман.

Этот совет должен быть самым высшим в России. От него зависят все важныя, как внутренние, так и внешние дела России. Заседания

[1] Там же. С. 412.

[2] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 415.

будут проходить во дворце Царицы два раза в неделю, не считая чрезвычайных случаев для аудиенции и конференций иностранным министрам и других случаев, могущих воспоследовать. В этот же день участвовал в конференции посланник шведский.

На место вышеупомянутых членов сената назначили следующих:

Начальник полиции Девиер;

Бутурлин, бывший президент комерц-коллегии;

Князь Долгорукий, бывший президент магистрата;

Князь Черкасский, бывший губернатор Сибири.

Генерал-майоры гвардии Мамонов и Салтыков на место генерал-майоров Ушакова и Юсупова, которые должны чередоваться каждый год.

Этот сенат должен считаться первой инстанциею коллегии, рассматривающиею внутренние дела, об которых он доносит верховному тайному совету. Сенат потерял свое значение и Ягужинский, занимавший там первое место, был назначен главным конюшим к Ее Величеству. Князь Долгорукий, бывший генералом гвардии, назначен генерал-аншефом и должен отправиться в Персию на место Генерала Бона, до него исполнявшаго это назначение. Бестужев, обер-гоф-мейстер Ее Величества герцогини Курляндской, был сделан тайным советником.

P.S. Важные перемены, сделанные в государственных учреждениях, служат верным доказательством влияния и полной власти князя Меншикова. Проект Верховного тайного совета, как я сказал выше, давно уже на рассмотрении. Он был предложен Шафировым и Бассевичем, с тем условием, что они примут в нем участие. Бассевич, думавший в то время держать жезл Аарона, предложил привидение в исполнение проекта князю Меншикову, чтобы через это увеличилась власть герцога Голштинского и его собственная, так как он твёрдо убеждён, что герцог будет управлять Россиею и тогда его умные советы выкажутся во всем блеске.

Князь Меншиков дал установиться этому проекту, чтобы извлечь оттуда всю сущность, в особенности чтобы лишить Ягужинского всякой власти и важных сведений. Князь Меншиков, видя дело уложенным, послал в четверг приказание Ягужинскому отпустить пять сенаторов из сената, потому, что они переходят в верховный тайный совет и заменил их ничтожными подчиненными. Ягужинский, видя, что от его должности ему осталось только одно название,

пришел в отчаяние, впрочем это перемена на время отложена, так как сенат составляет внутренним высшую инстанцию коллегий по делам. Полагаю, что в верховный совет будут еще назначения некоторые, как например посланник Долгорукий. Что касается герцога, до сих пор еще стараются узнать для какой цели занимает он место в совете. Хотят, чтобы Царица спросила об этом у него и у меня; я полагаю, что Бассевич хлопотал об этом у Царицы из частных видов, думая, что он совершил какое-нибудь чудо[1].

№ 117

Санкт-Петербург, 5 марта 1726 г.

У Царицы часто бывает опухоль на ногах. Она поднимается до бедра и не предвещает ничего хорошего[2].

№ 119

Санкт-Петербург, 26 марта 1726 г.

22 числа (марта) князь Меншиков объявил графу Сапеге, что Ее Величество назначила его фельдмаршалом Ее войск… В прошлое воскресенье у князя Меншикова была помолвка его старшей дочери за молодого графа Сапегу. Ее Вличество Царица была при этом со всем своим семейством и обменивала кольца. Был великолепный пир… Под конец оставшиеся гости принуждены были выпить кубок вина, стоя на коленах перед Ее Величеством. В их числе… находился шведский посол[3].

25 мая 1726 г. Лефорт, информируя своего короля, заключает: «Кто мог подумать, что он (Русский Двор) целую ночь проводит в ужасном пьянстве и расходятся уже в самое раннее в пять или семь часов утра. Более о делах не заботятся. Все страдает и погибает и конечно нам грозят страшные последствия»[4].

[1] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 432, 434.
[2] Там же. С. 435.
[3] Там же. С. 436–437.
[4] Там же. С. 439.

№ 124

Санкт-Петербург, 11 июня 1726 г.

Лефорт доносит королю о том, что Меншиков фактически захватил в свои руки верховную власть и бразды правления не только Россией, но и «тем более умом Царицы».

«При дворе не пьют более ни за чье здоровье как Царицы и князя Меншикова…».

Меншиков «управляет как самодержавной властитель и все ему покорствует»[1].

№ 127

Френсдорфские известия.

« » июля 1726 г.

«Говорят, что Царица [Екатерина I] унижает всех старых заслуженных русских вельмож, уважаемых и любимых покойным Царем, предпочитая им молодых людей, обвешивает их орденом Святого Александра Невского; людей никогда не отличавшихся ни родовитостью, ни почетом, над чем насмехаются старые вельможи».

Меншикова «самоуправство дошло до того, что голос Царицы умолк».

«Нет у него [Меншикова] ни природного ума, ни научного образования, не знает он даже того старого житейского правила — осторожно пользоваться своим счастьем».

«Говорят, если бы Царь жил до настоящего времени, Меншикова давно бы не было в живых»[2].

6 августа 1726 г.

В прошлый четверг князь Меншиков возвратился сюда (Санкт-Петербург) из своего путешествия, остановился у Ее Величества и затем отправился на барже к себе, где был встречен 7 (семью) пушечными выстрелами. В прошлую субботу около 10 часов утра Ее Высочество герцогиня Курляндская неожиданно прибыла сюда

[1] Там же. С. 439, 440.
[2] Там же. С. 442, 443, 445.

с двумя лакеями и остановилась у ее высочества герцогини Голштинской (у двоюродной сестры Анны Петровны, дочери Петра Великого — П. Н.). «Притеснения, причиненные Меншиковым герцогине Курляндской и ее двору, принудили ее приехать сюда просить удовлетворения в его поступках. Ее слезы и рыдания возбуждают у каждого сожаления». Говорят, что Царица очень недовольна Меншиковым и знает «до чего может довести его честолюбие»[1].

№ 140

Санкт-Петербург, 15 февраля 1727 г.

В прошлый понедельник граф Девиер, генерал-лейтенант и начальник полиции прибыл, сюда из Курляндии, куда он был послан с поручением к тайному советнику Бестужеву[2].

№ 141

Санкт-Петербург, 22 февраля 1727 г.

P.S. «Ходят различные слухи о поручениях графа Девиера в Курляндии. С тех пор как он уехал, Меншиков послал адъютанта Ливена в Митаву за наблюдением над поручениями, даваемыми Девиером, и может быть, чтобы их поддержать. Хотят уверить, что Девиер получил приказание объявить курляндцам, что Царица имеет твердое намерение сохранить им их прежний образ правления, полагая, что комиссия хотела этому противиться. Отсюда заключают, что Царица выберет герцога по своему желанию[3].

№ 145

Санкт-Петербург, 12 апреля 1727 г.

«Недавно учредили что-то вроде сыскного приказа, президентом которого назначен Толстой, для собрания казённых долгов. Насчитывают до тысячи человек, обязанных явиться в суд.

[1] Там же. С. 449.
[2] Там же. С. 460.
[3] Там же. С. 460, 461.

«Каждый знает, что князь Меншиков заклятый враг Девиера. Герцог Голштинский употребил все усилия, чтобы сыграть штуку с князем Меншиковым и вопреки ему дать доступ Девиеру в верховный совет. Дело было совсем при конце, но всё-таки рушилось[1].

№ 146

Санкт-Петербург, 3 мая 1727 г.

В прошлое воскресенье, видя, что Царица не может уже выздороветь, были призваны во дворец соправители государства и все начальники, именно: верховный тайный совет, сенат, синод, гвардейские полковники и президенты коллегий, для рассуждения о различных мерах. Начали с вопроса о престолонаследии: было четыре различных мнения:

одно за великую княжну Елизавету,

другое — за герцогиню Голштинскую,

третье — за сына Царевича и регентство Меншикова до его совершеннолетия, и последнее, взявшее верх, было за сына Царевича на следующих условиях, всеми ими подписанными:

сын Царевича, объявленный наследником, вступит на престол, не ранее 16-ти лет, когда окончится его несовершеннолетие. Во время его малолетства Верховный тайный совет останется в той же силе, за исключением того, что герцогиня Голштинская и Великая княжна Елизавета будут в нём председательствовать. Какое бы ни было решение Верховного совета оно ранее не имеет силы, как одобренное и подписанное всеми членами. Сын царевича должен дать клятву, как и его подчиненные, не мстить, подписавшим смертный приговор его отцу.

16-ти лет Царевич будет объявлен совершеннолетним, но прежде чем вступить на престол, Он и государство обязуются выплатить каждой по 1 500 000 звонкою монетою, как герцогине Голштинской, так и Великой княжне Елизавете и разделить поровну все бриллианты, оставшиеся после Царицы[2].

[1] Там же. С. 463–464.

[2] Там же. С. 464–465.

№ 147

Санкт-Петербург, 10 мая 1727 г.

Арест Девиера

В прошлый понедельник около четырех часов полудня граф Девиер был арестован по приказанию Ее Величества и отправлен в крепость. В то же время поставили караул у дома княжны [княгини — П. Н.] Волконской и запретили ей доступ ко двору. Бумаги графа Девиера, лежавшие у него в кабинете, были взяты. Была составлена комиссия для рассмотрения проступков, в которых он обвиняется, но они до сих пор ещё неизвестны. Главными членами вышеупомянутой комиссии были: великий канцлер граф Головкин, князь Голицын, генерал-лейтенанты: Мамонов, Юсупов и Салтыков и тайный советник Волков[1].

№ 149

Санкт-Петербург, 18 мая 1727 г.

… вчера вечером в ¾ 9-го Ее Величество, после истечения материи, скончалась с удивительной покорностью. Она оставила распоряжения, заслуживающие всеобщего одобрения и водворения в государстве спокойствия, достойные удивления.

Сегодня утром в большую залу дворца велено было собраться всему высшему духовенству и знати, им прочли статьи завещания в том виде, как покойная Императрица оставила его в присутствии графа Рабутина. В силу которого Его Высочество Великий князь объявлялся Императором России. Ему принесли верноподданническую присягу под громом пушек.

Вот приблизительно статьи завещания: Великий князь объявлен наследником и Императором русского престола. За ним следуют Его потомки. Им наследуют потомки герцогини Голштинской, великой княжны Елизаветы и великой княжны Натальи. Мужская линия всегда будет иметь перевес перед женской. Никто из них не может вступить на престол, не принявши православной веры… 16-ти лет Великий Князь становится совершеннолетним.

Во времени несовершеннолетия Великого Князя, 9 членов должны составлять верховный совет, они суть:

Его Величество;

[1] Там же. С. 465, 466.

Герцогиня Голштинская;
Великая княжна Елизавета;
Его высочество герцог Голштинский;
Князь Меншиков;
Великий адмирал Апраксин;
Великий канцлер граф Головкин;
Князь Голицын;
Барон Остерман.
Дела будут решаться большинством голосов верховного совета.
Великий князь женится на младшей дочери Меншикова.

О Девиере и его соучастниках

Другие распоряжения, сделанные Ее Величеством перед смертью, состояли в даровании жизни многим лицам, обвиненным в преступлениях, каковы были:

Девиер, бывший начальник полиции, и Писарев, бывший генерал-майор, присужденные к публичному наказанию 15-тью ударами кнута и к ссылке в Сибирь, что уже исполнено. Граф Толстой, разжалован и изгнан без конфискации его имущества. Он уже уехал в Шлюссельбург [в Соловецкий монастырь. — П. Н.].

Генерал Бутурлин присужден к изгнанию.

Старший Нарышкин — к изгнанию, и, как говорят, должен жить безвыездно в деревне.

Княжна [княгиня] Волконская — к ссылке в Шлюссельбург. Она уехала в прошлую среду. Вот Ваше Величество главнейшие из преступников, вероятно совершившие важные преступления.

«Когда Царица была в агонии и уже не было никакой надежды на Ее выздоровление, не знаю почему граф Девиер, ласкал сына Царевича и подстрекал Его сесть в карету, чтобы быть провозглашенным народом, на что Он был совсем было согласился, если бы не попалась Ему сестра, его отговаривавшая. Этот поступок различно толкуют: одни говорят, будто это было сделано, чтобы расставить сети Царевичу, и что чернь, пришедши в восторг, произвела бы беспорядки, и тем рассеяла бы страх, подписавших приговор Его отцу, в числе которых был и Девиер. Другие говорят, что если бы сын Царевича был провозглашен Царем, а князь Меншиков — регентом, то скорее отделались бы от князя Меншикова, не дав ему возможности покуситься на жизнь Царевича, так как его обвиняли в домогательстве

престола. Как бы то ни было, князь Меншиков воспользовался этим для погибели Девиера и может быть многих других. 4-го числа к Девиеру, находившемуся в покоях дворца, явился караульный капитан и, объявив ему арест, потребовав от него шпагу. Девиер, показывая вид, что отдает шпагу, вынимает ее и хочет заколоть князя Меншикова, стоявшего сзади его, но удар был отведен.

На другой день Меншиков отправился в крепость допросить Девиера, этот наговорил ему грубостей.

Волконская, друг Девиера, тоже сначала была обвинена и арестована. Князь Меншиков хотел ее отправить в крепость, но Царица пожелала отнять у нее портрет, и отправить в Курляндию. Меншиков, питавший злобу к этому семейству, не хотел упустить случая вмешать сюда отца и брата, поводом к чему было дело Курляндии.

Девиера обвиняют в поручении, данном им Бестужеву и Ягужинскому, по приказанию Царицы, сделать предложение королю касательно Курляндии, чего Царица не признает.

Мой поверенный известил меня, что перехватили письма Бестужева и Девиера к Волконской, касательно Курляндии и личностей многих знатных. Он мне обещал также, что если в них найдут что-нибудь касательно короля, то он позаботится, чтобы все было позабыто и более об этом не говорили. Вот первое проявление деспотизма Меншикова[1].

№ 150

Санкт-Петербург, 20 мая 1727 г.

Преступники, помилованные перед самым исполнением смертной казни, получили смягчение, подписанное покойной Императрицею на одре смерти и были сосланы следующим образом:

Девиер и Писарев в глубь Сибири; они уехали в воскресенье после обеда.

Старший Нарышкин, бывший президентом палаты, осужден на пожизненное житье в своих поместьях, без лишения прав состояния и конфискации. Он также уехал в воскресенье после обеда вместе с женою.

Граф Толстой, бывший членом верховного совета, лишенный всех чинов и орденов, осужден вместе с сыном, бывшим президентом

[1] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 467–471.

юстиц-коллегии в ссылку на отдаленный остров, близ Архангельска [Соловки — П. Н.].

Генерал Бутурлин и сын его камер-юнкер изгнаны, но не знаю куда. Они уехали в Москву.

Камергер Маврин и его жена — также изгнаны и уже уехали, но куда неизвестно.

Княгиня Волконская сослана и пока живет в Шлюссельбурге.

P.S. Дело Девиера и его соучастников представляют в различном свете, но вот что говорят о заговоре, выдавая за верное: Девиер должен был проводить молодого великого князя в церковь, объявить Его Царем, а Нарышкина — регентом на место Меншикова.

Еще неизвестно может быть завещание вымышлено и ложно. Сапега не покидавший Царицы, ничего не видел и не слыхал. Он видел только, что она подписывала прощение преступникам[1].

№ 151

Санкт-Петербург, 24 мая 1727 г.

Вчера после обеда, Его Величество, войдя в покои князя Меншикова, сказал, что Он уничтожил фельдмаршала. Эти слова привели всех в недоумение, но чтобы положить конец всем сомнениям, Он показал бумагу князю Меншикову, подписанную Его рукою, где Он назначал Меншикова своим генералиссимусом. Вчера, стоя на балконе, Царь велел принести себе денег и бросал их толпившемуся на улице народу, собравшемуся, чтобы посмотреть на своего Царя.

P.S. Кажется, что случившиеся перемены не произвели никакого влияния на фельдмаршала Сапегу и его сына; Царь очень любит сына [Сапеги]и сам просил его не отходить от Него, и теперь он занимает должность первого камергера. Отец не вмешивается ни в какие дела, не злоупотребляет своим влиянием, чем заслужил уважение[2].

№ 154

Санкт-Петербург, 7 июня 1727 г.

Лефорт сообщает своему королю: «Впрочем, Ваше Величество, здесь никогда не боялись и не слушались так покойного Царя, как те-

[1] Там же. С. 471–473.

[2] НИА СПб ИИ РАН. С. 473.

перь Меншикова; все преклоняются перед ним, все подчиняются его приказаниям и горе тому, кто его ослушается»[1].

№ 157

Санкт-Петербург, 28 июня 1727 г.

Меншиков продолжает сажать в темницу не только тех, которые совершили какое-нибудь государственное преступление, но и всех тех, которые находят что-нибудь сказать против его верховной власти, «… его все очень боятся, но за то и ненавидят»[2].

№ 162

Санкт-Петербург, 5 августа 1727 г.

Генерал-лейтенант Ягужинский назначен губернатором в Астрахань, куда он должен отправиться на днях[3].

№ 163

Санкт-Петербург, 12 августа 1727 г.

Генерал-лейтенант Ягужинский уезжает в украинское войско, а не в персидское войско, как было говорено. «Вскоре все… знатные люди потеряют свою значение.» - заключает Лефорт в донесении своему королю[4].

Опала Меншикова

№ 170

Санкт-Петербург, 18 сентября 1727 г.

На следующий день Верховный тайный совет велел перевезти из дома Меншикова все экипажи Царя в летний дворец и поставить там караул.

---

[1] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 478.
[2] Там же. С. 481.
[3] Там же. С. 486.
[4] Там же. С. 487.

Царь сказал Остерману (своему воспитателю), что Он покажет, кто император: «Он или Меншиков»[1].

№ 171

Санкт-Петербург, 20 сентября 1727 г.

Доступ ко двору закрыт для всего семейства и прислуги Меншикова. Приказано лишить дворянства и орденов все семейство и отнять у невесты экипажи и прислугу Царя. Меншиков должен ехать завтра под конвоем со всем семейством, — сообщает Лефорт своему королю, — но, куда, не знают[2].

№ 172

Санкт-Петербург, 23 сентября 1727 г.

Уезд Меншикова с семейством в ссылку.

3 сентября в 4 часа полудня обоз из 42 повозок, 30 лошадей, и из четырех карет, каждая по 6 лошадей. В первой сам Меншиков, супруга и невестка. Во второй его сын с одним только карликом. В третьей две дочери Меншикова и две служанки. В четвертой — брат княгини Меншиковой Арсеньев и другие из придворных. Затем следовали 10 колясок в две лошади каждая. Конвой в 120 человек солдат во главе с гвардии капитаном. Все были в трауре.

Нашли 70 указов которые он дал Царю подписать без ведома о содержании, в том числе, посылка Ягужинского в Персию[3].

№ 181

Санкт-Петербург, 22 ноября1727 г.

Лефорт доносит: «По-видимому легко заметить, что молодой Царь пошел по стопам своего деда. Он враг образованного общества, склонен к жестокости, следует своим капризам и горячности, любит только властвовать над своими креатурами[4].

[1] *Сборник* РИО. 1865. Т. 3. С. 491, 492.
[2] Там же. С. 491.
[3] Там же. С. 495–497.
[4] *Сборник* РИО. 1868. Т. 3. С. 506.

№ 183

Санкт-Петербург, 29 ноября 1727 г.

Лефорт своему королю: Русскому двору «грозят большие перевороты. Вообще о постоянстве в правлении здесь не может быть и речи, тем более, что все предоставлено на произвол судьбы… Царь заставляет бояться и слушаться себя беспрекословно и делает всё что хочет. Этим Он уничтожает любовь подданных к себе, и впадает в новые бедствия»[1].

Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон Мардефельда прусскому правительству (1721–1730 гг.)

№ 1

Мардефельд королю

Санкт-Петербург, 31 января 1721 г.

P.S. Всемилостивейший король и государь, я получил от Левенвольда достоверные известия, что здесь лишь притворяются касательно упомянутых трактатов с королевским польским двором… Нельзя и предположить, чтобы Его Царское Величество согласился на общие с польским двором мероприятия, не дожидаясь исхода предстоящего конгресса в Швеции… По всей вероятности этот конгресс был созван с целью заключить мир, и Швеция, без сомнения, видить себя принужденною отказаться от Лифляндии, так как я достоверно знаю, что Его Царское Величество твердо решился при своей жизни не уступать её. Касательно же других пунктов он согласился на все возможные изменения[2].

№ 4

[Г. В.] Мардефельд королю

Санкт-Петербург, 12 мая 1721 г.

По причине нездоровья Его Царского Величества во время праздников и отбытия его после них, случилось в это время так ма-

[1] Там же. С. 508.

[2] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 176.

ло замечательного…, поэтому посланник «принужден наполнить настоящую реляцию выдающимися происшествиями здешней общественной жизни».

Путешественники из Москвы рассказывают, что «этот город быстро продвигается к своему окончательному разрушению». Вот такую информацию подносит посланник своему королю. И далее говорит, что палаты знатных господ «лишены окон и крыш», «по улицам невозможно ни ходить, ни ехать» из-за опасения быть раздавленным разваливающимися домами».

Жители города Петербурга подвергались подобным приятностям, как и в Москве.

Здешний полицмейстер [Де-Виер] родом неаполитанец, был прежде камердинером у князя Меньшикова, а потом стал его зятем. Когда ему приходит в голову изменить направление улицы, то он приказывает жителям ея снести дома свои, уже не говоря о безчисленных других его притеснениях, для вымогательства денег от них.

Так как окончательно решено, что настоящий город будет находится на Васильевском острове, то было приказано жителям немецкой слободы перебраться туда; на этой стороне вообще не хотят ничего оставлять, кроме строений, принадлежащих к адмиралтейству. Этот приказ отзывается на всех богатых купцах всех наций, которые ведут оптовую торговлю, ремесленниках всех родов, мясниках, пивных и винных торговцах, одним словом на всех, которые заботятся о необходимости и приятности в жизни. Жители находятся в отчаянии: их лишают домов, садов, теплиц, а потом по произволу, заставляют на новых местах опять селиться, а все живущие по реке, должны строить каменные дома.

Барону Левенвольду сначала приказали мастить улицу вокруг дома, потом взяли с него 20 рублей на деревья, которые следовало посадить около него; три дня спустя, наконец, Царь хочет здесь выстроить квартал для своих преображенцев, который должен быть окончен этим летом, и в котором поместить по два солдата вместе. Часть этого дома Левенвольд постоянно отдавал в наймы иностранным министрам и имел от этого годовой доход в 400 рублей. Что ему за это возвратят ни гроша, это прямо следует из основных законов этой страны, которой всё принадлежит Богу и Царю[1].

[1] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 184, 185.

№ 6

Г. В. Мардефельд королю

Санкт-Петербург, 10 августа 1721 г.

Его Царское Величество вернулся сюда в прошлый вторник около полудня, именно в то время, когда барон Шафиров угощал герцога Голштинского вместе с большим обществом кавалеров и дам. Барон Шафиров тотчас же послал своего сына к Царю, чтобы пригласить его. Спустя час Царь действительно прибыл и нашел все общество значительно охмелевшим. Это возбудило в нем желание напоить их окончательно. Он требовал стакан за стаканом, пока все не лишились последнего остатка разума. Впрочем это удовольствие стоило Его Царскому Величеству большого труда. Так как он чрезвычайно любит пьяных, то к нему и приставали чрезмерно целованием рук и со всяческими ударениями.

С герцогом Голштинским и первым его министром царь был чрезвычайно любезен, и так как фон-Бассевич человек довольно смелый, то он выступил с большим стаканом [кубком известным] и просил его Царского Величества дозволения осушить его за их здоровье и произнес также здоровье «отца и сына». На это ответил Царь тем, «что тотчас же ласково обнял и поцеловал герцога, сидевшего с ним рядом. Герцог ответил на этот тост, и хотя он обыкновенно вовсе не пьет, но Царь не хотел уволить его светлость от этого бокала, и он был осушен при громком ликование всех присутствующих.

В понедельник вечером перед пирушкой постигло большое несчастье великого канцлера графа Головкина сгорели: все его хлебные, мучные и молочные магазины, которые находились на недалеком отсюда острове. Ныне оценят понесенные убыток весьма значительной цифрой, но достоверно, что он равняется, по крайней мере, 25 тысяч рублей.

Этот министр большой хозяин и имеет привычку выписывать из своих имений подобные запасы в ожидании дороговизны, чтобы потом по христиански воспользоваться кое чем. В мотовстве его обвинять нельзя, и никто не помнит, чтобы он когда-нибудь устроил званый обед. У стола, по крайней мере, до сих пор не сидели гости иностранцы.

Вместе с этим донесением пересылаю вашему королевскому величеству всеподданнейше новую табель о рангах, которая в своем роде едва ли имеет себе подобную[1].

---

[1] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 190, 191, 192.

№ 7

Мардефельд королю

Санкт-Петербург, 11 августа 1721 г.

Честь имею донести… о происшествии… случившемся. Великий канцлер граф Головкин, счастливо разрешился большим пиршеством, которое он устроил для Его Царского Величества и его светлости герцога Голштинского и к которому были также приглашены иностранные министры. Этому пиршеству ничего недоставало, а было всего в изобилии, как это бывает при подобных редких празднествах. Его Царское Величество после стола удалились отдохнуть. Мы, остальные, последовали его примеру. Герцог же и танцующие общество разошлись только в 12 часов ночи.

Его светлость большой охотник до танцев; в особенности, когда они сопровождаются частыми поцелуями прекрасных дам, при чем Ягужинский бывает отличным предводителем. Дамы же сильно роптали на такие нововведения, что довольствуются одними поцелуями.

Здесь много говорят, что молодой граф Головкин, который несколько времени, как вернулся из Франции, посылается посланником к испанскому двору. Он ловкий кавалер и говорит свободно на всех языках. Он такого же высокого роста, как и его отец, и отличается в его годы такой величивостью и осанистью, каких трудно найти даже у любого испанца.

На Его Царское Величество возложена новая почесть; а именно, парижская академия наук выбрала его своим шефом и поднесла ему патент на это звание. Его Величество сообщили этому учреждению опять некую редкость, а именно карту Каспийского моря. Эту карту составили, по его приказанию, двое флотских офицеров, которые объехали вокруг названного моря до взаимной встречи. В это путешествие они открыли много ошибок старой карты, прежде не было известно ни одной гавани для судов или якорного места, они же открыли отличнейшие гавани с многочисленным населением.

Его Царское Величество оказали мне милость своим присутствием, несколько дней тому назад, у меня на полднике. Они пробыли в моём доме около 3-х часов и были весьма веселы. К обеду был у меня Ягужинский, и мое положение было довольно затруднительно (не объясняет причины. — П. Н.).

7 числа сего месяца был спущен на воду 60 пушечный корабль Панталеон (У Голикова - «Пангаулов», Т. XII. С. 472) Виктория, построенный по французскому образцу. В этот день праздновали русского святого (подобных Панталонов (Пантелеймон), существует множество) и кроме того годовщину взятия неприятельского фрегата, отчего корабль и получил имя «Виктория». Его Царское Величество были при этом чрезвычайно веселы. Они не приказали нечего подавать, кроме венгерского вина. Оказалось однако, что для большего выбора, вкралось также рейнское вино. Князя Меншикова постигло по этой причине немалое несчастье. Его Царское Величество застали его со стаканом рейнвейну в руке, после чего они собственноручно выбросили через окно в воду все бутылки с рейнвейном и приказали бедному князю выпить стакан в две бутылки самого крепкого вина (Это был Большой кубок. — П. Н.). Последний стал от него мертвецки пьян и упал без чувств на пол. Супруга же его (Дарья Михайловна — П. Н.) с верной Варварой, ее сестрой (горбатая Варвара Михайловна, родная сестра супруги Меншикова Дарьи Михайловны. — П. Н.), стояла около него и оплакивала его положение. В подобных случаях порция герцога Голштинского назначено в 3 больших стакана, после которых ему дается полная свобода.

Сюда прибыл молодой Сапега и поместился в доме князя Меншикова. Про него говорят за достоверное, что он намерен обручиться со старшей княжной, дочерью князя, который ещё чистый ребенок 8 или 9 лет.

Говорят, что бракосочетание князя папы (князя Цесаря) или… князя будет праздноваться через две недели, а именно маскарадом в малом…в обществе всякой черни. Между масками будут находиться сотнями содержатели трактиров и ремесленников. Помещение для празднества до того тесно, чудо будет если некоторые не будут раздавлены. Несмотря на это, праздник продолжится 3 дня, и так как нет возможности накормить стольких, то он, вероятно, преимущественно будет состоять в бегании, пьянствовании и катании на лодках.

Новый канал (Ладожский. — П. Н.) сооружается 20 или 30 тысячами работников с таким прилежанием, что 3 тыс. отправились на тот свет. Говорят, что в особенности казаки такой народ, который дома только знает, что плясать и скакать (чушь. — П. Н.), крайне недовольны тем, что их хотят переделать в русских, против их собственной воли.

Секретарь Фоккеродт перевел по моему приказанию, новый русский катехизис. Но так как перевод составляет довольно объемистый пакет то, я должен дождаться удобного случая для пересылки его. Он повсеместно составлен строго по лютеранского вероисповеданию и выпущены всякие суеверия, а также поклонение святым. Пребываю во всеподданнейшем почтении[1].

№ 10

Мардефельд королю

Москва, 15 января 1722 г.[2]

Ваше королевское величество могут быть, уверены, что немедленное признание ваша за Царем титул «Императора» произвело здесь самые лучшее действие и чрезвычайно обрадовало Его Величество Российского Императора… Австрийский посланник говорил со мной об этом деле вполне откровенно и привел те причины от чего его императору этого никоим образом нельзя было сделать. Главная из них состоит в том, что он выборный император, а, следовательно, уронил бы себя и своих избирателей, решаясь на такое дело не дождавшись решения императорского сейма.

В Петербурге распространилась было молва, будто граф Пушкин издох на пути; однако он здесь ожил, к великому сожалению жителей всей страны. Если б он услышал все хвалебные напутственные слова, произнесенные при получении известия о его смерти всеми, имевшими с ним дело как с председателем штатс-конторы, то он нисколько бы не сомневался, что вызвал здесь только одно общее отвращение к себе.

Все надеялись, что, по заключению мира, торговля и сообщения станут более свободными, и что каждому жителю будет дозволено путешествовать куда ему захочется. Однако затруднения еще увеличились; всякий собирающийся путешествовать, должен хлопотать о своём паспорте за два месяца до отъезда. Если он купец, в его возвращении должны поручиться трое состоятельных купцов, и когда он, наконец, исполнил все формальности, то объявляется об его

[1] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 192–196.

[2] Мардефельд прибыл в Москву, как видно из его донесения из этого города от 8 января, через неделю после отсылки своей последней реляции из Петербурга от 26 декабря 1721 г.

намерении при барабанном бое в продолжение трех дней с тою целью, чтобы вызвать его кредиторов. Это случилось недавно с купцом Пеллонтье, при его отправлении из Петербурга. Здешний Император сам не принимает никаких прошений, а, следовательно, все эти формальности должны приходиться очень по вкусу русским старого покроя, которые и не упускают возможности воспользоваться ими до того, чтоб придраться к иностранцам и напугать желающих переселиться сюда.

Добрый голландский резидент имел опять неприятности перед своим отъездом из Петербурга с полицейской канцелярией. Дело началось тем, что он вошел в канцелярию с покрытой головой, как представитель голландской свободы, и потребовал, не поклонившись никому, паспорт для одного из своих слуг. На это один из первых дьяков или секретарей плюнул и сказал: «разве немец так мало уважает целую коллегию, что осмеливается разговаривать с нами с покрытой головой?». Остальные сочувствовали ему вполне и заставили господина резидента удалиться и войти снова с непокрытой головой. До сих пор все покончилось бы без всякого скандала, но канцелярия полиции, про которую нельзя сказать, чтобы она была самою… [многоточие — П. Н.], надумала отмстить ему и приказала объявить публике при барабанном бое, что голландский министр уезжает, дабы явились те, кто имеет требования к нему. Выдают за достоверное, что все старания генерал-полицмейстера успокоить его были тщетны[1].

№ 11

Мардефельд королю

Москва, 20 марта 1722 г.

Все нынешние дела оставляются до возвращения[2] Его Величества, но с тем большею энергиею занимаются внутренними делами. Его Величество узнали из опыта, что настоящее устройство коллегий, и на нем основанное запрещение обращаться с жалобами личный к Императому, представляют собой весьма плохое убежище для угнетенных и бедных. В сенате теперь находится 16 тысяч нерешенных дел. Это происходит отчасти, что в провинции служат большею частию воры, да мелкие тираны, отчасти оттого, что государство чрез-

[1] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 199–201.

[2] Из Олонца.

вычайно велико; но главная причина этого явления состоит кажется, в том, что с ленивыми собаками плохо охотиться, а господа вельможи гораздо охотнее ничего не делают, чем заседают в коллегиях. Для исправления этих недостатков Ягужинский назначен генерал-прокурором или контролером, и ему подчинены шесть способных людей. Это новое звание придало ему столько значение, что все ему низко кланяются. Сенат теперь прилежно занимается каждый день, так что в неделю составляются и отсылаются 5-600 приказов.

Смотр дворян кончился, и теперь их не в малом числе размещают по полкам и во флоте. Меня уверяли, что из многих тысяч дворян не найдется 10 умеющих читать и писать. Большинство из них потому обеднело, что вельможи отняли у них разными путями крестьян. По этой причине был опубликован указ[1], что все имеющие у себя крестьян, принадлежащих ныне явившимся дворянам, обязаны возвратить их последним под страхом строгого наказания, с уплатой 50 рублей за каждый год пользования ими, или же могут сойтись с законными владельцами на других условиях, чтобы не только не пожаловались на них. Этот указ навел такой страх на знатных господ, что они попросили генералов и полковых командиров выслать им сюда истцов, чтобы им можно было заключить с ними условия.

Говорят, будто намерены изменить контрибуцию (подворная подать) на постоянную поголовную (т. е. подушную подать, которая просуществовала в России еще 164 года. — П. Н.).

Исходя из указа о смотре дворян, явилось «столько народа, что было записано слишком 200 тыс. человек, способных к службе.

Жители… имеют основание ежедневно удивляться, сравнивая настоящее время с прошедшим. В Москве никогда не было такого маскарада, где корабли ходили бы по суше. В начале этого царствования посты соблюдались так свято, что нарушающих и отвергающих их предавались сожжению. Теперь пишут и учат публично, что посты ничто иное, как людьми своевольно постановленные обряды; как об них учат, так и соблюдают, их. Все окружающие Императора, желая отличиться от простолюдинов, почти вовсе не соблюдают постов, исключая несколько упрямых стариков, не желающих отречься от веры своих отцов.

Впрочем, для икон Богоматери и некоторых известных святых было сделано исключение, но и здесь положительно запрещается

[1] Указ от 11 (22) января 1722 г.

прямое поклонение образам, на котором основаны благословения и поклоны…

Так же обращает не малое внимание то обстоятельство, что ассамблеи и балы продолжаются во время поста по три раза в неделю[1] [это перебор в информации посланника. — П. Н.].

№ 12

Мардефельд королю

Москва, 12 июня 1722 г.

… Бедному князю Меншикову опять сильно достается. Его Величество спросили его, сколько у него крестьян в Ингерманландии, а он сознался в 6 до 7 тысячах. Его Величеству было донесено заранее, что он присвоил себе гораздо большее число, а потому Царь ответил ему, что ему оставит 7 000, что же окажется сверх этого числа, прикажет отобрать у него. Говорят, что он таким образом из 15 тысяч, которые у него были, лишился 8 тысяч крестьян. Идет молва, будто он предлагал Ягужинскому 5 деревень, чтобы он стал на его сторону; умные люди вовсе не одобряют этого, так как Ягужинский действует против князя и быть может низвергнуть его. Гетман подарил ему город с уездом на Украине; но он сам прибавил к этому подарку целую провинцию, при чем воспользовался своим большим могуществом. По настоянию Ягужинского три дня тому назад он лишился по приговору этой земли. Ягужинский передал мне от имени Царя, что между русскими, представленными в прежние времена вашему королевскому величеству, есть желающие возвратиться сюда ради своих жен и имений. Царь хочет их выменить на других таких же годных солдат и надеется, что ваше величество примут это благосклонно[2].

№ 15

Мардефельд королю.

Москва, 1 января 1723 г.

Я раньше доносил касательно бракосочетания великой княжны. После замечательного успеха, который имел Царь, надеялись здесь, что её выдадут не иначе как за престолонаследника, в виду чего и был

[1] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 203–205.

[2] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 207, 208.

разослан ее портрет к различным дворам. Эта надежда исчезла теперь, а также герцог Шартрский предпочел всем другим надеждам те виды, которые он имеет в самой Франции; однако, даже после всего этого, достоверно, что молодой великий князь будет обойден в пользу старшей дочери Царя, великой княжны Анны Петровны. В этом никто не сомневается; да и худое воспитание, которое получил этот несчастный принц, служит явным доказательством то же. Но не малое затруднение предвидится в выборе супруга для старшей дочери Царя. Он должен быть чуждым козням старо-московской партии, вполне сочувствовать намерениям настоящего правительства, да сверх того еще быть знатного происхождения. Из известного вашему величеству источника я узнал, будто Франция предлагает для этого брака принца из королевского дома; предполагают, что дело идет о графе Шароле из семейства Конде. Но это предположение соединено с тем условием, чтобы его сделали не только с супругом старший книжной, но и действительным наследником престола; в этом будто состоит главная негоциация Кампредона, который для этой цели располагает большими денежными средствами. Далее будто он уже и объявил, что принц в предполагаемом случае примет православие. Все это дело составляет также цель путешествий Ягужинского, который проговорился одному верному другу, что старшая великая княжна не найдет себе супруга, пока он, Ягужинский, не привезёт ей такового. И кроме того, что я это известие имею из сказанного источника, весьма вероятно, что его Царское Величество охотно видели бы на престоле свою старшую дочь, для и Франции охотно сделала бы французского принца Московским императором, так как обе державы охотники до подобных широких проектов. Из поведения французского министра можно заключить, что его переговоры идут успешно; впрочем, по возвращению Ягужинского, окажется дальнейшее.

По мнению прусского короля, Правительство Франции надеется, что если они составят с Россией союз, «от которого будет зависеть вся Европа»[1].

Это предвидение прусского короля Фридриха-Вильгельма подтвердилось не раз в истории Европы [I и II мировые войны, в которых Россия и Франция выступали в союзе против неприятеля. — П. Н.].

Переговоры относительно заключения нового тесного союза между Францией и Россией (на сей раз к радости Пруссии) «разби-

[1] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 211–213, 214.

лись окончательно» заявил король Фридрих-Вильгельм Мардефельду в письме 9 февраля 1723 г.[1]

№ 19

Мардефельд королю

Москва, 26 февраля 1723 г.

Число арестованных Преображенским приказом «возросло уже до 200 человек.

… Князь Меншиков… ожидая исхода дела… даже заболел, сумел опять скинуть петлю со своей шеи. Говорят, что (не заслуженно) он получил полное помилование, впредь, пока сатана его снова не искусит».

… Говорят за достоверное, что сентенции обер-прокурора Писарева и Шафирова, которые оба приговорены к смерти, будут еще опубликованы до отъезда. Дважды публиковалось при барабанном бое, что те, кто имеет требования к Шафирову, или ему должен что-нибудь, объявили об этом под страхом смертной казни.

Маскарад на судах начнётся в будущее воскресение; генерал-майор Лефорт назначен маршалом его. Мы, иностранные министры, представляем каждый две различные маски и наряжаем в них также двух слуг, едущих впереди нас. При всех поездках мы должны запрягать 12 наемных лошадей. Так как маскарад продолжить целую неделю, то он обойдется мне в половину моего месячного содержания.

Обер-прокурор Писарев который лишен всех должностей [из-за скандала с Шафировым в сенате], находится еще в затруднительном положении относительно работ при проведении канала. Полковник Виттер донес на него, будто он утаил 90 тыс. руб.[2]

№ 27

Мардефельд королю

Санкт-Петербурга, 31 мая 1723 г.

Из «деспотической власти Петра Великого никто не имеет своей собственной. Этою властью построен весь город Петербург и про-

[1] Там же.

[2] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 218, 219, 221.

должается постройка обширных судоходных каналов и гаваней, почти непонятно для человеческого разума»[1].

№ 31

Мардефельд королю

Санкт-Петербурга, 10 мая 1727 г.

Царица вполне одобрила план престолонаследия, составлены Царским семейством и князем Меншиковым случае её смерти[2].

Генерал-полицмейстер граф Девиер был вчера в первый раз допрошен своими судьями. Свидетели показали, что он в случае смерти Царицы был намерен увезти великого князя; поэтому никто не сомневается, что он за это намерение поплатиться жизнью.

17 мая 1727 г. Мардефельд доносит королю: «Следствие, назначенное над графом Девиером уже заходит далеко; после заключения в крепость бывшего генерала-грека великого князя, он вероятно, покаялся в большем, отчего и заарестован генерал-майор Писарев и камер-юнкер князь Долгорукий, графу же Толстому и старому генералу Бутурлину поставлена в их доме стража в 80 человек; та же участь постигла князя Александра Нарышкина. Трое последних многократно подвергались допросам нескольких членов сыскного приказа.

Самое печальное при всем этом то, что в течение нескольких дней, Царица опять больна свою старою болезнию, по симптомам которой, медики заключает о существовании нарыва в легких[3].

№ 33

Мардефельд королю

Санкт-Петербурга, 20 мая 1727 г.

Прусский посланник при русском дворе Г. В. Мардефельд 20 мая 1727 г. в донесении своему королю в первых строках сообщил о том, что 17 сего месяца, вечером в 9 часов, накануне своей коронации, уснула на века Царица в полном разуме и к общему сожалению

[1] Там же. С. 227.
[2] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 336.
[3] Там же. С. 338.

всего Царского дома и всей России[1]. Тотчас же удвоился караул у царского дворца и не выпускали из него никого; начальство же над крепостью было поручено генерал-лейтенанту Мамонову. На другое утро в 5 часов оба гвардейских полка были поставлены под ружье перед царским дворцом. Прежде всего великий князь [Петр Алексеевич], императорское семейство, знатнейших министры, генералитет, синод и сенат отправились в общую залу, где было распечатано и прочтено в присутствии слишком 300 человек извлечения из завещания покойной Царицы, подписанное Ею собственноручно; прилагаю копии этого извлечения. После чего вышел великий князь с некоторыми министрами на улицу к гвардейцам и принял от них присягу на верность, что выражалось в целовании креста и руки Царя, а также тремя пушечными залпами из крепости, адмиралтейства и яхт, стоящих на Неве; отсюда отправился только что воцарившийся Император к молебну, который продолжался час. При окончании его он произвёл генерал-лейтенанта Миниха в генералы, а вице-адмиралов Гордона, Сиверса из Змаевича в адмиралы. Далее пошёл император с герцогиней Голштинской, великой княжной Елизаветой Петровной, герцогом, князем Меншиковым, генерал-адмиралом Апраксиным, великим канцлером, князем Дмитрием Голицыным и бароном Остерманом в залу тайного верховного совета, где царь поместился на троне под балдахином, и, имея по сторонам себя обеих дочерей Царицы, образовал в первый раз, с вышеупомянутыми лицами (9 человек) тайный верховный совет. Потом было прочтено все завещание вместе с приложениями, (которых покойная Императрица по слабости не была в состоянии подписать). По прочтению его, сказал старший Голицын: теперь остается только одно — подписаться, что и было исполнено беспрекословно Царем и всеми членами тайного верховного совета. После этого пошли Его Величество, Императорское семейство, некоторые члены верховного совета, граф Рабутин и Бассевич и генерал Миних к столу. Его Величеству прислуживали, стоя на колен ях, и когда герцог пил за его здоровье, то он не хотел допустить, чтобы тот стоял и называл его своим опекуном [удивительно, что отсутствовал при этом застолье князь Меньшиков. — П. Н.].

Граф Рабутин он был приглашен герцогом присутствовать при всем этом; все бывшие тут, не могли не удивляться поведение моло-

[1] Там же. С. 338.

дого Царя, самоуверенности, снисходительности и достоинства в обращении; говорят, как будто он высказал такую нежную любовь к герцогу и дочерям Царицы, что великое единодушие их вызвало слёзы радости на глазах зрителей.

17 и 18 сего месяца исполнены приговоры арестованным, и затем они были сосланы. Граф Девиер, лишен чести, публичная бит кнутом и под сильную стражею навечно сослан в Сибирь, будучи предварительно лишён всех прав и преимуществ состояния; по ходатайству князя, его имения оставлены жене и детям[1].

Граф Толстой сослан, с оставлением за ним прав и преимуществ состояния, в вечное заключение на остров Соловецкий в Белом море; его стража состоит из одного офицера и 12-ти рядовых, которые пожизненно останутся при нём. Генерал Бутурлин и старший Нарышкин высланы в свои имения, с запрещением выезда в столицы или где временно находятся двор; генерал-майор Писарев бит кнутом, и пожизненно сослан в отдаленнй край Сибири.

Недоверие и сухость… в отношениях между членами Императорского семейства и верховного тайного совета между собою,… исчезли и можно ожидать спокойного и твердого правления[2].

Донесения французского посланника при русском дворе Кампредона и агента Маньяна (1726–1727 гг.)

№ 31

От г. де-Кампредона к графу де-Морвилю.

Петербург, 15 января 1726.

«… Царица продолжает вести тот образ жизни, которому предалась несколько месяцев назад. Очень и очень вероятно, что царствование продлится недолго»[3].

---

[1] К сожалению, это не так. Его семья была лишена всей недвижимости, принадлежавшей генерал-полицмейстеру Антону Девиеру. Его собственность поделил Меншиков между теми, кто судил Девиера, и близкими людьми светлейшего князя. И лишь после ссылки Меншикова жене Девиера и его детям была оказана помощь. См.: *Сборник* РИО. 1907. Т. 126. С. 149, 209, 361–362, 427.

[2] *Сборник* РИО. 1875. Т. 15. С. 339, 340, 344.

[3] *Сборник* РИО. 1888. Т. 3. С. 199.

№ 43

От г. де-Кампредона к графу де-Морвилю.

Петербург, 18 февраля 1726.

Гг. Толстой, Апраксин, Голицын… начинают очень подозрительно относиться к Меншикову и высказали, что [если] он и впредь станет руководствоваться советами Бассевича, то они вынуждены будут открыто сопротивляться всяким их начинаниям. «Брожение умов… весьма сильно. Во дворце князя Меншикова принуждены были усилить караул, а в крепости переменили гарнизон»[1].

№ 45

От г. де-Кампредона к графу де-Морвилю.

Петербург, 23 февраля 1726.

Более полугода тому назад я сообщал вам, что герцог Голштинский и его министр хлопочат об учреждении тайного совета, который завися вполне от Царицы, дал бы Государыни больше свободы в решениях.

«Между русскими вельможами царствуют большие раздоры; неумеренная власть князя Меншикова усиливает брожение; происходят тайные сборища недовольных; если дела пойдут таким порядком, то здесь непременно должен произойти какой-нибудь переворот».

«Ловкий Толстой… предложив учреждение верховного совета, председательницей коего должна быть Царица, а совершенно равноправными членами - главные вельможи, он одновременно и укрепил власть… Государыни… и некоторым образом удовлетворил партии. Ограничивая отныне, власть князя Меншикова не станет более возбуждать справедливой зависти, так как ему нельзя уже будет ничего решать иначе, как с единогласного согласия всего совета… Этот верховный, или правящий совет учрежден был третьего дня вечером, а вчера [т. е. 22 февраля — П. Н.] было первое заседание его. Состоит он из князя Меншикова, генерал-адмирала, канцлера Головкина, Толстого, князя Голицына и Остермана. Учреждение тайного совета «уничтожает прежнюю власть сената. Генерал-майоры Ушаков и Юсупов удалены из сената, а их место заняли майоры гвардии Ма-

[1] Там же. С. 247.

монов и Салтыков; генерал Бутурлин, обер-президент главного магистрата Долгоруков, начальник полиции Дивьер назначены тоже членами сената, равно как и Ягужинский. Последний так шумевший все это время и так часто хвастaвший, будто он око императрицы, в отчаянии теперь, видя, что его надул собственный тесть [канцлер гр. Головкин. — П. Н.]. Он не хочет больше являться в сенат и Царица, говорят, сделает его обер-шталмейстером.

По мнению Кампредона учреждение Верховного тайного совета — «первый камень того здания, которое усилить власть русских вельмож, их широкое участие в управлении делами этой страны. В то же время верховный совет «представляет первый шаг перемене формы правления»[1].

№ 47

От г. де-Кампредона к графу де-Морвилю.

Петербург, 28 февраля 1726.

«… учреждение нового верховного совета вызывает довольно громкий ропот недовольных, особенно Ягужинского и гг. Ушакова и Юсупова, майоров, пользовавшихся большим влиянием при прошлом царствовании»[2].

№ 74

От г. Маньяна к графу де-Морвилю.

Петербург, 7 июня 1726.

Вот уже два месяца, как длится сильная засуха, заставляющая опасаться неурожая. Тут начинают очень тревожиться этим … множество расположенного здесь войска потребляет большое количество хлеба, а, как известно, в окрестностях Петербурга производительность невелика, и хлеб приходится везти из отдаленных провинций[3].

[1] *Сборник* РИО. 1888. Т. 3. С. 253–256.
[2] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 265.
[3] Там же. С. 268.

№ 81

От г. Маньяна к графу де-Морвилю.

Петербург, 20 июля 1726.

Князь Меншиков еще не вернулся из Риги. У него произошла крупная размолвка с герцогиней Курляндской, с которой он виделся где-то на полпути между Ригой и Митавой. Посорились они за то, что герцогиня, желающая выйти замуж за графа Морица Саксонского, интриговала в пользу избрания его в ущерб Меншикову. Здешний двор недоволен такими действиями и, вероятно, не согласится на помянутый брак. Здесь говорят, будто польская республика, объявившая недействительным какое бы ни было избрание герцога собранием чинов, тем не менее одобрила это избрание и признала нового герцога[1].

№ 82

От г. Маньяна к де-Кампредону.

Петербург, 20 июля 1726.

«Князь Меншиков страшно оскорблен избранием принца Морица. Он немножко излил свою желчь на герцогиню Курляндскую, интригам которой он приписывает это избрание и которая в самом деле, говорят, хлопотала за графа Морица в надежде выйти за него замуж.

… И когда при русском дворе возникло подозрение о том, что незваная принцесса неравнодушна к графу, Царица написала ей, что дочери и сестре императоров неприлично выходить замуж за незаконнорождённого саксонца»[2].

№ 83

От г. Маньяна к графу де-Морвилю.

Петербург, 27 июля 1726.

«Говорят, что Царица опротестовала избрание графа Саксонского сеймом курляндских чинов, из чего можно заключить, что князь Меншиков, задержанный в Риге кончиной тамошнего губернатора, князя Репнина, не совсем ещё потерял надежду на приобретение верховной власти в названном герцогстве»[3].

---

[1] Там же. С. 380.

[2] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 381–382.

[3] Там же. С. 386.

№ 84

От г. Маньяна к графу де-Морвилю.

Петербург, 3 августа 1726.

Князь Меншиков… не ограничился упреками герцогине Курляндской, а поругался даже с графом Саксонским.

Герцогиня едет из Митавы сюда, хотя неизвестно ещё почему. Известно только, что Меншиков, в виде предположения, сообщил здешнему двору, что, по его мнению, следует 10 тысяч человек из расположенных в Ливонии войск перевести в Курляндию, где их будто бы удобнее будет продовольствовать, вследствие чего двор счел за лучшее самого князя немедленно вытребовать сюда. Так что он вчера [2.08.1726 г. — П.Н.] вернулся, проехав через Ревель, где отказался от свидания с адмиралом Уэджером, который, говорят, посылал просить его об этом[1].

№ 85

От г. Маньяна к графу де-Морвилю.

Петербург, 10 августа 1726.

«Герцогиня Курляндская прибыла сюда. Говорят, что царица не приняла её и, сверх того, приказала арестовать управляющего делами герцогини, Бестужева, отца того, что уехал недавно в Польшу. Его уже везут сюда из Митавы и с ним еще двух поверенных герцогини Курляндской, которых заковали в кандалы»[2].

№ 86

От графа де-Морвиля к г. Маньяну.

Версаль, 11 августа 1726.

Все ваши письма, …получены мною… последнее от 6 июля. Если князь Меншиков и имел в виду на Курляндию, то вы, конечно, знаете уже, что они предупреждены действиями графа Саксонского, избранного чинами герцогства в наследники царствующего герцога.

Насчёт того, как в этом случае поступит петербургский двор, ничего ещё, кажется, неизвестно. По одним сведениям, русские собираются, войсками сосредоточенными в окрестности Риги, поддержать

[1] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 388–389.

[2] Там же. С. 393.

планы князя Меншикова; по другим, напротив, планы эти служат лишь предлогом для сокрытия других замыслов. Употребите все зависящие средства разузнать истину, если возможно[1].

[Как известно, русский двор применил план Меншикова и с помощью военных действий «нейтрализовал» стремление графа Саксонского утвердиться в качестве герцога Курляндского. — П. Н.].

№ 87

От г. Маньяна к графу де-Морвилю.

Петербург, 17 августа 1726.

Зависть герцога Голштинского к князю Меншикову за его чересчур большое влияние побудило герцога оказать покровительство герцогине Курляндской. Благодаря ему и герцогине, супруге его, она была принята Царицею в аудиенции и теперь появляется при дворе, из чего заключают, что дело это окончено.

На днях Ягужинский напился при дворе и пьяный бросился на колени перед Царицею, жалуясь ей на пренебрежение, с каким к нему, по его мнению, относятся теперь, и перемешивая эти жалобы с ругательствами против разных будто бы обидевших его лиц, в особенности против Меншикова. Говорят, Царица ужасно оскорбилась этим поступком Ягужинского.

Но у него подобные сцены дело обычное [на могиле Петра каялся в мае 1725 г. — П. Н.] и, вероятно, и эта сойдет ему с рук, тем более, что он уже после того назначен послом в Польшу, куда Россия имеет обыкновение всегда отправлять в посольство во время сейма. Он уже собирается к отъезду и, говорят, поедет через Вену[2].

№ 95

От г. Маньяна к графу де Морвилю.

Петербург, 28 сентября 1726.

Ненависть князя Меншиковым к герцогу Голштинского усиливается с каждым днем, и очень возможно, что он постарается воспользоваться всяким всяким случаем отомстить за шутки, которые сыграл с ним верховный совет и в которых главная роль принадлежа-

[1] Там же. С. 394.

[2] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 395–396.

ла герцогу. На днях, в выражениях, обнаруживающих сильный гнев, Меншиков сказал одному вице-адмиралу, датчанину по происхождению: Надо свести этого смутьяна (он говорил о герцоге Голштинском) в Швецию; увидим, как-то он выпутается там[1].

№ 98

От г. Маньяна к графу де-Морвилю.

Петербург, 12 октября 1726.

«… Герцог Голштинский до того разстроен…., что даже на лице его ясно видна печаль. …на то разного рода причины. Между прочим, холодность и несогласие, царствующие между ним и герцогиней, супругою его, и доходящие до того, что он уже более трех месяцев не допускается в её спальню, тоже, может быть возбуждают в нем печальные размышления насчет своей участи[2].

№ 102

От графа де-Морвилю к г. Маньяну.

Версаль, 31 октября 1726.

«Со всех сторон доходят сведения, будто здоровье Царицы слабеет с каждым днем и будто расстройство это доходит до того, что Государыня не может долго прожить. Я желал бы, чтобы вы приложили особенные заботы и старания разузнать как можно вернее все об этом, равно как… о партиях, какие образовались бы в случае близкой кончины Царицы…, о степени силы, приобретаемой ныне партиею Великого Князя…. Не пренебрегайте никакой мелочью, по которой можно заранее составить себе представление о событиях, к каким может повести смерть Царицы[3].

---

[1] Там же. С. 417. Меншиков, видимо, имеет в виду слухи, по которым якобы возвратившиеся из Сибири пленные шведы численностью в 12 тысяч человек из-за своего нищенского положения готовы присоединиться «даже к нижнему отряду, который Россия послала бы в Швецию для какой-либо попытки в пользу герцога Голштинского». Там же. С. 418.

[2] Там же. С. 427.

[3] Там же. С. 436–437. События, происшедшие при русском дворе через несколько месяцев (апрель 1727 г.), предопределили проницательность французского министра графа де Морвиля. — П. Н.

№ 117

От г. Маньяна к графу де-Морвилю.

Петербург, 7 января 1727.

«…князь Меншиков тайно старается женить Великого Князя на второй дочери своей…. Здоровье Царицы совершенно поправилось, здесь никому даже и мысль не приходит, будто кровь у неё заражена и будто «сама Государыня близка к смерти»[1].

№ 118

От г. Маньяна к графу де-Морвилю.

Петербург, 14 января 1727.

…Инженеру рогервикского порта велено построить и вооружить пушками батареи на острове Наргене, дабы никакой флот не мог войти в этот порт как это случилось в прошлом году[2].

№ 121

От г. Маньяна к гр. де Морвилю.

Петербург, 28 января 1727 г.

Дней двенадцать тому назад отсюда уехали два лица, причина отъезда коих сильно занимает многих, хотя никому не удалось разгадать эту тайну.

Одно из означенных лиц Мануил [Антон] Девиер — начальник полиции и зять князя Меншикова, другой — Шенниус, секретарь канцелярии иностранных дел. Первый уехал в сопровождении гвардейского офицера, но куда — никому достоверно неизвестно. Так как он зять Меншикова, то многие полагают, не поехал ли он в Украину в предупреждении того, чтобы князь Голицын не отказался, пожалуй, исполнить недавно посланный ему Царицею приказ отделить 10 полков от своей армии. По мнению других, ему дано какое-то секретное поручение к иностранному двору, может быть к мадрид-

[1] Там же. С. 485.

[2] Там же. С. 488.

скому. Наконец, третьи, прослышав кое-что о том будто первая, отвергнутая и заключенная в Шлиссельбурге Царица умерла, думают, что может быть, названный поверенный Меншикова послан туда[1].

Несколько более достоверные сведения о поездке Шениуса. Он проехал через Ригу, вследствие чего и полагают, что секретарь этот послан в Варшаву, к тамошним министрам Царицы, так как по последним, полученным оттуда известиям, на выздоровление короля Августа нет надежды. Я слышал, что отпуская Шениуса, Остерман наказывал ему торопиться елико возможно, ибо успех его миссии чрезвычайно важен.

Но при этом Маньян, ссылаясь на постоянные столкновения и интриги при русском дворе заключает, что «невозможно составить себе заранее ясного представления ни об одном событии»[2].

№ 123

От г. Маньяна к гр. де Морвилю.

Петербург, 4 февраля 1727.

«Что касается до той поездки Маннуила [Антона] Девиера и секретаря канцелярии, о которой я говорил в прошлом письме, то говорят, что оба они уехали в Митаву. Им велено оставаться там до окончания действия комиссии, долженствующей прибыть в Курляндию из Польши. Царица приказала уж, говорят, объявить курляндцам, что поддержит их независимость. Впрочем, говорят также, что для Маннуила [Антона] Девиера возобновление этого заявления — только предлог, а на самом деле Государыня поручила ему предложить графу Саксонскому руку одной из ее племянниц. Некоторые подозревают однако, что и эта уловка Меншикова с целью заманить, если можно, графа Саксонского в Петербург и сделать его жертвою своей мести, выдав его затем в руки Польши[3].

[1] Там же. С. 495.
[2] Там же. С. 496, 497.
[3] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 503–504.

№ 124

От г. Маньяна к графу де Морвилю.

Петербург, 11 февраля 1727.

«… Царица, руководимая советами [Петра Андреевича] Толстого и убежденная в неискренности искательств герцога [Голштинского] в пользу Великого Князя, питает в отношении престолонаследия совсем иные замыслы, не касающиеся ни Великого Князя, ни герцога Голштинского, который не любим русскими. Говорят, что это открылось лишь на днях, во время легкого нездоровья Царицы, заболевшей было поносом. Она очень ослабела и находилась в лихорадочном состоянии, и тут, говорят, высказала, что вопрос о престолонаследии не касается никого, кроме младшей дочери ее, принцессы Елизаветы; что она безотлагательно объявила бы ее наследницею, если бы могла теперь же обеспечить ее, выдав замуж за епископа Любского, в случае согласия последнего перейти в православие, что было бы необходимо для исполнения ее плана. Герцогиня Голштинская огорчилась до крайности, услышав эти слова Царицы, заперлась в своей комнате и несколько дней сидела там, обливаясь слезами»[1].

№ 125

От г. Маньяна к гр. де-Морвилю.

Петербург, 18 февраля 1727.

«… Опечален князь Меншиков, что от него скрыли цель посольства Мануила Девиера, зятя его в Курляндию. Князь так раздражён против этого последнего лично, что это наводит на мысль, не касалась ли его миссия интересов графа Саксонского.

Обо всём этом мне ничего не удалось узнать, равно как и о том, зачем этот самый Мануил Девиер возвращался сюда и, пробыв несколько дней, уехал опять, так же как и полковник де-Фонтеней, бывший здесь посланным графа Саксонского. Знаю только, что дело не касается должно быть, брака графа Саксонского со старшей из племянниц Царицы. Ее Государыня назначает, говорят, графу Левенвольду и даёт ей 150 тысяч приданного. Говорят также, что Царица собирается

[1] Там же. С. 507–508.

объявить своим братом отца этой своей племянницы, пожалованного уже графом[1].

№ 129

От г. Маньяна к гр. де-Морвилю.

Петербург, 11 марта 1727.

Фельдмаршал Сапега приехал, наконец вчера (10 марта 1727. — П. Н.) вечером. За два до него (8 марта — П. Н.) прибыл и граф Девиер, митавский (так обозначил его миссию французский посланник Маньян. — П. Н.). Через несколько дней вся эта [миссия] выяснится может быть; теперь же в ней также темно, что не могу сказать ничего боле[2].

№ 131

От г. Маньяна к гр. де Морвилю.

Петербург, 18 марта 1727.

Ныне никто уже не сомневается существование нового планы женить молодого графа Сапегу на старшей племяннице Царицы. Уверяют даже, будто именно в виду его граф Девиер послан был в Курляндию и что фельдмаршал Сапега [отец графа Сапеги. — П. Н.] запоздал на неделю единственно потому, что он останавливался в Митаве, вероятно с целью разузнать, успешно ли действовал Девиер. Правда, основные законы герцогства требуют, чтобы государь его исповедовал лютеранскую веру, и это могло бы помешать Царице поместить туда графа Сапегу, католика; но, по общему мнению, препятствие это устранить нетрудно. Меншиков… чувствительно задет планом, клонящимся не только к уничтожению навсегда той надежды на собственную его власть в герцогстве…, но и к разрыву давнейшей помолвки князя Сапеги с его старшей дочерью. Однако ему есть чем утешиться… он имеет несравненно более лестную надежду выдать свою вторую дочь за Великого Князя. Говорят,… что Меншиков серьезно занят этой последней мыслью…»[3].

[1] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 510.
[2] Там же. С. 520.
[3] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 521–522.

№ 132

От г. Маньяна к гр. де-Морвилю.

Петербург, 25 марта 1727.

«Таинственные поступки здешнего двора, доносит посланник Маньян графу де Морвилю, в деле миссий Девиера в Курляндии и де Фонтенея в Петербурге начинают разоблачаться понемногу. Так, де Фонтеней предлагал раздел Митавы между великим гетманом этого герцогства, князем Меншиковым и графом Саксонским, в долю коего должна была войти и Курляндия. Однако русские не согласились на это и полковник де Фонтеней уехал отсюда. Девиеру поручено было от имени Царицы расположить государственные чины Курляндии в пользу молодого графа Сапеги, за которого царица намерена выдать одну из своих племянниц. Однако заявление Девиера, что названный граф перейдет в лютеранство, не произвело никакого впечатления на умы курляндцев; они напротив утвердили избранного графа Саксонского, вследствие чего Девиер тотчас уехал из Митавы.

Царица дала свое согласие на брак Великого Князя с младшей дочерью Меншикова. Герцогиня Голштинская и сестра ее [Елизавета Петровна. — П. Н.] тщетно уговаривали Царицу взять это согласие назад. Партия Великого Князя приобрела теперь такое преимущество, что и Царице, может быть нелегко противостоять ей»[1].

№ 133

От г. Маньяна к графу де Морвилю.

Петербург, 25 марта 1727.

Царица выезжала вчера в первый раз после своего нездоровья, почти два месяца недозволявшего ей выходить из дома. О настоящих причинах этой болезни хранится глубочайшее молчание, но оно, разумеется, не помешало многим и кроме царицыных врачей узнать их; не все согласны, будто причины именно те, о коих я докладывал 4-го этого месяца[2].

Напоминаем, что посланник Маньян 4 марта информировал свое правительство о том, что в Государыне открыты признаки болезни, от которой умер Царь Петр. Однако найти средство полного излечения

[1] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 527–528.

[2] Там же. С. 532–533.

этой болезни так трудно, что это внушает ещё нелегко устранимое отвращение[1].

Как видно из донесений иностранных дипломатов в окружении больной Екатерины I разгоралась борьба за власть. События подтвердили это. При этом иностранные посланники соревнуясь в оперативности в добыванию информации для своих правительств, шли на любые приемы, используя при этом весьма активно человеческие слабости некоторых сотрудников иностранных ведомств. Подтверждением тому, рекомендации графа де Морвиля французскому посланнику при русском дворе Маньяну от 2 марта 1727 г., Версаль. «Я получил Ваши письма от 14, 21, 28 января, пишет граф де Морвиль. Благодарю вас за подробные донесения о действиях двора, при коем вы находитесь… Из газет вы уже узнали, что король испанский назначил герцога Лирию своим посланником в Петербург. «Говорят, что секретарь, которого он везет с собою под именем Сень-Совёра, пьянствует и что тогда от него можно выведать все. В стране, где вы пребываете, случаев к пьянству достаточно, и уж это ваше дело посмотреть: не можете ли вы настолько сблизиться с этим секретарём, чтобы воспользоваться, по возможности, приписываемою ему слабостью»[2].

№ 134

От г. Маньяна к графу де Морвилю.

Петербург, 1 апреля 1727.

Отказавшись отменить свое решение на брак Великого Князя [на дочери Меншикова. — П. Н.], Царица не только не боится опасных последствий от своего поступка в пользу Великого Князя, но еще и считает его наилучшим из всех доступных ей средств прочно укрепить спокойствие своего правления. Ибо этим Государыня, с одной стороны, успокаивает сторонников Великого Князя, юность коего дозволяет обвенчать его нескоро, с другой же, она навсегда привязывает к себе князя Меншикова, которого…. считает вернейшим слугой своим…, на которого может положиться более, чем на кого-либо[3].

[1] Там же. С. 515.

[2] Из письма графа де Морвиля г. Маньяну от 2 марта 1727 г. Версаль. // Сборник РИО. 1888. Т. 64. С. 512, 513, 515, 532, 533.

[3] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 533.

№ 136

От г. Маньяна к графу де Морвилю.

Петербург, 12 апреля 1727.

Здоровье Царицы не совсем хорошо,… сидит все дома и большую часть дня проводит в постели. Однако, об этом по-прежнему не говорят ни при дворе, ни в городе и врачи весьма редко призываются к Государыне, жизни её должно быть не грозит никакая опасность[1].

И хотя, как видно из донесений иностранных дипломатов, болезнь Екатерины I держали в строжайшем секрете. Но информация о прогрессирующей неизлечимой болезни русской императрицы продолжала поступать от иностранных посланников при русском дворе.

Так, французский агент Маньян 19 апреля 1727 г. доносил графу де Морвилю: «Хотя здоровье Царицы и принято считать превосходным, но Государыня до того ослабела и так изменилась, что ее почти узнать нельзя. В первый день Пасхи она не присутствовала в дворцовой церкви. В прошлую пятницу, в день её рождения, не было ни пиршества, ни раздачи орденов, только графам Сапеге и Левольду подарены осыпанные бриллиантами портреты Государыни»[2].

А через неделю, как бы подтверждая свои предположения о состоянии здоровья русской императрицы, Маньян 26 апреля 1727 г. сообщал своему правительству: «В день рождения Царицы на обед к ней были приглашены лишь герцог и герцогиня Голштинские, принцесса Елизавета и фельдмаршал Сапега с сыном. Князь Меншиков, исполняя обязанности свои в звании гофмаршала, присутствовал на обеде, но не садился за стол»[3].

№ 143

От г. Маньяна к гр. де Морвилю.

Петербург, 6 мая 1727.

Не имея надежды на выздоровление Царицы, министры сами составили акт о престолонаследии.

Сущность его следующая: после кончины Царицы Великий Князь займет русский престол. До 17-летнего возраста он будет

---

[1] Там же. С. 542.

[2] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 548.

[3] Там же. С. 555.

находиться под опекой верховного совета; по достижению этих лет, возьмет бразды правления в собственные руки. Цесаревна Елизавета в сказанном совете будет иметь два голоса. Этот акт подписали все министры Меньшиков, Апраксин, Головкин, Голицын и граф Толстой. Остерман болел и не присутствовал при принятии этого постановления. Герцог и герцогиня Голштинская (дочь Петра I Анна) даже не упомянуты в этом акте.

Все с нетерпением ждали что скажет об этом акте Екатерина I.

Граф Девиер, зять Меншикова, посажен в тюрьму. Он бывший главный начальник полиции, посажен вчера (5 мая — П. Н.) в петербургскую крепость. О причинах такой немилости к нему ничего еще не слышно, только считают дурным предзнаменованием для него то, что у него отняли александровскую ленту[1].

№ 144

От г. Маньяна к гр. де Морвилю.

Петербург, 13 мая 1727.

Графа Девиера уже три раза подвергали пытке — ударом кнута. Обвиняется он в том, будто в то время, как Царица была при смерти, он предлагал Великому Князю провозгласить его Императором всероссийским, не дожидаясь, пока Царица закроет глаза, для чего хотел приобрести поддержку подполковника гвардии Бутурлина, прежде же всего отделаться от Меншикова. Великий Князь сообщил это предложение великой княжне, сестре своей, та — принцессе Елизавете, которая передала его Царице, после того как удушье её прошло и она снова могла дышать свободно.

Говорят, будто в заговоре участвовал старший из двух братьев Нарышкиных и воспитатель, который сопровождал его во Францию, а в последние годы был преподавателем Великого Князя. Говорят также об одной княгине Волконской и о некоторых других лицах, которых не называют.

Нарышкин арестован на дому, а преподаватель Великого Князя посажен в тюрьму, также, как и княгиня Волконская.

Девиер рассчитывал, говорят, что сам он будет возведен в сан первого министра. Бутурлина сделают главнокомандующим войсками,

[1] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 564.

а Нарышкин получит какую-либо иную из главных должностей в государстве[1].

№ 145

От г. Маньяна к гр. де Морвилю.

Петербург, 17 мая 1727.

При здешнем дворе возникают домашние затруднения, за последствия коих многие опасаются. Источником их служат может быть гнев Меншикова на зятя его, Девиера, и вражда его ко всем, кто расположен к герцогу Голштинскому. Девиер признался, говорят, под пыткою, будто составлял с Толстым заговор против особы князя Меншикова с целью не допустить брака второй дочери его с Великим Князем. И вот Толстой арестован, также как и его сын, президент коллегии, и говорят, многие другие лица скоро подвергнутся той же участи.

Поступки эти дают настоящее мерило власти Меншикова, перед которой все, кажется, должно теперь преклоняться. Он с особенной бдительностью следит за тем, чтобы при нынешних обстоятельствах, никто не имел доступа к Царице, кроме его доверенных лиц. Все просьбы за обвиняемых отсылаются в учрежденную для того комиссию, составленную из канцлера Головкина, князя Голицына, гвардии генерал-майоров Мамонова и Юсупова и советника канцлерства Волкова[2].

№ 147

От г. Маньяна к гр. де Морвилю.

Петербург, 20 мая 1727.

Царица скончалась 17-го нынешнего месяца между, 9 и 10 часами вечера.

На другой день по утру, согласно завещанию Царицы, публично прочитанному графом Остерманом, Великий Князь провозглашен был Императором Всероссийским, Петром II.

По прочтении завещания новый Царь собственноручно написал и подписал внизу этого акта обещание выполнить изложенные в нем условия. Затем Государь принял присягу на верность от высших сановников короны — министров, сенаторов, генералов и офицеров гвардии. Войска приводились к присяге двумя священниками.

---

[1] Там же. С. 566–567.

[2] *Сборник* РИО. 1888. Т. 63. С. 568–569.

В то же воскресенье утром Его Царское Величество пожаловал князя Меншикова генералиссимусом армии, а юного князя, сына его обер-камергером. Граф Остерман утвержден Государем в должности его воспитателя… Сделано производство чинов. Генерал-лейтенант Миних произведен в генерал-аншефы, а вице-адмиралы Гордон, Сиверс и Змаевич в адмиралы[1].

… Нарышкин и Толстой были арестованы. В субботу днём та же участь постигла генерала Бутурлина и одного из молодых князей [Ивана] Долгоруковых. Приговор над ними, произнесенный с ведома покойной Царицы, прежде чем она испустила дух, приведён в исполнение в воскресенье вечером. Приговор следующий:

Нарышкин ссылается в свое имение, с запрещением выезжать оттуда.

Толстой и Бутурлин, коего лишили андреевского ордена, отправлены в крепость, в Шлиссельбург или Колу на всю жизнь, но без лишения чести и имущества.

Камергер Долгоруков находится еще в Петербургской крепости.

Девиер и Писарев лишены всего: чинов, звания, должностей и имущества; они приговорены к публичному наказанию плетьми, по 15 ударов каждый и к ссылке в Сибирь; их увезли в воскресенье вечером[2].

По просьбе Меншикова, на сестре коего женат Девиер, имения последнего отданы его жене и детям[3].

Французский посланник свое донесение к графу де-Морвилю заканчивает на оптимистической ноте: «вместо переворота здесь господствует полное спокойствие… все убеждены, что не прими князь Меншиков предосторожности захватить вышеозначенных лиц за кончиной Царицы неминуемо последовали бы большие волнения. Намерения их состояли, оказывается, в том, чтобы, возведя Великого Князя на престол, сделать правители Нарышкина, как ближайшего родственника Государя, а всех кто стал бы тому противиться, исправить[4].

---

[1] *Сборник* РИО. 1888. Т. 63. С. 579.

[2] Там же. С. 574–575.

[3] На самом деле имения А. Девиера, по велению Меншикова, были отданы тем, кто судил генерал-полицмейстера и его соучастников, а так же адъютанту генералиссимуса и племяннику его супруги Дарьи Михайловны.

[4] *Сборник* РИО. 1888. Т. 64. С. 575.

Документы Верховного тайного совета — свидетельства о вражде сестры со светлейшим братом (Александр Меншиков и Анна Девиер)

№ 292

Протокол Верхового тайного совета

6-го октября 1727 г.

О дозволении жене Антона Девиер жить в деревнях своих или ехать в сосланному мужу ее

1727 года октября в « » день Его Императорское Величество указал: жене Антона Девиера, Анне, по прошению ея, жить в деревнях своих, в которых похочет. А буде пожелает ехать к своему мужу, и в том ей позволить. И о том, куда надлежит послать указ.

Подлинный подписали: Генерал-адмирал граф Апраксин, Канцлер князь Головкин, князь Дмитрий Голицын, Василий Степанов.

Подписан октября 6-го 1727 года[1].

Письмо жены Девиера Анны Даниловны сестре Императора Петра II

Пресветлейшая Государыня, Великая Княжна Наталия Алексеевна.

При высокой Вашей нижайших Государей персональной милости подданейше содержаны были безпорочно, а чрез трех-месячное минувшее время по произволению всещедрого Бога, покинуты вне милости, якобы недостойные и нерачители охранением общевысокого Вашего здравия и осуждены ссылкою по разным местам.

Чего ради уже подданейшая якобы и подобно осиротевшая вдова, равно и я, разлученная от своего мужа и с ребятишками сосланная в неимущая и мизерные деревнишки, от великого холода и голода раболепно, со слезами прив смелость прошу Вашего Высочества, умилостивись, Государыня Наша и прослави свое высокое звани е, в милостивом обращении утехи над нами рабами своими соделанное, и представил по услышание ущесть Его Императорском Величеству Всемилостивейшему Нашему Государю, а Вашего Высочества единоутробному брату и Государю, настави нас, рабов на стезю правого

[1] *Сборник* РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 464.

причтения при прежнем мужа моего раболепном служении. А хотя ж и не в силу Вашим Высочеством соуготовити допущением прежде минувшаго рабов Ваших служения, то умилостивись, Государыня Наша, и на поместье рабскую мужа моего Вашему Величества малую службишку предложи свое, яко Бог милостивое исходатайство и не повелите, Государыня, нас рабов Ваших, по разным местам быть содержанным, но хотя-ж бы, Государыня, и с немалою нуждою одержимы были, однако-ж были бы вместе. Услыши Милостивейшая Наша Государыня, разлученное стенание моей жизни, препровождающееся по убожестве, и не дай безвременно умрети, а ребятишек пустить в вечное сиротство, но надежда нашего упования при Вашем Высочестве, а другаго заступления и родственнго снабдения не имамы.

Всеподданейшая бедная и сирая раба Вашего Высочества Анна Девиерова. 8 сентября 1727 года[1].

№ 455

Из протокола Верховного тайного совета

20-го ноября 1727 г.

О пожаловании бригадиру Островскому 15-ти крестьянских дворов в Торопецком уезде

II. Бригадир Петр Островский бьет челом, чтоб за многие его службы пожаловать ему с женою и с детьми на пропитание отписанными деревнями… в 715 году, после Якова Корсакова, в Торопецком уезде усадище Жуковичи с деревнями 15 дворов отдано Антону Девиеру. А мая 25-го дня нынешнего 727 года те в Епифанском и Торопецком уездах деревни отданы князя Меншикова секретарю Андрею Яковлеву, но в связи с тем, что Меншиков был сослан в Березов, от его секретаря те деревни «велено взять и отписать на Его Императорское Величество»[2].

[1] *Сборник* РИО. СПб, 1889. Т. 69. С. 464, 465.
[2] *Сборник* РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 786–787.

№ 187

Журнальная записка Верховного тайного совета

15 сентября 1727 г. в Верховном тайном совете «были… генерал-адмирал, граф Федор Матвеевич Апраксин, канцлер, граф Гавриил Иванович Головкин, действительны тайный советник князь Дмитрий Иванович Голицын, вице-канцлер и действительный тайный советник барон Андрей Иванович Остерман.

И прежде прибытия вице канцлера в начале собрания принес бывший Санкт-Петербургский обер-комендант генерал-майор Юрий Фоминцын шкатулу с делами (из Определенного суда) Антона Девиера с товарищи его сего 1727 года, и притом 5 шпаг с ярлыками, чья из них катораго. И она шкатула с делами тогда-ж запечатана кабинетного старою печатью (которою в иностранной коллегии печатаются указы и рескрипты в секретной экспедиции) и отдана та шкатула с делами, такожж и ключ от нее, за оною-ж печатью, и шпага для сохранения в архив иностранной коллегии канцелярии советнику Петру Курбатову.

А на с. 290 читаем: «Генерал-майор Юрий Фоминцын объявил в скрыне розыскной дело о Антоне Девиере и Толстом и прочих, да пять шпаг, и та скрыня запечатана и отдана в архив иностранной коллегии»[1].

№ 71

[Дележ богатств осужденных — П. Н.]

Журнал Верховного тайного совета

21-го июля 1727 г.

21 июля 1727 г. Верховный тайный совет донес свое мнение А. Д. Меншикову о наделении нерозданными еще деревнями Толстого гвардейским офицерам, кто бьет челом и которые малопоместные разверстать и дачу из оных сделать. «Его светлость на то согласился, только объявил, чтоб Сухотину дать более других «за службу при взятии Антона Девиера за арест»[2].

[1] *Сборник* РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 290–291.
[2] Там же. С. 123.

7 мая 1727 г. Петр II пожаловал бригадира и обер-коменданта Егора Фомицына за его службу в генерал-майоры. Протокол Верховного совета от 7 мая 1727 г. № 208[1].

12 мая 1727 г. Петр II пожаловал святейшему князю Меншикову чин генералиссимуса и крест золотого ордена Святого Апостола Андрея[2].

Генерал-лейтенанту Дмитриеву-Мамонтову бывших деревень князя Гагарина, мызу графа Петра Толстого в Ингермоландии действительному тайном советнику барону Остерсану[3].

№ 420

Протокол Верховного тайного совета

10 ноября 1727 г.

«О возвращении деревень братьям Лопухиным и о пожаловании таковых же статскому советнику Маслову»

Два дома каменные, один в Москве, другой в Санкт-Петербурге, принадлежавшие отцу братьев Федора и Василия Лопухиных, были отданы: московский — под фабрику, санкт-петербургский — Петру Толстому и отца их деревни, которые были за Петром Толстым, а затем отданы секретарю при князе Меншикове Андрею Яковлеву и адъютанту светлейшего князя Спирьеву, села Назирово, Ивановское, деревня Лелино, сельцо Анисимово с деревнми, а также деревни Рядово, Хочютина — те дворы и деревни возвратите и отдать братьям Лопухиным, а также бывшие деревни Писарева и Девиера. «Все то… от них взять отписать на Его Императорское Величество»[4].

Журнал Верховного тайного совета

6 октября 1727 г. Совет в составе Ф. М. Апраксина, Г. И. Головкина, Д. М. Голицына решил:

5. О позволении жене деверовой жить где хочет[5].

---

[1] *Сборник* РИО. СПб, 1889. Т. 63. С. 476.
[2] Там же. С. 483.
[3] *Сборник* РИО. СПб, 1889. Т. 63. С. 512.
[4] Там же. С. 729.
[5] Там же. С. 458.

Как известно, супруга А. М. Девиера к своему мужу ехать не решилась, а осталась жить в своих деревнях, что в Тульском уезде.

Деревни Антона Девира были пожалованы члену суда над ним генерал-майору Фоминцыну. Челобитную Фоминцына на право владения деревнями зятя Меншикова отдал императору Петру II лично сам Светлейший князь, ставший к этому времени уже генералиссимусом. Это прошение А. Д. Меншиков отдал во время литургии в церкви во дворе его Императорского Величества. И Петр II пожаловал челобитчику Фоминцыну, указал: «деревни отдать со всеми к оным угодьями и с мельницами, как прежие помещики владели, а Алексею Волкову дать Толстова в Москве двор». Ведомость о передаче этих деревень была направлена в тайный совет. К этому было решено: Члену суда Алекею Волкову: «О пожаловании в действительные генералы лейтенанты, отписаные деревни Петра Толстого и Григория Скорнякова-Писарева, а также Московский двор Петра Толстова. Решение Верховного тайного совета от 14 мая 1727[1].

№ 267

На заседании совета 23 мая 1727 г. генерал-майор Фаминцын «объявил взятые у винных диплом и жалованные грамоты и золотые медали, которые у него приняты, а что чего порознь, тому подана ведомость за рукою секретаря Горлова»[2].

Верховный Тайный совет решил в деревни генерала князя Василия Долгорукова, которые у него были отписаны и розданы, а ныне по делу Антону Девиера с товарищи, паки отписать велено, то возвратить ему князю Долгорукому по-прежнему»[3].

Решение Верховного тайного совета 26.05.1727 г. за подписью канцлера графа Головкина, князя Дмитрия Голицына, Алексея Волкова, секретаря Григория Горлова: «По Его Императорского Величества указу и по определению учрежденного суда велено со учиненной формы Манифеста о Антоне Девиере с товарищи для апробации подать при доношении в Верховный тайный совет, который прилагаетца при сем»[4].

---

[1] *Сборник* РИО. СПб, 1889. Т. 63. С. 512, 534.
[2] Там же. С. 579.
[3] Там же. С. 596. Черновой журнал Верховного тайного совета 26 мая 1727 г.
[4] *Сборник* РИО. СПб, 1889. Т. 63. С. 579. С. 601.

№ 272

«Во время болезни… его Императорского Величества открылись… мятежники, которые тайным образом совещались… каким образом Нас не токмо до сего законного наследования не допустить, но и… в чужие края отлучить… в том совещание примечались Антон Девиер, Петр Толстой, Иван Бутурлин, Григорий Скорняков-Писарев, генерал-лейтенант Андрей Ушаков, который слышал, но не доносил… також Александр Нарышкин, князь Иван Долгоруков. Подписали Головкин, Дм. Голицын, Алексей Волков[1].

На заседании Верховного тайного совета генерал-лейтенант А. Волков объявил следующее:

1. О раздаче отписаных деревень Девиера, Толстого, Григория Скорнякова-Писарева и выморочных разных чинов людям.

2. Двор Антона Девиера, загородный приморский Василию Арсеньеву [племянник А. Д. Меншикова].

3. Об отдаче генерал-майору Фоминцину из отписных деревень Антона Девиера в вечное владение в Тульском уезде села Клина, в Веневском уезде — деревню Пилюгино, в Раском уезде — село Богословское, да мельницу в Туле на реке Уж[2].

Через три недели, 26 июня 1727 г., Тайный совет частично пересмотрел свое решение от 6 июня того же года и утвердил: Об отдаче отписаного у Девиера приморского двора от флота генерал-адъютанту Арсеньеву, а деревню Загородицы, которую Девиер получил в Ямбургском уезде в 1713 г. числом 5 дворов отдать штаб-лекарю Ягану Шульцу[3].

№ 275

Протокол Высшего тайного совета от 29 мая 1727 г.
«О выдаче генерал-майор и обер-коменданту Фоминцыну из Санкт-Петербургских доходов денег, воздержанных в особо учрежденном суде по делу Девиера и других»

[1] Там же. С. 601–604.

[2] *Журнал* Верховного тайного совета от 6 июня 1727 г. // Сборник РИО. 1888. Т. 63. С. 650, 651.

[3] Там же. С. 812, 816.

29 мая 1727 г. по сему доношению Его Императорское Величество указал: Издержанные деньги по учрежденном суде по бывшему делу Антона Девиера с товарищи на прогоны и на прочие дачи девять сот сорок восемь рублев четырнадцать копеек (948 руб. 14 коп.), которые даны для скорости из Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии выдать оные деньги генерал-майору и обер-коменданту Фоминцыну из Санкт-Петербургской рентерии, и о том в камер-коллегию послать указ.

Подлинный подписали: Александр Меншиков генерал-адмирал граф Апраксин, канцлер, граф Головкин, князь Дмитрий Голицын, Василий Степанов.

Подписан того же числа[1] [т. е. 29 мая 1727 г. — П. Н.].

[1] Сборник РИО. 1888. Т. 63. С. 615–616.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Празднование трехсотлетия российской полиции и 350-летний юбилея Петра Великого, ее родоначальника, значительно активизировало научно-исследовательскую работу и определило дальнейшие перспективы изучения и пропоганды истории органов внутренних дел России.

В числе культурно-просветительских мероприятий подготовлено научное издание о жизни и государственной деятельности первого генерал-полицмейстера Петербурга Антона Мануиловича Девиера, иностранца по происхождению, которому Россия стала второй родиной. В книге освещаются малоизвестные сюжеты службы А. М. Девиера в должности царского денщика и генерал-адъютанта, в качестве близкого человека царской семьи и, наконец, государственного чиновника на посту генерал-полицмейстера Северной столицы.

В монографии прослеживается, каким путем происходит превращение сына незнатного португальского мелкого торговца в генерал-адъютанта русского царя, а затем в первого генерал-полицмейстера Петербурга Петровской эпохи. По нашему мнению, это результат, прежде всего, собственных усилий, предприимчивости и личных достоинств Антона Мануиловича Девиера.

Освещая полицейскую деятельность А. М. Девиера, напомним, что царь нашел в нем способного, преданного и бесконечно трудолюбивого исполнителя всех его планов и распоряжений не только по поддержанию тишины и спокойствия в Северной столице, но и по другим разнообразным социально-бытовым вопросам, которые волновали обывателей строящегося города. По видению Петра I, полиция должна была не только поддерживать благочиние и безопасность, но и обеспечивать благосостояние подданных. Поэтому созданная по велению Петра I столичная полиция представляла собой государственный орган, который был обязан заниматься всеми вопросами внутреннего управления. Отсюда на столичную полицию возлагались

задачи созидательного характера: контроль за ходом строительства каменных жилых зданий, прежде всего на Васильевском острове, мощение дорог и освещение улиц в городе, укрепление берегов рек, осушение болот и низких мест, насаждение деревьев и др.

Таким образом, непосредственная борьба с преступностью не ставилась как главная задача столичной полиции. Она должна была не допускать самовольного строительства, открытия рынков в неположенных местах, организации свалок мусора и т. д.

На столичную полицию были возложены многие административно-хозяйственные функции, функции санитарного и даже архитектурного надзора. В итоге проблемы городской жизни во времена Петра I решались в основном полицейскими чиновниками.

Несомненно, важнейшей задачей полиции было привлечение обывателей столицы к охране общественного порядка. Каждый староста был обязан доносить в полицию о состоянии порядка на территории своих десяти дворов. Полиция должна была выявлять бродяг, нищих, «праздношатающихся» и «определять их в работу».

Генерал-полицмейстер, руководя полицией и отвечая за порядок в строящейся столице, нередко издавал письменные распоряжения на основании устных повелений Петра I. Они в большинстве случаев касались вопросов строительства Петербурга, в меньшей мере — вопросов поддержания общественного порядка в городе, в том числе во время проведения ассамблей и других массовых государственных праздников и торжеств.

Как видно из нашего исследования, А. М. Девиер обладал редким даром своего времени — бескорыстием, за что был особенно ценим Петром I. Уместно напомнить, что Петр I из всех своих приближенных только троих величал обращением «мой брат»: Франца Лефорта (1656–1699), Александра Меншикова (1673–1729) и своего генерал-адъютанта Антона Девиера. Последний был таким, как и Франц Лефорт, не казнокрадствовал и вообще не отличался алчностью,был честен,порядочен и предан своему Государю. Иным был А. Д. Меншиков, который нередко запускал руку в государственную казну. Петр I знал и видел эти прегрешения Меншикова. У читателя может возникнуть вопрос, почему царь этому казнокраду прощал и держал при себе.

Но Меншиков для царя был талантливый и деятельный помощник в осуществлении его трудов и замыслов, друг, в доме которого

Петр I оставлял своих детей на время длительных отъездов из Петербурга. Поэтому царь своего друга и соратника воспитывал легендарной дубиной. А на вопрос председателя следственной комиссии В. В. Долгорукова, почему Петр это терпит, царь отвечал: «Не тебе, князь, судить меня с Данилычем, а судить нас будет Бог»[1].

После смерти Ф. Лефорта, как показало время, только А. М. Девиер верой и правдой служил своему повелителю и до конца жизни не запятнал свое имя противозаконными действиями.

А. М. Девиер отличался от других своей расторопностью, находчивостью и точной исполнительностью распоряжений и указов Петра I. Как показывают события, деятельность генерал-адъютанта и генерал-полицмейстера всегда была подчинена воле Государя. Антон Девиер отличался необыкновенным трудолюбием и работоспособностью, высокой степенью организованности и исполнительности. Стремление А. М. Девиера как можно лучше выполнить каждое повеление Государя, несомненно, значительно помогало Петру-реформатору в осуществлении своих преобразовательных начинаний, в поддержании порядка и борьбе с преступностью в строящейся новой столице России.

Однако вскоре после смерти Петра Великого служебная карьера А. М. Девиера трагически оборвалась. В апрельские дни 1727 г. знать столицы была потрясена известием о раскрытии заговора против государственного строя, в котором оказались люди из числа ближайших сподвижников умершего Императора Петра Великого: А. М. Девиер, П. А. Толстой, А. И. Ушаков, И. И. Бутурлин, Г. Г. Скорняков-Писарев, А. Л. Нарышкин и др.

Что объединило названных нами знатных людей? Простое желание сохранить свою жизнь — вот что объединяло так называемую придворную оппозицию, к которой после возвращения из поездки в Митаву примкнул генерал-полицмейстер А. М. Девиер. Именно страх за свое будущее заставлял этих людей объединить свои усилия, чтобы выжить. Ведь все они, подписавшие в числе 127 судей смертный приговор царевичу Алексею Петровичу, опасались, что его сын Петр Алексеевич, вступив на престол, станет мстить им за гибель своего отца. Так было в те далекие времена и при других правителях России.

[1] Цит. по: *Константинов А.* Коррумпированная России. М., 2006. С. 40.

При Иване Грозном трагическая судьба оказалась у его единомышленников — членов Избранной Рады. Царь Иван Грозный вошел в историю как человекорастерзатель. Эти качества повторил Петр I. В Петровское время погибли не только открытые противники его нововведений, стрельцы, выступавшие в поддержку его старшей сестры Софьи и сочувствовавшие единомышленники его сына Алексея, казнены многие невинные люди, которые, согласно политике «слово и дело», знали о преступлениях, но не донесли.

Анализ архивных документов и критическая оценка происходивших событий в истории России во все времена свидетельствуют о некой закономерности в отношении такого печального явления в политической жизни нашей страны, как опошление дел ушедшего предшественника. После ухода с политической арены или из жизни правителя Российского государства, сразу попадают в немилость и его бывшие соратники. Эти печальные явления наблюдались после смерти Петра I и в последующие времена, вплоть до XX в.

Сегодня по вине предшественников нам приходится разбирать завалы на «историческом поле», воскрешать преданные забвению целые периоды отечественной истории, в том числе правоохранительных органов, восстанавливать историческую справедливость по отношению ко многим нашим предшественникам, возрождать их добрые имена, многие из которых незаслуженно дискредитированы и забыты. Нельзя, как это было до недавнего времени, рассматривать историю царской полиции лишь в негативе, в кривом зеркале. Отрадно отметить, что период подготовки и празднования трехсотлетнего полицейского юбилея в 2018 г. вызвал в России волну публикаций о полиции, получивших новое звучание и новую окраску и направленность. Значение пропаганды истории российской полиции является совершенно особым еще и потому, что в публикациях о ней идет разговор с позиций государственной важности деятельности этого института борьбы с преступностью, истоки которого своими корнями уходят в Петровское время.

В последние годы к этой теме с интересом и весьма активно обращаются не только историки и юристы, но и практические сотрудники органов внутренних дел, педагоги и психологи: одни занимаются поисками неизвестных ранее источников и архивных документов, другие с учетом новых материалов пересматривают известные факты и исследуют незамеченные ранее, третьи стремятся восстановить по-

дробности сфальсифицированного по воле А. Д. Меншикова суда над генерал-полицмейстером А. М. Девиером и его единомышленниками, а также их ссылки. Как мы видим, аспекты этой темы различные. Но все они одинаково важны, широта разработки истории полиции многообразна и остается актуальной. К этому следует добавить и своеобразие постановки данной проблемы. С одной стороны, празднование трехсотлетнего юбилея полиции позволило накопить значительное количество материалов, а с другой — в освещении истории полиции в Петровское время чувствуется давление старых подходов в оценке событий и явлений, которые с трудом приходится преодолевать.

Для нас очень ценным является извлечение новых архивных документов из «Писем и бумаг Петра Великого». Читая эти письма, мы с небывалой ранее ясностью ощущаем, какой огромный объем задач, касавшихся строительства новой столицы, должна была решать столичная полиции и ее генерал-полицмейстер А. М. Девиер.

В книге впервые освещается история создания регулярной полиции в неразрывной связи со строительством Северной столицы – Петербурга. Именно здесь, по велению и при непосредственном участии Петра I, была создана регулярная полиция, которую возглавил царский денщик, генерал-адъютант, генерал-полицмейстер А. М. Девиер.

К сожалению, после смерти Петра I по вине А. Д. Меншикова он оказался в сибирской ссылке, где находился до 1742 г. Все современные исследователи время нахождения А. М. Девиера в ссылке обходят своим вниманием, как правило, ограничиваясь только его арестом и судом. Лишь генерал С. Н. Шубинский первым взялся написать документальный очерк о первом Санкт-Петербургском генерал-полицмейстере А. М. Девиере[1].

Мы решили продолжить эту традицию и внести свой скромный вклад в заселение «белых пятен» трехвековой российской истории полиции людьми, которые достойны, чтобы их знали и помнили.

Какие бы ни были пути дальнейшего развития российской полиции в XXI в., однако неоспоримым является то, что три века назад краеугольные камни в ее основании были заложены великим реформатором Петром I при непосредственном участии первого генерал-полицмейстера Петербурга Антона Мануиловича Девиера, который

[1] *Первый* Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448.

испил до дна чашу суровых испытаний, незаслуженно выпавших на его долю. Будем надеяться, что в истории российской полиции больше не будет никогда такого времени, когда верховная власть, по выражению Петра Великого, «играя в закон словно в карты», со всех сторон будет подкапываться «под фортецию правды»[1].

Для признания заслуг первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга Антона Мануиловича Девиера потребовался путь длиной в 300 лет.

[1] Цит. по: *Ключевский В.* Сочинения. Т. 8. М., 1959. С. 322.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1736–1740. СПб., 2015. Док. 216. С. 794–799.
Извлечение из «Описи имущества арестованного Скорнякова-Писарева (26 ноября 1740)»

По Ее Императорского Величества указу и по учиненному у Охоцких следственных дел определению Антоном Девиером были описаны пожиткибывшего Охотского командира Г. Скорнякова-Писарева на его квартире в Охотске и взяты на Ее Императорское Величество 26 ноября 1740 г.

В числе взятых: «мехов собольих, лисьих и бобровых более 16, лоскутков собольих, лисьих и др. более 17; платья теплые разные: кафтаны — 5, камзол отласной красной с травками золотыми, испод — лапчатой соболей, в рукавах испод горносталей, пуговицы и петли обшивные золотом; шлафор цветной с обшлагами, пуговицы обшивные золотом, испод — мех соболей.

Фуфайка теплая жголевая рудо-желтая, испод — мех соболей, кругом ее позумент серебряной с золотом, пуговиц золотых тринадцать и шесть серебряных под золотом.

Керейка суконная васильковая, подложена мехом камчатских красных лисиц, шито по сукну кругом ворота и по полам золотом, у воротника пришита пуговица золотая с семью камешками красными.

Шуба женская соболья пластинная, покрыта голью серебряного цвета.

Одеяло камчатских красных лисиц, кругом пушено пухом бобровым камчатским.

Муфта соболья пластинная, кольцо пришито серебряное, вызолочено.

Шапка мужская соболья круглая, вершок бархатной зеленой с кистью жемчужною.

Рукавицы сшиты из лоскутов рысьих и бобров, на ладони бархатные, шито золотом.

Малахай бархатный зеленый, испод подложен шводущатых лисиц.

Платье холодные:

Камзол штофовый золотой с бахромою золотой, пуговицы и петли обшивные золотом, стан и рукава штофца шелкового малинового цвета.

Фуфайка безруковая камчатская полуголевая, на полах обложен позумент золотой с городками серебряными пришиты крючки и петельки серебряные.

Кафтан, камзол и штаны суконные, петли и пуговицы обшивные гарусом, подложены голью серебряного цвету.

Кафтан, камзол штофу китайского лазоревого цвету, на камзоле пуговицы и петли обширные золотом с бахромой золотою, на кафтане пуговицы обшивные золотом, а петли шелковые предложены камкою семиланною.

Кафтан да штаны суконные осинового цвету, пуговицы обшивные золотом волочоным, петли пергаментовые, кафтан подложен тафтою зеленою, а штаны бумазеею.

Камзол несшитой шелковой, тканой, зеленой с цветами, мерою три аршина семь вершков.

Калпак спальной камчатской голевой алой, шит серебром, холодной.

Камзол бархатной черной холодной, петли и пуговицы обшиты золотом с бахромой золотою по подолу и по клапонам; чулков шёлковых и платков карманных: чулков — три пары разных цветов, перстянок [перчаток — П. Н.] разных — 5 пар, в том числе одна пара шитая золотом, постав початой голи, мерою пятнадцать аршин четырнадцать вершков, флеру китайского один аршин, пять карманных платков разных.

Белье и пуговицы камзольные: три немецкие скатерти, салфеток тридцать одна, в том числе семь новых небеленых, холста салфетного четырнадцать аршин четырнадцать вершков, чалдару пять аршин три четверти, рубах голландского полотна девятнадцать в том числе шесть с манжетами; пуговиц - серебряных кованых пять, обшивных серебром двадцать две. Зеркало стенное, рама золотая - одно, денег пятьдесят пять рублей пятьдесят капеек, печатка [печать] медная, вырезано ней герб орел двуглавый, два ящика чернил китайских, хабарьянной струи пятьдесят четыре.

Бумаги, два типа: александриской четырнадцать листов полуалександриской пять листов. Кружка серебряная, в ней позолочено. Стакан серебряный, в нём позолочено. Ложек серебряных столовых пять и маленьких три. Ножик да вилка черенья серебряные одна пара. Посуда оловянная: блюдо, шесть тарелок, сковорода с крышкою.

Ружья: одна фузея, три винтовки, три пистолета, две шпаги, ефесы медные, обивки серебряные. Ножик железной, черен рыбей кости, жучки серебряные под черенью, ножни оклеенны бархатом с приправкою серебряною. Ящик с фарфоровою посудою, перевязаны хлопчатою бумагою, полон. Ящик же деревянной да сумочка коженая с письмами.

Притупея серебряная тканая с пряжею и с петлей серебряною. Ящик черной с инструментами артиллерийскими, в нём две кисточки жемчуга русского.

Оставлено у Скорнякова-Писарева:

Иконы: Образ Пресвятыя Богородицы Одигитреи с Превечным Младенцем, складни на двух цках, на них написаны образы Богодичен да Николая Чудотворца в ризах же серебряных, с рясами жемчужными на нитках.

Платья: кафтан суконный темно-зеленый теплый, испод мех рысей с пуговицами медными золочеными; Бешмет канфовый с травками золотными

красной, подложен атласом серебряного цвета, на нем пришито пуговиц или гайки золотых семнадцать. Санаяк рысей, испод мех лисей, шит из лоскутьев, на полях по сукну шито золотом пушен пухом бобровым. Кафтан, камзол, штаны холодные суконные красные, петли и пуговицы обшитые золотом. Рубах голландского полотна шесть, рубах фанзовых две, портки три пары. Посуда оловянная: одно блюдо и четыре тарелей, лошка серебряная, ножик и вилка с серебряным череньями.

Провиант и харчевые припасы: муки ржаной «вьюшных сум семь» да мешков четыре, круп яшных «вьюшых две сумы» да три с половиной мешка. Мяса говяжьего «битых две скотины», сахара — «четыре с половиною головы», кофе фунтов с десять, мыло грецкого фунтов с пять, чакулату [шоколаду] с фунт.

Подлинный реестр за закрепою Антона Девиера, за справою канцеляриста Андрея Афанасьева.

Приложение 2

Прошение графини Екатерины Девиер

1 октября 1795 г.

Милостивейшая Монархиня, Всемилостивейшая Государыня!

Божественное правосудие и беспримерное милосердие престола Вашего Императорского Величества и со онаго на всех изливающия вдохнули мне дерзновение пасть к священным стопам Вашего Величества и вознести всеподданитнейший глаз к Великой и несравненной монархине о благотворенных неусыпно и неутомимо пекущиеся.

В 1781 году выдана я отцом моим поручиком Николаем Пашковым за капитана графа Петра Девиера с приданным движимым имением, в том числе денег 10 тысяч рублей, в чем написана и рядная с таким в оной означением, чтобы на приданые мои деньги купить мне деревню от капитана рядной в два года, сие несчастное замужество причиною всех бедствий и ввергнуло меня в горестную жизнь, которую я и поныне, оплакивая свою участь провождать принуждена.

В первые годы жительства моего с означенным мужем моим, сколько я не страдала и сколь ни жестоки были мои мучения, видя всегдашния его распутности законному союзу не соответствующия, но мое терпение и покорность нимало не послужили к моей пользе и не привели его в чувство, так что наконец из сожаления и почадолюбию отец мой взял меня к себе. После того родственники мужа моего уговорили меня возвратиться к нему со уверением о его раскаянии и впредь спокойной с ним жизни, и при том, любовь моя к нему столь была велика, что я пожертвовав собственною безопасностью и забыв все прежние его обиды, сделала все в его угодность и к нему возвратилась; но и сие последнее время моего с ним пребывания, он вместо обещанного раскаяния и лучшей жизни, еще больше вдался в прежние свои распутства и благородному обществу довольно известные, а меня содержали неволе, в Тульской своей деревни, делая мне всякие обиды и притеснения и между тем с ужасом узнала я, что ему и жизнь моя наскучила, о чем далее распространять сил не имею и чувствовании мои не позволяют.

Напоследок в 791 году зять мужа моего бригадир Петр Херасков узнал о сей моей плачевной участи и сжалясь на такую подверженную опасности жизнь мою, освободил меня из рук мучителя и взял в московский свой дом.

С того времени и по ныне нахожусь я в Москве и лишена будучи своего имения пропитания не имею весьма нужное, по снабжению только одних родственников моих, ибо муж мой удержав у себя приданые мои деньги не купя на оные деревни по условию и продолжая свои распутства пользуется моими деньгами один, не уделяя мне ничего, ипо закоренелой его распутности я не могу надеяться, чтобы он обратился когда либо на истинный путь, а как я с ним детей не имею, то и нет мне никакой надежды воспользоваться чем либо из его имения, кроме своего собственного; в рассуждении же его необузданного распутства, ежели он это от меня приданые деньги и последнее свое имение пропивает, то мне уже впредь ничего получить невозможно будет и я останусь

навсегда без всякого пропитания, все сие и понудило меня прибегнуть, и пролитием слез моих к истинной и милосердной матери Отечества.

Милостивейшая Государыня! Великая и прославляемая в концах Вселенная Монархиня премудрым и человеколюбивым царствованием, воззри милостивым оком из высоты Престола твоего, и на мое бедственное состояние и удостой всемилостивейшего внимания в горестной моей жизни к Тебе вопиющую и облегчи высоматерным милосердием твоим жестокость моей участи, повели означенному мужу моему полученные им по рядной деньги мои 10 тыс. рублей возвратить мне для моего пропитания в столь горестной и бедственной моей жизни.

Всемилостевейшая Государыня
Вашего императорского Величества
Всеподданнейшая графиня Екатерина Девиер[1]
Сентября 24 дня 1795 г. Москва

[1] Рук. Отдел. РНБ. Ф. 874. (Ф. Шубинского С.Н.) Оп. 2. Д. 92. Л. 2, 3, 4, 4 об.

Приложение 3

Прошение графини Екатерины Девиер на имя Павла I

(дата не указана)

«Милостивый Государь!

Безпредельно изливаемое милосердие с высочайшего Престола Твоего ко всем нещастным и беззащитным, ободрясть и меня к дерзновению пасть к священным стопам Вашего Императорского Величества с изъяснением горестного и бедственного состояния моего: слезно умоляя благость твоего, внемли Всемилостивейши государь гласу невинностраждущей, и к тебе вопиющей всех бедствии притчина, нещастное замужество мое в 1781 году за капитана графа Петра Девиера; с коим живя в совершенной покорности повиновении еще в первые годы стала чувствовать начало моего настоящего положения от распутной его жизни, нимало брачному союзу несоответствующей, последуемой угнетениями, мучениями, даже и тиранствами, презирая все терпение мое с каковым я безмолвно сие сносила, подкрепляя себя божественным токмо законом: наконец о Государь! С душевным соболезнованием должна изрещи, что и самая жизнь моя, несколько раз была в опасности от различных его покушений, как духовному, так и гражданскому законам противными: от коих спасли меня из единого человеколюбия ближние его родственники Херасковы, увезя меня в 1790 году из деревни его тульской, где я содержалась им в совершенной неволе.

После всех этих страданий не могши более с ним жить и в самым удалении в здешней столице, нахожусь от жестокосердии и наглостей его в непрерывном страхе. При всем же сим, еще не возвращает он мне приданных моих 10000 денег, употребленных им на его разнудство: на которые долженствовал он по рядной в день брака нашего написанной, купить в два года деревню на мое имя, продолжая свою жизнь таковым же образом, проживает уже остатки и собственного недвижимого имения, чрез то напоследок зделаются оные мне невозвратными, а я претерпевая и ныне необходимо нужным крайния недостатки.

Страшусь неминуемо впасть в лишение и самого пропитания. В сим бедственном моем состоянии, повергаюсь к священным стопам Высочайшего престола твоего с благоговением ожидая благотворительнейшего и божественного правосудия Твоего.

Всеавгустейший Монарх повели изыскать истину всего вышесказанного возвратить мне пренадлежащее, неистовством у меня отторгнутое и да ограждусь сира в безопасности премудрейшим щитом твоих Законов.

Всемилостивиши государь
Вашего императорского Величества.
Верноподданная графиня Катерина Девиерова[1].

[1] РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 489. Л. 55, 55 об., 56

Приложение 4

Прошение всеподданной графини Варвары Девиер на имя Павла I

2 апреля 1797 г.

Всеавгустейший монарх,
Всемилостивый Государь!

Ежедневные опыты милосердия Вашего Императорского Величества к верно подданным, а при том и высочайшие милости родителя вашего Государя Императора Петра Федоровича, покойному отцу моему, графу Петру Антоновичу Девиеру, который возвращен был бабкою вашего Величества государынею Анною Петровною в Голштинии в память носимых милостей деда моего графа Антона Мануиловича Девиера от его императорского Величества Петра Великого. И возвратясь в Россию отец мой, служа долгое время, наконец взыскан же долгое время, наконец взыскан родителем Вашего Императорского Величества всемилостевейшим пожалованием в генерал аншефы и орденом Святого Андрея Первозванного и обнадежен еще из-за высокомонарших щедрот пожалованием довольного числа деревень, но оными не имел щастя пользоваться. Ободряет дух мой отрадою прибегнуть к Монаршему Престолу вашему яко отца отечества Нашего; Удостой Всеавгустейший Государь все подданные сим строки обыкновенного своего милосердия воззрения.

После отца моего в краткой его отставке от службы давных местах, оставших в сиротстве, поражена будучи сим лишением и имея за собою только девяносто душ, от всего претерпеваю нужное состояние, при никни Государь премудрый! Чадолюбивым оком не всенижайшее прошение и угнетающее состояние недостатком.

Всеавгустейший монарх помоги щедротою твоею состоянию моему, и низпосли милость твою в память отца моего, милости вседрожайшего родителя Вашего Величества носившего и от....высокомонаршим милосердием нужное состояние.

Я же всеподданически во век мой непрестану прославлять таковое животворное для меня ваше милосердие Всемилостивейший государь Вашего Императорского Величества.

Всеподданая графиня Варвара Девиер[1]
2 апреля 1797 г.

[1] РГИА. Ф.468. Оп.43. Д. 489. Л. 36, 36 об.

Приложение 5

Приказы караульному капитану

Приказ караульному капитану

1. Которые будут приходить в дом Ее Величества Государыни нашей императрицы и будут требовать, чтобы видеть Ее Величество, то караульному капитану чинить по сему: светлейшего князя [Меншикова], Ивана Ивановича [Бутурлина], Павла Ивановича [Ягужинского]. Антона Мануиловича [Девиера] пропускать без докладу, Алексея Васильевича Макарова и Лвовичев [Нарышкиных].

2. Правительствующего Сената и прочия сенацкие члены и Правительствующий Синод члены, то пущать з докладу.

3. И прочие чины пущать з докладу по регламенту по шестой класс.

У подлиннаго приказа подписано так:

маэор Юсупов.

Галштинскому герцогу отдавать честь всем фрунтом и знамя распустить.

Генваря 31 дня 1725 года.

Приказ караульному капитану"

Которые будут приходить в дом Ее Величества Государыни нашей Императрицы и будут требовать, чтобы видеть Ея Величество, то караульному капитану чинить по сему:

1. Генералов Фелтъмаршалов и генерала адмирала и всех сенацких членов, також и правительствующаго Синода господ членов без доклада Государыни Императрицы не пущать, а доносить им, чтобы изволили проходить в переднюю, а потом з докладом, будет повелено пущать.

2. Ивана Ивановича, Павла Ивановича, Антона Мануиловича и прочих придворных пускать без задержания.

3. А других генерално кто будет приходить до 6 классу по регламенту, тех пускать в переднюю и докладывать Ея Величеству Государыни Императрицы, и ежели повелено будет, пущать, а оный доклад чинить через придворных[1].

[1] Берхгольц, Фридрих Вильгельм (1699–1765). Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, 1721–1726 [Текст] / Фридрих Вильгельм Берхгольц ; вступительная статья И. В. Курукина ; комментарии К. А. Залесского [и др.]. Москва : Кучково поле : Ретроспектива, 2018. С. 840.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Август II, польский король 11, 147, 148, 168, 169, 173, 177, 266, 393
Агеева О. Г. 72, 73, 76, 77
Акишин М. О. 22, 127
Александр I, Император 9, 102, 103, 124
Алексеев А. И. 286
Алексеев М. 325
Алексей Михайлович, царь 135, 213
Алексей Петрович, сын Петра I 77, 134, 152, 154, 155, 215, 218, 238, 240, 243, 245, 254, 449, 450 Алексеев С. 282
Алексей, лакей 214
Алларт 36
Алсуфьев М. 189, 190, 191, 194, 200, 201, 335
Алькинская А. А. 118
Амело, французский министр 279
Амфельд 141
Ананьич Б. В. 9
Андреев А. А. 292, 293
Андреева Е. А 18, 19, 28, 78, 79
Андреева Т. В., историк 22
Андреянов И. 111
Анисимов Е. В., историк 13, 14,15, 16, 17, 113, 115, 132, 169
Анисов Л. М. 161
Анна Антоновна [Леопольдовна] 217
Анна Иоанновна, императрица 11, 15, 16, 159, 168, 169, 170, 171, 175, 217, 265, 266, 267, 268, 270 Анна Петровна, дочь Петра I 148, 153, 156, 158, 160, 188, 213, 221, 223, 225, 228, 229, 230, 236, 239, 240, 244, 246, 252, 253, 256, 356, 402-405, 419, 422, 429, 432, 434, 436, 437
Аноха, слуга 217
Антон Ульрих Брауншвегский, герцог 147
Апраксин 190
Апраксин П. М. 189, 197
Апраксин Ф. М. 4, 28, 64, 110, 127, 132, 134, 137, 140, 156, 158, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 193, 194, 197, 203, 229, 230, 236, 306-334, 346, 398, 405, 422, 424, 437, 440, 442, 443, 446
Аракчеев А. А. 7
Арескин 189
Арсеньев А. 131, 199
Арсеньев В., племянник А. Д. Меншикова 409, 445
Арсеньев К. историк 148
Арсеньева (Меншикова) Д. М. 409
Арсеньева В. М. 186, 409
Арсеньевы, сестры 166

Архангельский А. Н. 9
Афанасий архимадрит Спасский 203
Ахмед III, султан 44
Базарова Т. А. 8, 18, 19, 28, 44, 45, 46
Балакирев И. 131, 395, 396
Балашов А. Д. 10
Балк М., сестра Монса 131, 132, 394, 395, 396
Балк Ф. Н. 230, 394, 395, 396
Балтаджи Мехмед паша 44
Бантыш-Каменский Д. Н. 11, 17, 31, 219
Бартенев П. 287
Барятинский И. Ф. 268
Бассевич 173, 195, 197, 198, 203, 241, 399, 400, 412, 422, 424
Батинг 304
Батнин 310
Бахметов (Бахмеотов) 118, 190
Башнин Н. В. 8
Башуцкий А., историк 81, 103, 135, 138
Безобразов В. 33
Белорусцева И. А. 8
Белэн Г. 353
Бенза (Бенса) 312, 323, 325, 328
Бенс 301, 303, 318, 329
Бергман В. 210, 212, 216, 218, 266
Бердников Л. И. 34, 162, 166, 266
Беринг В. 269, 271-273, 275, 276, 278, 281, 284,285, 304, 312, 315, 318, 325
Берх В. Н. 50
Берх А., капитан-порутчик 385, 386
Берхгольц Ф. В. 31, 93, 95, 128, 129, 130, 132, 138, 139, 142, 165
Берхеруль 377
Беспятых Ю. Н., историк 20, 21, 101
Бестужев Д. А. 332
Бестужев П. М. 169, 172, 173, 175, 195, 196, 399, 402, 406, 427 Бестужем М.П. 173
Бибиков И. И. 196, 198
Билов К. 85
Битко, духовник Петра I 136
Блюментрост 186, 199, 201,
Богданов А. И. 89, 90
Бок, майор 53
Болес, строитель мостов 94
Болтунов И. 354, 355, 356
Бон Г. И. 148, 399
Бонде 198, 200, 202, 227
Борисов А. В., историк 9, 22, 68, 118, 135
Борисов Ф. 129, 130
Бранкован К. 41
Бредаль П. П. 56, 59, 295, 296, 298-304, 309, 312, 313, 315-325, 328, 329,330 Бредихин А. Л. 8
Бродарский В., скульптор 288
Брюс Джеймс 140
Брюс М. А. 156

Брюс Р. В. 79
Брюс Я. В. 134, 157, 188, 189
Бутурлин И. И. 144, 163, 207, 209-213, 228-231, 233, 234, 235, 236, 237, 243, 248, 250, 253, 254, 255, 256, 257, 261, 262, 263, 399, 405, 407, 421, 423, 425, 437, 439, 449, 460
Бутурлин, архиерей 189
Бухаркин П. Е. 17
Бушков А., писатель 68, 69
Быков А. Т. 76, 77
Бычков, академик 140
Вебер Ф. Х. 86, 88, 126, 133, 134, 136, 137
Вейде А. А. 149, 190, 191, 193
Вельяминов С. Л. 196
Венгер, иллюзианист 161
Вильбоа Франц (Н. П.) 196
Вильде В. 198
Виноградов А. Г. 153, 154
Витвер, полковник 203, 234
Витсен (Витзен) Н. 32
Витте С. Ю. 9
Виттер, полковник 420
Воейков 195
Волговский С. 40
Волк И. 70
Волков А. Я. 75, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 220, 226, 234, 244, 261, 438, 444, 445
Волков М. Я. 148, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204
Волконская, княгиня 404, 405, 406, 407, 437
Вольфенбюттельтская Шарлотта 154
Волынский А. П. 200, 204
Воробьев И. 277
Высоцкий И. П. 67,98
Высоцкий И. П. 98
Вяземский В. М. 195
Габель, вице-адмирал 306
Гагарин М. П., князь 125, 126, 127, 128, 129, 132, 151, 345, 366, 443
Ганелин Р. Ш. 9
Гельбиг Г. 34
Генин 170
Герин Я. М. 375
Гессен-Кассельский, принц 173
Гинтер И. Я. 149, 196, 202, 203
Глазов Н. 368
Говорунов А. 290
Голгенгольцер 198
Голиков И. И. 89, 90, 137, 219
Голицын Д. М. 132, 196, 198, 203, 204, 206, 210, 220, 226, 231, 233, 236, 237, 253, 257, 261, 398, 404, 405, 422, 424, 437, 438, 440, 442, 443, 444, 445, 446
Голицын М. В. 345
Голицын М. М. 39
Голицын П. А. 54
Голицын П. М. 192
Головин А. М. 191
Головин И. М. 148, 156, 191, 194, 197, 202, 203, 204

Головин Н. Ф. 191
Головин С. А. 190, 193
Головкин Г. И. 37, 44, 126, 127, 132, 137, 145, 185, 189, 199, 206, 207, 220, 226, 261, 398, 404, 405, 413, 424, 437, 438, 440, 442, 443, 444, 445, 446
Головкин М. Г. 413
Голь Н. М. 16, 21, 206, 288
Гольц 36, 38
Горбачев М. С. 115
Гордин Я. А., историк 133, 136
Гордон 203, 422, 439
Горлов, секретарь 444
Горц 367
Горький Максим 9
Гохмут К. 198, 199, 200, 202, 204
Грабе О. 305
Грачев А. 272, 276, 277, 278
Грес, обер-комендант 74
Григорьев В. 291
Гринштейн (Грюнштейн) Ю. 287, 288
Грис (Гриц) 296, 304, 311, 313, 314, 315, 316, 317
Грись М. 61
Гульден Лев, генерал-адмирал 297, 307
Гурлев И. В., историк 68, 69, 105
Гусятников 126
Гутфель 299
Давыдов И. 269, 274
Далион 287, 288
Девиер (Меншикова) А. Д. 4, 47, 149, 157, 166, 183, 184, 190, 205, 288, 440
Девиер А. А., сын А. М. Девиера 149, 288
Девиер А. М. 3-8, 10–33, 35, 37, 40-49 , 51-65, 69, 78-85, 87, 88-102, 104, 105, 107-112, 114, 116-120, 122, 128, 131, 132, 134, 137-139, 142, 146-155, 157-168, 174-209, 212-214, 216, 219-233, 235-241, 244, 245-247, 250-257, 260-267, 269-270, 273-275, 278-321, 324-335, 337-339, 341-348, 351-353, 356-369, 371-389, 391-392, 397-399, 402-407, 411, 421. 423, 425, 430-434, 437-439, 442-449, 451-454, 459, 460
Девиер Анна Антоновна, дочь А. М. Девиера 149, 156, 185, 288
Девиер П. А., сын А. М. Девиера 149, 156, 183, 288
Дегених Я. П. 368
Декер 299
Ден 303
Денисов, полковник 287
Дент Д. 56
Джон С. 183
Дмитриев-Мамонов И. И. 148, 199, 200, 203, 204, 220, 226, 248, 261, 345, 395, 396, 399, 404, 422, 425, 438, 443
Долгаев С. 294
Долгорукий А. 199
Долгорукий В. Л. 170,171,195,197,198,239,298,302,303,304,312,315,318,324,444
Долгорукий Г. Ф. 37
Долгорукий М. В. 203
Долгорукий С. 199
Долгорукий Я. 50
Долгорукий, князь 186, 196, 203, 399, 425, 449

Долгоруков И. А. 204, 209, 235, 236, 253, 258, 261, 263, 421, 439, 445
Древнин А., денщик Петра 1 341
Дрохов В. Ж. 292
Дубровин М. 391
Дурново С. 129
Екатерина I, императрица 3, 4, 11-12, 15-16, 25, 29, 42-44, 66, 105, 126, 130, 132, 134, 138, 144, 146-149, 151-161, 166-168, 170-173, 175-178, 182-184, 188, 193-194, 197-203, 206-208, 221-215, 219-264, 356-362, 393, 396-403, 421, 424,426, 429, 432, 434-439
Екатерина II, императрица 4, 146, 456
Екгоф 59, 296, 298
Елизавета Петровна, дочь Петра I, императрица 16, 153-154, 156, 158, 188, 204, 212, 213, 218, 221, 223, 228-229, 239, 240-234, 246-247, 250, 252, 254, 255, 256, 266, 285, 286, 287, 356, 403, 404, 405, 422, 434, 436, 437
Ефрем 359
Ефремов Ф. Г. 76
Жадовский Ф. 271
Зайцева Е. С. 8
Звягинцев А. Г. 9
Зейкин, учитель царевича 224, 238
Змаевич М. Х. 148, 198, 201, 202, 203, 204, 422, 439
Змеев А. 345
Зотов В. Н. 49, 50, 51, 194
Зотов, князь-папа 344
Зуев А. С. 307
Иван Алексеевич, царь 15, 168, 212
Иван Грозный, царь 115, 450
Иванов В., матрос 390
Иванов В., солдат 390
Иванов И. 378
Иванова Ирина, солдатка 11, 12
Игнатьев Я. И., духовник царевича Алексея Петровича 154
Измайлов 201, 204
Калашников Г. В. 17, 33
Калинина Е. М. 55, 93
Кампредон Ж. 423, 424, 425
Кампенгаузен 204
Канстелю Г. 386
Кантемир Д. 41, 42, 127
Карамышев 126
Каратыгин П. П. 20
Карл XII 39, 40, 41, 44, 46, 58, 210
Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, зять Петра I 138, 148, 160,170, 171, 200, 206, 225, 227, 229, 230, 235, 236, 241, 245, 249, 398, 399, 403, 405, 412, 413, 414 422. 424, 428, 429, 432, 437, 438
Карнович Е. П. 11, 170, 171, 197
Карпов 194
Кикин А. В. 77
Климачков В. М. 292
Клокман, шляхтич 34
Клокочев (Клокачев) 185, 189, 190, 202
Ключевский В. О. 42, 452
Князьков С. А. 61, 52, 145

Ковалевский Е. П. 212
Кожемякин М. В. 118
Козлов 202, 203
Колесников М. 23
Колтовский, полковник 195
Кононов М. 372
Константинов А. 129, 449
Коншин 365
Коромышев Г., казак 50
Корчмин В. Д. 195, 199, 200, 203, 204, 233, 234
Кос, шаубехт 64, 65
Косенков А. 196
Костомаров Н. И. 9, 11, 42, 168
Кочубей В. П. 9, 21, 111, 292
Кошелев Р. М. 199
Крашенинников С. П. 267, 284
Кропотов 188
Кротов П. А., историк 20, 22, 41, 55, 56, 62
Крупенников П. 129
Крылов С. 387
Крюйс И. 366
Крюйс К., адмирал 5, 28, 85, 97, 137, 140, 364-369, 371-392
Крюков С. И. 91
Кубышко В. Л. 289, 290
Куден Я. 382-384
Кудин В. А. 21, 32
Кудрявцев Д. В. 32
Кудрявцев Н. А. 392
Куракин Б. И. 56, 59, 237, 298-302, 304, 321, 326, 328-330
Курбатов П., советник 442
Курин Е. 372
Ласси П. П. 148, 197-200, 202-203
Леблон, архитектор 367
Левенгаупт 39
Левенвольд, граф 410, 411, 432
Левинский 287
Левкин 201
Левольд К. Г. 200, 201
Левонов Е. 129
Лейн 189
Лейфорт И. 197
Лекоста, шут Петра I 385
Леонтьев 195
Лефорт Ж. А. 164
Лефорт И. 200, 420
Лефорт Ф. 153, 164, 448, 449
Лефорт, польский посланник 4, 147, 156, 160, 178, 198, 201, 202, 204, 206, 393, 397, 398, 400, 401, 407, 409, 410
Ливен 402
Лихарев И. М. 126, 148, 195, 196, 197, 202, 204
Логунов О. 290
Лопухин В. 443
Лопухин С. 195

Лопухин Ф. 355, 356
Лопухина А. 354, 355, 356
Лопухина Е. 212, 218, 227, 239, 240, 245
Лопухины, братья 443
Луппов С. П., историк 13, 21, 67, 78, 84, 85, 86, 88, 93, 94 ,95, 96, 98
Лутковский И. Е. 374, 377
Лучинин А. В. 68, 69
Люберас И. Л. 55, 55
Маврин С.— 195, 200, 201, 202, 407
Мазепа И. С. 150
Макаров А. В. 28, 29, 61, 134, 156, 157, 177, 189, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 204, 207. 230, 234, 295, 460
Малыгин А. Я., историк 22, 68
Мануков 53
Манштейн Х. Г. 173, 174
Манько А. В., историк 126
Маньян 178, 180, 426-439
Мардефельд Г. 4, 31, 198, 410, 412-13, 415-416, 418, 420-421
Марка Юсима 23
Мартынов В. 333
Маслов, статский советник 443
Масси Г. К. 115, 158
Матвеев 185, 187, 188, 189
Матвеев М. 372
Матернов 366
Матисен А. 380
Машков П. 347
Медем 170
Мекленбургская Е. И. 156
Меншиков А. А. 134, 204, 409
Меншиков А. Д., светлейший князь 3-5, 14-20, 28-29, 34, 35, 37, 40, 41, 47, 48, 75, 77, 78, 79, 81, 87, 88, 100, 105, 118, 119, 126-128, 132-133, 138, 134, 146, 148-153, 155-158, 160, 163, 165-167, 170-174, 176,178-179, 181-199, 201-209, 212-219, 221-22, 228, 231-234, 237-240, 442-244, 247-248, 251, 253-257, 264-265, 269, 285, 287, 352, 374, 398-403, 405-409, 411, 414, 418, 420-422, 224, 426-440, 442-443, 446, 448, 451, 460
Меншикова (дев. Арсеньева) Д. М. 204, 409, 414, 439
Меншикова М. А. 15, 197, 209, 409
Меншинников Г. 339
Менщиков Г. 150
Милгацес Иозе 24
Милославские, бояре 215
Мильязеш Ж. 23, 26, 33, 35, 40, 164
Милюков П. Н., историк 65-66
Миненко Н. А. 270
Миних Б. Х. 33, 196, 422, 439
Митюрин Д. В. 17, 18, 279
Михайловский С. 290
Мицкий Г. 111
Мишуков 194
Молчанов Н. Н., историк 45
Монс В. И. 11, 12, 130, 132, 151, 394, 395, 396, 397
Морвиль 178, 180, 423, 424, 426-439
Мошков П. 192

Мулукаев Р. С., историк 22, 68
Муравьев Н. Н. 283
Муравьев 347
Мусин-Пушкин И. 50, 127, 186, 187, 189
Мышлаевский А. З. 38
Мясоедов И, 376
Навроцкий Артамон, дьяк 29
Назиус, пастор 395
Нарышкин А. Л. 200, 203, 204, 207, 209, 229, 230, 253, 258, 261 ,263, 405-407, 421, 423,437, 438, 439,440, 445, 449
Нарышкин И. Л. 200, 203
Нарышкин К. А. 54
Нарышкин С. К. 148, 200
Нарышкины, князья 210, 238
Наталья Алексеевна 155, 157
Наталья Петровна 193
Наумов 203
Нащекин В. А. 160
Недеркрейц 197-198, 202
Нелединский-Мелецкий С. П. 73- 75, 199, 201, 203-204
Нестеров А. Я. 126, 129, 190
Нижник Н. С. 8
Никитин С. 388
Никишова М. Т. 205
Николаенко В. П. 8
Николаенко М. В. 8
Николаенко П. Д. 5, 6, 21, 32, 101, 111, 292
Николай I, император 22, 124
Никонов П. 388
Новицкий В. Ф. 39
Новосильцов В. Я. 199, 268
Норов 472
Обросимов С. 433
Одоевская А. И. 156
Окладников Л. П., историк 265
Олсуфьев (Алсуфьев) М. Д. 137, 199, 202, 204
Олсуфьева, маршальша 137
Ольшевская С. В. 292
Орлов Ю. Г. 9
Остерман А. И. 170, 195, 196, 200, 206, 231, 233, 234, 236, 253, 257, 398, 405, 409, 422, 424, 431, 438 ,439, 442, 443
Островский Я. 333
Очкур Р. В. 441
Ошурков П. 345
Павленко Н. И., историк 13, 14, 41, 42, 46, 128, 134, 135, 146, 150, 151, 153, 184, 207, 208, 209
Павленков Ф. Ф. 9
Павлов 195
Павел I, император 459
Пальчиков, подмастер 301, 328
Пангало 365
Панкратов 189
Панфилец А. В. 292
Парасковья Ивановна, царевна 200

Парасковья (Парасковия) Федоровна, царица 144, 187, 188
Пашков Е. И. 195, 196, 199, 201, 204
Пашков Н. 456
Переливкин Я. 372
Перфильев Л. 216
Петлинг И. 87
Петр II, император 14, 15, 19, 115, 155, 157, 174, 181, 204, 205, 207, 209, 212-216, 219, 219, 222-226, 228, 229, 234, 238-240, 242-244, 246, 247, 250, 252-256, 260, 262, 356, 393, 403-405, 407, 408, 410, 411, 421-423, 432, 434, 435, 437-439, 443, 449
Петр Петрович, царевич 158, 159
Петр I, император 3-5, 7-15, 18-28, 32-49, 51-66, 69-73, 77-84, 86-105, 107-110, 112, 113, 115, 117, 120-149, 151-160, 162-164, 166-168, 173, 177, 181-185, 189, 191, 192, 194, 201, 202, 205, 206, 208-216, 218, 219, 238, 245, 246, 251, 258, 259, 262, 264, 266, 268, 269, 280, 284, 285, 289, 290, 295-306, 335, 337-342, 344, 346-348, 353, 393, 394, 396, 397, 412-416, 418, 418-420, 434, 447-452, 459
Петр III Федорович, император 459
Петров П. Н. 87
Петрова Н. 278
Пиотровский В. Ю. 32
Питерсон Я. 383, 384
Платер 148
Племянников Г. 354
Племянников П. 354
Плещеев А. Л. 199-201, 203, 204
Победимова Г. А. 18, 28
Поддон 61
Поздняков А. 389, 390
Понятовский С. А., польский король 214
Попов Я. 129, 130
Попцов С. 129, 130
Порошин В. И. 188, 196, 197
Посецкий В. М. 264
Потемкин И. А. 72
Потемкин И. С. 199, 204
Предтеченский А. В. 142
Путин В. В. 70, 71
Пушкин И. 191
Пфлуг 36
Пчелов Е. В. 9
Рабутин А. 198
Радзинский Э. 147
Растрелли Б. 159, 185
Резниченко Ю., архитектор 281
Реконтин, мастер золотых дел 342
Ремнева С. В. 292
Репин И. Е. 282
Репнин А. И. 35-39, 84, 352, 426
Репнин, князь молодой 138
Репнин, полковник 201
Ржевская, архиигуменье 194

Римский-Корсаков Я. Н. 54
Розмыслов Т. 345
Роукле Виллиант 24
Ругль У. П. 23, 31
Румянцев А. И. 214, 215
Рутелгелл П. 113
Рыкунов А. Р. 116, 117, 346, 348, 352, 353, 375-377, 384, 389
Сакен, президент ландага герцогства Курляндского 170, 171
Саксонский Мориц 168-179, 266, 426-434
Салтыков С. А. 148, 196, 199, 200, 202-204, 399, 425
Сапега П. 197, 198, 200, 400, 407, 414, 433, 434, 436
Сапега Я. К., граф 196, 197, 230, 233, 257, 258, 400, 407, 433, 436
Сгибнев А. 271
Селезнев, солдат 29
Семевский М. И., историк 11, 12, 131
Сенявин И. А. 56-60, 64, 65 295- 298, 304, 305, 309, 315, 317-320
Сенявин Н. А. 59, 61-64, 148, 197, 202, 204, 299, 301-304, 311, 312, 314, 320-324
Сенявин У. А. 75, 196, 197, 199, 202-204
Сергиенко А. 282
Серебрянников О. 278
Сиверс А. И. 148, 195, 203, 422, 439
Сиверс П. И. 54, 156
Скавронская С. К. 197, 221, 222, 252, 254
Скворцов 287
Скляев 150
Скорняков-Писарев Г. Г. 191, 199-202, 204, 207, 209, 218, 219, 230-235, 241-244, 247, 248, 250, 253, 254, 256-259, 261-253, 265, 267-286, 293-295, 405, 406, 420, 423, 439, 443, 445, 449, 453 Скоропадский И. И. 151
Слепенкова О. В. 55, 93
Смыкалин А. С. 119
Собчак А. А. 17
Соколов А. П. 272
Соловьев О., комиссар 319, 320, 324, 326, 327
Соловьев С. М., историк 11, 172-174, 176, 177, 179
Софья Алексеевна, царевна 213, 215, 450
Сперанский М. М. 9
Спирьев, адъютант князя 443
Степанов В. В. 198-200, 440, 446
Столетов Е. 131
Столыпин П. А. 9, 21
Столярчук А. Ю. 292, 293
Строганов, граф 140
Струков Д. О. 9
Суворин А.С. 11
Суворов А. В. 292
Суворов В. 163
Сукин С. И. 196
Сухотин М. А. 195, 199, 200, 204, 442
Сытин П. В. 87
Тараканов 195, 196
Татищев, денщик Петра I 139
Темкина 196
Тихменов С. 116

Толстой А. В. 213
Толстой И. П. 216, 238, 244
Толстой П. А. 5, 15, 137, 152, 160, 193, 200, 205-207, 209, 213-216, 227-230, 233, 235, 236, 238-248, 251, 253-257, 260-264, 402, 405, 406, 421, 423, 437-439, 442-445, 449
Томсинов В. А. 9
Траханиотов И. 120
Траханиотов Р. 129
Трац 371
Трезин (Трезини) Д. 84, 199, 203
Трелев Л. 372
Трепов, полковник 299
Трефолев Л. Н., историк 105
Троекуров, князь 121
Тронь А. А. 18
Трубецкой И. Ю. 268
Трубецкой Н., князь 163, 199, 201, 203, 204, 225, 226
Трубецкой Ю. 196
Трубников Г. 345
Удальцов А. А. 8, 292
Уитворт (Витворт) Чарльз 183
Унковсков 383
Урусов Г. А. 268
Ушаков А. И. 6, 148, 190, 193, 195, 201-204, 209, 216, 217, 235, 241, 244, 249, 257, 258, 261-263, 396, 399, 424, 445, 449
Ушаковы, братья: Поликарп, Иван, Роман, Иеремей 217
Фаминцын Е. И., бригадир, обер-комендант, генерал-майор 195, 196, 198, 199, 201,202, 204, 220, 226, 242, 243, 244, 261
Фанамерс (Фонармус) 366, 367, 374, 376, 377, 380
Фандес Я. И. 334
Федерова Д. 278
Федорченко В. И. 22
Феодосий, архиепископ Новгородский 140
Феофан архиепископ Новгородский и Великолуцкий 203
Феофан Прокопович 43, 145
Феофилакт, епископ Тверской и Каширский 203
Феофилатьев И. 89
Фервольд 201
Фердинанд, герцог Курляндский 169, 179
Фик 203
Флемингу (Флеменгу) 391, 393
Флюк 198
Фоккеродт 415
Фомина Ю. Б. 18, 28
Фондергуль 315
Фридрих Вильгельм, герцог Курляндский 168, 169
Фролов И. 378
Фурпатов 385
Хилков Ю. 107
Хорцын 368
Хьюз Л. 23
Чевкин 156, 202
Черкасский А. М. 68, 78, 187, 195, 199, 200, 203, 204, 268, 399
Черкесов И. В. 131

Чернуха В .Г., историк 677, 113
Черных В. В. 68, 69
Чернышева (Ушакова) Е. А. 218
Чернышов Г. П. 148, 185, 186, 188-192, 203, 268, 354, 367, 368, 371, 374
Чириков 275
Чистович И. 43
Шайхаев Р. Р. 293
Шамордин 188
Шароль, граф 419
Шартрский, герцог 419
Шафиров П. П. 19, 20, 44-46, 84, 126, 127, 137, 185, 189, 195, 196, 219, 269, 395, 399, 412, 420
Шаховской А. И. 195, 196, 201, 202, 204
Шелковников С. А. 267
Шелтинг 299, 306, 320, 328
Шепелев Д. А. 202-204
Шереметев Б. П. 35-37, 39, 41, 45
Шереметев М. Б. 19, 44-46
Шерих Д. 129
Шмонин А. В. 68
Шпанберг М. 272, 275
Штамке 148
Штремберк 198
Шубинский С. Н., военный историк 13, 31-33, 108, 133, 160
Шувалов А. И. 287, 288
Шувалов И. М. 195, 199, 204
Шувалов, бригадир 345
Щебальский П. 172
Щетинин Я. 129
Эгинский, бискуп 194
Эков 310, 311, 313-315, 320
Энгов 313
Эссен, принц 301,327
Юст Юль 42, 43, 87, 103
Юсупов Г. Д. 148, 196, 197, 199-204, 220, 404, 424, 438, 460
Юшков 355
Ягужинский П. И. 19, 20, 43, 45, 47, 138, 156, 163, 189, 190, 192-194, 197, 198, 267, 269, 274, 397, 399, 406, 408, 409, 413, 417-419, 425, 428, 460
Яковлев А., секретарь 443
Яковлев В. А. 17

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники:

1. Российский государственный исторический архив (РГИА):

— Ф. 468 (Кабинет его императорского величества). Оп. 43. Д. 489. Л. 1. 36–36 об. (Прошение графини Варвары Девиер на имя Павла I от 2 апреля 1797 г.).

— Ф. 468. Оп. 43. Д. 489. Л. 55–55 об., 56 (Прошение графини Катерины Девиер) (дата не указана).

— Ф. 1329 (именные указы и высочайшие повеления Сенату, указы Главной Полицеймейстерской канцелярии). Оп. 2. Д. 15. Л. 6, 7.

2. Российской государственный архив древних актов (РГАДА):

— Ф. 6. (Дело Антона Девиера). Оп. 1. Д. 159. Ч. 5. Л. 1-128 об.; Ч. 3 . «Сентенция о вынесении приговора «Девиеру и его соучастникам». Л. 119 об. 129.

— Умирающая Екатерина I, проявив милосердие, повелела «Антона Девиера и Толстого от смертной казни освободить, лишив их чина и чести, деревень и дворов, послать Антона Девиера, бив кнутом в Сибирь, а Толстова с сыном ево Иваном в Соловецкий монастырь»[1].

3. Российской государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ):

— Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтействколлегии). Оп. 1. Д. 50, 60, 62, 67, 79, 87, 97, 108, 123.

— Ф. 212 (Адмиралтейская коллегия. Камчатская эспедиция). Оп. 6. Д. 67.

— Ф. 233 (Канцелярия адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 1, 6, 20, 33, 73, 81, 99, 126, 175, 190, 250.

[1] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 159. Ч. 3. Л. 130-132 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 159. Ч. 4.

— Ф. 234 (Канцелярия адмирала К. Крюйса). Оп. 1. Д. 11, 12, 13, 14, 16, 18, 19, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 50.

— Материалы для истории русского флота. Часть II. СПб. : Типография Морского министерства. 1865. 724 с.

— Отдел I. Учреждение Балтийского флота и действия его до кончины Петра Великого. Здесь опубликована переписка А. М. Девиера с государем Петром I, а также с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным, кабинет-секретарем его величества А. В. Макаровым и др.

4. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН):

— Ф. 270. (Письма и бумаги Петра I). Оп. 1. Д. 78, 87, 90/6, 93, 94/1, 91, 94, 97, 90/6, 100/1, 103/3.

— Ф. 36. (Воронцовы). Оп. 1. Д. 687, 445.

5. Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО). Ф. 194. Оп. 5. Д. 664 (Личное дело студента Томского технологического института Девиера Владимира Владимировича). Л. 1–25.

Опубликованные источники:

1. Полный свод законов Российской империи (ПСЗ-I). Т. 1–45. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830.

2. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Часть I. Морские отряды / составители: Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Меллер. Москва: Памятники исторической мысли, 2001. 650 с.

3. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1734–1736. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. 934 с.

4. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1737–1738. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 944 с.

5. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1739–1740. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. 968 с.

6. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1741–1742. Морские отряды. Составитель Наталья Охотина-Линд. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. 872 с.

7. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. СПб., т-во Р. Голике и А. Вильберг, 1911. [2], XX, 526, 149 с., 50 л. ил. Приложения. Протоколы Кабинета в царствование Императрицы Екатерины I. № 1–9. С. 1–35.

Литература:

8. Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град Святого Петра. Петербург в рус. общ. сознании нач. XVIII в. Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1999. 341 с.

9. Агеева О. Г. Чиновники — полицейские Петербурга 1711–1718 гг. (до создания полиции) // Петровское время в лицах. 2004. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа. 2004. С. 3–7.

10. Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. 223 с.

11. Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958. 157 с.

12. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и его время. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 1999. 430 с.

13. Андреев А. И. Петр Великий в Англии в 1698 г. // Петр Великий : сборник статей ; под ред. д-ра ист. наук А. И. Андреева. Москва, Ленинград : Изд-во Академии наук Союза ССр, 1947. С. 63–103.

14. Андреева Е. А. Следственное дело и ссылка А. Д. Меншикова 1727–1729 гг.: Исследование и документы. 2-е изд. испр. и доп. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2021. 348 с.

15. Андреева Е. А., Базарова Т. А., Победимова Г. А., Фомина Ю. Б. Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического Санкт-Петербургского института истории. Каталог. Ч. 1. Санкт-Петербург: Наука, 2003. 790 с.

16. Андреева Е. А., Тронь А. А. Рождение Петербурга. Санкт-Петербург, 2011. 184 с.

17. Андреева И. А., Зайцева Е. С. История органов внутренних дел: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2017. 276 с.

18. Андреева Т. В. На дальних подступах к великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Николая I: исследование и документы. Санкт-Петербург, 2019. 788 с.

19. Анисимов Е. Царь и город. Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2004 (ГПП Печ. Двор). 313 с.

20. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Ленинград: Лениздат, 1989. 496 с.

21. Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. Санкт-Петербург: «Норинт», 2003. 416 с.

22. Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. Санкт-Петербург: Лениздат, 1994. 496 с.

23. Анисимов Е. В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века века. Санкт-Петербург: «Норинт», 2004. 464 с.

24. Анисимов Е. В. Юный град. Петербург времени Петра Великого. Спб., 2003. 363 с.

25. Анисов Л. М. Иноземцы при государевом дворе. Москва : Историческое повествование. Москва: Воениздат, 2003. 384 с.

26. Арсеньев К. И. Царствование Екатерины I. Санкт-Петербург, 1856. 91 с.

27. Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. Москва: Русские витязи, 2015. 96 с.

28. Артамонов В. А. Мать Полтавской победы: к 300-летию победы Петра Великого при Лесной. Санкт-Петербург, 2008. 206 с.

29. Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). Москва, 1990. 205 с.

30. Артамонов М. Д. Московский некрополь. Москва, 1995. 466 с.

31. Архангельский А. Н. Александр I. Москва: Вагриус, 2000. 575 с.

32. Базарова Т. А. «Пожарные случаи» в петровском Санкт-Петербурге // Создание «Парадиза». Санкт-Петербург и Ингермаландия в эпоху Петра Великого. Очерки. Санкт-Петербург, 2014. 406 с.

33. Базарова Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2016. 864 с.

34. Бакланова Н. А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. // Петр Великий. Москва; Ленинград, 1947. 432 с.

35. Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе деяния знаменитых полководцев и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории. В 5 частях. Москва, 1836. Ч. 2. С. 191.

36. Бассевич Г. Ф. Записки о России при Петре Великом. Москва, 1866. 186 с.

37. Башуцкий А. Панорама Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 1834. Кн. 3. С. 159.

38. Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.) / вступ. ст., комм. Е. Анисимова. Ленинград, 1991. 365 с.

39. [Бергман В.] История Петра Великого. Сочинение Вениамина Бергмана. Второе изд., исправл. и умноженное. Санкт-Петербург, 1840. Т. 6. 162, VIII с.

40. Берхгольц Фридрих Вильгельм. Дневник камер-юнкера Фридриха Втльгельма Берхгольца. 1721–1726 / вступ. ст. И. В. Курукина; коммент. К. А. Засесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. Москва, Кучково поле; Ретроспектива, 2018. 864 с.

41. Бердников Л. И. Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи. Москва: Издательство АСТ. 2018. 384 с.

42. Беспятых Ю. Н. Александр Данилович Меншиков. Мифы и реальность. Изд. 2-е. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация. 2008. 248 с.

43. Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге при Петре I. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация. 2013. 406 с.

44. Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Санкт-Петербург: Рус. балт. информ. центр «БЛИЦ», 1997. 492 с.

45. Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 годы. Издание первое. Санкт-Петербург, 1779. 528 с.

46. Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии: в 5 т. Т. 2. Первое заграничное путешествие. Часть I и часть II. 9 марта 1697–25 августа 1698 г. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. 703 с.

47. Божерянов И. Н. С.-Петербург в Петрово время. К двухсотлетию столицы. 1703–1903. Иллюстрированный очерк. Санкт-Петербург, 1903. С. 57–159.

48. Борисов А. В. Министры внутренних дел России. 1802 — октябрь 1917. Санкт-Петербург: Изд-во СПбУ МВД России, 2001. 350 с.

49. Борисов А. В. Три века российской полиции / Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Москва: РИПОЛ классик, 2016. 608 с.

50. Борисов А. В., Гончарова Ю. В. Подготовка и воспитание кадров полиции России (XVIII–1917 г.). Москва, 1999.

51. Борисов А. В., Сизиков М. И. и др. История полиции России (1718–1917). Москва, 1992. 56 с.

52. Бумаги императора Петра I, изданные академиком А. Бычковым. Санкт-Петербург, 1873. С. 401–402, 432–433, 467.

53. Бушков А. А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. Москва: ОЛМА-пресс ; Санкт-Петербург: «Нева»; Красноярск: «Бонус», 2000. 608 с.

54. Бушков А. А. Русский Шерлок Холмс. История русской полиции. Москва: ООО «Издательство «Эксмо», 2021. 270 с.

55. Бушков А. А. Сыщик, ищи вора! Или самые знаменитые разбойники России. Москва: Эксмо, 2021. 320 с.

56. Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия // Петр I / сост., вступ. ст., прим.: Я. А. Гордин. Санкт-Петербург: Издательство «Пушкинского фонда», 2018. С. 422–488.

57. Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии / пер. с франц. Д. В. Соловьева. Санкт-Петербург : «Искусство», 2011. 304 с.

58. Веретенников В. И. История тайной канцелярии Петровского времени. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 314 с.

59. Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. Москва, 2004. 226 с.

60. Водарский Я. Е. Легенды Прутского похода Петра I (1711) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 3–26.

61. [Высоцкий И. П.] С.-Петербургская Столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. Краткий исторический очерк. С.-Петербург. Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 1903. Переиздание 2013 г. 326 с. Приложение и оглавление I–XVI с.

62. [Г. фон Гельбиг]. Русские избранники и случайные люди / составил Георг фон Гельбиг, секретарь саксонского посольства при дворе Екатерина II. 1787–1796. // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 1–180.

63. Голь Н. М. Неравные браки // Первоначальствующие лица: История одного города. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2001. 416 с.

64. Градоначальники. Петербург–Петроград–Ленинград–Петербург / автор-составитель Д. В. Митюрин. Санкт-Петербург: Гуманитарный издательский центр «Новое культурное пространство» при содействии ЗАО «Ежедневная газета «Вечерний Петербург», 2003. 912 с.

65. Грачев И. Яков Брюс. Реальность и легенды: исторический портрет // Наука и жизнь. 1998. № 3. С. 144–149.

66. Гребенюк В. П. Панегерическая литература петровского времени. Москва: Наука, 1979. 311 с.

67. Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: рубеж эпох или начало пути: 1697–1698. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 2008. 693 с.

68. Дербек Ф. А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. Санкт-Петербург: Типография Я. Трей. 1905. 385 с.

69. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. 4-е изд. Пг. Сенатск. тип. 1917. 510 с.

70. Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. Москва: Мысль, 1971. С. 378.

71. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого, изданные Имп. Акад. Наук / под ред. Н. В. Калачева. Т. 1–6. Санкт-Петербург, 1880–1901. Т. 6. Кн. 1. № 338. С. 326–328.

72. Дрюков Ю. Н., Буркатова Т. В. Гимн Великому Городу. 3-е изд. Санкт-Петербург: Издательский дом «Міръ», 2022. 192 с.

73. Есипов Г. В. Князь Александр Данилович Меншиков // Русский архив. Москва, 1875. Кн. 3. № 9. С. 66.

74. Желудкова Т. Н. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного порядка. Москва: Академия МВД СССР, 1977. 39 с.

75. Жизнеописание отечественных подвижников благочиния 18 и 19 веков (с портрет.). Февраль. Москва, 1907.

76. Жизнь и деятельность адмирала Корнелиуса Крюйса (каталог документов РГАВМФ). СПб., 2008. — 703 с.

77. Заозерский А. П. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. Москва: Наука, 1989. 312 с.

78. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725) // Русский архив 1865. № 3. С. 133, 197.

79. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693-1773). Санкт-Петербург: А. С. Суворин. 1893. 197 с.

80. Захаров А. В. Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009. 447 с.

81. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Российские прокуроры. Москва: Молодая гвардия. 1999. 570 с.

82. Зелов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII–первой четверти XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. Москва, 2002. С. 94–96.

83. Золоторев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота. Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Полигон», 2003. 620 с.

84. Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки второй четверти XVIII в.). Новосибирск: ВО «Наука» Сибирская издательская фирма, 1992. 165 с.

85. Иванов О. А. Петр III. Загадка смерти. Москва: Центрполиграф, 2018. 863 с.

86. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2. Книга третья. Санкт-Петербург: «Наука», 2013. 1213 с.

87. Исаков С. Г., Шор Т. К. Властители Российской Империи на эстонской земле. Таллинн: Aleksandra, 2009. 224 с.

88. Иссерсон Г. С. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. Санкт-Петербург, 1913.

89. История органов внутренних дел: учебное пособие / под общ. ред. А. А. Удальцова. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. 248 с.

90. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. Москва: Изд-во «Щит-М». 1999. 200 с.

91. История родов русского дворянства. В 2 книгах. Книга 2. Москва: Современник. 1991. 319 с.

92. История российской полиции. Научный справочник-календарь памятных дат / под общ. ред. В. Л. Кубышко. Москва: «Престиж Арт», 2018. 607 с.

93. История создания регулярной полиции в России // Вестник полиции. 1909. № 2. С. 51–52; № 34. С. 724–728; № 37. С. 785–786, 790–793; № 38. С. 810–811; № 39. С. 842–844, 859–860.

94. История сыска в России / автор-составитель П. А. Кошель. В 2 книгах. Минск, 1996.

95. Калинина Е. М., Слепенкова О. В. Петровский Петербург. Город на островах. Санкт-Петербург: Паритет. 2016. 416 с.

96. Калязина Н. В., Калязин Е. А. Александр Меншиков — строитель России. Часть I. Санкт-Петербург: Лики России, 2005. 248 с.

97. Калязина Н. В., Калязин Е. А. Александр Меншиков — строитель России. Часть II. Санкт-Петербург: Лики России, 2006. 488 с.

98. Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. Санкт-Петербург, 1889. 87 с.

99. Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. С.-Петербург: издание А.С. Суворина, 1884. Репринтное вопросизведение. Ленинград: совместное советско-финское предприятие «СМАРТ», 1990. 520 с.

100. Картина жизни и военных деяний А. Д. Меншикова. Москва, 1803.

101. Квадри В. В. Свита Петра Великого. Санкт-Петербург: Т-во худож. печати, 1902.

102. Кириченко О. В. Петр I и реформа чести. От родовой чести к чести личной // Марьино. Православный историко-краеведческий альманах. Марьино: Издание церкви святого великомученика и целителя Пантелеймона в Марьино Московской епархии Русской православной церкви. 2000. Т. 5. С. 23–48.

103. Ключевский В. О. Сочинения. Т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890–1905). Москва: Изд-во соц. эконом, литературы. 1959. С. 350.

104. Ковалевский Е. П. Суд над графом Девиером и его соучастниками // Собрание сочинений. Т. 1. Санкт-Петербург, 1871. С. 193–194.

105. Колпакиди А. И., Север А. Спецслужбы Российской Империи. Уникальная энциклопедия. Москва: Яуза: Эксмо, 2010. 768 с.

106. Коржихина Т. П. История государственных учреждений России. Москва: Высшая школа, 2012. С. 69.

107. Косицын А. П., Мулукаев Р. С. и др. Советская милиция и современность. 1917–1987. Москва: Юридическая литература. 2011. 335 с.

108. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Романовы. Москва: Эксмо. 2008. 576 с.

109. Красницкий А. И. Петра творенье. Очерк из эпохи основания С.-Петербурга. Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Девриена. 1902. 450 с.

110. Кротов П. А. Битва под Полтавой. Начало Великой России. Санкт-Петербург: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас». Лики России, 2014. 568 с.

111. Кротов П. А. Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине) / отв. ред. Н. В. Кирющенко. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2009. 416 с.

112. Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. Санкт-Петербург, 1996. 248 с.

113. Кротов П. А. Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи / отв. ред. канд. ист. наук Н. В. Кирющенко. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2006. 160 с.

114. Кротов П. А. Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. Москва: Яуза-каталог: Якорь. 2018. 640 с.

115. Кротов П. А., Акишин М. О. Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738) / отв. ред. Н. В. Кирющенко. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2022. 308 с.

116. Кубеев М. Н. Уголовные тайны царской России за 200 лет. Со времени основания полиции Петром I. Москва: Вече, 2017. 336 с.

117. Курукин И. В., Никулина В. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. Москва, 2008. 638 с.

118. Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января — 25 февраля 1730 года: события. Люди. Документы. Москва: Квадрига: Объединенная редакция МВД России, 2010. 280 с.

119. Лапин В. В. Полтава — российская слава: Россия в Северной войне 1700–1721 гг. Санкт-Петербург: Нестор-История. 2000. 332 с.

120. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Изд. 2. Санкт-Петербург, 1895. 467 с.

121. Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции. Санкт-Петербург, 1907. 69 с.

122. Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. Москва, Петроград, 1923. 98 с.

123. Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. Москва, Ленинград, 1957. 192 с.

124. Луппов С. П. Планы Петербурга первых лет существования города. Т. IV. Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук. 1959. 332 с.

125. Лурье Ф. М. Политический сыск в России. 1649–1917. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2006. 399 с.

126. Макеев А. А. Формирование системы милиции: историко-правовой аспект. Москва, 2011.

127. Малиновский К. В. Доминико Трезини. Санкт-Петербург: Крига, 2007. 232 с.

128. Манштейн Х. Г. Записки Манштейна о России. 1727–1744. Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашова. 1875. 399 с.

129. Манько А. В. Коррупция в России. Особенности национальной болезни. Москва: Аграф, 2012. 256 с.

130. Материалы для истории Русского флота. Ч. I. Санкт-Петербург, 1865; Ч. III. Санкт-Петербург, 1866.

131. Морозова А. А. Н. Ф. Гербель. Обер-архитректор Санкт-Петербурга 1719–1724 гг. Санкт-Петербург, 2019.

132. Мулукаев Р. С. История полиции дореволюционной России. Москва, 1981.

133. Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. Москва, 1964. 28 с.

134. Мулукаев Р. С. Система государственных учреждений дореволюционной России. М., 1974.

135. Мышлаевский А. З. Война с Турцией 1711 года: Прутская операция. Санкт-Петербург, 1898 (Сборник ВИМ. Вып. XII). 398 с.

136. Наумов В. П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников / В. Наумов. Москва: Молодая гвардия, 2010. 443 с.

137. Николаенко П. Д. Балашов А. Д. — первый министр полиции. Санкт-Петербург: Изд-во СПбУ МВД России. 2016. 324 с.

138. Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. Санкт-Петербург: Изд-во СПбУ МВД России, 2009. 780 с.

139. Новая Российская энциклопедия: в 12 т. / ред. кол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильян и др. Москва: ООО «Издательство «Энццклоцедия»: ИД «ИНФРА-М», 2013. Т. 5 (2). Дондар-Дрейер, 2010. 480 с.

140. Очерки истории Ленинграда. Т. 1. Период феодализма (1703-1761 гг.) Москва-Ленинград, 1955. 895 с.

141. Очкур Робер. Полиция России. Век XVIII–век XX / Робер Очкур, Дмитрий Кудрявцев, Владислав Пиотровский. Москва: АСТ: Полиграфиздат. Санкт-Петербург: Астрель. Санкт-Петербург, 2010. С. 21–22, 23.

142. Павленко Н. И. Екатерина I. Москва: Оригинал-макет, 2017. 320 с.

143. Павленко Н. И. Меншиков — полудержавный властелин. 2-е изд. с изм. Москва: Молодая гвардия, 2005. 361 с.

144. Павленко Н. И. Меншиков: полудержавный властелин. Москва: Проспект, 2017. 512 с.

145. Павленко Н. И. Петр II. Москва: Проспект, 2017. 368 с.

146. Павленко Н. И. Петр Великий. Москва: Мир энциклопедий. Аванта +, Астрель, 2010. 830 с.

147. Павленко Н. И. Петр Великий. Москва: Проспект, 2018. 352 с.

148. Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. Изд. 2- е, с измен. Москва: Мысль, 1988. 346 с.

149. Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. Москва: Мысль, 1984. 332 с.

150. Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. Москва: Мысль, 1994. 397 с.

151. Пасецкий В. М. Витус Беринг (1681–1741). Москва: Наука, 1982. 176 с.

152. Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). Москва, 2000.

153. Петербургский некрополь. Санкт-Петербург , 1912. Т. 1. С. 68.

154. Петр I / сост., вступ. ст., прим.: Я. А. Гордон. Санкт-Петербург: Издательство «Пушкинского фонда». 2018. 704 с.

155. Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни. Санкт-Петербург: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. 320 с.

156. Петров П. Н. История родов русского дворянства. Москва, 1991. Кн. 2. С. 92–95.

157. Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. Санкт-Петербург, 1885. XXIV, 848, 246с.

158. Петровское время в лицах. Санкт-Петербург , 1999. 82 с.

159. Пилявский В. И. Петровская крепость. Ленинрад: Лениздат, 1967. 222 с.

160. Письма и бумаги Петра Великого. Т. V. 01-06.1707. Санкт-Петербург, 1907. 764 с.

161. Письма и бумаги Петра Великого. Т. VI. 07-12.1707. Санкт-Петербург, 1912. 634 с.

162. Письма и бумаги Петра Великого. Т. XVII. Вып. 1. Москва, 1975. 589 с.

163. Письма и выписки из писем С.-Петербургского генерал-полицмейстера Девиера к князю А. Д. Меншикову: 1719–1727// Русский архив. 1865. № 1-12.

164. Письма императора Петра Великого к Степану Андреевичу Колычеву и ответы его на оные. Москва, 1789.

165. Письма Петра Великого к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому // Русский архив. Москва, 1865. Стб. 635–674.

166. Письма Петра Великого к Скорнякову-Писареву 1707–1722. Сообщ А. Н. Марин // Русская старина. Т. 6. Санкт-Петербург, 1872, декабрь, кн. 12. С. 665–674.

167. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. // публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв: Альманах. Т. X. М. 2000. 646 с.

168. Погосян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. Санкт-Петербург, 2001. 432 с.

169. Полтавское сражение, 1709 // Советская военная энциклопедия: в 8 т. / гл. ред. комиссии Н. В. Огарков [и др.] Москва, 1978. Т. 6. С. 435–436.

170. Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). Москва: Наука, 2011. 165 с.

171. Порфирьев Е. И. Зимняя кампания 1708–1709 г. Героическая оборона Полтавы. Полтавская победа — торжество стратегии Петра I. Москва, 1952. С. 177–214.

172. Порфирьев Е. И. Полтавское сражение 27 июня 1709 года. Москва, Воениздат, 1959. 110 с.

173. Предтеченский А. В. Петербург петровского времени: сборник статей под ред. А. В. Предтеченского. Ленинград: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1948. 159 с.

174. Пушкин А. С. Материалы для истории Петра Великого // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 6 томах. Издание 4-е. Москва: Госиздательство «Художественная литература», 1936. Т. 6. С. 259-305.

175. Пушкин А. С. Полтава: поэма / ред. Н. Борисова. 2-е изд. перераб. Москва: Янико, 1999. 204 с.

176. Пчелов Е. В. Романовы. История династии. Москва: ОЛМА-ПЕРЕСС. 2002. 494 с.

177. Радзинский Э. С. Бабье царство. Русский парадокс. Москва: Издательство «АСТ», 2019. 656 с.

178. Радзинский Э. С. Цари. Москва: Издательство «АСТ», 2018. 816 с.

179. Развлекательная культура России XVII–XIX вв.: очерки истории и теории. Санкт-Петербург, 2000. 520 с.

180. Репина Л. П. От истории одной жизни к «персональной истории» // Истрия через личность: историческая биография сегодня. Москва, 2010. С. 55–76.

181. Российская полиция: история и современность (к 300-летию российской полиции): сборник статей. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 260 с.

182. Российский Императорский Дом. Москва: ОЛМА Медиа групп, 2012. 608 с.

183. Россия XVIII в. глазами иностранцев / подг. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Ленинград: Лениздат, 1989. 544 с.

184. Россия XVIII века глазами иностранцев. Ленинград, 1989. 544 с.

185. Россия в эпоху Петра Великого. Путеводитель путешественника во времени. Москва: Издательство «Э». 2016. 318 с.

186. Ругль У. П. Антонио Мануэль де Виэйра при российском дворе XVIII ст. Москва: Голос Пресс, 2003. 105 с.

187. Рудницкий В. С. Пожарное дело в С.-Петербурге. Санкт-Петербург, 1903. 119 с.

188. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1-2. Санкт-Петербург, 1886–1887.

189. Русский биографический словарь. Санкт-Петербург: Изд. Рус. истор. общества. Т. 1–25. Санкт-Петербург, 1896–1918. Т. 7. Санкт-Петербург, 1905. С. 372.

190. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка 16: Политический сыск при царях. Москва, 1993. 432 с.

191. Рууд Ч. А. Тайная полиция в России от Ивана Грозного до Николая Второго / Ч. Рууд, С. Степанов. Москва : Родина, 2023. 384 с.

192. Сборник Русское историческое общества: сборник Российского исторического общества. Санкт-Петербург, 1868. Т. 3. С. 471.

193. Сгибнев А. С. Скорняков-Писарев и Девиер в Сибири (1727–1743) // Русская старина. 1876. Т. 15. № 2. С. 444–450.

194. Серов Д. О. Администрация Петра I. Изд. 2. Москва, 2008. 288 с.

195. Серов Д. О., Федоров А. В. Следователи Петра Великого. Москва: Молодая гвардия, 2018. 348 с.

196. Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718–1917). Москва, 2010.

197. Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич // Бантыш-Каменский Д. Н. Энциклопедия знаменитых россиян. Москва: Эксмо, 2008. С. 666–667.

198. Советская историческая энциклопедия. Москва, 1961–1976. Т. 1–16.

199. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Москва, 1963. Кн. 10. С. 79–80.

200. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Москва: Эксмо, 2011. 1024 с.

201. Соловьев С. М. Птенцы Петра Великого // Русский вестник. 1861. № 5. С. 32–33.

202. Соловьев С. М. Сочинения. Москва, 1988–1998. Кн. 1-22.

203. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. VIII–IX: История России с древнейших времен. Москва, 1993.

204. Ссылка и каторга в XVII-XVIII вв. // История Бурят-Монгольской АССР. Т. I / под ред. д-ра ист. наук Л. П. Окладникова. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. Изд-во. 1951. 73 с.

205. Столпянский П. Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербурх. Петроград, 1918. 376 с.

206. Столпянский П. Н. Старый Петербург. Адмиралтейский остров. Сад Трудящихся / Историко-художественный очерк. Москва-Петроград, 1925. 192 с.

207. Струков Д. Б. Столыпин. Москва: Вече. 2012. 544 с.

208. Судиенко М. О. Материалы для отечественной истории. Т. 1–3. Киев, Университетская тип.1855.

209. Тарасов И. Т. Очерки науки полицейского права. Москва: Т-во «Печатня» С. П. Яковлева, 1897. 701 с.

210. Тарле Е. В. Северная война. Москва, 1958. 479 с.

211. Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Избранное сочинение. В IV т. Ростов-на-Дону, 1994. Т. III. 571 с.

212. Тельпуховский Б. С. Северная война. 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. Санкт-Петербург: Военное издательство. 1946. 200 с.

213. Тимченко-Рубан П. Н. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. Санкт-Петербург, 1901. 208 с.

214. Томсинов В. А. Аракчеев. Москва: Молодая гвардия, 2006. 429 с.

215. Томсинов В. А. Сперанский. Москва: Молодая гвардия, 2006. 451 с.

216. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: в 3-х томах. Т. 1. Осьмнадцатое столетие: в 2 кн. Т. 1: А-М / отв. ред. П. Е. Бухаркин. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2003. 639 с.

217. Туманский Ф. В. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяния государя императора Петра Великого. Ч. 1-10. Санкт-Петербург, 1787–1788.

218. Уинворт Ч. Россия в начале XVIII века. Москва ; Ленинград, 1988. 223 с.

219. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. I–IV, VI. Санкт-Петербург, 1859–1863 гг. Т. 6. 640 с.

220. Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976.

221. Феофан (Прокопович) История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочине исключительно. Санкт-Петербург, 1773. 217 с.

222. Хьюз Л. Петр Первый. У истоков Великой Империи. Москва: Омега. 2008. 528 с.

223. Царь Петр I «Западный либерал». Иностранцы о царереформаторе. Москва : Алгоритм. 2017. 432 с. (библиотека В. Мединского).

224. Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. Санкт-Петербург: «Лики России», 2007. 296 с.

225. Черных В. В. Первый генерал-полицмейстер России А. М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 161–171.

226. Чечулин Н. Д. Петр Великий и художник Иоганн Купецкий // Сборнbr статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Петербург, 1922. С. 341–346.

227. Шерих Д. Ю. Город у эшафота. За что и как казнили в Петербурге. Москва: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. 319 с.

228. Шерих Д. Ю. Невский без секретов. Были и небылицы. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2008. 462 с.

229. Шерих Д. Ю. Петербург, 300 лет день за днем. Москва : ЗАО Центрполиграф: ООО «МиМ — Дельта», 2003. 412 с.

230. Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма (структура, функций, реакционная сущность, связь с другими министерствами). Омск, 1974. 111 с.

231. Шишов А. В. Знаменитые иностранцы на русской службе. Москва: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. 619 с.

232. Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Санкт-Петербург, 1912 г. 277 с.

233. Шорникова И. Н., Шорников В. П. Звездные часы императриц. Рязань, 1995.

234. Штелин Я. Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ленинград, 1990. 216 с.

235. Штелин Я. Я. Полное собрание анекдотов о Петре Великом / пер. с немец. Ч. 1. М., 1801. Т. 1, ч. 1–4, I–VIII, V–X. 213 с.

236. Шубинский С. Н. Девиер Антон Мануилович, граф // Русский биографический словарь. Т. VII. Дабелов-Дядьковский. Санкт-Петербург, 1905. С. 370–376.

237. Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина. 1908. Издание пятое. 712 с.

238. Шубинский С. Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448.

239. Экспедиция Беринга. Москва: Главное управление НКВД СССР. 1941. 417 с.

240. Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. Москва: Новое литературное обозрение. 1995. 287 с.

241. Юль Юст. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1700–1711). Извлек и перевел с датск. Ю. Н. Щербачев. Москва, 1899. 599 с.

242. Янжул И. И. Полицейское право. Москва, 1888. 295 с.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Николаенко Петр Дмитриевич,
доктор исторических наук, доцент

АНТОН ДЕВИЕР — ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ-ПОЛИЦМЕЙСТЕР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, ВОСПИТАННИК И СПОДВИЖНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Монография

В монографии сохраняются языковые и стилистические особенности документов рассматриваемого периода

Печатается в авторской редакции

Корректура *Великих А. Н.*
Компьютерная верстка *Мамедова А. Х., Душкова А. Ю.*
Дизайн обложки *Малофеев А. А.*
Художественное оформление *Горбунова С. Н., Малофеев А. А., Мамедова А. Х.*

EDN:URVOIX

Подписано в печать 30.09.2025. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Печать цифровая. Объем 30,75 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 6/25.

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1